

Государственное научное учреждение
«ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ
Национальной академии наук Беларуси»

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ
КУЛЬТУРА БЕЛАРУСИ:
истоки, традиции,
МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Материалы
Первой международной научной конференции
г. Минск, 13–14 ноября 2014 года

Минск
«Право и экономика»
2015

УДК [101.1:316 + 130.2 + 008] (476)

ББК 87.3

И73

Редакционная коллегия:

А. А. Лазаревич, В. Б. Еворовский, С. И. Санько, А. В. Дерман, Н. А. Никонович,
Е. О. Подолинская, Н. А. Степаненко

Рецензенты:

член-корреспондент НАН Беларуси,
доктор философских наук, профессор Л. Ф. Евменов,
доктор философских наук, профессор А. И. Осипов

И73

Интеллектуальная культура Беларуси : истоки, традиции, методология исследования : мат. Первой межд. науч. конф., г. Минск, 13–14 ноября 2014 г. / Ин-т философии НАН Беларуси. – Минск : Право и экономика, 2015. – 542 с.

ISBN 978-985-552-462-6.

Сборник содержит доклады и тезисы докладов, сделанных в рамках Первой международной научной конференции «Интеллектуальная культура Беларуси: истоки, традиции, методология исследования», состоявшейся 13–14 ноября 2014 г. в Институте философии Национальной академии наук Беларуси.

Предназначен для исследователей и преподавателей социально-гуманитарного профиля, специалистов в области истории философии и культуры, социологии, политологии, педагогики и других дисциплин, изучающих аспекты социокультурного развития, а также для руководителей и сотрудников учреждений социальной сферы, представителей общественных организаций, аспирантов, магистрантов, студентов и всех, кто интересуется актуальными проблемами истоков, становления и развития философского знания в глобализирующемся мире.

УДК [101.1:316 + 130.2 + 008] (476)

ББК 87.3

ISBN 978-985-552-462-6

© ГНУ «Институт философии НАН Беларуси», 2015

© Оформление. ИООО «Право и экономика», 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Приветственное слово Председателя Президиума Национальной академии наук Беларуси <i>В. Г. Гусакова</i>	13
Послание Генерального директора ЮНЕСКО <i>Ирины Боковой</i> по случаю Всемирного дня философии 20 ноября 2014 года	15
1 ФЕНОМЕН ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ И ЕГО МЕСТО В ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ СОЦИУМА	16
1.1 Понятие интеллектуальной культуры: теоретико-методологические контексты	16
<i>И. Я. Левяш</i> . Теоретико-методологические подходы к осмыслению феномена интеллектуальной культуры	16
<i>В. В. Позняков</i> . Интеллектуальная культура с позиций фундаментальной культурологии	25
<i>В. К. Лукашевич</i> . Рефлексивно-философская компонента интеллектуальной культуры: современный уровень и ориентиры развития	31
<i>В. Б. Евароўскі</i> . Нацыянальная філасофія ў сістэме інтэлектуальнай культуры Беларусі	34
<i>О. П. Пунченко</i> . Интеллектуальные ресурсы – совокупность творческой деятельности социума.....	37
<i>Н. М. Твердынин</i> . Диалектика процессов дифференциации и интеграции в контексте формирования интеллектуальной культуры техногенного общества.....	40
<i>Е. И. Степанов</i> . Социально-политический аспект состояния и развития в Беларуси интеллектуальной культуры	43
<i>В. П. Старжинский, В. В. Цепкало</i> . Конструктивный подход к формированию интеллектуальной культуры в Республике Беларусь на основе развития отрасли высоких технологий.....	47
<i>Н. В. Алексеева-Любецкая, А. И. Сыкало</i> . Дорожная карта векторного развития интеллектуальной культуры	53
<i>А. И. Сыкало</i> . Деградация интеллектуальной культуры в современном мире ...	55
<i>В. А. Салеев</i> . Дихотомия интеллектуальной интенции	58
1.2 Интеллектуальный потенциал и капитал современного общества: проблема определения	59
<i>А. И. Зеленков</i> . Философия как фундаментальный компонент интеллектуального капитала трансформирующихся обществ.....	59
<i>Ю. В. Дедолко</i> . Феномен интеллектуального капитала и проблемы его функционирования в современной белорусской науке	62
<i>Р. С. Лаво, С. А. Морозов</i> . К классификации видов интеллектуального капитала	64

<i>В. В. Чекмарев.</i> Интеллектуальный капитал как превращенная форма фактора "труд"	66
<i>П. Д. Кушевский.</i> Модернизация интеллектуального капитала как средство устойчивого развития белорусского общества	68
<i>Л. С. Яковлев, В. В. Черникова.</i> Социокультурные контексты развития национального интеллектуального потенциала	71
<i>М. М. Урбан.</i> Проблемы научного потенциала Беларуси	73
1.3 Личностное измерение интеллектуальной культуры: мышление, познание, творчество	75
<i>Т. И. Адуло.</i> Антропологический горизонт философии XXI века	75
<i>Е. А. Алексеева.</i> Рефлексивное построение ценностной структуризации субъекта социально-гуманитарного познания.....	79
<i>У. Л. Аляксандраў.</i> Інтэлектуальная культура і самаідэнтыфікацыя асобы.....	82
<i>В. А. Максимович.</i> Творчество как реализация интеллектуального и духовно-культурного потенциала	85
<i>М. В. Анцыповіч.</i> Творчасць як аснова інтэлектуальнага развіцця.....	88
<i>А. Г. Косиченко.</i> Возможности и пределы интеллектуального творчества	91
<i>И. И. Таркан.</i> О личностных качествах креативной личности.....	94
<i>И. А. Фурса.</i> Профессиональная культура личности как маркер интеллектуального потенциала общества	96
<i>Л. М. Специан.</i> Интеллектуальная культура и профессиональное становление социального работника	99
2 НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ ДОМИНАНТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ.....	102
2.1 Естественнонаучное и социально-гуманитарное познание на современном этапе интеллектуальной истории	102
<i>Л. А. Сосновский, А. А. Лазаревич, С. С. Щербаков.</i> О методологии развития технической науки как органической составляющей интеллектуальной культуры Беларуси	102
<i>Т. М. Тузова.</i> О метатеоретических основаниях философского и социально-гуманитарного познания.....	106
<i>И. А. Янушевич.</i> Проблемы методологии исследования гуманитарных наук ...	109
<i>Э. М. Сороко.</i> Императивы и инварианты культуры	112
<i>В. Ф. Берков.</i> Методологический кризис конца XX – начала XXI вв.....	115
<i>С. В. Воробьёва.</i> Критическое мышление как основа интеллектуальной культуры	118
<i>Д. Г. Доброродний.</i> Философско-методологическая рефлексия как фактор развития интеллектуальной культуры (на примере науки)	121

<i>Ю. П. Серета.</i> Философская рефлексия как "установка на современность"	123
<i>В. А. Адзіночанка.</i> Актуальнасць філасофіі: да пастаноўкі праблемы	126
<i>Н. С. Ильющенко.</i> Философское консультирование как актуальная стратегия современной практической философии: историко-культурные предпосылки	129
<i>Д. В. Ермолович.</i> Интеллект не проблема, а неудовлетворенная потребность... 132	
<i>Ю. О. Азарова.</i> Паралогия как принцип легитимации современного научного знания (Аристотель, Кант, Лиотар)	134
<i>И. И. Терлюкевич, Н. И. Мушинский.</i> Роль логики в современной интеллектуальной культуре	137
<i>В. И. Павлюкевич.</i> Модальная интерпретация семантических типов формул классической пропозициональной логики	140
<i>Н. В. Михайлова.</i> Социальная природа философского обоснования методологической целостности направлений современной математики	145
<i>А. Н. Спасков.</i> Метафизические основания субстанциально-информационной концепции времени	148
<i>Е. В. Перепелица.</i> Дефицит интеллектуальной культуры и его проявления в праве.....	151
2.2 Научно-техническое и инновационное развитие как предмет исследования интеллектуальной культуры	154
<i>Gabriel Năstase, Florina Bran.</i> Innovative models of increasing competition and competitiveness in science	154
<i>И. Н. Браницкая.</i> Инновационный потенциал человеческих сообществ.....	159
<i>Т. А. Капитонова.</i> Роль и место сетевых структур в современном научном исследовании	162
<i>Т. П. Титова.</i> Влияние эмиграции научных кадров на состояние и перспективы развития интеллектуального потенциала Республики Беларусь.....	165
<i>Э. М. Щурок.</i> Молодые ученые и особенности их профессиональной адаптации	167
<i>О. Г. Ворошень.</i> Интеллектуальная миграция молодых ученых и условия ее предотвращения	170
<i>М. И. Веренич.</i> Временный возврат представителей научной диаспоры в структуре международной мобильности интеллектуального потенциала: опыт Румынии и Молдовы.....	172
2.3 Специфика интеллектуальной культуры в информационном социуме	176
<i>Ю. В. Никулина.</i> Интеллектуальный капитал в информационном обществе ...	176
<i>Е. А. Рудко.</i> К вопросу об интеллектуальной культуре в информационном обществе.....	179
<i>Е. А. Жукова.</i> Технологическая культура как составляющая интеллектуальной культуры.....	182

<i>И. В. Чельшева.</i> Культуротворческий подход к проблеме медиакультуры в современном информационном пространстве.....	185
<i>И. И. Дыдышко.</i> Новые информационные технологии как развитие творческой функции интеллекта	189
<i>Ю. Ф. Никитина.</i> Факторы становления информационного общества в Республике Беларусь	191
<i>А. Л. Пушкин.</i> Развитие информационных технологий как предпосылка социально-экономического развития Беларуси.....	194
<i>Florina Bran, Gheorghe Manea, Ildiko Ioan, Carmen Valentina Rădulescu.</i> The shadow effects of ownership rights on process-related information	196
2.4 Система образования как ключевой фактор развития интеллектуальной культуры.....	200
<i>Л. И. Лукьянова.</i> Образование как интеллектуальный ресурс общества и личности	200
<i>В. А. Бобков.</i> Качество гуманитарного образования как барометр культуры общества	203
<i>О. Г. Лукашова.</i> Образовательный потенциал белорусского общества: динамика и тенденции изменений	211
<i>А. Л. Куши.</i> Цель и задачи образовательного процесса в нормативно правовых документах системы образования Республики Беларусь	214
<i>В. Е. Билогур.</i> Духовно-творческая деятельность как фактор развития интеллектуального потенциала украинской молодежи	217
<i>О. Я. Надыбская.</i> Мировоззренческая гуманистическая направленность образовательно-воспитательного проекта XXI века.....	220
<i>Е. И. Сапего.</i> Культура самосознания и самоидентификации преподавателя как фактор преодоления профессиональных деформаций.....	222
<i>С. Я. Ермолич.</i> Социально-педагогическое образование как социально-интеллектуальный капитал общества.....	225
<i>А. В. Кузнецов, В. В. Кузнецов.</i> Роль философии в преодолении кризиса современного педагогического образования	227
<i>Г. В. Макотрова.</i> Методологические подходы к решению проблемы построения дидактической модели развития исследовательского потенциала школьников	230
<i>В. А. Иноземцев, И. В. Иноземцев.</i> Современные исследования одаренности в российской психологии	233
<i>М. Л. Ивлева, А. В. Миракян.</i> Компаративный анализ методологических подходов к анализу проблемы одаренности в современной российской и зарубежной психологии.....	237
<i>А. А. Соловьёв.</i> "Свободные искусства" как способ воспитания современной интеллектуальной культуры	239

<i>М. С. Ковалевич.</i> Развитие культуры интеллектуальной деятельности студентов в процессе изучения основ синергетики.....	242
<i>Н. Н. Красовская.</i> Студенческая олимпиада как эффективная форма саморазвития будущего специалиста по социальной работе	245
<i>О. А. Велько.</i> Формирование математической культуры студентов социально-гуманитарных специальностей в вузе.....	246
<i>В. А. Еровенко.</i> Роль юмора для математического образования в условиях социокультурного взаимодействия практик "образовательного Макдональдса".....	249
3 ИСТОРИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ: НАЦИОНАЛЬНЫЙ И МИРОВОЙ КОНТЕКСТ	252
3.1 Сущность и атрибуты интеллектуальной культуры в ракурсе исторического познания	252
<i>Б. М. Лепешко.</i> В поисках интеллектуальной традиции.....	252
<i>А. А. Легчилин, В. Т. Новиков.</i> Дилемма истины и правды в белорусской и русской интеллектуальной культуре	254
<i>О. А. Матусевич.</i> Коллективная память белорусов – неиспользованный потенциал интеллектуальной культуры	257
<i>А. В. Майсюк.</i> Беларусь как лимитрофная территория: философско-культурологические аспекты.....	260
<i>Н. И. Мушинский.</i> Интеллектуальная культура Беларуси как фактор справедливости: наука и этика "раннего", "нового" и "нового" периодов ..	263
<i>В. В. Цацарин.</i> Типы объяснения истории по Х. Уайту в применении к белорусской историографии.....	266
<i>С. Л. Лугаўцова.</i> Шэраг аспектаў фарміравання беларускай інтэлігенцыі ў XIX ст.	269
<i>И. А. Горбовая.</i> Самоидентификация белорусской интеллигенции XIX – н. XX в. в контексте социальных трансформаций.....	272
<i>Н. В. Старикова.</i> Историческая наука как инструмент формирования новой интеллектуальной культуры Российской империи XVIII в.	274
<i>Е. В. Корень.</i> Специфика исследования истории русской интеллигенции как феномена интеллектуальной культуры	276
<i>О. В. Новикова.</i> Либеральная идея в интеллектуальной культуре Беларуси	280
<i>М. И. Матюшевская.</i> История интеллектуальной культуры в преподавании курса "Методология истории" в университетах Республики Беларусь.....	283
3.2 Интеллектуальная культура как фактор национальной идентификации в глобальном мире	286
<i>О. В. Нечипоренко.</i> Альтернативы национальной идентификации в современном мире	286

<i>Т. П. Короткая.</i> Европейская идентичность в конфессиональном измерении: к истории проблемы	289
<i>А. Ю. Дудчик.</i> Изучение культурного трансфера как междисциплинарная область исследования.....	291
<i>Н. Ф. Гребень.</i> Интеллектуальное наследие белорусов как фактор их национальной идентификации	294
<i>И. Н. Сидоренко.</i> Кризис идентичности и самоорганизация насилия в современном обществе	296
<i>О. И. Давыдик.</i> Моделирование процессов динамики белорусского национального самосознания в современном социально-философском знании.....	299
<i>Н. А. Никонович.</i> Методологические проблемы кросс-культурной когнитивности	301
<i>Р. В. Шиженский, Р. А. Саберов.</i> Свои – чужие в интеллектуальном конструкте современных белорусских язычников "Содружества Родовичей Белой Руси" (опыт анкетного опроса).....	304
3.3 Страницы истории философии и духовных традиций Беларуси	306
<i>С. І. Санько.</i> З гісторыі канцэптаў традыцыйнай касмалогіі: <i>блр.</i> вольны свет: <i>снскр.</i> <i>ugūh lokāh</i> 'шырокі свет'	306
<i>А. С. Баранова.</i> Роль белорусских просветителей в развитии интеллектуальной культуры Беларуси.....	313
<i>Р. Н. Дождикова.</i> Некоторые философские идеи Симеона Полоцкого.....	316
<i>Д. А. Смялякоў.</i> Канвергенцыя разумення паняцця свабоды ў праваслаўным і пратэстанцкім мысленні Беларусі канца XVI – пачатку XVII стагоддзяў.....	317
<i>В. В. Старостенко.</i> Проблема развития интеллектуальной культуры Беларуси XVII в. в отражении "Лабиринта" Фомы Иевлевича	319
<i>А. Л. Церковский.</i> Интеллектуальная культура пуритан Новой Англии и философская мысль Беларуси XVII–XVIII вв. в контексте истории литературного процесса.....	322
<i>Л. Е. Лойко.</i> Роль новоевропейской традиции в формировании белорусской науки.....	325
<i>А. И. Бархатков.</i> Конечный и бесконечный рассудок в философии С. Маймона.....	328
<i>І. М. Бабкоў.</i> Памежжа эпох, складка культур, скрыжаванне цывілізацый: інтэлектуальная культура Беларусі і Літвы першай паловы XIX стагоддзя	330
<i>Н. М. Жогаль.</i> Духоўна-інтэлектуальная спадчына Ігната Абдзіраловіча ў свеце сучасных каштоўнасцей.....	336
<i>Васіль Якавенка.</i> Аб вытоках духоўнасці і гармоніі ў грамадстве. Прысвячэнне Мікалаю Ігнатавічу Крукоўскаму (1923–2013)	338

3.4 Феномен научной школы в развитии интеллектуальной культуры Беларуси и России	340
<i>А. И. Лойко. Институциональная основа белорусской науки в виде исследовательских школ</i>	<i>340</i>
<i>Н. Г. Кембровская, Л. М. Томильчик. М. А. Ельяшевич – школа научного поиска, культуры и жизни</i>	<i>343</i>
<i>Г. Н. Карона. Научно-педагогическая школа академика И. Ф. Харламова: социальные и когнитивные феномены</i>	<i>347</i>
<i>Прот. Александр Шимбалёв. Естествознание и теология в интеллектуальной культуре Беларуси</i>	<i>350</i>
<i>А. А. Онищенко, О. К. Хозянин. Первые астрономические наблюдения и измерения на территории Беларуси</i>	<i>353</i>
<i>А. А. Онищенко. Развитие и преподавание астрономии в школах и коллегиях в XVI–XVII вв.</i>	<i>355</i>
<i>К. В. Игаева, Н. В. Старикова. Русская дворянка XVIII века и формирование новой интеллектуальной культуры высшего общества.....</i>	<i>358</i>
<i>В. Ю. Ивлев, Н. А. Зыкова. Формирование логической традиции в России во второй половине XVII – начале XVIII века</i>	<i>360</i>
<i>Анджей Мариан Цвер. Педагогическая составляющая военно-оборонительной реформы Гуго Коллонтая.....</i>	<i>363</i>
<i>Е. А. Кухарик, А. М. Хомич. Педагогические идеи белорусских просветителей второй половины XIX – начала XX вв.....</i>	<i>366</i>
<i>А. В. Колесников. Таинственное электричество Якова Наркевича-Иодко и машины будущего</i>	<i>368</i>
<i>И. Р. Чикалова. Уроженцы белорусских губерний в неформальном интеллектуальном сообществе российских англоведов</i>	<i>370</i>
<i>Э. Д. Хафизов. Российское послереволюционное научное зарубежье как интеллектуально-культурное наследие</i>	<i>373</i>
3.5 Интеллектуальная культура в зеркале истории мировой философии	376
<i>О. Э. Душин. Петр Абеляр: этос средневекового интеллектуала</i>	<i>376</i>
<i>И. В. Хмара. Максим Исповедник и славянский мир</i>	<i>378</i>
<i>G. T. Mahmudova. Zoroastrism in the context of Biruni’s philosophic doctrine....</i>	<i>380</i>
<i>И. И. Лещинская. Просвещение как эпоха интеллектуальной революции</i>	<i>383</i>
<i>Д. В. Малахов. Ценностный аспект некоторых положений о субъекте у Хайдеггера и Плотина</i>	<i>386</i>
<i>Е. В. Адамейко. Предмет философии в контексте "критического позитивизма" А. Марбурга</i>	<i>390</i>

<i>И. Ф. Габрусь. Феноменология Гуссерля – ключ к интеллектуальной культуре "европейского человечества"</i>	393
<i>Н. Г. Севостьянова. Моральная философия Н. О. Лосского в национальном и глобальном контексте интеллектуальной культуры</i>	396
4 ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЧЕЛОВЕКА И ОБЩЕСТВА В КОНТЕКСТЕ ИССЛЕДОВАНИЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ	399
4.1 Актуальные тенденции социально-экономического развития общества	399
<i>Д. И. Широканов. Глобализационные тенденции в системе социальных трансформаций.....</i>	399
<i>Ion Rusandu. Determinant inovatoare de dinamica socială</i>	401
<i>С. Г. Савина. Социокультурные аспекты трансформационных процессов в Республике Беларусь</i>	401
<i>С. А. Мацкевич, А. А. Каминская. Теоретические и подходы к определению социального капитала.....</i>	404
<i>В. А. Белокрылова. Модернизационные риски как предмет социогуманитарной рефлексии</i>	407
<i>S. Ciutac. Problema alegerii vectorului prioritate a dezvoltării sociale.....</i>	410
<i>А. А. Сацуца. Идеиные источники и характерные черты мир-системного анализа</i>	411
<i>С. А. Мякчило. Социогуманитарные технологии в общественном управлении: от рефлексии ценностных оснований к практике</i>	413
<i>В. Н. Слюсар. "Планшетное сознание" как составляющая рационального насилия в обществе постпаноптикума</i>	417
<i>Victor Moraru. Spectacularizarea politicii ca stratagemă mediatică</i>	419
<i>С. В. Сидоренко. Кризис институтов гражданского общества.....</i>	420
<i>И. Б. Михеева. Общественные советы в интеллектуальном поле Беларуси и Европы: особенности формирования и функционирования.....</i>	423
<i>В. В. Самсонов. Типологизация неформальных институтов в постсоциалистических исследованиях.....</i>	426
<i>М. Р. Зазулина. Интеграция и конфликт как критерии институциональной трансформации социальных систем</i>	430
<i>Victor Juc. The "frozen" conflicts from postsoviet space: general and particular</i>	433
<i>Е. А. Иванова. Политическое бессознательное как теория, институциональная инерция как практика: опыт методологического синтеза.....</i>	439
<i>Florina Bran, Manea George, Carmen Valentina Radulescu, Ildiko Ioan. Optimal financial policy in relation to the interests of national economy</i>	441

<i>Е. А. Анохина.</i> Оценка эффективности использования нематериальных активов с помощью теории нечетких множеств	446
<i>Е. А. Червинский.</i> Политика импортозамещения в Беларуси: методологическая дилемма определения приоритетов.....	449
4.2 Безопасность и качество жизни в русле приоритетов интеллектуальной культуры	451
<i>А. Д. Урсул, Т. А. Урсул.</i> Система "безопасность – развитие" как фактор устойчивого развития	451
<i>В. Г. Воронкова.</i> Условия формирования интеллектуальной цивилизации как цивилизации ноосферного типа.....	455
<i>Т. Н. Миронова.</i> Социальная безопасность: понятие, содержание, методология исследования	458
<i>Н. А. Лазаревич.</i> Качество жизни как социальная ценность	460
<i>А. С. Червинский.</i> Философия и формирование концептуально-категориального аппарата социальной экологии.....	462
<i>Н. Е. Захарова.</i> Интеллектуально-гуманистический потенциал экологического просвещения.....	464
<i>А. В. Воскобович.</i> Социально-экологические детерминанты устойчивого развития Беларуси	468
<i>Л. Ю. Мазаник.</i> Интеллектуальная культура в терминах здорового образа жизни и здравосозидания	469
<i>Н. А. Степаненко.</i> Роль биоэтики в контексте интеллектуальной культуры ...	471
<i>О. Г. Шаврова.</i> Экологическая этика и религиозное мировоззрение.....	474
<i>Т. В. Зайковская.</i> Роль межкультурной коммуникации в разрешении проблем социоприродного взаимодействия	477
4.3 Нравственное содержание интеллектуальной культуры и духовность современного общества.....	479
<i>О. В. Шубаро.</i> Духовная составляющая интеллектуальной культуры.....	479
<i>О. А. Павловская.</i> Понятие нравственности в свете диалектической традиции.....	482
<i>Е. В. Беляева.</i> Моральные аспекты интеллектуальной культуры	488
<i>В. И. Огородник, И. С. Огородник.</i> Интеллект в духовной культуре современного общества.....	490
<i>А. И. Левко.</i> Межкультурный и межрелигиозный диалог как условие формирования интеллектуальной культуры Беларуси	492
<i>А. Л. Айзенштадт.</i> Интеллектуальная культура и духовные ценности восточных славян	497
<i>Н. С. Щёкин.</i> Православие как конституирующая основа стратегического развития Беларуси	500

<i>С. В. Кирнич.</i> Образование как составляющая интеллектуальной культуры: духовно-нравственный аспект	502
<i>Е. В. Беляева.</i> Иронические аспекты нравственного воспитания	504
<i>М. Ф. Пухальская.</i> Концептуальные подходы участия христианских ценностей в воспитании личности учащегося России и Беларуси начала XX века	507
<i>А. В. Щукин.</i> Теоретические и духовно-нравственные основы становления и развития прав и свобод человека в Беларуси	510
4.4 Художественная практика в структуре интеллектуальной культуры	514
<i>Т. В. Габрусь.</i> Идеология сарматизма в истории белорусского зодчества	514
<i>Т. Г. Мдивани.</i> К вопросу о когнитивных процессах в музыке	516
<i>Л. І. Борсук.</i> Даследаванне музычна-эстэтычнай думкі Беларусі ў кантэксце інтэлектуальнай гісторыі	519
<i>Е. А. Цымбалюк.</i> Музыкальная культура личности: методологические подходы и педагогическое воплощение	523
<i>Г. И. Сорока-Скиба.</i> Некоторые аспекты музыкальной медиевистики в контексте интеллектуальной культуры Беларуси	526
<i>Ж. С. Шаладонова.</i> "Кабзар" ў сучаснай інтэлектуальнай інтэрпрэтацыі (да 200-годдзя Т. Шаўчэнкі)	528
<i>Н. Л. Бахановіч.</i> Парадыгмы беларускай "прысутнасці" ў польскім літаратурным полі	531
<i>Л. А. Цибизова.</i> Интеллектуальное творчество в зеркале кинематографа: эволюция жанра	534
<i>Е. А. Ротмирова.</i> Критерии развития интеллектуально-творческой дидактической культуры современного учителя-художника	537
<i>Е. Э. Кривоносова.</i> Устное народное творчество как интеллектуальное и педагогическое наследие Беларуси	539

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО
Председателя Президиума Национальной академии наук
В. Беларуси Г. Гусакова участникам Первой международной научной
конференции «Интеллектуальная культура Беларуси: истоки, традиции,
методология исследования»

Уважаемые участники конференции! Уважаемые гости!

Приветствую Вас от имени Национальной академии наук Беларуси и приглашаю к интересному, плодотворному научному диалогу в рамках первой международной научной конференции, посвященной интеллектуальной культуре Беларуси.

Вот уже более десяти лет научная и гуманитарная общественность мира отмечает ежегодный Всемирный день философии под эгидой ЮНЕСКО. Смысл этой знаменательной даты, которая заняла достойное место и в календаре белорусской науки, заключается в том, чтобы напомнить современникам о богатстве и мудрости традиций национальной и мировой культуры, призвать людей всех континентов, культур, религиозных конфессий к взаимодействию и общению по наиболее актуальным вопросам социального развития.

Всемирный день философии свидетельствует о том, что в поиске решений глобальных и локальных проблем могут и должны участвовать все рационально мыслящие, творчески настроенные, обладающие живым нравственным чувством люди вне зависимости от их образования и рода деятельности. Замысел этого дня говорит нам, что подлинным ответом на вызовы современности может служить только такой, который следует древним и вечно современным идеалам истины, добра и красоты, опирается на глубокие идеи философов прошлых времен и проходит испытание в методологически отточенных дискуссиях интеллектуалов наших дней. И помимо этого он подсказывает, что лучшей средой для взаимопонимания и сотрудничества ученых разных специальностей, общественных деятелей, служителей Церкви, всех граждан является именно пространство философского диалога.

Философское знание сочетает в себе методологию научного познания и средства постижения человеческих эмоций, обобщенные формулировки жизненных правил и стратегии ситуационного поведения, мудрость веры и истину рационального мышления. Не случайно великий Гегель назвал философию «эпохой, схваченной в мысли». В философии, словно в зеркале, отражается вся полнота духовной жизни отдельного народа и всего человечества. В ней предстает то сложное, многогранное явление, которое и обозначается понятием «интеллектуальная культура».

Изучение интеллектуальной культуры не является чисто теоретической задачей. Эта работа необходима для того, чтобы увидеть, каким образом события и явления сегодняшнего дня, проблемы, с которыми сталкивается общество, вступают в резонанс с глубинными основами мировоззрения народа, находящими преломление в его философии, науке, словесности, художественном творчестве. Она важна для лучшего понимания тенденций развития этих сфер и более эффективного управления

ими в рамках научной, образовательной, культурной, религиозно-конфессиональной политики. Реконструкция интеллектуальной культуры способствует укреплению имиджа государства на международной арене, повышению инвестиционной привлекательности его научной и культурной сферы.

В этом отношении очень актуальна стоящая перед сегодняшней конференцией задача – выработать системное понимание природы, особенностей и динамики развития интеллектуальной культуры Беларуси в контексте гуманитарных ценностей всего евразийского пространства, а также осмыслить интеллектуальный капитал нашей страны как основополагающий элемент стратегии международного научно-образовательного и культурного сотрудничества.

Понимая сложность этой задачи и проецируя ее в будущее, хотел бы отметить, что изучение и популяризация интеллектуальной культуры должны стать одним из ключевых направлений деятельности ученых-гуманитариев в Республике Беларусь.

Хотелось бы верить, что старт этой работе будет дан сегодня в этих стенах. Нынешняя конференция призвана способствовать выработке трансдисциплинарных подходов для анализа интеллектуальной культуры Беларуси и других государств, дать толчок к формированию новых исследовательских программ в рамках этого направления современной науки. Ведь интеллектуальная культура – это не просто предмет изучения в общем ряду с другими исследовательскими предметами. В форме культуры мышления ученого, в виде норм научного этикета, которые в современном мире тесно переплетены с общечеловеческими идеалами нравственности, она выступает предпосылкой любого успешного научного проекта. Осознание проблем интеллектуальной культуры и применение ее императивов к собственному труду повышает социальный статус науки и ученого, способствует лучшему пониманию целей научного развития и его значимости.

Мы находимся в преддверии эпохи, которую называют стадией формирования и развития общества знаний, временем торжества интеллекта. После многих лет социальной и духовной нестабильности, которая сопровождалась скептическим отношением к науке и образованию, в нашем обществе вновь пробуждается интерес к восприятию глубоких научных и философских идей, растет понимание значимости инновационных преобразований, вырабатываются продуктивные подходы к сочетанию традиций и новаторства в политике, экономике и культуре.

Сегодня Республика Беларусь вместе с Россией, Арменией и Казахстаном включилась в работу по созданию беспрецедентного по географическим масштабам и культурному охвату интеграционного проекта – Евразийского экономического союза. Успех этого начинания связывается не только с гармонизацией экономических систем, но и с превращением исторической памяти народов, опыта мирного сосуществования и взаимосвязи культур, традиций религиозной и этнической толерантности, богатства национальных исследовательских и художественных школ в совокупный идейно-символический капитал – нашу общую интеллектуальную культуру наднационального уровня. Поэтому нельзя не отметить с удовлетворением, что на приглашение принять участие в конференции откликнулись не только белорусские ученые, но и представители всех стран Евразийского экономического союза, а также наши коллеги из Восточной и Центральной Европы. Это позволит выработать такие теоретические модели интеллектуальной культуры, которые будут

основываться на том, что объединяет всех нас – и в историческом, и в общечеловеческом смысле.

Желаю всем участникам конференции плодотворной работы, интересных встреч и самых лучших впечатлений от пребывания в Национальной академии наук Беларуси.

ПОСЛАНИЕ
Генерального директора ЮНЕСКО
по случаю Всемирного дня философии
20 ноября 2014 года

Всемирный день философии дает возможность вновь подтвердить важность критического мышления для осмысления преобразований, которые происходят в современных обществах. Изменения заставляют нас изобретать новые способы жизни в коллективе и создавать более справедливые общества. Они также могут подорвать доверие, вызвать новую напряженность. В этих условиях философия выступает в качестве ценного союзника, основываясь на рефлексивном размышлении и практике диалога, благодаря которому мы способны воспринимать разнообразие мнений и подходов. В многообразном мире такой выход за пределы собственного видения приобретает особое значение. Он лежит в основе толерантности и мира и одновременно представляет собой способ высвобождения творческой энергии, которая ведет общества вперед, соблюдая права человека.

«Если общаясь, выражая свое видение мира, люди преобразуют его, тогда диалог становится тем методом, благодаря которому человек находит свое значение как личность». Это слова профессора Пауло Фрейре из нового «Сборника по философии: перспектива Юг – Юг», который ЮНЕСКО при поддержке международной программы за культуру мира и диалог короля Саудовской Аравии Абдаллы ибн Абдель Азиза официально выпускает по случаю этого всемирного дня. Без диалога подлинная философия невозможна, а в глобальном мире этот диалог должен включать все разнообразие мудрости, которая питала народы в ходе их истории и которая не всегда в достаточной степени представлена или задокументирована в классических учебниках по философии. Именно такой подлинный интеллектуальный и философский плюрализм позволит нам наметить пути к лучшему будущему. Знакомя учащихся, преподавателей и граждан с богатым разнообразием этих традиций, мы можем заложить основы глобальной гражданственности. Я хотела бы, чтобы этот сборник стал источником вдохновения для молодых поколений учащихся и преподавателей, и призываю все государства-члены и наших партнеров поддержать эту и прочие инициативы, которые посредством философии помогают нам осмыслять жизнь совместно с другими людьми.

Эти идеи лежат в основе Международного десятилетия сближения культур (2013–2022 гг.), и именно этот философский подход ЮНЕСКО стремится и далее поощрять для достижения заложенной в ее Уставе цели «укоренения идеи защиты мира в сознании людей».

Ирина Бокова

1 ФЕНОМЕН ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ И ЕГО МЕСТО В ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ СОЦИУМА

1.1 Понятие интеллектуальной культуры: теоретико-методологические контексты

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОСМЫСЛЕНИЮ ФЕНОМЕНА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

И. Я. Левяш

«Самопознание народов состоит существенно в том, чтобы созерцать себя в других народах. Для этого они должны доказать, что являют собой самостоятельные народы»

Г. В. Ф. Гегель [1, с. 480]

Проблема идентичности белорусского интеллекта

Необходимой методологической предпосылкой и одновременно искомой сверхзадачей рефлексии интеллекта любого конкретно-исторического субъекта деятельности является различение его интеллектуального капитала и интеллектуального потенциала. Эти понятия нередко и нестрого отождествляются. Однако между этими ними – «дистанция огромного размера». *Интеллектуальный капитал* – это совокупность реально достигнутых субъектами (государствами, их альянсами, гражданскими и профессиональными структурами, индивидами) совокупных результатов развития духовных оснований социокультурной деятельности. А *интеллектуальный потенциал* – это *резервы*, которые необходимо выявить с целью оптимизации содержания, структуры и динамики развития интеллектуального капитала названных субъектов.

Не менее существенна методологическая потребность в дифференциации *хронотопа* (географического, геополитического / геоэкономического и культурно-цивилизационного) измерения в анализе интеллектуального капитала и потенциала конкретно-исторических субъектов. Так, в очевидной оптике первого из этих измерений Беларусь находится в центре Европы. Но географически Европа – это западная часть Евразии, а ее общепризнанным *хартлендом* является Россия – со всеми вытекающими отсюда последствиями. Второе – геополитическое / геоэкономическое – измерение производно от первого, но не сводится к нему, и проблема в том, какую игру мы избираем или нам навязывают. Отсюда третье измерение проблемы – потребность не только в геополитическом / геоэкономическом, но и в ее культурно-цивилизационном

измерении (см.: [2, гл. 3; 3, кн. 1, с. 65–70]). Его парадигму можно выразить словами: «Культура стала сейчас повсеместно употребляемым синонимом идентичности» [4, с. XXXIV]. По словам Г. Померанца: «Одной физической географией всего этого не объяснить. Среда – зов, а культура – ответ». Все акторы взаимодействия культуры и цивилизации погружены в структурно-динамический *процесс* эволюции и трансформации своих интересов и ценностей. Ф. Фукуяма, возражая против фундаменталистской максимы инвариантных интересов, убедительно пишет об их динамическом характере [5].

В этом процессе становится и развивается *уникальность* субъектов культурно-цивилизационной деятельности. «Каждому государству, как и человеку, – писал А. Тойнби, – присущ свой индивидуальный характер» (цит. по: [6, с. 21]). Такова одновременно их природа и императив по мере созревания. «Только бы мы осамились, стали самими собой» – это непреходящая идея русского Екклесиаста [7, т. 11, с. 137].

Ключевая проблема, возникающая в этой связи, метафорически выражена в вопрошании: «Кто же здесь, собственно, задает нам вопросы... Кто здесь Эдип? Кто Сфинкс?» [8, т. 2, с. 154]. По сути, это двуединый вопрос. Он предстает в двух основных версиях. Первая из них – релятивистская – сводится к тому, что страна видит себя глазами внешнего, но *конституирующего* Другого, и нередко принимает импортные имиджи за собственную суть. Однако Другой способен играть роли генерирующего или дегенерирующего фактора, но по мере вызревания субъекта – все менее конституирующего.

Объяснение подобных феноменов в том, что самоидентификация, или *субстанциональное* самоопределение субъекта, первична относительно его идентификации. Этот процесс также не в «белых одеждах», не свободен от заблуждений. Но его смысловое средостение – в позиционировании не относительно внешнего Другого, а внутреннего Своего, рефлексии зрелого субъекта «наедине с собой». В таком ключе Сфинкс – это Эдип, озадаченный вопросом о собственной *сущности*.

Рассмотренная диалектика ориентирует на постижение не только сущего (состояния интеллектуального капитала Беларуси), но и его *должного*, императивного с точки зрения фундаментальных интересов и ценностей общества, государства, личности. Такой подход предполагает концептуальное осмысление проблемы с позиций триединого вопроса: «Откуда мы? Кто мы? Куда (и с кем) мы?». Это проблема *субъектности Беларуси, ее идентичности в европейском и евразийском контекстах*. В этой оптике актуализируется соотношение реальных и фантомов смысловых терминов *Европа* и *Евразия*. Учитывая необходимость сосредоточиться на белорусском контексте проблемы, отошлем к публикациям (см. работы И.Я. Левяша в списке литературы) и ограничимся методом «эскиза к портрету».

Вопреки устойчивому мифу, Европа далеко не всегда обладала такой притягательной силой. Еще в конце XIX в. классик писал «о древней Азии и ее выдвинутом *небольшом полуострове, Европе*, которая во что бы то ни стало хочет казаться перед Азией «прогрессом человека» [8, т. 2, с. 197].

Принципиально важно понять, говоря словами экс-президента ФРГ Р. Херцога,

что «Европа – нечто большее, чем Европейский Союз. К ней непременно относится и Россия со своей историей и культурой» [9]. Не менее значимо для нашей проблемы и обещающее стать хрестоматийным суждение экс-президента Польши А. Квасьневского: «Беларусь – не сосед Европы, а европейский сосед». Уже в силу совпадения видения Беларуси такими независимыми экспертами нет смысла отождествлять ЕС с действительно единой Европой: такой целостности еще нет, а иные ее составные находятся в досистемном состоянии. Тем более опыт ЕС – *не* партитура, которую остается исполнить народам Европы, и он не избавляет от необходимости творческого решения проблемы *ориентаций* других европейских регионов.

Выбор этих ориентаций естественно инициирует проблему *идентичности* народов и государств, которые исторически вначале были государствами или составными среднеевропейских политических альянсов, позднее – непосредственно связаны с Россией, веками были с ней в одном культурно-цивилизационном ареале, а ныне строят Союзное государство и в перспективе – Евразийский союз. Перед таким сложнейшим вызовом определение «самости» Беларуси – во многом открытая проблема.

«Мы выбираем не Восток и Запад или же Восток или Запад – МЫ ВЫБИРАЕМ БЕЛАРУСЬ, которая в силу экономики, в силу истории, в силу географии, в силу культуры и менталитета будет и на Востоке, и на Западе» [10] – такова концептуально и политически зрелая формула *субъектности* современной Беларуси. Она предполагает опору на верифицируемые в историческом опыте основания.

В 1994 г. на международном форуме в Минске подчеркивалось, что Беларусь существует не в «ближнем зарубежье», а у себя Дома» (см.: [11; 12]). Хронотоп белорусского Дома неуклонно *конкретизируется* в контексте «открытия» Центральной Европы, как относительно самостоятельного суперрегиона.

Введение термина «Центральная Европа» (ЦЕ) в постдисциплинарный европейский дискурс требует пересмотра как его чисто географической версии, так и геополитической неопределенности термина «Центральная и Восточная Европа» (ЦВЕ). Степень соответствия Беларуси основным параметрам именно *центральноевропейского* (среднеевропейского) суперрегиона, населяющих его среднеевропейских народов такова: а) «цветущая сложность» (К. Леонтьев) или максимум многообразия при минимуме жизненного пространства; б) историческая общность христианской культуры народов Средней Европы и вместе с тем водораздел ее основных ветвей; в) острый дефицит материально-энергетических ресурсов и тем не менее – наличие главного производительного ресурса – квалифицированного работника; г) наследие объектов и хронических аутсайдеров великих держав; д) основной театр военных действий прошедших и потенциальных мировых войн.

В такой системной оптике Беларусь предстает как значимая глава единой древнерусской и не вполне известной центральноевропейской истории, которая, как подчеркивал А. Тойнби, формировалась *более* тысячелетия, еще до хрестоматийной колыбели – Киевской Руси.

К. Калиновский отмечал, что «история выработала для белорусов особую

национальность, и они владеют всеми условиями для самостоятельного развития». Однако белорусская идентичность остается открытой проблемой. Некоторые сторонники формирования и *односторонне* евразийского, т. е. *вне*европейского развития Беларуси предлагают «программу импортозамещения идей», в которой, оказывается, между Великим княжеством Литовским, Речью Посполитой и Беларусью нет никакой связи, а Радзивиллы, Сапеги и Огинские не имеют ничего общего с белорусами. В свою очередь, академик-секретарь Отделения гуманитарных наук и искусств НАН Беларуси А. Коваленя заметил: «Мы уже однажды смотрели на историю через призму коммунистической идеологии». Он не согласился с тем, что белорусы должны вычеркивать те или иные исторические периоды или значимые имена. По его словам, белорусы должны гордиться всеми, кто жил на территории страны и вошел в ее историю [13].

В какой же культурно-цивилизационной нише сформировались белорусы как «особая национальность»? Этот вопрос решают все субъекты в процессе своего культурно-исторического самоопределения и, к примеру, в Великобритании до сих пор не определились со своей атлантической или европейской природой. В свое время Гёте писал: «Deutschland? Aber wo liegt es? Ich weiss das Land nicht zu finden» («Германия? Но где она? Я не могу найти этой страны»). В этой связи немецкий исследователь А. Зам отмечал, что ситуация в Беларуси начала 90-х гг. имела свои аналоги в немецком развитии, которое получило название *Sonderweg* – *особый путь*. Белорусский *Sonderweg*, при всей его уникальности, – однопорядковый с поиском народов, которые искали свою центральноевропейскую идентичность вопреки многовековой и мощной гравитации «Запада» и «Востока». Концептуальное осмысление этой одиссеи требует адекватных смысловых терминов.

Интеллектуальное наследие «золотого века»

В истории были времена, когда малые субъекты определяли состояние и перспективы европейского культурно-цивилизационного пространства (например, *эпоха* итальянского Возрождения). В условиях глобального мира возникла и стала нормативной логика «больших пространств», в которой малые субъекты воспринимаются как вторичные, в тени «больших», системообразующих субъектов. Такой скептицизм характерен и для некоторых оценок белорусской культуры. Так, утверждается, что «в сравнении с эталонными (выстроенными и многократно отрефлектированными) философскими традициями стран-соседей (польско-европейский и российский тренды) белорусская философская культура является в большей степени *усваивающей*, чем *изобретающей*...» [14, с. 116].

Некоторые основания для такой оценки действительно есть. Объективной тенденции *восходящей культуротворческой субъектности* белорусов в судьбах центральноевропейских народов все более противостояла *нисходящая цивилизационная* тенденция – мутации Беларуси в объект экспансии Запада и Востока, ристалище их противостояния. Культурное ядро народа постепенно сжималось, с трудом выживая перед лицом полонизации и русификации. И все же ни «панский», ни российско-имперский, ни советский периоды не смогли довершить денационализацию белорусской культуры.

XVI век – «золотой век» белорусского Возрождения, символический ключ белорусской национальной идеи. В этот период в Беларуси произошло кардинальное

культурное обновление, которое обрело общеевропейскую ценность. Статут Великого княжества Литовского 1588 г. – яркое свидетельство зрелой белорусской субъектности. Известный польский политик Г. Коллонтай писал о Статуте как «о той книге, которую нельзя вспомнить без великого восхищения... Статут дает уважение человеческому уму... его можно считать самой совершенной книгой законов во всей Европе» (цит. по: [15]).

В это время было создано отечественное книгопечатание, основаны университеты и академии (в 1531 г. – «греко-латинская» Академия в Смоленске, в 1569 г. – Виленская иезуитская академия). Культурный мир обогатился творениями Ф. Скорины, М. Гусовского, М. Литвина, С. Будного, Л. и С. Зизаниев, В. Тяпинского, А. Волана, А. Римши. По инициативе ЮНЕСКО была подготовлена и издана в Париже в 1979 г. книга «Франциск Скорина», и *Скоринаина* – международные исследования этого замечательного мыслителя и подвижника – непреходяще актуальна.

Выдающиеся сыны Беларуси творили не благодаря, а вопреки обстоятельствам – в лоне официальной польской культуры, но не забывали отчих корней. Типичный синдром ментальной белорусскости переживал Адам Мицкевич родом из Новогрудчины. Он сильно тосковал по родине и в поэме «Пан Тадеуш» («Pan Tadeusz») писал: «Litwo, Ojczyzna moja! ty jesteś jak zdrowie; / Ile cię trzeba cenić, ten tylko się dowie, / Kto cię stracił. Dziś piękność twą w całej ozdobie / Widzę i opisuję, bo tęsknię po tobie». По словам польского публициста С. Братковского, у Польши есть «кое-какие обязательства перед Беларусью, Украиной, Литвой и Латвией». Об этих долгах напоминает уже то, что «треть нашей интеллигенции носит фамилии, по которым легко установить, из каких земель она происходит». Такую блистательную польско-литовско-белорусскую когорту, творящую общеевропейские ценности «поверх барьеров» узкого этнонационализма, Ф. Ницше называл «французами среди славян».

Книгопечатание в Московской Руси основали белорусы Петр Мстиславец и Иван Федорович (Федоров). Гильяш Копиевич усовершенствовал алфавит кириллицы (отсюда – «копиевка», утвержденная Петром как гражданская грамота). Положения белорусского Статута 1588 г. вошли в российское Соборное уложение. Симеон Полоцкий – просветитель, поэт, драматург, автор первого устава Московской академии – был духовным наставником Петра I.

Приобщение Беларуси к России, вопреки русификации, привело и к фундаментальным положительным результатам. Оно положило конец феодальной анархии, способствовало росту производительных сил, принесло некоторую политическую стабилизацию. Ставшее родным для большинства белорусов русское Слово открыло общеевропейский культурный горизонт. Достаточно назвать такого гиганта европейского и мирового значения, как этнический белорус Ф. Достоевский.

Народ, испокон веков населяющий Беларусь, был и остается самостоятельным или составным *субъектом* европейской культурно-политической истории и современности (см.: [16]).

Реальная субъектность белорусов изначально, особенно в эпоху Средневековья, имела *не эконом-центристский*, а *религиозно-политический* характер. Фундаментальные процессы структурирования и эволюции культурно-

цивилизационных комплексов, их взаимовлияния проходили под этим знаменателем. Иное дело – мощное и разновекторное воздействие этих обстоятельств. Беларусь изначально испытывала это встречное воздействие и, тем не менее, оставалась собою благодаря прочной «прописке» в центральноевропейской Киевской Руси. «Древнерусская эпоха была временем наибольшей "европейскости"» [17, с. 178].

Эта доминанта выявилась в полную меру, когда на смену раннефеодальной государственности пришло Великое княжество Литовское (ВКЛ). По М. Любавскому, ВКЛ – «это исконная Русь, существовавшая на старом корню, медленно эволюционирующая, но не срывающаяся со своих жизненных устоев, ...на этом фундаменте создавалась и вся дальнейшая стройка...», формировался жизненный уклад, «имеющий много сходного с западно-европейским феодализмом» [18, с. 1, 75–76, 80]. «В итоге среди динамичных общественных слоев... происходит переориентация на западные нормы и ценности», что означало «включение их в круг *центральноевропейской* цивилизационной модели». «Вестернизацию» средневековых белорусских земель нельзя преувеличивать...Но и отвергать *историческую особость* белорусов, как это повелось со времен появления т.н. «западнорусизма» в русской и советской историографии, также неверно» [17, с. 181, 182].

Прежде всего в этом цивилизационном сдвиге, а не только в геополитических вызовах тевтонов и татар, следует видеть основную причину того, что в 1569 г. ВКЛ на основе Люблинской унии объединяется с Польским королевством в федерацию Речь Посполитая (РП). Однако кардинальный сдвиг к европейскому Западу, ставший «красной тряпкой» для геополитически поднимающейся Москвы, привел к *смене траектории* дальнейшей эволюции Беларуси. В результате впервые в истории произошла масштабная миграция белорусского Одиссея из *Центральной* Европы в *Восточную*. В итоге войны между Московским государством и Речью Посполитой в 1654–1667 гг. и ее последующих разделов в 1772, 1793 и 1795 гг. большая часть белорусской территории была включена в состав Российской империи – по определению «Востока», с точки зрения ортодоксов «Запада». С 1840 г. Беларусь стала, по терминологии П. Столыпина, ее «Северо-Западным краем», т.е. просто *территорией* без собственного этнонима, или феноменом чисто географическим и производным от империи.

Вместе с тем, констатируя эти противоречивые сдвиги, было бы упрощением сводить их к смене, по-своему значимой, геополитической парадигмы. Начиная с общей центральнославянской колыбели – Киевской Руси, Беларусь находилась с Россией в *различных* ситуациях политического противостояния, но *всегда* – культурно-цивилизационного притяжения. Несомненно, ключевую и смыслообразующую роль в этой длительной и прочной традиции сыграла общая с Россией стойкая православная вера белорусского крестьянина.

Связь между конфессиональными и социальными проблемами была настолько фундаментальной, что обусловила непрерывные культурно-демографические коммуникации Беларуси и России. Огромное влияние на них оказали встречные миграции: с одной стороны, массовые переселения русских, в особенности бегущих от закрепощения и преследуемых за веру («староверов») в Белую Русь, а затем – в Северо-Западный край, с другой – бегущих в Московию от полонизации, главным

образом – фактически принудительного обращения в католическую веру или ее униатскую модификацию. В XVI–XVII вв. белорусы (в основном – ремесленники) интенсивно заселяют Москву и составляют до 20% ее жителей.

Отмеченные процессы провоцируют к выражению их хронотопа в терминах *пограничья, моста, ворот, контактной зоны*. На наш взгляд, суть проблемы может быть адекватно выражена смыслотермином «фронтир». Этимологически фронтир восходит к англ. *frontier* – «граница», а исторически – к концепции фронта как «пограничья» между цивилизацией и «варварским» миром. Эволюция содержания этого термина позволяет ввести его в научный дискурс как одну из смыслообразующих геософских идей. В отличие от границы и во многом – в противоположность ей, *фронтир* – это взаимопроникновение и противоречивое сочетание различных практик, во взаимодействии которых, в конечном счете, все более отчетливо кристаллизуется определенный культурно-цивилизационный вектор – в определенном конкретно-историческом хронотопе. Для Беларуси он не «западный» и не «восточный», а автохтонный – *центральноевропейский*.

Современность белорусского интеллекта в контексте национальной и коллективной безопасности

Реальная субъектность современной Республики Беларусь напрямую зависит от ее способности, опираясь на достойное наследие, быть вовлеченной в процесс модернизации. Конкретизация проблемы требует ее переосмысления в контексте сущностно понятой *Современности*. Это понятие с большой буквы не случайно, хотя в экспертной среде (не говоря уже о политиках) осталась незамеченной модель современного модернизационного процесса, предложенная профессором Упсальского университета, директором Шведского колледжума высших исследований в области общественных наук Б. Виттроком. Он пишет о существенных различиях между *темпорально* и *сущностно* понятой Современностью: «Требуется ввести те или иные сущностные параметры... какие обычаи и институты современны, а какие – нет. Общество современно только при условии, что ряд ключевых для него институтов и типов поведения правомерно называть современными». По Виттроку, современность не сводится к «совокупности технологических и организационных нововведений», порожденных и инициируемых индустриализацией. Это также новые институты, способные «стимулировать непрерывный процесс инноваций»: регулируемый рынок, коэволюция демократического государства и гражданского общества, но прежде всего это «культурные слагаемые современности, а именно этой частью своего собственного наследия социальная наука склонна пренебрегать». Современность, отмечает эксперт, «не есть единая цивилизация», а совокупность взаимосвязанного множества процессов модернизации, находящихся на различных уровнях своей зрелости и тем не менее определяющих «общее для всего мира состояние» [19].

Соответствие Беларуси отмеченным критериям требует верификации, и в принципиальном плане это возможно путем контент-анализа (под углом зрения нашей темы) новой редакции Концепции национальной безопасности Беларуси (далее – Концепция), утвержденной Указом Президента Указом № 575 от 9 ноября 2010 г. (см.: [20]). «Для устойчивого развития нашего государства это один из наиболее значимых документов, – отметил А.Г. Лукашенко на заседании Совета

Безопасности Республики Беларусь 19 октября 2010 года.

Содержание Концепции содержит не только базовые положения о субъектах и объектах национальной безопасности в этом духе, но и ряд положений, которые непосредственно ориентируют на постижение смыслового ядра нашей проблемы: «Человеческий потенциал стал важнейшим фактором социально-экономического развития».

В Концепции, адекватно вызовам и угрозам современности для Республики Беларусь, отмечается, что наряду с технико-экономическими факторами роста производительности общественного труда, возрастающую роль играет «повышение эффективности секторов, обеспечивающих воспроизводство человеческого капитала (образование, наука, здравоохранение, культура)», и среди основных *индикаторов* этого процесса подчеркиваются такие показатели, как: индекс развития человеческого потенциала; затраты на научные исследования и разработки; уровень обеспеченности ресурсами здравоохранения, образования; уровень развития информационных технологий и телекоммуникаций;

В этой связи обращается внимание прежде всего на *информационную сферу*. «Информационные технологии нашли широкое применение в управлении важнейшими объектами жизнеобеспечения. Основными национальными интересами в научно-технологической сфере являются: формирование экономики, основанной на знаниях, обеспечение развития науки и технологий как базы устойчивого инновационного развития Республики Беларусь... расширение присутствия Беларуси на мировом рынке интеллектуальных продуктов, наукоемких товаров и услуг». В социальной сфере основными национальными интересами являются... развитие интеллектуального и духовно-нравственного потенциала общества, сохранение и преумножение его культурного наследия, укрепление духа патриотизма... Научные, научно-технические и инновационные разработки переориентируются на конкретные потребности экономической, социальной и иных сфер, растет их результативность».

Вместе с тем в Концепции, наряду с констатацией, что «Беларусь достигла высокого уровня развития человеческого потенциала... Забота о здоровье населения, внедрение здорового образа жизни, доступность и качество образования, сохранение культурного наследия характеризуют высокую социальную ответственность государства», акцентируется внимание и на требующих решения фундаментальных проблемах. Происходит *«снижение научно-технологического и образовательного потенциала до уровня, не способного обеспечить инновационное развитие...»* (курсив мой. – *И. Л.*) Остаются низкими наукоемкость ВВП и доля инновационной продукции в общем объеме промышленного производства. Эффективная национальная инновационная система в целом не создана». Отмечается «зависимость Республики Беларусь от импорта информационных технологий, средств информатизации и защиты информации».

В Концепции подчеркиваются также проблематичный характер состояния духовных, в том числе – нравственных параметров человеческого капитала. Оно выражается в том, что его интеллектуальная составная не во всем соответствует нравственной зрелости части общества, которому присущи «...утрата традиционных нравственных ценностей и ориентиров, попытки разрушения национальных духовно-нравственных традиций и необъективного пересмотра истории,

затрагивающие данные ценности и традиции». Во многом это происходит в силу «...широкого распространения в мировом информационном пространстве образцов массовой культуры, противоречащих общечеловеческим и национальным духовно-нравственным ценностям».

В конечном счете, всесторонне взвесив соотношение позитивных и негативных моментов состояния интеллектуального капитала республики, авторы Концепции приходят к выводу о том, что «...недостаточными остаются качество и популярность белорусского национального контента». Накопленный Беларусью интеллектуальный капитал еще «не в полную меру соответствует ее потенциалу и роли в мире (курсив мой. – И. Л.)».

В положениях Концепции системно представлены как накопленный Беларусью интеллектуальный капитал, так и требующий практической реализации ее интеллектуальный потенциал. Минимизация дистанции между ними – такова сверхзадача современной Беларуси. Она является одним из значимых «игроков» в новой системе взаимосвязей в той мере, которая обусловлена не столько их масштабами и геоэкономическим весом, сколько способностью к творческой адаптации и пассионарностью. «Признаки такой модели, – отмечает российский эксперт, – можно заметить в... практике государств, которые борются за сохранение собственного "Я" в мировой системе, ощущают себя достойными своего будущего. Среди развитых стран – это Канада, Норвегия, Япония. Среди развивающихся – Россия, Белоруссия, Китай» [21, с. 197].

Такая оценка – в русле размышлений одного из ведущих западных экспертов Ханны Параг: «В отличие от прошлых эпох, в наше время военная мощь не имеет решающего значения... Сегодня в расчет надо принимать другие, более весомые факторы, а именно экономическую эффективность, долю в мировом рынке, технологические инновации, запасы природных богатств, численность населения, а также нематериальные факторы... волю нации и дипломатическую искушенность» [6, с. 10].

Многие из этих факторов характеризуют Республику Беларусь. «Собирание» постсоветского пространства фактически началось с Союзного государства России и Беларуси, и наша страна – одна из трех, которые интенсивно строят ЕЭП и Евразийский союз. Не случайно ведущая оппозиционная газета «Белорусы и рынок» в своем юбилейном (тысячном) номере констатировала, что «белорусский профессор Левяш писал в журнале «Беларуская думка», что и малая страна может быть великой, если она играет значимую роль в истории» [22, с. 15].

Это вовсе не гипербола. К. Кастанеда отмечает, что «стратегия – удел сильных игроков, мир слабых обходится без стратегии» [23, с. 12]. Видимо, речь должна идти не о фатальном «уделе» (судьбе), а о концептуально зрелом, осознанном выборе и реализации адекватной реальности стратегии национальной безопасности Республики Беларусь в современном сложном и динамичном мире, стратегии, которая ориентирует на мобилизацию главного стратегического резерва республики – человеческого капитала и его интеллектуального потенциала.

Литература и источники

1. Гегель, Г. В. Ф. Философия права / Г. В. Ф. Гегель. – М.: Мысль, 1990. – 524 с.

2. Левяш, И. Я. Культурология. Учебное пособие для вузов / И. Я. Левяш. – Изд. 5. – М.: Айрис пресс, 2004. – 574 с.
3. Левяш, И. Глобальный мир и геополитика: культурно-цивилизационное измерение. В 2 кн. / И. Левяш. – Минск: Беларуская навука, 2012. – Кн. 1. – 484 с., кн. 2 – 408 с.
4. Бенхабиб, С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру / С. Бенхабиб. – М.: Логос, 2003. – 350 с.
5. Фукуяма, Ф. Войны будущего / Ф. Фукуяма // Независимая газета. – 1995. – 11 февр.
6. Параг, Х. Второй мир / Х. Параг. – М.: Изд. «Европа», 2010. – 616 с.
7. Достоевский, Ф. М. Полн. собр. соч. В 30 тт. – Л.: Наука, 1974. – Т. 11. – 413 с.
8. Ницше, Ф. Сочинения. В 2 кн. / Ф. Ницше. – М.: Сирин, 1990. – Кн. 1 – 445 с., Кн. 2 – 415 с.
9. Независимая газета. 20.05.1999.
10. Лукашенко, А. Г. Внешняя политика Республики Беларусь в новом мире: доклад на совещании с руковод. заграничных учреждений / А. Г. Лукашенко // СБ. – 2004. – 23 июля.
11. Восточная Европа: политический и социокультурный выбор / И. Я. Левяш (ред.). – Минск: Дом печати. – 1994. – 158 с.
12. Левяш, И. Я. Средняя Европа: структура и геополитический выбор / И. Я. Левяш // Полис. – 1995. – № 1.
13. БелаПАН. – 15.03. 2012.
14. Философия, политика, культура. – М.: Прогрес-Традиция, 2011. – 295 с.
15. Кожедуб, А. «Власть и вольность в руках своих имеем» / А. Кожедуб // Литературная газета. – 29.10–4.11.2008.
16. Левяш, И. Я. Субъектность Республики Беларусь как нации-государства / И. Я. Левяш // Studia społeczno-polityczne. – Rzeszów, 2007. – 1995. – №1.
17. Риер, Я. Цивилизации средневековой Европы / Я. Риер // Вестник Европы. – 2006. – Т. XIX–XX. – С. 165–187.
18. Любавский, М. К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно / М. К. Любавский. – М., 1915.
19. Виттрок, Б. Современность: одна, ни одной или множество? / Б. Виттрок // Полис. – 2002. – №1. – С. 141–159.
20. Концепция национальной безопасности Беларуси (утверждена Указом Президента Указом № 575 от 9 ноября 2010 г.).
21. Пономарева, Е. Инновация как научная и политическая проблема / Е. Пономарева, А. Никифорова // Свободная мысль. – 2011. – №1. – С. 29–44.
22. Белорусы и рынок. – 24.04.2012.
23. Кастанеда, К. Путешествие в Икстлан / К. Кастанеда. – Киев, 2008.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА С ПОЗИЦИЙ ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ КУЛЬТУРОЛОГИИ

В. В. Позняков

Интеллектуальная культура может быть осмыслена с различных методологических позиций. Это обстоятельство предварительного характера указывает скорее гипотетически, нежели аподиктически на существенную особенность объекта анализа: его трансдисциплинарность. Однако исследовательская ситуация осложняется тем, что новизна, даже оригинальность темы настоящей

конференции до сих пор не рассматривалась на междисциплинарном уровне. Интеллектуальная культура осмысливается преимущественно в рамках теории и методологии творческой деятельности, психологии и педагогики, преимущественно на инструментально-методическом уровне. При этом неизбежно предполагается, что существует некий задел фундаментального характера, который позволит успешно решить более сложные задачи прикладного характера. В действительности это не так. Своеобразным свидетельством сомнения является богатая проблематика конференции, которая по-своему убеждает в том, что мы находимся в начале сложного и увлекательного пути постижения интеллектуальной культуры как важнейшего и актуального ресурса развития страны.

Из какого подхода мы исходим в постижении сущности интеллектуальной культуры? Рассуждать будем следующим образом. Данное сочетание содержит родовое понятие «культура». Оно также не поддается окончательному определению. Тем не менее примем во внимание замечание Гегеля, что природа и культура суть два основных первоначала отношения человека к миру. Такое сопряжение получает выражение в тесной взаимообусловленности природного и культурного в человеке. Несмотря на множество попыток дать дефинитивное или дискурсивное определение понятию «культура», в целом, среди авторов имеется согласие о том, что культура представляет собой универсальную форму бытия человека (общности) в богатстве его отношений к природе и к самому себе. В более конкретном понимании культуру определяют как совокупность программ и как способ существования человека, образ его жизни и т. д. Нетрудно видеть, что это производные интерпретации культуры. Попытки приблизить ее понимание к человеку вполне объяснимо. Сущность культуры состоит в самосохранении рода. Следовательно, и ее конкретные виды по-своему, в пределах своих «компетенций» отвечают этому назначению. Обратим здесь внимание на подтекст и значение образа, которое просвечивает как в этом понятии, так и в реалиях, им выражаемых. В таком контексте глубоким содержанием наполнены слова Д. С. Лихачёва о том, что культура есть «цель, а не средство, «однако...такая цель, которая сама является и средством и достижением своих вершин; культура есть оправдание человека [1, с. 335, 336].

Возникает вопрос: по каким параметрам исследовать феномен «интеллектуальная культура»? Здесь отчетливо проявляют себя два вектора. Во-первых, исследование явления в рамках монодисциплинарного знания. Сформировались целые ареалы изучения интеллекта и соответственно интеллектуальной культуры в рамках психолого-педагогической интенции, поддерживаемой научной методикой. Во-вторых, интеллектуальная культура как объект исследования принадлежит к меж- и трансдисциплинарному знанию. Междисциплинарный подход проявляет себя в стремлении объединить наиболее значимые достижения частных наук и сформировать понимание интеллектуальной культуры на междисциплинарном фундаменте. Однако это всего лишь предположение. В действительности, данный подход обнаруживает себя внутри монодисциплинарного осмысления: частная дисциплина, пытаясь поместить интеллектуальную культуру в предметное поле монопредметного знания, не выдерживает такой попытки и включает элементы других наук. Так сформировалось не нормативное, а скорее дискурсивное психолого-педагогическое понимание

интеллектуальной культуры в тесной сопряженности с практикой его понимания (например, в области различных диагностик творческого развития, одаренности и т. п.). Возник ряд синонимов, каждый из которых ориентирован на монополярное постижение сущности интеллектуальной культуры, задавая весьма специфический вектор осмысления: «умственная культура», «культура мышления», «культура мыследеятельности» и др.

Если мы прилагаем категорию «культура» к ее видам, то аналитик обязан показать, как общее проявляет себя в особенном и единичном, т.е. в виде культуры и конкретной культурной реальности. Уместно здесь привести следующее положение Г. В. Ф. Гегеля о том, что «под процессом познания понимают постижение предмета в его конкретной определенности» [2, с. 288]. Сделать это без обращения к сущности и базовым структурам культуры, на наш взгляд, невозможно. Действительно, можно ли познать вид в отрыве от рода? Теоретик (прокладывая дорогу практике) должен положить в основание постижения сущности и структуры интеллектуальной культуры какие-то базовые, фундаментальные основания культуры. Аксиоматически предполагаем при этом, что любая культура в превращенных формах несет в себе инварианты культуры, которые в конкретно-преобразованном воплощают общее и особенное.

Анализ должен показать, каким образом в данном виде проявляются и трансформируются общекультурные составляющие. Мы предполагаем, что универсальные, т.е. общекультурные структурные элементы в пространстве интеллектуальной культуры обретают видовую специфику. Отсюда формируется вектор раскрытия темы, в котором философско-культурологическое понимание культуры, находящееся за кадром настоящего выступления, незримо присутствует в качестве теоретико-методологического основания и существенно обуславливает анализ содержания и специфику интеллектуальной культуры как разновидности «культуры вообще». Такая позиция коррелирует с пониманием фундаментальной культурологии «как сферы *интегративного научного знания* о разнообразии культур»; она пытается «выделить некие инварианты в их «текстах», выработать методы сравнительного анализа их разнообразия, раскрыть законы... культурной динамики» [3, с. 14].

Что же представляется вполне аксиоматичным при анализе интеллектуальной культуры и «культуры вообще»? Прежде всего присутствие в них субъекта. Культура вне и без человека – кладбище духа, т.е. интеллекта, нравственности, красоты, благородства, достоинства и чести. Интеллектуальная культура – это также по сути пиршество духа. Ее сущность и направленность – в сохранении человека «в режиме» его возвышения, постигающего себя в единстве с миром, и предупреждение его об опасностях и рисках. Получается, что интеллектуальная и нравственная культура, как сестры-близнецы, неразлучны. Они не могут существовать в отрыве друг от друга, доказывая тем самым своей органичностью тот факт, что интеллектуальная культура не одинока в мире культуры – своеобразной «культуросферы».

Конечно, в интеллектуальной культуре постоянно присутствует субъект общей культуры, лик которого как бы просвечивает через своеобразие видового отличия. Однако это не освобождает нас от необходимости выявить субъектную специфику интеллектуальной культуры. Рассматривая сегмент «субъект культуротворчества» в

проблемном поле интеллектуальной культуры, мы отмечаем его видовую оригинальность. Культуротворчество такого субъекта особого свойства: он создает интеллектуальный продукт, который подлежит материализации в специальной деятельности, как правило, творческой. Здесь актуализирует себя проблема востребованности субъекта интеллектуального культуротворчества. Она принадлежит, на наш взгляд, к числу принципиально фундаментальных и актуально значимых. Это тот симбиоз фундаментального знания и прикладного применения (нако-практика), который дает относительно быструю отдачу на короткой временной дистанции.

Понятие «культуросферы» не зря вызывает в нашем сознании родственный концепт – «ноосфера». Случайно ли это? Нет. Язык сам подвигает нас к постижению сущности «культуросферы» как очеловеченной интеллектом и духовностью. «Культуросфера» предлагает нам ответ на вопрос: что же является источником расширения ее границ? Ответ, казалось бы, очевиден: разум, интеллект человека. Но разве может быть интеллект вне и без деятельности? Нет. Следовательно, культура формирует себя как культуротворческая деятельность, в которой и духовная деятельность, и материальная органично дополняют друг друга. Интеллектуальная культура не может существовать вне деятельности. В ней причудливо, порою, неожиданно сочетаются репродуктивная и продуктивная, духовная и материальная, коммуникативная и художественная деятельности. М. С. Каган это убедительно показал в своих работах. Деление на виды во многом условно, но не настолько, чтобы потерять границы, в которых сохраняется их качественная определенность. Такой определенностью является и интеллектуальная культура.

В составе творческой деятельности пребывает вполне интеллигентный элемент: цель, которая не может не выражать ценностные предпочтения субъектов интеллектуального культуротворчества. Следовательно, культура целесообразная по изначальному своему смыслу и ценностно содержательная. По критерию ценностного содержания выстраиваются видовые параллели внутри «большой культуры». Интеллектуальная культура в этом мире лишь одна из многих, но каждая из них существует как совершенно конкретная необходимость, исполняя свои роли в составе и структуре целого. Разве мы можем отдать приоритет интеллектуальной культуре относительно, например, нравственной? А эстетической?.. Нам остается только исходить из контекстуального приоритета, подчиняя тот или иной вид культуры другой культуре в определенном контексте. Например, интеллектуальную культуру культуре рода. Но даже и в этом случае, занимаясь интеллектуальной культурой, нам не дано полностью отказаться от нравственной культуры. Мы оставляем в стороне подробное рассмотрение увлекательной темы – ценностное содержание культуры, – чтобы перейти еще к одной абсолютной, т.е. необходимой составляющей интеллектуальной культуры: ее семиотической выраженности.

С точки зрения семиологического анализа интеллектуальная культура явлена как сложная семиотическая структура. Семиотические структуры интеллектуальной культуры – это язык, на котором разговаривают ее субъекты и благодаря которому она становится явью, т.е. опредмеченной реальностью. Таковыми, в частности, являются знаковые формы, наполненные значениями и смыслами, т.е. знаки и символы. Заметим при этом, что их часто недостаточно обоснованно отождествляют, говоря,

что «символ – это знак, который...» Здесь очевидна путаница между знаком и значащей (знаковой) формой. В понимании С. С. Аверинцева символ «сопрягает» смысл и предмет, одновременно «сопрягая» и людей, «понявших и полюбивших символ» [4, с. 827]. В приложении данного высказывания к морфологии интеллектуальной культуры ее можно рассмотреть сквозь призму символа: субъекты, специфическая деятельность, смыслы, знаковые формы, фрагментация интеллектуального опыта и т. д.

Человек осваивает богатства культуры в разнообразии ее видовых представлений через другие, помимо языков, знаковые образования: тексты, контексты, символы, моно- и дуакоды. Отдельно укажем на «узусы» (У. Эко) конкретной культуры, т. е. привычные формы поведения знаковых структур в различных моделях коммуникации интеллектуального сообщества. Интеллектуальная культура, следовательно, существует и развивается не только в формах опредмеченного, точнее, овеществленного знания, но и во многообразии естественных языков и искусственных знаковых систем. Рассматриваемые с позиций семиотики ее субъекты явлены как носители определенных языков – естественных и вторичных знаковых систем.

Для развития интеллектуальной культуры важны смыслы, которые выражают субъективные отношения участников творческой деятельности к предмету обсуждения. Они как бы надстраиваются над значениями и предоставляют носителю интеллектуальной культуры свободу смыслообразования, т. е. парения в мире логических и идеальных сущностей. Отсюда формально-логические структуры, тексты прежде всего, составляют интеллектуальное поле творческого поиска, являются основанием, на которых держатся дискурсивные формации – питательные среды, в которых рождаются смыслы и расцветают идеи.

Интеллектуальная культура несет в себе критерий меры, т. е. определенного качественного уровня своего развития. Кстати, было бы увлекательным заданием рассмотреть ее в динамике зарождения, формирования, становления, достижения высшей точки развития при существующих ресурсах и преобразования в новое качественное состояние. Такой ретроспективный анализ позволил бы выявить и определить наиболее оптимальные сценарии развития интеллектуальной культуры, предупредив ее субъектов о возможных рисках. В таком контексте обратим внимание на институциональные инфраструктуры интеллектуальной культуры и ее организационные формы. Их принципиальное назначение состоит в организационной поддержке творческого поиска субъектов интеллектуальной деятельности и их постоянном воспроизводстве через институты культуры. В таком понимании актуализируется необходимость налаживания новых организационно-институциональных интегрированных форм, которые бы оптимизировали бы имеющиеся интеллектуальные ресурсы и в которых бы осуществлялся меж- и трансдисциплинарный синтез нового знания относительно существующих разработок, достижений или образцов. Таким формами могут быть научно-производственные объединения, кластеры, сосредоточенные на разработках прорывного характера, т. е. таких, каких еще нет мире. Известно, что подобные организации явно или скрыто работают в ряде западных стран.

В связи с этим остановимся на *национальной* специфике интеллектуальной

культуры. Мы исходим из понимания национальной культуры как универсальной формы, в которой формируется, существует и развивается нация. Культурные формы бытия нации постоянно обновляются, наполняются новым содержанием. Отсюда можно заключить, что в культуре и ее превращенных, в частности цивилизационных формах, поддерживается единство формы и содержания, а также конкретных способов культуротворческой деятельности, в которых осуществляется воспроизводство нации. Следовательно, интеллектуальная культура на уровне особенного, а в конкретном случае и единичного, не может по-своему не воспроизводить творческий потенциал нации. Другой вопрос, как она это делает, насколько ее структуры (например, образовательные) отвечают этой жизненной сверхзадаче.

Национальный характер интеллектуальной культуры проявляет себя не только в пресловутом менталитете, но и в ее содержании, морфологическом составе, структуре. Таковыми, в частности, являются субъекты культуротворчества, рассматриваемые нами сквозь призму не абстрактного служения науке, а служения науки на благо нации. Постепенно складываются наиболее предпочтительные для национального развития виды научной деятельности, при том понимании, что есть объективные ограничения на выбор научных направлений и возможности их осуществления. Ценностные отношения и их объективации (прежде всего идеалы и нормы), оценки и ценностные ориентации, а также ценностные установки и жизненные позиции – преимущественно в неявном виде – пронизаны самобытным вектором развития субъекта национальной культуры.

Аналогично можно сказать и о других системах: семиотической; традиционных и инновационных формах трансляции и закрепления культурного опыта; организации культурных пространств для субъектов творческой деятельности; о мифообразах, прямо или опосредованно присутствующих в интеллектуальной культуре нации. Поскольку естественный язык является для вторичных знаковых систем метаязыком, то, следовательно, можно предположить, что семиотические структуры окрашены цветами национальных языков. Действительно, символический строй языка оказывает потаенное влияние на формальные языки, а национально-культурные контексты опосредованно присутствуют в текстах самого высокого абстрактно-теоретического уровня, не говоря уже об обыденном сознании. Таким образом, интеллектуальная культура бытийствует в языке в самом широком его понимании, т. е. в семиотико-семантических структурах. Как точно заметил русский литературный критик В. Курбатов, язык «не инструмент постижения мира, а сам мир».

Интеллектуальная культура имеет свои коды, т. е. такие единства означающих и означаемых, которые в конкретной ситуации определяют прочтение других знаковых структур. Отсюда проистекает важнейшая предпосылка приобщения молодежи к тому или иному течению интеллектуальной культуры, а именно: ее постижение происходит прежде всего через самые значительные коды, которые, подобно символам, представляют краткую запись опыта национальной интеллектуальной культуры в ее достижениях, являются необходимыми для их освоения новыми поколениями. Приобретения достижений мировой культуры также не свободны от особенностей национального интереса.

Интеллектуальная культура в таком контексте есть питательный раствор, гумус или плодоносный слой, попадая в который всякий, вступающий на стезю научного творчества, делает это навсегда. Речь конечно же идет об интеллектуальных формациях, которые являются не только полем дискурсивного поиска, но необходимой средой ее преемственного развития. Проблема поддержания преемственности в развитии интеллектуальной культуры – проблема сохранения нации, ее творческого потенциала.

Литература и источники

1. Лихачёв, Д. С. Книга беспокойств: воспоминания, статьи, беседы / Д. С. Лихачёв, сост. Г. А. Дубровская. – М.: Новости, 1991. – 522 с.
2. Гегель, Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук / Г. В. Ф. Гегель. – М.: Мысль, 1974. – Т. 1 Наука логики. – 452 с.
3. Буева, Л. П. Культура и образование. Проблемы взаимодействия (материалы «круглого стола») / Л. П. Буева // Вопросы философии. – 1997. – №2. – С. 12–13.
4. Краткая литературная энциклопедия: В 9 т. – М.: Сов. Энцикл., 1971. – Т. 6: Присказка – «Советская Россия». – 1040 с.

РЕФЛЕКСИВНО-ФИЛОСОФСКОЕ КОМПОНЕНТА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ: СОВРЕМЕННЫЙ УРОВЕНЬ И ОРИЕНТИРЫ РАЗВИТИЯ

В. К. Лукашевич

Представление об интеллектуальной культуре достаточно четко коррелирует с ключевой характеристикой культуры в ее наиболее общем понимании – «система исторически развивающихся надбиологических программ человеческой жизнедеятельности (деятельности, поведения и общения), обеспечивающих воспроизводство и изменение социальной жизни во всех ее основных проявлениях» [1, с. 341].

Формирование и последующая реализация (функционирование в качестве регулятивной системы) такого рода программ базируется на механизмах умственной деятельности, ассимилирующей окружающую человека социоприродную реальность и самого человека, прежде всего, в плане осмысления его способностей познавать и направленно изменять действительность, а также развивать свои ментальные качества. Соответственно механизмы умственной деятельности, ее результаты (знания, проекты, прогнозы, оценки и др.) и средства их трансляции можно трактовать как ключевые элементы интеллектуальной культуры и связывать с ними понимание интеллектуальной культуры в целом.

Ориентация на анализ ментальных способностей и качеств человека в связи с результатами его интеллектуальной деятельности явным образом коррелирует с представлением о рефлексии как сфере умственной деятельности человека, направленной на осмысление предпосылок, форм, путей, средств, методов его деятельности и качества полученного результата. Рефлексия является органической интеллектуальной составляющей любого вида человеческой деятельности, в связи с

чем человека (ее субъекта), квалифицируют как «систему с рефлексией».

Рефлексию, связанную с осмыслением особенностей конкретных видов человеческой деятельности, принято именовать по аналогии с их названиями: художественная, психологическая, техническая и др., – хотя этот процесс не может быть отмечен сколь-нибудь четко выраженной устойчивостью и последовательностью. Исключение составляет традиция, связанная с осмыслением специфики познавательных процессов, где понятие «гносеологическая рефлексия» является хорошо эксплицированным и широко употребляемым. Ее правила и структура, показавшие, по меньшей мере на фоне других видов рефлексии, высокую степень соответствия принципам научно-теоретической рефлексии и преследуемой цели (адекватно осмыслить специфику познавательных процессов), стали основной механизма наиболее широкого по своему предмету типа рефлексии – философской. Практической реализацией такого рода влияния гносеологической рефлексии стала ассимиляция философией универсалий культуры и отражение их содержания в системе философского знания (прежде всего в философских принципах и категориях), что позволило транслировать это содержание по обезличенным информационным каналам [2].

С отмеченными обстоятельствами (влиянием гносеологической рефлексии на механизмы рефлексии философского уровня, а также наличием столь емкой практической формы реализации системой философского знания своей рефлексивной функции) были связаны особенности становления статуса и развития философского знания как системной рефлексии в интеллектуальной культуре.

Основу осмысления этого процесса составлял гносеологический образ познания как моделирования реальности, где традиционно (в рамках классического понимания научной рациональности) акцентировалось качество результата (степень адекватности, достоверности, истинности полученного знания). Позднее в русле неклассического и постнеклассического понимания научной рациональности были эксплицированы связи качества результата с особенностями используемого исследовательского инструментария и ценностными ориентациями научного сообщества и социума, в котором оно функционирует. Таким путем обеспечивалось соединение логической стройности гносеологической рефлексии и предметной широты рефлексии философской.

В итоге можно сделать выводы, во-первых, о том, что философское знание достаточно успешно выполняло и выполняет в интеллектуальной культуре функцию системной рефлексии; во-вторых, что это обеспечивается наличием в системе философского знания гносеологической рефлексии, по образу которой строится философская рефлексия в целом; в-третьих, что остается открытым вопрос о возможностях философского знания и соответственно философской рефлексии адекватно осмысливать те сферы реальности, для ассимиляции которых недостаточно их гносеологического аппарата, где они один из конкурентов среди других форм сознания (в частности, искусства и религии) и соответственно других типов рефлексии.

Упреки в адрес рационалистически ориентированной философии со стороны теологов, моралистов, представителей искусства (не говоря уже о сторонниках традиционных форм сознания, возникших ранее философии и, соответственно,

гносеологии) в плане обсуждаемой темы во многом аналогичны тем, которые выдвигаются против науки: насильственное расчленение органически целостных образований в ходе их духовно-интеллектуального освоения; нивелирование особенностей познающего и рефлектирующего субъекта; вопиющая самодостаточность и самонадеянность в оценке собственных средств и возможностей; антропоцентризм; прагматизм и др. [3; 4].

Интеллектуальная жизнь в настоящее время существенно опережает рефлексивные схемы рациональной философии, претендующей на прогностичность и достаточность в рефлексивном аспекте [1, с. 341]. Поэтому возникает вопрос в какой мере можно признать критику в ее адрес оправданной. Скорее всего, с позиции, на которую претендовали и в настоящее время претендуют многие представители названных не-философских и не-научных сфер духовного освоения реальности, – дать окончательные ответы на все ключевые вопросы, связанные с бытием человека в мире и возможностями его интеллекта. Но эта позиция принципиально чужда и науке и современной рационалистической философии. В таком случае недостаточность философской рефлексии приходится соизмерять с другими эталонами. Необходимо определить ключевые направления развития философской рефлексии в сфере интеллектуальной культуры и пути преодоления ее «запаздывания» в осмыслении некоторых современных интеллектуальных явлений и процессов.

Наиболее репрезентативное проблемное поле анализа практических факторов развития интеллектуальной культуры как способности к рефлексии, на наш взгляд, создает инновационная деятельность, предполагающая использование интеллекта в качестве «максимально развернутой способности к рефлексии» (И. Фихте) в практическом измерении. В этом контексте реализуется креативный потенциал философского знания как системной рефлексии над содержанием интеллектуальных действий при разработке инновационных проектов: в ходе осмысления специфики инновационной сферы, анализа структуры предметной реальности, подлежащей инновационному преобразованию, иерархии и содержания процессуальных элементов инновационной деятельности в их связи с ее целями и задачами, последствий реализации инновационных проектов как непосредственно в инновационной сфере, так и в пространстве «резонансной сферы» [5], в практической работе по повышению эффективности использования интеллектуального капитала нации и других социальных общностей.

Литература и источники

1. Стёпин, В. С. Культура / В. С. Стёпин // Новая философская энциклопедия. – М.: Мысль, 2010. – Т. 2.
2. Стёпин, В. С. Конструктивные и прогностические функции философии / В. С. Стёпин // Вопросы философии. – 2009. – № 1. – С. 5–10.
3. Половинкин, С. М. Все / С. М. Половинкин // Вопросы философии. – 2002. – № 4. – С. 31–42.
4. Зотов, А. Ф. Вот и все / А. Ф. Зотов // Вопросы философии. – 2002. – № 4. – С. 43–49.
5. Лукашевич, В. К. Научное обеспечение инновационной деятельности: проблемы методологической рефлексии / В. К. Лукашевич // Вестник Белорусского государственного экономического университета. – 2008. – № 5. – С. 4–14.

НАЦЫЯНАЛЬНАЯ ФІЛАСОФІЯ Ў СІСТЭМЕ ІНТЭЛЕКТУАЛЬнай КУЛЬТУРЫ БЕЛАРУСІ

В. Б. Евароўскі

Нацыянальную філасофію Беларусі мы разглядаем у трох сэнсах. Па-першае, гэта сукупнасць творчасці тых філосафаў, якія жылі і працавалі на тэрыторыі сучаснай Беларусі. Па-другое, гэта разважанні аб лёсах нашай краіны ці нейкія рэфлексіі і спекуляцыі на гэты конт. І па-трэцяе, гэта ўласна гісторыя філасофіі Беларусі як навуковая дысцыпліна. У гэтым вузкім сэнсе яна азначае структураваны (шмат у якіх момантах штучна) дыскурс нашага філосафскага развіцця.

Распад Савецкага Саюза сярод многіх іншых працэсаў стымуляваў у краінах Усходняй Еўропы ўзнікненне феномену, які з некаторай доляй умоўнасці можна назваць «пошукамі новага мінулага». Па сутнасці, у сучасным палітычным дыскурсе гэтага рэгіёну мы можам сустрэць двухпазіцыйны і ў чымсьці антаганістычны набор канатацый, звязаных з канкурэнцыйнай дзвух патэнцыяльных цэнтраў прыцягнення. Іх – таксама з доляй умоўнасці – можна назваць расійскім і еўрапейскім. Між тым, разглядаючы палітычныя семантычныя сістэмы, можна пераканацца, што карыстанне такімі ідэалагемамі не заўсёды носіць строга рацыянальны характар, звязаны з рэальнымі эканамічнымі і палітычнымі інтарэсамі, але і сыходзіць у гістарычнае несвядомае.

Не ва ўсіх нацыянальных навуковых традыцыях ёсць такая дысцыпліна як уласная гісторыя філасофіі. Скажам болей: уласцівай рысай нашага рэгіёну з'яўляецца тое, што нацыянальная філасофія ўжо на працягу некалькіх дзесяцігоддзяў мае прыярытэт над філасофіяй універсальнай. Гэта тым больш цікава, што мы да гэтага часу спрачаемся наконт таго, што ёсць сама па сабе беларуская філасофія. Напрыклад, калі мы вывучаем філасофію Гегеля ці Фуко, то быццам а ргіогі лічым гэтых аўтараў філосафамі, бо кажам аб тым, што яны належаць да ўніверсальнай традыцыі філосафствавання. Інакш кажучы, вывучаць Гегеля ці быць яго паслядоўнікам азначае быць філосафам. Калі мы звяртаемся да беларускай традыцыі, то першае, з чаго пачынаюць усе даследчыкі, гэта даюць вызначэнне, што ёсць філасофія ва ўласным разуменні даследчыка. Такім чынам, не даследаваны матэрыял вызначае разуменне філасофіі, а разуменне філасофіі «падганяецца» пад матэрыял.

У якасці прыкладу мы можам прывесці ўласны даследчы вопыт. Пачынаючы працу з духоўнай культуры Кіеўскай Русі, прыйшлося ўводзіць такое азначэнне, як нефіласофскія формы філосафствавання, шукаць так званыя філасафемы, а таксама іншыя падобныя рэчы. З нейкім жартам тут можна ўспомніць нашыя спрадвечныя спрэчкі з гісторыкамі аб тым, што мы імкнемся рабіць чужую працу і прычым не зусім прафесійна. Самым простым адказам на тое, чаму ў Беларусі працягваюць шукаць нефіласофскія формы філосафствавання з'яўляецца выраз нахшталт таго: «Я раблю так, бо так рабілі да мяне». На самой справе ёсць традыцыя ці, дакладней кажучы, навуковая школа, існаванне якой падпарадкоўваецца сваім уласным законам. Нейкая навуковая школа мае момант свайго нараджэння, свайго росквіту і, на жаль, разбурэння. Больш таго, навуковая школа разам са сваёй уласнай гісторыяй

узнікнення і развіцця ці геніалогіяй мае тое, што называецца легендарнай гісторыяй, бо шмат якія даследчыкі захоўваюць сярэднявечную сціпласць. Так, напрыклад, Сямён Аляксандравіч Падокшын, упершыню распрацоўваючы канцэптэуальныя асновы беларускага Рэнэсансу, знаходзіў «вытокі» сваёй канцэпцыі ў Максіма Багдановіча, Цімафея Любаўскага. Альфрэд Сцяпанавіч Майхровіч свае разважанні аб лёсах беларускай цывілізацыі (дарэчы, у духу філасофіі Гегеля) укладваў у вусны Ефрасінні Полацкай ці невядомых аўтараў старажытных беларускіх летапісаў.

Якія ж здабыткі прынесла беларуская гісторыка-філасофская традыцыя савецкага і постсавецкага перыяду? Яна пачыналася з селекцыі фрагментаў, якія мелі філасофскія канатацыі, а скончылася пошукамі існага быцця і чалавека Альфрэда Майхровіча [1] і архетыпамі культуры Уладзіміра Конана [2]. Цікава тут і другое, гэта, па вялікім рахунку, другасная філасофская дысцыпліна выхавала інтэлектуальных волатаў нацыянальнага маштабу: У. Конана, А. Майхровіча, С. Падокшына. Нешта падобнае мы можам назіраць у філасофскай традыцыі нашых суседзяў [3]. Імёны Раманаса Плячкайціса [4] у Літве, Вілена Горскага [5; 6] ва Украіне самі па сабе з'яўляюцца сімвалічнымі. Была такая асаблівасць савецкай гуманітарнай навукі, што самае цікавае ў ёй рабілася на маргінэсе. Савецкі час – гэта перыяд панавання завуаліраваных форм¹. Калі кнігі пачынальнікаў беларускага нацыянальнага Адраджэння ляжалі ў спецсховішчах, даследаванні у галіне (напрыклад, сярэднявечча і Рэнэсансу) заставаліся амаль адзінай формай развіцця самасвядомасці беларускай нацыі.

Трэба зразумець, што ёсць гэта школа, ці, кажучы іншымі словамі, калі мы пішам гісторыю філасофскай думкі Беларусі, што мы канкрэтна робім. Вядома мы працягваем традыцыю. Але што ёсць гэтая традыцыя? Бо калі мы не маем адказу на гэтыя пытанні, немагчыма ні яе падсумаваць, ні яе развіццё. У 2008–2013 гг. нашая даследчая група падрыхтавала і выпусціла ў свет тры тамы «Гісторыі філасофскай і грамадска-палітычнай думкі Беларусі». Гэтую гісторыю мы лічылі менавіта падсумаваннем і развіццём той традыцыі, асновы якой закладваліся ў сямідзесятыя – дзевяностыя гады. Калі праводзіць пэўныя аналогіі з агульнай гісторыяй філасофіі, то перад намі ў гэтай справе паўсталі выклікі крытычнага перыяду, не ў сэнсе развіцця з мінулай спадчынай школы і нават не ў спробе яе пераасэнсавання, а хутчэй у кантаўскім сэнсе крытычнай філасофіі.

У максімальна абагульненым выглядзе такі падыход, з аднаго боку, мае на ўвазе рэфлексію над самімі асновамі той ці іншай карціны філасофскага працэсу, а з іншага – ўжо з улікам гэтай важнай крытычнай работы – новае рэканструяванне таго, што мы вышэй умоўна назвалі анталагічнай гісторыяй беларускай філасофскай думкі. Акрамя таго, асаблівасцю новага перыяду школы было і тое, што можна адзначыць як плюралізм думкі ва ўмовах, калі розныя даследчыкі прыйшлі ва ўлонне

1 Як адзначае І. М. Бабкоў: «Напрыклад, у работах А. Майхровіча яўна бачная спроба прачытаць па Гегелю корпус тэкстаў народніцтва і беларускага Адраджэння. У С. Падокшына праблемныя рэканструкцыі філасофіі эпохі Рэнэсансу ўзыходзяць да неакантыянскіх практык пачатку ХХ ст. У. Конан, асабліва ў сваіх позніх работах, відавочна скарыстоўвае герменеўтычную метадалогію з яе базавымі канцэптамі разумення і вытлумачэння традыцыі. Але ўсё гэта было няўна і непапулярна выяўлена, заставалася хутчэй у падтэксце і кантэксце і ніколі не выступала ў якасці прадмета дысцыплінарных дыскусій. Сёння мы знаходзімся ў тым пункце, калі толькі метадалагічная рэфлексія – як над ужо зробленым, так і над перспектывамі – можа дазволіць нам прасоўвацца наперад» [7, с. 33].

школы не толькі па-свойму трапіўшы ў прафесію, але з уласнымі метадалагічнымі праграмамі, апасродкаванымі тымі канкрэтнымі ўчасткамі работы, якім яны прысвяцілі сваю творчую актыўнасць.

Такая сітуацыя ў сваім тэарэтычным асэнсаванні спарадзіла стратэгію, вызначаную намі як метадалагічны плюралізм. Яго сутнасць – прызнанне першаснай каштоўнасці менавіта выніку гісторыка-філасофскай работы, гэта значыць, падача пэўнага віду інтэрпрэтацыі – тэксту, сюжэта або эпохі. З іншага боку, зададзеная свабода выбару дае магчымасць стварэння цэласнага і, што важна, па-філасофску асэнсаванага тэксту, прысвечанага той або іншай праблеме, дзе іманентны яму дыскурс надае наратыву асаблівы шык. У нашай сённяшняй практыцы гісторыка-філасофскіх даследаванняў сучаснае пакаленне школы не «рухаючы старыну» (узнаўляючы найлепшыя ўзоры айчыннай гісторыка-філасофскай школы, даючы чытачу судакрануцца з думкай мэтраў і патрыярхаў гэтай дысцыпліны ў Беларусі), адначасова ўводзіць шмат якіх «навінаў» – гэта і метадалагічны апарат, рэlevantны дасягненням сучаснай гуманітарыстыкі, і новыя крыніцы, не даследаваныя і не задзейнічаныя ў папярэднія часы. Напрыклад, пры ўжыванні плюралізму да канцэптаў і персаналіяў беларускага Адраджэння пры напісанні другога тома гісторыі філасофіі мы атрымалі такія парадаксальныя пары практычна раўназначнага ўжывання, як матэрыялізм і эгацэнтрызм, атэізм і ірацыянальнае перажыванне найвышэйшага, рацыяналізм і *melancholia generosa*, дэмакратызм і элітарнасць, асветніцтва і «рынак сімвалічнай прадукцыі».

Не «рухаючы старыну» – гэта і новае інстытуцыянальнае разуменне нашай «гісторыка-філасофскай працы» не толькі з традыцыйнага пункту гледжання (як суадносіны навуковец – грамадства, навуковец – дзяржава) але і ў вузейшым значэнні сацыяльнай адказнасці як адказнасці перад сваёй навуковай карпарацыяй, гэта значыць, перад сваёй галоўнай і апошняй інстанцыяй, якая не проста ацэньвае, але і прадукую першапачатковую легітымацыю ўсіх канцэптуальных пабудоў і факталагічных прадуктаў.

І напрыканцы некалькі здагадак аб магчымай будучыні нацыянальнай філасофіі.

Сучаснае развіццё грамадства крок за крокам прыводзіць да таго, што мастацтва завэлюмаваных формаў губляе сваю значнасць і застаецца ў мінулым, а філасофская дзейнасць становіцца формай элітарнай інтэлектуальнай гульні. Але пры ўсіх гэтых спрыяльных і неспрыяльных прагнозах застаецца традыцыя думкі, духоўная спадчына, а гэта той падмурак, на якім сённяшняя беларуская нацыянальная самасвядомасць стала магчымай. Эканамічнае развіццё грамадства, якое мае адным са сваіх наступстваў новае пераразмеркаванне часу на карысць гадзін, вольных ад здабыцця хлеба надзённага, рост адукаванасці насельніцтва, з'яўленне шматлікіх і прычым незалежных адна ад другой крыніц фінансавання падобнага віду творчасці немінуха зрабляць сваю справу ў з'яўленні новых (прычым шматлікіх) версій беларускай нацыянальнай філасофіі, канкуруючых з ёй гісторыі усяго ўсходнееўрапейскага рэгіёну, аповедаў аб мінулым асобных населеных пунктаў і нават нарацый сямействаў і пэўных асоб. Гэта значыць з гэтага пункту гледжання (няхай пакуль фармальнага) чалавечая цікаўнасць да сваіх каранёў, напэўна, будзе яшчэ больш вострая, чым летуценні аб палётах да далёкіх зорак.

Гісторыя пішацца тымі, хто выжыў. Выжыўшы, беларускі народ, яго інтэлектуальная эліта проста не могуць не скарыстацца сваім правам на сваю асабістую гісторыю, засяроджаную на сваіх уласных нацыянальных інтарэсах, свабодную ад міфалагем, якія культывуюцца або навязваюцца суседзямі. Нацыянальнае жыццё – гэта, перш за ўсё, спосаб самавызначэння асобы. Адначасова яно глыбінным чынам укаранёнае ў ладзе будзёнасці, у фундаментальных структурах менталітэту той нацыі або іншай ідэнтычнасці, да якой належыць канкрэтны чалавек. Такім чынам, мы гаворым пра гістарычны досвед як пэўнай асобы, так і цэлай нацыі. Ён адлюстроўвае ўнікальны гістарычны лёс, выяўляе пэўныя светапоглядныя і маральныя ідэалы, прыхільнасці і каштоўнасці.

З мэтай захавання стабільнасці соцыуму або забеспячэння яго накіраванай трансфармацыі філасофская дзейнасць прадухіляе несанкцыянаванае раскрыццё сацыяльнай сферы, якое ў выпадку парушэння сацыяльнай парадыгмы вядзе да хаосу. З іншага боку, адказы на надзённыя пытанні грамадства, а таксама метады іх пабудовы з'яўляюцца ўнікальнымі ідэнтыфікатарамі, якія дазваляюць нам меркаваць пра ўсю духоўную арганізацыю даследуемага сацыяльнага арганізму. Так, напрыклад, узнікае нацыянальная духоўнасць са сваім уласным лёсам, з убудаванай нацыянальнай ідэяй; якая, у сваю чаргу, становіцца прадметам для наратыва гісторыі той ці іншай краіны.

Літаратура і крыніцы

1. Майхрович, А. С. Поиск истинного бытия и человека. Из истории философии и культуры Беларуси / А. С. Майхрович. ред. Д. И. Широканов. – Минск: Навука і тэхніка, 1992. – 245 с.
2. Конан, У. М. Беларуская мастацкая культура эпохі Сярэднявяха і Рэнесансу: манаграфія / У. М. Конан. – Мінск: Бел. дзярж. пед. ун-т імя М. Танка, Навук.-асветн. цэнтр, 2006. – 175 с.
3. Yevarouski, V. R. Plečkaitis and Belarusian Tradition of Studies in The National History of Philosophy / V. Yevarouski // Problemos. – 2010. – № Supplement. – P. 28–37.
4. Plečkaitis, R. Lietuvos filosofijos istorija / R. Plečkaitis. – Vilnius: Kultūros, filosofijos ir meno institutas, 2004. – 715 p.
5. Горський, В. С. Святі Київської Русі / В. С. Горський. – Київ: Абрис, 1994. – 175 с.
6. Горський, В. С. Історія української філософії / В. С. Горський. – Київ: Наук.думка, 1996. – 288 с.
7. Евароўскі, В. Б. [и др.] Гісторыя філасофскай і грамадска-палітычнай думкі Беларусі: у 6 т. / В. Б. Евароўскі [і інш.]. – Мінск: Беларуская навука, 2008. – Vol. 1. – 540 с.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ РЕСУРСЫ – СОВОКУПНОСТЬ ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОЦИУМА

О. П. Пунченко

Вся история цивилизационного развития человечества отражает свои особенности через процессы формирования интеллекта, интеллектуальных ресурсов, интеллектуальной культуры. Когда сегодня идет речь об этих составляющих

цивилизационного прогресса, то мы исследуем их наличное бытие, архитектонику, способы формирования интеллекта субъектом общественного развития. А как же шел процесс формирования этих составляющих общественного производства, в частности, интеллектуальных ресурсов?

Интеллект как форма рационального осмысления действительно складывается тогда, когда в одном субстрате, помимо биологического, складывается вторая его составляющая – социальная, которая положила начало становлению ноосферы. Если исходить из понятия интеллекта как способности мышления, рационального познания, способности индивида к решению проблем в новых складывающихся ситуациях, то становление общественного фонда интеллектуальных ресурсов имеет место еще в развивающихся формах обыденного знания. Это и методология создания артефактов, и передача информации, посредством наскальной живописи, это и способы обработки металла, земли и т.д. Но на этом уровне знания не систематизируются, методология передачи этих знаний скудна, она чисто практична и в своем содержании характеризуется стихийностью. На вопрос И. Л. Андреева: «Мог ли кроманьонец поступить в Сорбонну?» [1, с. 337] ответ однозначен – нет. Он не обладал запасом теоретических знаний, его интеллект не соответствовал необходимому образовательному уровню.

Со становлением теоретического знания формирование и развитие интеллектуальных ресурсов приобретает закономерный, необходимый планомерный характер. На этом уровне вне знания никакие интеллектуальные ресурсы немислимы. Однако утверждать, что знания – это синоним имеющихся в личностном и общественном распоряжении интеллектуальных ресурсов, это крайне абстрактно. Поэтому и необходима конкретизация понятия «интеллектуальные ресурсы».

Интеллектуальные ресурсы – это совокупность ценностных результатов творческой деятельности человека, созданных в объективной вещественной (материальной) и не вещественной (духовной) формах, зафиксированные на конкретных информационных носителях и предназначенные для использования личностью и обществом в процессе своего совершенствования. Интеллектуальные ресурсы в своем развитии проходят сложный путь. В их основу положены знания как результат познания природной и социальной действительности, объективное отражение ее в мышлении человека. Для формирования интеллекта индивиду необходимы определенные предпосылки – и материальные и духовные, которые заключаются в том, что еще до начала любого акта, связанного с формированием интеллекта, человек уже располагает определенным запасом знаний, в какой-то мере имеющих отношение к пополнению им своего интеллекта и которые выработаны предшествующей мыслью человечества. Вне взаимодействия между индивидом и обществом развитие интеллекта невозможно, поскольку в преобладающей степени знания, которые он использует, выработаны предшествующими поколениями. Каждый индивид пополняет свой интеллект из общественного фонда знаний. Ассимиляция индивидом знаний, приобретенных из этого фонда (интериоризация), дополняется ассимиляцией обществом знаний, полученных конкретными индивидами (экстериоризация).

Экстериоризация – сложный процесс, в результате которого пополняются интеллектуальные ресурсы общества. Ведь прежде чем войти в общественный фонд,

знания должны получить общественную санкцию, что зависит от того, какое значение они имеют для общества в данный момент. Кроме того, знания очищаются от эмоциональных моментов, поскольку они выделяются из живой ткани индивидуального сознания и принимают строгую логическую форму. Наконец знания индивида перестают быть его личным достоянием и становятся индивидуальной силой в качестве элементов интеллектуальных ресурсов общества.

Следовательно, эти ресурсы выступают как совокупный общественный интеллект (А. Суббето), представленный достижениями научной мысли. Этот интеллект по своей природе общечеловеческое достояние, поскольку и сам процесс научной деятельности, и средства, и условия, и результат основаны на совокупных достижениях интеллекта общества.

Интеллектуальные ресурсы общества имеют свою морфологию, учение о внутреннем строении. Понятие «морфология» в систему общественных наук было введено в 60-х годах XX века американским эстетиком Т. Монро, что позволило эстетике упорядочить знания и создать учение о строении мира искусства. Позже эта идея была применена В. Р. Языковичем для объяснения морфологии культуры. Выделенные им отдельные составляющие этой морфологии являются элементами интеллектуальных ресурсов, характеризующих конкретное общество. К ним можно отнести: науку, технику, ментальность, национальный характер как духовные составляющие интеллектуальных ресурсов.

А какова морфология последних отмеченных? Во-первых, сюда входит интеллектуальный продукт, выработанный общественным познанием. Интеллектуальный продукт – это уже внешнее оформление результата познания, созданного в вещественной и невещественной форме и предназначенного к использованию для расширения интеллектуальных ресурсов индивида и общества. Сюда относятся книги, статьи, уставы, акты, ордера, декларации, договора, проекты, программы, авторские права, патенты и т. д. Развитие интеллектуального продукта характеризует социодинамику интеллектуального потенциала. «В этом процессе можно выделить ряд этапов. 1. Интеллектуальный потенциал. 2. Новационная деятельность. 3. Интеллектуальные новации. 4. Объективация интеллектуальных новаций. 5. Правовое оформление интеллектуальных новаций. 6. Реализация новаций (инновационная деятельность)» [2, с. 64–65]. Все эти составляющие входят в морфологию интеллектуального продукта.

Во-вторых, в системе интеллектуальных ресурсов важное место занимают информационные услуги. Интеллектуальные продукты, проявляясь в самых различных формах, распространяются и реализуются именно через разнообразные виды информационных услуг. Под ними понимаются профессиональные виды деятельности по предоставлению конкретного интеллектуального продукта, направленного на удовлетворение интеллектуальных потребностей субъекта.

В XX веке расширяется сфера удовлетворения субъекта интеллектуального развития за счет появления рынка интеллектуальных ресурсов. Рынок превратил интеллектуальный продукт в товар. Частная собственность захватывает и духовное производство, возникает собственность на продукты интеллектуальной деятельности. Авторские права, патенты, диссертации, монографии, статьи и т. д. стали товаром. Интеллектуальная собственность существует в различных формах и рынок пытается

удовлетворить интеллектуальные потребности индивида. Государство в этот процесс не вмешивается. Оно знает через средства массовой информации о заказных диссертациях, о плагиате, о приписывании людей в списки лауреатов государственных премий, но меры никакие не принимает. В интеллектуальных ресурсах общества возникает дефицит приращения нового интеллектуального продукта.

Таким образом, одной из главных составляющих прогрессивного развития любого государства являются информационные ресурсы, отражающие в своем содержании движение пытливого человеческого ума по углублению процессов развития знания – детерминирующей составляющей интеллектуальной культуры общества.

Литература и источники

1. Андреев, И. Л. Происхождение человека и общества: Современные методологические проблемы и критика немарксистских взглядов / И. Л. Андреев. – М.: Мысль, 1982. – 304 с.
2. Зеленов, Л. А. История и философия науки / Л. А. Зеленов, А. А. Владимиров, В. А. Щуров. – М.: Флинта; Наука, 2008. – 472 с.

ДИАЛЕКТИКА ПРОЦЕССОВ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ И ИНТЕГРАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ТЕХНОГЕННОГО ОБЩЕСТВА

Н. М. Твердынин

Развитие современного техногенного социума представляет собой одновременно многофакторный и многофункциональный процесс. Именно это обстоятельство делает достаточно сложной задачей не только получение объективной оценки состояния общества в целом, но даже его отдельных сегментов. Оценка же перспектив социального развития, точное прогнозирование применительно даже к отдельным социальным группам затруднено еще более. Это происходит вследствие того, что динамика многих социальных процессов за последнее столетие изменилась больше, чем за всю историю цивилизации [1, с. 33–38; 2, с. 23–28]. В данной статье описывается попытка анализа причин, порождающих многофакторность и многофункциональность общественного развития, применительно к той части общества, которая представляет его интеллектуальный авангард и постоянно пополняется за счет не имеющего исторических аналогов развития системы образования (при всех имеющихся издержках) за последние два столетия.

Под многофакторностью в данной статье понимается одновременное воздействие на любой субъект социальных отношений комплекса факторов; экономических, политических, социальных, этнических, конфессиональных и множества других. Казалось бы, что в такой постановке вопроса нет ничего нового, но с возникновением информационного общества развитие техники и технологии стало не просто определять различные стороны жизни людей (особенно качество условий существования) как это было на первых этапах научно-технической

революции. Практически каждый житель развитых стран стал заложником бесперебойного функционирования множества технологических цепочек и технических устройств различной степени сложности. Это привело к тому, что каждый из обозначенных выше факторов проявляет себя в значительных масштабах, влияя с различной интенсивностью порой на судьбы десятков миллионов людей, и эта интенсивность может резко измениться относительно любого фактора в считанные дни и даже часы. При этом ни один из факторов не независимо от своей величины (доли) не исчезает полностью, но и не захватывает надолго доминирующие позиции. В качестве историко-социального примера приведём изменение роли экономического фактора в определении социального положения.

В средние века экономическое положение определяло социальный статус только частично, поскольку владетельный сеньор сохранял свое место в социальной иерархии, даже при финансовых потерях. Он просто возмещал их за счет косвенного, а порой и прямого ограбления тех купцов и ростовщиков, которые предоставляли ему до этого в долг товары и финансовые средства, не говоря уже о повышении эксплуатации крепостных. Наоборот, даже самый богатый купец не мог претендовать на равное положение с аристократом, который мог быть значительно беднее его. Естественно, что положение постепенно менялось, и с приходом эпохи буржуазных революций экономический фактор обрел доминирующую роль в социальных отношениях, но, как известно, на это ушли столетия.

Многофункциональность же каждого фактора, значимого для развития социальных отношений (как эволюционного, так и революционного) заключается в том, что каждый из них функционально связан как с остальными, так и рядом других (менее масштабных и по своей сути вторичных), которые возникают и исчезают в конкретных социально-исторических условиях. Например, на социальную жизнь общества может в какой-то период достаточно сильно влиять степень распространенности азартных игр или степень пристрастия к предметам роскоши.

Поскольку такая многофакторно-многофункциональная система телеологична [3, с. 19–24], то попытки прогнозировать происходящие в ней процессы с позиций классического анализа динамики того или иного фактора и дальнейшего моделирования на основе такого анализа чаще всего не будет давать положительных результатов. Это будет происходить потому, что сами рассматриваемые функционалы диалектичны по своей природе, а анализ их с использованием в той или иной мере принципа суперпозиции – механистичен. То есть, рассматривая с общеметодологических позиций сбой в прогнозировании развития социальных (политических, этно-конфессиональных и др.) общественных процессов и явлений при применении даже самых эффективных математических моделей, можно предположить, что такие сбои неизбежны.

В техногенном социуме процесс развития общества зависит от достаточно большого социального пласта, который составляет та, часть населения, которая выполняет виды деятельности, требующие высокого интеллектуального и образовательного уровня [4, с. 7–25; 5, с. 8–29]. Традиционно к этой категории, помимо управленческого и инженерно-технического персонала (общепотребительный термин «белые воротнички»), относятся и рабочие с высокой квалификацией – «синие воротнички».

Если в первой половине прошлого века различия в уровне образования и заработной плате между этими категориями были достаточно велики, то к настоящему времени произошли значительные изменения. На ряде производств синий воротничок может получать равную или даже большую зарплату, чем белый воротничок или управленец, перепроизводство которых системой образования стало одной из реалий современной жизни.

Включение молодежи в современное производство при этом идет гораздо более медленными темпами, чем это наблюдалось еще полвека назад [6, с. 44–49]. Причины такого явления вполне объяснимы при его анализе с диалектических позиций. Уникальное по нарастающим темпам в историческом контексте развитие техники и технологии за последние три века привели к доминированию в образовательной среде естественно-научных и технико-технологических специальностей. Поскольку образовательная сфера крайне инерционна, то в конце советского периода количество инженерно-технических специалистов стало избыточным. Однако следует учитывать и то обстоятельство, что и в других промышленно развитых странах количество инженерно-технических специалистов также стало сокращаться. И здесь имеет место процесс диалектический по своей сущности, поскольку научно-технический прогресс привел к ряду качественных изменений (кибернетизация производства, появление робототехники третьего поколения и др.), которые сделали ненужным существовавшее ранее значительное количество специалистов для работы в сфере техники и технологии. Но, в тоже время, именно изменения в образовательном пространстве, реагирующие на подобные социально-экономические вызовы, позволяют обществу безболезненно решать вопросы интеграции «лишних» людей с техническим образованием в другие сегменты социума, которые часто не связаны напрямую с техникой и технологией.

Литература и источники

1. Грунвальд, А. Техника и общество: западноевропейский опыт исследования социальных последствий научно-технического развития / А. Грунвальд. – М.: Логос, 2011. – 160 с.
2. Старжинский, В. П. Динамика науки и инновационное развитие: пособие для магистрантов и аспирантов / В. П. Старжинский, В. В. Цепкало. – Минск: БНТУ, 2013. – 389 с.
3. Лебедев, С. А. Методы научного познания: учебное пособие / С. А. Лебедев. – М. Инфра-М Альфа-М, 2014. – 272 с.
4. Лебедев, С. А. О стратегии развития научно-технического потенциала современной России / С. А. Лебедев // Новое в психолого-педагогических исследованиях. – 2011. – № 3. – С. 7–25.
5. Лебедев, С. А. Российская наука и образование: проблемы и перспективы / С. А. Лебедев // Высшее образование в России. – 2012. – № 11. – С. 82–89.
6. Твердынин, Н. М. Обучение технологии в школе как основа научно-технического развития / Н. М. Твердынин // Научные исследования в образовании. Приложение к журналу Профессиональное образование. Столица. – 2013. – №1. – С. 44–49.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СОСТОЯНИЯ И РАЗВИТИЯ В БЕЛАРУСИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Е. И. Степанов

В связи с рассматриваемой в данном материале проблемой следует отметить: методологическое обеспечение теоретического изучения и практического воплощения интеллектуальной культуры средствами социальной политики органически укладывается в рамки *субъектно-деятельностного подхода*. Он способен выступить адекватной общетеоретической основой для эффективного анализа и разрешения актуальных методологических, концептуальных и технологических проблем [2; 7].

Субъектно-деятельностный подход учитывает широкие возможности понятия деятельности в раскрытии специфики общественного бытия, его четкого осознания и сознательного преобразования. Эти возможности обусловлены тем, что *деятельность пронизывает всю систему общественных отношений*, представляя собой способ их сознательного функционирования и развития, в том числе путем освоения интеллектуальной культуры. В социальной действительности ничто не существует вне и помимо сознательной деятельности, а социальные процессы и отношения не просто тем или иным образом связаны с ней, но и сами выступают как конкретные формы реализации деятельности с помощью интеллектуальной культуры. В таком ракурсе история общества предстает как процесс и результат человеческой деятельности, в котором органически переплетены как материальные, так и идеальные факторы и вне которого не существует ни общества, ни человека [4, с. 101–102].

Обосновывая понимание объективных общественных законов как законов деятельности, рассматриваемая методологическая ориентация исключает возможность как их натуралистической трактовки, так и метафизического противопоставления объективной социальной действительности и субъективного мира человека, его сознания как чего-то «чисто внутреннего». Деятельность как таковая и ее результаты невозможны вне сознательной активности отдельных людей и социальных общностей. Именно они и выступают ее реальными субъектами.

Связь субъекта деятельности с его окружением, будучи необходимой, не является в то же время механически жесткой. Это обстоятельство не только предоставляет субъекту (человеку или сообществу людей) возможность самоопределения, но и требует от него установить такую связь со своим окружением с помощью освоенной им интеллектуальной культуры, которая в возможно более полной мере удовлетворяла бы специфике существования субъекта. Наиболее отчетливо эта особенность проявляется в моменты расхождения, несоответствия, рассогласования, противоречия субъекта и его окружения. Инновационная активность субъекта по применению интеллектуальной культуры и есть выражение его стремления изменить действительность своими усилиями.

В современных обществоведческих исследованиях в России и Беларуси этот процесс обозначается как модернизация. Основным направлением модернизации социума выступает его *всемерная демократизация*, обеспечение социального

партнерства, понимаемого как овладение закономерностями и механизмами согласования основных жизненных интересов составляющих их общностей, социальных групп и личностей.

Одним из приоритетов социальной политики, ориентированной на налаживание и укрепление отношений социального партнерства, является адекватное осмысление и решение общесоциальных проблем, нуждающихся в эффективном *инновационном моделировании*. Среди них проблема правильной интерпретации и практического использования идеи социального партнерства в процессе демократизации всех сфер жизнедеятельности общества, и в первую очередь его производственной сферы, а также социальной политики, семейных, образовательно-воспитательных отношений. Именно этот процесс призван создать условия для безопасного и устойчивого развития евразийского пространства и его регионов. Необходимо всестороннее участие в этом процессе отечественных инноваторов и развиваемой их исследовательскими и практическими усилиями сферы интеллектуальной культуры [9; 10; 11].

Необходимым условием развития каждого из регионов евразийского пространства представляется созидание и укрепление демократической организации общественной жизни, опирающееся на внимательное изучение и оценку общественных настроений, устремлений различных слоев и групп граждан, а также их адекватное представление в нормативных правовых актах, управленческих решениях и политических действиях. Иными словами, необходимым условием обеспечения благосостояния всех его граждан является сильное социальное государство, и наоборот: превращение в сильное социальное государство невозможно без обеспечения благосостояния гражданского общества. Это две стороны одной и той же медали – *демократической организации общества*.

Растущее понимание этой взаимосвязи заметно в тех регионах, где уже началась реальная перестройка в организации социальной политики, приносящая позитивные результаты в плане реального снижения социальной напряженности и конструктивного урегулирования возникающих на ее почве конфликтных ситуаций. В ходе этой перестройки многими представителями власти все отчетливее осознается необходимость поддержки инициатив, объединений, согласованных действий и усилий самих граждан по улучшению своего положения, практическому освоению принципов социального партнерства и сотрудничества. Успехи в этом направлении составляют одно из важнейших, если не самое важное, условие для распространения *культуры мира и сотрудничества*. В свою очередь, их важнейшей предпосылкой должно стать как адекватное осмысление, так и эффективное практическое внедрение принципов организации социального государства. Именно на них мы и сосредоточим свое внимание с точки зрения конфликтологического подхода.

Конфликтологами обосновано принципиально важное положение о возможности демократизации человеческих сообществ на основе овладения закономерностями и механизмами согласования основных жизненных интересов общностей, социальных групп и личностей. Обеспечить демократический консенсус вместо навязывания интересов одной части общества и таким путем избавиться от насилия как несостоятельного способа организации общественной жизни, – таково требование времени. Общественная система, удовлетворяющая этому требованию,

оказывается в выигрыше, неспособная ответить на него – проигрывает.

Идея общественного консенсуса и составляет тот основополагающий принцип, который объединяет концепцию демократизации и теоретический аппарат современной конфликтологии. Если в современной концепции демократизации эта идея указывает наиболее эффективный способ организации, функционирования и развития общества, то для конфликтологии – заключает в себе эффективный способ регулирования и принципиального разрешения социальных конфликтов на основе восстановления и укрепления отношений сотрудничества и партнерства.

Ориентированная на консенсус конфликтологическая теория и реализующая ее практика служат инструментом реального осуществления демократизации. Для выполнения этой своей важной конструктивной роли конфликтология выполняет обоснование и предоставляет концептуальное обеспечение таких социальных проектов и программ, с помощью которых для каждого вида общественно значимых конфликтных ситуаций формируются механизмы и процедуры их мониторинга и урегулирования на основе консенсуса или, по крайней мере, компромисса. Только таким путем конфликтология и может реально «работать» на демократизацию.

Стержневой темой, вокруг которой организуются усилия современных конфликтологов, выступает проблема *обеспечения социального партнерства* как основного способа принципиального разрешения социальных конфликтов. Полагаем, что на принципе социального партнерства, как на фундаменте, должны базироваться все важнейшие направления демократически ориентированной, опирающейся на научный анализ и мировой опыт государственной политики. Именно в этом ракурсе должна быть рассмотрена проблема формирования, развития и совершенствования гражданского общества в наших странах.

Идея гражданского общества получила широкое распространение в общественном сознании и человековедении вообще: этим понятием пользуются в своих работах социологи, политологи, конфликтологи, социальные психологи и другие специалисты, придавая ему значение едва ли не самой фундаментальной проблемы современного общественного развития. Согласно распространенным взглядам, гражданское общество характеризуется добровольной активностью и охватывает различные формы организации взаимодействия отдельных индивидов, социальных групп и общностей для реализации их интересов и ценностей, а потому должно рассматриваться как арена расширяющейся демократии, которая ограничивает мощь и размеры бюрократической машины. При этом у многих авторов идея гражданского общества как фактора, ограничивающего разросшееся в XX веке государство, постепенно все более связывается с идеей построения и укрепления социального государства как общественной подструктуры, обслуживающей нужды самого гражданского общества. В качестве основного направления политики, проводимой таким государством, постулируется социальная политика, а одним из основных механизмов ее реализации полагается социальная работа (см.: [1; 3; 5; 6]).

Тем самым намечается тенденция возвращения к идее единства, а в определенном смысле – и тождества гражданского общества с государством (в случае принятия последним формы социального государства) вместо их разведения и противопоставления. Это представляется необходимым условием для адекватного понимания не только природы самого гражданского общества, но и основных

принципов и задач современной российской социальной политики, а также реализующей ее социальной работы. Данная тенденция ведет к пониманию гражданского общества как специфической характеристики не какой-то особой части социума (в противовес другой его части – государству), а всей политической общности определенного типа, которая подчиняет своих граждан легитимным, всеми одобряемым законам и таким образом обеспечивает гражданский мир и хорошее управление.

В число граждан, наделенных в рамках данной общности правами и обязанностями входят, разумеется, и те, кто обладает административными полномочиями, выполняет функции в рамках государственного аппарата. Следовательно, государство как совокупность этих функций не противостоит гражданскому обществу, а *составляет его неотъемлемую часть, специфическую подструктуру*. Правда, – и это приходится вновь особо подчеркивать – государство выступает такой неотъемлемой частью гражданского общества только в том случае и в той мере, в какой является *социальным государством*, то есть ставит своей целью формирование, выражение и реальное обеспечение жизненных интересов общества. Этой цели и должна служить социальная политика как основной компонент политики в целом, а также ее основной практический механизм, ее «технологическая составляющая» – социальная работа.

В отличие от привычных представлений о том, что сила государства состоит в его способности *принуждать* к выполнению своих требований, сила социального государства понимается как его способность согласовывать существующие интересы *без принуждения*, посредством обеспечения консенсуса и социального партнерства. Если учесть, что отношения в социальной сфере развиваются под влиянием социальной политики, которая зависит от экономики, развития материальной и духовной культуры общества, то основная задача социальной политики в евразийском пространстве – это *гармонизация общественных отношений, обеспечение политической стабильности и гражданского согласия*.

В интересах поступательного движения в этом направлении конфликтологам следует добиваться того, чтобы основными технологиями урегулирования и разрешения конфликтов в формирующемся и развивающемся гражданском обществе становились «мягкие», «компенсационные» модели урегулирования, при осуществлении которых участники конфликта пытаются найти решение не за счет ущемления прав и свобод противоположной стороны, а напротив, на основе взаимного учета интересов и потребностей всех вовлеченных в конфликт сторон; реализации идеи равенства и паритета интересов всех без исключения участников конфликта; сформированности представлений об одинаковой социальной ценности исповедуемых ими убеждений и верований, используемых моделей поведения и мотивационных схем; перехода к преимущественному использованию при анализе и разрешении конфликтных ситуаций методов достижения согласия, обеспечения консенсуса и т. п. [8].

Литература и источники

1. Бурджалов, Ф. Э. Современная социальная политика: между планом и рынком: учеб. пособие / Ф. Э. Бурджалов. – М.: Фирма Гардарика, 1996. – 267 с.

2. Витюк, В. В. Становление идеи гражданского общества и ее историческая эволюция: монография / В. В. Витюк; Рос. акад. наук. Ин-т социологии. – М.: [б. и.], 1995. – 91 с.
3. Митрошенков, О. А. Социальная политика в России: мегатенденции 1998–2010 гг.: докл. на междунар. конф. «Социал. защита населения России: истоки, традиции и перспективы», 22 апр. 1998 г. / О. А. Митрошенков; Моск. гос. социал. ун-т. – М.: Союз, 1998. – 20 с.
4. Романенко, Л. М. Конфликтологические проблемы построения гражданского общества / Л. М. Романенко // Конфликты в современной России: проблемы анализа и регулирования. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – С. 101–102.
5. Владимиров, А. А. Современная модернизация в России с позиций социальной философии и конфликтологии / А. А. Владимиров, Л. А. Зеленов, Е. И. Степанов; Междунар. ассоц. конфликтологов, Общерос. акад. человековедения, Волж. гос. акад. водного трансп., Каф. философии и социал. наук. – М.: USSR: ЛИБРОКОМ, 2013. – 207 с.
6. Социальная политика: парадигмы и приоритеты / под общ. ред. В. И. Жукова. – М.: Изд-во. МГСУ «Союз», 2000. – 342 с.
7. Становление гражданского общества и социальная стратификация // Трансформация социальной структуры и стратификация российского общества. – М., 1996. – С. 20–57.
8. Степанов, Е. И. Обеспечение процесса модернизации в условиях современной глобализации // Конфликтология. – 2014. – № 3. – С. 9–27.
9. Философия культуры. – Н.-Новгород, 2013.
10. Arato, A. Civil Society and Political Theory / A. Arato, J. Cohen. – Cambridge, 1992.
11. Cohen, J. Class and Civil Society / J. Cohen. – Massachusetts, 1983.

КОНСТРУКТИВНЫЙ ПОДХОД К ФОРМИРОВАНИЮ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ НА ОСНОВЕ РАЗВИТИЯ ОТРАСЛИ ВЫСОКИХ ТЕХНОЛОГИЙ

В. П. Старжинский, В. В. Цепкало

Интеллектуальная культура и инновационное развитие. Факторы глобального социально-экономического кризиса, такие как существенный рост цен на энергоносители и повышение реальных процентных ставок, не только привели к экономической стагнации целых стран и регионов мира, но и способствовали изменению стратегии развития всей мировой экономики. На наших глазах в хозяйственно-экономическом развитии приоритетными становятся отрасли, связанные с высокими технологиями (ВТ). Разработка и внедрение ВТ позволило ряду государств резко увеличить социально-экономический потенциал и перейти из разряда стран «третьего мира» в группу высокоразвитых государств.

Экономический и социокультурный анализ развития ВТ-секторов экономики показывает наличие огромного потенциала инновационного развития. Отсюда напрашивается вывод о том, что инновационная ориентация социально-экономического развития является важнейшей движущей силой модернизационных процессов, роста эффективности функционирования механизмов хозяйства и обеспечения максимального уровня конкурентоспособности экономики. Инновационное развитие сопровождается качественными изменениями в системе образования, менеджмента, маркетинга, совершенствованием транспортной и

телекоммуникационной систем, повышением квалификации труда, улучшением инвестиционного климата, трансформацией социально-экономического облика государства в целом.

Как известно, важнейшим атрибутом функционирования сферы высоких технологий, как и в целом инновационного развития, является высокая добавленная стоимость производства за счет задействования качественного интеллектуального ресурса, складывающегося под воздействием высокой интеллектуальной культуры.

Говоря об императиве интеллектуальной культуры для ВТ-сектора, необходимо учитывать два ракурса понимания культуры, связанные с процессами интериоризации и экстериоризации. В контексте первого понимания культура личности предстает как процесс освоения надличностно значимых знаний, символов, ценностей, т. е. «культуры духа». Второе понимание основывается на интерпретации культуры как продукта культуротворчества. Для конструктивного подхода такое понимание наиболее адекватно. Суть конструктивного подхода к формированию интеллектуальной культуры составляет именно акцент на культуротворчество как создание необходимых условий для инновационного развития, а также процесс внедрения инноваций.

С учетом обозначенной позиции рассмотрим приоритеты инновационного развития Парка высоких технологий Республики Беларусь в аспекте построения объективированных форм интеллектуальной культуры.

Права интеллектуальной собственности. Одним из факторов, длительное время тормозивших инновационный процесс в отечественной экономике было то, что в советской системе научно-технической деятельности изобретатель не имел права собственности на созданный им интеллектуальный продукт. Собственность на новые технологии и продукты принадлежала государству. Изобретатель и организация, в которой он работал, не обладали правом получения дохода от эксплуатации инновации. В результате практически не существовало экономических стимулов по внедрению инноваций.

С течением времени эта ситуация стала меняться. В Республике Беларусь на сегодняшний день уже создана основа государственной системы охраны интеллектуальной собственности. Сформированная законодательная база соответствует действующим в данной сфере международным нормам и позволяет осуществлять охрану результатов интеллектуального труда и их защиту от противоправного использования.

Сегодня в мире основную стоимость программного обеспечения, новых медицинских препаратов, высокотехнологичного оборудования составляют не материальные компоненты, такие как металл, пластик или бумага, а реализованные в них изобретения, инновации, продукт научных исследований, промышленного дизайна и испытаний. Так, стоимость основных фондов в компаниях, занятых производством программного обеспечения, составляет порой не более 5–6% от их рыночной стоимости.

С учетом сказанного, значительным препятствием более эффективного использования интеллектуальной собственности для развития белорусской экономики является отсутствие в стране традиций уважительного отношения к результатам умственного труда. Часть населения еще не воспринимает авторские

права как чью-то собственность. В общественной психологии интеллектуальная собственность мало соотносится с представлением о «собственности» как таковой, а несоблюдение установленных законом правил охраны результатов интеллектуального труда не принадлежит к числу социально порицаемых поступков.

На сегодняшний день в Республике Беларусь не создан механизм учета прав тех исследователей и ученых, которые всю свою жизнь посвятили разработке эксплуатируемых отечественными предприятиями технологий и оборудования. В отличие от искусства и литературы, где хоть как-то соблюдались и соблюдаются авторские права, у значительного числа отечественных технологических разработок нет авторов, соответственно, нет и механизма получения патентных и лицензионных платежей. Новые собственники получили «ноу-хау» бесплатно, и до сих пор большинство реально применяемых на предприятиях отечественных технологий не имеют своей стоимостной оценки.

Защита интеллектуальной собственности имеет особое значение для становления Парка высоких технологий в качестве инфраструктурного компонента международного рынка высокотехнологичных разработок. Отлаженная система защиты интеллектуальной собственности является ключевым элементом в поощрении прямых иностранных инвестиций и привлечении иностранных компаний разработчиков программных продуктов в качестве резидентов ПВТ.

Венчурное финансирование. О необходимости развития в Республике Беларусь механизмов венчурного финансирования впервые было заявлено Президентом Республики Беларусь на совещании с руководителями загранучреждений Республики Беларусь 2 августа 2006 года. Особый интерес представляет венчурное инвестирование – прямое вложение денежных средств в финансирование высокоинтеллектуальных инновационных разработок и внедрение их в производство. Это вложение осуществляется инвесторами на свой риск и без обязательств по уровню доходности и возврату инвестиций. Нужно учитывать, что реализация наукоемких проектов по разным причинам далеко не всегда завершается предполагаемым конечным результатом. По оценкам западных специалистов, более 50% всех инновационных проектов, связанных с высокими технологиями, закончились провалом. Естественно, что финансирование таких проектов весьма рискованно, однако получаемые при положительном результате дивиденды не идут ни в какое сравнение с традиционной прибылью. Так, по результатам последних четырех лет доходность ценных бумаг компании Yahoo (информационные услуги) составила 3998%.

Ключевым механизмом привлечения частного капитала в отечественную венчурную индустрию является создание венчурных фондов с прямым долевым государственным участием. Государственные средства, инвестируемые в венчурные фонды, будут снижать риски частных инвесторов, входящих в эти фонды, играть роль аттрактора и катализатора в привлечении частных средств в венчурную индустрию страны. Такая форма государственного содействия на начальной стадии становления венчурной индустрии показала свою эффективность практически во всех странах.

Повышение интеллектуалоемкости традиционных отраслей промышленности. В первую очередь здесь речь идет о развитии машиностроения, легкой промышленности и радиоэлектроники на базе современных информационных

технологий.

Основной тенденцией развития промышленного производства в информационную эпоху является переход от вертикального управления к горизонтальным логистическим структурам. Крупнейшие мировые корпорации строятся по принципу холдинговой структуры. Головное предприятие выполняет функции мозгового центра и определяет стратегию конкурентной борьбы и маркетинга, разработку новых изделий, сбытовую (дилерскую) сеть, а также управляет сетью поставщиков-партнеров.

Собственно производство осуществляется на основе широкого использования кооперации, причем предприятия-партнеры не обязательно входят в состав корпорации, а выбираются на основе оптимизации соотношения цена/качество. Предприятия-партнеры либо поставляют стандартные узлы, детали и комплектующие изделия, либо производят их в индивидуальном порядке под заказ на основе документации, разработанной головным предприятием.

Для Беларуси такой подход становится тем более актуальным в связи с постепенным переходом на мировые цены в оплате энергоносителей. Ранее с ростом затрат на энергообеспечение производства столкнулись многие страны мира и многие отрасли. Именно поэтому, к примеру, ведущие производители автомобильной техники делокализуют свое производства. Они оставляют за головной компанией – национальным резидентом роль «мозгового центра» и при этом широко используют возможности международной кооперации, такие как дешевые природные ресурсы в России, дисциплина и дешевизна трудовых ресурсов в Китае, знание английского языка для поддержания бизнес-процессов в Индии и т. п.

Основой организации современного производства являются информационные технологии, которые обеспечивают поддержку жизненного цикла изделий: маркетинговый анализ, проектирование новых изделий, подготовку производства и испытания, управление. Еще одним перспективным направлением для белорусской информационной индустрии может стать создание специализированных инженерных центров, оснащенных самыми современными программно-техническими и информационными комплексами, для внедрения новейших технологий в машиностроительное производство. Эти центры могли бы выйти на внешние рынки с услугами по проектированию разнообразных изделий и комплектующих на базе сложных современных программных инструментов.

Принципы проектирования инновационного образования. Инновационное образование – детище инновационных сдвигов в современной науке, производстве, культуре и социуме в целом, и поэтому всецело должно им соответствовать. Образование определяется уровнем и направлениями развития современной высокотехнологичной науки, вместе с ней служит современному производству и интегрируется в глобальные экономические процессы. Именно это обстоятельство задает требования к инновационному образованию, которые выступают принципами его построения. Их можно выразить в следующих тезисах.

1. Инновационная экономика задает приоритеты и «правила игры» науке и образованию.

2. Инновационное образование должно ориентироваться на приоритеты социально-экономического комплекса.

3. Инновационное образование должно соответствовать профилю страны в международном разделении труда.

4. Инновационное образование, вслед за наукой, подчиняется главному критерию – служить экономическому развитию и востребованности на рынке в виде коммерческой услуги.

5. Образование дает знания, не востребованные обществом, экономикой.

6. Учеба в институте и работа на производстве – единый процесс творчества.

7. Необходимо выпускать таких специалистов, которые создают, прежде всего, национальное богатство страны.

8. Необходимы преференции для приоритетных специальностей (программисты, инженеры, строители) и направлений подготовки.

К сожалению, отечественная система образования не располагает четкими критериями востребованности, а поэтому выпускает кадры, которые не работают по специальности. Ненастроенная в соответствии с требованиями рынка, недостаточно гибкая система образования превращается в объект неэффективного расходования государственных средств. Она создает предпосылки для того, что полученное образование для личности рискует стать «неудачным стартом», заманить в ловушку жизненного неуспеха («лузерства») и даже подтолкнуть к эмиграции.

Для того, чтобы нивелировать эти негативные эффекты, необходимо срочно вводить «кейс-образование», основанное на совокупности проблем и задач реального сектора экономики. Отечественная система образования остро нуждается в новых технологиях и подходах, основанных на симбиозе науки, образования и производства. Следует переходить от преподавания отдельно взятых дисциплин к проблемно-ориентированному образованию-производству.

Проектирование новых инновационных направлений деятельности. На современном этапе деятельности Парка высоких технологий Республики Беларусь актуальным представляется планомерное освоение новых направлений. Этот вектор развития ПВТ задается Декретом Президента страны. Перспективные направления научной и научно-технической деятельности Парка могут включать в себя исследования и разработки в таких областях, как радио- и микроэлектроника, оптическое и электронное приборостроение, биотехнологии и др. Это повысит возможность академических научных учреждений, а также промышленных предприятий, организаций военно-промышленного комплекса страны вписаться в программы Парка высоких технологий.

Представляется, что такое содержательное развитие деятельности ПВТ позволит компенсировать недостатки организации научной сферы в Беларуси, связанные со спектром финансируемых исследовательских направлений (во многом сохранившимся со времен Советского Союза), негибкостью организационных форм, способствующей «перерастанию» научно-исследовательских институтов в забюрократизированные структуры, а также с тем, что многие исследовательские институты продолжают существовать как «самодостаточные» структуры, в отрыве от реальных запросов предприятий и отраслей экономики. В то же время в странах Запада, к примеру, деньги на научные исследования выделяются, прежде всего, компаниям, которые занимаются производством в соответствующих отраслях. Получив от правительства грант на то или иное исследование, они могут

сформировать исследовательский коллектив и впоследствии коммерциализировать полученные новые решения.

Для исправления этой ситуации нами предлагаются следующие возможные меры:

1. Сосредоточить интеллектуальные ресурсы страны на узком спектре перспективных направлений, с которыми Беларусь связывает свои конкурентные преимущества в мире.

2. Финансирование научных исследований осуществлять в основном через предприятия-субъекты хозяйствования. Причем на такое финансирование могут претендовать и предприятия негосударственной формы собственности.

3. Принимать решения о регистрации той или иной компании в качестве резидента или бизнес-проекта, рассматривая в первую очередь экспортную составляющую их деятельности. Поставка высокотехнологичного продукта на экспорт говорит о вписываемости компании или проекта в основные мировые тренды и свидетельствует о том, что производимый продукт отвечает международным стандартам качества.

4. Создать по отраслям базу данных специалистов, обладающих компетенциями, необходимыми для реализации крупных государственных проектов. Чрезвычайно важно, чтобы в этот резерв вошли, прежде всего, специалисты, знакомые с реалиями и проблемами производства, и лишь затем теоретики.

Общегосударственный подход к формированию интеллектуальной культуры. Экспорт высокотехнологичной продукции с высокой добавленной стоимостью стал определяющим фактором в экономическом развитии целого ряда стран. В этих условиях доминирующим условием для развития предприятий любого профиля становится формирование интеллектуально-инновационной культуры в виде способности воспринимать инновации, правильно организовывать инновационный процесс (превращение идеи в реализуемый на рынке товар). Существенно возросшие темпы смены старых технологий новыми потребовали внедрения наиболее эффективных форм организации инновационного процесса при максимально возможной интеграции науки, производства и сбыта. Создаваемая в ходе этой интеграции инновационная инфраструктура должна объединять высшие учебные заведения, исследовательские институты, производственные мощности и специальные организации по поддержке предприятий инновационной направленности.

Важнейшая миссия Парка высоких технологий Республики Беларусь состоит в придании процессу формирования интеллектуально-инновационной культуры общегосударственного масштаба. Для этого необходимо объединение усилий по продвижению общих интересов в органах власти, проведению совместных проектов в области подготовки кадров, выращиванию малых ВТ компаний в «инкубаторах», проведению скоординированных маркетинговых и PR-акций. В условиях рыночных отношений в лице парков высоких технологий мы получаем новые формы и структуры интеграции высшего образования, науки, промышленности, предпринимательства, источников финансирования, региональных и местных органов управления. Это позволяет эффективно реализовать виды и формы производства и услуг, соответствующие высшим технологическим укладам

современности, уровню экономического развития лидирующих стран.

ДОРОЖНАЯ КАРТА ВЕКТОРНОГО РАЗВИТИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Н. В. Алексеева-Любецкая, А. И. Сыкало

30 апреля 2003 года Организация Объединенных Наций, Европейский союз, Соединенные Штаты Америки и Российская Федерация официально представили документ, названный «Дорожная карта».

Сегодня, дорожные карты – это общепринятый инструмент стратегического планирования; пошаговый сценарий, алгоритм видения, стратегии развития определенного объекта – отдельного продукта, некоторой технологии, отрасли или плана достижения социальных целей, – они выстраивают во времени основные шаги этого процесса по принципу «прошлое – настоящее – будущее» и являются традиционной формой проектного менеджмента.

Дорожные карты широко применяются на международном, общегосударственном, региональном уровнях, а также в корпоративной практике и т. д.

Дорожная карта развития интеллектуальной культуры – это алгоритм пошаговой реализации интеллектуального развития человека и общества, обеспечивающий его максимальную самореализацию в своих интересах и интересах общества.

Развитие интеллектуальной культуры – это своего рода развитие нового социального будущего, которое требует организации новых источников информации и консультирования; создания, там и тогда, где это необходимо, условий для реформ; формирования консенсуса и мобилизации трудовых ресурсов на реализацию новых стратегий. Создание этих условий не может осуществляться синхронно и, потому достигается последовательно.

Дорожная карта позволяет заблаговременно оценить будущие риски и создает возможности принятия адекватных решений [1].

Современное общество не может более в своем развитии опираться, как это по инерции все еще делает большинство современных политиков и бизнесменов, на прошлый опыт (его попросту нет) или здравый смысл.

Иного средства, кроме человеческого разума (прежде всего в форме научной мысли) для создания новой цивилизационной модели развития просто неизвестно [5]. Но будущее, все еще может стать таким, как мы хотим, если только наши пожелания будут разумны и реалистичны. Задача ближайшего будущего – собрать, тиражировать и включать в единую образовательную систему сложившиеся, складывающиеся и недостающие элементы новой педагогики, убрав все несоответствующие экологическому и этическому императиву из процесса обучения.

Современная психология вычлняет из величественной, но аморфной глыбы человеческой личности отдельные компоненты – IQ, креативность, системное мышление, социальный и эмоциональный интеллект и др., позволяя не только

выявить, но и измерить их. Восхождение человека по этим ступеням социализации и составляет дорожную карту векторного развития интеллектуальной культуры.

Интеллект предстает сегодня уже не полумистическим облаком, чудом, явившимся из ниоткуда и ведущим в никуда. Благодаря многим десятилетиям напряженных исследований психологов он понимается как образование с разветвленной структурой и дифференцированными функциями. Психология вплотную приблизилась и теоретически, и практически, к постановке главной задачи любой науки – управлению объектом исследования, интеллектуальной культуры человека и общества.

Дорожная карта – это комплексный обзор динамики управляемой области. Она не статичный план, его разработка будет продолжаться до реализации стратегии или достижения целей [3]. Дорожная карта позволяет просматривать не только вероятные сценарии, но и их потенциальную рентабельность, а также выбирать оптимальные пути с точки зрения ресурсной затратности и эффективности. Это интерактивный инструмент, позволяющий немедленно вносить какие-либо изменения и уточнять сценарии развития объекта. Кроме того, с помощью дорожных карт удастся использовать время и ресурсы самым разумным образом и ставить более реалистичные цели [2].

Опираясь на идеи глобального эволюционизма, развитие социологии, психологической науки и практики, можно утверждать, что интеллект явление не биологическое, а социальное и в процессе социализации, формируется под влиянием внешних воздействий.

Социальный интеллект является важным фактором общественного развития, который в значительной мере определяет уровень личностного потенциала. Социальный интеллект стоит в одном ряду с другими видами интеллекта, образуя вместе с ними способность к высшему виду познавательной деятельности – обобщенной и опосредованной.

Эмоциональный интеллект не только отражает определенный аспект внутреннего мира человека, но и порождает конкретные формы разумного внешнего поведения.

Массовый интеллект – творческий, креативный, способный решать проблемы в условиях высокой неопределенности, необходим в современном информационном обществе. В экономике наших дней креативность уже масштабная и непрерывная практика. Становится очевидным, что человека можно нанять на работу или уволить, но его творческие способности нельзя купить и продать, включить и выключить по желанию.

Чего мы хотим? Какую жизнь и какое общество хотим завещать грядущим поколениям? От наших желаний в этом вопросе что-либо будет зависеть только в том случае, если мы познаем с достаточной полнотой объективные законы развития и будем строго следовать им в социальном проектировании [6].

Ликбез двадцатых годов прошлого века превратил невежественную Россию в самую читающую. Индустриализация и НТР позволили начать освоение космоса. Дорожная карта векторного развития интеллектуальной культуры поможет решению главной проблемы современности – созданию нового человека для нового общества.

Первые исследования социального, эмоционального интеллектов и

креативности, в схеме индивидуальной дорожной карты молодежи, показывают возможность их раздельной количественной оценки и сопоставимости. Например, при психологическом исследовании различных социальных групп молодежи выявлена дисгармоничность отдельных компонентов интеллекта (низкий уровень социального интеллекта, средний уровень эмоционального интеллекта и высокий уровень креативности), что говорит о необходимости повекторной оценки и развития отдельных компонентов интеллектуальной культуры молодежи.

Трансляция этих идей и методов позволит точно также оценивать динамику интеллектуальной культуры общества.

Таким образом, можно утверждать, что интеллектуальная культура индивидуума подлежит управлению, и ее прогрессивное развитие может происходить на основе уже существующих психологических методов.

В связи со сложностью структуры интеллекта необходимо повекторное развитие и отслеживание динамики компонентов интеллектуальной культуры для формирования гармонично развитой личности.

В сегодняшних условиях стихийного развития, интеллектуальная культура – удел избранных, в социально организованных условиях она может стать среднестатистической нормой [4], поэтому мерой адаптированности человека в обществе, и общества к человеку определяется степень развития их интеллектуальной культуры.

Литература и источники

1. Бельке, Э. Мыслить категориями многовариантного будущего / Э. Бельке // Форсайт. – 2008. – № 4. – С. 4–8.
2. Гретченко, А. И. Новый инструментарий долгосрочного планирования инновационной экономики / А. И. Гретченко // Вестник РЭА. – 2010. – № 4. – С. 33–37.
3. Джемала, М. Корпоративная «дорожная карта» / М. Джемала // Российский журнал менеджмента. – 2008. – № 4. – С. 149–168.
4. Зиновьев, А. Высшее образование и логика интеллекта / А. Зиновьев // Almamater. – 2004. – № 5. – С. 11–15.

ДЕГРАДАЦИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

А. И. Сыкало

Человек и общество как самоорганизующиеся системы сосуществуют и взаимодействуют одновременно в четырех потоках информации:

- 1) филогенетической (биологическая эволюция);
- 2) онтогенетической (индивидуальное развитие);
- 3) социальной коллективной (культурное наследие);
- 4) социальной и личной (коммуникация, обучение, творчество).

В рамках этих четырех потоков формируется интеллект человека и общества. Для целей дальнейшего изложения целесообразно дать определение интеллекта, несколько отличающееся от общепринятого. Интеллект – это способ устранения

неопределенности при взаимодействии объекта и среды путем развития научной картины мира (НКМ).

Если рассмотреть динамику потоков, то окажется, что их траектории ведут себя по-разному, но стремятся во вполне обозримом будущем к нулевой точке организации – к хаосу и гибели.

Первый поток движется по пути генетического вырождения вида *Homo Sapiens* в результате утраты механизмов естественного отбора и нарастания доли генетического груза. Ускорение процессу деградации человеческого генома придали развитие медицины и социальной сферы, технологический прогресс, освободившие человека от выживания лишь наиболее приспособленных. Процесс деградации генома ускоряется нарастающим мутагенным давлением на него все более урбанизированной среды обитания современного человека. В результате все меньшее число людей способно овладеть интеллектуальной культурой.

Второй поток – экспрессия соматических генов и их дезорганизация в онтогенезе (соматический мутагенез и болезни с отсроченной гибелью).

Третий поток начинается с формирования языка, овладения огнем и орудийной деятельностью и передачи нового знания от поколения к поколению. Развитие IT технологий создало возможности (получившие технологическое воплощение без оценки необходимости) сохранять практически всю информацию, генерируемую человечеством. Сегодня объем сохраняемой информации многократно превышает возможности ее использования отдельным человеком.

Четвертый поток ограничен рамками индивидуальной личности, и существенно различается в разные возрастные периоды, в разных социальных и этнических группах. Решающее значение для благополучия человека и общества имеет не абсолютное значение сложности организации, а ее содержательный смысл и доля от объема третьего потока.

Динамика всех четырех потоков может быть скорректирована до состояния устойчивого развития (УР). Генетические риски устранимы развитием медицины, молекулярной биологии и геномной инженерии. Управление третьим и четвертым потоками возможно при пересмотре целей развития человека и общества, их духовных ценностей, мотиваций и приоритетов. Современное состояние человеческой цивилизации воистину трагическое – без принятия мер гибель ее более вероятна, чем выживание.

Мы разрушили обратную связь с природой, изолировав человека социумом от прямого воздействия окружающей среды и повернув, тем самым, вспять генетическую эволюцию своего вида. Сегодня мы вместе с остальной биосферой только накапливаем генетический груз и деградируем.

Мы вывели человека из-под действия регулирующего численность вида закона «хищник-жертва», выпустив из бутылки джина избыточного размножения. Для достойного обеспечения витальных потребностей (а не голодной смерти) ныне живущих уже необходимы 3–4 планеты таких как Земля.

Мы сделали приращение богатства (увы, не духовного) целью и смыслом жизни абсолютного большинства людей, а потребительство общей жизненной философией. Нами правят политические пигмеи и человеческие ничтожества, которые не видят горизонтов общественного развития и ведут нас в пропасть

алчности и властолюбия.

Мы накопили благодаря прогрессу науки и росту дезинформации гигантский объем неорганизованного знания, суеверий и заблуждений, вызвав, тем самым, дебилизацию населения планеты. Каждый из нас знает все меньшую долю от стремительно растущего общечеловеческого знания и потому не может на него опираться при принятии решений. Отсюда нарастание политического абсурда, войн и технологических катастроф, деградация морали и нравственности.

Можно ли выйти из развивающегося информационного кризиса, грозящего цивилизации близкой катастрофой? Можно. Но для этого нужно поднять уровень интеллектуальной культуры у большинства людей, а само понятие интеллектуальной культуры обозначить необходимыми и достаточными рамками. В целях дальнейшего изложения достаточно ограничить характеристику интеллектуальной культуры возможностью ответа на четыре последовательных вопроса:

Что? – образная модель мира на основании стихийно-эмпирического опыта и религиозных конструкций. Мифологическое и обыденное сознание.

Почему? – причинно-следственные связи операционно-эмпирического опыта. Сюда относится «здравый смысл» – «совокупность заблуждений и суеверий, свойственная данной эпохе», присущий большинству населения планеты.

Как? – кластеризация опыта на основании эмпирического обобщения. Это частные научные теории и парадигмы научного сообщества.

Зачем? – логическая система теоретических конструктов, выводимая из набора аксиом. В рамках планетарной системы общество-природа этот вопрос некорректен – нужен выход за пределы планетарного мышления и единая для всего человечества *вера* в возможности Разума по управлению развитием Вселенной. Развиваемый подход – атрибутивная теория самоорганизации и императивная этика устойчивого развития, коэволюция человека, природы и общества ориентированы именно на эту задачу.

Попытка ответить на вопрос «Зачем?» влечет за собой необходимость радикального пересмотра целей, ценностей, мотиваций и приоритетов современной глобальной цивилизации. Целями человека и общества должна стать миссия сохранения и развития Разума во Вселенной и, в первую очередь, в масштабах Земли. Традиционные ценности неограниченного потребления уступят ценностям социально-природного благополучия (экологический императив) и духовного развития на пути к ноосфере (императив интеллектуальной культуры). Упразднится право частной собственности на средства производства. Использование невозобновимых природных ресурсов табуируется, главным ресурсом становится информация. Рыночную экономику и конкуренцию сменит проектное развитие и партнерство. Образование предметное уступит место проблемному, что на порядки снизит объем необходимой и достаточной информации для принятия адекватных решений. Все производительные силы общества должны быть ориентированы на восстановление и поддержание условий объективными законами самоорганизации. Научное и технологическое обеспечение выхода из сырьевого, энергетического и информационного кризисов уже существует. Остановка за политической волей глобального общества, т. к. такие радикальные перемены невозможно осуществить в «одной отдельно взятой стране».

Сегодняшняя реальность Беларуси, как и остальных членов мирового сообщества – 80% выпускников вузов, не владеющих интеллектуальной культурой или вовсе незнакомых с ней. И неудивительно, в обществе потребления продается и покупается все. Интернет полнится предложениями рефератов, курсовых, дипломных, диссертаций и «творческих» работ – статей и монографий, по весьма умеренным ценам. И утверждению, что интеллектуальную культуру невозможно купить, а можно только усвоить – никто не верит. Похоже, последнее поколение, стремящееся к интеллектуальной культуре, уже потеряно. В этом главный кризис эпохи.

ДИХОТОМИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИНТЕНЦИИ

В. А. Салеев

В 50-х годах XX века Чарльз Сноу – большой ученый-физик и большой писатель – постулировал наличие двух культур, расходящихся в разные стороны.

Речь шла о культуре, связанной с интеллектом, на котором строится здание научной сферы, во многом определяющей прогресс человечества. Этой части культуры противопоставлялась другая – культура художественная, в основе которой лежит образная система, где превалирующую роль играет эмоциональная составляющая.

За прошедшие более чем полстолетия эти идеи не потеряли своей актуальности (достаточно вспомнить прошедшую в конце 50-х годов XX века в СССР дискуссию между «физиками» и «лириками»). Ныне, в эпоху глобального коммуникационного общества, они приобретают новое измерение.

Прежде всего, привлекает разнообразная интерпретация понятия «интеллект». Латинское *intellectus* может трактоваться и как «ум», и как «разум», и как «рассудок». Последняя трактовка, как известно, породила картезианскую доктрину, которая доминировала в культуре классицизма и известного периода Просвещения.

Нетрудно заметить, что благодаря этой классической трактовке интеллекта как совокупности умственных функций, организующей вокруг себя мышление, и на ее основе – рациональное познание, систему идей, и деятельность человека, основанную на знании.

Вместе с тем, развившаяся в XX веке психологическая наука трактует интеллект как систему психологических механизмов, которая суммирует определенные «поведенческие проявления» человека.

Основополагающая проблема современного понимания интеллекта, на наш взгляд, лежит по линии соединения восприятия, понимания (осмысления) и интерпретации происходящего, что, по идее, должно соединять в единую целостность чувственно-волевою (и отсюда – мотивационную) сферу человеческого существования со сферой мышления на категориальной основе, что, в конечном счете, и определяет ментальность индивида, в которой в переплетенном духовном синтезе, являются чувственно-эмоциональная трепетность и интеллектуальная активность.

Предшественницей подобного взгляда, обеспечивающего как развитие научного поиска, так и создание художественных доктрин, можно считать учение Ф. Шеллинга, который, в отличие от Г. В. Ф. Гегеля, ставил искусство на вершину человеческого бытия; стержнем последней выступает положение об интеллектуальной интуиции. Именно в ней, в «искусстве трансцендентального созерцания» мы находим возможность «трансцендентального мышления», и таким образом, обеспечиваем «переплавку» первоначальных основ креативного акта (являющегося в восприятии) в подлинное творческое мышление, оформляющее конечный результат творческого действия человека.

И направляющая, объединяющая роль интеллекта (разума, обогащенного чувством и знанием) в этом двойственном, духовном бытии человека несомненна.

Именно она порождает смысл человеческого существования на Земле.

1.2 Интеллектуальный потенциал и капитал современного общества: проблема определения

ФИЛОСОФИЯ КАК ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО КАПИТАЛА ТРАНСФОРМИРУЮЩИХСЯ ОБЩЕСТВ

А. И. Зеленков

Сегодня, в преддверии кардинальной ценностной революции, о необходимости которой так настойчиво и солидарно говорят ученые, политики, философы, очень важно не забывать о смыслообразующей роли философии в системе современной культуры и социальной практики. Опираясь на духовный опыт прошедших эпох и цивилизаций, философия учит всякий раз конкретно и творчески сопрягать традиции культуры и технологические новации. Именно эта стратегия обеспечивает ей уникальную роль в формировании интеллектуального капитала и духовного наследия любого современного общества, которое ориентируется на постиндустриальные приоритеты, цели и ценности устойчивого развития.

В этом контексте представляется важным рассмотреть данную проблему, выделяя три различные ипостаси философии как уникального феномена культуры, который уже на протяжении более двух с половиной тысяч лет является неотъемлемым компонентом цивилизации, по крайней мере, в ее западной версии.

Первую ипостась можно определить как «философия в публичном пространстве социума». Речь здесь идет о том, насколько нужна и востребована философия как рационально-критическая форма рефлексии о делах общества и власти в том или ином социуме, в его культуре, образовании, политических практиках и формах массовой коммуникации.

Вторая ипостась философии представлена в формах профессионально-академического дискурса и общения. Это гораздо более сложное и тонкое понимание

ее природы и функций, которое опирается на богатейший опыт развития как самой философии, так и науки, религии, искусства.

Третья ипостась философии обнаруживает себя как важнейший компонент гуманитарного образования, комплексной системы воспитания и социализации личности.

Говоря о месте и роли философии в публичном пространстве социума, важно отметить, что в самой философии ответ на этот вопрос уже давно найден и сформулирован. Философия возникает и становится жизненно необходимой именно там, где есть потребность в свободе – в свободе как неотъемлемой характеристике личности, способной реализовать свое право на индивидуальное понимание, выбор и действие не только во имя собственного блага, но и блага общества в целом.

Это означает, что философия возникает и успешно развивается далеко не везде, не во всех культурах и типах социальной организации. Она становится подлинно востребованной там, где наряду с государством сформированы и успешно функционируют развитые формы и структуры гражданского общества. Там, где люди должны быть воспитаны как свободные граждане, а не как бездумные исполнители воли монарха, правителя или харизматической личности.

Обращаясь ко второй ипостаси философии, в рамках которой проблема ее конституирования в качестве уникальной формы духовного опыта всегда рассматривалась как проблема профессиональной ответственности и компетенции академического сообщества ученых, философов, мыслителей, следует отметить, что здесь картина обретает гораздо более сложный и противоречивый характер. В современной ситуации именно философия позволяет достаточно органично соединять рациональное содержание классических идей и подходов с новыми ценностями и инновационными программами. Философский разум всегда был ориентирован на внимательное и уважительное отношение к традиции, вместе с тем, ему также всегда была свойственна интенция на формирование творческого мышления, направленного на критическую рефлексию по поводу основополагающих вопросов жизни и познания. В этом смысле вполне можно согласиться с К. Поппером, который считал, что «главной задачей философии являются критические размышления об устройстве вселенной, о нашем месте в мире, а также о наших познавательных возможностях и способности творить добро и зло» [1, с. 135]. Как теоретически обоснованная квинтэссенция конкретно-исторического типа культуры, философия выражает глубинные, фундаментальные основания человеческого бытия в природном и социальном мире, а также важнейшие характеристики духовной жизни и самосознания личности.

Философия уникальна в том смысле, что она перманентно проблематизирует свой предмет, и разные ее представители обосновывали существенно различные интерпретации целей, задач, и выразительных средств философского познания. Это обстоятельство отмечается многими философами. В частности, К. Ясперс пишет: «В то время как наука в сфере своей деятельности добилась строго определенных и признанных всеми результатов познания, философия, несмотря на тысячелетние усилия, не достигла этого. Действительно, в философии нет единодушия в определении того, что можно трактовать как окончательно познанное» [2, с. 224]. Конечно, трактовка целей и задач философии во многом определяется личностью

философа, его духовными ориентациями, социальными и культурными традициями, обусловившими то или иное понимание философского мышления. Имманентная логика развития философии, ее законы и тенденции реконструируются в различных историко-философских концепциях, каждая из которых обладает собственной спецификой и претендует на то или иное объяснение реального плюрализма философских школ и учений.

Третья ипостась философии как безусловного атрибута интеллектуального капитала современных обществ наиболее зримо проявляется в сфере образования и в особенности в преподавании цикла мировоззренческих и социально-гуманитарных дисциплин. Эта констатация приобретает статус смыслоопределяющей максимы, когда речь идет о классическом университетском образовании. Еще со времен греческой Пайдеи этот тип образования отличался тем, что он ориентирован не столько на формирование узкого специалиста, сколько на воспитание гражданина, универсально развитой личности, способной свободно и ответственно созидать свое будущее, творчески постигать традиции культуры, создавать новые духовные и материальные ценности.

Системно-инновационная методология, а также многолетний опыт преподавания философских дисциплин в Белорусском государственном университете, позволили предложить и обосновать комплексную модель чтения философских курсов для студентов, магистрантов и аспирантов. Конечно, эта модель в значительной степени учитывает специфику Белорусского государственного университета как университета классического типа. В ней нашли отражение академические традиции преподавания дисциплин социально-гуманитарного цикла, которые базируются на научно-исследовательских разработках и соответствующем кадровом их обеспечении.

К сожалению, приходится констатировать, что современные унифицирующие технологии образования, в которых все более отчетливо доминируют формальные критерии в ущерб содержательным и мировоззренчески значимым параметрам академических курсов и программ, лишают возможности преподавателей философии в БГУ использовать в дальнейшем очевидные преимущества этой модели, которая на протяжении более чем 15 лет убедительно продемонстрировала свою конструктивность и высокий образовательный потенциал.

Таким образом, философия была и призвана остаться не только неотъемлемым, но и системообразующим компонентом интеллектуального капитала современных транзитивных обществ. За многие столетия своего существования она разработала категориальный и методологический аппарат, не овладев которым, трудно рассчитывать на успешное решение научных, технологических и социальных проблем. Подлинно творческое, критическое и, в то же время, конструктивно-созидательное мышление вне и помимо философской традиции сформировать невозможно. Об этом красноречиво свидетельствуют не только история, но и современный образовательный опыт ведущих университетов мира. Философия была и остается смыслообразующей инстанцией в процессе формирования интеллектуального капитала любой нации, стремящейся достойно и адекватно ответить на вызовы XXI столетия.

Литература и источники

1. Поппер, К. Какой мне видится философия / К. Поппер // Путь в философию. Антология. – М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга, 2001. – С. 123–136.
2. Ясперс, К. Введение в философию / К. Ясперс // Путь в философию. Антология. – М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга, 2001. – С. 224–235.

ФЕНОМЕН ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО КАПИТАЛА И ПРОБЛЕМЫ ЕГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ БЕЛОРУССКОЙ НАУКЕ

Ю. В. Дедолко

В контексте современных концепций постиндустриализма и с учетом особенностей рефлексивной модернизации развитых стран Запада, определяющих основополагающие тренды эпохи глобализации, возрастает роль нематериальных активов экономической жизни и теоретического знания как фактора инновационного развития современных социумов, что получило свое отражение в серии новых концептов, одним из которых является понятие «интеллектуальный капитал». Представители концепции постиндустриального или информационного общества (Ж. Фурастье, А. Турен, Р. Арон, Дж. Гэлбрейт, Д. Белл, Е. Масуда, О. Тоффлер) всесторонне обосновали усиление роли интеллектуальных и информационных ресурсов в социодинамике современных обществ и эксплицировали роль знаний в качестве «осевого принципа» постиндустриальной цивилизации. Не случайно, как отмечает И. И. Просвирина, проблема статуса и оценки неосязаемых факторов производства, к которым относится интеллектуальный капитал, возникла изначально в информационно насыщенных компаниях, обладающих незначительным объемом материальных активов, но высоким интеллектуальным потенциалом [1]. Таким образом, с трансформацией основных сфер человеческой деятельности (экономической, политической, социальной), возрастанием роли человеческого фактора и умственного труда в производстве, развитием информационных технологий, иначе говоря, с превращением знания в важнейший фактор производства и создания новой стоимости, появилась необходимость в переосмыслении категории «капитал» и возможности аппликации его к сфере нематериального производства, социальных отношений и человеку, как непосредственному производителю и носителю новых форм ресурсов.

Принято считать, что термин «интеллектуальный капитал» ввел в оборот Дж. Гэлбрейт, определив его как определенную интеллектуальную деятельность. Однако, теоретические представления, предвосхищающие концепцию интеллектуального капитала, сложились уже в трудах представителей классической политэкономии А. Смита, Д. Рикардо, К. Маркса, полагавших, что особенности и способности человека в процессе трудовой деятельности непосредственно участвуют в создании добавочной стоимости. В частности, рассматривая структуру основного капитала, приносящего доход или прибыль, не поступая в обращение или не меняя владельца, А. Смит подчеркивает важность приобретенных и полезных способностей членов общества и представляют собой основной капитал, который как бы

реализуется в человеческой личности. Эти способности, изначально являясь частью состояния частного лица, в итоге становятся частью богатства всего общества, к которому оно принадлежит [2].

Основными компонентами интеллектуального капитала являются знания, информационные технологии, связи с клиентами и поставщиками. Так, Т. Стюарт включает в интеллектуальный капитал знания и профессиональные компетенции персонала; К. Тейлор – опыт сотрудников, уникальную организационную структуру предприятия и интеллектуальную собственность, т. е. знания; Э. Бругинг – квалификацию работников, передовые технологии, корпоративную культуру. Таким образом, как уже отмечено выше, проблема интеллектуального капитала, возникшая в период становления информационного общества, на практическом уровне затронула, в первую очередь, компании и предприятия, обладающие высоким интеллектуальным потенциалом. Но данная проблема актуальна для современного общества в целом, т. к. от ее решения зависит успешность преобразования и функционирования общества на постиндустриальном или информационном этапе его развития. Поскольку в обществе такого типа ведущая роль принадлежит теоретическому знанию, формирование которого является прерогативой науки, то следует обратить внимание на факторы формирования и развития интеллектуального капитала современных обществ. Среди них можно выделить институты образования, системы социализации, средства массовой информации, стратегии постдипломного образования, институты повышения квалификации и переподготовки кадров. Эффективность формирования интеллектуального капитала определяется также особенностями интеллектуальной традиции каждого конкретного общества, которая вбирает в себя, прежде всего, достижения в области научных исследований. Уровень интеллектуальной культуры общества также во многом определяется степенью развития философской традиции, а также вырастающих на ее основе традиций фундаментальных исследований (признанных научных школ), поэтому, оценивая состояние интеллектуального капитала в конкретном социуме, необходимо рассматривать данный феномен в более широком социокультурном контексте, учитывая связь основных параметров интеллектуального капитала с интеллектуальной и духовно-мировоззренческой ситуацией, сложившейся в данном социуме, а также его культурно-информационной инфраструктурой.

В связи с этим интересно обратиться к результатам исследования Белорусского института стратегических исследований (BISS) «Человеческий капитал: кадровый потенциал белорусской науки» (2013), которое наглядно демонстрирует современное состояние интеллектуального капитала белорусского общества. Согласно данному исследованию, за период с 1988 по 2009 гг. в Беларуси рекордно возросла численность кандидатов и докторов наук в возрасте свыше 60 лет. Кроме того, за этот период общее количество белорусских ученых уменьшилось на треть. Наибольшие потери белорусская наука понесла не в начале 90-х гг. XX в., как было принято считать, а в период с 1998 по 2012 гг. Также наблюдается трансформация гендерного состава научных кадров: во всех областях науки, за исключением технических, преобладают женщины с сохранением тенденции опережающего роста в сегменте высококвалифицированных научных кадров. Однако, увеличивающееся количество женщин-исследователей в настоящее время свидетельствует не столько об

успешности политики формирования гендерного равенства в сфере науки, а является, скорее, результатом резкого падения социального статуса науки и ученого в белорусском обществе и уровня оплаты труда в научно-образовательной сфере. В целом, по мнению А. Лаврухина, количественные потери, понесенные белорусской наукой в период с 1990 по 2012 гг., не восполнены до сих пор, а тенденция сокращения научных кадров сохраняется, что негативным образом сказывается на перспективах развития белорусского социума в целом. Таким образом, перед отечественным обществознанием стоит актуальная задача всестороннего исследования феномена интеллектуального капитала и проблем его функционирования в современном белорусском обществе.

Литература и источники

1. Просвирина, И. И. Интеллектуальный капитал: новый взгляд на нематериальные активы / И. И. Просвирина // Финансовый менеджмент [Электронный ресурс]. – 2004. – Режим доступа: <http://dis.ru/library/detail.php?ID=24030>. – Дата доступа: 30.09.2014.
2. Смит, А. Исследование о природе и причинах богатства народов / А. Смит // [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://flibusta.net/b/147110/read>. – Дата доступа: 17.06.2014.
3. Лаврухин, А. Человеческий капитал: Кадровый потенциал белорусской науки / А. Лаврухин // Белорусский институт стратегических исследований [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: http://belinstitute.eu/sites/biss.newmediahost.info/files/attached-files/BISS_SA11_2013ru.pdf. – Дата доступа: 25.08.2014.

К КЛАССИФИКАЦИИ ВИДОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО КАПИТАЛА

Р. С. Лаво, С. А. Морозов

Интеллектуальный капитал выделялся в качестве особой формы капитала зарубежными и отечественными учеными сравнительно давно, однако это выделение не находило должной оценки в научной литературе – ни в политэкономической, ни в социально-философской.

Уже А. Смит писал о возмещении расходов на обучение обучаемому в соответствии с затратами на процесс обучения «с обычной, по меньшей мере, прибылью на капитал, равный этой сумме расходов» [1, с. 165–166]. Другой классик британской политэкономии Дж. С. Милль полагал, что к капиталу можно отнести все, что используется в процессе производства [2, с. 241–242].

Основоположник марксистской политэкономии К. Маркс отмечал роль овеществленной силы знания в создании экономического капитала [3, с. 215].

Следуя методологии Дж. С. Милля американский ученый Т. Шульц в работе «Инвестиции в человеческий капитал» в начале 1970-х годов относил к капиталу любой вид человеческой активности, в том числе и интеллектуальной [4, р. 178].

Если опираться на классификацию нематериальных форм капитала П. Бурдье, то интеллектуальный капитал можно рассматривать как часть культурного капитала [5]. В таком случае следует признать существование интеллектуального капитала, по меньшей мере, в трех состояниях – в инкорпорированном, то есть как интеллектуальной составляющей конкретной человеческой личности во всех ее

проявлениях или, говоря словами П. Бурдые – «диспозициях», в объективированном состоянии – то есть воплощенном в различных продуктах человеческой деятельности, и в институционализированном – то есть реализованном в различных видах человеческой деятельности.

Однако, на наш взгляд, было бы ошибочным соотносить все компетенции и умения человека с интеллектуальным капиталом. Не все навыки и умения имеют интеллектуальное содержание, хотя подобный соблазн и существует. В 1969 Г. Дж. Гэлбрайт определил интеллектуальный капитал как нечто большее чем только лишь интеллект человека [7].

Известно представление Л. Эдвинссона о интеллектуальном капитале как совокупности человеческого, организационного или структурного и клиентского капиталов, разделяемое, прежде всего экономистами, хотя последние, скорее, можно отнести к разновидностям культурного и социального капиталов [7; 8]. В этой связи примечательно определение отечественных экономистов С. В. Комарова и А. Н. Мухаметшина: «Интеллектуальный капитал – это стратегический бизнес-актив любой организации, который состоит из двух основных элементов: явных и неявных знаний, которые могут быть использованы для получения конкурентного преимущества и создания стоимости» [9, с. 98]. В таком определении растворяется представление как об индивидуальном, так и общественном интеллектуальном капиталах. Однако важным представляется выделение «явных и неявных знаний». К явным знаниям отечественные ученые отнесли «явные интеллектуальные фонды», в которые включили «кодифицированные знания», «физические описания специальных знаний», а к «неявным интеллектуальным ресурсам» – индивидуальные знания работников (опыт, интуицию, личностные знания, поведенческие знания, компетенции и мышление), коллективный опыт, общее «ноу-хау» организации [9].

Представляется, что подобная классификация, основанная лишь на анализе интеллектуальных капиталов бизнес-организаций страдает неполнотой анализа и описания, поскольку сосредоточена именно на исследовании интеллектуального капитала в бизнес-структурах. Интеллектуальный капитал, как представляется, можно классифицировать по следующим основаниям:

- открытый интеллектуальный капитала vs латентный (скрытый) интеллектуальный капитал;
- структурированный vs неструктурированный интеллектуальный капитал;
- интеллектуальный капитал, образующий интеллектуальное наследие vs инновационный интеллектуальный капитал;
- неактуальный интеллектуальный капитал vs актуальный интеллектуальный капитал;
- обыденный интеллектуальный капитал vs креативный интеллектуальный капитал;
- функциональный интеллектуальный капитал vs деструктивный интеллектуальный капитал;
- персональный интеллектуальный капитал vs корпоративный интеллектуальный капитал vs общественный интеллектуальный капитал;
- фиксированный интеллектуальный капитал vs нефиксированный интеллектуальный капитал;

– социально-экономический интеллектуальный капитал vs социально-политический интеллектуальный капитал vs социально-культурный интеллектуальный капитал.

Объем настоящих тезисов не позволяет подробно раскрыть содержание предложенной классификации, однако призван способствовать поиску дальнейших путей исследования этого важного нематериального актива в жизни человеческого общества.

Литература и источники

1. Смит, А. Исследование о природе и причинах богатства народов / А. Смит. – М.: Соцэкгиз, 1962. – 684 с.

2. Милль, Дж. С. Основы политической экономии / Дж. С. Милль; общ. ред. А. Г. Милейковского; вступ. ст.: А. Г. Милейковского, Ю. Б. Кочеврина. – М.: Прогресс, 1980. – Т. 1. – 494 с.

3. Маркс, К., Энгельс Ф. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1969. – Т. 46. – Ч. 2. – 618 с.

4. Schultz, T. W. Investment in Human Capital: The Role of Education and of Research / T.W. Schultz. – New York: The Free Press, 1971. – xii, 272 p.

5. Bourdieu P. The Forms of Capital / P. Bourdieu // Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education / Ed. by J.G Richardson. – New York: Greenwood Press, 1986. – P. 241–258.

6. Гэлбрейт, Д. Экономические теории и цели общества / Д. Гэлбрейт; под ред. Н. Н. Иноземцева. – М.: Прогресс, 1979. – 405 с.

7. Edvinsson, L. Intellectual Capital: Realizing your Company's True Value by Finding Its Hidden Brainpower / L. Edvinsson, M. S. Malone. – New York: Harper Business, 1997. – xi, 225 p.

8. Брукинг, Э. Интеллектуальный капитал: ключ к успеху в новом тысячелетии / Э. Брукинг; под ред. Л. Н. Ковачин. – СПб.: Питер, 2001. – 288 с.

9. Комаров, С. В., Мухаметшин А. Н. Понятие, структура и взаимодействие элементов интеллектуального капитала / С. В. Комаров, А. Н. Мухаметшин // Вестник ЮрГУ. – Серия «Экономика и менеджмент». – 2013. – Т. 7. – № 3. – С. 93–100.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ КАК ПРЕВРАЩЕННАЯ ФОРМА ФАКТОРА «ТРУД»

В. В. Чекмарев

Задачей, поставленной к решению в настоящей статье, является анализ трансформационных переходов, позволяющих объяснить наличие превращенных форм и состояний формирования человеческого капитала. Начнем этот анализ с предположения о том, что инвестиции государством в образование являются процессом формирования человеческого капитала как ресурса общественного производства. Итак, схема вроде бы проста: инвестиции в сферу образования – человеческий капитал. Однако зададимся вопросом – так ли все просто? На наш взгляд, дело обстоит следующим образом. Инвестирование – это важнейшая предпосылка формирования человеческого капитала, но еще не само его производство, которое осуществляется в процессе деятельности, где будущий его

владелец выступает либо объектом, либо субъектом, либо результатом воздействия. Для формирования и развития способностей одних лишь инвестиций недостаточно. Такая форма капитала как человеческий капитал неразрывно слита с живой человеческой личностью и условиями ее существования. Инвестиции в сферу образования вначале есть условие формирования ее *потенциала* осуществлять образовательное производство. Под потенциалом сферы образования (образовательным потенциалом) будем понимать наличие начальных условий осуществления производства образовательных услуг. Как известно, доводы противников негосударственного сектора высшего профессионального образования во многом базируются на утверждениях об отсутствии в этом секторе собственной материально-технической базы, соответствующего профессорско-преподавательского состава и т. п. Следовательно, речь идет о слабом образовательном потенциале, или об его отсутствии.

Однако наличие образовательного потенциала еще не означает его обязательного превращения в *образовательный капитал*, то есть в результат (доход) образовательного производства. И дело в том, что процесс производства образовательных услуг (образования) как продукта сферы образования имеет ряд достаточно хорошо описанных в экономической литературе особенностей, важнейшей из которых является одномоментность их производства и потребления, предопределяющая совместный труд преподавателя и студента как субъектов образовательного производства. Только в этом случае образовательное учреждение получает результат (доход) в форме *интеллектуального потенциала* получающего образование индивида. Под интеллектуальным потенциалом в широком смысле слова будем понимать способность овладевать знаниями. Однако, как хорошо известно, наличие способностей (интеллектуального потенциала), будучи необходимым условием, еще не есть достаточное условие формирования *интеллектуального капитала*.

Сделаем допущение, что интеллектуальный капитал сформирован. Можно ли его в этом случае отождествить с человеческим капиталом в рамках рассмотрения последнего как ресурса общественного производства? Вряд ли. И дело в том, что интеллектуальный капитал выступает всего лишь превращенной формой человеческого потенциала. Достаточно отметить то обстоятельство, что значительная часть окончивших вузы работает не по полученной специальности. Следовательно, формирование интеллекта превращает индивида в социализированного субъекта общественных (социально-экономических) отношений. Другими словами человеческий фактор общественного производства может характеризоваться как *человеческий потенциал*. И вот только эта превращенная форма при определенных условиях становится *человеческим капиталом*.

Наличие инвестиций не есть достаточное условие формирования человеческого капитала. На каждой стадии движения возможно получение снижения эффективности инвестиций (в виде недостижения в той или иной степени конечного результата – формирования человеческого капитала).

Итогом анализа может являться следующий вывод. Инвестиции в сферу образования не могут быть оценены с позиций их предельной полезности для государства не только потому, что они формируют человеческий капитал (в конечном

счете) и как ресурс общественного производства и как ресурс индивида, повышающего качество общественных отношений, но еще и потому, что наличие разноречивости наступления события на каждой стадии трансформации превращенных форм изначально предполагает их характеристику с точки зрения экономической динамики. С этой целью опираясь на имеющиеся в литературе точки зрения рассмотрим формирование человеческого капитала как многоступенчатый процесс, имеющий циклическую форму. В процессе своего воспроизводственного движения человеческий капитал совершает естественный, экономический и инновационный оборот. Следует различать функциональный кругооборот, общий оборот (индивидуального и совокупного) человеческого капитала.

Циклический характер воспроизводства человеческого капитала проявляется в трех главных видах: 1. Естественный оборот – обусловлен естественным выбытием и заменой работников при завершении перехода их трудовой деятельности (при выходе на пенсию); 2. Экономический оборот – обусловлен заменой традиционно применяемой технологии, техники с целью поддержания непрерывного процесса воспроизводства к сопровождается подготовкой работников традиционно используемых профессий на средненормальном для данной отрасли уровне; 3. Инновационный оборот – обусловлен качественным обновлением технологии и техники, совершенствованием способов организации труда и производства и сопровождается переподготовкой работников, получением ими новых профессий, повышением их профессионально-квалифицированных характеристик, улучшением качества, ростом производительности их труда.

Человеческий капитал находится одновременно в состоянии естественного и экономического оборотов, обеспечение которых требует определенных затрат (материальных, трудовых, финансовых). Инновационный оборот имеет место в условиях качественного обновления и совершенствования физического капитала, человеческого капитала и организационного капитала и требует не только значительных инвестиций, но и активного использования достижений новых научно-образовательных знаний (технологий). Для каждого данного вида оборота характерны своя длительность цикла, амортизационного перехода и норма амортизации.

МОДЕРНИЗАЦИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО КАПИТАЛА КАК СРЕДСТВО УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА

П. Д. Кушевский

Интеллектуальный капитал можно определить как «интеллектуальный материал – знания, информация, интеллектуальная собственность, опыт – то, что может быть использовано для создания изобилия» [4, с. 1]. С ходом глобализации и формирования общества знания вопрос об интеллектуальной составляющей человеческих ресурсов максимально актуализируется.

Сегодня для достижения изобилия во всех измерениях этого понятия необходима комплексная реализация всего потенциала интеллектуальных активов

организации, страны или мирового общества. В национальном контексте интеллектуальный капитал может рассматриваться в качестве всей совокупности интеллектуального опыта, произведенного и сохраненного в рамках отдельного государства.

Так, если соотнести понятия о национальном интеллектуальном капитале и интеллектуальном материале для формирования изобилия, то совершенно очевидно, что, как минимум, одним из средств создания благополучного общества является эффективность воспроизводства и развития его интеллектуальной культуры.

Также важно отметить, что в контексте развития общества все большее внимание уделяется аспекту устойчивости как необходимому условию во избежание локальных и глобальных социальных потрясений.

Очень точно передается суть концепции устойчивого развития через следующее определение: «умение сделать развитие устойчивым – это обеспечить, чтобы оно удовлетворяло потребности настоящего, но не ставило под угрозу возможность будущих поколений удовлетворить их собственные» [2, с. 10]. Учитывая современные процессы глобализации и крайне непростую экологическую ситуацию в совокупности с растущими социальными потрясениями, деятельность в соответствии с данной стратегией имеет первостепенную значимость как для всего мирового сообщества, так и для каждого государства.

Обеспечение же гармоничности для общественного прогресса не является пассивным условием. Это активный процесс сохранения постоянного баланса между целой совокупностью сложных компонентов, взаимодействующих в рамках социальной системы.

Устойчивое развитие нуждается в постоянной модернизации и синхронизации всех процессов, происходящих в обществе на локальных и общемировых уровнях, так как несоответствие хотя бы одного звена нормам и логике отношений ведет к неминуемой дисгармонизации всей системы.

Важность процесса модернизации справедлива и для интеллектуальной культуры общества. Суть в том, что, хотя интеллектуальный капитал и является движущей силой модернизации, сами интеллектуальные активы без их соответствия реалиям современности малоэффективны.

Следует уточнить, что понятие модернизации здесь мы употребляем скорее в его общефилософском значении, то есть в качестве процесса обновления объекта с целью приведения его в соответствие с актуальными нормами, правилами и принципами взаимодействия с другими объектами и всей окружающей действительностью. Но и историческая сторона понимания модернизации здесь также присутствует. При этом, важно отметить, что с исторической стороны основной идейный концепт сосредоточен на наиболее широком понимании феномена модернизации – то есть как процесса совершенствования общественной системы с конечным переходом к новой социальной организации и типу общества.

Также в историческом аспекте популярной концепцией является модель догоняющей модернизации, сущность которой заключается в стремлении незападных стран воспроизвести институциональные системы Запада [1, с. 10]. И здесь необходимо добавить, что понимать тезис о модернизации белорусского интеллектуального капитала следует, прежде всего, не как стремление достичь

уровня технологий, экономики и социокультурного устройства наиболее высокоразвитых стран, а как логику взаимодействия с возникающими перед белорусским государством и его населением вызовами, как стратегию адаптации к меняющимся условиям постиндустриального пространства, где капитал знания становится первостепенным инструментом интеракции и прогресса.

И в этих условиях Республика Беларусь является носителем, без сомнения, высокого интеллектуального потенциала. Это подтверждается систематическими достижениями в науке и других сферах умственного труда. В настоящее время Беларусь рассматривается в качестве одной из лучших стран в мире с точки зрения подготовки IT-специалистов. Например, основатель американской IT-компании «ЕРАМ Systems» Аркадий Добкин родился в Минске и окончил Белорусский национальный технический университет. Кроме того, белорусские программисты нередко становятся лучшими, побеждая на различных конкурсах. В условиях информационного общества и постоянно нарастающей конкуренции в сферах высоких технологий, белорусский интеллектуальный потенциал является важным стратегическим ресурсом для формирования государства, способного не только успешно интегрироваться в мировое сообщество, но и создать сильную экономику, отвечающую всем требованиям устойчивого развития.

Вместе с этим, без активизации и применения всего интеллектуального потенциала страны в соответствии с логикой происходящих в мире процессов, достижение высоких социально-экономических показателей и идейно-философских целей белорусского государства представляется не вполне реалистичным. При всех интеллектуальных активах Беларуси, их использование зачастую происходит не вполне рационально. Проблема миграции умов по-прежнему актуальна, что производит множество вопросов относительно условий для реализации интеллектуальных бизнес-проектов или практической востребованности белорусского образования.

Анализируя состояние белорусской интеллектуальной культуры на настоящий момент, мы можем отметить, что многое в ней нуждается в модернизации. Устаревшая система практически всех уровней образования, слабое финансирование научных исследований, недостаточно развитые условия для высокотехнологичного бизнеса и наукоемких производств – все это сдерживает реализацию интеллектуального потенциала Беларуси.

Республика Беларусь, как и ряд других стран, нуждается в обновлении своего интеллектуального капитала, приведении его в соответствие с современными социоэкономическими, политическими и экологическими условиям. Это означает, прежде всего, то, что в качестве ключевой задачи следует рассматривать не увеличение наукоемких и высокотехнологичных производственных сил, а синхронизацию интеллектуальных процессов с актуальными задачами науки и техники, бизнеса и образования, политики и идеологии. Поэтому прямое инвестирование в развитие информационных технологий и организаций умственного труда можно считать эффективным только тогда, когда созданы условия для их рационального практического применения. Или тогда, когда эти действия полностью согласованы с жизнедеятельностью других систем. Развитие технологий коррелирует не только с увеличением их производственных мощностей, но и с эффективной

утилизацией ее продукции [3, с. 15]. Иначе, к примеру, нельзя говорить о целесообразности создания технологии, не учитывающей ее разрушительное воздействие на экологию.

Устойчивое развитие предполагает соблюдение целостного баланса. И модернизация белорусских интеллектуальных активов должна носить комплексный характер. Только многомерная интеграция с «духом времени» сможет послужить источником для гармоничного развития белорусского общества.

Литература и источники

1. Модернизация и глобализация: образы России в XXI веке / Институт философии Российской академии наук; под ред. В.Г. Федотовой. – М.: ИФРАН, 2002. – 2008 с.
2. Kates, R. What is Sustainable Development? Goals, Indicators, Values and Practice / R. Kates // *Environment: Science and Policy for Sustainable Development*. – 2005. – Vol. 47. – № 3. – P. 8–21.
3. Malhotra, Y. Knowledge Assets in the Global Economy: Assessment of National Intellectual Capital / Y. Malhotra // *Journal of Global Information Management*. – 2000. – Vol. 8. – № 3. – P. 5–15.
4. Yeh-Yun Lin, C. National Intellectual Capital: A Comparison of 40 Countries / C. Yeh-Yun Lin, L. Edvinsson. – New York: Springer Science & Business Media, 2011. – 392 p.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ КОНТЕКСТЫ РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА

Л. С. Яковлев, В. В. Черникова

В методологическом плане значимость разработки понятия интеллектуального потенциала определяется, в существенной мере, недостаточной эффективностью широко используемого индекса развития человеческого потенциала. На первый взгляд, он кажется высоко продуктивным, антропологически обоснованным, поскольку интегрирует различные аспекты общественного бытия. Но на практике, например, Грузия с ее 100% грамотностью населения, а также Казахстан и Таджикистан получают довольно высокие места в рейтинге, никак не соответствующие ни реальным характеристикам человеческого капитала, ни, тем более, практикам его использования. У России и Беларуси интегративный индекс имеет очень близкие значения, в то время как расхождения по его компонентам весьма значительны, в частности, показатель ВВП на душу населения различается почти на 30% [1]. Но главное в том, что ИРЧП не позволяет охарактеризовать человеческие ресурсы применительно к реальным потребностям современной экономики. Альтернатив постиндустриальному переходу нет; современным производствам нужна не элементарная, а функциональная грамотность работников.

Стоит согласиться с В. К. Левашовым: именно рост интеллектуального потенциала обеспечивает возможности экономического развития, политическую стабильность [2]. В то же время, обсуждаемый им, как и рядом других авторов, тезис об «интеллектуальном пролетариате», представляется отнюдь не безусловным. Беларусь и Россия, в эпоху их совместной истории, предоставили достаточно

показательный материал, позволяющий охарактеризовать действительное положение интеллектуальной элиты в политическом пространстве. В Российской империи XIX столетия интеллигенция действительно стала движущей силой революционного движения, причем во всех смыслах — и как носитель либеральной инициативы, и в качестве источника радикальных антиправительственных тенденций, и как катализатор массового протеста против социальной несправедливости.

Но так случилось лишь на излете николаевской эпохи, после трех десятилетий абсурдной политики в сфере образования, когда численность обучаемых стремительно росла, но при этом никто не задумывался ни о реальном применении выпускников, ни о закономерностях интеллектуального развития индивида [3]. Чиновники из министерства графа С. С. Уварова воображали, будто, если развивать только естественнонаучное и техническое образование, подавляя гуманитарное, удастся и обеспечить страну кадрами, и избежать возникновения революционной оппозиции. Вышло диаметрально противоположное. Крах в Крымской войне показал, насколько абсурдна идея автономного развития отдельных секторов научного знания, а технические вузы прекрасным образом подготовили массу нигилистов, последователей Дм. Писарева и С. Нечаева.

На самом деле, реальных альтернатив две: либо отказаться от прогресса вовсе, принимая вытекающие отсюда последствия, либо строить всю свою деятельность, применяясь в его императивам.

В современных условиях опережающее развитие интеллектуального потенциала становится непреложным условием не только развития, но элементарного выживания общественных структур, гарантией от сползания в хаос. Востребованность интеллектуальной элиты вовсе не обязательно предполагает предоставление ей особых преференций; следует принимать во внимание специфику ее потребностей. А главная потребность интеллектуала — иметь возможность для приложения своей интеллектуальной способности. Разумеется, это не означает готовности работать бесплатно, но первично именно право на самоидентичность.

В определенном смысле, и российское, и белорусское общества нуждаются в реинтеллектуализации. Прежде всего, как в преодолении тенденций к деинтеллектуализации, как советской, так и постсоветской эпох, имевших различные корни, но порождавших, в практическом смысле, близкие последствия, связанные с трудностями развития технологической культуры в широком смысле этого понятия.

Еще один существенный момент связан с переопределением субъектов диалога. Если в советскую эпоху власть полагала вторым его участником, наряду с собою самой, интеллигенцию, то после 1991 года в качестве партнера рассматривается интеллектуальная элита. Очевидно, однако, что элитой, по определению, не может исчерпываться никакая общность. Кроме того, традиционный для России термин «интеллигенция», если и имел смысл в индустриальную эпоху, утрачивает его сегодня. Противопоставление лиц, связанных с интеллектуальным трудом, лицам, этой связи лишенным, контрпродуктивно; элементы интеллектуализации необходимы в большинстве видов деятельности.

Таким образом, речь должна идти не о диалоге власти с определенной группой, а об учете тенденции к интеллектуализации во всех видах политики. Естественно, один из ключевых аспектов касается, собственно, политики в сфере образования.

Соответствующие решения связаны с внедрением в целом HR-менеджмента в среднем и высшем образовании; развитием *soft skills* в школах и вузах; формированием навыков работы в творческих коллективах. Проектируемые изменения могут служить основой для интеграции школьных, и, прежде всего, вузовских систем управления талантами, и систем, существующих в реальной экономике. Это продвижение и реклама школами и вузами программ мобилизации Human Resources; программы целевой подготовки талантов для конкретных заказчиков; повышение роли вузов в формировании *Talent Pool*; артикулирование потребности в талантах при разработке профессиограмм; интеграция вузов в системы рекрутинга; включение вузов в формирование корпоративных систем управления знаниями и продвижением талантов. В конечном счете, проектируемые перемены способны радикально изменить практики социальных контрактов, социокультурную, экономическую ситуацию в стране в целом, за счет утверждения, на ключевых позициях, нового поколения, характеризующегося высоким профессионализмом, уверенностью в своих силах, ответственностью, творческим отношением к работе.

Литература и источники

1. The 2013 Human Development Report «The Rise of the South: Human Progress in a Diverse World» // HDRO (Human Development Report Office) United Nations Development Programme. – P. 144–147. – Retrieved 2 March 2013.

2. Левашов, В. К. Интеллектуальный потенциал общества: социологическое измерение и прогнозирование / В.К. Левашов // Мониторинг общественного мнения. – 2008. – №3(87). – С. 17–30.

3. Яковлев, Л. С. Адаптация архетипов идеологии Просвещения российской общественной мыслью рубежа XIX–XX веков (раздел коллективной монографии) / Л.С. Яковлев // В раздумьях о России. – М.: «Археографический центр», 1996. – С. 325–344.

ПРОБЛЕМЫ НАУЧНОГО ПОТЕНЦИАЛА БЕЛАРУСИ

М. М. Урбан

Интеллектуальный потенциал страны характеризуется суммой наличных знаний, которыми располагает ее население, а также удельным весом работников умственного труда в структуре населения. Он выражается в уровне образованности населения и в объеме интеллектуального труда, функционирующего в сфере производства и в непроизводственных отраслях. Ядром интеллектуального потенциала является научный потенциал.

В 1990 г. Беларусь при доле населения 3,6% от общей численности населения СССР располагала 4,6% научных организаций. Доля научных работников составляла около 3,5%, или более 42 тысяч человек, в том числе 13 тысяч кандидатов наук и более 1 тысячи докторов наук. По ряду научных направлений Беларусь занимала лидирующие позиции в СССР (порошковая металлургия, техническая кибернетика, физика атомных реакторов). Многие белорусские ученые были удостоены

Государственных и Ленинских премий СССР. Такие достижения имели определенную положительную инерционность. Так, 19 наших физиков в числе двух тысяч ученых с мировыми именами были приглашены в международный проект по изучению бозона Хиггса на Большом адронном коллайдере.

В 2000 г. в Республике Беларусь насчитывалось 32,9 тысяч научных работников, в том числе 3856 кандидатов наук, 819 докторов наук; в 2012 г., соответственно, 30,4 тысячи научных исследователей, 3099 кандидатов наук, 720 докторов наук (данные Белстата).

Научоемкость ВВП (объем той части ВВП, который направлен на проведение научных исследований и внедрение инноваций) как ключевого параметра научного потенциала в советский период составляла 2,27%. После распада СССР научоемкость в начале XXI в. сократилась до 0,63%. Но лишь при значении научоемкости выше 1,5% можно говорить о наукоемком развитии экономики.

На одном из совещаний по экономике в середине 2014 г. Правительство страны заявило о планах повышения научоемкости ВВП до 2,5%. Однако реализовать подобные планы будет сложно ввиду очередной волны системного экономического кризиса. Кроме того, сам по себе рост финансирования науки в условиях командно-административных методов управления экономикой может привести к формальному отношению по освоению средств, которое неизбежно таит отсутствие конкретных результатов.

Процесс государственного регулирования развития науки и внедрения наукоемких технологий в экономику, помимо выбора приоритетных направлений исследований (что само по себе очень важно), сопряжен с некоторыми рисками:

- 1) медленным принятием решений по реализации в этой сфере;
- 2) негативным довлеющим значением программы импортозамещения на импортозакупки современного научного оборудования (степень износа научного оборудования составляет 50);
- 3) невысокой престижностью научной карьеры среди молодых специалистов на сегодняшний день (уровень защиты диссертаций в срок составляет 5%);
- 4) высокой интеллектуальной миграцией («утечка умов») за границу (около двух третей опрошенных студентов имеют намерение уехать на работу за границу после окончания вуза), что связано как с неудовлетворенностью профессиональной самореализации молодых людей, так и с низким уровнем заработной платы ученых.

Перспективы Беларуси как страны, относящейся к техногенной цивилизации, следует определять в соответствии с общими тенденциями цивилизационного развития. Основным вектором этого развития является переход от индустриального общества к постиндустриальному, или «обществу знания», где производство характеризуется высокой наукоемкостью. Ведущую роль в таких условиях играет носитель научного знания – ученый, специалист, профессионал, что предопределяет повышение роли научных учреждений, связанных с производством и распространением знания – университетов, научных институтов и т. п. Иными словами, достижение и поддержание соответственного уровня цивилизационного развития ставится в прямую зависимость от интеллектуального потенциала общества.

Недооценка значимости социальных институтов и организаций интеллектуального потенциала, финансирование интеллектуального труда по остаточному принципу может стать одной из весомых причин технологического и

экономического отставания страны. Поэтому одной из приоритетных задач государства, его структур является выработка такого отношения к интеллектуальному труду, которое бы соответствовало роли и значению этого труда в инновационном развитии общества.

1.3 Личностное измерение интеллектуальной культуры: мышление, познание, творчество

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ГОРИЗОНТ ФИЛОСОФИИ XXI ВЕКА

Т. И. Адуло

Миссию философии – одной из древнейших форм теоретического сознания и духовной культуры – в различные исторические эпохи определяли по-разному. Чаще всего ее сводили к постижению сущности глубинных, не поддающихся непосредственному человеческому взору пластов бытия. В таком, сциентистском, ключе трактовали философию Аристотель, Декарт, Френсис Бэкон, Гоббс, Локк, Гегель и другие мыслители. Но сциентистский подход – лишь один из подходов к философии. Многие исследователи по-иному понимали ее сущность и ее место в жизни человека и общества. Во всяком случае, смотрели на нее не только как на мощное орудие познания окружающего мира. Наряду с этим, они видели в ней специфический инструмент воздействия на человека, а также надежное орудие его защиты от всякого рода неблагоприятных обстоятельств, трактовали философию как источник и орудие «духовного здоровья» индивида и общества [1, с. 21]. Как тут не напомнить о ставших уже хрестоматийными высказываниях Эпикура, Боэция, Монтеня и других мыслителей о пользе философии для человека любого возраста. Не иссяк аксиологический потенциал философии и в нашу динамичную эпоху. Он существует, как и много веков тому назад. Вопрос состоит в ином: насколько он востребован нашим обществом и насколько продуктивно он используется. В этом состоит суть проблемы.

Начиная с древних времен, с момента рождения философии как самостоятельной дисциплины ее центральным звеном было учение о человеке. Фактически вся философская проблематика, начиная с онтологии и заканчивая гносеологией, «замыкается» на человеке. Правда, были времена, когда философы, занимавшиеся проблемами общества, не говоря уже о философии естествознания, напрочь забыли о человеке, сводили свои исследования то ли к методологии естественнонаучного познания, то ли к абстрактному субъект-объектному отношению. Но в целом такая ситуация не характерна для философии. Причем, повышенный интерес к философскому осмыслению различных аспектов жизнедеятельности человека возрастает, как правило, в переходные исторические эпохи, когда, с одной стороны, данный исторический этап исчерпал свой креативный потенциал, а с другой, у человека, нации, государства появляется возможность

осознанного выбора жизненного пути, стратегии общественного развития на альтернативной основе. В истории белорусского государства таким эпохальным этапом был период конца XX – начала XXI вв. Он требует системного исследования, в том числе серьезного философского осмысления.

Человек должен стать главным объектом теоретического осмысления и для философии нынешнего века. Чрезмерно много накопилось на нашей планете зла. И кому иному, как не философам, заниматься его устранением. В этом плане уже многое сделано. Так, например, вопросы гуманизации современных общественных процессов оказались в центре дискуссий на прошедшем в 2010 году в Астане Всемирном форуме духовной культуры. Не были они обойдены вниманием и на XXIII Всемирном философском конгрессе, который прошел в Афинах в августе 2013 года под девизом «Философия как познание и образ жизни». В своем приветственном обращении президент Международной федерации философских обществ Уильям Макбрайд призвал всех участников этого масштабного форума явить пример вежливости и взаимоуважения, которых, как он считает, так не хватает в современном мире. В том же ключе высказался и президент Греческого организационного комитета конгресса Константинос Будурис, заявив, что «здесь нам выпадает удобный случай, как существам разумным, этого малого и, одновременно, большого мира, по мере своих сил и возможностей, сформулировать плодотворные и позитивные мысли о состоянии дел нашей Ойкумены и постараться достичь согласия между верованиями, теориями, концепциями и тем образом жизни, которому мы должны следовать, как существа с повышенным чувством моральной ответственности по отношению к нашим близким и всем другим существам природы» [2, с. 13].

Философам действительно есть что сказать по этой проблеме, поскольку с самого своего зарождения философия – продукт их мыслительной деятельности – была сориентирована не только на познание сущности бытия, но и, в первую очередь, на его изменение в лучшую сторону. Как тут не напомнить проект идеального общественного устройства, разработанный Платоном. Да и в другие исторические эпохи проблеме гуманного, гармоничного развития мира философы уделяли не менее пристальное внимание. Можно утверждать, что философия к настоящему времени накопила огромный опыт по осмыслению и преобразованию мира в гуманном ключе, который представляется нужным более активно использовать в наши не очень простые дни. Здесь, однако, возникают проблемы, связанные с поиском ответа на вопросы: «Всякая ли философия имеет право вмешиваться в окружающую жизнь»? «Всякая ли философия способна гуманизировать общество»? «Каким образом она должна влиять на общественные процессы»?

Историко-философский экскурс позволяет нам выделить целый ряд подходов к решению этих вопросов. Относительно права философов вмешиваться в реальную жизнь высказывались две противоположные точки зрения. Обе они, кстати, разделяются и современными исследователями. Одни считают, что философы должны быть сторонними наблюдателями, или, лучше сказать, пассивными наблюдателями происходящего в реальной жизни. Их удел – творить поток сознания, направленного во внутрь, а не во вне. Совершенно не случайно столь часто встречаемым понятием в публикациях последних лет стало понятие «интенциональность». Другие, напротив, требуют чрезмерно энергичного

воздействия философии на жизнь с целью ее гуманизации. Как тут не напомнить знаменитый одиннадцатый тезис К. Маркса о Л. Фейербахе, призывающий философов «изменить мир», а также не менее энергичные призывы М. А. Бакунина к разрушению существующих общественных устоев, начиная с государства и заканчивая церковью. Выдающиеся представители классической немецкой философии Г. Гегель и И. Кант тоже ратовали за социально активную, действенную философию. И один, и другой расценивали философию как средство достижения свободы. «Законодательство человеческого разума (философия), – подчеркивал И. Кант, – имеет два предмета – природу и свободу» [3, т. 3, с. 685]. Гегель в качестве одного из важнейших условий появления философии считал наличие «сознания свободы» и народа, обладающего этим сознанием свободы. При этом он связывал «политическую свободу» со «свободой мысли». Поэтому «философия выступает в истории лишь там и постольку, где образуется свободный государственный строй» [4, с. 143]. Но если для Г. Гегеля свобода сводилась к торжеству мысли и являлась, по сути, абстрактной, то, согласно Канту, свобода обретается в житейской практике, в лоне того, что должно быть. Впрочем, нельзя не сказать и о тех людях, которые решительно не доверяют философам и делают все для того, чтобы они не претендовали ни на познание бытия, ни, тем более, на его преобразование.

В условиях активного формирования рынка, усиливающегося господства финансового капитала философии не просто отстаивать свое законное право на существование, особенно той философии, которая не согласится выполнять отведенную ей роль пассивного наблюдателя происходящего и будет отстаивать истину. С другой стороны, не унижительными ли бы выглядели эти попытки защититься? Свое право на существование философия убедительно доказала своей многовековой историей. Нет надобности говорить о роли философии в формировании индивидуального мышления, теоретического сознания наций, духовной культуры в целом. Достаточно сослаться на авторитет Г. Гегеля, считавшего, что «истинные мысли и научное проникновение можно приобрести только в работе понятия. Оно одно может породить ту всеобщность знания, которая есть не обыкновенная неопределенность и скудость здорового человеческого смысла, а развитое и совершенное познание» [5, с. 38]. Общепризнанной является роль философии в социализации индивида, формировании его нравственности, развертывании социальной активности.

Однако не одни «стандарты» «массового сознания», не одни «рыночные преобразования» последних лет виновны в нынешнем состоянии духовной культуры вообще и философии в частности. И неправомерно суть современных дискуссий о философии сводить лишь к «плюрализму мнений», «свободе философствования», а тем более к материальному благополучию философствующей элиты, как это делается порой. Проблема гораздо сложнее. Говоря о назревшей задаче обустройства мира на разумных основаниях, мы не можем не задать себе и вытекающий отсюда не менее важный вопрос о том, каким путем философия должна, и способна, воздействовать на этот мир, и какой должна быть сама философия, чтобы быть способной оказывать позитивное воздействие на него? По сути, мы воспроизводим кантовские вопросы, которые он ставил перед собой еще в начале своей творческой деятельности, а именно: «Что я могу знать?», «Что я должен делать?», «На что я смею надеяться?» и

«Что такое человек?» [6, с. 332]. Думается от того, как философы в теоретическом плане ответят на злободневные, уже ставшие традиционными, вопросы, а главное, как практически станут реализовывать свои ответы, зависит будущее самой философии.

На наш взгляд, причину сложившейся неудовлетворительной ситуации с философией надо искать не в объективных обстоятельствах, хотя и их не следует сбрасывать со счета, а главным образом, в деятельности самого философского сообщества. Нужно утверждать не пассивную, созерцательную, а творческую, активную, действенную философию, хотя сделать это не так просто. Г. В. Плеханов делил всех людей на охранителей, т. е. защитников существующего общественного строя, и новаторов, стремившихся его изменить. Он считал, что гениальный общественный деятель, а это с полным на то основанием можно отнести и к выдающимся философам, «раньше и лучше других предвидит те перемены, которые должны совершиться в общественных отношениях. Такая выдающаяся дальновидность ставит его в противоречие со взглядами его сограждан, он может оставаться *в меньшинстве* до самой смерти; но это не мешает ему быть выразителем *общего*, представителем и указателем предстоящих перемен в общественном устройстве. Вот это-то общее и составляет его силу, которой не отнимут у него ни насмешки, ни оскорбления, ни остракизм, ни цикута» [7, с. 232].

Думается, активность современного философа должна проявляться, главным образом, в его способности выработать концепцию, теорию, соответствующую исторически назревшей потребности, или частично опережающую ее (в случае чрезмерного опережения истории философская концепция в значительно меньшей степени базируется на изученном эмпирическом материале, поэтому научность, как и вероятность ее практической реализации, заметно снижаются, она превращается в социальную утопию как одну из форм отражения социальной реальности). Практической же реализацией идей философов занимаются другие люди. Однако философ не будет пользоваться кредитом доверия у людей и не осуществит своих теоретических проектов (даже самых гуманных), если будет занимать совершенно пассивно-созерцательную позицию (позицию стороннего наблюдателя) и ничего не предпринимать для претворения своих идей в жизнь или хотя бы для их апробации. Он должен заинтересовать своими идеями те или иные социальные слои, иначе идеи останутся идеями «в себе», т. е. не будут освоены, не обретут жизнь. П. Л. Лавров подчеркивал: «Если личность, говорящая о своей любви к прогрессу, не хочет критически пораздумать об условиях его осуществления, то она в сущности прогресса никогда не желала, да и не была даже никогда в состоянии искренно желать его. Если личность, сознающая условия прогресса, ждет сложа руки, чтобы он осуществился сам собою, без всяких усилий с ее стороны, то она есть худший враг прогресса, самое гадкое препятствие на пути к нему» [8, с. 88].

И еще один важный момент, на котором хотелось бы заострить внимание. В последние годы многие философы весьма критично настроены по отношению к советской философии, полагают, что она выполняла лишь идеологическую функцию, а потому ничего не дала позитивного в деле утверждения гуманизма. Они не правы. Практически все философы, за исключением лишь немногих, стремились, и до сих пор стремятся, создавать проекты, ориентированные на гуманизацию общественных

процессов. В этом плане важнейшая задача молодого поколения философов – не механически отрицать, а диалектически снять все ценное, созданное в области философии предшествующими поколениями, развить его и практически использовать для гармоничного обустройства жизни современного человечества.

Великий французский писатель и мыслитель XVI века Монтень и отдельные мыслители других исторических эпох, вслед за Цицероном, считали философию лишь средством приготовления человека к смерти. Целую главу своих знаменитых «Опытов» он посвятил теоретическому обоснованию именно этого тезиса и дал ей такое название – «О том, что философствовать – это значит учиться умирать». «И это тем более верно, – утверждал Монтень, – ибо исследование и размышление влекут нашу душу за пределы нашего бренного «я», отрывают ее от тела, а это и есть некое предвосхищение и подобие смерти; короче говоря, вся мудрость и все рассуждения в нашем мире сводятся, в конечном итоге, к тому, чтобы научить нас не бояться смерти» [9, с. 76].

Многовековой опыт развития мировой философии убедительно опровергает этот и ему подобные пессимистические тезисы. Философия никогда не являлась и в обозримом будущем не станет орудием приготовления человека к смерти. Совсем наоборот. Она служила и будет впредь служить апробированным средством утверждения полноценной и гармоничной жизни, основанной на подлинно гуманистических принципах – Разуме, Истине, Свободе, Справедливости.

Литература и источники

1. Ильенков, Э. В. Философия и культура / Э. В. Ильенков. – М.: Политиздат, 1991. – 464 с.
2. XXIII World Congress of Philosophy Philosophy as inquiry and Way of Life. – Programme. – Athens, 2013. – 127 s.
3. Кант, И. Сочинения: в 6 т. / И. Кант. – М.: Мысль, 1963–1966.
4. Гегель, Г. В. Ф. Лекции по истории философии. Книга первая / Г.В.Ф. Гегель. – СПб.: Наука, 2001. – 349 с.
5. Гегель. Сочинения: в 14 т. / Гегель. – М.: Соцэкгиз, 1934–1954. – Т. 4. – 440 с.
6. Кант, И. Логика. Пособие к лекциям 1800 / И. Кант // И. Кант. Трактаты и письма. – М.: Наука, 1980. – С. 319–444.
7. Плеханов, Г. В. Избранные философские произведения: в 5 т. / Г.В. Плеханов.– М.: Госполитиздат, 1956–1958. – Т. 5. – 903 с.
8. Лавров, П. Л. Философия и социология: в 2 т. / П. Л. Лавров. – М.: Мысль, 1965. – Т. 2. – 691 с.
9. Монтень, М. Опыты: в 3 кн. / Монтень.– М.: Наука, 1979. – Кн. первая и вторая. – 703 с.

РЕФЛЕКСИВНОЕ ПОСТРОЕНИЕ ЦЕННОСТНОЙ СТРУКТУРАЦИИ СУБЪЕКТА СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ПОЗНАНИЯ

Е. А. Алексеева

Тема отличий ценностной структуризации субъекта социально-гуманитарного познания от ценностной организации обыденного сознания может быть поставлена в

самых различных аспектах. Но если мы говорим о специфике субъекта социогуманитарного познания в контексте проблемы *объективности* и *дисциплины* социогуманитарного мышления, то имеет смысл обратить внимание прежде всего на *«искусственность»*, *ненатуральность* субъекта познания в отличие от субъекта обыденного сознания.

Следует отметить, что, рассматривая проблему отличий субъекта обыденного сознания от субъекта социогуманитарного знания, мы не имеем в виду «персонификацию» данных субъектов. Речь идет не о выделении в качестве некоторых особых личностей «обыденного субъекта» и «субъекта науки». Для тематизации проблемы объективности социогуманитарного познания первостепенный интерес представляет естественное и неизбежное сосуществование данных субъектов в рамках единого сознания исследователя. Собственно говоря, столь усиленно подчеркиваемая современной философией «историчность» субъекта (в том числе и субъекта научного познания), его социально-культурная обусловленность и означает многослойность его сознания, наличие в нем неотрефлексированных содержаний, или, говоря другим языком, его неизбежную имманентную полисубъектность.

Для пояснения воспользуемся примером, связанным с анализом возможностей описания исторического сознания. А. Гуревич отмечает некоторую условность оппозиции «народная культура / ученая культура», представляемой в качестве основания для жесткой стратификации их субъектов. «Я полагаю, что наряду с «распределением» ценностей в соответствии с социальным или образовательным статусом носителей культуры нужно допустить и другую гипотезу, а именно: в сознании любого члена общества сосуществовали разные уровни, и если один из них соответствует тому, что историки квалифицируют как «ученую» культуру, то на другом уровне того же самого сознания можно обнаружить элементы культуры "народной"... Человеческое сознание – не монолит, оно многоуровневое, и образованные монахи и клирики вовсе не были чужды тем представлениям и верованиям, которые были порождены фольклорным сознанием. Иными словами, различая «ученую» и «фольклорную» традиции в средневековой культуре, не нужно упускать из виду, что они не только противостояли одна другой, но и были атрибутами (в разных "пропорциях" и сочетаниях) одного и того же сознания» [1, с. 366].

Сама постановка проблемы специфики ценностной структуризации субъекта социально-гуманитарного познания является не только чисто теоретической, но имеет и прагматический аспект. Упрощенно, его можно было бы сформулировать так: какими способами и в какой мере субъект социогуманитарного познания способен освободиться от социально, культурно, исторически, психологически и т. д. навязанных стереотипов? Как он завоевывает автономную позицию, в том числе и ценностную?

Очевидно, что зависимость субъекта научного познания от субъекта обыденного опыта означала бы не просто его гетерономную позицию, отсутствие критической рефлексии, но и, собственно, отказ от «научности» вообще. Ибо последняя предполагает осознанное стремление к *универсальной значимости*.

Установку научного субъекта характеризует предельная рефлексивность,

критичность, стремление к автономизации, ответственность. Установка субъекта обыденного сознания связана с отсутствием отмеченных характеристик, отсюда – гетерономность, «наивность» (в смысле Гуссерля), способность довольствоваться некритически заимствованными «отобъяснениями». Следует отметить, что современное обыденное сознание содержит не только стихийно сложившиеся мнения, культурные нормы, оценки, долго действующие исторически унаследованные пласты сознания. В него неизбежно входят (в различной степени, разумеется) научные и философские знания.

Характерной чертой современного мира является то, что научные и философские знания (в том числе содержащие оценки и основывающиеся на них) в редуцированном виде оказываются способными функционировать в режиме обыденного сознания. Знания в этом случае существуют не в режиме критического исследования, анализа и удостоверения их оснований (в случае социогуманитарного познания – и ценностных оснований), свойственном самой научной установке, а в режиме «*мнений*», сведений. Они включаются в состав обыденного сознания, не подвергаясь сомнениям и критической оценке. «Ибо *мнениями* называются представления без истины, анархические отбросы находящегося в обращении знания» [2, с. 76].

Это присутствиередуцированного знания само по себе не представляло бы опасности, если бы мнения функционировали в качестве таковых (принимаемых именно только как мнения) в рамках обыденного сознания и общения.

Однако при отсутствии должного внимания мнения оказываются способными преодолевать барьер обыденного сознания и незаконно включаются в собственно научный дискурс. *Это является одной из возможных угроз объективности социогуманитарного знания.* К социогуманитарному знанию еще в большей степени, чем к естественнонаучному, относятся те предостережения, которые Ф. Бэкон изложил в своей теории «идолов» разума.

Однако сферу «идолов» разума в области социогуманитарного познания необходимо расширять. В частности, именно субъект социогуманитарного познания так или иначе сталкивается в сфере *докса* с готовыми, буквально навязываемыми ему *искусственными комплексами* мнений, обладающих определенной устойчивостью и псевдоцелостностью (определенным «миром», ложно претендующим на непротиворечивость), по отношению к которым интеллектуальная ситуация как бы вынуждает его определяться. В социуме его встречают иногда стихийно складывающиеся, а иногда и преднамеренно выстраиваемые псевдосистемы взглядов, отношение (и даже отсутствие отношения и интереса¹) к которым накладывает на него печать принадлежности к определенным «группам» и «силам». Маркировку «современного», «передового», «либерального», «демократического» или, соответственно, отсталого, «ретроградного», а, возможно, как мы уже отметили, вообще «беспринципного».

Такую ситуацию «принудительной маркировки» по псевдосистемам взглядов можно отнести уже к XIX веку (например, в России). Она достаточно убедительно (и

¹ Вспомним, что А. П. Чехова современные ему критики окрестили «беспринципным» именно потому, что он сознательно не хотел строить свое творчество в ограниченных рамках навязываемых идеологических доктрин.

достаточно иронически, если вспомнить Тургенева, Достоевского, Чехова) отражена в русской литературе. Так, в романе Тургенева «Отцы и дети» описан комплекс так называемого «нигилизма». Его подробный анализ вывел бы нас за рамки данной работы (хотя этот комплекс сам по себе заслуживает философского разбора), достаточно отметить несколько моментов совершенно произвольной связи его элементов, которая, тем не менее, воспринималась как вполне органичная. Сочетание чего мы имеем в мировоззрении Базарова? Серьезный интерес к естественным наукам, атеизм, вульгарный материализм, утилитаризм, отнесение к «замшелому романтизму» всего, что не представляется непосредственно «полезным» («природа не храм, а мастерская», «Рафаэль гроша медного не стоит» и т. п.) и др. Необязательность связи данных элементов очевидна.

Такого рода псевдосистемы разнородных мнений только на первый взгляд и только в отдаленной исторической перспективе могут казаться безобидными. На самом деле, это один из способов манипуляции сознанием, применяемых отнюдь не только тоталитарными режимами. (Одна из попыток разоблачения навязываемых общественному сознанию идеологических сочетаний представлена в работе Р. Барта «Мифологии»).

Например, с 90-х годов прошлого века, да, собственно, и по сей день демократия зачастую подается в изрядной смеси с национализмом. Представляет ли это собой обязательное сочетание?

Субъект социогуманитарного познания не может и не должен быть ведомым псевдоочевидностью навязываемых общественному сознанию комплексов мнений и оценок. Ему не следует выбирать из предложенных обыденному сознанию и кажущихся неизбежными альтернатив, он должен всерьез отнестись к оценке и мысленному «распутыванию» того, что ему навязывают в качестве псевдоцелостностей, и быть способен предложить собственные способы расчленения ситуации. Он просто вынужден проявлять силу автономизации, иначе он неизбежно окажется в плену предрассудков и стереотипов обыденного сознания его эпохи и культурного окружения.

А для этого нужно выполнять древнейшее требование, предъявляемое «искренне и справедливо философствующему»: «Различать все по родам, не принимать один и тот же вид за иной и иной за тот же самый...» [3, с. 324].

Литература и источники

1. Гуревич, А. Жак Ле Гофф и «Новая историческая наука» во Франции / А. Гуревич // Ле Гофф, Ж. Цивилизация средневекового Запада. – М.: «Прогресс», 1992. – 376 с.
2. Бадью, А. Этика: Очерк о сознании Зла / А. Бадью. – СПб.: Machina, 2006. – 126 с.
2. Платон. Собр. соч. в 4 т. – М.: Мысль, 1993. – Т. 2. – 528 с.

ІНТЭЛЕКТУАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА І САМАІДЭНТЫФІКАЦЫЯ АСОБЫ

У. Л. Аляксандраў

З пункту гледжання сацыялогіі асобы чалавек у першую чаргу ўяўляе сабой сукупнасць статусаў і роляў.

Кожны статус мае аб'ектыўныя і суб'ектыўныя характарыстыкі. Да апошніх належыць сярод іншага ўспрыманне і асэнсаванне свайго статуса, ацэнка яго зместу (правоў, абавязкаў, нормаў узаемадносінаў), ацэнка яго месца ў сацыяльнай структуры, суадносінаў з іншымі статусамі і г. д. У сваю чаргу характар гэтага ўспрымання і асэнсавання, уключаючы розныя псіхалагічныя аспекты (эмацыянальныя, валявыя, каштоўнасныя), у першую чаргу залежыць ад інтэлектуальнай культуры чалавека, г. зн. узроўню і якасці мыслення.

Вядома, што ў дынаміцы асабістага і сацыяльнага жыцця актуалізацыя статусаў нераўнамерная, у розныя моманты на першы план выходзяць некалькі ці адзін з іх. У якіх сітуацыях чалавек кажа (ці думае): «я – беларус», «я – мінчанін», «я – бацька», «я – настаўнік», «я – праваслаўны»?

Па-першае, калі яго просяць ідэнтыфікаваць сябе па той ці іншай сацыяльнай шкале (знаёмыя, сацыялагі, чыноўнікі, перапісчыкі). Па-другое, калі сама жыццёвая сітуацыя, сацыяльныя стасункі і дзеянні патрабуюць такой самаідэнтыфікацыі: выклік ў школубацькі з-задзіцяці, абарона радзімы з-за агрэсіі, падрыхтоўка да заняткаў і іх правядзенне і г. д.

Усе гэтыя сітуацыі вымагаюць пэўнай інтэлектуальнай актыўнасці, праявы ўменняў аналізаваць, абагульняць, параўноўваць, абстрагавацца, вызначаць, класіфіцыраваць, мадэліраваць, праводзіць аналогіі, рабіць высновы.

У адных выпадках простым і відавочным, амаль аўтаматычным, напэўнавым будзе як сам працэс самаідэнтыфікацыі, так і вынікаючыя з яго наступствы, напрыклад, дзеянні: «Зараз я – пешаход, значыць павінен выконваць правілы дарожнага руху, таму чакаю злёненага святла». У другіх выпадках не выклікае складанасцяў самаідэнтыфікацыя, але ўзнікаюць пытанні да яе змястоўнага напэўнення: што можна ці нельга рабіць, як ставіцца да нечага ці некага? Напрыклад, чалавек усведамляе сябе патрыётам, але хістаецца ў выбары сродкаў абароны айчыны; бацька лічыць неабходным пакараць сына, але не ведае, ці варта і ці можна выкарыстоўваць фізічную сілу. У трэціх выпадках нават атаясамліванне з тым ці іншым статусам можа ўяўляць велізарную псіхалагічную, экзістэнцыяльную, а значыць і інтэлектуальную праблему: «я – вернік?», «я – алкаголік?», «я – здраднік (сябра, сям'і, радзімы)?».

Яшчэ складаней справа з ацэнкай статуса, яго размяшчэннем у сістэме маральных, палітычных, ідэалагічных, культурных, эканамічных і іншых каардынат. З сацыялагічных даследаванняў нярэдка, напрыклад, вынікае, што пэўная частка апытаных па аб'ектыўных сацыяльна-эканамічных крытэрыях адносяцца да катэгорыі «бедных», а саміяны адносяць сябе да «сярэдняга класу»: відавочна, працуе механізм псіхалагічнай абароны, нежаданне бачыць сябе на ніжэйшых прыступках пэўных сацыяльных лесвіц.

Лёгка вызначыць і сказаць: «Я – грамадзянін, муж, бацька, настаўнік», значна цяжэй: «Я – добры грамадзянін, муж і г. д.» Інтэлектуальная дзейнасць у такіх выпадках заключаецца ва ўменні разважаць над «сакратаўскімі» пытаннямі: «што значыць быць добрым грамадзянінам?», а затым, сфармуляваўшы адказ, даць крытычную самаацэнку і размясціць сябе на пэўнай рысе шкалы грамадзянскаці, прафесіяналізму і інш.

Сярод усіх складнікаў самаідэнтыфікацыі чалавека асабліваю ролю

адыгрываюць ідэнтычнасці грамадзянска-дзяржаўныя, этнічныя, канфесійныя, палітыка-ідэалагічныя. Бясспрэчна важнасць атаясамлівання асобы з буйнымі супольнасцямі і інстытутамі, першаснымі ў грамадска-гістарычных працэсах (народы, дзяржавы, цэрквы, палітычныя партыі). Наступствы гэтага атаясамлівання могуць быць як станоўчымі для чалавека і грамадства (альтруізм, патрыятызм, супольная стваральная дзейнасць), так і негатыўнымі (ад унутрыасобаснага канфлікту і крызісу да глабальных катастроф).

У гэтым святле тым большую значнасць набывае інтэлектуальная культура чалавека і грамадства. Рацыянальнае, г. зн. абгрунтаванае, разважлівае, рэфлексіўнае, крытычнае і самакрытычнае, мысленне павінна спрыяць глыбокаму асэнсаванню працэсаў самаідэнтыфікацыі асобы. Сістэма дзяржаўнай і па-за дзяржаўнай адукацыі і выхавання абавязкова павінна фармуліраваць мэты, задачы і ствараць адпаведныя ім сродкі, умовы інтэлектуальнага суправаджэння гэтага працэсу. Няпэўнасць мэтаў, недасканаласць сродкаў ёсць адной з прычынаў крызісу самаідэнтычнасці, уцягвання людзей, асабліва моладзі, у крымінальныя і дэструктыўныя супольнасці, пашырэння алкагалізму і наркаманіі.

У якасці прыкладу крызісных працэсаў возьмем адзін са складнікаў ідэнтычнасці асобы – палітыка-прававая прыналежнанасць яе да дзяржавы. Як вядома, распад СССР суправаджаўся не толькі глыбокім сацыяльна-эканамічным і палітычным крызісам, але і для многіх – крызісам грамадзянскай ідэнтычнасці. Мільёны людзей (асабліва перасяленцы ў першым пакаленні) з цяжкасцю ўспрымалі сябе грамадзянамі новых суверэнных дзяржаў, па-ранейшаму адчуваючы сябе «савецкімі людзьмі», альбо з абвостранымі пачуццямі ўсведамляючы сваю этнічную ідэнтычнасць (нацыянальнасць). Да апошняга часткова спрычыніўся і сам Савецкі Саюз, у якім, нягледзячы на афіцыйна агалошаныя інтэрнацыяналізм і «сяброўства народаў», у анкетнай і іншай дакументацыі ўпарта захоўвалася графа «нацыянальнасць». І пасля краху дзяржавы гэты «пяты пункт» у свядомасці і самаідэнтыфікацыі некаторых людзей перасунуўся ледзь не на першае месца. Многія і дагэтуль не могуць уцяміць, што паняцці «беларус», «украінец», «літовец» ёсць не толькі этнонімамі, але і палітонаімамі, што ў сучасным свеце яны павінны напаўняцца перш за ўсё дзяржаўна-палітычным, грамадзянскім зместам. Грамадзянін Беларусі (Украіны) – значыць беларус (украінец). Гэту нібыта банальную ісцінуяшчэ доўга і настойліва прыйдзецца засвойваць жыхарам былога СССР. І менавіта роля ўстановаў адукацыі і культуры, сродкаў масавай інфармацыі і грамадскіх аўтарытэтаў, палітычных партый і дзяржаўных дзеячоў надзвычай вялікая ў тым, каб гэтае ўсведамленне адбывалася больш хутка і неканфліктна.

Калі казаць пра навучальны працэс, то тут на першы план выходзяць сацыяльныя і гуманітарныя дысцыпліны: гісторыя, псіхалогія, сацыялогія, паліталогія, філасофія, логіка, этыка. Напрыклад, выкладчык логікі можа і абавязаны растлумачыць студэнтам, што паняцце «беларус» мае розныя дэнататы (значэнні); гісторык – як гэтыя значэнні трансфарміраваліся з часам; палітолаг і сацыёлаг – указаць на важнасць грамадзянскага, а не вузка этнічнага ўжывання гэтага паняцця; псіхолаг – дапамагчы раскрыць механізмы атаясамлівання асобы з адпаведнай супольнасцю праз інтарэсы, пачуцці, мысленне, дзеянні; філосаф – раскрыць складаную дыялектыку суадносін нацыянальных і інтэрнацыянальных,

унутрыдзяржаўных і міжнародных, палітычных і культурных аспектаў быцця «чалавека як беларуса» у сучасным глабальным свеце.

Як паказваюць некаторыя драматычныя падзеі вакол нас, цана памылак і хібаў навучання і выхавання ў фарміраванні ідэнтычнасці асобы можа быць надзвычай высокай.

ТВОРЧЕСТВО КАК РЕАЛИЗАЦИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО И ДУХОВНО-КУЛЬТУРНОГО ПОТЕНЦИАЛА

В. А. Максимович

Понятие «интеллектуальность», несомненно, можно отнести к особому социальному феномену, главные характеристики которого напрямую сопряжены с активно преобразующим отношением к миру, с готовностью творить духовное пространство своего бытия, генерировать нестандартные идеи и подходы к решению задач, требующих особой внутренней сконцентрированности и сосредоточенности. Совершенно понятно, что формирование внутренних духовно-творческих интенций и качеств не происходит самопроизвольно, хаотично. Интеллектуальная составляющая предполагает наличие определенных генетически (психологически) заданных параметров, которые получают свое развитие, самосовершенствуются в ходе индивидуального и исторического становления, духовного роста, в процессе социальной коммуникации. Иными словами, интеллектуальный модус общественного бытия необходимо рассматривать в тесной связи с предпосылками и факторами социальной эволюции во всей сложности ее исторической обусловленности и множественной представленности. Сюда же входит и процесс социализации, неразрывно связанный с усвоением духовных атрибутов предшествующих поколений и актуальной современности. В процессе социализации человек овладевает миром культуры, при этом социальное окружение выступает лишь необходимым условием и предпосылкой структурирования определенного культурного континуума. В сложном двуедином процессе взаимообусловленных превращений рациональности интеллектуализм следует признать защитными свойствами культуры и одним из важных слагаемых жизнедеятельности общества. Не вызывает никакого сомнения, что «в основаниях всякого социального процесса лежит ценностная структура культурного сознания» и что с учетом вызовов техногенной цивилизации существование пространства социального взаимодействия возможно лишь «благодаря духовным и интеллектуальным усилиям людей» [1, с. 84].

Данное замечание имеет отношение к характеристике самого общего алгоритма социализации в пространстве культуры. Необходимо признать, что благодаря целеполаганию человека мыслящего, креативно-творческого и формируется истинное содержание культуры. Интеллектуалы, внутренне мотивированные на совершенствование условий существования, имеют дело не с усредненностью коллективного труда, а, прежде всего, с единичными и уникальными явлениями культурогенеза. В данном случае разговор идет не о степени и уровне социально усвоенных (и присвоенных) общественных норм, канонов, стандартов,

традиций, которые отнесены в разряд системоцентрирующих, а о необходимом обновлении их качественных характеристик, более того, о формировании принципиально новых явлений, структур, отдельных артефактов с содержательно и качественно новыми характеристиками. Интеллектуальность самым непосредственным образом связана с созиданием, с творчеством, с возможностью выхода в новое социокультурное, ценностно-духовное измерение. Причем творчество в этот смысл понимается как особого типа деятельная активность, обусловленная внутренним интеллектуальным потенциалом пассионарного типа личности, движимой собственной природой и субстанциальной сущностью, заложенной в ее генезис в качестве феномена особой – культуротворческой – действительности. Иными словами, оно, творчество, является не только условием и, одновременно, промежуточным результатом антропокультурогенеза, но и достаточно продуктивной формой обнаружения, раскрытия генетически продуцированных предрасположенностей, способностей, таланта.

Художественное творчество как наивысшее проявление духовного сознания обрело свое доминирующее место вследствие способности самого субъекта созидания всецело, целостно постигать сущность явления путем индивидуального, творческого освоения форм культуры. И в этом процессе постижения многоликих форм жизни поэт как высокодуховная личность выступает в качестве и объекта, и субъекта познания. Все разнообразие жизни воспринимается творческим реципиентом, прежде всего, с позиции аксиологической, ценностной природы субъектно-объектного как непреложного феномена культуры. Если отталкиваться от признания целостности объективного мира, единства вселенной и человека, что лежит в основе философии того же космизма, то собственно становление духовного мира активно и творчески действующего субъекта следует признать центральным звеном всего процесса постижения смысложизненной сущности бытия. По мнению С. П. Иванова, творческая личность как носитель художественного действия, харизмы «не только вовлекается в общий культурный контекст развития человеческой деятельности, но и активно творит духовное пространство своего бытия» [2, с. 331].

Важно отметить, что раскрытие внутренних задатков личности, имеющих явно выраженную творческую доминанту, напрямую связано с обнаружением и использованием нестандартности и нетривиальности самого способа мышления, восприятия, смыслообразования, выбивающихся из системы типичных культурных стереотипов. Вот почему отличительной чертой творческой интеллектуальной элиты является ее «инокомыслящее пограничье», стремление к созданию поля вариативных возможностей. Рожденные в зоне обозначенного пограничья инновации имеют все предпосылки для существенного изменения облика актуальной культуры, а вслед за тем и актуальность социума, способствовать их динамическому развитию, ведущему к созданию новых ценностей и отношений, обогащению наличествующего опыта через видоизменение социокультурных форм и наполнения их новыми смыслами и значениями.

Н. А. Бердяев в этой связи подчеркивал, что действующим субъектом духовного процесса может стать лишь человек высокого духовного потенциала. Безусловно, в качестве такого субъекта выступает именно тот человек, у которого

неизмеримо развито духовно-творческое начало, напрямую связанное с освоением разнообразных форм культуры, социокультурного пространства. Именно творчество как внутренне имманентное, непреложное деяние является непременным условием личностного и социального становления в системе отношений взаимодействия «человек – космос».

В этом плане большое значение приобретает чувственно-предметный уровень личностного развития, напрямую связанный с ценностно-смысловой и ценностно-нравственной составляющей, выражающей отношение к идеалам добра, истины, красоты. Именно в поэзии как одном из наиболее «чувствительных» видов творчества посредством духовной активности созидającego субъекта полнее обнаруживаются его интенциональные свойства, активно преобразующее отношение к миру. Полагаясь на уже имеющееся в наличии, на приобретенный в процессе историко-культурного развития опыт, творческая личность не может не воспользоваться им, задействовать его не видоизменяя, не внося дополнительные семантические аберрации, не «инкрустируя» чувственную и смысловую тональность в создаваемое произведение искусства, не выходя на более высокий уровень художественного осмысления жизни. Природа любого творчества по своей внутренней сути связана с необходимостью изменения, преобразования ценностно-смыслового контекста культуры. В большей степени это связано с тем, что рефлектирующий субъект по-своему, индивидуально, переживает внешние события, исходя из своего внутреннего духовного опыта. Этот момент И. В. Кондаков напрямую связал с интерсубъективностью и интерсобытийностью культуры. «В процессе освоения абстрактного бытия культуры ее конкретными субъектами происходит *интериоризация* и *субъективизация* (курсив автора. – В. М.) этого бытия, – замечает исследователь, – результатом чего является его ценностно-смысловое “расслоение” и наполнение некоего “происшествия” многообразием конкретных смыслов и оценок, нередко весьма отличных друг от друга и даже противоположных по своему идейному и эмоциональному наполнению (не говоря о художественно-эстетической, философской или нравственной ценности его отображений)» [3, с. 152]. С. П. Иванов также подчеркивает, что «природа художественного действия уникальна уже потому, что это действие субъекта изначально направлено на преобразование культурного содержания, “оседающего” в формах опыта» [2, с. 336]. В отношении поэзии, в силу особенностей данного вида творчества, имеет смысл говорить не об объективной, конкретно-репродуцированной событийности, а, скорее, о субъективной, эмоционально-психологической, внутренне детерминированной. Поэтическое творение, созданное по законам красоты, гармонии и внутренней соразмерности ее частей, как никакое другое, отличается глубоко интимным характером, большой степенью преобразования, «овнутрения» реальности.

Именно высокохудожественные артефакты являются подтверждением того, что они рождаются благодаря активно действующему субъекту, способному посредством своих внутренних генерирующих структур, путем аккумуляции, преломления и эстетизации наличествующего жизненного психо-эмоционального опыта создавать то, что впоследствии может приобрести качество признанного образца национальной поэтической картины мира, художественного шедевра, эталона эстетической соразмерности и совершенства.

Литература и источники

1. Порус, В. Н. Интеллект как культурная ценность / В. Н. Порус // Вестник Российского философского общества. – 2009. – № 1(49). – С. 79–85.
2. Иванов, С. П. Субъект художественного действия в построении и развитии культурных сфер / С. П. Иванов // Человек как субъект культуры: Сб. ст. / Отв. ред. Э. В. Сайко. – М.: Наука, 2002. – С. 331–365.
3. Кондаков, И. В. Интерсубъективность культуры / И. В. Кондаков // Человек как субъект культуры: Сб. ст. / Отв. ред. Э. В. Сайко. – М.: Наука, 2002. – С. 152–186.

ТВОРЧАСЦЬ ЯК АСНОВА ІНТЭЛЕКТУАЛЬНАГА РАЗВІЦЦЯ

М. В. Анцыповіч

Гістарычна філасофія ва ўсе часы ўяўляла сабой мноства ідэй, вучэнняў, тэорый, сістэм, канцэптаў, але адначасна заўсёды існавала як унікальны самастойны феномен. Філасофская светаарыентацыя імкнецца прарваць усялякую замкненнасць свету, якая ўзнікае ў эмпірычнай светаарыентацыі. Выступаючы то «любоўю да мудрасці», то «заканадацелькай розума», то «апалагетыкай багаслоўя», філасофія заўсёды выяўляе межы прымусовага. Паводле Ю. Бохенскага, «ў матэматыцы гэта аксіёмы, ў эмпірычных навуках – прывязанасць фактаў да тэорый, у светапаглядзе – цяжкасць паведамлення і недахоп сістэматызаванай паўнаты. Яна спецыяльна падкрэслівае ўсюды ўзнікаючыя антыноміі. Яна паказвае недасягальнасць адзінства малюнка света. Адсутнасць адзінства выяўляецца ў тэхнічных дзеяннях, у апякаванні, выхаванні, палітыцы: паўсюль мы натыкаемся на непераадольныя межы. Яспэрс ілюструе гэтае палажжэнне, аналізам розных адносін доктара да хворага і сцвярджае, што ні адзін з іх не дастатковы» [1, с. 156]. Праблема творчасці з’яўляецца актуальнай для ўсяго сацыягуманітарнага ведання, перад усім таму, што сучаснае грамадства скіравана на інавацыі і зацікаўлена ў авалодванні тымі спосабамі, сродкамі мэтакіраванай дзейнасці чалавека, якія забяспечваюць пераўтварэнне існуючага парадку і стварэнне элементаў новага.

Шматмернасць сучаснай творчасці праяўляецца не толькі ў тым, што яно – стварэнне прынцыпова новага: новых ідэй і вобразаў, новых твораў мастацтва, новых формаў сацыяльнага жыцця, новых прадметнасцей і тэхналогій, але і ў тым, што яно рэалізуецца на розных узроўнях сацыякультурнай рэальнасці. Грамадства спажывання – такая сукупнасць усемагчымых адносін, у якіх ключавое месца адводзіцца індывідуальнаму спажыванню апасродкаванага рынкам. Масавая культура, як асноўная культура грамадства спажывання робіцца каналам псіхалагічнага ўздзеяння, пры якім знешняе падпарадкаванне ўладзе саступае месца ўнутранаму падпарадкаванню, а бачнае панаванне падмяняецца нябачным панаваннем.

Складанасць і шматстайнасць творчасці дэтэрмінуе яе антынамійныя характарыстыкі: раптоўнасць, непрадказальнасць, няўстойлівасць, прэтэнзійнасць, багемнасць. У эпоху сучаснасці постмадэрна, з уласцівым яму рэлятывізмам у

адносінах да любых каштоўнасцей, ідэалаў, падменай іх сімулякраві, ператварэннем чалавека ў «масавага чалавека», духоўная сфера перажывае крызіс. Крызісны стан у філасофіі выражаецца ў тым, што, з аднаго боку з'яўленне ўсё больш разнародных стылеў, спосабаў, жанраў прыводзіць да пашырэння самой «прасторы» філасофскага здумлення, з другога боку адбываецца размыванне межаў паміж рознымі духоўнымі сферамі. Як адзначаў палітычны дзеяч, філосаф, правазнаўца, ідэалаг рэфармацыйнага руху ў ВКЛ (XVI ст.) Андрэй Волян (Волян), «у галовах людзей тоіцца шмат аблудаў і забабонаў. І забабоны гэтыя тлумячы чалавеку розум, збіваюць з тропу і перашкаджаюць убачыць ісціну» [2, с. 99]. Дамінуючае становішча масавай культуры прадвызначаецца разнароднасцю функцый: яна фармуе асобны ілюзорны, міфалагізаваны, псеўдарэалістычны малюнак свету, які дазваляе «збегчы» ад рэальнасці. Масавая культура сама з'яўляецца прадуктам канвейера і штампа і забяспечвае запраграмаваныя паводзіны складовых элементаў «масы», укарэнняе ў грамадскае здумленне стандарты масавага чалавека.

У сёняшнім грамадстве супярэчнасць паміж індустрыяй масавага спажывання і інавацыйнай дзейнасцю абстраецца яшчэ выразней. Калі першая арыентавана на «чалавека натоўпу», то ў другой запатрабавана асоба здольная да творчай працы. Творчыя рэпрэзентацыі ў сучаснай культуры вядуць да ўзнікнення гібридных культурных форм, так як мастак, ці другі прадстаўнік творчай прафесіі павінен быць адначасова і ўласным іміджмейкерам, які выкарыстоўвае механізмы эпатажнай рэкламы, скандала і г. д. У рэальнасці праглядваецца тэндэнцыя перараджэння мастацтва ў арт – практыку. Выразнай прыкметай якой – дэструктыўныя адносіны да сэнсасферы культуры. Пагэтану месца мастака – творца займае мастак – менэджэр, месца навукоўца займае вучоны – бізнэсовец.

Глабалізацыя, дынамічнасць сацыяльнага часу, небяспекі навукова – інфармацыйнага прагрэса змянілі сацыяльна-прыродны і антропасацыяльны характар сучаснай грамадскай свядомасці. Сеткавымі тэхналогіямі створана новая віртуальная рэальнасць, дзе існуюць свае формы грамадскай свядомасці, і якія маюць элементы як рэальнага так і віртуальнага свету.

Сучасныя тэхнічныя сродкі масавай камунікацыі таксама змянілі і характар сацыяльнай камунікацыі і міжасабовага кантактавання. Пагэтану паміж культурамі немагчыма ўзаемаразуменне, немагчымы дакладны пераклад тэкстаў, немагчымы дыялог культур. Паводле Т. Куна, нават, у сферы натуральных моваў «істоты з аднолькавым біялагічным начыннем могуць успрымаць свет, па-рознаму структураваны іх мовамі, пагэтану яны не змогуць кантактавацца між сабою. Нават, калі індывіды адначасова ўваходзяць у розныя моўныя супольнасці (г. зн. валодаюць некалькімі мовамі), яны па-рознаму успрымаюць свет, пераходзячы ад адной мовы да другой» [3, с. 142]. Менавіта гэтым тлумачыцца пераасэнсаванне паняцця «талерантнасць», якое азначаецца ў сферы масавай культуры, як вобраз жыцця эгацэнтрычнага індывіда, як цярпімасць да любых поглядаў.

У гісторыі філасофіі існуе некалькіх зыходных апазіцый адносна праблем творчасці. Тэхналагізм у адносінах творчасці праяўляецца і ў замене паняцця «творчасць» тэрмінам «крэатыўнасць». Крэатыў – гістарычна новая форма творчасці, якая выступае новым інструментам сацыякультурнай дыферэнцыяцыі. «Творчы складнік» дзейнасці робіцца ўсё больш запатрабаваным і ў бізнэсе, і ў рэкламе, і ў

сучасным мастацтве. Пры гэтым крэатыву прадпісваецца не столькі ствараць штосці карыснае, колькі прыцягваць увагу да новага прадукта, фармаваць новыя каштоўнасці ў мэтавай аўдыторыі, каштоўнасцей часцяком спажывецкіх. Падмена творчасці крэатывам адбываецца ў выніку «адкідвання» сферы трансцэндэнтнага, а затым і згортвання сферы сэнсавага і каштоўнаснага.

Адрозненне творчасці ад «крэатыва» ў тым, што «крэатыў» выражае з'яўленне новага адчування жыцця – больш рацыянальнага, мэтаскіраванага, «справавітага». Адсюль і выплывае ідэя на «незалежнасць думак, меркаванняў», непрыняццё «ўсялякіх спробаў ціску». Ствараецца ілюзія, што можна тварыць па-за культурай, па-за мовай, не ў кантэксце маралі, логікі. Пагэтану крэатыўнаму мастацтву вельмі роднасныя формы тэатра: перфармансы, пэпенінгі, разнастайныя інтэрактыўныя акцыі. Крэатыўнасць у сэнсе (як адмысловасць і гнуткасць здумлення) лакальна можа прысутнічаць і ў сучасных «усходніх» грамадствах – перад усім у тэхніка-тэхналагічнай і ў навуковай сферах, але не ў сацыяльна – культурнай. У працэсе глабалізацыі ўзаемадзеянне і ўзаемапранікненне сацыяльных, палітычных, эканамічных і культурных падсістэм розных грамадстваў і краін адбываецца не на глабальным узроўні, а паэлементна, ці нават на мікраўзроўні.

У крэатыўнасці спалучаюцца працэсы ўзнікнення і знішчэння, зараджэння магчымасцей і рэалізацыі адной з іх у рэальнасці, пагэтану творчасць шчыльна злучана з прыняццём і адзнакай крэатыўнай ідэі з боку соцыума. Па меры засваення новага выніка грамадствам, крэатыўная ідэя можа зрабіцца агульнапрызнанай, г.зн. крэатыўнасць робіцца творчасцю.

Развіццё творчасці скаралявана са складаным феноменам функцыявання мовы ў сучаснай сусветнай культуры. Нацыянальныя і этнічныя ідэнтычнасці фармуюцца праз пачуццё адасобленай спадчыннасці, гісторыі, традыцый, каштоўнасцей, падобнымі паводзінамі і ў самай высокай ступені – мове, якая і з'яўляецца сістэмаўтвараючым камунікацыйным фактарам фармавання грамадства. З аднаго боку, ў сучасным навуковым, эканамічным, палітычным, адукацыйным дыскурсе можна назіраць выкарыстанне і развіццё штучных моваў, імкненне пабудаваць адзіную навуковую мову. Але як паказаў вопыт развіцця навукі рэалізацыя гэтых мэтаў немагчыма. Штучныя мовы не надзелены дастатковымі семантычнымі рэсурсамі, а спроба пабудовы адзінай мовы (эсперанта) – свайго рода ўтопія, накшталт – стварэнне адзінага народа з розных культур, этнасаў, нацый. Культурны чалавек тэхнагенны па сваёй прыродзе, ягоная дзейнасць вектарна скіраваны на адаптацыю, г.зн. супрацьстаянне прыродзе і пераўтварэнне акаляючага асяроддзя. З другога боку чалавечая актыўнасць скіравана ўнутр, на самавыхаванне, ўключэнне ў традыцыю. Сучасныя працэсы па розных лініях яшчэ болей расколваюць нацыянальную свядомасць. Яно (метафарычна), нацыянальнае сумуе па мінуламу, адчувае самоту, закінутасць. Пагэтану яно і бунтуе, супраціўляецца ў імкненні зберагчы сваё заўсёднае «Я». Але адначасова нацыянальнае «ўсмоктвае» дух новага свету, яго разнароднасць. І гэтыя два працэсы (яны заўсёды ўласцівы нацыянальнаму) не паралельныя і не незалежныя адзін ад другога, яны знаходзяцца ў складанай знітанасці, што і гавораць аб дзівосным феномене нацыянальнай свядомасці.

Трансфармацыя інстытутаў і каштоўнасцей, якія выкліканыя глабалізацыяй і мадэрнізацыяй, спараджаюць пагрозу знішчэння, ці паглынання нацыянальнай

культуры новай глабальнай цывілізацыяй. Мадэрнізацыя эканомік і трансфармацыя сацыяльных інстытутаў у бок іх уніфікацыі і стандартызацыі па нейкаму адзінаму стандарту прыводзіць да таго, што лакальная самаідэнтыфікацыя, якая фармавалася працяглы час, слабее. Вакуумная пустэча, якая ўтварылася, запаўняецца рэлігійным радыкалізмам, які фактычна прыводзіць да дэсекулярызацыі грамадства.

Літаратура і крыніцы

1. Бохенский, Ю. Современная европейская философия / Ю. М. Бохенский; пер. М. Н. Грецкий. – М.: Научный мир, 2000. – 256 с.
2. Волан, А. Аб грамадзянскай, або палітычнай свабодзе / А. Волан; пер. з лац. У. Шатона. – Мінск: Зміцер Колас, 2009. – 142 с.
3. Кун, Т. После «Структуры научных революций» / Т. Кун. – М.: АСТ, 2014. – 448 с.

ВОЗМОЖНОСТИ И ПРЕДЕЛЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ТВОРЧЕСТВА

А. Г. Косиченко

Любая деятельность человека органично содержит в себе творческий момент, и потому можно говорить о творчестве в содержании любой деятельности. Но столь же ясно, что имеются формы деятельности, в которых творчество занимает очень значительное место, являясь сущностью данной формы деятельности. Таких форм деятельности человека немного. Во-первых, это сфера духовного, прежде всего, духовное возрастание человека, которое требует от человека постоянного духовного роста – самотворчества, с целью приближения к идеалу человека, каким его видит религия (в православной традиции – так называемое обожение человека). Во-вторых, это сфера разума и его творческой мощи, в наибольшей степени проявившегося в научной и шире – интеллектуальной деятельности. Здесь творчество выступает средством постижения реальности, и свободно в своем проявлении, его не ограничивает даже содержание предмета, постижение которого и является целью творческого усилия. Творческим актом само содержание исследуемого предмета может переформатироваться, может, как расширяться, так и сужаться, меняя формы и трансформируя содержание. Однако имеются пределы творческого «переиначивания» содержания исследуемого в научном познании предмета. Научное творчество должно быть подчинено цели научного познания – познавать окружающий мир в его объективной данности. Разрушение предмета познания в необузданном творческом «раже» лишает научное познание смысла.

Без творчества, без активности познающего субъекта, без выхода за пределы наличного знания, всякая интеллектуальная деятельность, в том числе и научная, невозможна. Но эта деятельность утрачивает смысл и содержание, когда свобода творчества превращается в произвол, приводящий к разрушению предмета познания. Поэтому наука более строго относится к свободе творчества ученого, чем, скажем, искусство, в котором творец практически ничем не связан и волен творить, как захочет. Искусство тоже является сферой интеллектуальной культуры, но границы творческого действия здесь намного шире. Следует, вместе с тем, заметить, что даже в

искусстве «творческий» произвол имеет пределы. В последнее время проблема самоограничения творца искусства приобрела особую актуальность и практическое значение в связи с эпатажным поведением целого ряда «художников», громко настаивающих на своем праве «творить» вне всяких норм и ограничений (в реализации своего права на «безбрежное» творчество эти «творцы» особо агрессивны по отношению к религиозным ценностям). При этом забывается, что художественное творчество имеет своего адресата и потребителя, которые обладают правом понимать результат деятельности «творческого гения» художника. Уже не говоря о том, что всякий художник, сколь бы свободным он не был, все же исходит из некой ценностной системы, определяющей его мировоззрение и потому задающей пространство его творческой свободы.

Вообще говоря, всякий человек вправе жить, как захочет. Но общество регулирует это право. Получила широкое хождение фраза «Свобода одного махать руками оканчивается там, где расположено лицо другого». Фраза довольно вульгарная, и слабо передающая суть свободы, но, наверное, сегодня именно так и надо формулировать принципы общежития. И броско, и хлестко, и доходчиво.

За всем этим стоят очень серьезные проблемы. Тот же творец, требующий безграничной свободы самовыражения, не считающийся ни с кем в реализации своих прав на свободу, в частной жизни хотел бы элементарной устойчивости и порядка, а нередко и хорошей оплаты за свое «творчество» (хотя надо признать, что имеются и «последовательные» сторонники абсолютной свободы, разрушающие и свою жизнь тоже). Но где взять устойчивости и упорядоченности, если все вокруг начнут исходить из права на произвол: в искусстве, в культуре, в экономике, в политике? Сегодня эта проблема из сферы сугубо теоретического интереса переходит в практическую плоскость: рушится привычный относительно стабильный мир, никто ни за что не хочет отвечать, все присваивают себе право вести себя произвольно, стремятся к богатой, комфортной жизни, желательно за чужой счет, не трудясь, не работая, просто в силу того, что «ты этого достойна». Вполне определенные силы сознательно насаждают, культивируют не просто потребительское мировоззрение, но мировоззрение паразитическое, лишая, тем самым, страны и общества всякого будущего, ибо нет будущего у общества, не воспроизводящего условия своего существования.

Совсем не творчество виновно в таком положении дел, но кто же? У всякой негативной ситуации есть автор, и у разлагающегося общества автор – оно само. Мы в абсолютном своем большинстве забыли, что уровень жизни человека зависит от результативности коллективного труда, что надо созидать, надо работать, а не заниматься креативной рекламой непонятно чего. Современный мир имеет тенденцию к выхолащиванию значимости живого труда, героизируя умение олигархов извлекать гигантские и ничем не обоснованные прибыли из операций со спекулятивным капиталом, «отбивая» у людей, особенно молодых людей, всякое желание трудиться, трудом обеспечивая себе свой уровень жизни.

Могут спросить, а причем здесь творчество? Да, картина нарисована не очень хорошая и даже мало оптимистичная, но не интеллектуальное же творчество ответственно за сложившуюся ситуацию. Виновен кто-то другой, какие-то злые силы много поработали над ее порождением. Пусть так, но и социальное творчество

многих и многих весьма благонамеренных интеллигентных людей способствовало формированию потребительского мировоззрения. Последовательное безответственное «творение» новой реальности, в которой надо «брать от жизни все», а взамен не давать ничего, и привело к возникновению этой прискорбной ситуации. Человек порывает с традицией, согласно которой трудом создается все, он усваивает себе право пользоваться трудом прежних поколений, но не оставляет по себе продотворных результатов своего труда. Для перехода к такому мировоззрению требуется разрыв с традиционной системой ценностей, и вот тут-то и являет себя «интеллектуальный импульс», нацеленный на разрыв с традицией. Без интеллектуального усилия этот разрыв осуществить нельзя, потребно усилие довольно сложного свойства, где намерение соседствует с волей, а интеллект угодливо подбирает аргументы в пользу этой новой жизненной установки. В какой мере этот процесс осознан и насколько он рационален – вопрос другой, но без личностного выбора мировоззрения, согласно которому надо жить комфортно, мало отдавая, но беря много, осуществить его невозможно. Умом, умом поврежденным и «завороженным» сладким хором соблазнительей разного рода, делается подобный выбор.

Поэтому не следует думать, что интеллектуальное творчество имеет следствием всегда и исключительно позитивный результат. Современная наука, очень сомнительная в нравственном и духовном отношении, как некий итог интеллектуального творчества, несмотря на вполне оправданную критику в ее адрес, все же являет себя более предпочтительным феноменом в сравнении с «самотворчеством» эгоистического потребителя материальных «благ». Интеллект, не одухотворенный стремлением к обретению истинного смысла жизни, к ответственному и каждодневному творению человеком себя как некоего подобия Божия, «творит» бесчеловечную реальность всеобщей конкуренции всех со всеми, итогом чего является «жизнь», которую и жизнью-то назвать нельзя и которой не хотят жить и самые активные ее строители. При этом почти апокалипсическая картина современности выстроена, в том числе, усилиями по-своему честных творцов, реализующих весьма благие намерения.

Интеллект сам по себе ценностно нейтрален. Он есть только способность человека, и человек свободен распорядиться этой способностью по собственному усмотрению. Но если интеллект и творчество, на нем основанное, ценностно нейтральны, то вправе ли мы требовать от них некоего уровня духовности? Вправе, так как вне позитивной духовности интеллектуальное творчество деградирует во зло. Греховность современного человека достигла уровня духовной слепоты, когда он почти не различает добро и зло. В горизонте лишь человеческого бытия позитивных перспектив нет. Но онтологически творческие и интеллектуальные силы человека одухотворены и даже обожжены изначально, и современному человеку надо лишь «припомнить» свое происхождение «по образу и подобию», принять на себя ответственность за себя и мир, что освободит человека от греха и вернет ему способность к одухотворенному интеллектуальному творчеству.

О ЛИЧНОСТНЫХ КАЧЕСТВАХ КРЕАТИВНОЙ ЛИЧНОСТИ

И. И. Таркан

Современное глобализирующееся общество многие исследователи назвали «обществом знаний». Если в индустриальном обществе массовый труд являлся основной производительной силой, то в обществе знаний все более востребованными становятся личностные качества человека, которые принято рассматривать как компетенции.

Компетенция – базовое качество креативной личности, имеющее основополагающее значение в условиях смены «предметного знания» на его практическую эффективность. Если образование индустриального общества готовила работника по найму, то обществу знаний необходима креативная личность. Поэтому образование в современном обществе все больше рассматривается как личностный ресурс.

Формирование компетенций, т. е. личностных качеств человека, способного жить в условиях информационного общества – важнейшая задача образования и национальной модели подготовки человеческих ресурсов Беларуси.

Не придерживаясь строгой иерархии можно привести определенный набор личностных качеств современной креативной личности.

1. *Позитивное мышление.* Данная компетенция предполагает развитую способность человека ставить перед собой большие общественно значимые цели и выстраивать стратегии ее достижения в условиях информационной неопределенности и рисков. Нацеленность на будущее, на то, как изменить к лучшему развитие своей страны и собственную жизнь – важнейшая характеристика креативной личности, обладающей позитивной энергетикой. Мысли человека формируют его жизнь, другими словами: как мыслишь, так и живешь. Целеустремленность – важнейшая компонента позитивного мышления и действия.

2. *Ценности.* Ценность – это понятие, которое выражает значимость чего-либо для человека. Есть ценности материальные и духовные. Какие ценности выбирать – решать человеку. Но есть высшие моральные ценности – добро и зло, смысл жизни, свобода, счастье, любовь, справедливость и др., которые представляют собой сложный мир идей, организующие нравственное пространство личности и оказывающие регулятивное воздействие на ее поведение, систему жизненных координат.

Ценности формируются в условиях свободного выбора. Христианство на вершину ценностного мира возвело любовь. Позитивные эмоциональные связи с другими людьми становятся хрупкими, если человек еще в детстве не научился любить и быть любимым.

Замечено, что в современном обществе, при колоссальном ресурсе информации, которым оно располагает, существует дефицит любви, а, следовательно, и настоящей свободы.

3. *Труд.* Труд – целенаправленная осознанная деятельность. Необходимо различать труд и успех. В современном обществе успех, прежде всего материальный, стал смыслом жизни для многих людей. Ценится успех, добытый любой ценой.

«Делать деньги» превратилось в жизненную философию нашего времени.

Но, еще Аристотель заметил, что стремление не к благой жизни, а к жизни вообще (как наслаждению и получению удовольствия, что беспрдельно) лежит в основе наживы, преступлений рода человеческого. Так, врач должен лечить, ведь его цель – сделать человека здоровым, но если врач станет стремиться к наживе и ради этой цели будет готов идти на все и использовать для этого любые средства – это не будет соответствовать нравственным нормам. Человек со школьной скамьи должен усвоить, что не корыстный успех, а общественно значимый труд соответствует естественной природе человека.

Труд не сводится к успеху. Для креативно развитой личности успех скорее является внешним проявлением внутренне мотивированной личности на занятие любимым делом.

4. *Доверие – важнейшее личностное качество.* Доверие – основа синергии человека и общества, гражданина и государства. Проблема доверия к социальным нормам и институтам актуализируется в условиях демократизации общественных отношений. Доверие к себе, к своим способностям позволяют личности находить ту сферу приложения сил, в которой востребованы креативность и внутренняя мотивация на свободное творчество.

Доверие является и основой человеческой солидарности. Если люди не доверяют общественным институтам (особенно правовым и финансовым), считая их неэффективными, то они надеются исключительно на собственные силы или на близкие социальные связи для собственного выживания.

5. *Образование.* Образование в обществе знаний – важнейший ресурс креативности. Можно выделить некоторые его аспекты:

а) инновационность (умение фиксировать противоречивую природу современных явлений, ставить проблемные вопросы и находить эффективные способы их решения, создавать эффективную образовательную и деловую среды и др.);

б) открытость (умение самообразовываться в поликультурных средах, формировать навыки получения образовательных услуг посредством Интернета и в формате удаленного обучения и др.);

в) непрерывность.

Образование превращается сегодня в непрерывный процесс. Развитие современных информационных технологий упраздняет традиционное деление жизненного цикла на труд и досуг, и сегодня уже сложно отделить «обучение в ходе работы» от «обучения в процессе досуга». Межпредметные курсы и самостоятельная образовательная активность – необходимые предпосылки формирования креативной личности.

6. *Здоровье как личностное качество* формируется многообразными социокультурными факторами. Решающим из них является образ жизни. Стрессы, ведущие к депрессивным и болезненным состояниям, психологическое напряжение, охватившее людей в условиях ускоряющегося темпа современной жизни – все эти факторы влияют на образ жизни и здоровье человека.

Преодоление стрессовых состояний и укрепление здоровья возможно при освоении интегральных знаний о человеке как целостном биопсихосоциальном

существо. Цивилизация усиливает давление на психику человека. Человек в условиях коммерциализации современной медицины отучается от нравственных усилий следить за здоровьем и больше надеется на внешнюю помощь в виде медицинских препаратов. Однако надо понимать, что в условиях рыночных отношений происходит коммерциализация не только экономики, но и медицины.

7. Эмоциональная устойчивость и твердость характера. Эмоциональная сфера человека многообразна. Жизненно важные воздействия социальной среды сопровождаются эмоциональным тоном ощущений (например, удовольствием-неудовольствием).

Необходимо научиться брать на себя ответственность за свою жизнь, управлять своим здоровьем, отношениями с людьми, финансами, что позволит сформировать гармоничное внутреннее пространство. Важно научиться жить в собственной культурной традиции, механизмы которой воспроизводят оптимальные модели поведения и нормы коммуникаций.

Например, если человек в либеральной ценностной парадигме нацелен на предприимчивость и экономический успех, то в рамках традиционных ценностей он приучает себя к самоограничению, бережливости на основе сложившихся поведенческих норм и обычаев.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ЛИЧНОСТИ КАК МАРКЕР ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА ОБЩЕСТВА

И. А. Фурса

Актуальной задачей белорусского государства на ближайшее десятилетие является быстрое приращение человеческого потенциала, приближение к лидерам в глобальном рейтинге уровня развития человеческого потенциала. Одним из ключевых составляющих успеха здесь рассматривается фактор интеллектуальной культуры, совершенствование интеллектуального потенциала нации. Интеллектуальное состояние общества, его уровень и проблемы, выявляет сложная система показателей, из которых выделим качественную характеристику человеческих ресурсов, демонстрирующую степень образованности, общей культуры и профессиональной компетентности, их готовности к инновационной деятельности.

Концепт профессиональной культуры личности уже долгое время пользуется вниманием исследователей различной сферы научных интересов. Ретроспективный анализ понятия, динамики расширения его содержательного наполнения демонстрируют путь от цельного изучения феномена профессиональной культуры личности (И. М. Модель, 1983), составляющих его элементов (например, исследование профессионального мышления А. А. Баталова, 1986) и частных видовых репрезентаций данного предмета в педагогическом, социологическом, психологическом и иных аспектах до рассмотрения взаимовлияния профессиональной культуры личности и социальных технологий (В. Я. Кочергин, 2007), а также изменения конфигурации концепта профессиональной культуры личности в контексте различных методологических оснований (например,

гуманистического подхода). Результатом интеграции представлений о профессиональном развитии личности и ее ассимиляции в культурном пространстве социума стала проблематизация профессиональной культуры личности как самостоятельного предмета исследований.

Существуют различные ракурсы рассмотрения данной дефиниции. Содержательная сторона профессиональной культуры раскрывается различно в зависимости от аспекта теоретического анализа. Частнонаучные обобщения имеют огромное значение для достижения целей формирования общего представления о феномене профессиональной культуры, и в этом смысле полностью выполняют свою роль. Однако необходим и иной ракурс рассмотрения концепта профессиональной культуры личности. Понятие профессиональной культуры личности многогранно, разноаспектно, но наиболее широкий контекст приобретает в социально-философском ракурсе. В социально-философском контексте профессиональная культура личности рассматривается как особая форма мировоззрения в единстве понимания, восприятия и ощущения личностью себя в профессиональном мире. И. Ф. Исаев считает, что специфическое проектирование общей культуры в профессиональную деятельность есть профессиональная культура [1, с. 21]. Такие авторские позиции, иллюстрирующие исследовательские интенции в отношении профессиональной культуры личности, позволяют сделать обобщение о том, что ценностно-мировоззренческие основания профессиональной культуры личности проблематизируются через понятия «профессиональная идентификация», «профессиональная идентичность». Социально-философский уровень осмысления профессиональной культуры личности предельно абстрагирован взаимосвязью в индивидуальной истории становления профессиональной идентичности личности категорий «общего» (общая культура личности) – «особенного» (профессиональная культура в части принятия личностью стандартов, ценностей профессии и профессиональной группы) – «единичного» (профессиональная культура личности, творчески интерпретирующей и выполняющей свои профессиональные задачи).

Феноменология профессиональной культуры личности раскрывается как проявление социального в индивидуальном, как своего рода репрезентация социальной системы в индивидуальном ее измерении. Уточняя понятие, определим его следующим образом: профессиональная культура личности – качественная характеристика личности, выражающая степень ее сближения с ценностями, идеалами, нормами, технологиями и моделями поведения определенной профессиональной группы в стремлении обретения собственной профессиональной идентичности, а также в целостной совокупности своих проявлений – репрезентация социально-профессиональных ориентиров общества на уровне личности. При этом формирование профессиональной культуры личности предполагает как имманентную феномену культуры, в том числе и профессиональной культуре личности, основу базисных идей и ценностей человеческой цивилизации (например, познания, красоты).

Условия современного информационного общества актуализируют потребность в анализе трансформации концепта профессиональной культуры личности. Доминанты информационного общества формируют новые стратегии его развития, что предполагает пересмотр не только личностных, но и

профессиональных установок субъекта социального взаимодействия. В соответствии с динамикой теоретических представлений об информационном обществе эволюционировали идеалы профессионального и личностного развития, при этом возможно выделение следующих этапов: 1) возникновение и укрепление идеи о высокой роли квалифицированной личности при общем оптимистичном отношении к потенциалу постиндустриального общества и высоком уровне сплоченности социально-профессиональной общности; 2) склонность к индивидуализму, повышенной критичности (низкий уровень сплоченности социально-профессиональной общности, технологический детерминизм); 3) идеал коммуникативной, толерантной, творческой личности (высокий уровень сплоченности социально-профессиональной общности в условиях всеобщей глобализации); 4) значимыми ориентирами профессионального развития признаются системное мышление, креативность, модульность и космополитичность мировоззрения, мобильность, открытость и динамизм, высокая степень личной ответственности и самостоятельности. На последнем этапе снова наблюдается снижение уровня сплоченности социально-профессиональной общности, что объясняется вовлеченностью субъектов в виртуальное пространство, отличительными особенностями которого являются подвижность ценностных ориентиров, этических норм, возможность создания множества различных собственных образов, то есть тотальная неопределенность. Отметим, также в качестве тенденций современной повестки дня: возрастание влияния виртуальных способов саморепрезентации, подвижность традиционных измерений идентичности; актуализация мозаичной модели идентичности как когерентного характеристикам современного многополярного мира теоретического концепта профессиональной идентичности. Актуальное представление о профессиональной культуре личности есть суммирование важнейших исследовательских акцентов, характерных для предшествующих этапов информационного общества, с доминированием особенностей, являющихся следствием воздействия фундаментальных силовых линий поля социальной жизни современного человека. Ключевые акценты понимания концепции профессиональной культуры личности позволяют адекватно проанализировать не только текущее состояние, но осуществить потенциально вероятный прогноз, определить векторы развития профессиональных и личностных предпочтений, интеллектуальных настроений в социуме.

С позиции социально-философской рефлексии феномен профессиональной культуры личности выступает своего рода инструментом анализа социальной системы через личностное ее восприятие. В таком смысле понимание профессиональной культуры личности близко значению определения индивидуального типа в веберовской системе понятий. Изучение динамики представлений о профессиональной культуре личности представляет возможность получения информации об актуальных общественных тенденциях, сравнения полученных образов для выявления вероятных перспектив развития социума. Таким образом, можно говорить о выполнении для социальной теории и практики информативной, аналитической, прогностической, компаративной функций концепта профессиональной культуры личности, который, в этом смысле, является маркером интеллектуального потенциала общества.

Литература и источники

1. Исаев, И. Ф. Профессионально-педагогическая культура преподавателя / И. Ф. Исаев. – М.: Академия, 2002. – 208 с.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ СТАНОВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО РАБОТНИКА

Л. М. Специан

Интеллектуальная культура – это способность решать нешаблонные жизненные, профессиональные задачи, мыслительные способности человека, его эмоциональное, духовное состояние, это сочетание общей культуры и культуры умственного труда. В структуру интеллектуальной культуры входит интеллектуальная деятельность человека, включающая четыре важнейших компонента: логическое мышление, интеллект, творчество, критическое мышление. Понятие интеллектуальной культуры включает в себя совокупность представлений об образовательном потенциале, о механизмах его воспроизводства и о его воплощении в производственно-экономических и социальных инновациях.

В связи с этим, подготовка и переподготовка специалистов в социальной сфере представляет собой острую проблему, которая стоит перед обществом. Эффективность деятельности организации зависит от того, как подготовлены кадры, каким уровнем профессионализма обладают, т. е. главную роль в менеджменте социальной работы играют кадры. Качество персонала и его отношение к труду (уровень профессионализма и творчество работников) является основным фактором конкурентоспособности организации, ее выживаемости и процветания.

Исследования в области повышения эффективности подготовки и переподготовки социальных работников показали, где наравне с постоянным улучшением качества подготовки специалистов, имеют место определенные проблемы. Так, например, в содержании профессиональной подготовки не всегда учитывается общее и специфическое в социальной работе, компонент общечеловеческой культуры, особенности. Кроме того, в процессе обучения недостаточно внимания уделяется практике, недостаточно разработаны содержание и методические основы практической подготовки специалиста.

Профессиональное развитие оказывает положительное влияние на деятельность организации и самих сотрудников. Они становятся более конкурентоспособными на рынке труда, получают дополнительные возможности для профессионального роста (внутри своего предприятия, так и за его пределами) благодаря повышению и приобретению новых навыков и знаний. Полученные в процессе переподготовки новые знания способствуют общему интеллектуальному развитию человека, расширяют его эрудицию и круг общения, укрепляют уверенность в себе. Поэтому возможность профессионального развития в собственной фирме высоко оценивается работниками и оказывает большое влияние на принятие ими решения о работе в той или иной организации. Выигрывает от внутрифирменного профессионального развития персонала и общество в целом,

получая более квалифицированную рабочую силу и более высокую производительность труда без дополнительных затрат.

За период профессионализации социальной деятельности активно обозначился интерес к проблемам не только становления и развития социальной работы, но и к личности профессионала, его особенностям, качествам и свойствам, его готовности к деятельности и своему развитию. Основная масса работников ориентирована на совершенствование своих профессиональных качеств и навыков, стремится к повышению профессионального мастерства и обогащению новыми знаниями. При этом следует отметить, что мотивационно-ценностная ориентация социальных работников показывает важность общекультурного, профессионально-теоретического, технологического уровня.

В современных условиях работы сложная, многоплановая, полифункциональная деятельность социального работника постоянно выдвигает требование быть в курсе всех нововведений. Поэтому динамичность, нестабильность, неординарность социальных, экономических, морально-поведенческих явлений и ситуаций вызывает острейшую потребность в повышении профессиональной компетенции, личного мастерства в работе.

Профессионально важные качества рассматриваются как проявления психологических особенностей личности социальных работников. Они всегда интерпретируют объективную реальность через структуру своей личности. Личностные качества специалистов по социальной работе являются базисными при становлении профессионального мастерства.

Известно, что процесс обучения персонала преследует цели: повышение качества человеческих ресурсов, повышение качества продукции или услуг, проведение организационных изменений, развитие персонала, улучшение системы коммуникации в организации, формирование организационной культуры, увеличение уровня лояльности организации.

Моделируя педагогический процесс, особо ставится задача обозначения личностного и деятельностного компонентов в профессиональном развитии социального работника. Осуществляя практически этот процесс, важно учитывать [1]:

- профессионально-практический жизненный опыт обучающихся;
- базис предыдущей теоретической и практической подготовки;
- биологический возраст, пол, психофизиологические особенности;
- индивидуально-личностные цели обучения;
- осознанность перспективы применения полученных знаний;
- положительную или отрицательную установку (мотивацию) на обучение, образование;
- стремление получить как можно больше знаний в «сжатые» сроки;
- субъект-субъектные отношения в педагогическом процессе;
- позитивное отношение к нестандартным методам обучения.

В настоящее время особую актуальность приобретает проблема профессионального становления социального работника. Сегодня в социальных службах все еще работают люди, не имеющие соответствующего базового образования. Они вынуждены выполнять функции специалиста по социальной работе. Чаще всего работа заключается в осуществлении сбора документов, выдачи

справок и т. д. Но профессия социального работника охватывает широкий спектр, относится к типу профессий «человек – человек», что требует высокой квалификации специалиста.

Профессиональная подготовка предполагает рассмотрение вопросов, связанных с мотивацией, представляющей внутреннее состояние человека, связанное с потребностями, которое активизирует, стимулирует и направляет его действия к поставленной цели. Человек стремится снизить напряжение, когда он испытывает нужду в удовлетворении какой-либо потребности. Необходимость удовлетворения потребностей побуждает работников к определенным видам трудовой деятельности. Их особенность в процессе мотивации трудового поведения состоит в том, что потребности только тогда становятся побудителями и регуляторами, когда осознаются работником (коллективом). В этом случае они приобретают конкретное выражение – форму интереса к тем или иным видам деятельности, объектам, предметам.

Какова же мотивации выбора профессии у студентов, обучающихся по направлению подготовки «социальная работа»? Выбор профессии отражает определенный уровень личных притязаний, основанных на оценке своих способностей и возможностей.

Анализ результатов анкетного опроса студентов показывают, что наиболее значимым фактором выбора профессии является содержание работы, что свидетельствует о развитии их интеллектуальной культуры. На втором месте – мотивы социальной значимости. Доминирование содержательных мотивов выбора профессии и мотив социальной значимости является позитивным показателем, так как без такой мотивации становление в будущем социального работника-профессионала просто невозможно.

Литература и источники

1. Лялина, Е. Г. Организация, управление и администрирование в социальной работе: учеб. пособие / Е. Г. Лялина, П. В. Палехова, Т. А. Терентьева; Отв. ред. П. В. Палехова. – М.: «Инфра-М», 2010. – 128 с.

2 НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ ДОМИНАНТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

2.1 *Естественнонаучное и социально-гуманитарное познание на современном этапе интеллектуальной истории*

О МЕТОДОЛОГИИ РАЗВИТИЯ ТЕХНИЧЕСКОЙ НАУКИ КАК ОРГАНИЧЕСКОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ БЕЛАРУСИ

Л. А. Сосновский, А. А. Лазаревич, С. С. Щербаков

*«Пусть никто в молодости не откладывает
занятия философией, а в старости не устает
заниматься философией»
Эпикур*

Наука далеко не всегда включается в пласт культурного наследия того или иного государства. Именно поэтому в наше время организуются традиционные органы управления в виде, например, Министерства культуры и отдельно – Министерства науки и образования (или Академии наук). А между тем, по Аристотелю, *все люди от природы стремятся к знанию. А знание, по нашему представлению, есть благотворный и всеобщий источник культуры. Таким образом, нет культуры без знания (и, стало быть, без науки), как нет и знания (добываемого наукой) без культуры.* Интегральное понятие об *интеллектуальной культуре* должно включать, следовательно, и науку как источник знания; именно так поставлена тематика данной конференции.

В задачу нашего доклада входит попытка нового анализа иерархической структуры познания материального мира: от простого – к сложному. Новизна здесь достигается конкретизацией темы: наш анализ выполняется *на базе и в рамках развития технической науки* как органической составляющей интеллектуальной культуры Беларуси. Но хотя мы будем заниматься такой частной задачей, оказывается, что ее обсуждение представляет и более общий интерес как пример разработки *методологии развития научных исследований: от факторного анализа через феноменоанализ к диалектическому синтезу.*

Учитывая ограниченный объем сообщения, сразу представим наше видение проблемы в полном объеме и наглядно – как соответствующую структурную схему (см. рисунок).

Как следует из этой схемы, *объединение наук* (отдельных научных дисциплин) на рубеже XX и XXI столетий продолжалось так, как это представлено и описано

известными учеными XIX и XX вв., например, Ф. Энгельсом [1], Б. М. Кедровым [2] и мн. др. В качестве примера слева представлены 9 отдельных дисциплин, которые имеют определяющее значение для оценки и обеспечения требуемой работоспособности материалов и технических устройств. Многочисленные *факторы* (независимые и зависимые друг от друга) существенно влияют на численные значения характеристик работоспособности технических объектов, и это влияние и взаимовлияние изучают, применяя *факторный анализ*.

Исследования показали, что рассматриваемые дисциплины целесообразно разделить на характерные группы (их 3 на рисунке), чтобы *комплексно изучать типичные системы объектов* – так сформировались новые разделы технической науки (на рисунке их также 3). Известны следующие пути формирования комплексных дисциплин: простое объединение – так родилась, например, *трибология*; вычленение из отдельных дисциплин некоторой (как правило, наиболее значимой) парадигмы – так возникла комплексная проблема *усталости*; и, наконец, указание некоторой представительной дисциплины, взаимосвязанной с близкими по содержанию остальными дисциплинами в группе – так особое значение получил комплексный *анализ риска*. Таким образом был осуществлен переход от изучения отдельных объектов (рассматриваемого материального мира) к исследованию их систем [3]. А затем неизбежно наступил этап дальнейшей интеграции: в результате *междисциплинарных исследований* (принцип которых описан, например, в [2; 4]) был разработан *новый и перспективный раздел механики – трибофатика* [5]. И оказалось, что если основной методологией в начале был *факторный анализ*, то далее потребовалась (и была сформулирована [5]) новая методология – *феноменоанализ*. Сущность его такова [6; 7; 8; 9; 10; 11]. Установлено, что трение и износ (с одной стороны) и усталость (с другой) – не факторы, но явления, и эти явления диалектически взаимодействуют между собой при работе *специфических систем*, которые называют *силовыми* (по ГОСТ 30638–99), или *трибофатическими*. Конечно, феноменоанализ «не отменяет» использование методов факторного анализа, но он обеспечивает адекватное описание поведения трибофатической системы в условиях испытаний или эксплуатации [6; 11].

Естественно, что в наше время эволюция наук продолжается. Главная особенность дальнейшего развития представленного на рисунке блока технических наук состоит в том, что от *анализа объектов и систем был сделан переход к анализу их состояний*, поскольку было установлено, что одни и те же состояния «переживают» разные объекты и системы. Так был осуществлен переход к многомерному анализу типичных состояний (см. рисунок), и это было началом *трансдисциплинарных исследований* (принцип которых описан, например, в [12]). Не трудно видеть: это – *качественно новый этап развития наук*. Отсюда «совсем недалеко» до разработки *новой физической дисциплины – механотермодинамики (МТД)*, которая родилась на стыке механики и термодинамики [13; 14; 15]. Это случилось, когда были построены два «мостика». Один – это *трибофатическая энтропия* [16], которая проложила путь от термодинамики к механике. Другой – это данное в трибофатике *фундаментальное представление о необратимой повреждаемости всего сущего* [11; 13], которое вымостило дорогу от механики к термодинамике. Этот путь пронизывают *диалектические Λ -взаимодействия* [6; 7; 9]

между повреждениями, обусловленными нагрузками разной природы (механической, термодинамической, электрохимической и др.), и характерными составляющими энтропии (термодинамической, трибофатической, химической и др.). *Механотермодинамическая система*, как типичная и важная компонента реального мира и ее эволюция становятся, таким образом, объектами для изучения в естествознании и требует философского осмысления [13]. Теперь пришло время разработки *общей теории эволюции*, которая получила название *А-эволюция* [13]: в результате многомерного анализа состояний осуществлен переход к *диалектическому синтезу*. И в рамках теории А-эволюции дается описание динамики неорганических и органических систем, в том числе живых и разумных [11; 13; 17; 18; 19].

Рисунок 1. Развитие методологии научных исследований: от факторного анализа через феноменоанализ к диалектическому синтезу

Таковы, по нашему представлению, общие черты и особенности методологии развития технических наук в нашей стране; как уже, наверное, заметил внимательный читатель по литературным ссылкам, методология эта создана учеными Беларуси (в содружестве с учеными других стран). Пласт интеллектуальной культуры нашей страны обоснованно пополнился качественно новой методологией и «новыми знаниями, которые озаряют пространство и время» [13]. По всей видимости «белорусское представление» эволюции наук и ее предметное воплощение (см. рисунок, а также литературные ссылки) имеют и межнациональную (или просто более общую) значимость.

Литература и источники

1. Энгельс, Ф. Диалектика природы / Ф. Энгельс // Сочинения: в 50 т. / Ф. Энгельс, К. Маркс. – М., 1961. – Т. 20. – С. 243–513.

2. Кедров, Б. М. О современной классификации наук (основные тенденции в ее эволюции) / Б. М. Кедров // Диалектика в науке о природе и человеке. Единство и

- многообразии мира, дифференциация и интеграция научного знания / Б. М. Кедров. – М.: Наука, 1983. – С. 5–45.
3. Блауберг, И. В. Проблема целостности и системный подход / И. В. Блауберг. – М.: Эдиториал УРСС, 1997. – 448 с.
4. Сосновский, Л. А. О взаимодействии наук // Гармоничное развитие систем – третий путь человечества: тр. 1-го Междунар. Конгр., Одесса, Украина, 8–10 октября 2011 г. / Л. А. Сосновский, П. А. Витязь, М. С. Высоцкий, М. А. Журавков, С. С. Щербаков, А. А. Лазаревич, Э. М. Сороко. – Одесса, 2011. – С. 115–126.
5. Сосновский, Л. А. Основы трибофатики в 2-х т. / Л. А. Сосновский. – Гомель: БелГУТ, 2003. – 246 с.
6. Сосновский, Л. А. Механика износоусталостного повреждения / Л. А. Сосновский. – Гомель: БелГУТ, 2007. – 434 с.
7. Щербаков, С. С. К общей теории взаимодействия в трибофатических системах / С. С. Щербаков // Гармоничное развитие систем – третий путь человечества: тр. 1-го Междунар. Конгр., Одесса, Украина, 8–10 октября 2011 г. – Одесса, 2011. – С. 158–163.
8. Сосновский, Л. А. Фундаментальные и прикладные задачи трибофатики: курс лекций / Л. А. Сосновский, М. А. Журавков, С. С. Щербаков. – Минск: БГУ, 2010. – 488 с.
9. Фролов, К. В. Теория взаимодействия необратимых повреждений // Матер. V Междунар. симп. по трибофатике (ISTF 2005) / К. В. Фролов, Н. А. Махутов, Л. А. Сосновский. – Иркутск–Братск, 2005. – С. 10–28.
10. Журавков, М. А. Взаимодействие в многокомпонентной системе // XI Белорусская матем. конф.: тез. докл. Междунар. науч. конф., Минск, БГУ, 4–9 ноября 2012 г. / М. А. Журавков, С. С. Щербаков. – Минск, 2012. – Ч. 3. – С. 66–67.
11. Сосновский, Л. А. Философия и трибофатика / Тр. VI-го Междунар. симп. по трибофатике (ISTF 2010), 25 октября – 1 ноября 2010 г., Минск (Беларусь) / Л. А. Сосновский, А. А. Лазаревич. – Минск: БГУ, 2010. – Т. 2. – С. 591–620.
12. Киященко, Л. П. Философия трансдисциплинарности / Л. П. Киященко, В. И. Моисеев. – М.: Ин-т философии РАН, 2009. – 203 с.
13. Сосновский, Л. А. Принципы механотермодинамики / Л. А. Сосновский, С. С. Щербаков; М-во образования Респ. Беларусь, Белорус. гос. ун-т трансп. – Гомель: БелГУТ, 2013. – 154 с.
14. Сосновский, Л. А. О возможности построения механотермодинамики / Л. А. Сосновский, С. С. Щербаков // Наука и инновации. – 2008. – № 2 (60). – С. 24–29.
15. Sosnovskiy, L. A. Mechanothermodynamical System and Its Behavior / L. A. Sosnovskiy, S. S. Sherbakov // Continuum Mech. Thermodyn. – 2012. – Vol. 24. – Issue 3. – P. 239–256.
16. Сосновский, Л. А. Об одном виде энтропии как мере поглощения энергии, расходуемой на производство повреждений в механотермодинамической системе / Л. А. Сосновский // Докл. Нац. акад. наук Беларуси. – 2007. – Т. 51. – № 6. – С. 100–104.
17. Сосновский, Л. А. Динамические системы с элементами разума: проблема и перспективы исследования / Л. А. Сосновский // Механика-2011: матер. V Белорусского конгр. по теор. и приклад. мех-ке, Минск, 26–28 октября 2011 г. – Минск, 2011. – Т. I. – С. 64–79.
18. Сосновский, Л. А. О возможности построения общей теории эволюции систем / Л. А. Сосновский // Философия в Беларуси и перспективы мировой интеллектуальной культуры: матер. Междунар. науч. конф. к 80-летию Инст. философ. НАНБ, Минск, 14–15 апреля 2011 г. – Минск, 2011. – С. 152–157.
19. Сосновский, Л. А. Трибофатика: о диалектике жизни. Изд. 2-ое / Л. А. Сосновский. – Гомель, НПО Трибофатика, 1999. – 116 с.

О МЕТАТЕОРЕТИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЯХ ФИЛОСОФСКОГО И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ПОЗНАНИЯ

Т. М. Тузова

К недостаточно изученным проблемам современной философии со всей очевидностью можно отнести теорию и методологию социально-гуманитарного познания. Дискуссионными являются ее самые разные аспекты – от природы социально-гуманитарного знания и методологии его получения (как отличных от естественнонаучного знания и его методологии) до отличий собственно философского (метафизического) знания от знания и методологии социально-гуманитарных наук в строгом смысле слова. Причем, если первый блок проблем в русскоязычной философии последнего десятилетия привлекает к себе определенное внимание (см.: [1; 2; 3; 4]), то второй, в силу его почти полной непроработанности, до сих пор остается в тени.

Остро заявленный мыслителями XIX в. (Дильтей, неокантианцы и др.) вопрос о специфике гуманитарного познания до сих пор остается открытым и дискуссионным. К тому же в силу бурного развития гуманитарных наук, особенно в XX в., острой проблемой стало уже само *единство* гуманитарного познания. Нередко отечественные и зарубежные мыслители говорят о кризисе наук о человеке и обществе, трудностях взаимного сотрудничества, синтеза и аккумуляции новых знаний, ставят вопрос о возможности объединения различных типов социогуманитарных исследований. Необходимость создания условий для продуктивного диалога между различными типами дискурса современной гуманитаристики делает актуальным исследование природы, структуры и взаимного соотношения философского и конкретно-научного гуманитарного знания. Выявление общих и специфических характеристик философского и конкретно-научного гуманитарного познания предполагает прояснение и сопоставление свойственных им особенностей метатеоретических оснований и онтологических схем, в т. ч. исходных образов мира и человека; типов рациональности; идеалов познания и способов удостоверения знания; используемых методологических принципов анализа человеческого опыта.

Если вопрос о метатеоретических основаниях научного познания применительно к естествознанию в отечественной и российской философии разрабатывался активно и плодотворно, прежде всего, школой В. С. Степина, то по отношению к социогуманитарному познанию этот вопрос по существу продолжает оставаться открытым.

Уже с XVII века, с момента формирования классического типа научной рациональности, естествознание основано на исключении любого рода отсылок к сверхъестественным причинам при объяснении изучаемых объектов. При всех исторических изменениях типа рациональности в естествознании его теории и поныне задаются принципом естественной причинности, строятся на его основе и, соответственно, поддерживаются картиной мира, базирующейся на идее его однородности. Эта картина мира исключает из «пакета» отсылок (как на уровне онтологии, так и на уровне теории и методологии познания) способность изучаемого

объекта к самопричинности (самоопределению, самодействию, свободе). *Размерность свободы* изначально выводится за рамки объяснения объектов познания и обоснования естественнонаучного знания. Соответственно, исключение возможности отсылки к свободе познаваемого объекта должно определять сами способы построения предметности в естествознании.

В отличие от естествознания, философский подход и философские интерпретации ситуаций и явлений изначально предполагают присутствие размерности свободы во всем происходящем в мире. И соответственно, для понимания и объяснения этих ситуаций и явлений они нуждаются в непосредственной или опосредованной отсылке к этой размерности; они обосновывают необходимость фиксации и концептуализации ее *фактического и онтологически неустранимого присутствия* в мире; предполагают ее экспликацию в качестве внутреннего *онтологически конститутивного* элемента объективных событий и процессов. То есть философское обоснование онтологии и методологии социогуманитарного познания предполагает *изначальное* включение человека в картину мира. Это означает необходимость а) признания в ней «зоны свободы», очагов индивидуального творческого действия; б) рассмотрения самой «научной картины мира» не наивно-натуралистически, а в качестве продукта духовной деятельности человека, неизбежно несущего в себе следы этой деятельности, специфическую «человеко- и смысло-размерность».

Соответственно, и ракурсы избираемых философией и социогуманитарными научными исследованиями разработок, даже преследующих разные цели – к примеру, описать либо зависимость (производность) позиций и движений человека в социальном поле от определенной системы объективных социально-экономических и социокультурных структур, либо, наоборот, описать эти последние в качестве объективаций человеческой деятельности, либо ограничиться выявлением собственной объективной структуризации этих объективаций, – предполагают некий исходный образ человека. Он и задает способ построения дисциплинарной онтологии (специальной картины мира) социогуманитарного исследования.

Образ человека можно задавать по-разному. Но, несмотря на разные исходные образы человека (содержащие разные степени присутствия свободы; отсюда и возникает проблема субъектности / объектности человека в социогуманитарном познании) и разные сопряженные с ними дисциплинарные онтологии, гуманитаристику в целом от естествознания отличает, прежде всего, то, что в ее картине мира изначально должно быть зазервировано место для свободного индивидуального акта. Это означает, что определяющим структурным элементом метатеоретических оснований социогуманитарного познания является исходный образ человека. Как писал В. Дильтей, характеризуя «антагонизм между философом и естествоиспытателем», обусловленный «противоположностью их отправных точек» зрения, «наше существо образуют не слепые силы, а воля, суверенно полагающая свои цели» [5, с. 122].

Язык обозначения размерности свободы в философии довольно разнообразен («внутреннее», выбор, способность к действию «на собственных основаниях» и др.). Ее введение позволяет встроить в философскую картину мира человека в его статусе автономной точки, способной начинать новый ряд явлений в мире. Соответственно,

образ человека в философии и гуманитарных науках исходно нужно задавать так, чтобы он мог коррелироваться с их картиной мира. Речь должна идти об их сопряжении, взаимном соответствии.

К метатеоретическим основаниям социогуманитарного познания следует отнести:

1) философскую картину мира, включающую в себя а) образ человека, б) образ мира; в) представление о фундаментальной онтологической связи между ними;

2) исходные философские идеи и принципы, посредством которых обосновываются принятые в философии и социогуманитарных науках картины мира, а также эксплицируются идеалы философского и социогуманитарного познания.

Предложенный нами ракурс исследования предполагает соотнесение понятия «картина мира» с методами философского и социогуманитарного познания и выявление способов интеллектуального построения *объектов* исследования, онтологических схем изучаемых объектов и образа человека. В этом контексте перспективным представляется анализ свободы и детерминизма как исходных методологических принципов построения предметности в философии и социогуманитарных науках, их роли в обосновании философской и специальных картин мира. Идеи свободы и детерминизма задают способ построения предметности, язык и стилистику философского и конкретно-научного гуманитарного анализа; обуславливают их эвристичность; определяют возможность их рационального соотнесения в качестве взаимодополняющих исследовательских перспектив. При этом степень свободы в исходном образе человека может быть критерием различения способов построения образа человека и картины мира в философии и социогуманитарных науках. Выявление их комплементарности может позволить современной философии более уверенно и адекватно позиционировать себя в корпусе социогуманитарных научных исследований.

Специфицируют философию в ее взаимоотношениях с социогуманитарными науками: а) идеал *целостности* постижения человеческого опыта; б) идеал *открытости* и *расширения опыта* познания; в) стремление к обоснованию и удостоверению получаемого знания посредством обращения к «принципам разума». Соответственно, к онтологическим схемам, задающим ракурс видения, способ построения предметности, стилистику анализа и характер искомого знания в философии и социогуманитарных науках, мы отнесем: а) предельные философские абстракции, или так наз. «идеи» (сознания, свободы, действия, ситуации), идеи как *должное* (что позволило Сократу определять философию как «заботу о должном»); б) контекстуально «замкнутые» абстракции человека в конкретных гуманитарных науках.

Указанные структуры мыслительного пространства могут выступать в качестве оснований рационального соотнесения философской и конкретно-научной социогуманитарной картин мира со свойственными им образами человека. В таком соотнесении раскрывается присутствие и эвристичность философских содержаний как на «входе», так и на «выходе» конкретного социогуманитарного познания, тем самым выявляется и системообразующая роль философии в построении интеллектуального пространства культуры.

Литература и источники

1. Стёпин, В. С. Генезис социально-гуманитарных наук (философско-методологические аспекты) / В. С. Стёпин // Вопросы философии. – 2004.– № 3. – С. 37–43.
2. Лекторский, В. А. Возможна ли интеграция естественных наук и наук о человеке? / В. А. Лекторский // Вопросы философии. – 2004.– № 3. – С. 44–49.
3. Философия и интеграция современного социально-гуманитарного знания (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. – 2004. – № 7.
4. Гуманитарная наука как предмет философско-методологического анализа (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. – 2007.– №6. – С. 57–82.
5. Дильтей, В. Введение в науки о духе / В. Дильтей // Зарубежная эстетика и теория литературы 19–20 вв. – М., 1987.

ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

И. А. Янушевич

Успешность естественных и технических наук, которую они продемонстрировали в течение нескольких столетий, обусловила в рамках методологии науки и вообще в общественном сознании высокую оценку их теориям, методам и прочим способам организации и получения знания, приобретших статус образцов, идеалов, стандартов. Они определили признаки «хорошей науки», среди которых построенные по естественнонаучному или логико-математическому образцу теории, объединенные общими принципами и определенными фундаментальными понятиями, куда входят еще и термины, получившие относительно однозначные определения, четкие правила получения выводов и построения доказательств, законы или статистические закономерности, идеализированная модель рассматриваемого объекта, методы как последовательность действий по достижению научного результата и пр. Важно, что такая система знания выполняет функции не только описания, понимания, объяснения, но еще и надежного или хотя бы вероятностного предсказания.

Не только в естествознании, но и в ряде гуманитарных дисциплин можно отыскать теории, ориентирующиеся на указанный идеал, например в структурной лингвистике, конкретной социологии и др. Применение математических методов в истории и литературоведении также приближает некоторые их разделы к классическому идеалу научности. В то же время целые области гуманитарного знания, например, в педагогике, в той же истории или литературоведении, не соответствуют названным канонам.

Однако это не мешает устойчиво именовать историю, филологию, психологию, педагогику науками, вызывая порой серьезные дискуссии по этому поводу. Справедливости ради надо сказать, что гуманитарные науки – не исключение. Аналогичная ситуация наблюдалась и в естествознании, и в технических дисциплинах. Можно указать, например, на ботанику и зоологию времен К. Линнея или на многие разделы геологии и географии. Показательно, что географию относили то к естественным наукам, то к общественным, то к гуманитарным, то к историческим. Возможны ли четкие критерии такого соотнесения? Методология

науки немало времени потратила, чтобы решить, в каких же случаях достаточно описаний и классификаций для обретения научного статуса, а когда этого недостаточно и необходимы строгие теории, точные методы, надежные предсказания. К сожалению, методология науки была по преимуществу методологией естествознания. Методологические исследования гуманитаристики представлены далеко не так широко.

Между тем, очевидно, что гуманитарные дисциплины переполнены дескрипциями, нарративами, классификациями, различными моделями понимания объекта. Будет ли гуманитаристика довольствоваться таким положением и далее, или возобладает требования научной строгости? Если учесть, что гуманитарные науки – именно как науки – существенно моложе естествознания, то можно предположить вторую перспективу. Однако, реальна ли такая тенденция?

Привлекательность идеала научности в последнее время несколько поубавилась. Цивилизационный кризис и глобальные проблемы, переживаемые современным человечеством, во многом спровоцированы научно-техническим прогрессом. Из-за этого приобрели популярность антисциентистские концепции. Решить указанные проблемы на том пути, который к ним привел, весьма сомнительно. По-видимому, только гуманитарным способом можно спасти положение, рассматривая природу в качестве цели (как и человека), а не средства. Однако без науки решить глобальные и не только глобальные проблемы не удастся. Поэтому взоры исследователей все чаще обращаются именно к гуманитарным наукам. Но к гуманитарным дисциплинам сложилось противоречивое отношение. С одной стороны, признается их важность, причем не только в воспитательном аспекте, но и в плане разработки моделей гуманитарных экспертиз, технологий и прочего. С другой – отмечается их известная недостаточность, своеобразная «второсортность» по сравнению с естественными и техническими дисциплинами. Во многом это связано с элементарным незнанием «технарей» с достижениями в области гуманитарных дисциплин. Но часто причина кроется в том, что многие сферы гуманитаристики не решают важные задачи так эффективно, как это делают естественные и технические науки. Поэтому возникает целый спектр вопросов. По каким критериям можно относить отдельные разделы гуманитаристики к строгой науке? Имеют ли они достаточную технологичность, сопоставимую с естественнонаучными теориями? Обладают ли ценностью вненаучные разделы гуманитаристики? Как оценить те сферы гуманитарного знания, которые строгим канонам не вполне соответствуют или вовсе не соответствуют, но традиционно именуется науками? С чем связано это несоответствие: с неразвитостью, дающей надежду на улучшение ситуации в будущем, а может быть с иной направленностью или специфичностью гуманитаристики, что требует совершенно иных критериев? Имеет ли смысл совершенствовать то гуманитарное знание, которое не соответствует требованиям научности, доводя его до научных стандартов или лучше уточнять, изменять, смягчать, размывать, наконец, отменять сами эти стандарты? Эти и подобные вопросы в том или ином смысле есть части одной проблемы: как различить и соотнести гуманитарное знание и гуманитарные науки?

С тех пор как методология науки вовлекла в сферу своего исследования гуманитарное знание, не прекращались попытки определить его специфику и

научный статус. Причем исследователи не смогли избежать сопоставления с уже достаточно развитым естествознанием, поэтому казалось необходимым четко отличить гуманитарное знание от естественнонаучного по объекту и предмету, по методам и подходам, по целям и задачам. Данная тенденция в той или иной мере начала реализовываться в работах Ф. Шлейермахера, И. Дройзена, Г. Зиммеля и особенно В. Дильтея, возведшего герменевтику в ранг методологии наук о духе. Важные методологические идеи разрабатывали представители различных философских направлений: неокантианства (Г. Риккерт, В. Виндельбанд), феноменологии (Э. Гуссерль), философской герменевтики (Г. Гадамер), структурализма, постструктурализма, русского формализма, постмодернизма (особенно Р. Барт, Р. Якобсон, М. Фуко, Ж.-Ф. Лиотар).

С другой стороны, многое указывало на единство науки, что предполагало отказ от идеи какой-то особенности гуманитарных наук и соответствующей методологии. Методологические образцы в таком случае обычно заимствуются у естествознания, как это делали О. Конт и Дж.С. Милль. Остаются убедительными аргументы К. Гемпеля, К. Поппера и пр., отстаивающих идею единой научной методологии, как и современных сторонников идеи единства (Н. С. Автономова, М. Л. Гаспаров, Ю. М. Лотман, Е. П. Никитин, В. Н. Порус, Б. И. Пружинин и др.).

По мере развития самой науки, развертывания дифференциации и интеграции научных дисциплин, расширения и переплетения предметных, проблемных и методологических сфер научной деятельности, становится все труднее развести естественнонаучное и гуманитарное знание по самостоятельным квартирам, как и объединить их на основе единой методологической базы или общенаучных идеалов. Однако и первые, и вторые попытки продолжаются, давая порой положительные результаты, но вызывая и немало вопросов. Возникает тупиковая ситуация: описать гуманитарные объекты можно двумя взаимоисключающими способами: с одной стороны, указав на общенаучные основания гуманитаристики, с другой, выявив ее вненаучную специфику. Здесь не избежать ответа на вопрос: надо ли исключить один из способов как несостоятельный, неадекватный, или возможно другое решение?

Следует также принять во внимание, что наряду с бурным развитием науки стремительно развивается сфера ее методологического исследования. Методология науки, особенно ее общенаучная область, имеет весьма развитую структуру и концептуальный аппарат, разнообразные подходы и модели. Имеются четкие представления о структуре и функциях научной теории и научного знания, значении научной картины мира, месте в научном исследовании парадигмы, специфике научного объяснения, роли научных законов и понятий, критериях рациональности, идеалах и нормах и прочих особенностях науки. Однако методология науки разрабатывалась преимущественно на основе исследования естественных наук. Настало время выяснить, насколько применимы подобные методологические наработки к гуманитарной сфере. И если не вполне применимы, то куда нужно направить исследовательские усилия: корректировать методологию науки или разрабатывать особую методологию гуманитарных наук? Тем более что методологические исследования относительно гуманитарного знания до сих пор велись преимущественно либо на общефилософском (М. М. Бахтин, В. Г. Кузнецов, М. А. Розов, П. Рикёр), либо на частнодисциплинарном уровне (К. Гинзбург,

Дж. Леви, В. Шмид, А. Я. Гуревич, С. Н. Зенкин, Б. И. Ярхо, В. И. Тюпа, В. Л. Махлин), а общенаучная методологическая проблематика гуманитаристики почти не затрагивалась.

Между тем, именно разработка общенаучного уровня методологии гуманитарных дисциплин позволит решить вопрос о научности гуманитаристики и адекватности ее исследовательских средств.

ИМПЕРАТИВЫ И ИНВАРИАНТЫ КУЛЬТУРЫ

Э. М. Сороко

Еще с самых ранних времен человечество выработало принципы самосохранения, разного рода ограничения неукоснительно следовало им. Известно, что принцип *табу*, свойственный архаическим обществам на ранних стадиях их становления, действовал практически повсеместно. Устанавливая определенного рода запреты для членов племени, тем самым в условиях агрессивной среды он выполнял функцию предотвращения его гибели.

Впоследствии, с развитием общества, этот принцип приобретал все более четкие, законосообразные формы императивов. Известен, например, «*экологический императив*», сформулированный академиком Н. Н. Моисеевым. Хищническая, во многом неразумная эксплуатация человеком «техногенной эры» природных богатств, извлечение из недр Земли полезных ископаемых и загрязнение отходами этого производства всей поверхности планеты, атмосферы, лесов, полей, озер и рек, дна океанов чревато для человечества серьезной катастрофой и даже коллапсом культуры, вплоть до создания условий несовместимых с жизнью. Трансграничные переносы вредных веществ, смертельно опасных для фауны и флоры планеты, и вызванное ими закисление почв превращает всю земную ойкумену в подобие безжизненной мусорной свалки. Можно с высокой вероятностью утверждать, что осознание этой масштабной опасности произойдет уже в середине текущего, XXI-го столетия. В итоге все развитые державы мира, по взаимному согласию, подкреплению соответствующими решениями международных организаций (ООН, ЮНЕСКО, ВОЗ, МАГАТЭ и др.), вынуждены будут отчислять до половины или более своих средств на поддержание окружающей среды, на приведение ее в более-менее приемлемую норму для жизни биоты и человека. Такова суть одного из важнейших современных императивов, функция которого – обеспечение жизненных условий на планете для нормального воспроизводства жизни – эволюционно установившегося феномена, продукта процессов организации и реорганизации материи на Земле, проходивших в течение многих сотен тысяч, миллионов и миллиардов лет. По оценке некоторых биологов, ныне вырождение жизни идет со скоростью 100 безвозвратно исчезающих с лица Земли биологических видов в день. И это при том, что согласно тем же оценкам, из 4,5 миллионов видов описано не более двух миллионов. Человеку разумному «светит» миссия стать могильщиком жизни в ее обиталище – на одной из планет Космоса. «Красная Книга» уже не спасает от зова смерти. Скоро в нее попадут, еще полвека назад обильно

плодоносившие в Беларуси, грибы сморчки и строчки, орех лещина и ряд других видов. Уже сегодня они редкость. Подсчитано, что достаточно доли кислорода в земной атмосфере планеты упасть с 21% до 19% – как процессы асфиксии у животных, у которых роль кислорода в метаболизме чрезвычайно высока, обретут взрывной характер. «Экологический императив», нацеливающий на гармонизацию отношений в системе «общество–природа», на предотвращение процессов исчезновения жизни на планете – основа новой стратегии жизнедеятельности человечества на планете.

Есть, разумеется, и другие императивы, внутрисоциальные, уже в отношении человека с себе подобными. «Свято уважай любые проявления иной жизни» – так известный современный писатель-фантаст, автор романов «Гиперион», «Эндимион», сформулировал один из них. К великому огорчению, данный императив в нынешней геополитической обстановке прошлого и текущего века в глобальном масштабе слишком часто нарушался, не выдерживая испытаний временем.

Какие же средства может предложить наука в обеспечении решения этой глобальной задачи – гармонизации отношений человека и общества на основе всеобщих объективных законов и принципов? Как известно, К. Маркс предвидел то, что в будущем наука о человеке и наука о природе превратятся в одно единое целое, «станут одним». Соответственно, будут найдены всеобщие принципы и законы для новых способов и путей выработки знания, а также всеобщие инварианты, безотносительные к характеру новых локальных универсумов, к специфике предмета, позволяющие усовершенствовать аппарат управления во всех областях человеческой деятельности. И эта задача сегодня успешно решается в рамках трансдисциплинарной парадигмы. Лауреат Нобелевской премии Эджин Вигнер подчеркнул, что есть три ступени познания мира и созидания общества в качестве «второй природы»: явления → управляющие ими законы → всеобщие принципы, которые стоят над ними, говоря словами Вигнера, «питаются ими». Диалектический принцип «раздвоения единого» относится именно к подобного рода принципам, поскольку, как заметил античный философ Филон Александрийский, «всякое единство состоит из двух противоположностей». Есть теорема Лебега, согласно которой две меры, будучи заданными в одной и той же области, удовлетворяют принципу кратности. Этого достаточно, чтобы найти количественное выражение «узловой линии мер» (Гегель). Узлы меры в относительном одномерном пространстве единичного отрезка образуют последовательность: 0,500; 0,618...; 0,682...; 0,725... Симметричные им числа – 0,5...; 0,382...; 0,318...; 0,275... – также являются узлами меры, аттракторами. Между ними расположены антиузлы, или дистракторы (репеллеры). Первые – показатели степеней гармонии системы, порядка, организации, устойчивого развития; вторые же, антиузлы, напротив, указывают на хаос, беспорядок в системе, дисгармонию, стремление к распаду, вырождению [1]. На основе этого методологического обретения структурных инвариантов, –непрерывных атрибутов сложных систем самых различных предметных профилей и специфик – управление организационным строительством сложных систем, диагностикой их нормы-патологии, системо- и структурогенезом, созданием базы и оценочных критериев планирования в государстве (а планирование, по мысли В. Ленина, есть «сознательное пропорционирование»),

коррекцией динамики их состояний в направлении обретениями высокого качества – это и все ему подобное обеспечивается с необходимостью и упрощается до предела при сопутствующем возрастании его эффективности. Стократ увеличенные, эти узлы меры превращаются в проценты, которыми, не зная о том, оперируют все наши бухгалтеры, лаборанты практически всех производств, экономические обозреватели. Сегодня такой путь использования данных инвариантов, обладающих статусом всеобщности, находит все больше приверженцев [2]; важно, чтобы он стал достоянием программ высшей школы на всех факультетах и формах обучения, ибо культура как система проявляет в себе массу подлежащих гармонизации диалектически раздвоенных единств [3].

А. А. Колесников, солидаризуясь, приводит выводы ученых Санкт-Петербургского университета: всякий процесс в Мироздании может быть интерпретирован в качестве процесса *управления* или *самоуправления*. По этой причине непонятный и терминологический аппарат именно теории как таковой является обобщающим, что позволяет с его помощью *единообразно* описывать разные процессы: *общеприродные, биологические, технические...* Что сие означает? То, что в лоне общей теории управления действуют всеобщие принципы универсального действия, благодаря которым становится возможным единообразно осуществлять процессы системного синтеза в широком спектре специфик социального и естественно-природного материала. И на основе интегральных мер управлять самыми разными сложными системами, приводя их к гармоничным, а значит, наиболее высококачественным состояниям. Он констатирует, в чем мы полностью с ним согласны, наступивший «конец "эры анализа" классической науки. Очевидно, – добавляет он, – нужна новая математика» [2, с. 11]. При этом в основу алгоритмов развития самоорганизующихся систем, как пишет Колесников, «желательно положить некоторый *ключевой принцип*, который позволил бы гармонично согласовать альтернативные тенденции в развитии системы. Оказывается, что логика и количественная мера такого принципа и проявляются в поразительно простой модели «золотой пропорции» (ЗП), известной еще с древних времен. Модель ЗП отвечает на важный вопрос: в каком соотношении необходимо выделить в составе целого некоторые две части так, чтобы они соответствовали условиям структурной и функциональной целостности и устойчивого единства с внешней средой? Это означает, что ЗП обладает уникальными системообразующими свойствами. Напомним, что суть ЗП заключается в следующей композиции: целое (100%) = часть 1 (62%) + часть 2 (38%). Оказывается, что ЗП обладает важными конструктивными свойствами, которые могут быть использованы в качестве инструментария для формирования сложных самоорганизующихся систем» [2, с. 22–23]. Конкретно: без каких-либо вкусовых, правовых, эстетических, психологических и прочих предпочтений в проектировании государственных структур, в пропорционировании, скажем, частной и государственной собственности в государстве не надо осторожничать, действуя «методом проб и ошибок», а изначально выбирать одно из соотношений 50:50, 38:62, 32:68, 73:27 и т. д. и можно быть уверенным, что выбор будет наиболее правильным и адекватным. Это подтверждают приводимые Колесниковым диаграммы, полученные независимо Институтом социологии РАН и Институтом философии РАН, которые иллюстрируют

аттрактивную суть приведенных здесь инвариантных отношений, являющихся завершением эволюционного процесса, в который с начала текущего века были вовлечены и который объективно испытывали на себе развитые европейские государства. С точки зрения насущных потребностей современной науки, производства, геополитики, экономики, это утверждение базовое и его невозможно переоценить, а потому с ним надо согласиться.

Работа выполнена при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (договор № Г14Р-047 от 23.05.2014).

Литература и источники

1. Сороко, Э. М. Структурная гармония систем / Э. М. Сороко; под ред. Е. М. Бабосова. – Минск: Наука и техника, 1984. – 264 с.
2. Нелинейный системный синтез – центральная проблема современной науки и техники: синергетическая концепция (введение в системную физику). А.А. Колесников – Засл. деят. науки и техники, докт. техн. наук, профессор [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://scp.tti.sfedu.ru/publications/40-doclads/130-lection1>. – Дата доступа: 10.09.2014; – Режим доступа: <http://scp.tti.sfedu.ru/publications/40-doclads/130-lection1>. – Дата доступа: 10.09.2014.
3. Пелипенко, А. А. Культура как система / А. А. Пелипенко, И. Г. Яковенко. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 371 с.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ КРИЗИС КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI вв.

В. Ф. Берков

Методологический кризис XX – начала XXI в. непосредственно связан с изменением отношения ряда исследователей к марксистской диалектике. В «лихие 90-е» в философской литературе фактически исчез из употребления термин «диалектическая логика». На смену ей приходят тощие рекомендации давно изжившего себя позитивизма. Дело доходит до полного отрицания научной методологии и, в конечном счете, истины как цели научного познания.

Особенно отчетливо это просматривается в сфере социально-гуманитарного познания, в частности в исторической науке. Основной состав отечественных историков «законсервировал» себя на уровне накопления фактического материала, ограничившись его первичным обобщением и не утруждаясь изучением сущности происходящих процессов. При встрече с затруднениями в объяснении исторических явлений исследователи готовы скорее принять эклектическую формулу «с одной стороны, с другой стороны», чем заняться их серьезным изучением согласно предписаниям диалектической логики.

В социологии наблюдается сдвиг исследовательского внимания с познания объективных социальных процессов, социальных общностей, социальных структур на анализ их отражения в сознании отдельных групп лиц. Пересматривается предмет социологии, и в качестве такового нередко провозглашается сознание как отражение социальной сферы. Звучат призывы не к отображению социальной жизни в качестве реальности как таковой, а к реконструкциям социального процесса исходя из множества точек зрения, мнений его участников.

На основе анализа опубликованных за последние десятилетия работ белорусских социологов в литературе отмечается, что в этих работах более или менее убедительно преобладают обобщенные результаты эмпирических исследований, концептуализированных чаще всего на уровне здравого смысла, а не углубленного теоретического исследования. Анкетные опросы – решающий и едва ли не единственный методологический ориентир в нынешних социологических исследованиях. Поэтому их результаты обладают крайне ограниченной ценностью и пригодны разве что для создания или коррекции общественного мнения (пиара) во время предвыборных кампаний. Не удивительно, что не только в обществе, но и в научной среде господствует неверное представление о социологии как о прикладной науке, сводящейся к проведению опросов населения, дополняемых маркетинговыми исследованиями. В результате произошло необоснованное свертывание фундаментальных социологических разработок, без чего социология как наука не может ни существовать, ни тем более развиваться.

Установки, возобладавшие в ряде сфер социально-гуманитарного познания и образовательной практики, связаны с отрицанием последовательной и цельной методологии и ведут, естественно, к фрагментарности и эклектизму получаемых результатов. Научное исследование заменяется его имитацией. Подмена понятий, девальвация терминов, массовое использование иноязычных слов при наличии русских и, едва ли не главное, осознанное нежелание опираться на классические труды предшественников, – обычная манера, в которой создается продукция, представляемая на суд массового читателя. Виртуальность и вариативность, неустойчивость общественной жизни, ее неповторимость требуют, как считает значительное число отечественных историков, социологов, экономистов, психологов, неповторимых методов анализа. Оправдывается применение любых принципиально невоспроизводимых методик и изложение различных интерпретаций полученных данных. По убеждению бывшего психолога, а ныне политолога и популярного телекомментатора Л. А. Радзиховского, «годятся в дело любые методологические подходы, включая иррациональные, рациональные, интуиционистские и т. д. и т. п., и нет никакого разумного критерия для их разделения на “плохие” и “хорошие”» [1, с. 101].

Однако полученные такими способами выводы не могут быть вовлечены в дальнейший научный оборот, а научная полемика без общей основы соотнесений становится в принципе бессмысленной. Ситуация во многом напоминает состояние дел в начале XX в., когда некоторые естествоиспытатели и философы увлеклись махизмом (эмпириокритицизмом).

И все же, несмотря на давление социума и соответствующее идеологическое противодействие, ученые вынуждены обращаться к диалектике. Наука стихийно воспроизводит диалектические познавательные схемы, которые демонстрируют свою эффективность. Перефразируя классика, можно сказать, что наука рождает диалектический материализм. В свое время с позиций закона единства и борьбы противоположностей была дана критическая оценка открытого Ньютоном закона всемирного тяготения. Гегель объявил этот закон ошибочным, поскольку в природе существуют противоположности: гравитационному притяжению должно противостоять гравитационное отталкивание. В пользу таких утверждений говорило

то, что в рамках принятой в те годы модели стационарной Вселенной присутствие только сил притяжения неизбежно привело бы все вещество к стягиванию «в точку». Однако наличие притяжения подтверждалось экспериментально, а отталкивание тел без их прямого контакта никто не наблюдал. В те, да и в последующие годы, возражения Гегеля не получили признания в научной среде. Лишь другой выдающийся философ-диалектик середины XIX в. Ф. Энгельс в капитальной работе «Диалектика природы» полностью поддержал гегелевские утверждения о существовании в природе гравитации единства двух противоположностей. Астрономические открытия конца прошлого века поставили перед необходимостью обратить внимание на высказывания Гегеля, сделали их актуальными и положили начало кардинальному изменению прежних научных представлений о Вселенной.

Гегелевская диалектика нашла плодотворное продолжение в современных синергетических изысканиях. Это отмечается, в частности, в работах И. Пригожина и И. Стенгерс. Они обращают внимание на то, что основу гегелевской диалектики составляют представления о качественном различии между простым поведением, описываемым механикой, и поведением более сложных систем, таких, как живые существа и социальные системы. Гегелевская диалектика отрицает возможность сведения этих уровней друг к другу, то есть она отвергает саму мысль о том, что различия между ними лишь кажущиеся, и что природа в основе своей однородна и проста. Она утверждает существование иерархии, в которой каждый уровень предполагает предшествующий.

Фактически забыт марксов метод восхождения от абстрактного к конкретному. Вместе с тем, он оказался плодотворным не только в сфере общественных наук. В настоящее время у нас ни один учебник по философии и методологии науки не выходит без упоминания имени И. Лакатоса, и это правильно. Его вклад особенно заметен в сфере методологии математики. Однако авторы умалчивают о том, что отвергнув политические аспекты учения Маркса, И. Лакатос, тем не менее, искусно использовал ключевые моменты его методологии при построении своей концепции. Метод восхождения от абстрактного к конкретному – один из таких моментов. С особой силой мощь этого метода продемонстрирована ученым при исследовании становления теории многогранников.

В заключение хотелось отдать дань исследованиям советских философов и методологов 60-х – 80-х годов прошлого века. В опоре на наследие Гегеля и Маркса ими были раскрыты творческие возможности диалектики как логики развития теоретической мысли, как способа анализа и разрешения противоречий в мышлении и объективном мире. Полученные результаты оказались не только вполне конкурентноспособными с зарубежными работами, но в определенном отношении даже лучше последних. Примечателен вывод американского исследователя, профессора Массачусетского технологического института Л. Р. Грэхема, издавшего в 1987 году монографию, посвященную истории философии и науки в Советском Союзе: «Современный диалектический материализм является впечатляющим интеллектуальным достижением. Улучшение ранних положений Энгельса, Плеханова и Ленина и развитие их в систематическую интерпретацию природы представляет собой наиболее оригинальное интеллектуальное творение советского марксизма. Развиваемый наиболее способными его сторонниками, диалектический

материализм, без сомнения, есть искренняя и обоснованная попытка понять и объяснить природу. По универсальности и степени разработанности диалектико-материалистическое объяснение природы не имеет равных среди современных систем мысли» [2, с. 415].

Литература и источники

1. Радзиховский, Л. А. Логический анализ и проблема понимания в психологии / Л. А. Радзиховский // Вопросы психологии. – 1989. – № 5. – С. 99–106.
2. Грэхем, Л. Р. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе / Л. Р. Грэхем. – М.: Политиздат, 1991. – 480 с.

КРИТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ КАК ОСНОВА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

С. В. Воробьева

Поиск оснований интеллектуальной культуры необходимо осуществлять в контексте критического, или логико-методологического, мышления (КМ). Поэтому цель выступления заключается в раскрытии сущности интеллектуальной культуры как способности критически мыслить.

КМ как «*мышление о мышлении*» обусловлено когнитивным стилем личности, который, в свою очередь, детерминирован различиями чувственного и рационального познания. Различия на уровне рационального познания фиксируют логика и логические системы, включающие постоянные и переменные величины рассуждений. Все иные научные системы должны опираться на них. В противном случае, социально-гуманитарные исследования являются неполными, неразрешимыми или противоречивыми в соответствии со свойствами научных теорий. В отечественной философии, например, доминирует интерес к проблеме повседневности, но способы ее решения и критики в целом не становятся доминантой. Допустим, Дж. Гриндер определил повседневное мышление и рассуждение как «*гремящую смесь логики высказываний, логики предикатов с кванторами и модальной логики*» и предложил способы работы с ним именно в контексте КМ.

Полный цикл КМ включает четыре стадии: анализ, понимание, оценку и корректирование идей. Каждая из стадий включает перечни критических вопросов, обеспечивающих аналитические процедуры понимания, оценки и корректирования идей [1, с. 3–5]. Стадиальность и вопросный комплекс обеспечивают дискретность КМ. Дискретность интеллектуальных процедур означает способность обнаруживать и фиксировать прерывные, т. е. имеющие смысловые границы, сущности.

Аналитический процесс включает вопросы: В чем заключается проблема и предлагаемое по ней заключение (решение)? Какие резоны обосновывают заключение? Какова структура аргумента? Например, С. Тулмин утверждал, что «любой аргумент начинается с постановки проблемы и заканчивается заключением». Р. Дилтс связал направленность внимания и специфику интерпретации событий с

паттернами (шаблонами) аналитического процесса. Внимание, как и соответствующая ему интерпретация, может быть направлено на проблему или на результат (желаемое состояние) [2].

Проблема находится в корреляции с целью, выступая ее индикатором и намечая пути ее решения. Например, ораторский выбор цели – привлечь характером, убедить аргументом или тронуть чувством (Аристотель) – обусловлен проблемой, которую решает оратор – демонстрация себя как личности, раскрытие пропозиционального и эпистемического содержания аргументации или формирование экзистенциальной настроенности аудитории.

Резоны и их индикаторы позволяют воспроизводить объективные причины избранного пути решения проблемы, а также репрезентировать и диагностировать мировоззрение и идеологию индивида. С логической точки зрения типы причин отображаются в функторах, связывающих одну идею с другой («потому что», «в то время как», «даже если», «подобно тому как», «после того как», «прежде чем», «несмотря на» и др.). С коммуникативной точки зрения типы причин отображают когнитивный стиль личности (допустим, на любое или на некоторые «ибо» коммуникатор находит свое «отнюдь» или «даже»).

Структура аргументативного рассуждения – последовательная, связанная или конвергентная – фиксирует связь резонов и обосновываемого заключения в диапазоне «нулевая (в частности, аргумент к личности) – дедуктивная». Сила связи детерминирует валидность и надежность обоснования, или решения проблемы.

Стадия понимания в КМ связана с семантикой языка. Она включает следующий перечень критических вопросов: Какие имена и высказывания неоднозначны? Есть ли в тексте пустые или плохо определенные имена? В чем заключаются явные и неявные ценностные и дескриптивные предпосылки? Каковы условия приемлемости аргумента? Критическое осмысление того, какая информация искажена или пропущена, позволяет выстраивать корреляции между миром и его описанием, с одной стороны, с другой, – представлениями об этом мире и его оценкой.

Язык несет в себе свою собственную онтологию (идея Сепира – Уорфа), задаваемую именами. Доминирование метафор, метонимий, плеоназмов, эвфемизмов или иных способов именования задают структуры понимания. Отсюда следует, что понимание обусловлено составлением обзора наблюдаемых эффектов, производимых ненаблюдаемыми (латентными) сущностями, и их осмыслением. В частности, метафорическое мышление эксплуатирует использование имен без экзистенциальных предпосылок (пустых имен): «выхватывать из бытия» вместо «ощущать» или «воспринимать». Добавление плеонастических признаков делает язык избыточным: «горизонты понимания» (понимание без горизонтов невозможно).

Стадия оценки в КМ обусловлена этапами анализа и понимания. Структура оценки включает вопросы: Корректно ли сформулирована проблема? Соответствует ли заключение проблеме? Насколько хороши резоны? Правильно ли построены рассуждения (выводы)? Единого критерия оценок не существует. Универсальным логическим критерием в математике является противоречие. В повседневности в качестве критериев используется весь спектр логических отношений – совместимых и несовместимых («тождество – отрицание»). В частности, сопротивление,

оказываемое личностью в отношении чего-либо (детские капризы или недовольство студента), свидетельствует о несовместимости с ним ценностной или дескриптивной установки сопротивляющегося.

Оценка как инструмент КМ связана с поиском пределов допустимого, которые находят отображение в категориальных противоположностях или противоречиях (польза / вред, заинтересованность / безразличие, дистальное / проксимальное, синергизм / аннигиляция, все / никто). Подобные категориальные пары и соответствующие им шкалы оценок формируются по двум направлениям: 1) наличие или отсутствие свойства или качества; 2) наличие положительного или отрицательного свойства или качества. Отсутствие в оценочной шкале противоположности исключает возможность адекватной оценки.

Оценка определяет необходимость и конкретное содержание корректирования идей (собственно, критики). Поэтому *стадия корректирования* включает вопросы: Является ли аргумент релевантным и сильным (весомым)? Какие логические ошибки допущены? Какие разумные модификации проблемы или заключения по ней возможны? Согласно С. Тулмину, значение силы аргумента заключается в отбрасывании неподходящих вариантов, т.е. весомость аргумента определяется рассмотрением и исключением неуместных и слабых доводов. Критериями силы аргументов выступают валидность и надежность схем обусловливания. Логико-методологическая категория «валидность аргумента» означает соответствие между используемыми в аргументации средствами и ее результатом. «Надежность аргумента» – возможность выполнения аргументации с максимальной (удовлетворительной) точностью.

Каждой стадии КМ соответствует свой *перечень научных жанров*. Стадия анализа отображена в большей степени в типовых, учебных и рабочих программах, учебно-методических комплексах, материалах научных конференций, реферативных обзорах, оглавлениях в монографиях. Стадия понимания представлена в энциклопедических, толковых и иных словарях, справочной литературе, аннотациях. Стадия оценки отображена в научных монографиях и статьях, а также в отзывах и рецензиях на них. Стадия корректирования идей, вследствие того, что ее необходимость определяется оценкой, отображена там же. Но в большей степени она представлена в критических статьях и в отзывах оппонировавших организаций.

Курс «Критическое мышление» (как закономерное продолжение курса «Логика и коммуникация») апробирован на отделении философии факультета философии и социальных наук БГУ [1].

Таким образом, КМ составляет основу интеллектуальной культуры, обеспечивая конструктивистский подход в научно-практической деятельности. Реализация основных стратегий КМ позволяет выстраивать приемлемые модели преподавания логики, философии, этики и других учебных дисциплин. Непосредственно сам курс по логике критического мышления мог бы стать академической дисциплиной, что приблизило бы нашу высшую школу к мировым стандартам образования и повысило качество подготовки специалистов.

Литература и источники

1. Воробьева, С. В. Логика и коммуникация: пособие / С. В. Воробьева. – Минск: БГУ, 2010. – 237 с.
2. Дилтс, Р. Фокусы языка. Изменение убеждений с помощью НЛП / Р. Дилтс. – СПб.: Питер, 2010. – 256 с.
3. Тягло, А. В. Критическое мышление на основе элементарной логики / А. В. Тягло. – Харьков: ХНУ им. В. Н. Каразина, 2001. – 210 с.
4. Тягло, А. В. Критическое мышление: Проблема мирового образования XXI века / А. В. Тягло, Т. А. Воропай. – Харьков: Ун-т внутр. дел, 1999. – 285 с.
5. Paul, R. W. Critical Thinking: Basic Questions and Answers // Critical Thinking: What Every Person Needs to Survive in a Rapidly Changing World / R. W. Paul. – Santa Rosa: Foundation for Critical Thinking, 1993. – P. 91–100.

ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ (НА ПРИМЕРЕ НАУКИ)

Д. Г. Доброродный

Методология науки как особое нормативное знание, призванное упорядочить процесс познания, эксплицировав его наиболее эффективные методы и средства. В настоящий момент роль философско-методологической рефлексии возросла в связи с новейшими открытиями и переосмыслением природы познаваемой действительности. Если классическая наука была ориентирована на освоение «простых составных объектов», предметная область современной науки наполнена объектами иного порядка: сложноорганизованными, динамическими, нестабильными. Ведется широкая дискуссия по проблеме поиска на различных уровнях научного познания методологических инноваций, принципиально новых методологических решений (см. об этом: [1]).

Современные философско-методологические исследования имеют определенную специфику, обусловленную характером научного поиска в постнеклассическую эпоху. Происходит смещение акцента с «описания многообразия методов», соответствующих определенной предметной области, в направлении создания моделей, способных трансформироваться вместе с условиями и задачами познавательной деятельности. Этим целям в большей степени соответствуют методологические принципы, регулятивы, отдельные идеи и понятия, которые, являясь продуктами методологической рефлексии, иницируют, направляют, корректируют исследование, при этом, не ограничивая возможность привлечения дополнительных методов и средств [4].

Одним из приоритетных направлений философско-методологических исследований становится анализ и разработка «методологических инноваций», способных стимулировать и поддерживать развитие научного познания, способствовать решению актуальных проблем, стоящих перед наукой и обществом. Проблема поиска методологических инноваций познания обретает особую актуальность в связи с переходным состоянием науки в период научной революции, сменой научной рациональности и пересмотром идеалов и норм научного поиска.

При этом соотношение традиции и инновации по-разному специфицируются в естественнонаучном и социально-гуманитарном познании, что обусловлено существенными различиями на уровне методологической культуры научного исследования. Принципиальной для естествознания является установка на инвариантный характер описания реальности в языке идеализированных конструктов, на объективность и воспроизводимость знания, на системность и целостность картины познаваемой реальности. Возникающие в естествознании инновации гармонично вписываются в традицию постоянного исследовательского поиска, они являются непротиворечивым ее продолжением и не нарушают глубинных, метатеоретических основ познания.

Востребованность методологических инноваций в области социально-гуманитарного познания значительно выше, поскольку предмет социально-гуманитарных исследований сам по себе является весьма динамичным и изменчивым, актуализируя принцип историзма в познании. Социальная реальность и человеческое существование с большим трудом поддаются объективированному выражению в форме идеальных конструктов, они изначально включают в себя познающего субъекта, что приводит к релятивизации познания и повышению значения конвенциональных и аксиологических положений (подробнее см.: [2; 3]).

Выработанные на философско-методологическом уровне инновации призваны выступить средством адаптации интегральных методологических установок современной науки к практике конкретных исследований в различных областях познания. Например, современная наука столкнулась с рядом трудностей, обусловленных:

- включением в предметную область современной науки новых объектов, имеющих сложную, системную, динамичную природу;
- сменой ценностных и целевых установок познания, детерминированной гуманистическими и экологическими приоритетами современной эпохи;
- необходимостью решения социально значимых задач, продиктованных особыми социально-историческими условиями.

Эти «трудности» преодолеваются за счет реализации в научно-исследовательской деятельности следующих философско-методологических установок:

- признание принципиального значения ценностного измерения научного познания и разработка синтетической методологии, сочетающей аксиологические и эпистемологические установки, смена модели познания с монологической на диалогическую;
- усиление интеграционных процессов внутри корпуса научных дисциплин, расширение поля междисциплинарных исследований;
- расширение области ситуационных исследований (подробнее об этом: [5]).

Реализация этих установок в процессе конкретного научного исследования требует определенных схем адаптации, разработка которых является одной из приоритетных задач философско-методологических исследований.

Литература и источники

1. Доброродный, Д. Г. Статус методологических инноваций в современном научном познании / Д. Г. Доброродный // Проблемы управления. – 2009. – № 4. – С. 105–108.
2. Доброродный, Д. Г. Диалог парадигмальных оснований в социально-гуманитарном познании / Д. Г. Доброродный, О. Г. Шаврова // Вестник БГУ. – 2011. – Серия 3. – № 3. – С. 43–47.
3. Зеленков, А. И. Феномен методологической рефлексии и перспективы его конституирования в социальном познании // Социология. – 2001. – № 4. – С. 3–19.
4. Лешкевич, Т. Г. Философия науки: традиции и новации / Т. Г. Лешкевич. – М.: «Издательство ПРИОР», 2001. – 428 с.
5. Стёпин, В. С. Философия науки. Общие проблемы / В. С. Степин. – М.: Гардарики, 2006. – 384 с.

ФИЛОСОФСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ КАК «УСТАНОВКА НА СОВРЕМЕННОСТЬ»

Ю. П. Серeda

Сегодня, в сверхпрагматичные времена, когда превалирующее положение занимает логика «крайностей» и «слепого прагматизма», философия представляется последним «прибежищем» неутилитарного знания. Подобное положение дел интенсифицирует процесс деинтеллектуализации общества, который связан с критической степенью ухудшения общего интеллектуального уровня человека, профанации знания, подменой его псевдонаукой, а также с отказом, нежеланием современного человека самостоятельно мыслить, анализировать получаемую («потребляемую» ежедневно) информацию. Так, утилитаристски ориентированная парадигма поиска полезности всего и всех на уровне социальной системы трансформирует сложившиеся культурные стереотипы и модели поведения индивидов. Согласимся с тем, что на социально-онтологическом уровне «техно-информационная практика мышления, прагматично-потребительская рациональность привела цивилизацию не только к материализации сознания [...] и диктату материальных стоимостей. В итоге возникла фундаментальная проблема – обезличивания человека и его отчуждения от процесса жизни и самого себя» [1, с. 82]. В этой связи заостряется потребность в актуализации рациональных программ мышления и социального действия. Как метко выразился Мартин Бубер, «в истории человеческого духа я различаю эпохи обустроенности и бездомности» [2, с. 23]. Действительно, события первого десятилетия XXI в. в своей динамике указывают на все более проявленные, очерчиваемые формы «бездомности» и социальной неустроенности человека, неизбежно сталкивающегося с новой волной личностного кризиса. Представляющееся на первый взгляд ключом ко всем ответам материальное изобилие как маркер тотализирующего потребительства в современном обществе при более серьезном рассмотрении оборачивается реальностью без четких перспектив и без подробной «дорожной карты», которая могла бы дать человеку новые ориентиры (ценности, идеи, установки и т. д.) для его собственных актуализаций в социальной действительности. К. Касториadis заметил, что

современное общество «перестало задавать вопросы самому себе» (цит. по: [3, с. 245]), оно зачастую избегает критической, аналитической работы. Можно также утверждать, что собственно некритическая мысль и не является мыслью как таковой. Она есть иллюзия мысли, приводящая, как и все иллюзии, к застою и мнимой стабильности, которые предшествуют более серьезным последствиям – распаду социальной системы до основания. Как правило, такие результаты считаются принципиально недопустимыми, поскольку не только отбрасывают такое общество на неопределенный срок назад в своем материальном и духовном развитии, но и способствуют практически необратимой мировоззренческой деградации его индивидов.

В свете происходящего свое особое значение получает рефлексивное отношение, прежде всего, к тем содержаниям, в которых человек уже неизбежно есть. Другими словами, потребность в осмыслении происходящего проблематизирует и саму современность как то, что неизбежно должно быть поставлено под вопрос и, соответственно, раскрыто через критический анализ.

На наш взгляд, свое специфически продуктивное и особое содержательное наполнение данная задача обрела у Мишеля Фуко в его «установке современности». В своих рассуждениях философ опирается на кантовскую идею о перманентной «чистой актуальности» Просвещения как движения к состоянию совершеннолетия, когда индивид будет способен применять свой собственный разум, не подчиняясь авторитетам. Однако важно учитывать, что так называемое законное применение разума обязательно должно сопровождаться критикой, которая становится «в некотором роде вахтенным журналом разума» [4, с. 343]. Таким образом, стратегии размышления о «сегодня» должны выстраиваться на основании философской рефлексии как «установки на современность». В этом отношении, актуальное измерение философии выражается через ее способность обратиться к настоящему, предпринимая попытку анализа специфики ее соотношения с тем временем, в котором она функционирует. Следовательно, именно усилиями философской рефлексии как аналитической возможности поставить себя и свое историческое время под вопрос можно предпринять попытку выстраивания адекватной стратегии действия в самых различных сферах современного общества.

Безусловно, динамика XXI века необходимо требует от философии не только как академической дисциплины, но и как особого духовного образования культуры в целом, конструктивных трансформаций и преобразований. Конечно, нельзя не согласиться с этим, поскольку данная тенденция является объективным фактором, требующим особого внимания в своем рассмотрении. Более того, можно полагать, что в настоящее время философское знание как совершенно уникальный интеллектуальный опыт может актуализироваться и вне определенного институализированного пространства. В этом смысле наиболее приемлемым вариантом может выступать трансдисциплинарная стратегия в современной философии, для которой характерен открытый формат познавательных практик и отказ от ориентации на выстраивание замкнутых и самодостаточных систем знания. Как отмечает российский философ Валерий Подорога, «вот уже более века никто не созидает великих философских систем... А это значит, что-то завершилось, время *одной* философии кончилось. Философия не наследуется нами как вечный

инструмент познания жизни. Мыслить – это как раз видеть, почему прежний образец познания не пригоден к использованию в сегодняшнем времени. Или в чем «пригоден». Это часть современной философской работы» [5, с. 28]. И если все же попытаться некоторым образом определиться с собственным самопониманием философии, то она представляет собой «вид утопии, который постоянно сопровождает общество, и отсюда есть критическое наполнение, потому что мы из того места, где мы не есть, атакуем место, которое есть» [6].

В таком варианте интерпретации философия предстает в ее актуальном на сегодняшний момент виде: она по форме остается областью абстрактно-теоретического вопрошания о существующем (социальном, культурном, нравственном) порядке вещей, но по своему содержанию она есть критическая установка, «установка современности» на вскрытие и выявление себя самих и своих ключевых смысловых детерминант. Философия продолжает сохранять определенную дистанцию по отношению к предмету своего познания, но делает это с целью более глубокого и сущностного его анализа, поскольку, как известно, адекватное понимание действительного состояния, например, общественной реальности (конечно, в той степени, насколько это вообще возможно в современном мире) необходимо требует некоего взгляда извне. Так, невозможно сконструировать динамику общества, но есть возможность через философское осмысление ее факторов минимизировать негативные следствия ее реализации. К тому же современная ситуация динамического преобразования мира своей неоднозначностью в полной мере отражает существенное усложнение исследуемых объектов и соответствующие изменения самих средств социально-философского познания. В своей совокупности это означает, что у современного философа есть работа, требующая от него больших усилий, чем когда-либо раньше. Поскольку все то, что «разлито» в культуре как привычный и обыденный фон (со всеми этими «готовыми» решениями, которые предлагают обществу мораль, право, гуманизм и пр.), будто бы взятый «ниоткуда», – все это и есть работа многих поколений философов, породивших те идеи и ценности, которые без раздумий потребляются современным человеком в его повседневной жизни» [7].

Таким образом, диалектика кризисных процессов указывает на острую потребность современных обществ в философской рефлексии окружающих реалий как «установке на современность». Можно утверждать, что основания для так называемой жизнеспособности философии в современных обществах, прежде всего, заложены в ее возможностях генерировать нетривиальное и релевантное меняющимся реалиям знание, которое является методологическим ключом к современному миру, его противоречиям и трансформациям. В этом отношении, процессы создания (социального конструирования) мира, его понимания не просто пересекаются, но принципиально взаимосвязаны. В таком случае возникает вопрос о том, станут ли те или иные сегодняшние проблемы современных обществ нашими первостепенными философскими задачами завтра. Именно поэтому важно замерять тенденции и противоречия современных обществ, типологизировать их, анализировать, как и в какой степени они могут влиять (и делают это) на их функционирование. Эта работа под силу только философскому мышлению, которому доступна уникальная опция комплексной проблематизации самой современности.

Долг философии – сохранять интеллектуальные традиции и возможности вопрошания о началах и универсалиях, перед лицом набирающего обороты утилитаризма нашей жизни. А современный философ ответственен не только за переход человечества к совершеннолетию, но и за наступление (приближение) исторического времени социально-культурной обустроенности, где не будет места ни для «частной морали», ни для социальных мистификаций.

Литература и источники

1. Долженко, О. В. Система *contra* образование : судьба учителя в системе: быть или не быть? / О. В. Долженко, О. И. Тарасова // Философские науки. – 2014. – № 4. – С. 78–93.
2. Бубер, М. Два образа веры / М. Бубер. – М.: АСТ, 1999. – 590 с.
3. Бауман, З. Индивидуализированное общество / З. Бауман. – М.: Логос, 2002. – 390 с.
4. Фуко, М. Что такое Просвещение? // Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. Т. 1. – М.: Праксис, 2002. – 384 с.
5. Подорога, В. А. О чем спрашивают, когда спрашивают «что такое философия?» / В. А. Подорога // Философский журнал. – 2009. – № 1 (2). – С. 5–17.
6. Подорога, В. А. Лекция «Философия и литература» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.polit.ru/lectures/2006/07/28/podoroga.html>. – Дата доступа: 05.10.2014.
7. «Хочется верить, что эта глупость носит искренний характер» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mn.ru/society_edu/20130516/346569168.html. – Дата доступа: 5.10.2014.

АКТУАЛЬНАСЦЬ ФІЛАСОФІІ: ДА ПАСТАНОЎКІ ПРАБЛЕМЫ

В. А. Адзіночанка

Мы будзем ужываць слова *актуальнасць* у яго першапачатковым значэнні (лац. *actualis* – *дзеісны, сучасны, наяўны*) як дзейнасць – тое, што мае дачыненне да зменаў у рэчаіснасці і што патрабуецца для вырашэння наяўных праблем. У спрошчаным выглядзе пытанне гучыць так: наколькі зараз у нашым грамадстве маецца патрэба ў філасофіі? Пры гэтым прадметам разважанняў і аналізу робяцца такія паняцці, як *дзеіснасць, філасофія і зараз*. Актуальным робіцца высвятленне іх сэнсу ў нашых умовах.

Звернем увагу, што, як правіла, ніхто не ставіць пытанне аб неабходнасці, напрыклад, фізікі, а толькі аб мэтазгоднасці развіцця некаторых кірункаў яе даследаванняў, бо гэтая навука з відавочнасцю прадэманстравала сваю практычную значнасць. На яе выніках грунтуецца дасягненні нашай цывілізацыі. Гаворка ідзе перш за ўсё пра забеспячэнне лепшых умоў чалавечага жыцця, яго камфортнасці. Мы дакладна разумеем, што ёсць камп'ютары, на якіх лепш працаваць, аўтамабілі, на якіх лепш ездзіць і г. д. Такім чынам, патрэба ў прыродазнаўчых навуках абумоўлена ў канчатковым выніку іх карыснасцю. Апошняя ў нашай культуры з'яўляецца, бадай, галоўным крытэрыем ацэньвання.

Што ў параўнанні з гэтай відавочнай карыснасцю можа прадэманстраваць філасофія, каб даказаць сваё права на існаванне? Арыстоцель у «Метафізіцы» пісаў: «...усе іншыя навукі больш неабходныя, чым яна, але лепш – няма ніводнай» [1,

с. 70]. Гэта палажэнне абгрунтоўвалася тым, што іншыя навукі існуюць дзеля нейкай практычнай мэты, таму адпавядаюць рабскай прыродзе чалавека, і толькі імкненне да мудрасці – дзеля сябе самога, з’яўляецца заняткам свабодных. Тым не менш, пры ўсёй складанай тэарэтычнасці і быццам бы абстрагаванасці ад штодзённых праблем, філасофія яскрава прадэманстравала сваю практычную значнасць. Сам той факт, што яна вось ужо больш як два з паловай тысячагоддзі з’яўляецца неад’емным кампанентам еўрапейскай культуры і вытрымала даволі жорсткія пераследы, сведчыць пра яе жыццяздольнасць. Прычым трэба заўважыць, што тое, што мы называем *філасофіяй*, з’яўляецца феноменам менавіта еўрапейскай культуры. Зараз мы спрабуем у прастору гэтай культуры ўвайсці. Таму трэба зыходзіць з факту наяўнасці філасофіі і разгледзець магчымасці яе існавання ў нашым грамадстве.

Філасофія адсылае да мудрасці (*phileo* – люблю, *sophia* – мудрасць). Зараз, ва умовах інфармацыйнага грамадства, калі адбылося каласальнае пашырэнне ведаў, не страціла сваёй актуальнасці ні сама мудрасць, ні адказ на пытанне, што гэта такое. Бо праблемы сучаснага грамадства з відавочнасцю прадэманстравалі, што «шматведанне розуму не навучае». Таксама ўзнікае пытанне, як суадносіцца мудрасць і інтэлект. Бо апошні ўсё ж такі з’яўляецца часткай чыста рацыянальнай і дыскусійнай устаноўкі, тычыцца перш за ўсё пазнання знешняга свету. Мудрасць жа накіравана на разуменне асноўных прынцыпаў пабудовы рэчаіснасці. Такім чынам, імкненне да мудрасці зводзіцца не да пазнання свету з мэтай пераўтварэння. У яго аснове – патрэба зразумець свет і месца ў ім чалавека. Яно выходзіць па-за межы інструментальнага пазнання, і праз яго чалавек фарміруецца ў сваёй самакаштоўнасці. Нам трэба зараз асэнсаваць, што азначае самакаштоўнасць чалавека. І гэта з’яўляецца не толькі пытаннем філасофскага характару, але і надзённай праблемай нашага грамадства.

Мы можам назваць вечныя філасофскія пытанні: што такое свет, што такое чалавек, што такое ісціна, дабро і г. д. Але іх вечнасць – не ў тым, што, пастаўленыя калісьці, яны знаходзяцца па-за межамі часу і кожная эпоха павінна даць на іх адказ. Гэтыя пытанні ўзнікаюць з самога працэсу чалавечага быцця, як індывідуальнага, так і грамадскага, і іх актуальнасць вызначаецца менавіта праблемамі апошняга. Але таксама трэба ўлічваць, што самі гэтыя праблемы ўзнікаюць не на пустым месцы, а з’яўляюцца часткай развіцця той ці іншай культуры, у якой яны ставіліся і раней. Філасофская традыцыя вызначае нашы спосабы разважання. Таму, напрыклад, калі мы зараз разважаем аб такой актуальнай праблеме, як правы чалавека, трэба ўлічваць не толькі папярэднія канцэпцыі, але і тое, што сама гэтая праблема магла ўзнікнуць толькі ў межах пэўнай культуры. Менавіта таму спроба ўявіць яе ў якасці агульначалавечай вельмі часта разглядаецца як культурны імперыялізм. Таму ва ўмовах цяперашняй глабалізацыі «вечнасць» філасофскіх праблем павінна стаць прадметам абмеркавання.

І тут мы пераходзім да аналізу паняцця *зараз*, неабходнасці выходзіць менавіта з яго, а не з чагосьці іншага. Відавочна, што наша сучаснае грамадства знаходзіцца ў стане трансфармацыі. Яна вызначаецца двума асноўнымі фактарамі: па-першае, гэта распад Савецкага Саюза, які разглядаецца як наша мінулае, і па-другое, працэс фарміравання беларускай дзяржавы.

Трэба падкрэсліць, што зараз філасофія займае ў нашым грамадстве прынцыпова іншае месца, чым раней. Гэта павінна быць усвядомлена і асэнсавана,

бо відавочна, што вяртанне да ранейшага становішча немагчыма. Марксісцка-ленінская філасофія была часткай вялізнай светапогляднай сістэмы, куды таксама ўваходзілі марксісцкая палітэканомія і навуковы камунізм. Гэта сістэма прапаноўвала ўсеабдымны і несупярэчлівы светапогляд, у межах якога можна было растлумачыць любую з'яву рэчаіснасці. Апрача таго, філасофія з'яўлялася часткай ідэалогіі і павінна была садзейнічаць пераўтварэнню свету на пачатку прагрэсу, сацыяльнай справядлівасці, фарміравання новага чалавека і г. д. Цікава, што ў савецкім грамадстве ўсе свае сацыяльныя функцыі ідэалогія, а разам з ёй і філасофія, выконвалі. Яны з'яўляліся рэальнай дзеючай сілай. Калі браць інстытуцыянальны аспект, то функцыянаванне марксісцка-ленінскай філасофіі падтрымлівалася магутным партыйным апаратам.

Зараз жа месца філасофіі ў грамадстве набыло праблематычны характар. Калі выходзіць з таго, што існуюць дзве істотна адрозныя паміж сабой іпастасі філасофіі: у публічнай прасторы соцыуму і ў формах прафесійна-акадэмічнага дыскурсу і зносін [2, с. 406], дык трэба прааналізаваць яе сучаснае становішча ў кожнай з іх.

Што датычыцца першай іпастасі, то мы лічым неабходным вылучыць два аспекты праблемы: характар выкладання філасофіі ў ВНУ і метадалогію філасофскіх даследаванняў.

Зараз у ВНУ Беларусі адбываецца паступовае скарачэнне колькасці гадзін, якія адведзены на вывучэнне філасофіі. Яшчэ ў 2010 годзе на нефіласофскіх спецыяльнасцях яна рэальна складала 90 гадзін, потым – 68, а зараз колькасць гадзін зведзена да 42 (22 гадзіны лекцый і 20 гадзін семінарскіх заняткаў). Безумоўна, за гэты час немагчыма якасна распавесці, нават у самых агульных рысах, аб асноўных этапах развіцця філасофіі і філасофскіх праблемах. Апрача таго, з нядаўняга часу філасофія на непедагагічных спецыяльнасцях была аб'яднана ў адзін модуль з педагогікай і псіхалогіяй з сумесным экзаменам. Відавочна, што гэта розныя дысцыпліны і іх сумяшчэнне не садзейнічае вывучэнню ніводнай з іх. Студэнты фактычна рыхтуюцца да экзамену па трох розных прадметах, што, як паказаў вопыт, адмоўна адбіваецца на якасці іх ведаў.

Адбываецца скарачэнне вучэбных гадзін і па іншых філасофскіх дысцыплінах: логіцы, этыцы, эстэтыцы, гісторыі філасофіі, асновах сучаснага прыродазнаўства, рэлігіязнаўстве. І няма ніякага сумнення, што гэты працэс будзе працягвацца. Такім чынам, у далейшым трэба чакаць рэзкага пагаршэння філасофскіх ведаў у студэнтаў і, адпаведна, выпускнікоў.

Таму пытанне аб мэтазгоднасці філасофскай падрыхтоўкі з'яўляецца зараз вельмі актуальным і патрабуе абмеркавання. Безумоўна, што ВНУ павінна перш за ўсё рыхтаваць спецыялістаў, здольных працаваць па той ці іншай прафесіі. Але чалавек не абмяжоўваецца толькі сваёй прафесійнай дзейнасцю і абавязкова цікавіцца праблемамі светапогляднага характару. Нам здаецца, што пытанне аб тым, якім будзе светапогляд у будучых пакаленняў і хто яго сфарміруе, мае зараз вельмі канкрэтны і надзённы характар.

Калі казаць аб метадалогіі прафесійнага філасофскага дыскурсу, то актуальным з'яўляецца яе прывядзенне ў адпаведнасць характарам праблем, якія паўстаюць у нашым грамадстве. Актуальным робіцца класічнае палажэнне аб тым, што «філасофія ёсць... час, спасцігнуты ў думцы» [3, с. 55].

Нам здаецца, што наш час вельмі спрыяльны для філасофскіх разважанняў. Абумоўлена гэта двума фактарамі: па-першае, тымі працэсамі, якія зараз адбываюцца. Відавочна, актуальнымі зрабіліся такія пытанні, што такое ўлада, дэмакратыя, свабода, асоба і г. д. Па-другое, старыя марксісцкія схемы разважанняў страцілі сваю жыццяздольнасць і павінны быць або абноўленыя, або замененыя на іншыя. Тэа канцэпцыі, якія былі выпрацаваны ў межах сучаснай еўрапейскай філасофіі, здаюцца вельмі прыдатнымі для аналізу нашай сітуацыі.

Літаратура і крыніцы

1. Аристотель. Сочинения в четырех томах / Аристотель; ред. В. Ф. Асмус. – М.: «Мысль», 1976. – Т. 1 – 550 с.
2. Зеленков, А. И. Публичное пространство и академическое сообщество как сферы бытия философии / А. И. Зеленков // Философия и ценности современной культуры: матер. междунар. науч. конф., г. Минск, 10–11 окт. 2013 г. – Минск, 2013.
3. Гегель, Г. В. Ф. Философия права / Г. В. Ф. Гегель. – М.: Мысль, 1990. – 524 с.

ФИЛОСОФСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ КАК АКТУАЛЬНАЯ СТРАТЕГИЯ СОВРЕМЕННОЙ ПРАКТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ: ИСТОРИКО- КУЛЬТУРНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ

Н. С. Ильюшенко

В последние десятилетия широкую популярность приобрело философское консультирование как одно из направлений современной практической философии. Прежде чем обратиться к анализу принципов и методов реализации данного течения, представляется необходимым осуществить рассмотрение историко-культурных предпосылок возникновения и распространения данного типа профессиональной деятельности.

Принято считать, что философское консультирование как специфическая форма деятельности профессионального философа было «изобретено» в 1981 году доктором Гердом Ахенбахом, жившим и работавшим в Германии [1]. Именно с этой даты ведут отсчет истории своего существования широко представленные сегодня ассоциации профессиональных философов-консультантов, имеющие специальные программы обучения и сертификации в различных европейских странах: Австрии, Великобритании, Израиле, Канаде, Нидерландах, Норвегии, Польше, Франции, Швейцарии и проч. Ни в коей мере не умоляя заслуг Г. Ахенбаха, тем не менее, мы полагаем, что вряд ли будет верным приписывать ему авторство самой идеи того, что философия и философствование как специфический интеллектуальный процесс может применяться для помощи людям в различных сложных жизненных ситуациях. Обращение к анализу исходного значения термина «философия» («любовь к мудрости»), а также непосредственно к самому ее предмету, содержанию и специфике осуществления философской деятельности, типу вырабатываемого в результате знания и фиксации его отличий от других типов знания (обыденного, эстетического, религиозного и научного), позволяет заключить, что философия со времен своего возникновения использовалась для облегчения страданий, помощи

людям в понимании себя и своего внутреннего мира.

В частности, такое понимание деятельности философа можно обнаружить уже в античности в учениях Сократа, Эпикура, стоиков. Так, в диалоге Платона «Алквиад» [2, с. 175–222] Сократ связывает занятие философией с заботой о своей душе. Такая забота проявляется в непрерывном самопознании, которое и обеспечивается практикой философии. Эпикур в своем учении также отмечает способность философии выступать в качестве своеобразной терапии душевного здоровья, способствующей обретению счастья. В Письме к Менекею он отмечает: «Пусть никто в молодости не откладывает занятий философией, а в старости не утомляется занятиями философией: ведь для душевного здоровья никто не может быть ни недозрелым, ни перзрелым. Кто говорит, что заниматься философией еще рано или уже поздно, подобен тому, кто говорит, будто быть счастливым еще рано или уже поздно» [3, с. 402]. Таким образом, он утверждал неразрывную связь счастья и душевного здоровья, которые обретаются посредством обращения к практике философствования. Стоики, в свою очередь, понимали философию как обучение искусству хорошей жизни. Таким образом, уже в античности назначение философии состояло, прежде всего, в использовании мышления для повышения качества жизни, прояснении смыслов, целей и установок личности.

По мере накопления философских знаний за философией все больше стал закрепляться статус теоретической дисциплины, представляющей собой своеобразный набор «истинных и универсальных» положений, достаточно далеко отстоящих от потребностей конкретного индивида, его жизненных и повседневных проблем. Однако после исследований, проведенных в ряде таких направлений как феноменология, экзистенциальная философия, философия диалога, постмодернизм и др., она все чаще снова начала определяться как практика смыслового взаимодействия субъектов, имеющая в своей основе не только теоретические, но и практические основания. В ходе такого переосмысления наметился отказ от установки на признание особого статуса философии как деятельности по теоретическому осмыслению лишь фундаментальных и универсальных проблем бытия, что способствовало новому, а по сути – возвращению к исконному, «практико-ориентированному», пониманию философии. Свое выражение это понимание обрело и получило обоснование в трудах ряда мыслителей и ученых: Х.-Г. Гадамера, Ю. Хабермаса, М. Фуко, Л. Витгенштейна, К. Ясперса, Х. Йоаса, А. Хоннета, В. Штэгмайера и др. Проблемы терапевтического измерения философии в современных условиях ставили и обсуждали П. Адо, Р. Вэльш, А. Ховард, Е. В. Золотухина-Аболина, Т. В. Щитцова и др.

В последние десятилетия такая трактовка философской деятельности оказалась высоко востребованной. Несмотря на широкое распространение различных видов терапевтической помощи, в первую очередь, психологической, сегодня возрастает число людей, недовольных этими формами консультирования. Многим из таких людей требуется помощь и поддержка, направленная не на облегчение тяжелых эмоциональных переживаний или проработку травм прошлого. У них имеется запрос на получение содействия в исследовании их мыслительных установок, предположений, ценностей. Сложный и противоречивый современный мир требует от индивида, прежде всего, умения ясно и четко мыслить, анализировать

свои установки, приоритеты и уметь разобраться в смыслах, сообщаемых другими людьми в процессе коммуникации. Роль специалиста в области философского консультирования как раз и состоит в том, чтобы помочь человеку, у которого ум не молчит, но мышление затруднено, прояснить имеющиеся у него убеждения, невысказанные предположения, вскрыть противоречивые значения и смыслы, которые могут мешать его эффективной деятельности или вызывать тревогу и беспокойство. Таким образом, философское консультирование выступает своего рода ответом на запросы современного общества, где одним из требований является высокая интеллектуальная культура личности. Достижение данной цели осуществляется при помощи обучения клиентов различным методам рефлексии (включающих в себя ряд инструментов и техник принятия решений, методов ведения диалога, беседы и т. д.), в результате чего те начинают мыслить системно, получают возможность самостоятельно справляться с имеющимися у них трудностями.

Литература и источники

1. Achenbach, G. B. Kurzgefaßte Beantwortung der Frage: Was ist Philosophische Praxis // Philosophische Praxis. Gerd B. Achenbach [E-Ressources]. – 2014. – Zugriffsart: http://www.achenbach-pp.de/de/philosophischepraxis_text_was_ist.asp. – Datum Zugang: 20.01.2014.
2. Платон. Алкивиад I / пер. С. Я. Шейнман-Топштейн // Платон. Диалоги. – М.: Мысль, 1986. – С. 175–222.
3. Эпикур. Письмо к Менекею // Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. – М., 1979. – 571 с.

ИНТЕЛЛЕКТ НЕ ПРОБЛЕМА, А НЕУДОВЛЕТВОРЕННАЯ ПОТРЕБНОСТЬ...

Д. В. Ермолович

*«Где же найти мне забывшего про слова
человека, чтобы с ним поговорить»
Чжуан-цзы*

Неопределенность понятия «интеллект» как в его абсолютных, так и элементарных формах, отсутствие установленной демаркации между искусственностью и естественностью интеллекта делает вопрос о сущности интеллекта чрезвычайно сложным. Выскажем по этому поводу несколько соображений.

Античность и Средневековье видят только абсолютность и, строго говоря, сверхъестественность (причем сверхъестественность задается искусственно, без всяких объяснений и отсылок к действительности, часто просто конструируется) интеллекта. Это всегда первопричина всего сущего: «Нус» Анаксагора, «Логос» Гераклита, или «Разум» Августина, собственно «Интеллект» у Ф. Аквинского.

Новое время и современность увлечены (искушены) поиском путей принижения статуса интеллекта до элементарных его форм: искусство упрощения (технологичность) – основная доблесть современного научно-производственного сообщества. В результате все, что мы можем сказать об интеллекте, не выходит за рамки его искусственности (изобретенности) – естественный интеллект все еще не обнаружен.

Поэтому ответ на вопрос о том: есть ли, осознается ли проблема интеллекта, будет отрицательным. Эта проблема искусственно создана, а исследователи интеллекта пришли к «необходимости создания искусственного интеллекта» с целью выяснения природы «интеллекта естественного». Вполне можно принять радикальную позицию: естественного интеллекта не существует, т. е. интеллект возможен только как искусственное образование, в том смысле, что для его созидания потребуются особые условия и соответствующий условиям тяжелый труд потенциального носителя человеческого интеллекта. Для чего же человек *выдумывает* проблемы и есть ли другой более эффективный способ ориентировки в действительности – вот на что хочется и необходимо обратить внимание.

Первая причина искусственной проблематизации (в том числе и глобальной проблематики современности) это страх одиночества, пронесенный человеком на протяжении всей его цивилизационной истории. Культура все время подсказывает выход – непосредственные коммунальные формы жизнедеятельности общества, но цивилизация настойчиво ищет механизм опосредствования человеческих отношений (например, глобальная сеть Интернет).

Конечно, развитие цивилизации создает условия для концентрации элементов культурного производства, потребление культуры становится насущной необходимостью (но не потребностью), масскультурные формы (массовидные,

бессознательные, иррациональные) потребления неизбежно при этом достигают критического уровня, – в связи с чем человеческое сообщество вынуждено искать и выстраивать новую культуuroбразовательную парадигму (провести своеобразную социально-педагогическую революцию), в которой высшей целью воспитания, образования и человеческого развития станет управление страстями человеческими (душевным порывом, «творческим» актом) на личностном и социальном уровнях. Однако, развитие цивилизации на фоне бурного развития информационных технологий еще и отчуждает человека от производства (см. таблицу 1), порождает так называемый «человеческий фактор», переносит «человеческий фактор» в сферу интеллектуальной культуры.

Таблица 1. Наглядный пример бурного развития IT-технологий

Поколение, год	Тип	Характеристика	Операций/сек, кол-во элементов
0 поколение, 1938	Аланом Метисоном Тьюрингом показана теоретическая возможность универсальной вычислительной машины		
1 поколение, 1946	Ламповые ЭВМ	Счетное устройство	20 000
2 поколение, 1955	Транзисторные ПЭВМ	Решающее устройство	500 000
3 поколение, 1964	Микросхемные ПК (промышленные)	Аналоговое устройство	1 000 000
4 поколение, 1975	Гибридные ПК (индивидуальные)	Диалоговое устройство	100 000 000
5 поколение, с 1982	Многоядерный, (эвристич. прогр.)	Отказ от конструкт. усложн., переход к обработке знаний	1 000 000 000
6 поколение, 1991?	«Инструментальный», успешный	Функциональная автономность, «человекоподобность»	10 000 000 000 ?
7 поколение, ?	«Производящий»	Универсальная автономность	100 000 000 000 ?

Рационализация иррационального в познании и образовании – это не просто расширение ресурсного поля «естественного» (человеческого) интеллекта в конкуренции с интеллектом «искусственным» – «машинным» (на иррациональном поле человеку равных нет), это снятие рационализованного иррационального, снятие «человеческого фактора» в творческом акте мышления (рефлексия и есть это снятие). Собственно образованному человеку (образовавшемуся в человека) потребуются наличие навыка рефлексивного контроля или контроля рефлексии (т. е. рефлексия рефлексии), что и должно пониматься как суть диалектического мышления, как смысл образования как такового.

Как следствие, образовывание, мировоззренческое развитие человека необходимо связать не только с непрерывным педагогическим процессом, но и оптимистической гуманистической идеологией, начиная его с нулевого уровня (начальная школа) до третьего (общегуманитарное послешкольное образование). Мировоззренческое, а вместе с ним и необходимое интеллектуальное развитие должно затронуть не менее пяти сторон открытия мира человека для человека:

– *онтологическая* сторона человекооткровения, раскрывающая и объясняющая такие качества человеческой жизни как существенность (материальный мир, космос), фундаментальность (идеальный мир, идеал), первичность (причинный механизм человеческого существования, любовь к жизни) их (качеств) по происхождению;

– *праксическая* сторона человекооткровения, рассматривающая такие качества человеческой жизни как объективируемость (средство человеческого существования, практика), целеполагаемость (возможность человеческого существования, деятельность), преобразуемость (механизм обеспечения существования человека, хозяйствование) последней;

– *каузально-креационистская* сторона человекооткровения, рассматривающая следующие качества: субъективируемость, актуализируемость, принципиальность, психодинамичность и психогенетичность, – как качества человеческой природы, реализуемые в индивидуальной культуре, где организовано и актуализовано человеческое существование, и в творчестве – механизме формирования человека как человека;

– *аксиологическая* сторона человекооткровения, рассматривающая ценностность (уровень, ступень развития человеческого существования, цивилизация), целеустремленность (фактичность человеческого существования, общество), значимость (механизм осознания своего места в человеческой истории, разум) человеческих качеств для человека;

– *гуманистическая* сторона человекооткровения, рассматривающая первосмысленность (цель человеческого существования, гуманизм), реалистичность (пространство человеческого существования, человечество), конкретность целей (смыслообразующий механизм человеческого существования, любовь к человеку) человеческой жизни.

Педагогический процесс, направленный на мировоззренческое и гуманистическое развитие человека, есть диалектическое единство воспитания и образования. А интеллектуальная культура (локальная или глобальная) это и среда, и искусство формирования человеческого интеллекта (для отдельного человека или всего человечества), это путь от случайных продуктов творчества к полноценному удовлетворению человеческих творческих потребностей и непосредственной личностной самореализации в коммунальной культуре (возможность сказать и быть услышанным).

ПАРАЛОГИЯ КАК ПРИНЦИП ЛЕГИТИМАЦИИ СОВРЕМЕННОГО НАУЧНОГО ЗНАНИЯ (АРИСТОТЕЛЬ, КАНТ, ЛИОТАР)

Ю. О. Азарова

Двадцатый век дал истории не только гениальные научные открытия, но также новое понимание самой науки, природы мышления, принципов обоснования и легитимации знания. Произошла радикальная трансформация языка науки, ее концептуального аппарата, форм аргументации, методов анализа.

Изучая данный процесс, французский философ Жан Франсуа Лиотар

утверждает, что изменились не частные или отдельные параметры, а бытие науки в целом, ее *modus essendi*. В книге «Состояние постмодерна» он отмечает, что современная наука отвергает приоритет истины и практикует иной тип легитимации знания – *легитимацию через паралогию* [3, с. 146].

В чем специфика такой легитимации? Какова ее миссия и задачи?

Термин «паралогия» (от греч. *paralogismos* – ложный аргумент) известен философии со времен Аристотеля. В трактате «О софистических опровержениях» он говорит, что паралогизм – это ложный аргумент, который симулирует подлинный аргумент. Паралогизм не соответствует правилам логического вывода, и потому, оказывается фальшивым (см.: [1]).

Аристотель проводит четкое различие между софизмом и паралогизмом. Софизм – это намеренная ошибка в обосновании тезиса или аргумента, связанная с желанием ввести в обман оппонента либо склонить его на свою сторону. Паралогизм – это ненамеренная ошибка, связанная с нестандартной ситуацией в споре.

Главная цель трактата «О софистических опровержениях» – анализ паралогической аргументации. Описывая ее проблемы и тупики, Аристотель негативно оценивает паралогизм и считает, что мыслитель должен подвергать критике такие аргументы.

От Аристотеля до Канта философы рассматривали паралогизм отрицательно. Например, Кант в «Критике чистого разума» отождествляет серию паралогических аргументов с традиционными аргументами о природе души. Подобные истине, но, по сути, ложные, они приводят к иллюзии, когда душа, как гипотеза или идея, принимается за реальный объект.

Хотя иллюзия паралогического аргумента очевидна и подлежит серьезной критике, паралогизм, признает Кант, нельзя полностью устранить, т.к. он принадлежит природе человеческого разума и даже конституирует философское мышление.

Для того, чтобы показать это более конкретно, Кант проводит дистинкцию между логическим и трансцендентальным паралогизмом. «Логический паралогизм есть ложное по форме умозаключение с каким-либо содержанием» [2, с. 368]. Его можно устранить при соблюдении правил логики.

«Трансцендентальный паралогизм имеет трансцендентальное основание для ложного по форме умозаключения» [2, с. 368]. Его невозможно устранить не только в рамках логики, но и трансцендентальной критики. Он укоренен «в природе человеческого разума и содержит в себе неизбежную, но непреодолимую иллюзию» [2, с. 368].

«Например, понятие или суждение *я мыслю*» [2, с. 368]. «Оно является связующим средством для всех понятий вообще» [2, с. 368]. *Я мыслю* – это субъективное условие возможности познания. Оно принимается как гипотетический принцип. Поэтому, строго говоря, *я мыслю* не является объективным фундаментом научного познания.

Я мыслю – это принцип, который предпослан системе философской мысли, а не верифицирован внутри нее. Мы принимаем его как объективное положение. Однако, на самом деле, мы отождествляем свое субъективное понимание этого положения с его объективным статусом.

Можно признавать (и даже критиковать) данное *отождествление*, но устранить его нельзя, т. к. оно носит естественный характер. «Здесь мы имеем дело с *естественной* и *неизбежной* иллюзией, когда, опираясь на субъективные основоположения, выдаем их за объективные» [2, с. 339].

Это не та иллюзия, в «которой простак запутывается сам по недостатку знаний, или которую искусственно создает какой-нибудь софист, а такая, которая неотъемлемо присуща самому разуму и не перестает его обольщать даже после того, как мы раскрыли ее ложный блеск» [2, с. 339–400].

Итак, резюмирует Кант, трансцендентальный паралогизм, «имеет своим источником природу разума. Это софистика не людей, а самого чистого разума. Даже наиболее мудрый из нас не в состоянии отделаться от него» [2, с. 367]. Мы должны принять его как факт и сделать из этого допущения критический вывод.

Данная критика, пишет Лиотар, показывает *проблематичность не только философских оснований, но и самого разума*. Она весьма актуальна сегодня, когда происходит пересмотр фундамента познания и такие принципы, как разум, диалектика, прогресс, рациональность утрачивают свою легитимирующую силу.

Если прежде наука опиралась на логику, то теперь *логическая организация знания вызывает сомнение*. После того, как Курт Гедель доказал, что формально-логическая система содержит предложения, которые ни истинны, ни ложны по отношению к ней, *проблематичность логического обоснования кардинально меняет саму науку*.

Развивая идеи Канта и Геделя, Лиотар создает собственный проект паралогии. Он считает, что сейчас возможна «легитимация знания, основанная только на паралогии» [3, с. 145]. Паралогия из одного аргумента, который существует наряду с другими, превращается в главный принцип научной аргументации.

Поскольку *современная наука принимает в качестве нормы проблематичность аксиом классической науки* (например, аксиом системности, непротиворечивости и полноты), то, подчеркивает Лиотар, мы должны ввести проблематичность аксиом в эпистемическую структуру.

А это означает, что нам «нужно предположить наличие силы, которая дестабилизирует объяснительные возможности и проявляется в создании новых мыслительных норм или в предложении новых правил научной языковой игры, очерчивающей новое исследовательское поле» [3, с. 146]. Именно такой революционной силой является паралогия.

Паралогия – это сила, благодаря которой мы разрываем с прежними правилами описания мира и вводим новые. Она показывает, что открытие новых объектов (например, в квантовой физике) требует не просто иных теоретических ресурсов или технических средств, но *совершенно других правил научного исследования*.

Допустим, в результате кризиса фундаменталистской парадигмы, мы приходим к идее без-основного знания. Действительно, как мы можем знать, что содержит аксиоматика? Мы можем принять только *квази-основание*, а затем, применяя процедуры, верифицировать или фальсифицировать его.

В этом случае проблема основания знания имеет ряд вариантов решения и степень успешности каждого из них определяется не «рациональностью», а зависит от «соответствия» (меры пригодности использования) аксиом конкретной

(классической или неклассической) парадигме.

Таким образом, для Лиотара, как и Аристотеля, паралогизм нарушает общепринятые правила аргументации. Но, в отличие от Аристотеля и в согласии с Кантом, Лиотар принимает это нарушение. Разделяя тезис Канта, что паралогизм имманентен нашему разуму, Лиотар позитивно оценивает паралогизм как движущий принцип развития науки.

Литература и источники

1. Аристотель. О софистических опровержениях // Аристотель. Сочинения: в 4 т. – М.: Мысль, 1978. – Т. 2. – С. 533–593.

2. Кант, И. О паралогизмах чистого разума // Кант, И. Критика чистого разума / И. Кант. – М.: Мысль, 1964. – С. 368–389.

3. Лиотар, Ж. Ф. Легитимация через паралогизм // Лиотар, Ж. Ф. Состояние постмодерна / Ж. Ф. Лиотар. – СПб.: Алетейя, 1998. – С. 144–159.

РОЛЬ ЛОГИКИ В СОВРЕМЕННОЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ

И. И. Терлюкевич, Н. И. Мушинский

Рассматривая интеллектуальную культуру, ее понятийную сущность и явление в общем контексте социокультурной динамики, необходимо отметить ее универсальный характер в истории человечества и в современном мире. Творческий *интеллект* есть атрибутивный признак человека, выделяющий его как биологический вид среди царства животных, позволяющий развивать науку и промышленное производство, все более эффективно осуществлять преобразование окружающей природной среды в соответствии со своими потребностями, превращать «биосферу» в «ноосферу». Исследуя сущность человека, об этом говорили еще античные философы, которые подчеркивали у него наличие «разумной души»; не противоречат этому и данные современной этнографии, археологии и других гуманитарных и социальных наук, связывающих со становлением *интеллектуальной* составляющей зачатки орудийной деятельности первобытного человека, подробно рассматривающих, как он увеличивал масштаб своего природопреобразующего воздействия на протяжении исторического процесса, особенно с началом промышленного переворота Нового времени и возникновением современного информационного социума. В этом смысле *интеллектуальная культура Беларуси*, сохраняя национальную самобытность, органически входит в общечеловеческое наследие, как на региональном (постсоветское пространство, европейская цивилизация), так и на мировом уровне.

Особую роль в развитии *интеллектуальной культуры* играет *логическое мышление* и *логика*, как философская дисциплина, имеющая его своим предметом изучения. В известном смысле понятие «логического мышления» является синонимом «интеллектуальной деятельности», оно широко применяется как в повседневной жизни, так и в профессиональной деятельности специалистов самого разного профиля, служит основой любых научно-технических инноваций, приращения новых знаний в разных областях. Чтобы избежать ошибок и

недоразумений в сложных случаях, *логика* как наука четко формулирует принципы непротиворечивости, доказательности, последовательности, системности интеллектуальной деятельности, ее изучение становится необходимым элементом становления творческой личности специалиста высшей квалификации, приобщения его к интеллектуальной культуре человечества как в мировом масштабе, так и на региональном и национальном уровне (в частности, для Республики Беларусь).

Логика включает в себя две относительно самостоятельные науки: логику формальную и логику диалектическую.

Диалектическая логика изучает процессы углубления знаний: проблемы перехода от явления к сущности, от истины относительной к истине абсолютной, от знания абстрактного к знанию конкретному и т.п. На сегодняшний день диалектическая логика является философской дисциплиной.

Формальная логика исследует формы, т.е. отвлеченные от содержания структуры, мысли. В реальном процессе мышления формы не существуют отдельно от конкретного интеллектуально-мыслительного содержания, но последнее не входит в предмет изучения формальной логики.

В логических формах отражаются объективные отношения природного мира и многовековой опыт практической и общественной деятельности. Поэтому рассматриваемые логикой законы, правила, методы имеют общечеловеческий характер вне зависимости от национальной или государственной принадлежности познающего субъекта.

Основная задача формальной логики – изучение процесса расширения познания путем выявления правил преобразования наличных знаний в некое новое множество истинных положений. В интеллектуальной деятельности сложились две основные модели мышления – дедуктивная и индуктивная. В первой модели рассуждение представляет собой логически упорядоченную систему высказываний, в основании которой лежат истинные посыпки, а все остальные положения выводятся из них «от общего к частному». В индуктивной модели функции логики сводятся к установлению зависимости высказываний различной степени общности от непосредственно наблюдаемых фактов.

С середины XIX века для решения логических проблем активно используются математические методы. Создается самостоятельный раздел формальной логики, в котором исследуются процессы математических рассуждений, получившие выражение в формализованных языках. Их значение в развитии *интеллектуальной культуры* трудно переоценить; как говорит один из ведущих представителей логического позитивизма (создавший известную теорему): «Исследования в области математики за последние несколько десятков лет привели к результатам, которые... представляют интерес не только сами по себе, но также и в связи с их следствиями для традиционных философских проблем» [1, с. 166]. В начале XX в. возникают неклассические разделы формальной логики для изучения модальности высказываний, рассуждений в неклассической математике, в неклассической физике. При этом предмет логики по-прежнему не меняется, им остаются формы мышления, изменяются лишь принципы построения неклассических логических систем.

Итак, логика формирует образцы интеллектуальной деятельности. Изучение формальной логики позволяет использовать продуктивные средства представления

мыслей с целью их правильного понимания, а также вырабатывать навыки углубленного освоения культуры. В частности, человек приобретает знания и умения, позволяющие использовать логические законы как средство контроля за правильностью мыслительных операций: грамотно выполнять процедуры обобщения и ограничения, а также определения и деления (классификации) имен, преобразования высказываний, установления их истинности на основе знаний об истинности других высказываний; быть внимательным к логическим противоречиям, недозванным приемам в доказательствах и опровержениях и т. д.

Простейшие логические структуры человек усваивает еще в детском возрасте по мере того, как включается в процесс адаптации в социальной системе. В этих случаях люди руководствуются логикой интуитивно, безотчетно. Однако изучение логики, особенно в практических аспектах, позволяет более эффективно развивать *интеллектуальную деятельность*. Именно поэтому следует расширять преподавание *логики* в вузовской и школьной программе, приобщать к этой науке подрастающее поколение в контексте общего развития интеллектуальной культуры Беларуси.

К сожалению приходится признать, что в современном мире далеко не всегда интеллектуальная культура занимала достойное место. Стремление политически манипулировать широкими массами, обращаясь к их глубинным инстинктам и подавляя деятельность интеллекта, а иногда – ложно понятые приоритеты экономии государственных фондов, неоднократно приводили к сокращению поддержки творческой интеллигенции, в том числе – в сфере образования, преподавания логики и т. п.

В XX веке это приводило, вопреки «здравому смыслу» и «критическому разуму» к развязыванию мировых войн и ракетно-ядерного противостояния, приходу к власти авторитарных режимов. В начале третьего тысячелетия типичные примеры такого рода – события на Украине, рост исламского экстремизма на Ближнем Востоке, появление практики международного терроризма и т. п. Обеспокоенность по поводу кризиса *интеллектуальной культуры* высказывали ряд философских направлений: еще фрейдовский психоанализ обратил внимание, что современный человек стал «рабом бессознательного», деструктивных инстинктов и скрытых неврозов, предлагал «сублимировать» их, поставить под контроль сознания, логического мышления. Феноменология пыталась инициировать деятельность творческого интеллекта, феноменов сознания, на основе соответствующей «редукции», операции «эпохе», процессов интенциональности; герменевтика ставила целью достичь взаимного «понимания» посредством включения в орбиту интеллекта структур «предрассудка», «пред-понимания» (в рамках т. н. «герменевтического круга»). Постмодернизм предлагал «деконструкцию логоцентризма» (однобокого, искаженного, трактующего все исключительно в свою пользу), создания «новой рациональности» на основе полифонии, диалога, «хаоса дискурсивных практик». Все это свидетельствует о дальнейшем развитии современной интеллектуальной культуры, усилении в ней роли *логики* в ее обновленном гуманистическом жизнеутверждающем выражении.

Литература и источники

1. Хинтиikka, Я. О Гёделе / Я. Хинтиikka. – М.: Канон+РООИ, 2014. – 256 с.

МОДАЛЬНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СЕМАНТИЧЕСКИХ ТИПОВ ФОРМУЛ КЛАССИЧЕСКОЙ ПРОПОЗИЦИОНАЛЬНОЙ ЛОГИКИ

В. И. Павлюкевич

Все множество формул классической пропозициональной логики, как известно, можно распределить по семантическим характеристикам непересекающимся и исчерпывающим образом на соответствующие классы. Имеется несколько возможностей такого распределения. В качестве базисного варианта наиболее удобно, пожалуй, осуществить разделение всех формул классической логики высказываний на три семантические группы следующим образом: 1) тождественно-истинные (Т-И), 2) тождественно-ложные (Т-Л), 3) логически недетерминированные (ЛНД).

Тождественно-истинной является формула, принимающая значение «истина», при любой допустимой в классической логике высказываний интерпретации переменных, входящих в эту формулу, т. е. при любом допустимом семантикой этой системы наборе значений, входящих в данную формулу переменных. Применительно к табличному методу речь идет о том, что Т-И формула имеет в результирующем столбике все значения «истина». Тождественно-ложной является формула, принимающая значение «ложь» при любой допустимой в классической логике высказываний интерпретации входящих в эту формулу переменных. (Дополнительные пояснения аналогичны предыдущим).

Т-И и Т-Л формулы являются логически детерминированными по значению. Их итоговое значение «истина», для Т-И формул, и «ложь», для Т-Л формул, детерминируется их логическим строением, логической структурой, логической формой. Логически недетерминированной является формула, которая хотя бы при одной из допустимых интерпретаций переменных принимает значение «истина», и хотя бы при одной из допустимых интерпретаций переменных принимает значение «ложь». Применительно к табличному методу это значит, что в результирующем столбике значений у такой формулы имеется хотя бы одно значение «истина» и хотя бы одно значение «ложь». Итоговое значение такой формулы не детерминируется полностью ее логической формой, на него влияют значения входящих в данную формулу переменных: при одном наборе значений переменных формула оказывается истинной, при другом – ложной.

На базе этих трех семантических типов все формулы классической логики высказываний можно группировать дихотомическим образом: 1) верифицируемые (выполнимые), неверифицируемые (невыполнимые); 2) фальсифицируемые (опровержимые), нефальсифицируемые (неопровержимые). Формула является верифицируемой е.т.е. (если и только если) имеется хотя бы одна предусмотренная семантикой системы интерпретация переменных, при которой формула становится истинной. В ином случае формула неверифицируема. Формула является фальсифицируемой, е.т.е. имеется хотя бы одна допустимая семантикой системы интерпретация переменных, при которой формула становится ложной. В ином случае формула нефальсифицируема.

Из определений видно, что множество верифицируемых формул является

объединением Т-И формул и ЛНД формул. Это значит, что понятие «верифицируемая формула» является обобщением двух понятий: «Т-И формула» и «ЛНД формула». Множество неверифицируемых формул совпадает с множеством Т-Л формул. Множество фальсифицируемых формул представляет объединение Т-Л формул и ЛНД формул. Таким образом, понятие «фальсифицируемая формула» является обобщением двух понятий: «Т-Л формула» и «ЛНД формула». Множество нефальсифицируемых формул является множеством Т-И формул.

Согласно обычной трактовке алетических модальных понятий, необходимыми положениями некоторой теории считаются ее законы и все их следствия; невозможными положениями теории считается все то, что противоречит ее законам; случайными являются такие положения теории, которые не выражают ее законов, но и не противоречат им. Возможными являются положения, непротиворечащие законам теории; т.е. множество возможностей является объединением множества необходимостей с множеством случайностей.

Для модальной интерпретации рассматриваемых здесь семантических типов формул классической пропозициональной логики существенно зафиксировать соотношение трех базисных типов формул с законами логики.

Из предложенных здесь ранее определений рассматриваемых типов формул вытекает следующее соотношение их с законами логики: Т-И формулы выражают законы классической логики высказываний (Определение Т-И формулы полностью совпадает с определением закона классической логики высказываний); Т-Л формулы являются отрицаниями законов классической логики высказываний, они противоречат законам логики; ЛНД формулы не выражают законов логики, но и не противоречат им.

Сопоставляя определения рассматриваемых семантических типов формул с определениями модальностей (необходимости, невозможности и случайности), легко видеть, что Т-И формулы можно трактовать как выражающие необходимость, Т-Л формулы – как выражающие невозможность, а ЛНД формулы – как выражающие случайность. Верифицируемость может трактоваться как возможность. Естественно, что в данном случае речь идет о логических модальностях.

Такая трактовка вполне соответствует обычным требованиям к названным модальностям¹. Далее для обозначения необходимости, возможности, случайности будут использоваться принятые символы: \Box, \Diamond, ∇ . В теориях алетических модальностей (разновидностями которых являются рассматриваемые здесь логические модальности) принимается ряд положений, существенным образом характеризующих эти модальности. В то же время для данных теорий характерно непринятие определенных положений.

К числу принимаемых относятся:

1. $\Box A \equiv \neg \Diamond \neg A$ (\equiv – знак логической эквивалентности, \neg – знак отрицания).
2. $\Diamond A \equiv \neg \Box \neg A$,
3. $\Box A \rightarrow A$ (\rightarrow – импликация (если..., то))
4. $A \rightarrow \Diamond A$

¹ По видимому, первым возможность трактовки Т-И формул, Т-Л формул и выполнимых формул как модальностей рассмотрел В. С. Меськов [см.: 1, с. 92–96].

$$5. \neg\Diamond A \rightarrow \neg A$$

$$6. \nabla A \equiv \Diamond A \wedge \Diamond \neg A \quad (\wedge - \text{конъюнкция (и)})$$

$$7. \nabla A \equiv \nabla \neg A$$

$$8. \nabla A \equiv \Diamond A \wedge \neg \Box A$$

9. $\Box A \vee \nabla A \vee \neg \Diamond A$ (\vee – дизъюнкция (или); это так называемый принцип полноты для алетических модальностей).

Из непринимаемых положений наиболее характерными являются следующие:

$$10. \Diamond A \rightarrow A, \quad 11. A \rightarrow \Box A, \quad 12. \neg A \rightarrow \neg \Diamond A, \quad 13. \nabla A \rightarrow A, \quad 14. A \rightarrow \nabla A.$$

Принимаемым формулам модальной логики имеются полные аналоги формул с соответствующими оценками их принадлежности к определенному семантическому типу:

$$1,1. T\text{-И}A \equiv \neg Vp \neg A \quad (Vp - \text{«Верифицируема»})$$

$$2,1. VpA \equiv \neg T\text{-И}\neg A$$

$$3,1. T\text{-И}A \rightarrow A$$

$$4,1. A \rightarrow VpA$$

$$5,1. \neg VpA \rightarrow \neg A$$

$$6,1. ЛНДА \equiv VpA \wedge Vp\neg A$$

$$7,1. ЛНДА \equiv ЛНД\neg A$$

$$8,1. ЛНДА \equiv VpA \wedge \neg T\text{-И}A$$

$$9,1. T\text{-И}A \vee ЛНДА \vee T\text{-Л}A.$$

Имеются соответствующие аналоги непринимаемых формул:

$$10,1. VpA \rightarrow A, \quad 11,1. A \rightarrow T\text{-И}A, \quad 12,1. \neg A \rightarrow \neg VpA, \quad 13,1. ЛНДА \rightarrow A, \\ 14,1. A \rightarrow ЛНДА.$$

Семантическое обоснование приемлемости формул 1,1–9,1 и неприемлемости формул 10,1–14,1 базируется на соответствующих определениях семантических типов формул. Например, формула 1,1 обосновывается следующим образом. Поскольку в левой части эквивалентности указывается, что формула A является T -истинной, то A имеет в результирующем столбике таблицы все значения «истина». Тогда формула $\neg A$, стоящая в правой части эквивалентности, будет в результирующем столбике иметь все значения «ложь». Следовательно, $\neg A$ не является верифицируемой (согласно ранее приведенному определению верифицируемости формул). Начиная рассуждение принятием правой части эквивалентности 1,1, следует признать, что неверифицируемость $\neg A$ говорит о том, что в результирующем столбике значений все значения $\neg A$ – только «ложь». Но в таком случае все значения формулы A в результирующем столбике будут только «истина», т.е. формула A будет T -истинной. Таким образом, эквивалентность 1,1 обоснована.

Для иллюстрации эффективности и точности семантического анализа можно взять выборочно еще один пример. Допустим, 6,1. Логическая недетерминированность формулы A говорит о том, что в результирующем столбике таблицы имеется хотя бы одно значение «истина» и хотя бы одно значение «ложь». Но если в результирующем столбике имеется хотя бы одно значение «истина», то формула верифицируема. Если же есть хотя бы одно значение «ложь», то отрицание формулы A будет иметь в этом случае значение «истина». Значит, $\neg A$ будет верифицируема. Если исходить из правой части данной эквивалентности, то верифицируемость A говорит о том, что в результирующем

столбике у формулы A имеется хотя бы одно значение «истина». Верифицируемость $\neg A$ означает, что у формулы $\neg A$ в результирующем столбике есть хотя бы одно значение «истина». Значит, у формулы A будет в результирующем столбике в этом месте значение «ложь». Следовательно, A будет иметь в результирующем столбике хотя бы одно значение «истина» и хотя бы одно значение «ложь». Значит, A является логически недетерминированной формулой (согласно определению ЛНД формулы). Итак, эквивалентность 5,1 обоснована.

Аналогичным образом, базируясь на дефинициях соответствующих семантических типов формул обосновываются все остальные утверждения из перечня 1,1 – 9,1.

Семантический анализ непринимаемых положений можно проиллюстрировать, например, на формуле 11,1 – $A \rightarrow T\text{-И}A$. Допустим, что имеется некоторое истинное высказывание «Снег бел», «Наполеон полководец» и т.п. Значит ли истинность этих предложений, что формула, выражающая логическую форму такого рода высказывания, будет приобретать итоговое значение «истина» при любой интерпретации ее переменных. Конечно же нет. Логической формой приведенных истинных высказываний может служить формула A . Но эта формула при одной интерпретации переменной A будет иметь значение «истина», при некоторой другой – «ложь». Это значит, что данная формула не является тождественно-истинной. Таким образом, неприемлемость формулы 11,1 обоснована. Подобным же образом обосновывается неприемлемость остальных формул из перечня 10,1–14,1.

Взаимовыразимость семантических типов формул полностью подобна взаимовыразимости алетических модальностей, что видно из рассмотренных формул 1,1–9,1. Некоторые дополнительные примеры, иллюстрирующие эти взаимосвязи:

а) Т-ИА е.т.е. $\neg\Phi A$ (Φ – «фальсифицируема»); б) Т-ИА е.т.е. $\neg O A$ (O – «опровержима»); в) Т-ЛА е.т.е. $\neg V_p A$; г) Т-ЛА е.т.е. $\neg V_p A$ (V_p – «выполнима»); д) ЛНДА е.т.е. $V_p A \wedge \Phi A$; е) ЛНДА е.т.е. $V_p A \wedge O A$.

Логические отношения между семантическими типами формул классической логики высказываний полностью аналогичны логическим отношениям между алетическими модальностями. Это отображается следующими графическими схемами.

Схема 1

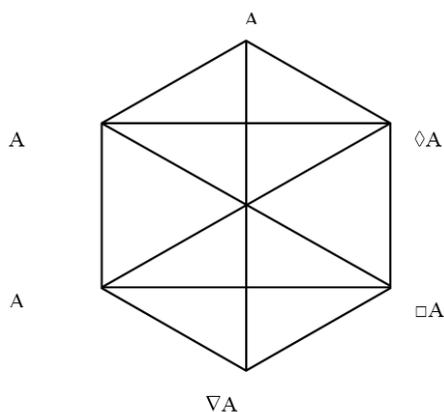

Схема 2

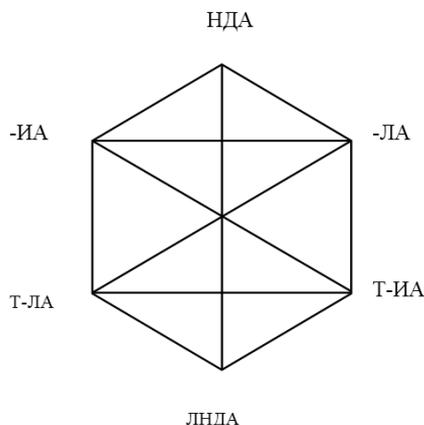

Схема 1 наглядным образом систематизирует логические отношения между высказываниями с алетическими модальностями: любые две формулы из верхней

тройки $[\Box A, \nabla A, \neg\Diamond A]$ находятся между собой в отношении противоположности (они несовместимы по истинности, но совместимы по ложности); любые две формулы из нижней тройки $[\Diamond A, \neg\nabla A, \neg\Box A]$ – в отношении подпротивоположности (они совместимы по истинности и несовместимы по ложности); формулы, расположенные на строго противоположных углах этого шестиугольника, являются отрицаниями друг друга и находятся в отношении противоречия (они несовместимы по истинности и несовместимы по ложности); каждая из формул верхней тройки логически подчиняет две формулы нижней тройки, а именно, те формулы, каждая из которых не является ее отрицанием.

Дизъюнкция формул верхней тройки $(\Box A \vee \nabla A \vee \neg\Diamond A)$ фиксирует известный принцип модальной полноты. Дизъюнкция формул нижней тройки $(\Diamond A \vee \neg\nabla A \vee \neg\Box A)$ – может быть названа принципом избыточной или пресыщенной полноты. Дизъюнкция любых двух формул из нижней тройки $(\Diamond A \vee \neg\nabla A; \Diamond A \vee \neg\Box A; \neg\Box A \vee \neg\nabla A)$ тоже выражает идею избыточной (пресыщенной) полноты для алетических модальностей. В первом случае избыточность можно назвать сильной, во втором – слабой.

В формуле, выражающей принцип модальной полноты, одна из трех входящих в ее состав формул непременно истинна, но при том только одна. В формуле, фиксирующей идею избыточной полноты в сильном смысле, две из трех содержащихся в ней формул непременно истинны, а одна непременно ложна. В случае со слабой полнотой – какая-то одна из двух формул непременно истинна, но не исключено, что истинными окажутся обе.

Отношения между семантическими типами формул на схеме 2 полностью аналогичны отношениям между формулами на схеме 1: любые две формулы из верхней тройки $[T\text{-И}А, ЛНДА, T\text{-Л}А]$ находятся между собой в отношении противоположности. Далее все полностью аналогично тому, что ранее утверждалось о формулах из схемы 1.

Таким образом, модальная интерпретация семантических типов формул классической логики высказываний соответствует всем канонам алетической модальной логики.

Поскольку здесь речь идет о модальной интерпретации формул классической логики высказываний, то вполне естественно напрашивается вопрос следующего содержания. Классическая логика является двузначной логической теорией. Считается вполне признанным, что в двузначной логике модальности неопределимы (См., например, Я. Лукасевич [2, с. 232–233]). Как же тогда совмещается модальная интерпретация семантических типов формул классической логики с неопределимостью модальностей в двузначной логической системе?

В данном контексте существенно различать число исходных истинностных значений, используемых в логической теории по отношению к формулам и число семантических оценок, построенных на базе этих исходных значений. Число исходных значений в семантике классической логики – два: «истина» и «ложь». Но на базе этих двух значений, при выявлении семантических типов формул этой теории, строится три вида кортежей, являющихся семантическими оценками соответствующих формул. Кортежи, содержащие только значение «истина», являются оценками T-И формул; кортежи, содержащие только значение «ложь»,

характеризуют Т-Л формулы; кортежи, каждый из которых содержит значения «истина» и «ложь», оценивают ЛНД формулы.

Таким образом, на базе двух истинностных значений («истина» и «ложь») строятся три семантических оценки формул. В системе этих трех оценок и осуществляется модальная интерпретация формул классической логики высказываний.

Если исходить из трактовки модальностей в некоторой теории на базе законов этой теории, то возможность определения модальностей в классической логике высказываний представляется вполне естественным теоретическим ходом, которому исходная двужначность данной теории не может служить препятствием. Ведь в классической логической теории выявляются и эксплицируются соответствующие законы. На базе этих законов и определенных логических отношений, которые имеют формулы данной системы с законами этой теории, можно ввести как минимум три семантических оценки для формулируемых в этой теории положений (положения, логически следующие из законов; положения, противоречащие законам; положения, не следующие из законов, но и не противоречащие им). Таким образом на базе законов могут определяться соответствующие модальности, что и было в данной работе показано при характеристике соотношения тождественно-истинных, тождественно-ложных и логически недетерминированных формул с законами логики.

Литература и источники

1. Меськов, В. С. О возможности двужначной интерпретации логических модальностей // Модальные и интенциональные логики (Тезисы координационного совещания, Москва, июнь 5–7, 1978 г.). – М., 1978. – 192 с.
2. Лукасевич, Я. Аристотелевская силлогистика с точки зрения современной формальной логики. – М., 1959. – 312 с.

СОЦИАЛЬНАЯ ПРИРОДА ФИЛОСОФСКОГО ОБОСНОВАНИЯ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ НАПРАВЛЕНИЙ СОВРЕМЕННОЙ МАТЕМАТИКИ

Н. В. Михайлова

Социальная природа философского обоснования математики представляет собой продукт деятельности человека. Согласно социокультурной философии математики познавательная деятельность соотносится с текущей культурной ситуацией, способствующей выявлению предпосылок математических теорий, даже если соответствующие предпочтения математиков не осознаются самими исследователями. Например, С. А. Лебедев считает необходимым отметить, что «социальные оценки научных открытий и теорий, особенно тех, которые оказывали фундаментальное мировоззренческое влияние на общество, имели место всегда, на протяжении всей истории» [1, с. 7]. Не вдаваясь в философский анализ влияния социальных и культурных факторов на результаты математических исследований,

сосредоточимся на когнитивных характеристиках методологической целостности направлений, обуславливающих философское обоснование математических теорий в рамках социокультурного релятивизма.

В центре внимания философии математики XXI века, по-прежнему, находится «работающая математика». Безотказная эффективность современной математики возможна лишь потому, что она представляет в своих теориях объективную реальность. Что касается различных подходов к обоснованию математики, то они, вообще говоря, представляют собой одинаково возможные способы рассматривать математическую деятельность, связывая ее в философском единстве с другими областями знания. Современная философия математики исходит из множественности способов объяснения изучаемых явлений, поскольку вынуждена признать не только ее ограниченность, но и неполноту. В широком смысле проблема обоснования математики не получила пока разрешения, поскольку в настоящее время философы математики пришли к пониманию того, что ее решение лежит за пределами чисто логико-математического подхода и относится к новому философскому пониманию математического знания.

Смешение логических и математических оснований, а также подсознательное принятие математиками формалистских взглядов привело к смещению философско-математических оценок, в которых стала преувеличиваться ценность формальной математической работы и преуменьшаться методологические возможности неформальной работы. В современной философии математики были выделены альтернативные методологические программы, поскольку идея обоснования математики исключительно одним только методом, не обладающим полной строгостью, оказалась нереализуемой. В связи с этим, произошла трансформация процесса философского исследования с классического способа построения единой или обобщенной теории обоснования математики на системный анализ множественности концептуализаций. С философской точки зрения, такой методологический подход гораздо более привлекателен тем, что чрезмерное усиление или ослабление каких-то обосновательных подходов может разрушить целостность всей концепции обоснования математики.

Теоретико-множественная парадигма современной математики является господствующей и в обосновании математики. Вместе с развитием компьютерной математики ее оказалось вполне достаточно для успешного функционирования математических теорий XX века. Так одним из мощных современных направлений математики является функциональный анализ, который методологически характеризуется алгебраизацией, геометризацией и «социализацией» рассматриваемых в ней задач. Известный математик С. С. Кутателадзе поясняет: «Под социализацией обычно понимают включение конкретной задачи в целый класс аналогичных проблем. Социализация позволяет стереть "случайные черты" – избавиться от трудностей, привносимых чрезмерной спецификой задачи» [2, с. 9]. Социализацию можно применить и к задачам обоснования математики. Например, демаркационная линия программ формализма и интуиционизма в математике зависит от философского анализа того, что считать в них логикой, а что математикой и определяется в значительной степени целями философско-методологического исследования. Поэтому методологически оправдан переход от полноты знания к

более фундаментальному понятию целостности.

Целостность программ обоснования, не стремящихся к чисто формальному единству, основано на том, что математика будущего не может иметь никакого иного онтологического основания, кроме того, которое уже зафиксировано в рамках существующих теорий обоснования. Целостная картина строения современной математики невозможна без теоретико-множественной концепции в ее содержательном и формализованном варианте, даже если ее нефинитная часть нуждается в более тщательном обосновании, хотя проверяемость интуиционистской математики при большом числе операций тоже имеет условный характер. Поэтому математикам симпатична концепция платонизма, в контексте «веры как уверенности», «веры в истинности идеи», «веры в реальную возможность воплощения идеи», согласно которой математические идеи гармоничны и совершенны внутри себя, что проявляется в «непостижимой эффективности математики», оперирующей с огромными абсолютными и абстрактными множествами, всегда по сути «платонистские» по своей природе.

В философии математики существует множество мнений о природе математики, немалая часть которых спекулятивна и необоснована, поскольку не опирается на рассмотрение самой математики во всей ее общности и взаимных связях. До рефлексивных результатов Гёделя о неполноте неявно предполагалось, что математическая теория должна быть полной и непротиворечивой. Гёдель показал, что полна и непротиворечива только «чистая логика», а достаточно содержательная конкретная математическая теория всегда неполна. Философам математики ясно, что даже без теоремы Гёделя математическая истина выходит за ограничительные рамки любой интерпретации программы формализма. Эту философско-методологическую идею можно уточнять многими неэквивалентными культурными способами с помощью дальнейших соглашений. Поскольку выбор формализма, вообще говоря, не единственен, то можно использовать и интуиционистскую теорию множеств с соответствующей интуиционистской логикой, какие-то «промежуточные» варианты или новые версии теории множеств, меняющих структуру мировоззренческой математики.

Математические теории развиваются, сохраняя единство разнообразных ветвей математики, согласуясь с физической реальностью, и каждый раз на новом мировоззренческом уровне возвращаются к целостному философскому пониманию мира. При этом, как отмечает В. С. Стёпин, «делая акцент на эвристической ценности математических методов, нельзя упускать из виду и другую, не менее важную сторону теоретического исследования, а именно процесс построения теоретической схемы, обеспечивающий интерпретацию вводимого математического формализма» [3, с. 406]. Например, неевклидовы геометрии стали интуитивно постижимыми при их интерпретации с помощью объектов и отношений евклидовой геометрии. Новое концептуальное знание, полученное благодаря применению математических формализмов, можно подтвердить или опровергнуть, хотя само по себе оно может не обладать специальным эмпирическим смыслом или философской интерпретацией. Заметим, что это двусторонний процесс, так как, с одной стороны, если в доказательствах теорем используются интуитивно-эвристические соображения, то они передоказываются в соответствии с принятыми критериями математической

строгости, а с другой стороны, даже формально и строго доказанные теоремы передоказываются для достижения интуитивно-содержательного понимания доказательства.

В обосновании математических теорий как специфических самоорганизующихся систем можно использовать экстраординарные комбинации концепций. Стремление к методологической целостности неразрывно связано с идеей триадичности, которая позволяет в проблеме обоснования замкнуть бинарную оппозицию «формализм – интуиционизм» в системную триаду, объединяющую три равноправных элемента обоснования, а именно, «формализм – платонизм – интуиционизм», каждый из которых позволяет участвовать в разрешении противоречий как специфическая мера компромисса. Важнейшей характеристикой философско-методологического синтеза, реализуемого с помощью системной триады направлений обоснования математики, является приоритетное развитие внутренних закономерностей обосновательных программ, сформированных в соответствующих традициях математической деятельности. Признание прогресса при триадическом подходе к целостному обоснованию математики, показало бы не только философскую проницательность, но и реальную методологическую силу современной философии математики.

Литература и источники

1. Лебедев, С. А. Социальная природа и инновационный характер современной науки / С. А. Лебедев // Новое в психолого-педагогических исследованиях. – 2010. – № 4. – С. 5–13.
2. Кутателадзе, С. С. Сергей Соболев и Лоран Шварц: две судьбы, две славы / С.С. Кутателадзе. – Новосибирск: Институт математики Сибирского отделения РАН, 2003. – 16 с.
3. Стёпин, В. С. Теоретическое знание: Структура, историческая эволюция / В. С. Степин. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 744 с.

МЕТАФИЗИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СУБСТАНЦИАЛЬНО-ИНФОРМАЦИОННОЙ КОНЦЕПЦИИ ВРЕМЕНИ

А. Н. Спасков

Объектом нашего исследования является время. Но достаточно вдуматься в эту фразу, как мы поймем чрезвычайную сложность заявленной проблемы. Уже эта, отдельно сформулированная мысль, может быть полноценным предметом исследования.

Во-первых, время не может быть отдельным объектом, предметом, вещью и даже явлением, но без времени невозможны ни объективность, ни наша субъективность, ни явление, ни исследование. Время – это тема многочисленных исследований, но до сих пор мы не понимаем его природу. А без этого понимания мы не найдем ключа к решению самых фундаментальных проблем современной науки.

Вопрос о природе времени ведет нас в безначальное начало всякого бытия. Это – сердцевина мироздания, в которой объект и субъект сливаются в нераздельное единство. Подражая Хайдеггеру, можно сказать, что это – последнее пристанище

человеческого Я, место постоянного присутствия нашего субъективного духа наедине с объективным всеобъемлющим целым. Это – то место противостояния на краю зияющей бездны Ничто, на которой мы удерживаемся силой бытия, извлекающей нас из бездны небытия. Обратной стороной этой силы является отталкивающая сила, исходящая из ничто. Эта та сила всепоглощающего ужаса перед лицом ничто, которая всеотвращает нас от небытия, всячески обращая в сферу бытия и о которой писал Хайдеггер: «В фундаментальном настроении ужаса мы достигли того события в нашем бытии, благодаря которому открывается Ничто и исходя из которого должен ставиться вопрос о нем» [1, с. 21].

Таким образом, вопрос о природе времени низводит нас в позицию вопрошающего из бездны небытия к беспредельной полноте бытия. Это – предельный метафизический вопрос Лейбница: «Почему есть нечто, а не ничто?» Вот это «почему?» и направлено из немощной бездны нашего невежества к всемогущему источнику истины. Силу этому вопросу дает лишь безграничная вера, но не знание, в существование истины и смысла нашего бытия.

Беглый обзор и сравнительный анализ различных геометрических моделей времени свидетельствует о сложности целостного описания времени. Но формальный аспект – выбор адекватной геометрической модели, невозможно осуществить без выяснения содержательного, а именно – вопроса о природе времени. Исходя из потребности в целостном представлении времени и необходимости решения ряда проблем современной физики, ключевую роль в которых играет время, мы и попытаемся сформировать новый геометрический образ времени, придать ему физический смысл и дать философское обоснование.

Мы намерены распространить эти представления и на квантовый мир. Но для этого понадобится новая теория времени, соответствующая новому пониманию темпорологической структуры квантового мира. А это, по сути, эквивалентно новой интерпретации квантовой механики. Следует отметить, однако, что мы не ставим себе задачу новой интерпретации квантовой механики, и она появляется в нашем исследовании как логическое следствие новой модели квантового времени.

Таким образом, тема времени в нашем изложении приобретает трансдисциплинарный характер. Это связано, прежде всего, с широким спектром междисциплинарных исследований времени. Кроме того, при решении фундаментальных проблем в период научных революций и смены парадигм (а именно такой период брожения идей и неопределенности знания мы сейчас и переживаем) физики становятся стихийными философами. С другой стороны, и философы, опираясь на богатую традицию постижения времени, могут внести свой продуктивный вклад в решение конкретных физических проблем.

Но мы, все же, уходим от традиционной для отечественной философии науки демаркации (а вернее – дистанцирования по принципу суверенитета) философского понимания пространства и времени от физических теорий пространства-времени. И общей территорией для совместных действий и новых открытий, как нам представляется, является метафизика.

Для начала нам нужно ввести некие исходные, а это значит – предельно фундаментальные и абстрактные понятия, на основе которых будем развивать далее всю нашу концепцию времени. Таким образом, с самого начала мы следуем

диалектическому методу восхождения от абстрактного к конкретному, что вполне логично и органически соответствует предмету нашего исследования. Другими словами – мы будем генетически развивать понятие времени и, начиная с родового, предельно абстрактного и формального понятия времени, наполнять его, по мере развития, конкретным содержанием.

Такое начало предполагает интуитивное знание общей идеи времени, как некоторого первичного мыслеобраза или эйдоса времени. А это и есть метафизическое начало. Таким образом, мы придерживаемся единства диалектики и метафизики, как взаимодополнительных методов познания и избегаем их одностороннего противопоставления, традиция которого сильна в европейском рационализме. Кроме того, мы достигаем на этом пути единства логического (в лице диалектики) и образного (в лице метафизики) мышления.

Но, что же это за первообраз времени, и каково родовое, по отношению ко времени, понятие? Ведь спрашивая о природе времени, мы ищем его генетическое начало вне времени. А это – не что иное, как вечность. Причем вечность нельзя понимать как бесконечную длительность, как ошибочно полагают многие. Ведь в любой длительности можно выделить «было» и «будет», а вечность – всегда «есть» и пребывает в неделимой целостности.

В поисках природы времени, мы возвращаемся к начальному акту творения и его правдоподобному описанию в космогонии Платона: «Поэтому он замыслил сотворить некое движущееся подобие вечности; устроив небо, он вместе с ним творит для вечности, пребывающей в едином, вечный же образ, движущийся от числа к числу, который мы назвали временем» [2, с. 477].

Такое представление и идея творения космоса из ничто, данная нам в божественном откровении, удивительным образом возрождается в современной космологической гипотезе возникновения вселенной из первичной сингулярности. Что такое эта первичная сингулярность никто из физиков не знает. Ни одна из известных фундаментальных физических теорий не работает в области сингулярности. Единственное, что нам достоверно известно, это то, что сингулярность ограничена горизонтом событий, за пределами которого принципиально невозможны никакие физические наблюдения. Удивителен также эффект замедления времени и его полная остановка на линии горизонта событий, что вполне соответствует представлению о «застывшем времени» или вечности.

Многие физики надеются, что загадку сингулярности удастся разрешить после объединения общей теории относительности и квантовой механики и построения более фундаментальной теории квантовой гравитации. Мы полагаем, однако, что логика синтеза и обобщения не даст желаемого результата и по настоящему глубокий прорыв в фундаментальной физике возможен лишь на пути смелых гипотез и введения новых сущностей. Именно такой путь мы и предлагаем, выдвигая гипотезу о субстанциально-информационной природе времени.

Эта гипотеза основывается на введении в физику трех новых сущностей:

– *субстанция* – вечная и активно действующая причина всяких движений и изменений, реализуемых в феноменальном физическом мире;

– *хрональный континуум* – потенциальная протяженность, которая изменяется под действием субстанции и может быть в двух квантовых состояниях: негативном

(*небытия*) и позитивном (*бытия*);

– *информация* – мера разнообразия, которое генерируется субстанцией, динамически проявляется в феноменальном мире в виде активного действия и отображается в хрональном континууме.

При этом если метафизическое понятие субстанции имеет древнюю философскую традицию, а понятие информации давно уже приобрело общенаучное значение, то понятие хронального континуума никогда ранее не употреблялось, хотя и имеет некоторый аналог в статической концепции времени.

По сути, хрональный континуум и есть понятие, эквивалентное вечности или вечному миру идей (эйдосов) Платона. Это - эйдетический мир, мир моделей, образцов, паттернов. Этот мир находится в слоях времени, которые ортогональны нашему линейному одномерному времени.

Работа выполнена при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (договор № Г13Р-044 от 16.04.2013).

Литература и источники

1. Хайдеггер, М. Время и бытие : статьи и выступления: пер. с нем / М. Хайдеггер. – М., 1993. – 447 с.
2. Платон. Тимей // Диалоги. Книга вторая. – М.: Эксмо, 2008. – С. 455–541.

ДЕФИЦИТ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ И ЕГО ПРОЯВЛЕНИЯ В ПРАВЕ

Е. В. Перепелица

Сегодня отечественная фундаментальная наука поставлена в такие условия, когда наглядный прикладной результат и практическая эффективность являются обязательным условием ее существования и поддержки. Правоведение в значительно большей степени в сравнении с другими отраслями знания сориентировано на практику, на получение результата, который может и должен приносить пользу здесь и сейчас.

В заданных обстоятельствах научное юридическое сообщество вынуждено направлять свои усилия в первую очередь на юридическую прагматику, на получение конкретного эмпирического результата. Этим может быть объяснен определенный дефицит интеллектуальной культуры в праве, который проявляется, в частности, в недостаточной степени *методологической саморефлексии* права, в использовании по преимуществу апробированных, верифицированных исследовательских традиций и правил, в достаточно слабом интересе к познавательным стратегиям, имеющимся в арсенале смежных научных дисциплин. Соответствующая тематика оказалась как бы отодвинутой в правоведении на второй план.

В этой связи возникает опасность того, что сложнейшие вопросы, не получившие достаточного и полного осмысления в теоретическом плане, в своем последующем прикладном выражении могут приводить к неожиданным, непредсказуемым и не всегда позитивным результатам. Парадоксально то, что,

казалось бы, из правильных теоретических посылок могут следовать не совсем верные практические выводы. И когда не возникает даже тени сомнения в том, что та или иная позиция является безусловно обоснованной с точки зрения принятой в правоведении научной стратегии, ее логическим следствием становится то, что противоречит здравому смыслу.

В настоящее время отдельные ученые, критически оценивающие состояние системы права и законодательства, начали осознавать, что нормотворчество постепенно заходит в тупик. Не редкой является ситуация, когда нормы и предписания, сконструированные в полном соответствии с принятой методологией и по всем без исключения канонам юридической техники, в результате своего регулирующего воздействия приводят к немалым экономическим, экологическим, демографическим, этическим и, что самое важное, *духовным издержкам*. Это те кризисные синдромы, которые свидетельствуют о серьезнейших стратегических просчетах той методологии, на основании которой осуществляется нормотворчество. Отсюда вытекает необходимость разработки и внедрения в системе законодательства поэтапного и последовательного мониторинга, которым должно сопровождаться право- (нормо-)творчество, а также правореализация и который, по своим масштабам, должен быть максимально приближен ко всему существующему объему правотворчества. Это также связано с потребностью дерегулирования общественных отношений.

Обозначенные проблемы являются частным следствием имеющегося в правоведении дефицита интеллектуальной культуры. Как хорошо известно, эта культура интегрирует в своем содержании «идеи, интеллектуальные тексты, навыки мышления, способы концептуализации представлений об окружающем мире, способы и институты интеллектуального общения» [1, с. 114]. В настоящее время *маркерами интеллектуальной культуры* являются осведомленность в области методологического знания, готовность осуществлять междисциплинарный синтез различных знаний. Как подчеркивает Л. Н. Коган, «интеллектуальная культура характеризуется не только (а может быть и не столько) объемом имеющихся у индивидов знаний, но и отчетливым пониманием того, чего он не знает, но должен узнать» [2, с. 58].

Искомый дефицит наблюдается в *диссертационной культуре*. В квалификационных научных работах по юридическим специальностям обращение к методологии происходит подчас не на начальном, а скорее на заключительном этапе исследования – на стадии написания автореферата. В таком случае приводится некий стандартный набор методов, переписываемый из одной диссертации в другую. Конечно, этот перечень пересматривается и периодически обновляется. Однако при этом сама методология признается второстепенной, как бы работающей автоматически, представляется чем-то само собой разумеющимся. При таком подходе упускается из виду упрощенность понимания и однобокая раскрытость непростых вопросов. В итоге некоторые проблемы получают априорное решение. Можно констатировать неоправданно оптимистический взгляд на возможности ответить с точки зрения права на кажущиеся простыми вопросы, которые по своей сути относятся не только к сфере права, но и к сфере антропологии, культурологии, психологии, биоэтики, философии наконец.

Когда *юридический дискурс* оказывается замкнутым на самом себе, в нем уже не остается места для значимых аксиологических и гносеологических поисков. Как верно заметил Алексей Стомба, «во многих ситуациях, которые формально имеют "правовой смысл", смысловое ядро происходящего лежит вне права» (цит. по: [3, с. 259]). И сколько бы совершенным не казалось решение вопроса чисто юридическими средствами, его изначальное осмысление, будучи абстрагированным от иных областей, окажется ограниченным и неглубоким. Достаточно традиционным для права является видение его «в качестве формально замкнутой системы, обладающей собственной логикой развития с одновременным игнорированием внешних воздействий на право» [4, с. 249]. Речь идет о своеобразном «сциентизме» права, определенной степени его закрытости и автономности.

Выход из ситуации видится, прежде всего, в восстановлении союза права с другими (гуманитарными) науками. Сегодня не остается сомнений в важности *диалогичности, дискуссивности* не только смежных научных дисциплин, но и дисциплин с неродственными онтологиями. Это один из императивов в механизме формирования современного научного знания. Поэтому эталоном для нас остаются выдающиеся ученые-юристы прошлого, интеллектуальная культура которых была основана на глубоких познаниях в сфере правоведения, философии, социологии, политологии, богословия, этики.

В настоящее время для права актуален диалог со всеми перечисленными отраслями знания и, прежде всего, с философией. Отсутствие такого диалога опасно для юриспруденции тем, «что юридические явления в современном правоведении изучаются так, будто они обладают способностью к самостоятельным действиям, к собственному бытию, в то время как единственный онтологически достоверный субъект социального действия – вопрошающая о своей судьбе личность – оказывается всего лишь исполнителем адресованных ей правовых норм» [5, с. 72]. Но самодостаточность свойственна не только юридической науке. К сожалению, в настоящий момент далеко не все готовы согласиться с тем, что многие актуальные вопросы развития общества и государства трудно разрешимы усилиями одного права, и даже одной отрасли знания, но обязательно требуют открытого и систематического диалога с другими интеллектуальными сферами. Прибыль от реализации методологических и междисциплинарных разработок невозможно получить скоро, но будучи проведенными на высоком интеллектуальном уровне, такие разработки принесут гораздо более значимый для будущего результат.

Литература и источники

1. Гутенев, М. Ю. Философский аспект интеллектуальной культуры / М. Ю. Гутенев // Вестник ЮУрГУ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://psibook.com/philosophy/filosofskiy-aspekt-intellektualnoy-kultury.html>. – Дата доступа: 01.10.2014.
2. Коган, Л. Н. Социология культуры / Л. Н. Коган. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1992. – 120 с.
3. Рабинович, С. П. Диалог о праве / С. П. Рабинович, А. В. Стомба // Неклассическая философия права: вопросы и ответы. – Харьков: ІнЮре, 2013. – С. 253–274.

4. Калинин, С. А. Методологическое измерение антропологии права / С. А. Калинин // Антропология права: философский та юридичний виміри (стан, проблеми, перспективи): статті учасників VII Міжнар. «круглого столу», м. Львів, 9–10 грудня 2011 р. – Львів, 2012.

5. Пермяков, Ю. Е. Основания права / Ю. Е. Пермяков // Неклассическая философия права: вопросы и ответы. – Харьков: ІнЮре, 2013. – С. 62–93.

2.2 Научно-техническое и инновационное развитие как предмет исследования интеллектуальной культуры

INNOVATIVE MODELS OF INCREASING COMPETITION AND COMPETITIVENESS IN SCIENCE

Gabriel Năstase, Florina Bran

Definitions and general mechanisms for technology transfer

Technology transfer involves a series of relationships, formal and informal type among research units – economic development and public and private sectors. The purpose of the transfer is to strengthen the economy in a territory, by accelerating the application of new technologies and resources needs and opportunities for private and public sectors.

Technology transfer is the process by which knowledge, facilities or capabilities of existing publicly funded research and development, are used to meet the needs of public and private [8]. In principle, the results of successful technology transfer efforts, can show improvement products, efficient services, improve manufacturing processes, the development of new products for disposing of domestic and international markets. In essence, the technology transfer process involves three entities, which were in a relationship of cooperation.

These entities participate, depending on each specific activity, technological change, one that involves:

- developing the basic concept (technological creativity);
- economically relevant experimentation on products and processes;
- basic knowledge diffusion and their application.

Thus, technology transfer is seen in the most general sense, the transfer of research results in research and development units (universities, research institutes), in business firms or other parts of society [9]. The three entities involved in transfer of technology aimed at accelerating economic use of research results involving the transition from invention to innovation and dissemination of success on the market, creating added value.

Internationally, there is developing a wide network of organizations promoting competitiveness and technology transfer. These organizations have set up systems that interface between research establishments and industrial companies. The best-known international organization of technology transfer, noted:

- Federal Laboratory Consortium for Technology (FLC), Washington, USA;

- Association of University Technology Managers (Autm), Norwalk, USA;
- Competitive Technologies Inc. (CTI), Fairfield, USA;
- British Technology Group (BTG), London, England;
- Technology Transfer Defense Evaluation Research Agency (DERA), Kenilworth, England;
- Institute for Industrial Technology Transfer (Iittala), Champs sur Marne, France;
- Center for Innovative Technology Transfer Bayern, Nurnberg, Germany.

In the past 15 years have been established in the U.S. and Western Europe becoming more such organizations. Thus, the U.S. technology transfer organizations number increased from 100 in 1983 to 400 in 1991. In Germany, between 1983–1988, 70 organizations were set up technology transfer, and in France, the number of such organizations has reached 40. Gradually, after 1989, in the context of transition to market economy, such organizations have emerged in Central and Eastern Europe.

The main functions of these organizations are intermediaries and stimulate technology transfer. By providing facilities and technology services, these organizations seek application of innovation, technology transfer and quality management to increase business competitiveness, and providing advice and assistance to research and development organizations to adapt to new demands of globalization.

The specific objectives of technology transfer activities of organizations are:

- a). Supporting the industrial enterprises to:
 - Application of new technologies and modernizing existing ones;
 - Improving the potential for cooperation with international partners;
 - To attract grants and repayable, including risk capital funds;
 - Improvement of quality management.
- b). Support research and development organizations that:
 - Be able to transfer the research results in economics;
 - Can cooperate and assist businesses to implement new technologies and modernizing existing ones;
 - Easier to adapt to globalization.
- c). Supporting the national, regional and international, by:
 - Conducting studies and research on science policy and strategy development;
 - Attracting new participants in public programs, better information related to them;
 - Attracting new sources of co-financing programs.
- d). Raising awareness and awareness on the concepts of innovation, quality and technology transfer by:
 - Developing and implementing educational programs on the concepts of innovation, quality and technology transfer;
 - Measures to disseminate information in science, technology, innovation, including by means of information technology;
 - Training / training of human resources involved;
 - Methodological and logistical support activities for the benefit of doctoral students;
 - Attracting young graduates to work specific programs;
 - Promotion of the concepts of innovation, quality and technology transfer within firms and the public.

Transfer of technology through direct investment

Research on the international transfer of technology have not developed yet a clear framework within which to carry out a full analysis [7]. Therefore, useful conclusions can be studying the structure of technology transfer through direct investment, made by developed countries to less developed regions. Transfer of technology from Japan to East Asia has evolved gradually, as Japanese firms to outsource production and developed successfully. In a National Institute of Science and Technology Policy of Japan [7] have examined the effects of direct investment in a group of countries comprising South Korea, Taiwan, Hong Kong, Singapore, Thailand and Malaysia. International business development has made technology transfer in a complex and difficult to deal with. Old research on international technology transfer have lost validity. Therefore, the study cited above raises the question of developing measurement methods and appropriate analysis trend towards borderless economy (globalization) and innovative competition. Known product cycle theory (of Raymond Vernon), a theory of technology transfer processes of production in different geographical areas, argues that technological invention occurs in rich countries (where there are high levels of pay) and that technology is transferred, in particularly in countries with low levels of pay, depending on technology maturity. The expansion of multinational companies has triggered a deviation from the product cycle theory, which argued that the fundamentals of production are transferred from developed countries half developed country, and of these, in developing countries, in correspondence with the technology. The speed with which new technologies are running is far greater now than any other earlier stage. Multiplication is found where the right production decisions are based less on technology and on wage levels and more on corporate strategy of manufacturing companies. Globalization of economy is the corporate strategy that induces a hitherto unprecedented scale. Globalization of the economy has gained new dimensions and relevance in the context of the merger as more and more transnational companies. This real economic phenomenon has increased by 50% in 1998 compared to 1997, the number of companies involved doubled compared to 1996 [10]. The phenomenon was much identified May by Martin Carnoy, professor of economics at Stanford University (USA), which showed that «large multinational companies continue to grow rapidly and to influence changes in the global economy. They also dominated trade between industrial countries and controlling international capital movements» [3].

Transition to the borderless economy has advanced to such an extent that companies have exceeded the product cycle theory and developed what is called the simultaneous structure of global production. This is a process that requires formation of a theory on the relationship between foreign investment and technology transfer [7]. The formation of this new theory, whether technology should be reconsidered, as stated many years ago, that time of transfer of technology should be rethought, since it appears rather as a «euphemism» as long as He refers to «something» that can be sold and, therefore, is a commodity that participate in the economic cycle [6, 2].

Returning to study on technology transfer of Japanese companies [7], it is useful to highlight the methods used. In this study analyzed the major color TV manufacturers and TV cameras, which have located assembly companies in East Asia. Criterion analysis of these producers was the transfer of technology and innovation. First, they examined various major components of the structure of color TVs and TV cameras, in connection with

sources of supply. Based on such review, it was estimated that technology was transferred and where. This method clarifies the contextual circumstances of the transfer of technology to the company or between companies. Secondly, it considered the effect caused by technological progress on technology transfer. It was also investigated, innovative process for the manufacture of TV cameras. He made a qualitative analysis of the effect of each technological advance, which appeared in color TV production and TV cameras, an effect which occurred on transfer of technology. Results and conclusions of this study are:

1) For color television, technology transfer from Japan to East Asia has progressed through direct investments of Japanese firms. There is a distinction, the components, the degree of technology transfer. If TV cameras, the progress of technology transfer was slower than for color televisions. In addition, technology transfer can be divided into technology transfer within the company (in company) and technology transfer outside the company (between). From this perspective, the second transfer of technology was practically negligible.

2) Purchase of parts and components are made by major Japanese manufacturers network in the country of origin and in East Asia. This phenomenon is explained by the fact that there are structural limits to technological development, which creates a handicap in developing East Asia production technology components and their implementation through local production.

3) Technological progress has occurred in parallel with the expansion of outsourced production, the acting on promoting technology transfer.

It was noted that a technology can be incorporated into a parts, components, in a car or a subset of equipment and that it can move. East Asia has adapted well to this movement. Integrated circuits in electronic applications are one example. In this case, leading technology is used in a «black box» and, the effect, today's technology becomes more difficult to transfer.

The results of this study highlight other issues, more general, which may be subject to analysis. Areas in which Japanese companies operating in East Asia are supplying have diversified. Electronic component manufacturing technology has advanced remarkably. If East Asian countries to better understand technology transfer, which must be analyzed is the end product, but production of major components. On the line this cooperation, Japan and East Asian countries have close economic and technological relations. Also, many countries show a keen interest in Japanese science and technology, requiring technology transfers to raise their technological level. But the perception of technology transfer vary considerably between Japan and East Asian countries. In Japan, in general, thinks that increasing foreign direct investment by the private sector has contributed to developing countries «container». It is believed that by building factories, hiring local workers, providing education and training, Japanese companies have increased their productivity by investing in countries' container. Moreover, there attitudes in countries «container», which expresses the idea that technology transfer is inadequate Japanese firms and that it must transfer higher-tech occupations and jobs for local workers, to the technological lead of countries development. Thus, technology transfer has become a political issue. Such a discussion can take place without a clear understanding of the status of technology transfer. One reason is that the term «technology transfer» is abstract and difficult to understand [7]. Theory of «compatible technology» suggests that technology transfer to developing countries to open their

technological advances. This theory is based on the idea that these countries face a range of problems in technology assimilation. This theory was inspired by the successive failures to place factories in developing countries by developed countries, between 1960–1970. Theory of «compatible technology» provides the best form of technology that developed countries can transfer to developing countries, is that local technical experts can manage. Interactive relationships between technological, cultural, institutional innovation and economic development can be studied to find the causes of success in countries that have had the experience of development and technology transfer. Such success stories are the complex socio-technological transformation of developing the U.S., Japan and Sweden and are analyzed in detail, the Ake Anderson, TR Lakshmanan and Wei-Bin Zhang – a group of researchers from the Institute for the Future Study (Sweden) and the Center for Energy and Environmental Studies (USA) [1].

Inspired by the success of countries like USA, Japan and Sweden, many developing countries have tried in the last four decades, modern technology transfer experience. The experience of countries (South Korea, Taiwan, Singapore, etc.). Where there is moderate or high levels of recovery technology and high growth rates, confirming how complex the process of modernization through technology transfer even in conditions in which these countries enjoyed special support.

The problems faced by these countries commitment to development through technology transfer experiment were basically the following:

- defining elements of successful development based on technology transfer;
- introduction of technology transfer conditions so as to ensure substantial growth;
- processes that trigger the transfer of technologies and / or change them according to local supply availability, prices and local social context;
- innovations that may arise during technology transfer;
- how the reasons for success and modernization of labor, the entrepreneurs and the general public;
- influence of tradition on the duration, speed and quality of technology transfer.

If East Asian countries, they have rapidly expanded their assembly industries through technology transfer organizations. Also, determine the trend of these countries to develop their own industries through association with firms from Japan and USA. Later, some of these countries has an increased role for the development of their technology, which has contributed to technology transfer organizations, which played an important role in strengthening domestic industries [5].

References

1. Ake Anderson E. et al. Technology and Development. Lessons from Success Stories // Journal of Scientific & Industrial Research, 31 mar.1992. – P. 157–171.
2. Bonciu I.F. New technologies and international trade. – SID 111, OID, ICM, Bucharest, 1992.
3. Carnoy M. The new global economy in the information age. – The Pennsylvania State University Press, 1993.
4. Lupu, N. Globalization transition // Electricity, no. 34, 11.02.1999.
5. Năstase I. et. al. Models of innovative development through science // COGITO, Multidisciplinary Research Journal. – Vol. II, No. 1, March, 2010, Bucharest. – P. 106–135.
6. Sabato, J. Exempresas y Fabricas of Technology, Programa Regional Desarrolle Pentifico y Technologia, PRB. – 1972.

7. Takao K. etc. Measurement and Analysis of the Progress of International Technology Transfer, Case Study of Direct Investment in East Asian Countries by Japanese Companies / National Institute of Science and Technology Policy, April, 1991.
8. Definition of Technology Transfer, The Federal Laboratory Consortium for Technology Transfer, USA, 2001.
9. Management of Technology, EU. – P. 72–79.
10. Editorial // The Economist, 9–15 January, 1999.

ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ СООБЩЕСТВ

И. Н. Браницкая

История формирования новшеств в природе, обществе, человеческой экономике и человеке представляет собой эволюционный процесс, каждый последующий этап которого опирается на предыдущий, а каждый предыдущий формирует предпосылки для последующего. В то же время всякое новшество представляет собой определенный разрыв со всем предшествующим ходом развития, и в этом заключается сложность возникновения, становления и усвоения нового.

Для исследования влияния личностного фактора на инновационные процессы необходимо изучение составных элементов и психологических предпосылок формирования инновационного мышления личности.

Известный американский исследователь Дж. Гилфорд определяет инновационное мышление работника как способность человека к восприятию новой информации, развитию своих профессиональных знаний, разработке новых конкурентоспособных идей, поиску решений нестандартных задач и новых методов их решения. Такой подход позволяет ответить на ряд вопросов, связанных с уточнением основных психологических свойств и качеств «человека-инноватора». Так, в основе данного явления лежат четыре составляющих элемента: творческое мышление, высокий уровень интеллекта, мобильность мыслительных процессов и профессиональная компетентность [2, с. 13].

Становление инновационной способности человека, по-видимому, завершилась около 30–40 тыс. лет назад, с завершением этапа формирования человека современного типа, то есть так называемого кроманьонского антропологического типа. В отличие от общей человеческой способности к инновациям, инновационный потенциал человеческих сообществ развивается от эпохи к эпохе и проходит ряд этапов в своем развитии. Его уровень зависит от уровня развития производительной деятельности человека. По мере роста достижений человеческой цивилизации инновационный потенциал человечества, как правило, возрастает.

Для характеристики этапов развития инноваций наряду с понятием инновационного потенциала нам необходимо ввести понятие фундаментальной инновации. Под фундаментальной инновацией мы будем понимать нововведения технического характера, которые определили эпоху в развитии инновационного потенциала человечества и были заложены в фундамент развития той или иной первобытной культуры, варварского вожества или цивилизации.

По мнению В. Н. Иванова, в инновационном процессе новшество как результат

постепенно трансформируется, становится фактом общественного сознания или элементом какой-либо области человеческого бытия [3, с. 108].

Данная точка зрения в наибольшей мере отражает сущность инновации в современном обществе. Автор утверждает, что в индивидуальном сознании человека инновация является моментом его личностного роста, приращения личной и профессиональной энергии, силы и пластики духа. Действительно, именно в таком возвышении и развитии личных качеств заключается основной мотив, выражающийся в личном вкладе человека в создание инновационного продукта. Реализуя инновационную деятельность, любой человек вынужден адаптироваться к изменяющимся условиям. При этом быстрая адаптация представляет собой высшую ступень самоорганизации при наличии знаний и понимании ситуации. Сложно сохранять творческий потенциал и инновационный навык в условиях отсутствия реального представления о новых ценностях, общественных устремлениях и перспективах социального роста и интеллектуального развития.

Такие авторы как В. И. Ланцберг и М. Б. Кордонский включают в инновационный потенциал личности следующие составляющие:

- систематическое обновление идей, методов работы, формирование субъективной оценки инноваций;
- творческий потенциал, обновление форм организации общности;
- общая нацеленность на результат [4].

Рассуждая о различных моделях развития инновационного потенциала личности необходимо остановиться на исследовании ее эволюции. Так, еще в XX в. А. Г. Маслоу разработал концепцию развития личности, основным звеном которой является психический фактор, который формирует специальные и творческие способности человека. Данный феномен подразумевает самоактуализацию, посредством которой реализуется и развивается человеческий потенциал. Саморазвитие можно представить как специализированный психологический процесс, позволяющий сформировать целостную и гармоничную инновационную личность [5]. Развитие «человека-инноватора» невозможно без осуществления активной инновационной деятельности, которая создает основу инновационных разработок, выражающихся в профессиональном самосознании.

Инновационная деятельность требует от «человека-инноватора» максимальной отдачи. В этой связи необходимо исследование структуры личности человека, достигшего высокого уровня саморазвития. Рассматривая этот феномен с точки зрения с позиции психологии труда, можем отметить, что потенциальная способность личности к изменению и преобразованию самого вида деятельности и его структурных компонентов (средств, условий, моделей) по существу безгранично [1].

Потенциал инновационной личности обуславливается продуктивной эволюцией творческого потенциала и определяется в тот момент, когда «человеком-инноватором» было разработана идея. Саморазвитие способствует развитию творческого потенциала, а творческий потенциал может быть конвертирован в инновационно-изобретательский. Следовательно, при исследовании инновационной деятельности индивида особым психическим компонентом личности становится самоактуализация, а источником ее реализации – инновационный потенциал.

Ключевое значение для решения значимых, нетипичных задач имеет творческий потенциал личности. Одним из источников творческого потенциала является творческое воображение как механизм самопрезентации идей, в результате которого формируются инновации, происходит смена субъективных представлений, взглядов на привычные процессы и явления. Происходящее Творческое воображение позволяет интериоризировать новшества и перейти к новым потребностям, предрасполагая к формированию потребности к саморазвитию. В тоже время творческое воображение инноватора находится в тесной связи с рациональным мышлением.

Наивысшая продуктивность в сфере инноваций достигается за счет создания благоприятной среды для выдвижения личностей с высоким творческим потенциалом и создания коллективов единомышленников. Наличие и эффективное использование инновационного потенциала личности можно оценить только тогда, когда «человеком-инноватором» была создана одна или несколько новаций, которые принесли значительные результаты.

Уникальные навыки и способности человека, быстрая адаптация их к постоянно меняющимся условиям, высокий уровень квалификации стали ведущим производственным ресурсом. Инвестиции в создание и развитие интеллектуального человеческого капитала на современном этапе превратились в наиболее эффективный способ размещения ресурсов. Однако эффективность инновационных процессов можно проследить не только на уровне отдельного производства или организации, но и в национальном масштабе. Человеческий фактор не имеет себе равных. Именно от индивида, его деятельности в наибольшей мере зависит стабильность экономической системы страны и повышение ее конкурентоспособности.

Литература и источники

1. Вахромов, Е. Е. Психологические концепции развития человека: теория самоактуализации / Е. Е. Вахромов; Моск. пед. ун-т, Каф. психологии. – М.: МПА, 2001. – 158 с.
2. Гилфорд, Дж. Три стороны интеллекта / Дж. Гилфорд; пер. с англ. // Психология мышления. – М.: Прогресс, 1965. – С. 433–456.
3. Иванов, В. Н. Актуальные проблемы формирования Российской инновационной системы / В. Н. Иванов. – М., 1998.
4. Кордонский, М. Б. Технология группы. Заметки из области социальной психологии неформальных групп. 4-е изд., испр. и доп. / М. Б. Кордонский, В. И. Ланцберг. – Одесса; Туапсе, 1996.
5. Маслоу, А. Г. Мотивация и личность: учебное пособие / А. Г. Маслоу. – 3-е изд. – М. [и др.]: Питер, 2008. – 351 с.

РОЛЬ И МЕСТО СЕТЕВЫХ СТРУКТУР В СОВРЕМЕННОМ НАУЧНОМ ИССЛЕДОВАНИИ

Т. А. Капитонова

Сетевой дискурс, ориентированный на постижение сопричастности и всеобщей циклической связи вещей в пространстве децентрализованного универсума, весьма успешно вписывается в контекст исследований постнеклассической науки, где сеть выступает важным методологическим инструментом для исследования нелинейных паттернов взаимодействия между разнокачественными объектами. Постулируя наличие некоей гипотетической совокупности связей между разными предметными областями в смысловом пространстве исследования, сетевой дискурс демонстрирует серьезный эвристический потенциал для решения главной задачи современной науки – создания нового полидисциплинарного синтеза научного знания. Ориентируясь на образ реальности как полицентрического сверхсистемного единства, постнеклассическая наука придает особое значение изучению сетевых взаимодействий, отражающих сложность, многогранность изучаемых явлений или процессов, принципиально не репрезентируемых в рамках классической дисциплинарной науки.

Зададимся вопросом, какие важные, определяющие изменения были привнесены в сферу функционирования современного научного знания и науки как социального института благодаря широкому проникновению в ткань их жизнедеятельности сетевых структур?

По нашему мнению, организационный потенциал сетевых структур нашел свое проявление на различных уровнях функционирования постнеклассической науки в качестве особой сетевой формы организации: 1) нового класса объектов; 2) методологического инструментария; 3) научного знания; 4) научно-исследовательской инфраструктуры; 5) коллективного субъекта исследования; б) новых институциональных форм в науке.

Специфически сложностная природа объектов постнеклассической науки, многоуровневую реальность которых ряд исследователей определяет как сетевую, демонстрируемые ими организационные и структурно-функциональные особенности – все это обуславливает возможность их представления в качестве объектов особого типа – сетевых, т.е. имеющих сетевую форму организации составляющих их элементов. В представлении изучаемых объектов в качестве сетевых значительную роль играют не только отдельные элементы сети, или сетевая структура в ее целостности, но и способ взаимодействия между ними; то, каким именно образом каждый элемент сети соотносится с сетью как целым. Именно это взаимодействие элементов сети, части и целого, позволяющее синхронизировать процессы, происходящие в различных частях системы, обеспечивает ее целостность, а также выступает исходным моментом ее дальнейшего направленного изменения и развития.

Расширение онтологической сферы исследований современной науки за счет включения нового класса объектов, организационные и структурно-функциональные особенности которых репрезентируются при помощи сетевой модели, в свою очередь, требует наличия соответствующего комплекса инструментально-

методологических средств и исследовательских стратегий, адекватных сложности изучаемых объектов и ориентированных на комплексное использование знаний, представленных в различных научных дисциплинах. Как следствие этого, специфику современной науки определяют междисциплинарные, комплексные и проблемноориентированные исследовательские программы, в которых задействованы специалисты из различных областей знания. Реализация подобного рода комплексных программ приводит к усилению прямых и обратных связей между прикладными и фундаментальными знаниями, теоретическими и экспериментальными исследованиями, к интенсификации взаимодействия частнонаучных картин реальности и общенаучной картины мира.

Кроме того, сетевая научно-исследовательская методология предоставляет соответствующий математически формализуемый инструментарий для изучения систем взаимодействия, которые формируются между разнокачественными объектами, включенными в одну сеть – это теория ориентированных графов и представляющих их матриц; блоковые модели и ролевые алгебры; топологические методы, репрезентирующие сеть как симплициальный комплекс и пр. Используя данный математический инструментарий, различные сетевые структуры в естественнонаучном и социогуманитарном познании могут быть представлены в виде ориентированного графа.

Организационный потенциал сетевых структур в контексте постнеклассической науки находит свое проявление не только как методологический инструмент для исследования разнокачественных систем взаимодействия, но и как специфическая модель организации результата научного познания. Новая форма организации научного знания может быть репрезентирована с помощью «бутстрэпной» (от англ. *bootstrap* «зашнуровывание») модели, предполагающей принципиальную паритетность, взаимную согласованность и взаимодействие гетерогенных теорий и концептов. Подобная модель организации научного знания выходит за пределы условных разграничений между различными дисциплинами, используя релевантные языки описания для репрезентации разных аспектов многоуровневой, взаимосвязанной структурной ткани реальности.

Так, в «бутстрэпной» концепции Дж. Чу постнеклассическая наука предстает как мозаика пересекающихся теорий и моделей «бутстрэпного» типа, ни одна из которых не является более фундаментальной чем другие, но все они, согласно теории взаимных обменов, взаимно согласуются друг с другом [1]. Таким образом, сетевая модель организации научного знания исходит из принципа мировоззренческого плюрализма, признавая в качестве правомочной возможность сосуществования различных версий реальности, каждая из которых обладает правом быть истинной.

Благодаря новым информационно-коммуникационным технологиям происходят значительные трансформации в самой инфраструктуре научно-исследовательской деятельности: появляются новые высокотехнологичные средства хранения и трансляции уже имеющихся научных знаний; привычные средства производства научных знаний дополняются новыми сетевыми киберинструментами, позволяющими обрабатывать и анализировать большие массивы экспериментальных данных. На наших глазах возникает новая сетевая инфраструктура научно-исследовательской деятельности, предлагающая качественно новые способы

проведения научных исследований, использования и получения научных данных и информации.

Под сетевой научно-исследовательской инфраструктурой постнеклассической науки мы будем понимать «определенную среду или условия, необходимые ученым для совместного использования распределенных вычислительных, технических ресурсов и инструментов, включающие в себя совокупность технологических инициатив, служащих для проведения различных видов исследований» [2, с. 156]. Данная инфраструктура встраивается в обеспечение современного производства знаний, предоставляя научные сервисы и инструменты визуализации, анализа данных, моделирования, а также новые средства хранения и передачи информации.

Наличие определенной коррелятивной связи между типом исследуемых системных объектов (в нашем случае, это сетевые объекты) и соответствующими структурно-организационными характеристиками познающего их субъекта, приводит к тому, что в современной ситуации все более усложняющейся научной деятельности именно коллектив ученых с особой структурой внутренних коммуникаций и определенным разделением научного труда выступает в качестве искомого коллективного исследователя. При этом, коллективный субъект постнеклассической науки все больше утрачивает привычную нам субстанциальность, традиционный институциональный статус, приобретая во многом виртуальный характер, становясь пересечением взаимосвязей глобальной исследовательской сети.

Как нам представляется, точками прорыва для организации новых, уникальных научных институтов могут выступить подобные сетевые формы организации научных коллективов исследователей. Главной особенностью этих новых институциональных форм, еще находящихся в стадии своего становления, является их виртуальный, симулятивный характер, нацеленный на воспроизведение привычных институциональных форм научного, но уже на принципиально новом коммуникационно-организационном уровне, с учетом появившихся технологических возможностей и новых вызовов глобализирующегося мира науки. Именно «виртуализация как переход некоторых видов и элементов научно-исследовательской деятельности в виртуальное пространство сети Интернет, представляет собой один из векторов трансформации современной науки» [3, с. 61].

Признавая высокий организационно-коммуникационный потенциал сетевых структур в развитии современной науки, стоит отметить и то обстоятельство, что новые сетевые формы научной деятельности находятся в стадии своего формирования; а современная наука еще остается крепко связанной с традиционной, иерархически организованной системой производства научного знания.

Литература и источники

1. Капра, Ф. Дао физики / Ф. Капра. – СПб.: «ОРИС», «ЯНА–ПРИНТ». 1994. – 302 с.
2. Журавлева, Е. Ю. Научно-исследовательская инфраструктура Интернет / Е. Ю. Журавлева // Вопросы философии. – 2010. – № 8. – С. 155–166.
3. Назарчук, А. В. Сетевое общество и его философское осмысление / А. В. Назарчук // Вопросы философии. – 2008. – № 7. – С. 61–75.

ВЛИЯНИЕ ЭМИГРАЦИИ НАУЧНЫХ КАДРОВ НА СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Т. П. Титова

В современном обществе передовые научные знания, высокая квалификация превращаются в ценный интеллектуальный капитал, от обладания и правильного управления которым во многом зависит международная конкурентоспособность национальных экономик. По данным Всемирного банка, в настоящее время лишь 16% экономического роста обусловлены развитием физического капитала, 20% – природным капиталом, остальные 64% связаны с человеческим капиталом, реализуемым, прежде всего, в виде инноваций. В экономике, основанной на знаниях, высококвалифицированные кадры приобретают ключевое значение. Сегодня практически все развитые и многие развивающиеся страны включились в конкурентную борьбу за привлечение высококвалифицированных мигрантов, которое рассматривается как эффективный путь наращивания человеческого капитала.

Беларусь относится к числу стран с высоким уровнем интеллектуального потенциала. По данным Института Всемирного банка, по индексу знаний (способность генерировать, воспринимать и распространять научные знания) в рейтинге 142 стран мира Беларусь на 45-м месте. В списке стран по индексу развития человеческого потенциала республика занимает 50-е место из 187. Во многом этот показатель достигнут благодаря индексу образования. Доля населения Беларуси в возрасте 30–34 лет, имеющего завершённое высшее образование, составила на 2012 г. 28,4%. На 1000 человек в трудоспособном возрасте приходится 205 человек с высшим образованием. Доля лиц, имеющих высшее образование, с 1999 г. по 2009 г. выросла с 14% до 19%, среди молодежи с 10% до 17%.

В то же время численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками в расчете на 10 000 занятых в экономике, в 2012 г. составила в Беларуси 66,6 человек, и показатель этот постоянно снижается. Аналогичный показатель в Европейском Союзе в 2009 г. составлял в среднем 168 человек. Разрыв между интеллектуальным потенциалом страны и состоянием кадрового потенциала науки свидетельствует о недостаточно эффективном использовании человеческого капитала в инновационном развитии. Беларусь продолжает находиться на отстающих позициях по уровню бюджетного финансирования исследований и разработок. По уровню расходов на НИОКР среди стран мира Беларусь на 43-м месте из 91. Научоемкость ВВП в последние годы составляет около 0,7 %, что ниже критического уровня в 1,0%.

Основными проблемами кадрового потенциала белорусской науки являются:

1. Ухудшение квалификационной структуры научных кадров и кадровой ситуации в науке республики в целом.

2. Существенное уменьшение численности специалистов высшей квалификации в НАН Беларуси, научные организации которой за период 2006–2012 гг. потеряли 10,1% докторов и 6,9% кандидатов наук.

3. Основная часть исследователей сконцентрирована в области технических наук – более 60% от общей численности при наименьшей ее обеспеченности исследователями высшей квалификации.

4. Не преодолена тенденция старения научных кадров. Белорусскую науку покидают, прежде всего, исследователи самых продуктивных возрастов 30–49 лет [1].

Эмиграция научных кадров способна оказать существенное влияние на снижение интеллектуального потенциала страны. И хотя она не достигает масштабов, которые были характерны для 1990-х гг., однако по-прежнему является значимым фактором для инновационного развития Беларуси.

Разброс оценок масштабов и последствий интеллектуальной эмиграции из Беларуси достаточно широк. Это связано, прежде всего, с тем, что в стране отсутствует достоверная официальная информация о численности белорусских ученых и специалистов, выехавших за границу. Некоторые обобщения и выводы позволяет сделать мониторинг интеллектуальной миграции, проводившийся с 1996 г. по 2009 г. Центром мониторинга миграции научных и научно-педагогических кадров Института социологии НАН Беларуси. За период 1996–2006 гг. в среднем из Беларуси ежегодно эмигрировали и оставались за границей около 70–60 научных работников и преподавателей вузов (из них 3–4 доктора наук, 20–25 кандидатов наук и 40 работников без ученой степени), позже средний показатель ежегодного оттока снизился и составил по итогам 2009 г. 44 чел.

С 2001 г. по 2012 г. из научных организаций академического сектора науки эмигрировало 103 исследователя, в том числе 2 доктора, 62 кандидата наук и 39 исследователей без ученой степени. Квалификационный уровень эмигрантов-исследователей остается высоким. Из общего количества эмигрировавших исследователей большинство (62 %) имели ученую степень, две третьих составили исследователи, работающие в области естественных наук. В подавляющем большинстве (85,4%) эмигранты имели возраст до 49 лет, а 2/3 эмигрировавших научных работников имели возраст до 39 лет. Более 50% кандидатов наук были младше 40 лет.

Нужно учитывать тот факт, что количественные показатели не дают полной картины изменений в научной среде, поскольку в сфере интеллектуального, и особенно научного, труда количество работников далеко не всегда коррелирует с реальной величиной человеческого капитала. Эмиграция ученых и специалистов высокой квалификации имеет последствием качественный аспект: эмигрируют, как правило, очень талантливые и активные люди в наиболее трудоспособном возрасте. Отток ученых и специалистов существенно ухудшает качественные характеристики трудовых ресурсов, наносит урон интеллектуальному уровню общества как в настоящее время, так и долгосрочной перспективе, что практически не поддается количественной оценке.

Прежде всего, это относится к проблеме воспроизводства научных школ и интеллектуальной научной элиты. Научные школы являются традиционными механизмами воспроизводства научной элиты. Их подразделяют на «классические» и т. н. школы «проточного» типа. Традиционным для белорусской науки является первый тип школ, атрибутами которого являются наличие лидера – генератора идей и сложившейся вокруг него команды исследователей. В такой системе отъезд даже

одного крупного ученого может привести к разрушению сложившейся научной школы.

Кроме того, в русле существующих на сегодняшний день кадровых проблем белорусской науки эмиграция ученых несет еще ряд угроз:

1. Отраслевая структура мировой науки характеризуется сдвигом приоритетов в сторону естественных наук. В Государственной программе инновационного развития Республики Беларусь на 2011–2015 гг. среди основных высокотехнологичных направлений значительное место также занимают естественнонаучные. В то же время, как указывалось выше, в общей численности ученых-эмигрантов подавляющее большинство составляют исследователи высокой квалификации, работающие в области естественных наук, при том, что в структуре распределения исследователей по областям науки в республике их доля в 2013 г. составила лишь 18,9%. Эта тенденция может привести к значительному снижению эффективности исследований, либо вообще к потере в перспективе целых направлений инновационного развития.

2. Основной контингент исследователей-эмигрантов составляет молодежь, что усугубляет проблему старения научных кадров.

В этих условиях встает вопрос о выработке в Республике Беларусь адекватных форм регулирования процессов интеллектуальной миграции. Государству следует иметь четкую стратегию эффективного накопления и использования отечественного интеллектуального потенциала. Нужно стремиться к трансформации проблемы утечки умов в проблему государственной поддержки мобильности ученых в интересах взаимовыгодного международного сотрудничества, обеспечения возрастания их вклада в инновационное развитие экономики Беларуси.

Литература и источники

1. О состоянии и перспективах развития науки в Республике Беларусь по итогам 2012 года: Аналитический доклад / Под ред. И. В. Войтова, В. Г. Гусакова. – Минск, 2013. – 216 с.

МОЛОДЫЕ УЧЕНЫЕ И ОСОБЕННОСТИ ИХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ

Э. М. Щурок

Научно-технический потенциал государства всегда должен находиться под контролем государственных органов управления с целью обеспечения конкурентоспособности экономики и научно-технологической безопасности страны. В последние годы в Беларуси оптимизация возрастной структуры научных кадров входит в число приоритетных задач государственного уровня. Стоит задача «омоложения» отечественной науки путем привлечения и закрепления в ней талантливой молодежи, обеспечения научно-профессионального роста молодых ученых.

В последние годы благодаря предпринятым Президентом Республики Беларусь и Правительством страны мерам достигнута относительная стабилизация

численности научных кадров. Вместе с тем, сферу исследований и разработок продолжают покидать исследователи самой продуктивной возрастной группы – 40–49 лет. За период 2000–2013 гг. количество исследователей этой возрастной группы уменьшилось на 58,3% – с 6060 чел. до 2526 чел. Последнее говорит о том, что значительная доля молодых специалистов, распределяемых в научные организации после вуза, магистратуры и аспирантуры, отработав положенные два года, уходят из науки. Тем самым, следует признать, что реализуемый в стране комплекс государственных мер по привлечению и закреплению талантливой молодежи в научной сфере является недостаточным и не оказывает решающего влияния на позитивное решение кадровых проблем. Следует также отметить, что закреплению перспективной молодежи в научной сфере в значительной мере препятствует отсутствие действенной системы социально-профессиональной адаптации молодых специалистов в научных организациях.

Проблемы профессиональной адаптации молодых специалистов в научной сфере стали предметом социологического исследования, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в апреле-мае 2012 г. Всего было опрошено 350 молодых ученых до 35 лет, из них – 85 молодых специалистов, стаж работы которых составил менее 3 лет.

Как показывают данные данного социологического исследования, эффективность профессиональной адаптации молодых специалистов в научной сфере обеспечивается комплексом социально-экономических условий и факторов, влияющих на результативность их профессиональной социализации и социально-профессиональной адаптации. К ним можно отнести – размер заработной платы, оснащение современным научным оборудованием; доступность научной информации по теме исследования, наличие компьютерной базы, научные коммуникации, объективность оценки научной работы, возможность зарубежных стажировок и научных командировок, возможность публикации результатов научных исследований, отношения с непосредственным руководителем и коллективом, перспективы профессионального роста и научной карьеры. Размер заработной платы из всего перечня условий научной деятельности вызывает у молодых специалистов наибольшую неудовлетворенность – 84,7% респондентов не удовлетворены оплатой своего труда. Вторым условием, вызывающим у молодых специалистов неудовлетворение, является оснащенность современным научным оборудованием. Вместе с тем значительная доля опрошенных молодых специалистов довольна имеющейся компьютерной базой.

Для успешного осуществления научной деятельности необходимым условием являются научные коммуникации. И хотя доступностью научной информации по теме исследования довольны 74,1% респондентов, все же следует отметить, что 38,2% участников опроса не удовлетворены имеющимися научными коммуникациями и только 44,0% респондентов устраивает вышеназванный фактор. Большинство молодых ученых не довольны возможностью зарубежных стажировок и научных командировок (68,2% и 54,1% соответственно). Ограниченность зарубежных научных командировок и активных международных коммуникаций в научной среде негативно сказывается на процессе профессиональной адаптации молодых ученых.

Важными условиями, оказывающими влияние на эффективность профессиональной адаптации молодых специалистов, являются возможность профессионального роста, перспективы научной карьеры и объективность оценки научной работы. Исходя из полученных данных, более половины респондентов удовлетворены возможностью профессионального роста (57,6%). Вместе с тем только 35,3% опрошенных исследователей видят перспективу своей научной карьеры. Вместе с тем молодых ученых в целом устраивает объективность оценки их исследовательской работы. Больше половины опрошенной научной молодежи удовлетворены объективностью оценки своей научной работы, не удовлетворены – 24,7% респондентов, и такой же процент респондентов затруднились ответить. Данные опроса показывают, что в целом научных организациях сложился благоприятный социально-психологический климат по отношению к молодым специалистам.

На процесс профессиональной адаптации молодых специалистов кроме условий труда и морально-психологического климата оказывают прямое или косвенное влияние и внешние факторы научной деятельности. По мнению опрошенных молодых ученых, успешному процессу профессиональной адаптации в определенной мере препятствует сложная ситуация, сложившаяся в научной сфере. Общая атмосфера нестабильности, характерная для научной сферы, приводит к формированию у части молодых специалистов чувства неопределенности в своем профессиональном выборе, а также низкую мотивацию к занятию научной деятельностью. Согласно результатам проведенного исследования, только 47,1% молодых специалистов планируют и дальше заниматься научной деятельностью; 18,8% – планируют уйти в другую сферу деятельности; 32,9% затруднились ответить на вопрос о своих планах профессиональной деятельности на ближайшую перспективу. Основными причинами желания уволиться с работы молодыми специалистами были названы: низкий заработок (81,6%); неопределенность будущего лаборатории (отдела, сектора) – 39,5%; невозможность вести полноценные научные исследования ввиду отсутствия современной материально-технической базы (31,6%); отсутствие перспектив успешной научной карьеры – 21,1%.

Неудовлетворенность своим материальным и социальным положением вынуждает молодых специалистов искать различные пути их улучшения. По данным опроса, около 29,4% респондентов отметили наличие у них дополнительных источников доходов. Анализ структуры дополнительных источников доходов у молодых ученых показал, что они в большей степени вовлечены во вторичную занятость, не связанную с профессиональной деятельностью – это случайные приработки, доход от оказания услуг населению не по специальности, работа по совместительству в других организациях, что может отрицательно повлиять на профессиональную адаптацию молодых специалистов.

Результаты проведенного исследования в очередной раз подтвердили, что неудовлетворенность условиями труда и своим материальным положением, а также отсутствие перспективы научной карьеры являются главными причинами того, что у части молодых специалистов процесс профессиональной адаптации приобретает кризисный характер и ведет к пересмотру ранее сделанного профессионального выбора. По данным опроса, только 51,7% опрошенных молодых ученых уверены в

своем профессиональном выборе, 30,6% – не считает науку своим призванием или сомневаются в этом, а 17,6% – еще не определились с окончательным выбором профессии.

Тот факт, что у значительной части научной молодежи нет уверенности в правильном профессиональном выборе, находит подтверждение в том, что только 28,9% опрошенных молодых специалистов выбрали бы при возможности повернуть время вспять профессию научного работника.

Проведенное исследование позволило сделать важный вывод о том, что слабая мотивация молодежи на научную деятельность и профессию ученого во многом определяются имеющимися противоречиями, которые препятствуют профессиональной социализации и социально-профессиональной адаптации молодых ученых: между декларируемой заботой об ученом и реальным положением дел в научной сфере (низкий уровень заработной платы, низкий престиж профессии исследователя в обществе).

Для решения указанных проблем нужна реализация комплекса мер, направленных на формирования оптимальной возрастной, квалификационной и отраслевой структуры кадрового потенциала научной сферы путем совершенствования социально-экономического механизма закрепления молодых специалистов в науке на базе постоянного мониторинга их социального самочувствия.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ МИГРАЦИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ И УСЛОВИЯ ЕЕ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ

О. Г. Ворошень

Интеллектуальный потенциал общества является важнейшим ресурсом и фактором устойчивого социально-экономического развития. Основу интеллектуального потенциала общества составляют передовые научные знания, высококвалифицированные научные кадры. В этой связи проблема внешней научной миграции до сих пор не утратила своей остроты. Особенно актуальна проблема «утечки молодых умов», поскольку по данным исследований Центра мониторинга миграции научных и научно-педагогических кадров в составе интеллектуальной миграции молодежь до 35 лет составляет половину мигрантов [1]. Основой внешней интеллектуальной миграции все больше становятся молодые научные работники, аспиранты. В этой связи исследование состояния и выявление путей предотвращения интеллектуальной миграции научной молодежи становится особенно актуальным.

Исследование, проведенное сотрудниками сектора социологии науки и научных кадров Института социологии НАН Беларуси позволило выявить миграционные намерения аспирантов, особенности их миграционного поведения, а также значимые условия, способствующие снижению миграционной активности.

В результате проведенного в мае–июне 2013 года сплошного анкетного опроса получены ответы от 262 аспирантов дневной формы обучения научных организаций НАН Беларуси.

Как показал анализ данных исследования, желание выехать за границу для научной работы высказали 66,9% опрошенных. Доля респондентов, желающих выехать за границу для научной работы, приблизительно одинакова среди аспирантов разных лет обучения, а также среди мужчин и женщин.

Анализ миграционных планов аспирантов относительно учебы и работы в Беларуси и за границей показал, что 0,4% аспирантов планируют уехать за границу навсегда. 8,5% также планируют переезд, но не знают, когда он произойдет. Отрицают наличие таких планов 65,3% респондентов.

Выехать за границу на время научной работы по контракту в ближайшее время планируют только 1,2% аспирантов; 37,3% аспирантов планируют, но не знают, когда это произойдет.

Уехать за границу на время учебы в аспирантуре собираются в ближайшее время 2,5% аспирантов; 11,5% планируют уехать, но еще не знают, когда.

Жить в Беларуси и работать по контракту с зарубежным заказчиком – наиболее реальная перспектива из всех рассмотренных выше. Так в ближайшем будущем собираются поступить 9,2% аспирантов, 37,6% планируют, но не знают, когда их планы будут реализованы.

Аспиранты также были опрошены, с целью выявить, предпринимают ли они какие-либо действия по поиску работы за границей. Только 13,2% аспирантов признались, что предпринимают активные действия для поиска работы за границей. Остальные 86,8% респондентов не делают ничего в данном направлении. Более активно занимаются поиском работы за пределами нашей страны мужчины в отличие от женщин.

Рассматривая возможные факторы, которые мотивируют на поиск работы за границей, мы выделили следующие: семейное положение, уверенность в завтрашнем дне, материальное положение, жилищные условия.

Среди аспирантов, занимающихся поисками работы за границей, выше доля опрошенных не имеющих семьи.

Группу аспирантов, занятых поиском работы за рубежом, составляют опрошенные, которые оценили свое материальное положение как среднее (30,3%), скорее плохое (48,5%) и очень плохое (15,2%). Аспирантов, которые считают свое материальное положение скорее хорошим либо очень хорошим среди них нет.

Дополняют картину оценки аспирантами своих жилищных условий. Так, среди аспирантов, которые ищут работу за границей, 72,7% составили те из них, которые не очень удовлетворены своими жилищными условиями.

Таким образом, материальные факторы играют не последнюю роль в решении искать способы улучшения материального благосостояния за границей.

Взаимосвязанный с материальным фактором показатель социального самочувствия такой, как уверенность в завтрашнем дне, также проявил себя при анализе миграционного поведения аспирантов.

Так результаты исследования показали, что группу респондентов, которые предпринимают определенные действия по поиску работы за границей, составили в основном опрошенные, которые не уверены (36,4%) либо скорее не уверены (33,3%) в завтрашнем дне.

Проведенное исследование также позволило определить ряд условий, которые, по

мнению аспирантов, могли бы способствовать снижению уровня интеллектуальной миграции в Беларуси.

Аспирантам было предложено ответить на вопрос «Как Вы считаете, что помогло бы решить проблему «утечки умов» в нашей стране?» 77% опрошенных уверены, что остановить поток внешней научной миграции поможет существенное повышение уровня зарплаты научных работников, в том числе научной молодежи. 62,5% аспирантов считают, что этому будет способствовать повышение уровня материально-технического обеспечения научных исследований.

Не менее значимым, чем материальная сторона научной деятельности, фактором аспиранты называют изменение отношения к науке в обществе, как к основному фактору экономического роста в Беларуси, повышение престижности научного труда (49%).

Активизация международного научного сотрудничества и привлечение финансовых средств из-за рубежа для развития исследований в Республике Беларусь также, по мнению 45,2% респондентов, может решить проблему «утечки умов».

41,4% аспирантов считают важным создание более благоприятных условий для карьерного и профессионального роста исследователей, в том числе молодежи.

Активизация научно-инновационной деятельности и более активное привлечение финансовых ресурсов предприятий для развития научных исследований (23,4%), повышение уровня финансирования научных программ за счет средств госбюджета (27,6%), существенное повышение уровня государственной поддержки перспективных исследователей и научных коллективов на основе конкурсного отбора (16,1%) будет способствовать созданию условий для снижения миграционной активности молодых исследователей, по мнению аспирантов.

Таким образом, для предотвращения внешней научной миграции, сохранению интеллектуального потенциала общества необходимо создание благоприятных социально-экономических и профессиональных условий для реализации и развития творческого потенциала аспирантов, что будет способствовать удержанию и закреплению молодых исследователей в нашей стране.

Литература и источники

1. Научные кадры Республики Беларусь (социологический анализ) / Т.А. Антонова и др.; под общ. ред. Г.М. Евелькина; Ин-т социологии, Нац. Акад. Наук Беларуси. – Минск: Белорус. наука, 2007. – 268 с.

ВРЕМЕННЫЙ ВОЗВРАТ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ НАУЧНОЙ ДИАСПОРЫ В СТРУКТУРЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ МОБИЛЬНОСТИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА: ОПЫТ РУМЫНИИ И МОЛДОВЫ

М. И. Веренич

Интеллектуальный потенциал страны включает совокупность научных знаний, воплощенных в наукоемких технологиях и интеллектуальной собственности на них, в информационных ресурсах собственно конечных результатах производства с

применением технологических, социальных, организационных и управленческих решений. Для сопоставительного анализа интеллектуального потенциала разных стран учитывается уровень образовательного потенциала населения и уровень развития науки.

Непрерывное воспроизводство, капитализация и приращение интеллектуального потенциала в век наукоемких технологий составляют основу успешного развития страны, так как в процесс включаются все субъекты: научные центры и организации, коммерческие предприятия, государственные и общественные учреждения и структуры, а задача сохранения и приумножения интеллектуального капитала рассматривается как неременное условие развития и процветания государства. Наука, обеспечиваемая достаточно развитой инфраструктурой и высококвалифицированными кадрами, является важнейшей производительной силой в экономике знаний, а от развития фундаментальной и прикладной науки, НИОКР и know-how зависят экономическая и политическая мощь государств. Развитие интеллектуального капитала только за счет национальных ресурсов требует больших капиталовложений в науку, в сферы культуры и образования, поэтому многие страны выбрали более эффективный путь – привлечение специалистов из-за рубежа, мигрантов. [1, с. 13–14]. На протяжении долгого времени такая политика способствовала росту потоков интеллектуальной миграции во всем мире, а интеллектуальный труд выступал важнейшим фактором и ресурсом устойчивого социального, политического и экономического развития и безопасности для одних стран и соответственно источником опасности для других [2, с. 5].

Интеллектуальная миграция – сложное явление, характеризующееся как «утечка мозгов» и связанное с функционированием научно-профессиональных, государственно-страновых, социально-культурных структур, включающих, эмоциональный компонент взаимодействия со страной исхода, с оставшимися там близкими родственниками и коллегами. Сегодня по данным ООН, насчитывается примерно 3 млн. высококвалифицированных мигрантов. «Утечка мозгов» или «Brain Drain» – это процесс, при котором из страны или региона эмигрируют ученые, специалисты и квалифицированные рабочие по экономическим, реже политическим, религиозным или иным причинам. Если на протяжении долгого времени говорилось об утечке мозгов, то сейчас актуально применение словосочетания «Циркуляция либо мобильность мозгов», так как через представителей диаспоры предполагается трансфер знаний и технологий, поступление инвестиций, аутсорсинг, денежные переводы и лоббирование социально-политических интересов. Соответственно, страны от полного отрицания явления или от попыток «вернуть» экспатриантов, переходят на режим «равного взаимодействия» с ними.

Учитывая современные масштабы миграции, необходимы не только новые подходы в миграционной политике, но и иные исследовательские парадигмы, уход от только положительных либо отрицательных оценок феномена, определение путей и факторов оптимизации и рационализации этого процесса, изучение форм и методов его реализации в разных странах. Это весьма востребовано и с целью имплементации положительных практик для Республики Беларусь, определения путей взаимовыгодного сотрудничества страны – донора со странами – реципиентами и с целью эффективной «эксплуатации» интеллектуального потенциала своих граждан.

Сегодня сложились основные практики идентификации научной диаспоры как ресурса научно-технологического развития «материнской» науки, понятие «утечка мозгов» заменяется понятием «научная, академическая мобильность» либо «циркуляция компетенций» и связано с движением интеллектуального потенциала: мобильность в образовании, науке и продвижении новых технологий. Взаимодействие с представителями интеллектуальной диаспоры, в основном должно будет выступать ресурсом для развития страны и агентом влияния с целью:

1) способствования развитию инновационного потенциала науки с помощью зарубежных соотечественников и быть значимым источником технологических и управленческих ноу-хау;

2) использования сети диаспоры в качестве возможных «промоутеров» положительного имиджа и защитников интересов страны за рубежом;

3) поддержания интеграции науки в международное научное сообщество.

Эти цели нашли свое воплощение в документах ЕК, касающихся создания Европейского научного пространства в рамках Лиссабонской стратегии. В них разрабатываются меры, способствующие общему развитию европейских исследований и повышению мобильности исследователей. Например программа ERA-Link, способствует налаживанию взаимодействия с европейской научной диаспорой за пределами ЕС, путем создания системы информационной поддержки. Программа способствует как возвращению ученых в Европу, так и развитию сотрудничества между европейскими научно-исследовательскими организациями и научными центрами за рубежом ЕС.

Социально-экономическое развитие Румынии (численность населения 21,4 млн. ч. (2011 г.), среднегодовая численность занятых в экономике – 9,1 млн. ч., общая численность безработных 0,63 млн. ч., среднемесячная зарплата в евро по курсу на 10.11.2014 – 434,67, ВВП, млрд. евро в 2010 году – 115,02) и Молдовы (численность населения 3,6 млн. ч. (2011 г.), среднегодовая численность занятых в экономике – 1,2 млн. ч., общая численность безработных 0,08 млн. ч., среднемесячная зарплата в евро по курсу на 10.11.2014 – 177,34, ВВП, млрд. евро в 2010 году – 4,19) на протяжении 20 начала 21 веков актуализировало проблему исхода специалистов, «утечки мозгов» в виде отъезда высококвалифицированных специалистов и невозврата молодежи уезжающей на обучение [3]. Именно поэтому, правительствами этих стран в сотрудничестве с представительствами международных и региональных организаций инициировались проекты по углублению взаимодействия с научной диаспорой, общая идея которых сводится к реализации краткосрочных и среднесрочных программ визитов с целью организации научных исследований, проведения тренингов, образовательных мероприятий, ведения авторских курсов, работы с молодыми исследователями, аспирантами и т. д.

Работа с представителями научной диаспоры Румынии ведется на 2-х уровнях: проекты правительства по взаимодействию с высококвалифицированными специалистами (не выделяется отдельно именно научный компонент), проведение раз в 2 года конференции только для научных сотрудников и представителей зарубежных систем образования и проекты при поддержке международных организаций. Так в 2010 году Европейская Комиссия, в рамках проекта ELI-NP (Extreme Light Infrastructure – ядерная физика) выделила 180 млн. евро на создание новейшего

атомного исследовательского центра в Румынии. На заводе в Мэгуреле будет установлен самый мощный лазер, который будет генерировать лазерные импульсы до 10 петаватт (10¹⁶ ватт). В реализацию проекта вовлечены 40 исследовательских институтов из 13 стран-членов ЕС, и еще два центра в Праге (Чешская Республика) и Сегеде (Венгрия), а общая сумма затрат составит порядка 260 млн. евро.

Как планируется, основу высококвалифицированных кадров будут составлять румынские специалисты, которые сейчас работают за рубежом. Такое воззвание к выходцам из Румынии прозвучало на конгрессе румынской научной диаспоры, проходящем под патронажем президента Румынии Траяна Бэеску, Министерства образования, науки, молодежи и спорта и Национального органа по научным исследованиям 21–24 сентября 2012 года, в котором участвовали более тысяча делегатов-исследователей из разных стран. Условия проекта предусматривают, что временное возвращение будет финансироваться за счет средств ЕК и Румынского правительства, а оплата труда ученых не будет ниже той заработной платы которую они получают сейчас, или представится возможность обсуждения уровня зарплаты с каждым приглашенным специалистом. Также, ранее, был реализован 3-х сторонний проект ЕС – Болгария – Румыния в рамках трансграничного европейского коридора № 4 по строительству моста через реку Дунай Калафат-Видин «New Europe», стоимостью 282 млн евро. Около 06 миллионов евро выделил на эти цели Европейский союз. Остальные средства были выплачены из госбюджетов Болгарии и Румынии, а испанской строительной компанией «FCC Construcción» были привлечены для работы в том числе и ранее выехавшие высококвалифицированные специалисты.

Республика Молдова в 2010–2011 годах реализовала инициативу «Предотвращение утечки кадров посредством временного возврата экспатриированных молдавских ученых и молодых исследователей, находящихся за рубежом, для создания в Молдове научно-исследовательской базы по временному возврату и постоянному обмену знаниями», финансируемую ЕС и МОМ в сотрудничестве с Академией наук Молдовы (АНМ). На конкурсной основе было отобрано 30 представителей Молдавской научной диаспоры, работающих за рубежом в научно-исследовательских институтах или университетах в области прикладных и фундаментальных наук, которые осуществили кратковременные визит в Молдову в течение 7–11 дней для участия в исследовательской деятельности в одной или нескольких научных организациях или университетах Молдовы. Целью инициативы было расширение потенциала Молдовы в научно-исследовательской сфере за счет увеличения влияния мобильности миграции и временного возврата высококвалифицированных специалистов – представителей МНД. Продолжение проекта запланировано на период: октябрь 2014 г. – декабрь 2015 г.

Другой проект, запущенный Академией наук Молдовы с представительством Международной организации по миграции (МОМ) в партнерстве с Министерством молодежи и спорта, Министерством просвещения и Агентством занятости населения Республики Молдова в 2012 году – «Сотрудничество с научной диаспорой с целью развития Молдовы», призван был создать платформу для взаимодействия молодых представителей научной диаспоры с научными, образовательными, государственными и промышленными учреждениями Молдовы. В рамках пилотной

программы по поддержке возвращения на родину 30 молодых граждан, получивших образование за границей, выходцы из Молдовы, намеренные временно или навсегда вернуться домой и устроиться на работу в частные или государственные структуры, получают ежемесячные пособия в размере 200 евро в течение максимум 6 месяцев, а также финансовую помощь, покрывающую расходы на авиаперелет. Продолжился проект в 2014–2015 году, с предоставлением возможности 60 молодым людям вернуться на родину в качестве высококвалифицированных специалистов.

На наш взгляд, при достаточно малом количестве вовлечения представителей научной диаспоры в проекты на родине, правительства особых стран двигаются малыми шагами в правильном направлении. Так, среди рекомендаций Всемирного банка [4] по политике взаимодействия с представителями научной диаспоры указывается, что следует направлять усилия стран не только на физический возврат на родину квалифицированных специалистов и ученых. Более эффективными могут быть совместные проекты в сотрудничестве с квалифицированными специалистами из-за рубежа, содействие циркуляции мозгов, работа с талантливыми специалистами в сфере бизнеса и технологий с целью создания исследовательских площадок, привлечения технологий, формирования благоприятного инвестиционного климата в будущем. Повышение осведомленности и мобилизация интеллектуальных представителей диаспор позволят странам воспользоваться достижениями соотечественников за рубежом даже при неимении собственной высоко-технологической исследовательской инфраструктуры.

Литература и источники

1. Гапонова, А. Международная миграция высококвалифицированных специалистов: направления, масштабы, регулирование / А. Гапонова // Демоскоп. – 2010. – № 441.
2. Глущенко, Г. Транснационализм мигрантов и перспективы глобального развития / Г. Глущенко // Международная экономика и международные отношения. – М., 2005. – № 12.
3. Статистические данные по развитию стран [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.statinfo.biz/HTML/M274F6921A1957L1.aspx>. – Дата доступа: 10.11.2014.
4. World Investment Report 2008: Transnational Corporations and the Infrastructure Challenge / UNCTAD, UN. – New York; Geneva, 2008.

2.3 Специфика интеллектуальной культуры в информационном социуме

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Ю. В. Никулина

Информационное общество характеризуется тем, что в общественном производстве доминируют информационные технологии, сфера услуг и наукоемкая промышленность. Такое общество опирается на интеллектуальную инфраструктуру,

а определяющим фактором общественного прогресса становится информация и научное знание. Это обстоятельство обеспечило возникновение нового типа общества, в котором смена технологий обусловлена опережающим развитием знаниевого массива – общества, основанного на знании (*knowledge-based society*). Этот достаточно новый в социально-гуманитарном знании термин представляет собой усиленный вариант «информационного общества». В пространстве *knowledge-based society* научное знание превратилось в ценнейшую форму информации, само общество изменило свою технологическую основу под влиянием информатизации.

Возможности современной вычислительной техники и информационно-коммуникативных технологий сделали информатизацию не только техническим феноменом, но и движущей силой социально-экономических изменений современного общества. Процессы развития информационной деятельности вовлекают современного человека в принципиально новый круг социокультурных взаимодействий. В качестве общей основы современной социокультурной динамики выступают объективные процессы ее интеллектуализации и технологизации, активно стимулируемые развитием техники и технологий. Повсеместное распространение интеллектуальных технологий позволяет оценивать этот процесс и его технические характеристики как форму интеллектуализации различных срезов социальной среды.

Положительное отношение к феномену информатизации определяется осознанием роста социальной значимости научного знания и научной информации и характера их соотношений в конкретном социально-историческом периоде развития общества. Процесс создания информационных товаров и услуг во многих случаях имеет не творческую форму создания совершенно нового знания, а является процессом переработки уже существующего знания в зависимости от конъюнктурных общественных или индивидуальных потребностей. Это существенным образом подчеркивает и изменяет положение интеллектуальных сфер деятельности человека и заставляет по-новому оценивать соотношение информации и знаний в развитии социальной и духовной сущности человека. Это указывает на важность и необходимость рассмотрения особенностей информационной деятельности как ключевой формы интеллектуальной работы человека в информационно-техническом мире.

Очевидно, что современная жизнь немыслима без использования персональных компьютеров, современных информационных технологий, телевидения и Интернета, при помощи которых реализуется возможность выбора информации. Все эти факторы оказывают разнонаправленное и далеко не всегда положительное воздействие на мировосприятие человека. Во-первых, если в прежних условиях процесс адаптации к инновациям был во многом растянут во времени, так как возможность трансляции, усвоения и распространения огромных объемов информации была технологически не обеспечена, то сейчас темпы и возможности освоения инноваций невероятно возросли, и теперь уже начинают говорить о «допускающих возможностях человеческой психики». Во-вторых, вторжение электронных коммуникативных систем во все сферы жизни вызывает необходимость новых форм организации человеческих отношений. Высокая технология требует соответственно высокой подготовленности индивида, постоянного наращивания интеллектуального капитала. В-третьих, развитие

информационно-вычислительной техники локализует и специализирует в обществе новые виды профессиональной занятости, что связано со стремительным развитием информационной деятельности как самостоятельного вида интеллектуального труда.

Вопрос о месте человека в новом информационном мире можно перевести в плоскость вопроса о новых функциях человека. Прежде всего, следует обратить внимание на повышение уровня образованности в обществе. В современном мире роль информации в жизни человека является определяющей – чем больше навыков и знаний он имеет, тем выше ценится как специалист и сотрудник, тем больше имеет уважения в обществе. Информация как вид знания необходима современному человеку не только для того, чтобы создавать материальные и духовные блага, но и для того, чтобы вести здоровый образ жизни, уметь ориентироваться в изменяющихся условиях как природного, так и общественного бытия, для того, чтобы сформировать определенную экономическую, социальную, политическую и нравственную позиции.

Однако необходимо не только иметь информацию, но и владеть способами ее использования. Образование для современного человека имеет своей целью не столько обучить традиционным алгоритмам в мышлении и практике, сколько умению выбрать необходимую информацию, осмыслить ее, привести обработанную информацию в соответствие со своими потребностями. Действия, основанные не на традиции, а на информации – определяющая черта современного человека. В условиях упрощающегося доступа к объемным информационным массивам индивид получает больше возможностей повысить собственную компетентность и осведомленность. При этом увеличивается число участников конкурентных отношений в большинстве социальных сфер и повышается их профессиональный уровень. Это приводит к ускорению девальвации конкурентных преимуществ, и сегодня она происходит намного быстрее, чем десятилетия назад.

В современных условиях основополагающими факторами социального развития становится интеллектуальный капитал личности и общества, научные знания и информация, то есть вещественные компоненты производства зависят от уровня образования, науки, коммуникации и управления. В информационном обществе знания и информация представляют особую среду коммуникативного взаимодействия, которая является основой для реализации индивидом социальных и интеллектуальных качеств в процессе жизнедеятельности. Владение теоретическим знанием и информацией предопределяют способность к выработке собственных инновационных идей, расположенность к самостоятельной творческой деятельности.

Интеллектуальный капитал в информационном обществе как объект социально-философской рефлексии выступает в качестве весьма неоднозначного феномена. Его можно рассматривать как следствие овладения человеком результатами научно-технической революции. С этой точки зрения он выступает как весьма неоднородный фактор организационно-психологических перестроек человеческой деятельности.

Интеллектуальный капитал можно рассматривать и в качестве феномена, определяющего уровень, характер и сферы использования информационно-коммуникативных технологий на базе современной компьютерной и телекоммуникационной техники. В этом случае он будет определяться как средство и

условие формирования в обществе положительного отношения к научному знанию и информации.

Наконец, интеллектуальный капитал может выступать и как объективное требование социально-психологической адаптации к новым условиям жизнедеятельности, уже сформированным под влиянием всей совокупности социотехнических средств и параметров развития информационного общества. В таком ключе интеллектуальный капитал предстает средством социального и личностного роста, определяемых творческим потенциалом социокультурных взаимодействий, основой расширения содержания информационно-коммуникативных контактов и направленностью их развития.

Учитывая все указанные возможности рефлексивного анализа интеллектуального капитала, можно представить его как феномен, вокруг которого локализуется не только разнообразие точек зрения на социальное значение информатизации, но и смысловые отношения к самому феномену информации в целом. Нарастание интеллектуального капитала есть не только требование, предъявляемое как к отдельной личности, так и к нации в целом, но и модель социокультурной динамики информационного общества. В ответ на возрастание объемов наукоемкого производства в XXI в. произошла актуализация интеллектуальной составляющей человеческого капитала. Интеллектуальный капитал зримо обозначен как компонент человеческого потенциала, который отличает способности человека к творческому или к исполнительскому труду, определяет эффективность и конкурентоспособность национальной экономики. А потому, создание условий для воспроизводства интеллектуального капитала становится приоритетным направлением государственной политики.

К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Е. А. Рудко

Современный этап развития человеческой цивилизации характеризуется расширяющимся использованием научных и технических достижений в самых разных областях социума.

Ученые признают исключительное значение информации в современном мире, хотя и расходятся во мнениях относительно ее интерпретации. Одни, признавая исключительную роль информации, настаивают на том, что основной чертой настоящего является его преобладание относительно прошлого (теории гибкой аккумуляции Д. Харви, рефлексивной модернизации Э. Гидденса, публичной сферы Ю. Хабермаса и др.). Другие утверждают, что в последнее время происходит становление информационных обществ с характерными признаками, которые отличают их от обществ, существовавших в прошлом (концепции постмодернизма, постиндустриализма Д. Белла, информационного способа развития М. Кастельса и др.).

Однако, несмотря на разногласия, современные мыслители все больше говорят

об информации как о главном отличительном признаке нынешней реальности.

Информационное общество – это общество, основанное на знании (*knowledge-based society*), то есть общество, в котором главным условием благополучия отдельной личности и общества в целом становится знание, полученное благодаря беспрепятственному доступу к информации и умению работать с ней.

Становление нового типа общества сопряжено с возникновением целого ряда проблем, для успешности решения которых необходимо формировать и развивать информационно ориентированную интеллектуальную культуру, как индивида, так и социума в целом.

Интеллектуальная культура личности выступает, в первую очередь, как культура мышления и речи и включает в себя адекватное воспроизведение различных сторон и отношений мира. Однако если мышление рассматривается как процесс, то интеллект является качественным его своеобразием, что позволяет понимать интеллектуальную культуру как определенный уровень и характеристику познавательной деятельности. Эти свойства формируются на основе интеллектуальных действий и стратегий, которые помогают понять смысл получаемой информации. В свою очередь, знания, составляющие основу интеллекта, неоднородны и включают научное и обыденное знание. Однако, чем выше степень присутствия в интеллекте научного знания, отражающего наиболее общие законы, тем выше уровень интеллектуальной культуры. Именно поэтому сегодня бесспорным является значение теоретического знания, которое ни в коей мере не является абсолютной истиной, но все же играет решающую роль в нашей жизни, т. к. способно служить предпосылкой наших действий.

Каждая историческая эпоха обладает определенным уровнем развития интеллекта, что ярко выражено в изменениях процесса мышления в истории человечества. Различия в качестве развития интеллектуальной культуры в разные исторические эпохи обусловлены характерной спецификой в теоретической и практической деятельности людей. Источниками развития интеллектуальной сферы общества в любую эпоху являются: ученые-интеллектуалы, качественное образование, достаточное количество библиотек.

Как свидетельствует историческая практика, уменьшение числа ученых в обществе, падение уровня образования, закрытие библиотек всегда приводили к остановке в развитии социума в целом. Из чего следует, что взаимодействие всех этих компонентов системы интеллектуального развития необходимо для нормального функционирования социума, распространения новых теорий, знаний, инноваций, технологий, обмена интеллектуальным опытом.

Сегодня большую роль в интеллектуализации общества играют новые информационные технологии, расширяющие познавательные возможности и способности человека. Формируемая новая информационная коммуникативная среда открывает разнообразные возможности для приращения интеллектуального капитала в социальном пространстве. Характерной особенностью интерактивного информационного пространства является стремительный рост книг, газет, журналов, конференций, баз и банков данных, представленных на электронных носителях. Современная новая информационная среда формируется сегодня на электронной основе. Создаются принципиально иные условия производства, распространения и

хранения информационных и интеллектуальных ресурсов, часть которых уже сегодня включена в оцифрованные коллекции электронных библиотек, которые сегодня на равных правах с традиционными библиотеками, архивами, музеями могут рассматриваться как часть интеллектуальной культуры общества.

В век мирового господства Интернета и ускоренного развития глобализационных процессов в образовательной и научной средах укрепляются позиции открытого образования, в организации которого возрастает роль электронных библиотек как средств международного обмена опытом и знаниями. Современные электронные коммуникативные средства, довольно широко используемые сферой образования в процессах трансляции информационных ресурсов и знаний, являются на сегодняшний день одним из важнейших составляющих в формировании интеллектуальной культуры информационного общества.

Следует отметить, что в системе высшего образования сегодня прослеживаются прагматические тенденции, когда все больший упор делается на прикладные дисциплины и все чаще свертываются исследования в тех областях, где привычные показатели продуктивности не работают. Однако необходимо помнить, что качественное образование, соответствующее духу времени, должно быть ориентировано на подготовку не просто высококлассных специалистов в определенной области, но и на воспитание широко образованных личностей, стремящихся к познанию нового, к саморазвитию, способных создавать новые знания и интеллектуальные ценности и тем самым способствовать укреплению интеллектуальных традиций, накопленных разными школами, и распространению их в социуме.

Современное научное знание развивается очень быстрыми темпами. Разрабатываются новые технологии, открываются новые явления, факты, появляются новые теории и знания, новые науки. Их изучение сопровождается разработкой методологического инструментария исследований. Такое интенсивное развитие научного потенциала оказывает влияние на состояние интеллектуальной культуры в обществе, что влечет за собой изобретение и освоение принципиально новых технологий поиска, распространения, трансляции знаний в социальном пространстве.

Уровень информационной культуры современного человека определяется многими критериями. Во-первых, это формирование системы мировоззрения и идеологических принципов, которые начинаются с понимания важности роли информации в жизни общества, задач ее хранения, систематизации и передачи.

Другими элементами информационной культуры личности являются знание информационных ресурсов (при условии возможности свободного доступа к ним) и умение эффективно вести поиск информации. Кроме того, тенденция роста информационных потоков поставила человека перед проблемой выбора информации (разделив ее на приоритетную и второстепенную) более остро, чем в прошлом.

Обязательной составляющей информационной культуры становится умение создавать новую информацию. При этом информационный ресурс представляет реальную ценность только в том случае, если хранение и доступ к информации организованы наиболее эффективным образом.

Интеллектуальная культура зависит от соответствующего развития интеллектуальной сферы общества, а также от умственных и аналитических способностей каждой конкретной личности.

Для эффективной интеллектуализации социума необходимо использовать опыт международной интеграции и дифференциации в развитии научных школ, науки в целом. Для построения общества знания важны объединенные усилия науки, бизнеса и государства, сочетание как государственного, так и корпоративного управления.

ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Е. А. Жукова

Современные индустриальные общества сформировались благодаря торжеству науки и технологий. Значимость интеллектуальных способностей человека постоянно растет. Однако возникает ряд проблем, вызванных неравномерностью сформированности различных элементов интеллектуальной культуры, в частности такой важной ее составляющей, как технологическая культура. Современный человек существует в мире, «пронизанном» технологиями. Но уровень развития технологической культуры неуклонно снижается. В результате зависимость от техники постоянно растет, хотя при этом крепнет иллюзия господства человека над техникой [1].

В современном образовании постоянно меняются требования к знаниевой составляющей. Однако проблеме формирования технологической культуры должное внимание до сих пор не уделено ни со стороны науки, ни со стороны образования, ни со стороны общественности, хотя ее отсутствие чревато негативными последствиями не только для конкретного индивида, но и для общества в целом. В виду ограниченности объема статьи ограничусь лишь изложением основных тезисов, описывающих данную проблему.

Для современного человека технологическая культура, с моей точки зрения, подразумевает собой: 1) наличие такого комплекса технических знаний и навыков, которые позволяют ему эффективно использовать технику и технологии по их прямому назначению, не нарушая техники безопасности (техническая грамотность); 2) мотивацию на постоянное пополнение знаний в сфере современной техники и навыков ее использования; 3) понимание природы и смысла техники и технологий, в том числе социогуманитарных технологий и их критическое осмысление; 4) умение компетентно и свободно обращаться с информационными потоками; 5) наличие определенного стиля мышления, позволяющего технологизировать собственную деятельность или деятельность некоторой социальной группы, и умение переводить свою деятельность на технологический уровень; 6) способность вычленять манипулятивные воздействия извне и противостоять им. Такое понимание технологической культуры обусловлено необходимостью существовать в мире высоких технологий – Hi-Tech и Hi-Hume.

Сегодня можно говорить о формировании социокультурного феномена Hi-Tech

[2], базовыми для него стали нано-, био- и информационные технологии (ИТ), причем системообразующими являются ИТ. Hi-Tech принципиально отличаются от других новых технологий способностью вызывать эффекты самоорганизации социокультурных систем. Инновационная агрессивность Hi-Tech и растущая конкуренция в высокотехнологичной сфере вызвали к жизни высокие социогуманитарные технологии (Hi-Hume) [3]. К числу последних я отношу ряд современных маркетинговых и менеджерских технологий, сопровождающих Hi-Tech-производство (реклама, PR, управление персоналом и знаниями и др.). Предназначенные для целенаправленного изменения как индивидуального, так и массового сознания Hi-Hume занимают особое место в ряду манипулятивных технологий в виду их тесной интеграции и конвергенции с ИТ, что значительно усиливает возможности скрытой манипуляции [4]. В Hi-Hume человек рассматривается как социотехническая система, а его сознание – как технологический объект, которым можно управлять, задавая определенную программу действий. Мощь Hi-Hume настолько велика, что они способны не только «перепрограммировать» сознание человека, но и разрушить его механизмы саморегуляции. Именно Hi-Hume организуют сложную сеть взаимоотношений между производителями и потребителями хайтека. Если Hi-Tech меняют существующую реальность, то Hi-Hume целенаправленно мифологизируют и искажают представления о Hi-Tech и технологиях, имитирующих Hi-Tech, делая социокультурный эффект от распространения и использования их продуктов весьма значимым.

Высокие технологии способствуют созданию парадоксальной ситуации: с одной стороны, происходит постоянное усложнение технологий производства используемых современным человеком предметов (бытовых и офисных устройств, производственного оборудования и др.), а также значительное усложнение их структуры и расширение их функциональных возможностей, с другой – постоянно снижаются требования к квалификации их пользователей (потребителей), так как производители целенаправленно стремятся увеличить комфортность потребления.

При этом люди, которые разрабатывают и производят продукты Hi-Tech, – высококвалифицированные и технически грамотные специалисты, но в достаточно узкой области.

У обывателя сегодня складывается такое представление: для того чтобы комфортно жить в постиндустриальном обществе, нет необходимости быть технически грамотным, достаточно быть функционально грамотным.

В случае функциональной грамотности речь идет, скорее, о процедурном знании («я знаю, как применить...»), в случае технической грамотности к процедурному дополняется содержательное знание («я знаю, как это работает...»).

На фоне быстрого устаревания профессиональных знаний и знаний, необходимых в повседневном существовании, сегодня отмечается рост доступности научной и технической информации. Но при этом тенденции к гуманизации и гуманитаризации современного образования приводят часто к введению новых предметов гуманитарного цикла за счет сокращения предметов естественнонаучного и технического цикла, что ведет как бы к «выветриванию» фундаментальных знаний из процесса обучения. В результате большинство населения компетентно лишь в

своим узким полем знаний и деятельности и пользуется легко доступными источниками экономно сконцентрированной и упрощенной информации для поверхностного ознакомления со сферами деятельности, которые они не знают в совершенстве. Но доступность далеко не означает освоенность.

Мир современной техники и технологий теряет наглядность и понятность функционирования. Современная техника и технологии ввиду своей сложности становятся совершенно непостижимыми для большинства обывателей. Все чаще функционирование современной техники ассоциируется у потребителей с ощущением чуда и волшебства [5].

Полагаю, что в настоящее время имеется тревожная тенденция роста технической неграмотности и безграмотности населения развитых стран, в том числе элиты, в частности политической, от которой зависят судьбы многих людей. Под технической неграмотностью я подразумеваю отсутствие необходимого комплекса технических знаний и навыков, а под технической безграмотностью – неумение применять имеющиеся технические знания и навыки.

Особо подчеркну, что даже имеющиеся технические знания и навыки современные потребители применять не столько не умеют, сколько не хотят, у них отсутствует и мотивация к пополнению этих знаний. Это ведет к росту зависимости и беспомощности человека перед техникой и технологиями, развивает чувство собственной неполноценности. А это в свою очередь может порождать чувство персональной безответственности за те негативные последствия, которые возможно несут новая техника и технологии.

Опасно и то, что на фоне снижения технической грамотности населения растет техническая грамотность мошенников разного рода.

Низкий уровень технологической культуры человека позволяет легко превратить его в объект манипуляции с помощью технологий Hi-Nume. Эти технологии целенаправленно стремятся заставить людей потреблять продукты хайтека, в которых они по сути уже даже и не нуждаются (потому что аналогичные уже есть) и действие которых они не понимают. Задумайтесь, сколько читающих эти строки понимает, вредны или нет сотовая связь, генетически модифицированные продукты или одежда из наноматериалов. Большинство людей ориентируется на мнение различных экспертов, при этом выбирая в качестве таковых СМИ, а не профессионалов в данной области.

Отмечу также, что сегодня практически не ведется грамотная просветительская работа по популяризации науки и новых технологий, но зато имеется огромное количество наукообразной информации, в которой неспециалисту разобраться невозможно.

Вывод в связи с вышесказанным однозначен: в современном обществе ориентация на функциональную грамотность катастрофична. Функционально грамотные люди – это всего лишь полуграмотные люди. Чем позже в обществе и в научно-образовательном сообществе произойдет осознание того, что нельзя останавливаться на подобной цели, тем больше вероятность того, что общество в ближайшее время столкнется с рядом серьезных проблем, связанных с широким распространением Hi-Tech и Hi-Nume.

Литература и источники

1. Жукова, Е. А. Человек в мире Hi-Tech: новая иллюзия господства / Е. А. Жукова // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. – 2013. – № 3 (7). – С. 51–55.
2. Жукова, Е. А. Hi-Tech: динамика взаимодействий науки, общества и технологий: автореф. дисс... д-ра филос. наук. – Томск, 2007.
3. Жукова, Е. А. Человек в плену Hi-Nume / Е. А. Жукова // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2007. – Вып. 11 (74). – Серия: Гуманитарные науки (философия). – С. 29–35.
4. Жукова, Е. Hi-Nume: динамика границ образовательных систем / Е. Жукова // Высшее образование в России. – 2009. – № 10. – С. 92–96.
5. Жукова, Е. А. Высокие технологии: между наукой и чудом / Е. А. Жукова // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). – 2012. – Вып. 5 (120). – С. 221–228.

КУЛЬТУРОТВОРЧЕСКИЙ ПОДХОД К ПРОБЛЕМЕ МЕДИАКУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ

И. В. Чельшева

Процессы, происходящие в современном мире можно рассматривать в различных аспектах. Различия в подходах подчас достаточно тонки, но при этом принципиально важны. Политический и экономический анализ процессов глобализации основан на анализе фактических данных, оставляя в стороне проекты, теории, программы, идеологические концепты. Социальная психология и теория идеологий, наоборот, рассматривают процессы, которые происходят в головах людей, изучая попытки манипулирования сознанием.

Культурологический подход к проблеме заключается в том, чтобы зафиксировать и прояснить те отношения, которые возникают благодаря взаимодействию человека и мира, который был им создан. Культура традиционно противопоставляется природе: когда-то это слово означало «возделанная земля» – в отличие от необработанной человеком. Следуя этому разделению, мы можем сопоставлять пространство природное, известное географам, геологам и землепроходцам, и пространство социокультурное. Эти пространства не совпадают. Скорее, они конфликтуют между собой, о чем косвенно свидетельствует существование экологических проблем, вызванных наступлением цивилизации на девственную природу. Кроме того – и это особенно важно для нас – социокультурное пространство человека существует не только в реальности, но и в представлении, в массовом сознании. Парадокс цивилизации заключается в том, что при наличии все более совершенных средств передвижения человек ведет достаточно оседлый и рутинный образ жизни, выполняет все более стандартные операции со все более стандартными вещами, а свою тягу к новым впечатлениям удовлетворяет, путешествуя по виртуальному миру, который создают для него средства массовой информации.

Сам термин «информация», который пришел из кибернетики, предполагает

абсолютную объективность, отсутствие субъективных искажений и пристрастий, фактичность и математически корректные описания. Однако такое «информационное общество» остается мечтой, утопией, которую некогда нарисовала американская социология индустриализма. Практика показывает, что конструирование медиареальности представляет собой отнюдь не мирный процесс познания – подобного тому, который происходит в точных науках. Здесь сталкиваются различные проекты, которые предлагаются носителями различных культурных парадигм. Национальные картины мира отличаются друг от друга, различные религии по-разному рисуют вселенную, и, вопреки всем призывам к толерантности, субъекты культуры не довольствуются созерцанием своих культурных панорам в одиночестве – они активно навязывают их в средствах массовой информации.

Медиареальность представляет сегодня, таким образом, искусственно созданный культурный мир, который являет собой результат столкновения нескольких реализуемых в СМИ культурных проектов. В чем-то эти проекты накладываются друг на друга, в чем-то – совершенно противоречат друг другу. Созданный таким образом продукт глобального коллективного творчества предстает перед каждым индивидом, который вынужден позиционировать себя по отношению к нему. Полное неприятие предложенного и некритическое впитывание абсолютно всего – это крайности, между которыми лежит реальная позиция реципиентов медиакультуры.

Заслуживают пристального изучения и технологии конструирования медиареальности – как формы современного культурного творчества. Результатом развития СМИ становится насыщение рынка зрительских интересов, следствием – разделение каналов по тематике, аудиторному, адресному, национальному, территориальному, временному и другим признакам. Иными словами, влияние масс-медиа на человека принимает все более профессиональный характер. Они не только предлагают ему образы мира, но и влияют на модели поведения, образ жизни, взгляды и ценности человека.

Появившись как средства для передачи информации, коммуникации, медиа все активнее присваивают себе функцию создания культурной среды человека, «сотворения мира», ничуть не менее реального в восприятии, чем природный. Имитация реальности представляется реципиенту медиакультуры значительно более реальной, чем реальность «природная», «естественная».

Все более распространяется мнение, что СМИ представляют собой самостоятельный субъект, который не сводится к сумме работающих в них индивидов; этот сверх-субъект – подобно мировому разуму у Гегеля – сам творит не только культурный, но и природный мир, представляя собой «реальное, нечто, существующее независимо и, возможно, обладающее собственными потребностями и интересами» [5, с. 28].

Поток медиаинформации постоянно растет, появляются все новые телевизионные каналы, периодические печатные издания, интернетные сайты; общение людей перемещается из сферы vis-a-vis в сетевые сообщества, и глобальные по своему масштабу мобильные каналы. Сфера культуры и образования также принимает медийный характер: создана широкомасштабная сеть дистанционного обучения, сохранение культурных памятников все чаще происходит в цифровом

формате и т. д. Развитие новых информационных технологий способствовало проникновению медиа во все сферы жизни современного человека «реальность ... полностью схвачена, полностью погружена в виртуальные образы, в выдуманный мир» [1, с. 351].

Известно, что информационное поле медиа способно формировать диаметрально противоположные культурные, социальные, моральные, художественные, интеллектуальные ценности и интересы. В связи с этим существует множество точек зрения относительно проблемы медиа: их рассматривают как источник знаний, и в то же время помеху в образовании и воспитании, средство развития культуры и фактор, тормозящий последнее и т. д. Средства массовой коммуникации могут способствовать общественному прогрессу, образованию, поликультурному развитию современного общества, но в то же время, обладают деструктивным потенциалом, грозящим культурным, духовным, нравственным, эстетическим опустошением.

Н. Луман, взвешивая «за» и «против» воздействия современных массмедиа, констатирует: «мы имеем дело с одним из последствий социальной дифференциации современного общества. Это воздействие можно проследить, его можно подвергнуть теоретической рефлексии. Скорее, можно было бы говорить о «собственном значении» или «собственном поведении» современного общества, то есть о рекурсивно стабилизированных факторах, которые сохраняют стабильность даже тогда, когда раскрывается их генезис и способ функционирования» [4, с. 7]. К «собственному значению» масс-медиа, по всей видимости, можно отнести медиатизацию всего современного общества, небывалый рост потока информации во всех сферах – экономике, политике, образовании, культуре и т. д. Сюда же можно причислить возникающие в современной социокультурной ситуации противоречия, которые заключаются в стремительном освоении медийного пространства молодежью в отличие от старшего поколения.

Огромный поток низкопробной медиапродукции, ориентированный в своих нескончаемых «мыльных» шедеврах, бессмысленных шоу, претендующих на серьезную дискуссию о жизни, на развлечение заполняет сегодня современные медиаканалы. Поэтому можно согласиться с мнением А. В. Костиной о том, что современный масскульт «выступает как средство реализации не столько гедонистических и рекреационных, сколько идентификационных и адаптационных стратегий, закрепляя существующую в обществе социальную иерархию через символически значимое культурное потребление и способствуя стабилизации общественной системы через конструирование особой виртуальной надстройки над реальностью» [3, с. 18].

Развитие медийной индустрии и, одновременно, накапливаемый потребителями с самого раннего возраста стихийный медийный опыт, отнюдь, не способствуют формированию культуры общения с миром медиа, включающей в себя моральные, духовные, эстетические и др., не менее важные составляющие. Поэтому проблемы взаимодействия человека и медиа, медиа и культуры, медиа и науки, медиа и экономики, медиа и религии и т. п., становятся в современной ситуации как нельзя более актуальными.

Современные читатели, зрители, пользователи медийных продуктов самого

разного качества, переходят сегодня в разряд потребителей медиа, или, как их все чаще принято называть – коммуникантов, выступающих субститутотом «голливудского репликанта в системе «реальных» отношений». Являясь актуальной формой интересубъективности, коммуниканты «неотделимы от средств коммуникации, как минотавр неотделим от лабиринта, а кентавр – от продуктивной силы воображения. Они создают среду в той же мере, в какой медиасреда создает коммуникантов» [6, с. 27]. Для современного мира потребителей медиапродуктов характерна мозаичность восприятия, подмена творческого освоения мира подражанием, размытость эстетических границ между реальностью и виртуальным пространством экрана, что влечет за собой смещение духовно-нравственных и ценностных представлений о мире культуры.

К сожалению, ситуация такова, что на сегодняшний день ни одна структура не в силах противостоять стремительному натиску медиаинформации или компенсировать его негативное влияние: ни образование, ни учреждения культуры не в силах создать сегодня конкуренцию медийной действительности. Медийному поколению приходится задумываться над вопросом: какое место отведено в медиареальности человеку, который, собственно, сам ее и сконструировал?

Неслучайно интенсивное развитие и повсеместное распространение медийной продукции способствует постоянному расширению поля научного дискурса различных аспектов медиакультуры, медиареальности, порождая новые проблемы, связанные с осмыслением медийной реальности, того, как происходит взаимодействие человека с миром масс-медиа. «Бытие имеется всякий раз только в том или ином облике, посланном историей...» [8, с. 52], в связи с чем, актуальными становятся вопросы философско-культурного осмысления медийной реальности, включающий анализ идей, нашедших распространение в истории философской мысли, так как философия представляет собой «своего рода экстракт, сущностное ядро каждой культуры» [2, с. 8].

П. А. Флоренский заметил, что человека – «узел мира идеального и мира реального» [7, с. 107]. Именно проблемы реальности, а точнее – медиареальности, которая становится сегодня новым типом социокультурного пространства современного человека, определяют концептуальные рамки данного исследования.

Проблематичность анализа медиареальности исходит из противоречивости природы изучаемого феномена. Так, в современной ситуации наиболее остро проявляются противоречия между:

- технократическим и социокультурным уровнем развития человека в условиях современной медиасреды;
- генерализацией функций медиа в жизни человека и его социализацией и инкультурацией в современном обществе;
- возможностью самостоятельного конструирования медиареальности и зависимости от ее стандартизированных образцов;
- между маргинализированным характером медиареальности как результата и продукта современной массовой медиакультуры и важностью овладения непреходящими культурными ценностями;
- формированием мозаичных, «клиповых» представлений о мире и необходимостью создания целостного представления о мире культуры;

– интенсификацией симуляционных моделей медиа- и виртуального общения и стремлением человека к обретению подлинной коммуникации.

Таким образом, современные социокультурные процессы, сопровождающиеся возрастанием роли массовой коммуникации во всех сферах жизни, тесно связаны с медиакультурой, которая в настоящее время становится средой существования человека. Медиареальность как продукт и результат функционирования медиакультуры, присваивающая ее основные характеристики, продуцирует мозаичное, клиповое представление о мире реальности. Репрезентация реальности ориентируется не на отражение, а на производство собственных событий.

Литература и источники

1. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс; под науч. ред. О.И. Шкаратана. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
2. Коган, Л.Н. Теория культуры: учебное пособие / Л.Н. Коган. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1993. – 318 с.
3. Костина, А.В. Массовая культура как феномен постиндустриального общества / А.В. Костина. – 3-е изд., стер. – Москва: КомКнига, 2006. – 350 с.
4. Луман, Н. Медиа коммуникации / Н. Луман; пер. с нем. А. Глухова, О. Никифорова. – М.: Логос, 2005. – 276 с.
5. Рашкофф, Д. Медиавирус. Как поп-культура тайно воздействует на ваше сознание / Дуглас Рашкофф; [пер. с англ. Д. Борисов]. – М.: Ультра. Культура, 2003. – 363,[5] с.
6. Савчук, В. В. Медиафилософия: формирование дисциплины // Медиафилософия. Основные проблемы и понятия: материалы Междунар. науч. конф. «Медиа как предмет философии», 16–17 нояб. 2007 г. / под ред. В. В. Савчука. – СПб.: С.-Петербург. филос. общество, 2008. – С. 7–40.
7. Флоренский, П. А. Культ, религия и культура / П. А. Флоренский // Богословские труды. – М., 1977. – Вып. XVII.
8. Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер; пер. с нем. Библихин В. В. – М.: Ad Marginem, 1997. – 451 с.

НОВЫЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК РАЗВИТИЕ ТВОРЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ ИНТЕЛЛЕКТА

И. И. Дыдышко

В структуре конвергентных технологий особое место принадлежит информационным технологиям. Они призваны сыграть решающую роль в коренной перестройке научного познания, управленческой практики, инженерной деятельности и в практике обучения. Эти технологии основываются на новых научных знаниях, новой методологии, на новых знаковых системах, информационных и технических средствах интеллектуальной деятельности. Что же представляют собой новые информационные технологии? Это совокупность способов, приемов, методов обработки, операций, выполняемых субъектом над системой информационных ресурсов с помощью современных технических средств с целью достижения решения поставленных задач.

В современных условиях эти технологии приобретают инновационный характер, то есть они начинают формировать продукты и услуги, которые не имели аналогов ранее. В условиях придания информационным технологиям инновационного характера усиливается роль человеческого интеллекта. Такая интеллектуализация информационной техники задумана с целью обеспечения максимального использования возможностей новых сложных средств деятельности человека и эффективного их сочетания с его творческими способностями. Конкретные решения этой проблемы должны опираться на соответствующие теоретические представления, методологический инструментарий.

До процесса формирования конвергентных технологий методическое исследование познавательной деятельности человека акцентировало внимание на возможностях отражения и на проблемах соответствия образов отражаемым объектам. Но в самом познании содержатся и разнообразные конструктивные компоненты, изучение которых имеет первостепенное значение для разработки новых информационных технологий. Они в единстве выступают в качестве конструктивной функции интеллекта, состоящей в его способности порождать разнообразные средства и их всевозможные сочетания.

Традиционное понимание интеллекта как способности нашего разума порождать и хранить знание, гибко реагировать на новые ситуации и принимать решения, учитывает в имплицитной форме его конструктивную функцию. В явном виде она фиксируется при понимании интеллекта как способности образовывать понятия, суждения и умозаключения, проверять и корректировать гипотезы. А их при формировании информационных технологий много.

Интеллектуальный ресурс информационных технологий раскрывается через: развивающиеся процессы информатизации; технологии обработки информации, основу которых составляет вычислительная техника, развивающаяся в виде смены поколений, что позволяет утверждать о возрастании социальной силы интеллекта.

Основу информационных технологий составляют: во-первых, сама информация; во-вторых, способы ее обработки (сжатия, интеграции, передачи, кодирования, символизации) и хранения; в-третьих, формирование искусственного и расширения естественного языков для процессов ее трансляции в системе коммуникативной рациональности; в-четвертых, развитие форм коммуникативного взаимодействия в условиях информационного бума.

В современной научной литературе по проблемам сущности и содержания понятия «информационная технология» целостности и выявления конкретной сущности этого понятия не наблюдается. Общим для всех подходов выступает то, что они рассматривают эти технологии как скачок в развитии интеллекта человека и общества, исходя из процессов производства и обработки информации, становления и развития новых наук, отражающих специфику постнеклассической рациональности. С этих позиций информационные технологии предстают как комплекс взаимосвязанных технологических, инженерных наук, изучающих методы эффективной организации труда людей, занятых обработкой и хранением информации с помощью вычислительной техники. Конструктивная функция интеллекта раскрывается через комплекс знаний логики, методологии и гносеологии, которые используют субъект при развитии информационных технологий.

Получаемые здесь результаты используются в интеллектуальной деятельности на основе развивающихся механизмов логической рефлексии. Степень использования этих результатов всегда была показателем интеллектуальной культуры специалиста.

Результаты логической деятельности выступают основой, на которой ведется разработка современных информационных технологий. Одним из наглядных примеров выступает творческая разработка логики цели и целеполагания в связи с развитием программно-целевого управления в условиях его компьютеризации.

Разработка информационных технологий процесс сложный и творческий. Здесь необходимо учитывать, что эти технологии должны отвечать следующим требованиям:

- обеспечивать высокую степень расчленения всего процесса обработки информации на этапы (фазы), операции, действия;

- включать весь набор элементов, необходимых для достижения поставленной цели;

- иметь регулярный характер. Этапы, действия, операции технологического процесса могут быть стандартизированы и унифицированы, что позволит более эффективно осуществлять целенаправленное управление информационными процессами.

Информационные технологии в системе конвергентных технологий являются детерминирующими, они пронизывают весь спектр остальных составляющих NBIC-технологий. В них более четко раскрывается интеллектуальная деятельность человека, но на каждом этапе движения его интеллекта возникают противоречивые ситуации, что и подтверждается современной наукой. Сегодня существует и совокупный общественный интеллект, и большой фонд интеллектуальных ресурсов знания, и интеллектуальных новаций, но сегодня в развитии интеллектуальной деятельности действует большой негатив – она стала товаром и обрести истинное лицо субъекта инноваций сложно, а иногда и невозможно. Но это не означает пессимизма и спада приращения интеллектуальных ресурсов общества.

ФАКТОРЫ СТАНОВЛЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Ю. Ф. Никитина

В XXI в. место и роль Беларуси в мировой экономике будет определяться уровнем ее научно-технического развития, способностью создавать и эффективно тиражировать собственные и широко использовать импортные наукоемкие технологии, степенью присутствия страны на мировом рынке высоких технологий. Решать эти вопросы приходится в быстро меняющихся глобальных и региональных условиях (финансово-экономических, геополитических, социальных, конфессиональных и др.). Глобализирующаяся мировая экономика, ускорение научно-технического прогресса, усиление роли транснациональных корпораций формируют все более жесткие условия конкуренции на рынках товаров и услуг. В связи с чем правительством Республики Беларусь была определена задача перехода

страны к построению постиндустриального и информационного общества.

Тем не менее данная переориентация страны к новому состоянию общества затруднена последствиями ряда факторов, сформировавшихся под действием социально-политических и экономических трансформаций в СССР еще в период 1980–1990 гг. Сложная экономическая обстановка тех лет негативно сказалась на фундаментальной и отраслевой науках, до этого получавших прямое государственное финансирование. Вторая половина 80-ых – начало 90-ых гг., в результате больших кадровых потерь в научных коллективах страны, стала периодом сокращения научного потенциала (миграция квалифицированных научных кадров за рубеж, так называемая «утечка мозгов»), а также отток ученых в другие сферы деятельности не связанные с наукой). Неэффективное решение на протяжении длительного времени проблем создания высоких технологий, использования накопленного научно-технического, производственного, интеллектуального и кадрового потенциала обусловило технологическое отставание Республики Беларусь от высокоразвитых стран.

Распад СССР, разрыв хозяйственных связей и частичная утрата внешних рынков, переход от централизованного планирования к рыночной экономике, а также переход на собственную национальную валюту спровоцировали ухудшение экономической ситуации в стране и временный спад объемов производства. Тем не менее, именно сложившаяся в советские времена специализация экономики Беларуси на промышленности и сохранившиеся с тех пор производственные мощности обусловили решение руководства страны сделать ставку на опережающее развитие отраслей материального производства. Как в советской, так и в современной Беларуси промышленность составляет значительную долю в ВВП (в 1990 г. – 49%, 2005 г. – 31,1%, 2010 г. – 27,2, 2011 г. – 30,9%, 2012 г. – 30,1%) [1, с. 54].

Агропромышленный комплекс, как и другие отрасли экономики Беларуси, с распадом СССР претерпел кризисный период, сопровождающийся резким снижением объема производства сельскохозяйственной продукции, а также дестабилизацией хозяйственной деятельности и ухудшением социальных условий жизни на селе. Но уже с 2000 г. сельское хозяйство становится приоритетной отраслью для государства. Несмотря на принимаемые меры по закреплению кадров и повышению привлекательности жизни на селе, на протяжении уже более десятка лет наблюдается устойчивая тенденция сокращения занятости в сельском хозяйстве. Необходимо отметить, что данная ситуация является общей тенденцией для стран со средним доходом и переходной экономикой, однако она сопровождалась нетипичным в этом случае увеличением доли занятых в промышленности.

Согласно аналитической записке Всемирного банка в Республике Беларусь, с учетом достигнутого страной уровня развития, сектор услуг и его вклад в экономический рост, а также занятость в этом секторе невелики. При этом следует отметить, что за последние 20 лет занятость в секторе услуг существенно увеличилась (особенно в сфере торговли и общественного питания). Если в 1991 г. на долю услуг приходилось 40% рабочих мест, то в 2010 г. этот показатель составил 53,9%, а в 2013 г. – 57,2% [2, с. vi]. Однако мы по-прежнему значительно отстаем по показателю занятости в сфере услуг от стран Западной Европы (Великобритания – 76,5%, Германия – 67,6%, США – 75,8% (2005 г.).

В связи с переходом Республики Беларусь на путь построения постиндустриального общества в секторе услуг наметились существенные положительные сдвиги. Немаловажным фактором явилось и то, что экспорт является одним из приоритетных направлений в экономике Республики Беларусь. Однако доля услуг в экспорте страны в 2010 г. составила лишь 12% [3, с. 12–13]. Ввиду мирового финансового кризиса, а также сложностей с конкурентоспособностью белорусских промышленных товаров, которые возникли в период экономического спада в большинстве стран, политика экспорта в Республике Беларусь подверглась структурной трансформации. Был задан вектор на увеличение доли наукоемкой и высокотехнологичной продукции, диверсификацию поставок на новые рынки, а также увеличение сферы услуг в структуре экспорта Республики Беларусь по отношению к сфере производства. В результате уже в 2013 г. показатель доли услуг в экспорте увеличился, составив 16% [4]. При этом доминирующими среди экспорта услуг в Республике Беларусь по-прежнему являются транспортные услуги, составляющие 52% от общего объема белорусского экспорта услуг, что обусловлено особенностями географического положения нашей страны. Среди экспорта высокотехнологической продукции в 2008 г. наибольший объем пришелся на товарную группу научных принадлежностей, электронику и телекоммуникации, химические продукты, неэлектрическую технику и фармацевтическую продукцию.

Вместе с тем определенный импульс развития получила сфера деловых услуг. В странах со средним и высоким доходом, отрасль деловых услуг росла значительно более быстрыми темпами, чем сектор рыночных услуг, и была важным механизмом создания рабочих мест. Выделение данного вида услуг было предусмотрено в Комплексной программе развития сферы услуг в Республике Беларусь на 2006–2010 гг. (к ним отнесены: риэлтерские, банковские, информационные, консалтинговые, услуги в сфере науки). Более того, рост рыночных процессов и усиление интеграции привели к расширению спектра деловых услуг (факторинг, инжиниринг, лизинг) [3, с. 12–13].

В последнее десятилетие в Беларуси сделана ставка на информационно-коммуникационные технологии и связанные с ними виды услуг как необходимые инструменты становления информационного общества. Развитие IT-индустрии в Беларуси началось относительно недавно. Точкой отсчета принято считать сентябрь 2005 г., когда Декретом Президента Республики Беларусь № 12 «О Парке Высоких Технологий» была заложена законодательная основа в этой сфере. Создание Парка Высоких Технологий было призвано обеспечить преобразование традиционных отраслей экономики на базе современных технологий, с целью повысить их конкурентоспособность. Несмотря на столь короткий срок, за Республикой Беларусь успела закрепиться репутация ведущей «IT-страны» в Восточно-Европейском регионе. Согласно рейтингу GlobalServices 100, Республика Беларусь заняла 13 место среди 20 стран-лидеров в сфере IT-аутсорсинга и высокотехнологичных услуг. Три фирмы с белорусскими корнями (EPAMSystems, IBAGroup и InteticsCo) вошли в Toplist 100 крупнейших мировых компаний [5]. IT-индустрия в Беларуси приспособлена преимущественно под аутсорсинг.

Согласно выводам в докладе «Информационное общество», подготовленного Международным союзом электросвязи, Республика Беларусь занимает достойное

место в глобальном информационном пространстве и по индексу развития информационно-коммуникационных технологий в 2013 г. заняла 41 место, поднявшись на 5 позиций вверх по сравнению с 2012 г., тем самым активно приближаясь к ведущим странам. Необходимой составляющей успеха в развитии информационного общества в Республике Беларусь является подготовка IT-кадров. Так, согласно данным Министерства образования, в 2013 г. в сфере информационных технологий отечественными ВУЗами было подготовлено 3550 специалистов [6].

Литература и источники

1. Национальные счета Республики Беларусь: Статистический сборник. – Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2014. – 352 с.

2. Беларусь. Тенденции и проблемы в секторе услуг = Belarus. Trends and issues in the services sector: аналитические записки по вопросам экономической политики Беларуси: аналитическая записка №3: 25 июня 2010 года / Департамент по управлению экономикой и борьбе с бедностью, Регион Европы и Центральной Азии. – [Б. м.: б. и., 2010]. – VII, 35, VI, 32 с.

3. Громько, Р.И. Развитие сферы услуг в Республике Беларусь и экономический рост / Р.И. Громько // Беларусь в современном мире: материалы III Междунар. науч. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых. Гомель, 20 мая 2010 г. – Гомель, 2010.

4. Увеличение доли экспорта услуг позволит Беларуси компенсировать отрицательное сальдо внешней торговли товарами – Гурьянов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.belta.by/ru/all_news/economics/Uvelichenie-doli-eksporta-uslug-pozvolit-Belarusi-kompensirovat-otritsatelnoe-saldo-vneshnej-torgovli-tovarami---Gurjanov_i_671448.html/. – Дата доступа: 04.10.2014.

5. IT-индустрия // Посольство Республики Беларусь в Королевстве Нидерландов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://netherlands.mfa.gov.by/ru/belarus/economy_business/key_economic/it/. – Дата доступа: 08.10.2014.

6. Стратегия развития информационного общества Республики Беларусь: результаты и перспектива // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.by/main.aspx?guid=147283>. – Дата доступа: 21.07.2014.

РАЗВИТИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ КАК ПРЕДПОСЫЛКА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ БЕЛАРУСИ

А. Л. Пушкин

Интернет является самым быстроразвивающимся сегментом современного информационного пространства в нашей стране и мире. К 2015 году количество подключенных устройств достигнет 15 млрд, а к концу десятилетия на каждого жителя планеты будет приходиться по 7–8 подключенных устройств. По прогнозам, к 2020 году в мире 40 млрд устройств будут подключены к Интернету [1].

Результаты научных исследований подтверждают значительное увеличение Интернет аудитории в течение последнего десятилетия в нашей стране. Если в начале двухтысячных годов важнейшими источниками получения социально значимой информации являлись, в первую очередь, телевидение, затем журналы и газеты,

радио, информация от друзей и знакомых, и только на пятом месте по значимости является Интернет, то в настоящее время Интернет по своей значимости является важнейшим источником информации, оттеснив на второй план традиционные СМИ.

По статданным представленными в отчете Национального статистического комитета Беларуси количество абонентов беспроводного доступа в Интернет возросло за год на 14,6% и составило 6,6 миллионов.

По оценке Международного союза электросвязи, в Беларуси в последние годы сохраняются достаточно высокие темпы развития информационно-коммуникационной инфраструктуры. В 2012 году из 157 рейтинговых позиций республика заняла 41-е место по индексу развития информационно-коммуникационных технологий [2].

Возможности Интернета имеют неограниченный ресурс использования во всех сферах человеческой деятельности: политической, экономической, социальной. В связи с этим происходит существенные изменения в социально политической сфере общества, традиционные формы политического взаимодействия, детерминируются современными Интернет технологиями, позволяющими перейти от информационного монолога к многосторонней коммуникации, что существенным образом повышают эффективность его воздействия на общественное сознание. Данные социологических опросов подтверждают, что 80% пользователей сетей доверяют мнению своих онлайн-друзей больше, чем своих реальных товарищей. Новая коммуникационная система существенным образом ослабляет власть традиционных форм сообщений.

Социологические данные, полученные в ходе проведения мониторинга, Институтом социологии в ноябре 2014 года, свидетельствуют о том, что Интернет является важнейшим источником информации для 53,6% – опрошенных респондентов, прочно занимая вторую позицию после телевидения, которое является значимым источником информации для 80,4% респондентов. Далее по значимости следуют следующие источники информации: периодические печатные издания – 31,8%, родственники, друзья, коллеги и т. п. – 25,4%, радио – 21,6%, официальное информирование по месту работы – 6,5%. Полученные данные подтверждают динамику предыдущих лет, снижение значимости всех источников информации, за исключением Интернета. В то же время темпы роста Интернет пользователей за последний год оказались очень незначительными – всего 0,6%. Является ли это снижение темпов интернетификации началом долговременной тенденции или это кратковременное замедление темпов роста обусловленное экономическими трудностями в стране станет ясно в результате последующих социологических замеров.

Сравнение полученных данных с результатами предыдущих опросов свидетельствует о значительном увеличении Интернет аудитории при одновременном сокращении аудитории телевидения и периодических печатных изданий. Согласно данным мониторинга за 2014 год – 53,6% опрошенных являются пользователями Интернета. Из них 46,2% посещают Интернет практически каждый день, 1–2 раза в неделю – 12,2%, не реже 1–2 раза в месяц 4,4%, реже 1 раза в месяц – 3,5%. Более интенсивно используют Интернет в городе 58,5% – каждый день, и особенно молодые люди до 30 лет – 85,4%.

На современном этапе белорусский Интернет добился определенных успехов: существует огромное количество сайтов и интернет-магазинов, сформировался рынок веб-дизайна, услуг по доступу в сеть интернет и продвижению сайтов. Подобное разнообразие выбора привлекает к данному источнику информации все больше и больше населения. Таким образом, снижение тарифов, рост числа пользователей как стационарного, так и мобильного Интернета, увеличение спектра интернет-услуг создают благоприятные условия для формирования в Республике Беларусь информационного общества.

Литература и источники

1. Всеобъемлющий интернет: риски и угрозы подключения неподключенного [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://internetua.com/vseob-emluasxii-internet--riski-i-ugrozi-podkluacseniya-nepodkluacsennogo>. – Дата доступа: 16.01.2015.
2. В Беларуси 6,6 млн абонентов беспроводного доступа в Интернет // Новости Беларуси [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.belta.by/ru/allnews/tech/V-Belarus-66-min-abonentovInternet__669427/html. – Дата доступа: 17.05.2014.

THE SHADOW EFFECTS OF OWNERSHIP RIGHTS ON PROCESS-RELATED INFORMATION

Florina Bran, Gheorghe Manea, Ildiko Ioan, Carmen Valentina Rădulescu

1. Introduction

The authors' aim is to *select* from the wide area of society only the space devoted to information in economic and industrial processes, defined in the Romanian Thesaurus Dictionary as:

- elements of knowledge that may be coded for purposes of preservation, processing or communication;
- each of the new elements, compared to prior knowledge, as included in the meaning of a symbol (text, spoken message, images, etc.)

In an effective (industrial) system, process-related information is found under the following flow:

- When entering the system, they take the form of patents, know-how, technological process management software, specialised assistance, contacts between specialists, scientific literature, espionage data, knowledge of newly employed staff, etc.
- Inside the system, the information is stored, the information of an interest for the operation and evolution of the system is selected and other information is used as a catalyst, as an incentive for ideas, for the development of other new information as the effect of the technical intelligence, talent and innovative spirit of staff and the research and development (R&D) activity organised within the system.
- The new information is added to the system's own equipment, supporting the continuous performance improvement process, ensuring progress, becoming a competitiveness factor on the product and service offer for the market.

When exiting the system, the information takes various usual forms in the trade with such goods and is protected by intellectual property rights. The revenues obtained in this

manner are added to the ones resulting from the marketing of products and services in the company's specific area. Economic effects may be significant in terms of values. For instance, there are pharmaceutical companies (in Switzerland) where process-related information trade may represent up to 40% of the company's turnover, a performance which is primarily due to the better systemic organisation of technical intelligence.

The revenues obtained in this manner may be distributed in the accounting books of a company as follows:

- covering expenses incurred for the acquisition of information upon their entrance to the system;
- financially supporting the entity/ R&D efforts from within the system;
- protecting intellectual property rights (taxes, etc.);
- contributing to new investment expenses for the modernisation of the effective system;
- motivating the staff that contributed to the generation of new information;
- acquiring better staff: from an intellectual, professional point of view, etc.

2. *The place and role of process-related information in modern economy*

Not any economic and industrial entity may generate process-related information with a commercial value. The history of production systems has witnessed three economic systems, differentiated in terms of management behaviour (Manea, 2008):

– *Effective systems with a static management behaviour*, typical to the beginning of the industrialisation age.

– *Systems with an evolutionary (anticipative) behaviour*, characteristic for the modern age and having the capacity of functional self-improvement and mobilisation of better organised and continuously trained human resources, transforming professional intelligence, native talent, experience, innovative spirit, etc. in an economic potential ensuring the company's leadership in its field of activity.

– A high number of *systems with an adaptive behaviour* are seen between the two effective systems, exceeding the static phase (involutedly on its existing trajectory) and tending to the performances of leader units. In this *follow-up process*, the acquisition of process-related information from leader companies becomes a primary success tool, conditioned by the improvement of the structure of their own system and by the conversion of human resources to production and innovation factors.

In the structure of modern systems, management subsystems (strategic, tactic and operative or effective systems) have underwent major changes, passing from system adjustment (control) with *feedback* loops paying attention to the system's history, past, with pre-set technological parameters, characteristic for systems with a static management behaviour, to adjustment with *feed-before* or *forward* loops, paying attention to the future, *the time arrow* (Georgescu-Roegen, 1979). These systems with an anticipative management behaviour react to the external pressures of the effective system before they become functional. The reaction occurs through the flexibility of technological parameters to the events that will take place.

The importance of process-related information for the generating system comprises among others:

- staff «*intellectualisation*», staff selection according to their intelligence, experience, talent, innovative spirit, etc. and the valuable use of such qualities;

– the decision makers in the system are focused on the system’s future, clearly defined through the trajectory it must follow, by means of the strategies and policies they establish;

– professional satisfaction for the employed human resources, their stability, the perspective of their professional evolution;

– a favourable conjuncture for decision makers, with a view to proving their professional excellence;

– an open road for well-performing systems, ensuring access to and success within the globalised economic area;

The importance of information generating units for the location of the unit is made up by:

– the valuable use of the intelligence of persons in the area, with advantages for the family and community;

– an opportunity to set up specialised schools, of interest for industrial units in the area;

– the possibility to correlate the development plans for the area/ town with the *time arrow* in the industrial unit’s evolution strategy;

– higher revenues for employees, family and the town.

The relation of information generating units with national interest should consider the fact that the power of a country is given by the production, dissemination and implementation of knowledge. Justification:

– a contribution to value added in the valuable use of own natural resources;

– a better valuable use of human resources;

– reduction or avoidance of brain drains, which increase the country’s poverty and hinder its development;

– the country’s integration within the international/ global flow of information and the possibility to access new knowledge from their external market, to the advantage of its own economy;

– the reduction of economic pressure on non-renewable natural resources becoming concurrent with the valuable use of professional intelligence;

– possible directions for the organisation of the national/ local education system, also for highly skilled persons, that begin to contour a national thesaurus of intelligence, talent, innovation.

Within the globalised economic area well-performing economic units, leaders as called above, whose capacity to reach and resist at the level of the globalised market depends not only on the efforts of their own effective system, but also on the dimension of the unit that may support the internal flow of management of process-related information, especially the organisation of research and development, staff selection and employment according to high criteria of intelligence and professional knowledge or talent, along with a marketing activity ensuring the trade in newly obtained information (Bran et al., 2012). In support of the above mentioned data, one must remember that the LG Group of South Korea has 26,000 employees for its R&D activity, and Singapore obtains 58% of its total exports from high technology (also including process-related information).

3. The shadow effects of intellectual property (process-related information)

The shadow effects that authors have wanted to underline are real externalities of

process-related information, as presented in the paper. They are not found in the market value of information, as they have a primarily social role, with an economic impact as well, so that they may be seen in the national GDP and in the country's economic and social development.

From this perspective, of the national level and with reference to Romanian economy, the shadow effects of intellectual property on process-related information compel governments to consider measures such as the following, within the efforts for economic and social development and survival in the globalised economic area:

- Adjustment of the national education system, with a view to outlining talents, intelligence, promoting innovative and competitive spirit, responsibility.

- Newly built, modernised or privatised industrial units should include research and development in their structure. Such a requirement is applied in China and Sweden; thus, jobs are created for the elites and skilled staff in the host country.

- Enhancement of the national R&D sector, operating in synergy with the research centres of private industrial units. In some countries, R&D activities are allocated 5% of the GDP or education takes place according to 21st century requirements. For instance, in FP7, the European Union foresaw a programme to elaborate a curriculum for secondary education, educating students so that they may have a career after they finish their tertiary education, as scientists (European Commission, 2013).

- Changing the direction of the migration flow of people with high intellectual skills.

- Understanding the meaning of professional excellence and finding its place at all management levels.

The final proposal may act as a conclusion to the short paper on intellectual property of process-related information, seen not only as a business of an industrial unit, but also as a component of the mechanism ensuring the economic and social development of a country.

References

1. Bran, F., Manea G., Ioan I., Rădulescu C.V Globalizarea – manifestări și reacții. – Bucharest: Economică, 2012.
2. European Commission. Research results magazine. – 2013. – No 25. – P. 13–14.
3. Georgescu-Roegen, N. Legea entropiei și procesul economic. – Bucharest: Politică, 1979.
4. Manea, G. Comportamentul sistemelor de management // Managementul Energiei, coord. Leca Aureliu și Mușatescu Virgil. Bucharest: Editura Agir, 2008. – P. 115–118.

ОБРАЗОВАНИЕ КАК ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ РЕСУРС ОБЩЕСТВА И ЛИЧНОСТИ

Л. И. Лукьянова

Хорошо известно, что общество программирует свое будущее через систему образования. Поэтому проблема образования всегда возникала в рамках движения общества к новому, более динамичному модернизирующемуся социальному состоянию. В наше время рыночная реальность, предполагающая установку на материальный успех и соответствующую этой цели конкретную полезность занятий, совершенно меняет мотивационные предпочтения на интеллектуальный труд. Только для наиболее развитой и требовательной молодежи, думающей о собственном будущем и перспективах своей профессии в обществе, сохраняет актуальность проблема качества вузовской подготовки, необходимого уровня социокультурной, интеллектуальной подготовки будущего специалиста.

Образование как источник жизненного успеха на время потеряло свою стимулирующую роль в обществе. Вследствие этого в системе жизненных ценностей молодежи (об этом красноречиво свидетельствуют социологические опросы) ранг ценности образования существенно снизился. По данным, например, нашего исследования, в качестве факторов жизненного успеха нередко назывались такие, как: «связи»; «поддержка влиятельных лиц»; «предприимчивость». А «качество образования», «перспективность специальности» опускались на более низкие места. Новым явлением стало также утверждение в студенческой среде прагматического подхода к образованию, рассмотрение его как средства получения максимальных материальных благ и удовольствий. Понятно, что подобная оценка не может не вызывать чувства пессимизма. Хотя утрата ценностей на определенном этапе общественного развития, так сказать на «переломе эпох», не случайность, а скорее закономерность трансформации социальных систем.

На этом фоне естественно формируется потребность в специалисте с ограниченным кругом интересов, с недостаточной фундаментальной и, прежде всего, гуманитарной подготовкой.

Однако в современном мире благосостояние граждан и неразрывно связанные с ним безопасность и устойчивое развитие общества в еще в большей мере, чем ранее, зависит от научного и интеллектуального потенциала страны. Как известно, в советское время творческие профессии были однозначно престижными. Существовала как бы своеобразная «табель о рангах», разлинованная в зависимости от уровня образования, научной степени и ученого звания специалиста. Такой подход позволял задавать более высокий нравственный идеал, чем прагматическая устремленность к материальному обогащению, понимаемому как конечный

жизненный ориентир.

Во все времена решающим фактором успеха становился интеллект, что предполагало наличие особого слоя людей – интеллектуальной элиты. Интеллигенция, прежде всего гуманитарная, на протяжении всех исторических эпох, выступала как хранитель и создатель духовных ценностей общества. Всем своим поведением, профессиональной деятельностью, культурным кругозором она вселяла высокую духовность в тех, кто ее окружал, и с кем она взаимодействовала. Причем особенность этого взаимодействия состоит в том, что интеллигенция, делает это тактично, педагогически корректно, личным примером поведения.

В конце XX – начале XXI века сфера деятельности и влияния интеллигенции кардинально изменилась. Это связано со всей совокупностью претерпевших изменения экономических, политических, социокультурных и др. условий современного мира в целом и отдельных стран, в частности. Объясняя роль интеллигенции в меняющемся мире, исследователи отмечают, что функциональное предназначение интеллигенции изменилось как на постсоветском пространстве, так и в глобальном мировом контексте. Что касается стран бывшего СССР, то поколенческие разрушения социально-экономических механизмов воспроизводства статусных позиций т. н. «интеллигентских» профессий привели к тому, что многие их представители (прежде всего педагоги, врачи, инженеры и др.) оказались в современном обществе вытеснены за пределы «среднего класса». Об этом красноречиво свидетельствуют такие показатели стратификационности как уровень дохода, престиж профессии в обществе и т. п. Более того, интеллигенция перестала существовать и декретивно. Известно, что лицо, имеющее право претендовать на звание интеллигента, до сих пор значится в документах как «служащий».

Между тем, как никогда актуально ныне образное выражение немецко-французского мыслителя А. Швейцера подчеркивавшего, что «в час опасности страж, который должен был предупредить нас о надвигающейся беде, заснул» [1, с. 39–40]. И этим «стражем», естественно, является интеллигенция, обладающая качествами прогнозирования, высоким уровнем научного, интеллектуального и социокультурного кругозора.

Сейчас, когда мы говорим об интеллектуальном потенциале, необходимо иметь в виду, что начатые в современном обществе процессы модернизации столь сильны, что востребованность на интеллект становится условием сохранения и развития способности общества. «Падение сначала интеллектуального уровня, – подчеркивал академик В. И. Арнольд, – приведет затем к падению индустриального уровня и, наконец, военного уровня». [2, с. 8]

Особенность интеллектуального труда в обществе заключается в его одухотворенности. «Одухотворенность обнаруживается в обращенности человека к высшим ценностям, к идеалу, в сознательном стремлении усовершенствовать себя», – подчеркивал профессор Р. Г. Апресян [3, с. 60]. Объясняя роль интеллигенции в указанном плане, исследователи отмечают, что в интеллектуальном труде личность развивает свой человеческий потенциал (талант), чтобы его реализовать с наибольшей пользой для себя, своего Отечества и человечества в целом. А это предполагает высокий профессионализм, который не существует автономно, и не мыслим без воспитания нравственности, а воспитание нравственности невозможно

без образования.

И здесь необходимо обратиться еще к одной проблеме современного образования. Его чрезмерная специализация, технологичность вузовской подготовки в ущерб фундаментальной и особенно гуманитарной – специфический вектор образовательной политики современного времени. Несомненно, эту тенденцию необходимо преодолевать, находя формулу гармоничного сочетания фундаментальной и специальной подготовки. Полноценный, а не урезанный гуманитарный блок должен быть органической составляющей любого специального образования. Иначе образование, как справедливо подчеркивал А. Солженицын, станет «образованщиной», а «образованщина» с неизбежностью должна быть заменена на интеллигенцию новую и истинную» [4, с. 217–218]. Гуманитаризация образования предполагает, что учащийся, ведомый преподавателем, открывает для себя часть громадного мира гуманитарной культуры, учится ориентироваться в этом мире, то есть знать не только факты, но и их различные интерпретации, трактовки, обнаруживать связь фактов и суждений, умение их отбирать и сопоставлять. Как видим, нельзя гуманизировать естественнонаучное образование простым расширением программ изучения гуманитарных дисциплин, хотя и это, безусловно, важно. Развивая эту мысль, академик Н. Н. Моисеев утверждал: «Единство мира требует и единства науки, и постепенно станет возникать некая метанаука, объединяющая и гуманитарные, и естественнонаучные знания, наука о том, как роду человеческому сохранить себя...» [5, с. 16].

В этой связи, необходимо привести еще одно соображение. Оно касается места и роли гуманитарной интеллигенции в современном обществе. На всем постсоветском пространстве, изолированность и раздробленность интеллигенции не только не позволяет ей коллективно осознавать, но тем более защищать общие интересы. Необходимо самое широкое участие научно-педагогического сообщества в совершенствовании системы образования, усилении его гуманитарной составляющей, установлению контактов между специалистами различных отраслей знаний, прежде всего, социогуманитарного.

Завершая, подчеркнем общий вывод наших размышлений: интеллигенция несет огромную ответственность за уровень общекультурного развития будущих поколений своей страны и в мире в целом. Сегодня необходимы громадные усилия для вывода культуры из кризиса. Наряду с экономическими мерами громадную роль здесь должна сыграть система образования – хранитель, систематизатор и транслятор интеллектуально – нравственной культуры общества.

Литература и источники

1. Швейцер, А. Культура и этика / А. Швейцер. – Москва: «Прогресс», 1973. – 343 с.
2. Молодая гвардия – 2014. – № 7–8.
3. Апресян, Р. Г. Одухотворенность / Р. Г. Апресян // Человек. – 1996. – №4. – С. 60–74.
4. Солженицын, А. И. Образованщина / А. И. Солженицын // Из-под глыб: сб. статей. – М.: «Русская книга», 1992. – С. 187–221.
5. Моисеев, Н. Н. О единстве естественнонаучного и гуманитарного знания / Н. Н. Моисеев // Человек. – 1992 – №2. – С. 5–16.

КАЧЕСТВО ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК БАРОМЕТР КУЛЬТУРЫ ОБЩЕСТВА

В. А. Бобков

И вчера, и сегодня многие ученые, политики и простые граждане не перестают искать ответ на вопрос: «Почему так легко, словно картонный домик, распался Советский Союз?» Ведь это была могучая страна, обладающая самыми богатыми на планете ресурсами, передовыми космическими технологиями, высокоразвитым промышленным потенциалом, сильнейшей армией. И – вдруг все рухнуло.

Ответы находят самые разные. Одни видят причину в неподготовленности, непрофессионализме политических лидеров, другие – в несовершенстве экономической и политической моделей социализма, третьи – в разлагающем влиянии западной идеологии. Во всем этом есть доля правды. Но глубинная причина, сама истина, на наш взгляд, кроется в том, что *Советский Союз ко времени развала обнищал духом, сознанием народа*. Это подтверждает один из руководителей советской страны Ю. В. Андропов. Став Генеральным секретарем ЦК КПСС, он честно признался: мы не знаем общества, в котором живем. К девяностым годам прошлого столетия Советский Союз растерял то великое духовное богатство, утратил те жизненные ориентиры, которые цементировали многонациональный советский народ накануне, в годы Великой Отечественной войны и первые послевоенные годы. А народ, оторвавшийся от своих духовных корней и утративший идейно-моральное содержание, становится легко уязвимым даже в условиях экономического процветания.

Обратим внимание на то, что еще задолго до нашего времени многими именитыми учеными было замечено: сознание, мышление, идеология, в целом духовная сфера любого общества имеет определяющее значение в исторических судьбах стран и народов. Известный французский ученый в области социальной психологии Гюстав Лебон считал: «Единственные важные перемены, из которых вытекает обновление цивилизаций, совершаются в идеях, понятиях и верованиях. Крупные исторические события являются лишь видимыми следствиями невидимых перемен в мыслях людей» [1].

И еще одна ссылка на научный авторитет. В такой науке как геополитика считается, что *характер и дух народа не уступают по своей силе вооружениям*. Это утверждали отцы-создатели геополитики Ф. Ратцель, П. Челлен, Х. Маккиндер и другие. А в годы Великой Отечественной войны советский народ доказал это на практике.

Можно приводить еще и еще многочисленные ссылки на великих авторитетов о непреходящей роли гуманитарной науки и гуманитарных образовательных дисциплин, включая и то, что XXI век во всем мире считается веком гуманитарного знания, во многом формирующего информационное общество.

Данные аргументы являются исходными для оценки ситуации с проведенной в высшей школе нашей страны так называемой «оптимизацией». Реформа осуществлена на основе реализации «Концепции оптимизации содержания и объема социально-гуманитарных дисциплин в учреждениях высшего образования» и

экспериментальной учебной программы, утвержденной Министерством образования Республики Беларусь.

Тот бывший студент, кто успел получить высшее образование до нынешней реформы, хорошо помнит, что гуманитарные дисциплины, например, философию, историю, политологию, социологию и другие, он изучал как отдельные самостоятельные и целостные дисциплины. Это давало возможность представлять дисциплину в достаточно полном объеме и в историческом развитии. Студент получал целостные знания по каждой их них.

Но вот два года назад грянула «оптимизация» или, как любит говорить наш Президент, в Министерстве образования у кого-то «зачесалось». Вместо сокращения числа чиновников при оптимизации пошли по пути сокращения часов на гуманитарные дисциплины.

Чтобы завуалировать сокращение гуманитарных дисциплин, реформаторы позаимствовали из украинского опыта так называемую модульную систему образования. Суть ее в объединении (интегрировании) родственных дисциплин и выведении в итоге одной общей средней оценки. По инструкции Минобразования два преподавателя в одной аудитории должны одновременно принимать экзамен или зачет у студентов и выводить среднюю оценку их знаний.

Вторым нововведением является специализированный модуль, который, по задумке реформаторов, студент должен выбрать сам для углубленного изучения определенных тем дисциплины. То есть, не изучив как следует саму дисциплину, предлагается углубляться в ее отдельные части.

Пожалуй, первая беда в результате оптимизации – это значительная потеря аудиторных часов (лекции, практические занятия). Такую потерю понесли все гуманитарные дисциплины, включая философию, историю, политологию, социологию. Особенно же больно эксперимент ударил по дисциплине «Политология». До эксперимента объем аудиторных часов на «Политологию» составлял 72 часа, а стало – 18 (8 часов лекций и 10 часов семинарских занятий) в интегрированном модуле, 34 часа в специализированном модуле. 18 часов – это по сути лишь введение в дисциплину, а не базовый курс. Будь хоть самым талантливым лектором и педагогом, но «втиснуть» в этот объем даже самые минимальные знания невозможно. А ведь в политологии, как ни в какой другой учебной дисциплине, содержится, пожалуй, *самый большой и богатый учебно-воспитательный потенциал, ориентированный на практическое применение.*

Сама тематика дисциплины представляет ее как теоретико-прикладной курс политической социализации личности, воспитания активной жизненной позиции человека и гражданина. Возьмем для примера темы: «Политическая власть», «Политическая система общества», «Государство как основной политический институт», «Выборы и избирательные системы», «Политическая культура», «Политические элиты и лидерство». Их изучение позволяет усвоить принципы легитимности и эффективности политической власти, стабильности политической системы, принципы правового государства и гражданского общества, необходимые качества политического лидера, влияние политического сознания и политической культуры на стабильность политической системы и др.

Но, возможно, значительные потери объема аудиторных часов на базовый курс

дисциплины, – это и не самая главная беда. Дело в том, что *экспериментальная программа разрывает дисциплину на части*, которые не понятны ни студентам, ни преподавателям, ни научному сообществу. В «Политологии» одна из частей – это названный нами базовый 18-часовой курс, интегрированный в модуль с «Основами идеологии белорусского государства». Вторая часть изучается позже и именуется «специализированным модулем», рассчитанным якобы для углубленного изучения дисциплины. В первом случае оценка выводится как средняя из двух дисциплин интегрированного модуля. Во втором – по одной дисциплине.

Образовательная дисциплина «Социология» потеряла в результате оптимизации почти половину объема аудиторных часов. Естественно, это серьезно обедняет ее содержание. *Но и здесь самая главная беда – искусственное включение ее в интегрированный модуль с дисциплиной «Экономика»*. Причем эти дисциплины не только разные, но и находятся в ведении разных кафедр. Все это можно наглядно видеть на примере Белорусского национального технического университета. Студенты БНТУ в своей массе с недоумением задают вопросы. Зачем разделили «Политологию» на интегрированный и специализированный модули, если ясно, что 4–5 тем в интегрированном модуле не дают и приблизительного представления о предмете? А почему специализированный модуль вдвое больше интегрированного, который вы называете базовым? Почему в интегрированном модуле наши знания оцениваете общей оценкой по двум дисциплинам, а в специализированном – по одной дисциплине? Вы ставите нам общую оценку по «Экономике» и «Социологии» и считаете, что она правильно отражает наши знания?

В еще большем замешательстве оказались иностранные студенты, обучающиеся в БНТУ. Они вообще и не понимают, и не воспринимают такое нововведение. Наслушавшись разговоров преподавателя о модульной системе, некоторые студенты с юмором спрашивают: «Вы все о модулях, да о модулях. Может нас будут в космос запускать?»

Конкретная практика учебного процесса свидетельствует о растерянности студентов, их искреннем непонимании того, что *у взрослых дядей с учеными степенями и званиями может отсутствовать элементарная логика*.

Оценка «оптимизации» преподавателями выявляет ее необоснованность. Во-первых, значительное сокращение количества аудиторных часов на обязательные дисциплины не дает возможности формирования систематизированных, опорных знаний, ведет к их фрагментации и мозаичности, что недопустимо в условиях глобализации с ее рисками, экономической и политической нестабильностью общества, сложной политической ситуацией в современном мире.

К фрагментации целостных знаний ведет и установленная пропорция аудиторных часов на *базовый курс* (интегрированный модуль) и специализированный модуль, предназначенный для более глубокого изучения дисциплины, по выбору студента. Как отмечалось выше, на учебную дисциплину «Политология» в интегрированном модуле отведено всего 18 аудиторных часов, а в специализированном – 34 часа, т. е. почти вдвое больше, что подметили и студенты.

Получается, что интегрированный модуль, по сути, *является лишь кратким введением в дисциплину, а не базовым курсом*. В таких условиях учебная дисциплина не в состоянии выполнять свои функции, она не дотягивает даже до минимального

объема, необходимого для усвоения учебного материала и ведет к *профанации предмета*. А за этим следует снижение его учебной и воспитательной роли, престижа и статуса. Причем по отношению к «Политологии» это приобретает особое значение, в ней каждая тема имеет проблемный характер и требует своего обоснования, уяснения сущности, функций.

Во-вторых, при распределении дисциплин по модулям в ряде случаев нарушена как методология, так и элементарная логика, ибо они *не коррелируют в интегрированности*. К примеру, «Социология» отнесена к интегрированному модулю «Экономика», хотя в БНТУ она преподается как «Общая социология», изучающая общество и личность. Да и предмет, тематика «Социологии» имеют в своей основе и историческом развитии наиболее родственную связь с политологией. «Социология политики» многими учеными рассматривается как составная часть «Политологии». Поэтому, как подметили и студенты, она никак не согласуется в одном модуле с «Экономикой» и выведение общей средней оценки из ответов по каждой дисциплине объективно не отражает уровень знаний студента. *А ведь эта оценка вносится не только в его зачетную книжку, но и впоследствии – в приложение к диплому, формируя неправильное представление о знаниях молодого специалиста*. Если еще понятнее сказать, то это то же самое, что выводить общую оценку из знаний студента по химии и физике.

В-третьих, в крайне узких рамках возможностей «экспериментальной программы» преподаватель фактически ограничен в контроле самостоятельной работы студентов, которая предусмотрена в учебных планах специальности. Следовательно, мало того, что даем студентам абсолютно фрагментарные знания, но и проконтролировать их усвоение проблематично. И вообще в установлении формы контроля знаний на основе «оптимизации» не прослеживается логическая связь. В интегрированном модуле, где на «Политологию» отведено 18 аудиторных часов, предусмотрен *дифференцированный зачет*. В специализированном модуле, где «Политология» составляет 34 аудиторных часа, формой контроля знаний является простой зачет.

В-четвертых, предложенная «оптимизация» *деинституционализирует, дегармонизирует преподавание* социально-гуманитарных дисциплин, что идет вразрез с мировой тенденцией образовательного процесса, *разрушает сильные, позитивные элементы советской высшей школы*, которые и сегодня во многом копируют западные образовательные системы.

Реформаторы, очевидно, сами того не понимая, своими волонтаристскими подходами противоречат основам теории и методологии науки и образовательного знания. Ведь учебная дисциплина возникает не произвольно, а «вырастает» из суммы знаний и умений, которые выкристаллизовывались в системе человеческого знания веками, выполняют в ней определенные функции, играют определенную роль, имеют свой статус. То есть это знания, добытые определенной наукой. На этих теоретических и практических знаниях и умениях она и строит учебный процесс.

В-пятых, практическая работа в условиях сокращенного объема часов на социально-гуманитарный блок, разрыв исторически сформировавшихся дисциплин на фрагментарные части имеет своим последствием не только профанацию студентов, но и *ослабление идеологического, воспитательного потенциала этих*

дисциплин в студенческой среде.

В-шестых, как выявляет практика БНТУ, есть серьезные *специфические особенности преподавания социально-гуманитарных дисциплин в технических вузах*, которые не приемлют предложенные новшества. Здесь сама система организации социально-гуманитарного блока дисциплин должна предусматривать ее разумное упрощение, а не усложнение. К тому же наличие дисциплин соцгумблока и объем часов на них здесь и так ограничены, но при этом на них возлагаются более обширные и серьезные идейно-воспитательные функции, чем в гуманитарных вузах.

В-седьмых, модульная система породила в вузах много неразберихи и бюрократии: работа со студентами (сбор их заявлений, изучение, принятие решений в деканатах о том, кого и на какую дисциплину специализированного модуля определить); значительное усложнение планирования учебы (неизвестно, что выберут студенты); усложнение работы диспетчерской службы при хронической нехватке учебных площадей) и др.

Мы опросили на отдельных факультетах студентов учебных групп. В одной из них все, кроме двоих, захотели изучать спецмодуль «Политические институты и политические процессы», а двое – «Международные политические отношения и геополитика». По идее всем надо предоставить равные возможности. Но как это организовать на практике? Ведь группа занимается по единому учебному плану? А в случае невозможности учета студенческих пожеланий естественно возникает проблема недовольства, конфликтных ситуаций, жалоб и т. п.

Многоопытный преподаватель социологии доцент С. В. Потапенко в своей докладной на кафедру пишет: «Два экзамена в один день – это достаточно сложно для студентов, как физически, так и морально. Не очень удобно принимать экзамен двум преподавателям в одной аудитории. Если один из преподавателей проводит экзамен с использованием тестов, то другой вынужден ждать завершения этого экзамена. Модульная система, таким образом, формальна, искусственна, сведена к принятию двух разных экзаменов в одной, часто небольшой, аудитории и выведению общей средней оценки из дисциплин, которые не коррелируют между собой».

В целом идея выбора студентом того или иного специализированного модуля имеет право на жизнь, такая практика в разной мере существует в образовательной системе США, Канады, Западной Европы. Но там совсем другая экономическая, политическая, духовно-идеологическая ситуация, чем в современной Беларуси, иные менталитет, подготовка и условия обучения молодежи. Поэтому слепое копирование иностранного опыта, кроме вреда, ничего хорошего не несет. Когда мы предлагаем студентам первого курса – вчерашним школьникам самостоятельно выбирать специализированный модуль по любой из гуманитарных дисциплин, становится очевидным, что сделать это им весьма и весьма трудно. Следовательно, идея выбора спецмодуля по желанию студента в условиях крупного вуза и нехватки учебных площадей становится, по сути, *красивой упаковкой конфеты без наличия в упаковке самой конфеты*.

Следует подчеркнуть, что целью оптимизации содержания и объема дисциплин социально-гуманитарного блока, как того требовал Глава государства, являлось *повышение качества подготовки специалистов*. Однако практика работы по новым программам *выявляет их несоответствие поставленной цели*.

Авторы «оптимизации» ссылаются на Болонский процесс, особенно на опыт Украины. Заметим, что в европейском общеобразовательном пространстве нет единой системы высшего образования, нет так называемого Болонского процесса как единого стандарта. Такого единства не требует и Болонская декларация 1999 года. Она представляет совместное заявление европейских министров образования, подписанное в Болонье 19 июня 1999 года. Да достаточно присмотреться к европейским государствам – и вы увидите в каждом из них свою национальную систему образования, как правильно пишет в журнале «Беларуская думка» профессор Евгений Новик [3, с. 49].

И что самое удивительное, реформаторы белорусской высшей школы на семинарах и совещаниях публично подкрепляют полезность модульной системы ссылками на «положительный украинский опыт высшего образования». Собственно, по украинским лекалам проведена «оптимизация» у нас. В Украине незрелая молодежь, студенчество, не получившие полноценной гуманитарной подготовки, основанной на общечеловеческих принципах гуманизма, стали игрушкой в руках националистов.

Ссылки на переход с 5-летнего на 4-летнее образование – тоже не сильный аргумент. Например, в БНТУ свыше 76 процентов студентов технических специальностей, как и прежде, учатся 5 лет. Образование и воспитание, как тонко подметил А. Г. Лукашенко на совещании по вопросу перспектив развития науки 31 марта 2014 года в НАН Беларуси, сродни армии: не хочешь кормить свою армию – будешь кормить чужую. Президент потребовал серьезного укрепления социально-гуманитарного блока дисциплин в высшей школе страны. А в Послании белорусскому народу и Национальному собранию [2] снова вернулся к этому вопросу: «Я же сказал, я народ успокоил, всех, у кого дети, внуки, что никаких реформ в образовании нам сегодня не надо... И прекратить всякие разговоры о реформе». Однако Президент говорит, а реформаторы работают.

В белорусской научно-образовательной среде с тревогой отмечают, что резкое падение образовательного уровня абитуриентов, снижение воспитательной роли гуманитарных дисциплин ведет к ослаблению патриотических, традиционных нравственных ценностей, сужению мировоззрения, ограничению идейного и культурного кругозора будущих инженеров, агрономов, экономистов, юристов, учителей, дипломатов, т. е. тех, кто завтра будет стоять у руля страны.

Ведь надо иметь в виду, что политическая элита любой страны не падает с неба, а формируется, возвращается на том уровне гуманитарного, гуманистического образования, национальной культуры, традиций и исторической памяти народа, который присущ гражданам данной страны. Социально-гуманитарный блок представляет собой систему дисциплин, в рамках которых достигаются цели, решаются задачи по формированию и развитию профессиональных, личностных, социальных, гражданских качеств молодого специалиста, способного широко мыслить и эффективно, творчески работать в условиях информационного общества. То есть, социально-гуманитарное образование носит развивающий личность характер, формирует творческие черты, вооружает идейно, наделяет человека методологией решения поставленных задач.

Если же игнорируется историческое назначение гуманитарного образования,

нарушается его системность и целостность, волонтаристски отвергается роль и значение, то, как подсказывает практика, далее идет хаотизация гуманитарного пространства и трансформация массового сознания.

Наш анализ и выводы вовсе не отвергают поиска путей оптимизации социально-гуманитарного блока дисциплин в системе высшего образования. Однако предложенная оптимизация не должна ставить самоцелью, пусть и завуалированной, недопустимое сокращение объема учебного времени на эти дисциплины, произвольное изменение их структуры, формальное объединение в модульные блоки, считая такую формальность великим прогрессом в образовательном процессе. Главной целью должно быть повышение эффективности, отдачи, влияния соцгумблока на обучение и воспитание студенческой молодежи. Соцгумблок должен формировать широкий кругозор, всестороннюю образованность, политическую и правовую грамотность, высокую духовность и внутреннюю культуру, ответственность и целеустремленность, умение ориентироваться в сложных реалиях современной жизни и принимать верные решения. А этих целей, если говорить коротко, можно достичь следующими основными путями:

- повышение содержательности и практической направленности социально-гуманитарных дисциплин;

- совершенствование образовательных технологий и методик преподавания;

- совершенствование организации учебно-воспитательного процесса;

- учет профиля вуза при проектировании социально-гуманитарного блока дисциплин;

- улучшение качественного состава профессоров и преподавателей, повышение их квалификации, мотивации в учебно-воспитательном процессе.

Если же ссылаться на Болонский процесс, опыт европейской высшей школы, то, на наш взгляд, можно *позаимствовать только высокую самостоятельность вузов в определении политики своей жизнедеятельности и развития*. Там руководитель вуза в обморок бы упал, если бы кто-то сверху стал диктовать: сколько часов отводить на учебную дисциплину, как ее преподавать. Это прерогатива вуза. Да и кому, если не ему, лучше знать, как это делать, учитывая свою специфику, набор специальностей и т. п.

Это говорит о том, что *и белорусскому вузу необходима большая самостоятельность, которая закономерно ведет к большей ответственности*. Тогда, в случае явно необоснованного, но навязываемого сверху эксперимента, вуз не станет ломать учебные программы и планы, удваивать и утраивать бюрократические процедуры, отвлекать силы педагогов и студентов на пустую перестройку, а просто не обратит на это внимание: шумят где-то вверху деревья – ну и пусть шумят, а мы работаем.

В данном отношении можно посоветовать реформаторам изучать не украинский, а казахстанский опыт, где согласно поручению президента страны Н. А. Назарбаева осуществляется переход ведущих университетов страны к академической и управленческой автономии, а зарплата работников образования повышается на 29 процентов [4, с. 6].

Каждый вуз, тем более с университетским статусом, должен иметь право сам определять в учебном плане количество часов на ту или иную дисциплину с учетом

своей специфики. Здесь можно согласиться лишь с тем, что «сверху» не лишне установить минимальный объем часов на социально-гуманитарные дисциплины, чтобы не допустить технократизации образования со всеми вытекающими для общества последствиями. А именно – подготовкой в рамках вуза узких специалистов в области конкретных дисциплин с недоразвитым человеческим измерением, которые не смогут ни профессионально управлять коллективом, ни адекватно анализировать социально-политическую ситуацию, ни занимать ответственную гражданскую позицию, ни полноценно строить отношения с людьми.

При этом особо подчеркнем, что в международной классификации высших образовательных учреждений университет потому и называется университетом, что в структуре его образовательных дисциплин, наряду со специальными, достойно представлен комплекс социально-гуманитарных знаний.

Кроме самостоятельности, было бы полезно скоординировать наше образование с образованием на Западе в оплате труда педагогических кадров, в научно-исследовательском аспекте, по магистратуре. Это была бы нужная работа. Было бы правильным вернуться к прежней структуре и методологии преподавания гуманитарных дисциплин, построенных на основе их научной и образовательной целостности. Это нормализует учебный процесс, добавит объективности в оценке знаний студентов, когда оценка будет выставляться, как и прежде, за знания по конкретной дисциплине, а не как осмеянная юмористами «средняя температура по больнице».

В свете событий на Украине высшим учебным заведениям полезно преподавание социально-гуманитарных дисциплин тесно увязывать с задачами совершенствования идеологической и воспитательной работы, борьбы с коррупцией, эффективного противодействия проникновению в студенческую среду анархоразрушительных, крайних националистических идей и влияний. При этом необходимо учитывать, что никакие другие учебные дисциплины, кроме гуманитарных, не в состоянии эффективно решать эти проблемы.

Как свидетельствует исторический опыт, состояние и уровень гуманитарной науки и гуманитарного образования формируют содержание и общий уровень культуры народа, государства, общества, являются своего рода его барометром. Без хорошо налаженного гуманитарного образования и гуманитарной науки не может быть высокого уровня интеллектуальной культуры, которая включает в себя культуру самосознания и самоидентификации, творческого подхода к решению многообразных задач. Без высокого развития и глубокого содержательного гуманитарной науки и гуманитарного образования не может быть высоко развитой и ответственной перед народом политической элиты, политической культуры общества. А следовательно, не может быть стабильной и устойчивой политической системы общества, в которой в сложных условиях глобализации и интеграции успешно решаются поставленные задачи.

Литература и источники

1. Лебон, Г. Психология народов и масс / Г. Лебон. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.israelsshamir/marx/132ntm>. – Дата доступа: 12.09.2013.

2. Лукашенко, А. Г. Послание белорусскому народу и Национальному собранию / А. Г. Лукашенко // СБ – Беларусь сегодня. – 2014. – 23 апр.
3. Новик, Е. Ловушки Болонского процесса / Е. Новик // Беларуская думка. – 2013. – № 11. – С. 49.
4. Концепция внешней политики Республики Казахстан на 2014–2020 годы. – Астана, 2014. – С. 6.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА: ДИНАМИКА И ТЕНДЕНЦИИ ИЗМЕНЕНИЙ

О. Г. Лукашова

На фоне активных трансформационных процессов, происходящих в новейшее время в Республике Беларусь, существенно возрос общественный спрос на услуги системы профессионального образования и, в особенности, спрос на высшее образование. Образовательная составляющая является одним из важнейших показателей уровня жизни населения той или иной страны и включена в интегративную оценку уровня жизни населения, которая выражается в индексе развития человеческого потенциала (ИРЧП). Индекс был разработан в 1990 г. и используется ООН с 1993 года для ежегодных межстрановых сравнений. Рассчитывается по трем основным измерениям человеческого развития, таким, как: а) возможность вести продолжительную и здоровую жизнь, которая характеризуется расчетным показателем ожидаемой продолжительности жизни при рождении; б) возможностью получения образования, которая измеряется в двух показателях – средней продолжительности обучения населения в возрасте 25 лет и старше и ожидаемой продолжительности обучения детей (с возраста поступления в школу и при условии сохранения существующей модели обучения); в) возможностью поддерживать достойный уровень жизни населения, который характеризуется величиной ВВП на душу населения при паритете покупательной способности (рассчитанной в долларах США).

В настоящее время образовательная составляющая играет существенную роль в определении позиции Беларуси по результатам международных исследований человеческого потенциала стран – членов ООН. По данным Программы развития ООН, рассчитанным за 2013 г. в рамках Доклада о развитии человека (2014 г.), Беларусь находится в международном рейтинге на 53 месте (индекс 0,786) среди 187 стран мира. При этом Беларусь опережает по этому показателю Россию – 57 место (индекс 0,778), Казахстан – 70 место (индекс 0,757), Азербайджан – 76 место (индекс 0,747), Украину – 83 место (индекс 0,734) [1]. Таким образом, при принятой международной градации «очень высокий», «высокий», «средний» и «низкий» индекс развития человеческого потенциала, Беларусь, как и упомянутые страны, относится к категории стран с высоким ИРЧП.

Высокий уровень образования населения Беларуси, отраженный в названном индексе, является основой, на которой создается интеллектуальный потенциал белорусского общества. Государственная политика, проводимая в Беларуси в новейшей истории и направленная на удовлетворение высокой потребности

населения в сфере профессионального образования, привела к существенному расширению числа учреждений высшего и среднего специального образования, а также увеличению количественных параметров подготовки специалистов разного уровня.

Предпринятый анализ статистических данных позволяет проследить динамику изменений количественных показателей подготовки специалистов на протяжении предшествующих двадцати трех лет. Если в 1990 г. в стране насчитывалось 33 вуза, в которых обучалось 188,6 тысяч студентов, то в 2009/2010 годах в Беларуси готовили специалистов с высшим образованием 53 вуза страны (в их составе 10 частных), в которых обучалось 430,4 тысяч студентов [2, с. 161]. В 2013/2014 учебном году в стране работают 54 высших учебных заведения, в которых обучается 395,3 тысяч человек. Наибольшей концентрацией вузов характеризуется столица республики, где действуют 30 университетов, академий и институтов, в которых обучается 207,1 тыс. человек [3]. Таким образом, в Беларуси наблюдается тенденция распространения высшего образования, роста его престижа в общественном мнении населения. Количество студентов, обучающихся в вузах страны, увеличилось за период с 1990 по 2014 год в 2,09 раза.

Специалистов со средним специальным образованием готовили в БССР в 1990 году 147 учреждений образования, в которых обучались 143,7 тысяч человек. За последующие двадцать лет количество учебных заведений этого уровня на территории страны значительно возросло: в 2009/2010 учебном году в Республике Беларусь насчитывалось уже 211 средних специальных учебных заведений (в их числе 12 частных). Количество учащихся в них достигло 166,6 тысяч человек [2, с. 183]. Самый высокий количественный показатель обучающихся в средних специальных учебных заведениях был зарегистрирован в 2010/2011 году, когда число учащихся составляло 167,6 тысяч человек. В настоящее время (данные за 2013/2014 учебный год) в стране осуществляет подготовку специалистов со средним специальным образованием 231 учреждение, где обучается 138,4 тыс. человек [3]. Таким образом, при увеличении количества учреждений образования данного уровня, с 2011 г. наблюдается тенденция снижения количества белорусской молодежи, получающей среднее специальное профессиональное образование. В значительной степени это связано с демографическими процессами, которые характеризуются естественной убылью населения страны, что влечет за собой и уменьшение количества выпускников школ, т. е. потенциальных абитуриентов.

Такой показатель, как количество студентов вузов на 10 тысяч человек населения Беларуси вырос со 185 человек в 1990/1991 учебном году до 417 человек в 2013/2014 учебном году (на начало учебного года). Этот же показатель для учащихся средних специальных учебных заведений вырос не столь значительно – со 141 учащегося на 10 тысяч населения в 1990/1991 учебном году до 146 человек в 2013/2014 учебном году [4].

Приведенные данные свидетельствуют о высоком образовательном потенциале белорусского общества, что явилось следствием внедрения инноваций в сфере образования. Прежде всего, это создание новых учебных заведений государственной формы собственности, введение для значительной части студентов платного образования в государственных учебных заведениях, открытие частных учебных

заведений. Сыграло свою роль и введение новых форм обучения (дистанционное обучение), значительное увеличение приема на заочную форму обучения.

Эти инновации предопределили значительное расширение возможностей профессионального образования для белорусской молодежи. Можно сказать, что государственная политика в сфере образования в значительной степени склоняется к стратегии «открытых дверей», которая предполагает обязательное 9-летнее школьное образование («базовое образование») и далее, с переходом к более высоким уровням образования, практикуется система отбора. Значительное увеличение количества учебных заведений и практика расширения приема абитуриентов практически обеспечивают допуск желающих на любой уровень профессионального образования.

Как показывает практика, следование этой гуманистической, по своей сути, стратегической линии во многих странах привело к нежелательному эффекту – снижению качественных параметров образования. Увеличение набора в учебные заведения попутно снижает и порог требований к уровню знаний, предъявляемых конкурсным отбором при поступлении. Высшее и среднее специальное образование становится возможным для тех, кто способен пройти сквозь «сито» конкурсного отбора и оплатить образовательные услуги. Это способствует зачислению в вузы лиц, сильно отличающихся по качеству своей общеобразовательной подготовки, что впоследствии отражается и на качестве подготовленных специалистов.

Отметим еще одно отрицательное следствие стратегической линии «открытых дверей» в системе образования – это перепроизводство специалистов по ряду профессий, что предопределяет появление безработицы даже среди лиц с высшим образованием. В условиях расширения доступности образования в Беларуси одной из основных задач становится эффективное прогнозирование, согласование параметров предложения и спроса рабочей силы рынком образовательных услуг и рынком труда. Решение этой задачи позволит окупить инвестиции денежных средств и времени в образование человека, обеспечит приобретение востребованных знаний и компетенций, необходимого опыта, позволит усвоить ценности и нормы, что существенно повысит шансы индивида на рынке рабочей силы, будет способствовать получению более высоких доходов и служебному продвижению специалистов.

Литература и источники

1. Human Development Reports. UNDP. – 2014. Table 1: Human Development Index and its components [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://hdr.undp.org/en/content/table-1-human-development-index-and-its-components>. – Дата доступа: 30.10.2014.

2. Статистический ежегодник Республики Беларусь. – Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2010.

3. Официальный сайт Национального статистического комитета Республики Беларусь. Учреждения высшего образования Республики Беларусь. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/otrasli-statistiki/naselenie/obrazovanie/godovye-dannye_5/uchrezhdeniya-vysshego-obrazovaniya-po-oblastyam-i-g-minsku/ – Дата доступа: 31.10.2014.

4. Официальный сайт Национального статистического комитета Республики Беларусь. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/otrasli-statistiki/naselenie/obrazovanie/graficheskii-material_5/chislennost-

ЦЕЛЬ И ЗАДАЧИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В НОРМАТИВНО ПРАВОВЫХ ДОКУМЕНТАХ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

А. Л. Куши

Цели и задачи образования играют ключевую роль для образовательного процесса, определяя его направление, выбор стратегии и способов реализации, воздействуя на его результат. Анализируя нормативно-правовые документы системы образования, а именно, Кодексе об образовании и Концепции непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи в Республике Беларусь, можно сказать, что они представлены в них. Поскольку Кодекс является основным документом и в нем по большей части отражены указанные положения, – возьмем его за основу. В нем указывается: «Целями образования являются формирование знаний, умений, навыков и интеллектуальное, нравственное, творческое и физическое развитие личности обучающегося» (гл. 3, ст. 11, п. 2). Некоторые качества личности, которые должны быть сформированы в результате образовательного процесса, отнесены в Кодексе к воспитанию и находятся в другом месте (гл. 3, ст. 18):

«1. Целью воспитания является формирование разносторонне развитой, нравственно зрелой, творческой личности обучающегося.

2. Задачами воспитания являются:

2.1. формирование гражданственности, патриотизма и национального самосознания на основе государственной идеологии;

2.2. подготовка к самостоятельной жизни и труду;

2.3. формирование нравственной, эстетической и экологической культуры;

2.4. овладение ценностями и навыками здорового образа жизни;

2.5. формирование культуры семейных отношений;

2.6. создание условий для социализации и саморазвития личности обучающегося».

Однако, как нам представляется, эти положения не являются в достаточной мере общими, целостными и упорядоченным. Так, некоторые качества личности там выводятся на первый план, некоторые уходят в тень, о некоторых не упоминается; недостаточно точно и не в достаточной мере представлен в них социальный аспект формирования личности; нарушена иерархия формируемых качеств.

В связи с этим, мы хотим предложить другую редакцию целей и задач, в которой в более системной форме будут представлены качества личности, которые необходимо сформировать в результате образовательного процесса. Будем основываться на концепции гармоничного развития личности, интегрированной в современную социальную среду и духовное пространство общества.

Вначале определим систему качеств, которыми должна обладать современная личность. Эти качества можно классифицировать как *социальные, личностные,*

гражданские и *научно-профессиональные*. У основ этих качеств лежат философские и культурные свойства личности, которые можно охарактеризовать как *базовые*. Суть их сводится к формированию цельного мировоззрения и необходимого уровня культуры, основанного на национальной культуре. Кратко определим каждый тип качеств, которыми должна обладать каждая личность.

Современное общество обладает сложной социальной структурой, и от человека требуется необходимая система знаний для хорошего ориентирования в нем, принятия ответственных решений в различных, порой непростых ситуациях, с которыми встречается каждый человек, осуществлять необходимые коммуникации. Современный человек включен в сложную сеть общественных отношений, необходимой частью которых являются правовые, семейные, политические, экономические отношения. Человек также должен выполнять свои гражданские функции, для чего необходимо обладать соответствующим набором компетенций. Все эти способности человека определяются уровнем развития социальных качеств личности, достаточного для эффективного выполнения ею социальных функций.

Важным составляющей духовного мира современного человека является развитие личностной компоненты. Формирование нравственных, волевых, эстетических качеств является одним из главных условий эффективной профессиональной деятельности, реализации социальных функций, выполнения гражданского долга, высокого качества жизни каждого человека. Эти качества определяют отношения к нему других людей, различных социальных структур, общества в целом. Говоря об особенностях жизнедеятельности в современном обществе, следует отметить необходимое наличие также таких качеств личности как морально-нравственная и психоэмоциональная устойчивость; знание других культур и умение взаимодействия с ними с позиций национальной культуры; обладание экологическим знанием и умение применять его в своей профессиональной, социальной и личной жизни; знания и умения в области саморазвития; знание и применение на практике принципов здорового образа жизни и др.

Важным фактором развития современного человека, является знания мире и профессиональные знания. Эти знания содержатся преимущественно в естественных науках, которые дают представление о различных аспектах функционирования мира, природы. Знания эти необходимы каждому современному человеку в качестве фундамента его профессиональных знаний, для расширения его естественнонаучного кругозора, развития духовной и мыслительной деятельности. Существенным фактором функционирования современного человека является профессиональное образование, которое должно обеспечить выпускника основами профессиональных знаний, умений и навыков для его успешной профессиональной деятельности и методологией их развития для осуществления его дальнейшего непрерывного образования.

Все перечисленные качества должны формироваться в процессе становления человека с необходимой полнотой, на перспективу и соответствовать потребностям общества и личности. Основой для их формирования являются *социально-гуманитарное, естественнонаучное, и профессиональное знание*, которые в необходимом количестве и форме должны быть представлены в образовательном процессе системы образования. Для эффективного формирования указанных качеств

следует использовать соответствующие педагогические технологии и методики, адаптировать организационный и кадровый потенциалы учреждений образования, адекватно формулировать цель и задачи образования. Имея перед собой представления о системе качеств личности, сформулируем последние.

В нашем представлении, в Кодексе следует выделить цель образования в качестве самостоятельной структуры, поскольку это одна из главных составляющих образовательного процесса. Более того, понимая образование как целостный процесс обучения и воспитания, можно выделять в нем обучающую и воспитательную компоненты, но не следует их разделять, они должны быть представлены в Кодексе единым образом. *Цель образования* можно сформулировать следующим образом: «формирование цельной, гармонично развитой личности, обладающей необходимым уровнем социальных, личностных, гражданских и профессиональных качеств». В этой цели концентрируются в наиболее общем виде основные направления развития личности обучающегося. Каждое из этих направлений должно быть конкретизировано, исходя из требований современной эпохи, личности, общества. Конкретизация эта должна найти свое выражение в *системе задач* по реализации поставленной цели по каждому из качеств:

1. *Базовые качества*

- а) формирование основ мировоззрения личности;
- б) формирование культуры социальных, личностных, семейных, экологических отношений;
- в) физическое развитие.

2. *Социальные качества*

- а) обладание знаниями о социальном устройстве и функционировании общества;
- б) умения взаимодействия с социальными структурами;
- в) умения ориентирования в социальных процессах и участия в них.

3. *Личностные качества*

- а) получение знаний о личности, ее функционировании и развитии;
- б) наличие волевых, нравственных, эстетических качеств;
- в) формирование трудолюбия, ответственности, дисциплинированности;
- г) развитие интеллектуального, творческого и духовного потенциала;
- д) овладение ценностями и навыками здорового образа жизни;
- е) наличие навыков самообеспечения и саморазвития.

3. *Гражданские качества.*

- а) получение знаний о гражданских структурах общества и гражданских функциях личности;
- б) формирование национального и гражданского самосознания;
- в) умения реализации на практике своих гражданских функций;
- г) воспитание патриотизма.

4. *Естественнонаучные и профессиональные качества.*

- а) обладание системой знаний о мире и природе;
- б) обладание уровнем знаний, умений и навыков, необходимым для эффективной профессиональной деятельности.

Представляется, что высказанные выше соображения теоретического и

практического плана, характеризуются достаточной системностью, целостностью и полнотой, им присуще единство теоретического и практического подходов, а присущая им иерархичность придает определенности и последовательности как при их уяснении, так и в процессе реализации их на практике. В основе своей они могут определять цель и задачи образовательного процесса, влиять на разработку образовательной стратегии и выбор педагогических технологий. В связи с этим, предлагается взять их за основу формирования соответствующих статей Кодекса и нормативно-правовых документов. Полученные результаты могут быть также использованы в системе переподготовки и повышения квалификации преподавателей высшей школы.

ДУХОВНО-ТВОРЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА УКРАИНСКОЙ МОЛОДЕЖИ

В. Е. Билогур

Украинское общество находится в переходном периоде, который характеризуется существенными трансформационными процессами. В этих условиях особое значение приобретает необходимость изучения разноплановых проблем молодежи, анализ особенностей процессов ее социализации, определение основных тенденций и характерных черт формирования и развития новой молодежной генерации украинского общества. Результаты социологических исследований в области воспитания и самореализации личности показывают, с одной стороны, недостаточное научное обоснование концепции становления и развития духовно-творческого потенциала молодежи, а также хаотичный переход методологий и теорий из смежных дисциплин, которые сплошь и рядом заимствованы из разных областей научного познания, а также недостаточно валидны к изучению и анализу большинства проблем украинской молодежи. С другой стороны, переход технологий изучения и анализа новых парадигм в область психолого-педагогических исследований проблем молодежи всегда полезен, при этом не всегда успешен и результативен [1].

Рождение гордости за свой народ, за Украину оказывает влияние на морально-психологическое воспитание студенчества: с одной стороны, студенты стремительно и кардинально переориентировали свои интересы на духовные богатства своего народа, с другой стороны, многие молодые люди отвечают на эти изменения как на нарушение их свободы в выборе своего пути, что особенно проявляется в маргинальном характере духовного потребления и создания новых нормативных моделей и формирование морально-этического ядра запросов, потребностей, интересов и установок к участию в интеллектуально-познавательных, социокультурных, духовно-творческих процессах современности. При этом огромный смысл имеет проблема исследования разнообразных функциональных заданий студенчества с глубоким анализом качеств морали, нравственности, формирования и развития социализации, проявления основных тенденций и характерных черт интеллекта, творчества, духовности в развитии потенциала

молодежной генерации украинцев. Острая необходимость в интеллектуализации трудовой деятельности работников гуманитарной сферы создает новую парадигму в системе образования, которая должна основываться на национальных и культурных традициях, опираться на выдающиеся достижения украинской и всемирной науки, и внедряться с помощью современных разработок, методов и средств в систему высшего образования и с выходом на уровень европейских стандартов.

Опираясь на законы Украины, можно отметить, что в современной системе образования одной из задач является формирование критически творческой, деятельной, волевой, конкурентоспособной, трудолюбивой личности с высокими гражданскими качествами и созданием возможностей для глубокого духовного самосовершенствования и реализации ресурсного потенциала, расширения параметров интеллектуального, профессионально-квалификационного, социокультурного и творческого развития личности. В этом процессе определяющим фактором формирования духовно-творческого потенциала молодежи являются социально признанные ценностные ориентации и морально-этические установки, потребности и интересы как фундамент в формировании мировоззрения и других духовных элементов жизни молодежной среды. Все это требует радикальной переориентации методик, технологий обучения и общения студенческой молодежи в других измерениях социального времени и пространства украинского демократического государства. Сегодня нужна социально-педагогическая система, которая должна состоять из элементов, имеющих характер личностной направленности в формировании национального сознания, углубления духовности, развития нравственного, художественно-эстетического, правового, трудового, экономического, психологического, культурного, и составляет содержание социальной структуры действенно-творческой личности.

Изучение духовно-творческого потенциала личности, определения эффективности его формирования и способов реализации – исключительно актуальная проблема. Решение ее является одним из фундаментальных направлений педагогики, психологии и социологии. Формирование духовно-творческого потенциала студенческой молодежи представляет собой многоцелевой, полифункциональный, многоуровневый и разноаспектный процесс, который осуществляется в соответствии с динамикой реализации общественных, групповых и индивидуальных морально-этических потребностей, углубления духовно-творческой идентификации и самореализации личности. Построение модели духовно-творческого потенциала студенческой молодежи и разработка психолого-педагогических технологий в диагностике его формирования позволит создать систему, направленную на выявление ресурсов образовательных учреждений и реализацию с помощью педагогического стимулирования и коррекции субъектов учебно-воспитательного процесса.

В образовательном пространстве украинского общества происходят трансформации, видоизменяются морально-этические ценности в молодежной среде и актуализируются поиски парадигм формирования и развития духовно-творческого потенциала студенческой молодежи. Одновременно воспитательная патерналистская модель общества, основанная на выработке эталонов пассивного восприятия общечеловеческих ценностей, требует коррекции и предотвращения противоречий

формирования социально-активной и художественно-творческой личности. Поэтому требует разработки, методологического обоснования и обеспечения морально-этическими и духовно-творческими ресурсами инновационная модель учебно-воспитательного процесса как важное условие для углубления духовно-творческого потенциала студентов. Одновременно структуры, осуществляющие функции учебно-воспитательного, научно-поискового и духовно-творческого характера, могут значительно активизировать процесс формирования социально энергичной личности на основе «эволюционности» и «конфликтности». «Эволюционный» этап предусматривает создание во внутреннем морально-этическом поле лица положительных психологических установок, которые служат основой в создании нового опыта эвристически-социального поведения и налаживание высоко-эстетических отношений. Поэтому формирование новых духовных и творческих ресурсов талантливой молодежи и реализация добытого опыта морально-этического поведения значительно усложнит проявление действий негативного характера в студенческой среде.

Коллектив вуза как агрегированное интеллектуальное сообщество реализует «эволюционный» этап формирования собственного ресурсного потенциала путем накопления позитивных установок в сознании и реализации их в поступках студенческой молодежи на основе оперативной диагностики «входных» и «выходных» параметров морально-этического поля молодежной среды. «Конфликтный» этап формирования духовно-творческого потенциала студенческой молодежи заключается в создании условий для обострения противоречий между новыми и старыми нормативными моделями морально-этического поведения и отказом от последних путем самоактуализации ресурсного потенциала молодого человека в соответствии с новыми стандартами и художественно-творческими установками молодежи. Вследствие этого может происходить соответствующее направление «внешних» и «внутренних» ресурсов молодежи к привлечению новых морально-этических ценностей и реализации новых моделей поведения [2].

Залогом преодоления многочисленных трудностей сегодняшнего дня являются не только многолетние государственно-политические и историко-культурные традиции украинского народа, но и наличие современного, единого, суверенного, демократического государства с активной гражданской позицией миллионов людей. Особая роль в решении этих проблем принадлежит студенческой молодежи, которая за годы своего обучения должна сформироваться в новую генерацию с высокой степенью профессионализма, трудовой активности, предприимчивости, мобильности и адаптации к производственным и социальным требованиям, с чувством настоящего хозяина на своей земле. Вместе с тем, нашей стране нужна молодежь, которая объединит свои компетенции, умения и навыки с искренним патриотизмом, моральной стойкостью, человеческой порядочностью. По нашему убеждению, современная молодежь сделает весомый вклад в дальнейшее развитие украинского государства, которое, говоря словами великого поэта-мыслителя Т. Г. Шевченко, станет «семьей вольной, новой», самодостаточным и авторитетным членом европейского и мирового сообщества.

Литература и источники

1. Білогур, В. Є. Світоглядні орієнтації студентів: тенденції змін у трансформаційному суспільстві: [Монографія] / В. Є. Білогур. – Дніпропетровськ: Пороги, 2011. – 311 с.

2. Вербець, В. В. Теоретико-методологічні засади формування духовно-творчого потенціалу студентської молоді: дис... д-ра пед. наук: 13.00.01 / Національний педагогічний ун-т ім. М. П. Драгоманова. – К., 2005.

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ ГУМАНИСТИЧЕСКАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ ОБРАЗОВАТЕЛЬНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ПРОЕКТА XXI ВЕКА

О. Я. Надыбская

Важным приоритетом современного образовательно-воспитательного проекта XXI века должна стать его выразительная мировоззренческая гуманистическая направленность.

Когда мы говорим о гуманизме как о приоритете образования и воспитания, то имеем в виду гуманизм именно как порождение европейской культуры, явление, выработавшие базовые ценности современной морали, которые имеют непреходящее значение для формирования современной молодой личности.

В молодежной политике (особенно в ее гуманитарной части) необходимо постоянно учитывать запросы и интеллектуальные потребности молодой личности. Это непременно требует синтетического знания (от социологических опросов до подачи психологического портрета молодого современника), а значит – требовать от философов, занимающихся всесторонним осмыслением образовательных приоритетов и их роли в общественной жизни, пристального внимания к каждому фактору сложного и весьма ответственного процесса учебно-образовательного формирования личности в меняющихся социальных и культурных условиях.

Следует заметить, что идеи западноевропейского гуманизма со времени его зарождения активно воспринимались, влияли на развитие мировосприятия постсоветского общества, о чем свидетельствует значительное литературно-философское и педагогическое наследие.

Гуманистические идеалы в сфере отечественного образования должны быть направлены на формирование универсальной социально-психологической личности, которая, достигнув соответствующего уровня профессионализма, будет руководствоваться в своей деятельности именно нравственными приоритетами, выработанными европейским менталитетом на основе христианских этических ценностей. Что, например, фундаментально обосновано в «Протестантской этике» Макса Вебера. Здесь мы имеем в виду осознанную практическую реализацию основополагающих христианских норм, изложенных, в частности, в евангельских заповедях, Христовых притчах, в идеалах Нагорной проповеди.

Европейская научная и общественная мысль всегда уделяла внимание осознанию важности христианских нравственных норм в образовательном и воспитательном процессе. Так, знаковая фигура британского консерватизма Маргарет Тэтчер, уделяя проблеме определения образовательных концептов в английском

учебно-воспитательном проекте первостепенное внимание, замечала: «Перед лицом всех трудностей и искушений мы должны придерживаться в наших школах чисто христианского содержания обучения и жизни в коллективе, не позволять этому содержанию размываться. Эта задача была у меня главной, когда я работала в Министерстве образования, и я не отступлю от него...» [1, с. 423].

Чтобы всесторонне воплотить основанные на принципах христианского гуманизма социальные приоритеты в сфере образования, следует глубоко осмыслить другую – прямо связанную с ними проблему – проблему сущности формирования воспитательного идеала в сознании молодежи, и каковы базовые принципы формирования этого идеала как основы гуманистической направленности любого национального образовательно-воспитательного проекта.

Важно помнить, что этические идеалы, выработанные в пределах мировых религий, а в европейской историко-культурной традиции это в первую очередь христианство, предлагают индивиду именно такой нравственный выбор, который является открытой альтернативой влияниям делинквентной среды.

В отечественной педагогической мысли XX и начала XXI веков также уделялось внимание воспитанию гуманистических идеалов, способствующих нравственному выбору. Мы можем назвать, в частности, отца-профессора Степана Ярмуса [2], теоретика педагогической мысли Григория Ващенко. Так, подчеркивается, что гуманитарным приоритетам присущ не только традиционно-исторический характер, а что они современны и как никогда актуальны. Важно то, что после эпохи искусственного обесценивания христианских духовно-нравственных, а отсюда и социальных ценностей в научной литературе, в художественных произведениях и в публикациях многочисленных СМИ, начало уделяться пристальное внимание бездуховности нашего современника, пренебрежение им морально-этическими нормами.

Как следствие – констатируются также серьезные проблемы в общественной жизни, изучаются социальные язвы современной социальной среды, такие как распространение преступности в ее различных формах, наркомании, других социальных болезней, которые быстро и неизбежно приводят к разрушению социальной инфраструктуры общества, к его самоуничтожению. И в первую очередь это касается молодого поколения, в силу сложностей свободы выбора и сопровождающих этот процесс сложностей личностного и общественного плана.

Гуманистические категории в мире, в обществе, которое переживает глобальное переустройство как в социально-экономической, так и в духовной жизни, и в котором остается угроза девальвации духовных и социальных ценностей, являются не пустым звуком. Это ориентир и подспорье в построении достойных условий жизни личности и общества в целом. Ведь известно, что наиболее развитые в экономическом отношении страны строили свое благосостояние именно на этих ценностях. Они должны стать константой формирования молодой личности XXI века, стать противовесом той асоциальной среде в пределах информационного пространства, зачастую пресыщенной сведениями о насилии, преступлениях, аморальных поступках и иных проявлениях социального зла.

Создание соответствующей образовательно-воспитательной модели, способной посредством воспитания корректировать векторы социального развития, и

должно стать целью гуманитарной политики современных государств.

Литература и источники

1. Тетчер, М. Я вірю / М. Тетчер // Консерватизм. Консервативна традиція політичного мислення від Едмунда Берка до Маргарет Тетчер. – Київ: ВД «Простір», «Смолоскип», 2008. – С. 422–430.

2. Ярмусь, С. Досвід віри українця : вибр. твори / Степан Ярмусь; упоряд. і авт. аналіт. післясл. проф. Анатолій Колодний. – 2-е вид. – Київ: Світ знань, 2007. – 488 [12] с.

КУЛЬТУРА САМОСОЗНАНИЯ И САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ КАК ФАКТОР ПРЕОДОЛЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ДЕФОРМАЦИЙ

Е. И. Санаго

Основой национальной культуры любого общества считается своеобразная неизменная составляющая – индивидуумы. Будущее общества зависит от того, по каким принципам будет развиваться личность каждого члена этого общества, перед которым стоит актуальная задача формирования как высокопрофессиональных специалистов, так и гармонично развитых индивидуумов.

Профессиональная деятельность как одна из важнейших форм социальной активности человека предполагает реализацию интеллектуального и культурного потенциала личности, дальнейшее развитие самосознания.

Профессия неизбежно накладывает свой отпечаток на человека, предопределяя понимание и отражение внутреннего мира, воспринимаемого человеком. Она может существенно изменять его характер: с одной стороны идет интенсивное развитие качеств, которые способствуют успешному осуществлению деятельности, с другой – подавление тех структур, которые не способствуют или мешают.

Профессиональная деформация (от лат. *deformatio* – искажение, изменение формы, размера, свойств рассматриваемого предмета) – это деструктивные психологические изменения качеств и свойств личности в процессе выполнения профессиональной деятельности, которые негативно влияют на профессиональную деятельность и психологическую структуру личности [3, с. 11].

Педагогическая профессия является одной из наиболее подверженных риску профессиональных деформаций. Деформация может иметь довольно сложную динамику проявлений в трудовой деятельности и затрагивать различные стороны психики: мотивационную, когнитивную, сферу личностных качеств. Ее результатом могут быть специфические установки и представления, появление определенных черт личности. В итоге соответствовать профессиональным требованиям становится весьма затруднительно при развитии различных когнитивных искажений, лежащих в основе появления педагогических деформаций.

Деформации личности преподавателя могут проявляться в виде авторитарности, стремления манипулировать людьми, излишней самоуверенности, догматичности взглядов, ригидности, безапелляционности, демонстративности,

назидательности, социальном лицемерии, невосприимчивости к новому опыту и игнорировании индивидуальных особенностей обучаемых.

Среди основных причин образования деформаций можно выделить стремление к власти, доминированию, самоутверждению, искаженный и недостаточный уровень самопринятия, недостаточная выраженность альтруизма, высокий уровень психической ригидности, наличие стереотипов и штампов в мышлении [4].

Признаками профессиональной деформации личности педагога на разных этапах карьеры являются: потеря ощущения своей деятельности как благородной миссии, склонность к обезличиванию – обучаемый рассматривается как объект воздействия; неиндивидуальный подход к работе, недооценка моральной поддержки обучаемого, дегуманизация взаимоотношений «педагог-студент»[3].

Одной из основных задач высшего образования является формирование у преподавателей основ профессионального самосознания. Именно на этом уровне должны складываться личностные качества, которые позволят осознавать границу между личностной и профессиональной позицией, гибко ориентироваться на происходящие изменения и приспосабливаться к ним [1].

Одним из компонентов самосознания по В. С. Мерлину являются сознание своих психических свойств и качеств и определенная система социально-нравственных самооценок. Среди функций самосознания можно выделить: получение информации о себе, эмоционально-ценностное отношение к себе, саморегуляция поведения. Самосознание способствует достижению внутренней согласованности личности, тождественности самому себе, определяет характер и особенности интерпретации приобретенного опыта, служит источником ожиданий относительно себя и своего поведения.

В данном контексте видится важным формирование у преподавателей высокого социального интеллекта – своего рода социальных способностей, которые обеспечивают нормализованные отношения с людьми и в результате благополучную социальную адаптацию. В структуре социального интеллекта большую роль играют личностные свойства. Социальный интеллект обеспечивает понимание поступков и действий людей, понимание речевой продукции человека, а также его невербальных реакций (мимики, поз, жестов). Он является когнитивной составляющей коммуникативных способностей личности и профессионально важным качеством в профессиях типа «человек-человек».

Однако любое понимание других людей начинается, в первую очередь, с понимания самого себя и своих личностных особенностей. Педагогу, не являющемуся зрелым субъектом самосознания, трудно сохранить эмоциональный комфорт и душевное равновесие, не подвергнуться профессиональным деформациям.

Трудность борьбы с предпрофессиональной деформацией заключается в том, что обычно она не осознается самим преподавателем, а ее проявления обнаруживаются окружающими людьми. Поэтому так важно знать о возможных последствиях этого феномена и более объективно относиться к проявлениям личностных психологических особенностей в процессе взаимодействия с другими людьми в повседневной и профессиональной жизни [2].

С целью решения поставленных задач нами была разработана и апробирована в 2013 г. в БГПУ им. М. Танка специальная коррекционная когнитивная программа по профилактике профессиональных деформаций будущих педагогов и развитию их самоидентификации и самосознания. В процессе занятий достигается осознание и выявление будущими преподавателями своих иррациональных установок, неадекватной самооценки, происходит изменение саморазрушительных или негативных автоматических мыслей, постигаются приемы саморегуляции, повышается внутренняя мотивация к проведению психологической профилактики. Овладение такими психологическими умениями и навыками, как определение целей, положительная внутренняя речь, обмен информацией между участниками программы способствуют снижению вероятности закрепления личностных деформаций. Методическими приемами, используемыми в программе, являлись: программированные инструкции, проигрывание личных проблем участников группы, психогимнастические упражнения, групповая дискуссия, метафоры, управляемое воображение и другие.

Когнитивный подход предоставляет возможность осознать влияние мыслей на эмоции и поведение, отношение преподавателей к своему обучению и будущей профессиональной деятельности; сформировать навыки по приведению в соответствие к реальности ожиданий от профессии; отрегулировать достаточный уровень самопринятия и саморегуляции. Методы и техники когнитивной психологии обучают способности рассматривать ситуацию с различных сторон, открытости новой информации, стилям мышления и взаимодействия.

Необходимым представляется формирование способности предотвращать появление и дальнейшее закрепление деформаций личности, обучение выражению своих чувств и эмоций в конструктивном виде с применением когнитивного переосмысления; сохранение психологического и физического здоровья преподавателя на протяжении всей дальнейшей трудовой деятельности, сохраняя при этом навыки самоконтроля и самообладания, избегая возникновения неудовлетворенности своим трудом и смены профессии.

Таким образом, полностью избежать формирования элементов профессиональной деформации личности удастся не всегда, поэтому необходимо своевременно обращать внимание на этот феномен и признаки его проявления. С этой целью видится целесообразным ввести в программу обучения преподавателей их психологическую подготовку в части формирования интеллектуальной культуры, навыков самоидентификации и самосознания своей личности в профессии, повышения уровня рефлексии, культуры общения и взаимопомощи, обучение методам самокоррекции, что значительно снизит риск закрепления профессиональных деформаций в образовательном пространстве.

Литература и источники

1. Гордиенко, Н. В. Психологическое сопровождение профилактики профессиональной деформации личности педагога: автореф. дис... канд. псих. наук: 19.00.07. – Ставрополь, 2008 // Научная библиотека диссертаций и авторефератов disserCat. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/psikhologicheskoe-soprovozhdenie-profilyaktiki-professionalnoi-deformatsii-lichnosti-pedagoga#ixzz2CTEQRJ00>. – Дата доступа: 24.09.2014.

2. Ноженкина, О. С. Роль рефлексии в преодолении профессиональной деформации личности педагога / О. С. Ноженкина. – Смоленск, 2012. – 222 с.

3. Полякова, О. Б. Психогигиена и профилактика профессиональных деформаций личности: учебное пособие / О. Б. Полякова. – М.: НОУ ВПО Московский психолого-социальный институт, 2008. – 304 с.

4. Рогов, Е. И. Выбор профессии: становление профессионала / Е. И. Рогов. – М.: Владос-Пресс, 2003. – 332 с.

СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК СОЦИАЛЬНО-ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ ОБЩЕСТВА

С. Я. Ермолич

Социально-педагогическое образование, направленное на интеллектуальное освоение социального пространства, обеспечивает условия для конструктивной жизнедеятельности личности, социального функционирования общества и рассматривается нами как социально-интеллектуальный капитал общества.

Определение сущности, обогащение научной категории и раскрытие содержания социально-педагогического образования будет способствовать развитию социального знания, актуализирует практическое значение социально-педагогического образования для моделирования социального управления, разработки инновационных моделей социальной защиты, помощи, поддержки уязвимых категорий населения, социально-педагогических практик.

История развития мировой цивилизации показала, что система образования способна обеспечивать социальный прогресс общества. Социально-педагогическое образование играет важную роль в системе общественного развития. Обоснование сущности и назначения социально-педагогического образования потребовало синтеза социальных знаний, интеграцию концептуальных подходов в полифункциональном назначении социально-педагогического образования.

Социально-педагогическое образование рассматривается как значимая сфера жизнедеятельности человека, инновационная область образовательной практики, которая обеспечивает социальную стабильность общества, государственно-общественную и общественно-личностную консолидацию на основе согласования государственных интересов, общественных ценностей и личностных потребностей. Глобальной целью социально-педагогического образования является всестороннее развитие личности, способной к конструктивному социальному функционированию.

Социально-педагогическое образование имеет иерархический характер и реализуется, на наш взгляд, на следующих уровнях:

– *индивидуально-личностный уровень* рассматривает социально-педагогическое образование как процесс усвоения личностью социального опыта общества, необходимого для успешной социализации, выполнения социальных ролей, самореализации и представлен интеллектуальной культурой, социальными знаниями, социально-адаптационными умениями и навыками, социально-педагогической компетентностью личности.

Социальный характер современных глобальных проблем обуславливает

необходимость социально-педагогического образования каждого индивида с целью конструктивного разрешения социальных задач путем активизации личностных ресурсов.

– *общественный уровень* представляет социально-педагогическое образование как процесс развития, сохранения и передачи социально-педагогических знаний, опыта новым поколениям. Социально-педагогическое образование в данном контексте рассматривается как социальный капитал, социальный институт общества, условие стабильности и развития социальных систем и общества в целом.

Важным источником развития социально-педагогического образования является историографический анализ социальных процессов и механизмов, взаимодействия индивида и социума.

– *государственный уровень* представлен образовательной деятельностью государственных и частных учреждений образования, и реализуется на уровне дошкольного, общего базового, общего среднего, профессионально-технического, среднего специального, высшего и послевузовского образования. Социально-педагогическое образование граждан рассматривается как социальный вектор развития общества.

Обеспечение социальной стабильности общества, ориентация на прогрессивное социальное развитие, использование эффективных форм социальной организации выступают приоритетными задачами социальной политики в Республике Беларусь.

– *международный уровень* описывает стратегии интернационализации, международного сотрудничества и глобализации социально-педагогического образования.

Интернационализация социально-педагогического образования описывает курс на взаимодействие высших учебных заведений, социально-педагогических сообществ разных государств с целью формирования интеграционной модели образовательной среды. Интернационализацию высшего профессионального образования в современных условиях можно рассматривать как развивающийся процесс, представленный установлением соглашений о сотрудничестве между государствами, учреждениями образования.

Интерес к тенденциям, стратегиям и направлениям инновационного развития обуславливает международное сотрудничество социально-педагогического сообщества, которое осуществляется в рамках деятельности Всемирного банка, ООН, ЮНЕСКО, ЮНИСЕФ, общественных организаций и др.

– *профессиональный уровень* представляет социально-педагогическое образование как процесс профессиональной подготовки квалифицированных кадров для социальной сферы в соответствии с социальными запросами общества.

На профессиональном уровне социально-педагогическое образование представляет систему образования, осуществляющую теоретико-практическую подготовку к будущей профессиональной социально-педагогической деятельности путем приобретения профессиональных знаний, умений и навыков, формирования компетенций.

Предметно-объектное поле социально-педагогического образования взаимосвязано с предметом и объектом социальной педагогики как науки, где объектом выступает система социального взаимодействия, а предметом –

педагогическое влияние на социальное взаимодействие индивида и социальной среды в процессе его жизнедеятельности в различных сферах. В данном контексте социально-педагогическое образование направлено на подготовку к осуществлению социально-педагогической деятельности, педагогическому сопровождению социального взаимодействия индивида и среды, обеспечение конструктивных социальных отношений в различных сферах жизнедеятельности человека.

Социально-педагогическое образование обеспечивает формирование социально-педагогической компетентности специалистов, необходимой для осуществления социально-педагогической деятельности, которая рассматривается как вид педагогической деятельности, направленный на решение задач социального воспитания, социальную защиту ребенка, оказание ему помощи в процессе социализации и самореализации, нормализацию взаимоотношений в семье, школе, обществе.

По своей сути социально-педагогическая деятельность выступает механизмом влияния на социальные отношения, социального управления «социальным возвращением» каждого члена общества, способного для дальнейшего конструктивного социального функционирования. Это отражает и инфраструктура социально-педагогической деятельности, которая охватывает широкий спектр учреждений системы образования, социальной защиты, системы здравоохранения, культуры и пенитенциарной системы.

В данной связи спецификой социально-педагогического образования является интегрированный характер социального знания, включающий знания философии, социологии, теории социальной работы, юриспруденции, медицины, психологии, педагогики, социальной политики, необходимый для осуществления организационно-управленческой, исследовательско-аналитической, научно-педагогической деятельности с различными социальными группами и общностями, организации обучения, реабилитации и адаптации индивида в социум.

Осознание степени влияния социальной среды на процесс формирования личности, особенно в периоды трансформации общественных отношений, перехода от государственного патернализма к формированию стратегий индивидуальной социальной активности граждан, нуждающихся в социальной поддержке общества, конкуренции человеческих ресурсов способствовало выдвигению качественно новых подходов к определению роли и значения социально-педагогического образования в социальном функционировании общества, рассмотрении его в качестве социально-интеллектуального капитала общества.

РОЛЬ ФИЛОСОФИИ В ПРЕОДОЛЕНИИ КРИЗИСА СОВРЕМЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

А. В. Кузнецов, В. В. Кузнецов

Современное педагогическое образование находится, на наш взгляд, на странной и парадоксальной стадии своей многовековой истории. Прежде всего, следует отметить, что никто из серьезных философов и теоретиков современного

образования не сомневается в важности той роли, которую играет педагогическое образование не только в системе образования современного общества, но и в развитии самого общества. В самом деле, если рассматривать культуру как своеобразный социокод воспроизводства и развития современного общества (В. С. Стёпин), а систему образования в целом как социокод воспроизводства и развития самой культуры, то приходится рассматривать и педагогическое образование как социокод воспроизводства и развития всей системы образования.

Таким образом, педагогическое образование косвенным образом определяет развитие и культуры, и общества на определенных стадиях их развития. Вот почему на переломных этапах развития общества, после великих социальных и научных революций, когда в процессе осмысления итогов и последствий этих революций возникают новые универсалии культуры и радикально меняются смыслы старых универсалий (онтологии, смыслы понятий истины и заблуждения, добра и зла, красоты и безобразного и др.), внимание как общества, так и философской мысли сосредотачивается на проблемах педагогического образования. Это внимание отнюдь не случайно, поскольку для того, чтобы общественное сознание, которое еще находится в плену старых смыслов универсалий культуры, освоило и включило в себя выработанные в ходе революционных изменений новые смыслы этих универсалий, необходимы радикальные изменения в системе педагогического образования. Педагогическое образование закладывает основы образования в целом, а следовательно, способствует овладению подрастающим поколением новых смыслов универсалий культуры. Именно поэтому Ян Амос Коменский, являясь современником Реформации и новоевропейской философии XVII в. и освоив идеи родоначальников этой философии в лице Р. Декарта и Ф. Бэкона, заложил основы самой системы педагогического образования, а Иоганн Генрих Песталоцци, будучи современником Великой французской революции и немецкой классической философии и синтезировав в своей педагогической концепции идеи Ж.-Ж. Руссо, И. Канта и И. Г. Фихте, стал великим реформатором этого образования.

В этой связи следует сказать и о том, что Великая Октябрьская революция сыграла колоссальную роль в развитии советского педагогического образования. Мы имеем здесь ввиду не только новации в области педагогики, выдвинутые Л. С. Выготским, П. П. Блонским, А. С. Макаренко и др. в 20-х годах XX в., но и идеи советской школы критического марксизма в 60–70-х годах (Э. В. Ильенков, Г. С. Батищев, отчасти Г. П. Щедровицкий и др.) по перестройке системы советского образования.

Казалось бы, что современная ситуация как в мировом сообществе в целом, так и в республиках бывшего Советского Союза в особенности, требуют радикальной реформы в области педагогического образования, поскольку техногенная цивилизация в начале XXI в. переживает фундаментальный кризис. Этот кризис требует радикального переосмысления универсалий культуры техногенной цивилизации. В свою очередь, с результатами этого переосмысления, которое началось в философии XX в. (от М. Хайдеггера и западного марксизма до представителей постмодернизма) должно быть ознакомлено новое подрастающее поколение молодых людей, родившихся в конце XX – начале XXI в. А для этого, прежде всего, должна быть перестроена система педагогического образования по

образу реформ Я. А. Каменского, И. Г. Песталоцци, а также советских философов и педагогов 20-х годов XX в.

Тем не менее, ожидаемых прорывных проектов в области теории педагогического образования, а тем более его реформ не последовало. Более того, начало XXI в. свидетельствует о фундаментальном кризисе педагогического образования. В этой связи хочется сослаться на выступление бывшего ректора БГПУ им. М. Танка П. Д. Кухарчика на V Международной научно-практической конференции «Педагогическое образование в условиях трансформационных процессов: методология, теория, практика» 20 октября 2011 г. Делясь своими впечатлениями о совещании ректоров европейских педагогических университетов Европы, проводившемся в 2011 г., П. Д. Кухарчик отметил, что общей темой выступлений на этом совещании была проблема падения престижа педагогического образования в Европе.

К сожалению, мнение ректоров европейских педагогических университетов подтверждается данными социологических исследований, проведенными в России. В связи с этим возникает вопрос: почему, несмотря на всю важность роли педагогического образования в развитии культуры и общества, – тем более, что в связи с кризисом семьи значение дошкольного и начального образования в деле социализации личности ребенка постоянно растет, – престиж этого образования постоянно падает?

В работах современных теоретиков, посвященных проблемам образования как в странах, которые возникли после распада СССР, так и в дальнем зарубежье, нет недостатка в призывах к модернизации образования. Эти проекты модернизации образования основаны на теоретических концепциях информационного общества (или так называемого общества знания). В свою очередь, все эти концепции вытекают из культурно-исторической парадигмы социального знания, которая была характерна для устойчивого этапа развития техногенного общества (XIX – первая половина XX в.). Но с началом кризиса этого общества и особенно в связи его обострением в конце XX – начале XXI в. выявились и стали очевидными недостатки и противоречия этой парадигмы, которые проявляются в логоцентризме, антропоцентризме, сциентизме, европоцентризме (или западнизме – А. Зиновьев) и «капиталоцентризме».

Все эти недостатки присущи и тем проектам модернизации образования, которые вытекают из концепции информационного общества. По сути дела, и пресловутая болонская система высшего образования, и тестовая система оценки знаний, полученных в результате обучения в средней школе, есть нечто иное, как система интеллектуальной дрессировки рабочей силы, необходимой для функционирования и инерционного развития общества позднего капитализма.

Но особенно негативную роль эти так называемые проекты модернизации образования играют в странах полупериферии и периферии, к которым относятся республики бывшего Советского Союза. Во-первых, переход высшего образования (в том числе и педагогического) на болонскую систему с едиными стандартами оценок обучения ведет к тому, что в этих странах ведется подготовка и дрессировка рабочей силы для включения в производственные процессы стран ядра капиталистической мир-системы. Об этом свидетельствует массовая эмиграция молодежи из стран

Балтии, уже «встроенных» в современный мир-экономический порядок и «утечка мозгов» из других республик бывшего СССР. Во-вторых, в связи с распадом СССР «система образования, обеспечивающая подготовку кадров для многоотраслевой экономики, перестает соответствовать новому экономическому основанию. В условиях «встраивания» она должна в первую очередь решать задачи, соответствующие узкой экономической специализации страны.

Таким образом, подлинное обновление педагогического образования, а по сути дела, его спасение заключается (по примеру великих педагогов-новаторов от Я. А. Коменского до Э. В. Ильенкова) в теоретическом разрыве с культуро-исторической парадигмой социального знания, в отказе от концепции информационного общества как теории, объясняющей существующую социальную реальность, и построении новой концепции педагогического образования на основе эколого-футурологической парадигмы.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К РЕШЕНИЮ ПРОБЛЕМЫ ПОСТРОЕНИЯ ДИДАКТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ШКОЛЬНИКОВ

Г. В. Макотрова

В современном образовании России развитие исследовательского потенциала школьников требует создания соответствующей дидактической модели, представляющей собой описание процесса развития исследовательского потенциала их личности на основе выделенных целей, содержания, средств реализации и результатов, а также осмысление путей его дальнейшего развития.

Исследовательский потенциал школьников мы рассматриваем как динамичный ресурс, включающий единство развитых природных задатков (интеллекта, сензитивности к новизне ситуации, исследовательской активности, коммуникативности), ценностно-смыслового отношения к результатам исследования, обобщенных знаний о Вселенной, живой природе, обществе и человеке, умений использовать научные методы познания окружающего мира, который в разной мере актуализируется в виде диапазона и величины проявлений старшеклассником себя в качестве исследователя в ходе целенаправленного получения им результатов познания (понимания себя, других людей, мира) и обеспечивает эффективную перестройку направления и содержания познавательной деятельности, творческую продуктивность, личностное самоопределение и творческое саморазвитие. К его критериям, полученным на основе культурологического подхода и проведенной экспериментальной работы, мы отнесли мотивацию к исследованию, исследовательский (научный) стиль мышления, творческую активность, технологическую готовность к поиску.

Для разработки дидактической модели нами выделен ряд методологических подходов: системно-деятельностный, антропологический и культурогенетический. Использование системно-деятельностного подхода вызвано процессами стандартизации школьного образования, выделением в результатах обучения

универсальных учебных действий (УУД), универсальных способов познания и освоения мира [1]. Их формирование рассматривается как «магистральный путь» совершенствования образовательного процесса (А. Г. Асмолов, Г. В. Бурменская, И. А. Володарская и др.) [2].

Антропологический подход обеспечивает эффективность и результативность формирования когнитивных механизмов, снятие разрыва между интеллектуальностью и эмоциональностью, так как в нем представлена тема целостности, которая, по словам М. Бахтина, выражает стремление человека достраивать часть до сферы [3]. С позиции этого подхода для развития исследовательского потенциала школьников требуется обеспечение чувства переживания принятия и безопасности, ориентации в системе социальных и межличностных ролей [4], «свободное самоопределение личности в своих отношениях с миром» [5].

Реализуя этот подход, мы должны увидеть движение школьников к целостному знанию, к развитию их холистического мышления, к видению ими части в контексте понимания целого. Для этого учитель выстраивает процесс обучения как цепочку последовательных достижений ученика, делает процесс учения более осознанным и значимым, включает ученика в управление своей познавательной деятельностью, использует измерение исследовательского потенциала школьника для получения его дальнейшей максимально возможной положительной динамики. В результате мы получаем «хорошо устроенную голову», которая имеет двоякое преимущество: общую способность ставить и решать проблемы и способность оперировать «принципами организации, позволяющими связывать знания и придавать им смысл» (Э. Моран) [6].

Личностный культурогенез в педагогических исследованиях рассматривается как развитие способности обучаемого к конструированию культуры, готовности открывать мир впервые, создавать собственные культурные произведения, что позволяет ему присваивать ценности и пребывать в органичной для себя культуре (А. Я. Данилюк) [7], как процесс развертывания индивидуальной сущности параллельно с процессом приобретения социальной сущности (А. А. Майер) [8; 9]. Использование культурогенетического подхода позволяет планомерно изучать динамику проявления школьником себя в качестве субъекта исследования, оценивать состояние имеющихся возможностей и уровень реализации его исследовательского потенциала на этапах культурогенеза, которые выделены с учетом различных познавательных стратегий в деятельности школьников (приверженности к традициям, одним и тем же способам доказательств, построения рассуждений; проведения исследований по алгоритму в рамках определенных научных теорий; интерпретации полученных результатов; обращения к новым явлениям и фактам, противоречащим предыдущим знаниям, способам деятельности; применения новых инструментов, позволяющих по-новому увидеть те же самые объекты, выйти за рамки традиций при получении новых знаний и др.).

На основании вышеизложенного развитие исследовательского потенциала школьника мы рассматриваем как его самоосуществление в познавательной деятельности в контексте культурогенеза, который отражает движение от культууроосвоения к культуротворчеству; как процесс поступательного качественного

преобразования интегральной характеристики его внутренних и приобретенных ресурсов, необходимых и достаточных для успешного освоения им норм исследовательской деятельности и для творческого саморазвития в ходе создания собственных познавательных продуктов.

Для построения дидактической модели развития исследовательского потенциала идея субъектности, возникшая в рамках системно-деятельностного подхода подтолкнула нас к созданию кодификатора, в котором соотнесены показатели исследовательского потенциала школьников с УУД, позволила использовать его для проведения формирующего оценивания, осмыслить роль современных информационно-коммуникационных технологий как средств, с помощью которых школьник приобретает опыт интеллектуальной самоорганизации, опыт интеллектуально-личностного развития, характеризующегося определенными уровнями (операционально-действенным, субъектно-деятельностным и субъектно-личностным), представленными Е. Н. Селеверстовой [10]. В условиях эксперимента цифровые ресурсы и технологии при выполнении заданий давали возможность ученику на операционально-действенном уровне отрабатывать отдельные познавательные действия (анализ, синтез, сравнение, классификацию и др.), на субъектно-деятельностном уровне – управлять процессом получения нового знания в самостоятельном исследовании, на субъектно-личностном – проявлять «субъективно-избирательное, рефлексивно-смысловое отношение к научному знанию», позволяющее осуществлять самообразование.

Идея субъективности в рамках антропологического подхода дала нам возможность понять, что в исследовательском обучении школьник делает осознанный заказ на собственное движение в образовании, связанный с культурой выбора и соорганизацией различных образовательных предложений для собственной образовательной программы. Реализация идеи осуществлялась при опоре учителя на внутренние ресурсы личности школьника, определяемые нами как психологические условия развития его исследовательского потенциала (Г. В. Макотрова, Т. В. Петрунова), а именно: на оптимальность информационной культуры, на креативный тип мышления, на мотивацию достижений, на культуру «Я», на оптимальность состояния эмоциональной культуры. В помощь ученику были предоставлены различные модели индивидуальных образовательных программ, в том числе и электронные, которые позволяли ему на основе содержащихся в них различных предложений делать выборы, на основе которых учитель в случае необходимости оказывал ему оперативную помощь, педагогически сопровождал его творческое саморазвитие.

С позиции идеи культурогенеза нами выделены этапы развития исследовательского потенциала школьников: культуроосвоение, культуропользование, культуроинтерпретаторство и культуротворчество. С помощью УУД нами был смоделирован ряд учебных ситуаций, соответствующих выделенным этапам, которые представлены в технологии развития исследовательского потенциала. В условиях эксперимента с участием старшеклассников она позволила связывать профильное обучение и деятельность предметной секции ученического научного общества.

С помощью выделенных УУД учитель в ходе реализации педагогической

технологии оценивал развитие показателей исследовательского потенциала школьников на уровне прошлого, настоящего и будущего, а затем проектировал дальнейшую педагогическую деятельность. Эксперимент показал, что использование кодификатора, в котором представлены новые образовательные результаты, учитель при проектировании и реализации учебных ситуаций осмысленно реализует интеграцию идей культурогенеза, субъектности, субъективности.

Литература и источники

1. Фундаментальное ядро содержания общего образования / Рос. акад. наук, Рос. акад. образования; под ред. В. В. Козлова, А. М. Кондакова. – 4-е изд., дораб. – М.: Просвещение, 2011. – 71 с.
2. Асмолов, А. Г. Проектирование универсальных учебных действий в старшей школе / А. Г. Асмолов, Г. В. Бурменская, И. А. Володарская, О. А. Карабанова, С. В. Молчанов, Н. Г. Салмина // Национальный психологический журнал. – 2011. – № 1 (5). – С. 104–110.
3. Бахтин, М. К философии поступка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://philosophy.ru/library/bahtin/post.html>. – Дата доступа: 15.08.2014.
4. Зинченко, Ю. П. Психологическая безопасность детства в системе взрослых ценностей и культура современной коммуникации / Ю. П. Зинченко // Диалог культур: ценности, смыслы, коммуникации: мат-лы XIII междунар. Лихачевских научных чтений, г. Санкт Петербург, 16–17 мая 2013 г. – СПб., 2013. – С. 592–593.
5. Мещеряков, Б. Г. Антропологизация образования переносится в третье тысячелетие / Б. Г. Мещеряков, И. А. Мещерякова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://fpo.ru/pp/mesh_i_a_2.html. – Дата доступа: 11.08.2014.
6. Моран, Э. Хорошо устроенная голова. Переосмыслить реформу – реформировать мышление / Э. Моран. – М., 1999.
7. Данилюк, А. Я. Принцип культурогенеза в образовании / А. Я. Данилюк // Педагогика. – 2008. – №10. – С. 3–8.
8. Майер, А. А. Вклад философии дошкольного образования в определение перспектив человекообразного образования / А. А. Майер // Вестник университета Российской академии образования. – 2008. – №2. – С. 92–95.
9. Майер, А. А. На пути к системному представлению детства в научной картине мира / А. А. Майер // Вестник ВятГУ. – 2008. – № 3(3). – Т. 3. Педагогика и психология. – С. 44–48.
10. Селивёрстова, Е. Н. Концептуализация научных представлений о развивающей функции обучения: на пути к неклассической дидактике / Е. Н. Селивёрстова // Основные тенденции развития дидактики: инновационный потенциал дидактического знания: материалы междунар. науч.-практ. конф. – М. – Ярославль, 2012. – С. 75–80.

СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ОДАРЕННОСТИ В РОССИЙСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

В. А. Иноземцев, И. В. Иноземцев

Рассмотрим современные направления психологической науки в изучении одаренности с позиции философских оснований концепции одаренности. Отметим, что в отечественной психологии долгое время не было существенного продвижения в понимании природы одаренности, ее детерминации, процессов и условий ее

формирования. Однако, усилиями целого ряда ученых (Ю. Д. Бабаева, Д. Б. Богоявленская, А. В. Брушлинский, В. Н. Дружинин, И. И. Ильясов, А. М. Матюшкин, А. А. Мелик-Пашаев, В. И. Панов, А. Н. Поддъяков, М. А. Холодная, В. Д. Шадриков, Е. Л. Яковлева и др.) в этой области наметился «прорыв». Поэтому имеет смысл рассмотреть теоретические концепции названных авторов и сопоставить их с другими теориями. Критериями в выборе явились:

- роль и значение анализируемых теорий в развитии психолого-педагогической науки, их влияние в методологическом плане;
- оригинальность и новизна воззрений авторов теорий;
- возможность привлечения этих теорий при решении практических задач.

С этой точки зрения большое значение в отечественной психологической традиции приобрели взгляды представителей школы Б. М. Теплова (Н. А. Аминов, А. В. Брушлинский, Э. А. Голубева, К. М. Гуревич, В. А. Крутецкий). Они поставили проблемы индивидуальных различий в сфере способностей.

Б. М. Теплов выдвинул тезис о преимущественном значении качественного подхода к проблеме способностей, предложил одно из самых общих и популярных определений способностей. Под одаренностью он понимает своеобразную структуру психических свойств в единстве интеллектуальных, волевых и эмоциональных моментов, не сводя ее к способностям, относящимся к определенной сфере деятельности. В рамках нового направления – дифференциальной психофизиологии – Б. М. Теплов заложил основы изучения способностей и одаренности на перспективу ближайших лет прежде всего благодаря разработанным им методам аналитического изучения способностей и их задатков на единой концептуальной основе. Его единомышленниками в деле изучения биологической и социальной природы индивидуальных различий вообще и способностей и одаренности в частности выступили другие ученые и других научных школ (Б. Г. Ананьева, В. Д. Небылицына, В. С. Мерлин).

В целом подход Б. М. Теплова и его последователей в качестве своих философских оснований имеет атомарно-онтологическую парадигму, в рамках которой одаренность выступает как более или менее уникальный комплекс способностей, присущих индивиду. Ученые, опирающиеся на данную парадигму, являются продолжателями линии Демокрита и линии Декарта.

Иные философские основания имеет концепция способностей Л. С. Выготского. Его идея о плюс- и минус-одаренности впоследствии получила воплощение в разработанной Ю. Д. Бабаевой динамической теории одаренности. Как отмечает автор, базовые принципы этой теории были сформулированы с опорой на «теорию запруды» Т. Липпса, идеи А. Адлера о сверхкомпенсации и понятие И. П. Павлова о «рефлексе цели». Таким образом, данная теория основывается на следующих принципах: социальной обусловленности развития, перспективы будущего и компенсации. Поведение одаренного ребенка в рамках теории может быть описано с учетом целеобразования, которое связывается с наличием преграды. Возникновение цели, в свою очередь, приводит к появлению стимула на пути к компенсации и развитию. Этот процесс носит социально обусловленный характер, так как именно отношение ребенка со средой, с одной стороны, порождает различные препятствия, которые он должен преодолеть, а, с другой, обеспечивает их успешное

преодоление.

Отметим, что описанные подходы в плане своих философских предпосылок являются продолжением линии, идущей от Аристотеля с его идеей актуализации потенциальных возможностей под влиянием внешних условий. С точки зрения этих подходов, человек является носителем этих потенциальных возможностей, однако, для их актуализации необходим особый набор условий. Причем, источник этих условий находится вне человека – носителя возможностей. Эти условия создают семья, общество, педагоги.

К указанным концепциям примыкает концепция развития творческого потенциала А. М. Матюшкина и разработанная на ее основе программа исследований и практики обучения высокоодаренных детей от дошкольного до студенческого возраста, которые были отмечены премией Правительства РФ в области образования за 1998 год. Согласно этой концепции, креативность является скорее предпосылкой развития и самореализации способностей, а ее раннее выявление может обеспечить возможности дальнейшего творческого развития ребенка в условиях специально организованного обучения. Творческий потенциал составляет когнитивное и личностное «ядро», проявляется до становления интеллектуальных структур в виде специальных способностей и интересов, в форме любознательности и высокой исследовательской активности ребенка, обеспечивает легкость усвоения учебного материала и успешность обучения ребенка во всех или специальных областях. Справедливость этой концепции была подтверждена практикой обучения данной категории детей по особой междисциплинарной программе с использованием проблемных методов обучения.

Особую группу составляют психологические подходы, философские основания которых сближаются с философской линией, идущей от Платона и Канта. Эти подходы условно можно назвать «трансценденталистскими», поскольку в число их антрополого-философских предпосылок входит допущение существования в самом субъекте некоего внутреннего ресурса, наличие которого позволяет человеку выходить за пределы собственного опыта, оказывать активное влияние на окружающую среду и изменять ее. На эту предпосылку неявно опираются в своих подходах А. А. Мелик-Пашаев, В. И. Панов и некоторые другие современные психологи, исследующие проблемы одаренности. Так, в рамках концепции интеллектуальной активности Д. Б. Богоявленской предложен оригинальный подход к интерпретации природы творчества в процессуально-деятельностной парадигме. Вместо традиционного понятия творческой способности (которое, заметим, лежит в русле «онтологического», «аристотелевского» подхода), Д. Б. Богоявленская в качестве единицы анализа использует понятие «интеллектуальная активность», понимая под ней свойство целостной личности, отражающее взаимодействие когнитивной и аффективной сфер в их единстве. Этот критерий был положен в основу типологии творчества и позволил провести дифференцированный анализ качественных особенностей творчества и меры его выраженности. Экспериментальные исследования одаренности подтвердили тезис о том, что формировать и развивать творческие способности можно на основе формирования теоретического мышления.

А. А. Мелик-Пашаев в качестве исходной единицы анализа рассматривает

способность человека к художественному творчеству, сущность которой определяется через ее отношение к коммуникативной функции искусства, к эстетическому и эмоционально-нравственному отношению к действительности. Предложенная А. А. Мелик-Пашаевым модель творческой деятельности, включающая определение художественных способностей как органов самореализации творческого Я на базе общечеловеческих психологических качеств, позволяет по-новому организовать исследование способностей и одаренности. Исследование должно быть сосредоточено на изучении психологической сути и условий тех трансформаций, благодаря которым различные свойства человеческой психики становятся способностями.

Для В. Д. Шадрикова исходной единицей анализа являются духовные способности, причем в основе разработанной им феноменологии способностей лежит индивидуалистический подход, сформировавшийся в рамках протонаучной философской парадигмы. В. Д. Шадриков рассматривает способности не с позиции всеобщего как свойства функциональной системы, а с позиции единичного как меры выраженности этого свойства, проявляющейся в успешности и качественном своеобразии освоения и реализации деятельности. В структуре психики способности занимают особое место, конкретизируя общее понятие психики как свойства мозга отражать объективный мир и дифференцировать это свойство на конкретные психические функции; наконец, структура способностей сложна и отражает системную организацию мозга, межфункциональные связи и деятельностный характер психических функций.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта научных исследований «Психологическая концепция одаренности: теоретико-историческое исследование», договор № 14-06-00460.

Литература и источники

1. Богоявленская, Д. Б. Одаренность и проблемы ее идентификации / Д. Б. Богоявленская, М. Е. Богоявленская // Психологическая наука и образование. – 2000. – № 4. – С. 5–13.
2. Выготский, Л. С. Психология творчества / Л. С. Выготский. – М., 2001. – 211 с.
3. Ивлева, М. Л. Научный этап развития психологической концепции одаренности : тенденции, направления, подходы / М. Л. Ивлева. – Москва: Изд-во МГТУ «МАМИ», 2012. – 195 с.
4. Ивлев, В. Ю. Методологическая роль категорий необходимости, случайности и возможности в научном познании / В. Ю. Ивлев, М. Л. Ивлева. – М.: МГТУ «МАМИ», 2011. – 109 с.
5. Ивлева, М. Л., Иноземцев В. А., Ивлев В. Ю. Становление новой философско-методологической парадигмы современной науки в условиях информационного общества / М. Л. Ивлева, В. А. Иноземцев, В. Ю. Ивлев. – М.: ИТО СЕМРИК, 2012. – 132 с.
6. Матюшкин, А. М. Загадки одаренности: Пробл. практ. диагностики / А. М. Матюшин. – М.: Школа-пресс, 1993. – 128 с.
7. Мелик-Пашаев, А. А. Об источнике способности человека к художественному творчеству // Вопросы психологии. – 1998. – № 1. – С. 76–82.
8. Теплов, Б. М. Способности и одаренность // Теплов Б. М. Избранные труды / Б. М. Теплов. – М.: Педагогика, 1985. – Т.1. – С. 15–41.

КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ К АНАЛИЗУ ПРОБЛЕМЫ ОДАРЕННОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ПСИХОЛОГИИ

М. Л. Ивлева, А. В. Миракян

Сопоставляя подходы российских и зарубежных психологов к изучению проблемы одаренности, можно отметить различия методологического характера. Они выражаются в том, что отечественные психологи раскрывают проблему развития способностей главным образом с позиций концепции системогенеза деятельности и в целом демонстрируют большую однородность теоретико-методологических позиций, в то время как зарубежные ученые демонстрируют плюрализм и внешнее (в том числе на уровне терминологии) разнообразие подходов. Хотя для российских ученых характерна большая дифференциация в выделении аспектов исследования одаренности, в то же время их интересует интегральная теоретическая модель одаренности, включающая различные компоненты и содержащая инвариантное ядро.

Зарубежной психологической науке (в первую очередь, американской), присущ ярко выраженный прагматический характер, в то время как среди российских ученых наблюдается стремление к разработке теоретико-методологических основ одаренности.

В рамках отечественной традиции наиболее активно изучаются объектно-онтологические аспекты одаренности (как, например, в динамической теории одаренности Ю. Д. Бабаевой, концепции интеллектуальной активности Д. Б. Богоявленской), в то время как зарубежные ученые основной упор делают на когнитивно-гносеологических и аксиологических аспектах.

В России пока недостаточно широко ведутся исследования влияния культурных, региональных и религиозных факторов на развитие одаренных детей. Между тем за рубежом многие ученые пытаются не просто включить этнокультурный контекст в разработку проблемы одаренности, но и увязать его с вопросами психического склада (характер, темперамент, интересы) и эмоциональной сферы (этнические чувства) одаренных детей, являющихся выразителями определенных черт (национальных, культурных, религиозных).

В целом для отечественной науки характерна ситуация включения проблем одаренности в более широкий психологический контекст, а для зарубежной – в контекст междисциплинарных исследований.

Одним из актуальных направлений современных исследований проблемы одаренности является интерес к личностным и морально-этическим аспектам этой проблемы. К их числу относятся такие, как социальная ответственность одаренных людей перед обществом, развитие у них чувства ответственности, других моральных качеств, изучение личностных особенностей этих людей.

Заслуживает внимания экопсихологический подход к одаренности (В. И. Панов), в который может послужить теоретико-методологической базой для адекватной теоретизации психологической концепции одаренности на современном этапе. Отличительной чертой этого подхода является онтологический взгляд на одаренность, позволяющий на базе этого подхода выработать теоретические

основания создания образовательной среды развивающего (творческого) типа, обеспечивающей возможность проявления и развития потенциальных способностей учащихся, способствовать раскрытию творческого начала всех сфер их психики.

Характерной чертой экспериментальных исследований одаренности стала дискуссионность в объяснении сущности предмета изучения, а отсюда – и целый ряд методологических вопросов, разрешение которых напрямую зависит от общих теоретико-методологических установок и философских предпосылок, лежащих в основе психологических теорий. К этим вопросам относятся вопросы об оптимальном соотношении качественных и количественных, субъективных и объективных факторов одаренности; о значимости изучения индивидуальных различий одаренных детей в структуре проблематики одаренности. А также вопросы о целесообразности комплексных исследований, находящихся на стыке нескольких наук; об основаниях и критериях оценки одаренности; о соотношении интеллектуально-когнитивной составляющей одаренности с другими ее составляющими в общей структуре одаренности; об оценке продуктивности конкретных исследовательских методик, о предпочтительности статических или динамических исследований и др.

Пока приходится признать, что основные достижения в области изучения одаренности характерны в большей степени для прикладных исследований, что же касается теоретико-методологической сферы, то здесь прогресс достигается значительно медленнее.

В основу типологизации основных направлений экспериментальных исследований одаренности предлагается положить такие критерии, как степень детерминированности теоретическими посылками; продуктивность в плане диагностики одаренности и прогноза будущих достижений; возможности «переноса» методологии и использования ее в других условиях, другом исследовательском контексте; широта распространения; уровень новизны и практической значимости. Общие тенденции и направления, по которым ведутся изыскания большинства специалистов в области психологии одаренности, позволяют сделать вывод о том, что на протяжении всего XX века эта проблема фактически ограничивалась вопросами психологии интеллекта и креативности.

Только в 1990-е годы стал преобладать подход, согласно которому одаренность рассматривается как интегральное, системное свойство личности. Это свойство не сводимое к интеллекту, креативности или когнитивным функциям, не зависящее фатально от условий среды, а проявляющееся в динамических характеристиках. Вместе с тем стремление авторов большинства современных концептуальных моделей одаренности к созданию относительно простых, логически ясных схем подчас приводит к схематизированному, упрощенному представлению об этом сложном психическом явлении. В качестве компромиссного варианта выступают многофакторные модели одаренности, более востребованные в образовательной практике.

Однако реальная образовательная практика по-прежнему чаще всего базируется на имплицитных, неконцептуализированных представлениях педагогов о феномене одаренности.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта научных исследований «Психологическая концепция одаренности: теоретико-историческое исследование», проект № 14-06-00460.

Литература и источники

1. Ивлева, М. Л. Научный этап развития психологической концепции одаренности : тенденции, направления, подходы / М. Л. Ивлева. – Москва: Изд-во МГТУ «МАМИ», 2012. – 195 с.
2. Ивлев, В. Ю. Методологическая роль категорий необходимости, случайности и возможности в научном познании / В. Ю. Ивлев, М. Л. Ивлева. – М.: МГТУ «МАМИ», 2011. – 109 с.
3. Ивлева, М. Л., Иноземцев В. А., Ивлев В. Ю. Становление новой философско-методологической парадигмы современной науки в условиях информационного общества / М. Л. Ивлева, В. А. Иноземцев, В. Ю. Ивлев. – М.: ИТО СЕМРИК, 2012. – 132 с.

«СВОБОДНЫЕ ИСКУССТВА» КАК СПОСОБ ВОСПИТАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

А. А. Соловьёв

Важной проблемой современной науки и современного образования становится назревшая необходимость расширения роли междисциплинарных исследований. Перспективной в этом ключе представляется идея развития интеллекта с одновременным приобщением человека к гуманистическим ценностям. Форма организации образовательного процесса, включающая в том числе и «свободные искусства», на наш взгляд, является парадигмальным основанием, способствующим конструктивному диалогу, а также эффективному взаимодействию социально-гуманитарной и информационно-технической сфер современного общества.

Здесь важно обратить внимание на проблему целеполагания в образовании. В общественном сознании целью последнего признается так называемое полиматическое обучение, причем ориентированное на сциентистскую парадигму. Основная задача такого обучения – передача накопленного опыта в виде рационализированной информации, выраженной обычно в тексте. Как правило, эта информация включает научное знание и языки [4, с. 207].

Но полиматическое образование приложимо не ко всем сферам жизнедеятельности и фактически не касается (или касается незначительно) целого ряда видов этой деятельности. Целостное же образование нацелено на формирование целостного человека, поэтому содержит в себе воспитание не только информационно-культурное, но и творческое, физическое, политехническое, интеллектуальное, эстетическое, этическое, социально-психологическое. Свободное образование может ориентироваться на указанные компетенции. Чем оно являлось исторически и чем может быть в современном мире?

«Семь свободных искусств» – система учебных предметов в средневековой школе, включавшая два цикла: тривиум, состоящий из грамматики, риторики и

диалектики, а также квадривиум, предполагавший изучение арифметики, геометрии, астрономии и музыки [3, с. 562, 1194, 1355].

Семичленный курс схоластической науки слагался из «троепутя» и «четырепутя», три дисциплины низшей школы принадлежали к словесным наукам, четыре университетские (в том числе музыка) – к математическим [1, с. 15].

Какое отношение могут иметь средневековые «свободные искусства» к современному образованию и воспитанию интеллектуальной культуры?

Во-первых, нужно отметить, что приблизительное содержание «свободных искусств» средневековья отнюдь не противоречит содержанию тех «искусств», которые называют свободными в наше время. Грамматику, риторику, диалектику можно считать гуманитарными науками, музыку – искусством, а математические дисциплины все больше применяются в социально-экономических исследованиях.

Во-вторых, мы полагаем, что современная модель образовательного взаимодействия может быть положительно дополнена свободными занятиями, причем практически не меняя своего формального содержания.

В-третьих, «свободные искусства» в современном мире не могут быть четко выражены или разделены. Арифметика, например, традиционно включена в курс химии, а может быть применена и в обществоведческих дисциплинах. Грамматика неизбежна в гуманитарных дисциплинах, но и в естественных ее значимость велика, например, при понимании текстов задач. Музыка (если ее рассматривать как всеобщее учение о гармонии) пронизывает не только все учебные предметы, но и все стороны жизнедеятельности человека.

По поводу риторики укажем ставшую расхожей истину: «кто ясно мыслит, тот ясно излагает». Из этого можно вывести и обратное: необходимость ясного изложения может вызывать потребность в ясном мышлении. Тогда интеллект становится одним из способов или условий развития ораторских качеств. Поэтому популяризация риторики становится подспорьем для популяризации интеллектуальной культуры.

Диалектика считается учением о становлении и наиболее общих закономерных связях, а также о способе постижения действительности, основанном на знании этих связей [5, с. 154]. Здесь мы говорим о соотношении целей и средств, а также о переходах одних целей в другие. Различные сведения могут быть использованы непосредственно на практике, но могут быть вспомогательным инструментом для получения других знаний, а также навыков, умений, компетенций и квалификаций. Чистое мышление «работает вхолостую», поэтому логика сама по себе ничего не дает. Частные же знания, как правило, решают практические задачи без применения абстрактного мышления. А диалектика позволяет объединить информацию и мышление, создавая ресурс для принятия решений при частичном отсутствии сведений о практической ситуации.

Арифметика и геометрия в современной школе изучаются в курсе математических дисциплин (как и в рамках квадривиума). Кроме знания о количественных закономерностях (окружающего мира или мышления – вопрос спорный) указанные предметы формируют и социально-психологические установки. Б. Спиноза даже этические (и в целом мировоззренческие) принципы обосновывал, используя геометрические методы доказательства. В этом смысле геометрия

становится образцом метода, включающего постановку теоретической гипотезы, применение абстрактных приемов ее раскрытия и завершающий этот процесс вывод.

Астрономия многим представляется бесполезным для современности учением. Но, во-первых, данная область знания отвечает на вопросы, которые пытаются объяснить представители разного рода «несущих свет знания» сект, течений и организаций. Конечно, никаких социальных гарантий знание не предоставляет, но разве адекватное представление о законах мироздания (которые и наукой постоянно уточняются, но все-таки имеют некоторый рациональный стержень) не позволяет «сопротивляться вредному влиянию»?

На постсоветском пространстве астрономия имеет еще и значимый объединяющий фактор. Открытие космоса для человечества – дело рук советских людей, поэтому всякие знания, связанные с освоением Вселенной (или множества миров) представляются в данном ключе самоценными.

Однако в современном обществе все указанные «искусства» должны быть преобразованы, поскольку применение их в классическом варианте может не вызывать практического эффекта. К примеру, навыки арифметики заменяются наличием калькулятора, грамматики – проверочными системами текстовых редакторов; различные сведения, составляющие содержание иных разделов тривиума и квадравиума легко черпаются в необъятных просторах глобальной сети.

Мы полагаем поэтому, что современному человеку недостаточно ни хорошо наполнить свой разум, ни хорошо его устроить. Актуальными становятся гуманитарные навыки, этические, эстетические способности, опирающиеся на развитое мировоззрение и, говоря словами И. Канта, собственный «план жизненного поведения» [2, с. 445, 481]. Мы полагаем, что этот план можно воспитывать «новым свободным искусством».

Литература и источники

1. Дживилегов, А. Леонардо да Винчи / А. К. Дживилегов. – 2-е изд. – М.: Искусство, 1969. – 220 с.
2. Кант, И. О педагогике / И. Кант // Кант И. Трактаты и письма. – М.: Наука, 1980. – С. 445–504.
3. Советский энциклопедический словарь: ок. 80000 слов / Ред. АМ. Прохоров. – 4е изд. – М.: Сов. энциклопедия, 1988. – 1599 с.
4. Соловьёв, А. А. Образовательный плюрализм в условиях неопределенности / А.А. Соловьёв // Довгирдовские чтения III: философская антропология и социальная философия. Материалы международной научной конференции, г. Минск, 26–27 апреля 2012 г. – Минск, 2012.
5. Философский энциклопедический словарь / ред. Л. Ф. Ильичёв [и др.]. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – 836 с.

РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ ОСНОВ СИНЕРГЕТИКИ

М. С. Ковалевич

Реализация принципов и задач высшей школы предполагает не только изменение содержания, форм и методов учебной деятельности студентов, но и не менее радикальное преобразование деятельности преподавателя, пересмотра традиционных подходов, существующих в педагогическом процессе.

К настоящему времени в рамках естественных наук, изучающих нелинейные, неравновесные процессы, зародилось новое научное направление, получившее название синергетики (теории самоорганизации). В ее основе философия нестабильности, исходящая из многовариантности, нелинейности и открытости Вселенной. Как показали выполненные исследования, синергетическая концепция может способствовать глубокому познанию таких сложных, нелинейных, открытых систем, как общество, различных его подсистем, в том числе и образования.

Идеи теории самоорганизации, синергетики во все большей степени резонируют сегодня в гуманитарной среде, все ярче звучат ее антропологические мотивы, поэтому так необходимы они современному специалисту в области педагогической и социальной деятельности.

Анализ и обобщение существующих определений рассматриваемого феномена позволил сделать вывод о том, что культура интеллектуальной деятельности будущего специалиста социальной сферы представляет собой интегративную многоуровневую профессионально значимую характеристику его личности, выражающуюся в наличии устойчивой познавательной мотивации, системы ценностных ориентаций, культуры мышления, гигиены умственного труда и его педагогически целесообразной организации, взятых во взаимодействии.

Как показывает анализ педагогической литературы и собственный практический опыт, для целенаправленного развития у студентов культуры интеллектуальной деятельности в учебном процессе в вузе должны быть созданы специальные условия. Таким условием, на наш взгляд, является внедрение в учебный процесс курсов «Педагогическая синергетика» и/или «Социальная синергетика», направленных на укрепление познавательной составляющей мотивации учения и интеллектуального роста личности студента; совершенствование содержательного и технологического компонентов учения; педагогическое содействие самоорганизации интеллектуальной деятельности студентов.

Названные учебные курсы были разработаны автором на кафедре педагогики дошкольного образования Брестского госуниверситета имени А. С. Пушкина и реализованы в учебном процессе специальностей «Практическая психология» и «Социальная работа (по направлениям)».

Цель: развитие системного мышления будущих психологов и специалистов по социальной работе на основе синергетической концепции самоорганизации, теоретико-методологическая подготовка студентов к активному участию в современных образовательных и социальных процессах.

Задачи:

1. Содействовать овладению фундаментальными понятиями, принципами и закономерностями синергетического подхода.

2. Сформировать концептуальные понятия о педагогической и социальной реальности с позиций синергетического подхода.

3. Развить «нелинейное» педагогическое мышление будущих специалистов, сформировать понятие о принципах научной организации интеллектуальной деятельности.

4. Ввести студентов в проблематику современных междисциплинарных исследований, ознакомить их с системно-синергетической методологией исследования сложных самоорганизующихся и прежде всего социальных и педагогических систем.

5. Обучить будущих специалистов применению системно-синергетического подхода к постановке и решению социальных проблем, формировать умения работать с научной информацией, навыки самопрезентации.

Как показывает анализ психолого-педагогической литературы и собственный практический опыт, успешному формированию интеллектуальной культуры будущих специалистов способствуют используемые нами в процессе преподавания названных курсов:

– *Активизирующие технологии*, психологическим механизмом обучения которых являются включение студентов в активную познавательную деятельность на основе создания проблемных ситуаций, развитие познавательных интересов и потребностей, связанных с усвоением новых знаний, необходимых для будущей профессиональной деятельности [1].

– *Проблемно-ориентированные технологии* обеспечивают возможность творческого участия обучаемых в процессе усвоения новых знаний и мотивации обучающихся, допускает вариативность подхода к выбору способов решения проблем. При этом осознание, принятие и разрешение проблемных ситуаций происходит при оптимальной самостоятельности обучающихся, но под общим руководством педагога в ходе совместного действия. Обсуждаются также личностные проблемы студентов, связанных с дефицитом профессиональных знаний, слабой адаптацией к университетскому образованию, адаптационным кризисам. Достоинством технологии является ее органическая связь с будущей профессиональной деятельностью и акцент на самостоятельной деятельности студентов [2, с. 76].

– *Коррекционно-формирующие технологии* позволяют изменять вектор профессионального сознания, образовательно-профессионального поведения, осуществить «демонтаж» стереотипа профессионального поведения, полную или частичную замену существующих стратегий профессиональной деятельности и освоение новых образцов, сформировать недостающие профессиональные компетенции, адаптироваться к изменяющимся внешним условиям [3].

– *Личностно-ориентированные технологии* развития профессионально важных качеств будущих специалистов на основе раскрытия их креативного потенциала, инициативности, способности действовать в ситуациях повышенного риска, готовности брать на себя ответственность [4]; [5]. Данные технологии делают акцент на личностный аспект формирования компетентности специалиста-

профессионала.

– *Инновационная технология обновления*, инновационные способы решения проблем, формирование готовности будущих специалистов к инновационной деятельности. Ориентирована на инновационный путь, опираясь при этом на банк стандартных решений типовых задач. Инновационное обучение имеет дело с нарождающимися проблемами, которые могут оказаться уникальными и не будет возможности учиться на ошибках.

– *Управление проектами (project management)* – это целенаправленное управление изменениями. Принято считать, что управление проектами успешно тогда, если по завершении проекта цель оказывается достигнутой. Цели проекта могут устанавливаться как в социальной, педагогической, технической, так в сфере самообучения. Превращая проект в «обучающийся», можно заложить основы «обучающейся» организации (студенческой группы, кафедры ...).

– *Технологии открытого образования*: технология развития критического мышления, дебаты, модерация, информационные технологии и другие. Они допускают использование любых методов и приемов, направленных на формирование инновационного стиля мышления, овладение знанием на любом векторе решения проблемы; интенсифицируют взаимодействие, коммуникацию с другими людьми; позволяют развивать групповое самосознание, а также представлять и распространять свои взгляды.

– *Контроль текущей работы* студентов над данным курсом осуществляется в процессе проведения коллоквиумов, контрольных работ, подготовки портфолио, информационно-поисковых тезаурусов, создания проектов, где синергетическая теория развития выступает в качестве методологической основы исследования социальных и педагогических проблем.

Кроме названных, коучинговые технологии, технология развития критического мышления, эвристические техники генерирования идей, комплексные технологии активного обучения, игровые интерактивные технологии, учебные дебаты, метод проигрывания ролей, проектное и модульное обучение, мастер-классы, творческие мастерские, информационные технологии и другие, которые представлены в университете как технологии открытого образования.

Литература и источники

1. Гельфман, Э. Г. Интеллектуальное воспитание учащихся. Психодидактика школьного учебника / Э. Г. Гельфман, М. А. Холодная. – М.; СПб. [и др.]: Питер, 2006. – 384 с.
2. Матюшкин, А. М. Проблемные ситуации в психологической подготовке специалистов в вузе / А. М. Матюшкин, А. А. Понукалин. Проблемные ситуации в психологической подготовке специалистов в вузе // Вопросы психологии. – 1988. – № 2. – С. 76–82.
3. Научно-методическое сопровождение персонала школы: педагогическое консультирование и супервизия: Монография / М. Н. Певзнер [и др.]; под общ. ред. М. Н. Певзнера, О. М. Зайченко. – Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого: Ин-т образоват. маркетинга и кадровых ресурсов, 2002. – 315 с.
4. Кибанов, А. Я. Управление персоналом организации: стратегия, маркетинг, интернационализация / А. Я. Кибанов., И. Б. Дуракова. – М.: ИНФРА-М, 2007. – 301 с.
5. Якиманская, И. С. Личностно-ориентированное обучение в современной школе. – М.: «Сентябрь», 1996. – 96 с.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ОЛИМПИАДА КАК ЭФФЕКТИВНАЯ ФОРМА САМОРАЗВИТИЯ БУДУЩЕГО СПЕЦИАЛИСТА ПО СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ

Н. Н. Красовская

Молодежь будучи наиболее активной и динамичной социально-возрастной группой населения, заинтересована в повышении своего социального статуса и освоении новых социальных ролей. Поэтому важным становится вопрос об углублении интересов и стремления студенческой молодежи к приобретению знаний, совершенствованию ее самостоятельной работы. Для этого необходимо использование таких форм работы со студенческой аудиторией, которые способствовали бы ее саморазвитию, повышению ее познавательной активности, образовательного уровня и практических навыков.

Важным направлением реализации активности студенческой молодежи, приобретения необходимых практических навыков является организация и проведение *студенческих олимпиад* по различным научным направлениям. Участие в олимпиаде активизирует физический, творческий, интеллектуальный потенциал студентов, позволяет выявлять и развивать таланты, способности и ключевые качества личности.

Опыт проведения олимпиад повышает статус учебного заведения, а участие в олимпиадах, в свою очередь, – статус самих студентов. Роли, которые выполняет студент во время олимпиады, многообразны (танцоры, певцы, интеллектуалы, знатоки). Также студент может стать ведущим, организатором, капитаном команды и др.

В процессе подготовки команды к участию в олимпиаде важную роль играют не только интеллектуальный уровень членов команд, уровень их учебной подготовки, нахождение на определенной ступени обучения, но и творческий потенциал студентов, их креативность, инициатива, широкий кругозор и, конечно же, личное желание участников принять участие в олимпиаде.

Неоднократно были организованы и проведены студенческие олимпиады по специальности «социальная работа», целью которых стало повышение качества подготовки будущих специалистов, активизация научно-исследовательской работы студентов и создание условий для самореализации творческой инициативной молодежи.

Успешный старт проведению подобных олимпиад был дан филиалом Российского государственного социального университета в городе Минске. За победу боролись лучшие команды студентов специальности «социальная работа». Тогда они занимались проблемами молодежи.

Темой II межвузовской студенческой олимпиады стала «Социальная работа с пожилыми людьми». Для участия в олимпиаде собрались команды из пяти высших учебных заведений республики. Судило работу команд опытное жюри – представители каждого из вузов. Команды боролись за победу, максимально проявляя творчество, оригинальность и высокий уровень подготовки. Участников олимпиады поддерживали болельщики – студенты разных курсов специальности «социальная

работа».

Олимпиада пользуется большой популярностью среди студенческой молодежи и предоставляет возможность молодым инициативным людям обмениваться мнениями и опытом, выслушивать конструктивную критику компетентного жюри. Участие в межвузовских олимпиадах требует длительной предварительной самостоятельной подготовки, анализа литературных источников по заданной проблематике, детальной проработки многих теоретических вопросов.

Современная система высшего образования ставит задачу перейти к развитию творческих способностей будущих специалистов, овладеть наиболее рациональными методами самостоятельного поиска и приобретения знаний, применения их в нестандартной ситуации, способностью неординарно подходить к решению возникающих проблем. На наш взгляд, проведение студенческих олимпиад способствует созданию инновационной образовательной среды, в которой осуществляется взаимодействие научной, общественно-значимой и учебно-профессиональной деятельности студентов.

ФОРМИРОВАНИЕ МАТЕМАТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНТОВ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ В ВУЗЕ

О. А. Велько

Развитие творческого потенциала и интеллектуальных способностей студентов является одной из важнейших задач обучения в вузе. Высокая динамика научно-технического прогресса, возникновение новых научных направлений повышают требования к результатам высшего образования, которые должны соответствовать современному состоянию науки, культуры, производства, общества. В последние десятилетия почти во всех отраслях науки используются количественные методы, основанные на использовании математического аппарата. Не составляют исключения социология и психология.

В последнее время социология и другие общественные науки, такие как политология, государственное управление, исследование народонаселения становятся все более востребованными, поскольку являются инструментом изучения общества, например симпатий избирателей во время выборов, посредством социологии осуществляется «обратная связь» между властью и народом.

Социология является дисциплиной, основанной на исследованиях данных, и статистика является частью ее повседневного языка. Чтобы освоить этот язык, социологи должны быть хорошо подготовлены математически. В связи с потребностями развития, как теории социологии, так и ее экспериментальных и прикладных направлений возрастает интерес к использованию математических методов для описания и анализа тех явлений, которые она изучает. Проникновение математических методов в социологию, связанное, прежде всего, с развитием экспериментальных и прикладных исследований, оказывает достаточно сильное влияние на ее развитие. С одной стороны, математика предоставляет новые возможности исследований социологических явлений, с другой – социология как

наука предъявляет более высокие требования к постановке исследовательских задач.

Математическое образование социологов и психологов должно помогать налаживанию отвечающего современным требованиям профессионального образования. Задача современного образования состоит не только в получении базовых знаний и необходимых навыков и умений, но и в самостоятельном восприятии и усвоении личностью новых знаний, эстетических и культурных ценностей, новых форм и видов деятельности. Целью образования является всестороннее развитие человека, его талантов, умственных и физических способностей, воспитание высоких моральных качеств, обогащение на этой основе интеллектуального, творческого, культурного потенциала, повышение его образовательного уровня, обеспечение общества квалифицированными специалистами.

Математика, как никакая другая дисциплина способствует развитию интеллектуальных и творческих способностей у студентов-гуманитариев, в том числе социологов и психологов. Студенты приобретут навыки, которые пригодятся ему в течение всей жизни, в каких бы отраслях народного хозяйства он ни работал; самостоятельность суждений, умение концентрироваться, постоянно обогащать собственный запас знаний, обладать многосторонним взглядом на возникающие проблемы, уметь целенаправленно и вдумчиво работать. Ни один другой учебный предмет не оказывает такого влияния на развитие интеллектуальных, умственных и творческих способностей личности, формирование логического мышления человека.

Совершенствование математической подготовки студентов социально-гуманитарной направленности происходит посредством различных методических путей, дидактических средств и др. Задача преподавателя высшей математики – убедить студентов в том, что изучение математики, а также применения современных математических методов в социологии и психологии, способствует повышению уровня образования будущего специалиста, служит основой для успешного овладения специальными знаниями, дает возможность расширить кругозор, повысить уровень мышления и общую культуру.

Решить эту задачу можно, например, с помощью усиления профессиональной направленности обучения математики, установления междисциплинарных связей, осуществления преемственности в изучении математических понятий, развития критического и прогностического мышлений и с помощью других методов.

Под профессиональной направленностью преподавания математики будем понимать такую организацию процесса обучения, которое обеспечивает общеобразовательную подготовку студентов с учетом стандарта математических знаний, умений и навыков; формирует подсистему математических знаний и умений, способствующую усвоению специальных дисциплин, овладению профессией, а также применению этих знаний в различных условиях будущей профессиональной деятельности (с учетом изменяющихся научно-технических процессов); способствует развитию у студентов воспитанию, формированию интереса к социологии вообще и к социально-экономической деятельности в определенной отрасли производства, интеллектуальных качеств и нравственных черт, необходимых в избранной профессии.

Реализовать профессиональную направленность преподавания математики

социально-гуманитарных специальностей можно посредством решения прикладных задач, что включает в себя: сопровождение изучаемого математического материала примерами из социально-экономической и психологической сфер деятельности, примерами его применения в будущей профессиональной деятельности; решение прикладных задач с социально-экономическим и психологическим содержанием; изучение таких методов решения прикладных задач, как математическое моделирование; подготовка студентами рефератов, различных сообщений, докладов, указывающих на связь социологии и математики, на применение математики в социологии; формирование умений составления и структурирования прикладных задач по заданной теме с использованием социально-экономических знаний (с использованием различного рода литературы, Интернета и других источников информации).

В основе решения многих прикладных социологических задач лежат методы математического моделирования. Умения корректно сформулировать вопрос на языке узких специалистов адекватно интерпретировать полученные результаты с точки зрения социальных наук, уточнить и скорректировать выстроенную математическую модель являются важнейшими в методологическом арсенале будущего социолога. Основой в работе психолога в отличие от социолога является статистическая обработка данных психологического эксперимента. Специалист-психолог должен уметь оценить полученные психологические данные, выбрать адекватный математический метод для их обработки, правильно применить его и проинтерпретировать полученные результаты.

На занятиях по математике студенты социологи и психологи учатся самостоятельно создавать задачи. Начиная с первых занятий студенты, даже самые слабые и неподготовленные могут сами придумать задачи, связанные с их будущей профессией, которые будут аналогичны тем, которые решались на занятии. Это помогает выявить степень глубины знания изученной темы. Такой подход к развитию творческих и интеллектуальных способностей у студентов, как самостоятельное составление задач на пройденные темы, а затем и их решение изученными методами является эффективным для усвоения материала. У студентов появляется возможность проявить себя и свои интересы, повысить свою самооценку, закрепить полученные знания. Студенты с удовольствием участвуют в такой работе. Общество получает грамотного специалиста, который, сможет эффективно решать задачи, поставленные перед ним.

Учитывая общие принципы и особенности обучения математике гуманитариев, в том числе и социологов и психологов, преподаватель реализует их с использованием информационных технологий, учитывая возрастные и психологические особенности студента, уровень развития его профессиональной компетентности, умение самостоятельно работать. Обучение математическим дисциплинам с использованием информационных технологий – это интегрирование в единый процесс повышения эффективности образования.

Математическое образование социологов и психологов должно помогать налаживанию отвечающего современным требованиям профессионального образования, развивать творческий потенциал и интеллектуальные способности студентов.

РОЛЬ ЮМОРА ДЛЯ МАТЕМАТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРАКТИК «ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО МАКДОНАЛЬДСА»

В. А. Еровенко

Идеал болонских реформ для улучшения качества образования остается нереализованной мечтой, а ошибки в проведении реформ ведут к потере адекватных практик, необходимых для математического образования. Несмотря на бурный расцвет науки в XX веке, математика стала непонятной многим, даже изучающим ее профессионально. Эта методологическая проблема волновала великого французского математика Анри Пуанкаре, спрашивавшего: «Чем объяснить, что многие умы отказываются понимать математику?». Эта педагогическая задача нелегко решается, но она должна занимать всех, сознательно желающих посвятить себя делу профессионального преподавания математики. Даже сами математики признают, что в этой нестандартной ситуации виноваты обе стороны: как студенты, приученные дурным воспитанием к непониманию; так и преподаватели математики, нежелающие прилагать дополнительные усилия на то, чтобы доходчиво разъяснить свою науку. Обучение математике – это сложный коммуникативный процесс, поэтому, кажется, что учеба и юмор понятия несовместимые, но математическое знание любого уровня не было бы столь привлекательным для студентов, если бы в нем не было бы доли юмора, присущей ей, но эта тема остается пока за рамками философии математики.

В чем же заключается значение юмора в математическом образовании? Юмор в математике – это один из способов развития у студента способности понимания. Во-первых, понять комизм ситуации в рамках происходящего в студенческой аудитории может лишь он сам. Во-вторых, юмористическая интерпретация происходящего на основе парадоксального понимания жизненного опыта позволяет лучше понять проблемные вопросы излагаемого материала, а признание в непонимании математики часто идет от ощущения собственной слабости. Несмотря на повсеместно внедряемые «педагогами от математики» различные технологии образования, важно не упускать из вида, что для преподавателей математики юмор – практическая возможность «избежать дидактики». Так, по мнению американского исследователя Луиса Муньиза: «Юмор же представляется наиболее широким и глубоким способом установления связи между ними – внешним опытом и субъективным опытом, он воссоздает интегрированный взгляд, совмещающий воедино по крайней мере три мира: мир абстракций и концепций, мир непосредственного опыта и объективного наблюдения, мир субъективного опыта» [1, с. 79]. В философии современного математического образования предпринимаются попытки выяснения социокультурной сущности процесса понимания, так как всегда существует другой способ взглянуть на изучаемое и нестандартный способ объяснить пока непонятное.

Для этого лекцию надо выстраивать так, чтобы студенту, даже математически скудно одаренному, было интересно, так как терпение слушателя не безгранично. Например, каждые пятнадцать минут студентов надо встряхнуть так, чтобы с них слетала «сонная одурь» и чтобы она вообще не успела опять возникнуть.

Благотворная роль юмора преподавателя математики, улучшающая обстановку в аудитории, состоит в том, что он мгновенно концентрирует студенческое внимание, потому что невозможно одновременно дремать и смеяться на лекции. «Полушутливые и комические примеры и сравнения запоминаются намного легче и объясняются намного доступнее, чем сухие дефиниции; вовремя сделанный эмоциональный акцент на ключевой проблеме позволяет слушателям более точно понять ее суть» [2, с. 30]. Но эмоциональность преподавателя должна быть вполне адекватной, чтобы «краска стыда» не залила студенческое чело. Опасность реализации такой коммуникативной авантюры для пробуждения как анекдот в самоуверенной студенческой аудитории состоит в том, что анекдот жанр прагматический, зависящий от мгновенной реакции слушателей, потому очень важно в такой ситуации, как «исполнительское мастерство» рассказчика, так и жизнерадостное состояние его слушателей.

Своеобразное значение феномену понимания и его отличию от объяснения придают философы образования, так как, с точки зрения образования, понимание – это наиболее существенная сторона содержания научного знания. Вопрос только в том, как и почему возможно такое понимание? С одной стороны, есть различие между исследованием и пониманием. Поэтому функции юмора в математическом образовании ярче всего проявляются в «аффективно-когнитивной форме приемов остроумия», которые способствуют повышению интеллектуальной активности понимания с помощью «смены способов подачи информации» и «отбора стратегий переработки информации» [3]. С другой стороны, есть некоторая зависимость между тем, что мы можем знать, и тем, что можем понимать. Для студентов понимание разделов математики осложняется тем, что оно исключает «интерпретативные отклонения» от математической теории. В таких когнитивных ситуациях проявляется сущность юмора, с помощью которого устраняется абсурд, блокирующий понимание новой темы.

Понимание связано с борьбой двух способов осмысления реальности. Один из них – серьезный, как доминирующий официальный способ познания, а другой – юмористический, считающийся неуместным и низшим, хотя он лучше приспособлен к социальному взаимодействию. Серьезность предполагает монолог преподавателя в студенческой аудитории, то есть в строгом понимании, когда нет диалога, а есть коммуникация по поводу передачи информации. Но если преподаватель хочет настроить студенческую аудиторию на понимание через творческий и эмоциональный подход, то ему нужен диалог, который можно рассматривать как особое педагогическо-эпистемологическое средство познания. В таком контексте роль юмора для математического образования понимается как «педагогическое средство, в основе которого лежит осознание участниками коммуникаций различного вида несоответствий, связанных с комическим эффектом» [4, с. 64]. В процессе аудиторной работы возникают разные казусы, которые преподаватели математики научились переводить в шутки, а это доказывает, что математика вовсе не скучная наука, а креативная.

Естественные слова математики употребляют в двух смыслах, один из них относится к профессиональной деятельности, а другой – к живому понимаемому диалогу или разговору. В последнем случае нет монотонности, а юмор и живой

проблеск понимания заставляет аудиторию радостно улыбаться, ведь самое худшее – это потерять способность восхищаться и удивляться. Природа нашего ума тройственна – это «ум инстинктивный», «ум рассудочный» и «ум прозренческий», а их социокультурное соотношение зависит и от уравнивающей силы юмора. Специалист в области психологии Род Мартин отмечает: «Юмор также служит для преподавателей еще и способом уменьшения психологического расстояния между собой и студентами, и таким образом повышения уровня непосредственности» [5, с. 400]. Так чем еще юмор во время занятий математикой может помочь студентам. Во-первых, смех как эмоциональная разрядка помогает психологически отдохнуть от большого количества сложной информации; во-вторых, нестандартные и парадоксальные вещи в математике и все, что с ними связано, лучше запоминаются; в-третьих, раз в математике есть что-то смешное, то значит не такая она «сухая», «сложная» и «страшная» наука. Часто то, что интересно спорно, а то, что бесспорно – вообще неинтересно.

Вопреки существующим традициям математического образования, идеология «болонского процесса» требует признать образование «товарной услугой». Современную ориентацию на стандартизацию и доступность университетского образования американский социолог Дж. Ритцер в условиях глобального социокультурного взаимодействия описал понятием «макдональдизация». Его суть состоит в том, что подобно тому, как в рестораны MacDonald's заходят, чтобы быстро утолить голод, услугами тренда «мак-университетов» пользуются для того, чтобы быстро получить стандартное образование повседневного уровня. Как тут не растеряться в многообразии рекламируемых педагогических концепций и осуществить их синтез в практике насаждаемого «образовательного Макдональдса», к которому не присоединились лучшие университеты на Западе? Мы пока не едим «просроченное», но почему-то охотно подбираем «свежевыброшенное» из зарубежного образования. В условиях глобализации философия математического образования пока не может дать практических советов на часть актуальных вопросов дисфункций социокультурного взаимодействия образовательных практик, не отказываясь, тем не менее, от аффективно-когнитивной роли юмора для общего математического образования.

Литература и источники

1. Муньиз, Л. Проблема юмора в образовании / Л. Муньиз // Социологические исследования. – 1996. – № 11. – С. 79–84.
2. Сычев, А. А. Роль чувства юмора в сфере интеграции образования / А.А. Сычев // Интеграция образования. – 2001. – № 4. – С. 29–32.
3. Мусийчук, М. В. Юмор в образовании / М. В. Мусийчук // Философия образования. Специальный выпуск. – 2006. – С. 221–224.
4. Сергеева, О. А. Функции юмора в педагогической деятельности / О.А. Сергеева // Ярославский педагогический вестник. – 2006. – № 2. – С. 64–66.
5. Мартин, Р. Юмор в образовании // Мартин, Р. Психология юмора / Р. Мартин. – СПб.: Питер, 2009. – С. 396–407.

3 ИСТОРИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ: НАЦИОНАЛЬНЫЙ И МИРОВОЙ КОНТЕКСТ

3.1 Сущность и атрибуты интеллектуальной культуры в ракурсе исторического познания

В ПОИСКАХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ

Б. М. Лепешко

Сам девиз конференции, ее название носит парадоксальный характер: подразумевается, что интеллектуальная традиция есть и, вместе с тем, предлагается ее определить, оформить догматически, придать ей некие сущностные черты. Сверхзадача такой постановки проблемы понятна: речь идет о важности нахождения точек опоры во сфере интеллектуальных достижений и, прежде всего, философского знания. На наш взгляд, проблему надо бы переформулировать и говорить не об интеллектуальной (философской) традиции вообще, как таковой, а о важности формирования этой традиции, не о продолжении процесса, а о его развитии на новых основаниях. Это, по понятным причинам неудобная мысль, тем не менее, попытаемся ее обосновать.

Что, вообще-то, предполагает интеллектуальная традиция? Как и любая традиция, она основана на идее преемственности. Что мы сегодня можем предложить в части этой самой преемственности подрастающему (в частности) поколению, кроме известной идеи «прамежжквасці», идее наглядной и бросающейся в глаза, но от этого не менее спорной (обосновывать эту спорность в данном контексте нет возможности). Возможно, в центре этой интеллектуальной традиции стоит известное имя, светоч знания, отражающий не только всемирные начала истины, но и определенные национальные особенности? Скажем, уровня Конфуция, Будды, Сократа, возможно, масштабом поменьше? Несложно убедиться в том, что здесь провидение нас обделило и опереться на идеи (философские системы), такого масштаба и уровня мы возможности не имеем. Тогда, очевидно, стоило бы обратиться к манускриптам, трактатам, словом, текстам, в которых запечатлены достижения национальной философской мысли? Но и здесь проблемы. Помнится, у нас в Бресте в поисках таких трактатов и имен обратились к делам и мыслям атеиста Казимира Лыщинского, казненного в XVII веке и жившего на территории, ныне Брестского района. Но трактатов нет, есть несколько страниц текста, да и то в пересказе инквизиционных палачей. Кроме того, утверждать, что это был мыслитель, формирующий именно белорусскую, национальную философскую традицию, было бы явным преувеличением. Осталось апеллировать к международному контексту, признанию достижений белорусской национальной философской мысли со стороны

наших соседей, когда близких, когда дальних. Но здесь тоже незадача: если перелистать учебники, словари, энциклопедические справочники, биографические указатели к соответствующим текстам, то легко убедиться: национальная философская традиция, выглядит, мягко говоря, неубедительной.

К слову, эта констатация не является революционной для понимания развития философской мысли в различных странах. Так, известный П. Чаадаев достаточно резко высказался по поводу русской национальной интеллектуальной традиции в своих известных «Философических письмах». Восприняты эти откровения были плохо, за исключением А. Пушкина и некоторых его сподвижников по интеллектуальному цеху, но факт: именно критика П. Чаадаева открыла двери «Серебряному веку». Пусть по-другому: именно вслед за этой критикой появились и русские кантианцы, русские гегельянцы, и В. Соловьёв, и В. Розанов, и генииписатели, художники, поэты, композиторы. Конечно, можно спорить о характере причинно-следственной связи, но сложно протестовать против важности своего рода катарсиса, непростого откровения, жесткого понимания реальности. Оговоримся, что дело здесь, конечно, не в фигуре и идеях П. Чаадаева, приведем лишь одну цитату, из работ В.О. Ключевского. Великий русский историк писал: «Мы прожили 1000 лет. Выработали ли мы что-нибудь, нажили ли хоть сколько-нибудь своего добра... Философия у нас не действовала, потому что ее нет на Руси и доселе [1862 год. – *Б. Л.*], то есть нашей, уже добытой философии. Конечно, жить можно и без философии, мы жили же тысячу лет, но где есть она, выработалась, там она не может остаться без влияния на дальнейшую судьбу народа и человечества» [1, с. 199]. Таких цитат можно привести много, но не в них, конечно, дело. Скажем и иное: дело не в критике и критиканстве, а в понимании характера и сути реальности. Причем такого рода понимание реальности фактически присутствует в трудах наших специалистов, правда, в скрытом виде. Вот обращаемся к достойному, масштабному труду, энциклопедии «История философии», изданной в Минске в 2002 году. Статьи «Русская философия», «Советская философия» есть, «Философии белорусской» – нет. Из персоналий там присутствуют лишь В. Быков и В. Стёпин, который деликатно назван «российско-белорусским философом». Говорить об интеллектуальной традиции на основании такого рода понимания преемственности достаточно сложно. Но, может, существуют и альтернативные точки зрения? Чтобы убедиться в этом, откроем работу белорусских авторов «Гісторыя філасофскай і грамадска-палітычнай думкі Беларусі», том 1. Действительно, глава первая труда так и называется: «Интеллектуальная история Беларуси». Вот только фактически речь идет об очень специфических вещах и процессах. Так, в одной из статей работы (автор – И. Бобков) признается, что характерная черта белорусского дискурса – «литературоцентризм» [2, с. 34]. Называются и иные его (дискурса) черты: синкретизм, глубокая соотнесенность (переплетенность) национальной интеллектуальной традиции с традициями иных стран, Польши, Литвы, Украины [2, с. 33] и т. д. Выход специалист видит в поисках нового методологического инструментария. Очевидно, предполагается, что достижение новых методологических высот поможет решить проблему как «литературоцентризма», так и определения, выявления белорусской философской мысли в «чистом» виде. В данном случае важно подчеркнуть, что подчеркивается традиция не идей, а «практик мышления», то есть, привлекается

достаточно широкая категория, включающая в себя достижения во всей интеллектуальной сфере (литературы, прежде всего, мифологии, народного творчества и т. д.). Но «практики мышления» – это не философские системы, это не генезис концептуальных идей. Здесь, на наш взгляд, надо разделить две проблемы. Первая – это понимание сути национальной интеллектуальной традиции. И второе – попытки найти выход из создавшейся ситуации, используя методологический, фактологический, иной гносеологический арсенал. Что касается первого, то надо отказаться от лакировочных определений, вроде «литературоцентризма», «синкретизма», «практик мышления», а сказать прямо, что национальная философская традиция находится в неразвитом, зачаточном состоянии и говорить о полноценной интеллектуальной преемственности нам сегодня сложно: что продолжать, какие идеи, на каких концептуальных основаниях базироваться? А вот в части второго, то здесь может быть использован самый различный инструментарий. Разве что использовать ту же методологию необходимо не для того, чтобы «родить» то, чего нет, а в целях поиска оснований для развития философского знания, использования элементов интеллектуальной традиции, которые имели место, формулирования не надуманных, а реальных традиций, которые вполне могут быть в стране. У нас ведь сильные философские кадры (Минск, Гродно, прежде всего), существуют крупные работы, на которые можно и нужно опереться. Важно лишь не обманывать себя и других.

Литература и источники

1. Ключевский, В. О. Собрание сочинений: в 9 томах / В. О. Ключевский. – М.: Мысль, 1990. – Т. 9. – 525 с.
2. Гісторыя філасофскай і грамадска-палітычнай думкі Беларусі: у 6 тамах // В. Б. Евароўскі, А. С. Майхровіч, В. М. Новікаў і інш. – Мінск: Беларуская навука, 2008. – Т. 1: Эпоха сярэднявечча. – 574 с.

ДИЛЕММА ИСТИНЫ И ПРАВДЫ В БЕЛОРУССКОЙ И РУССКОЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ

А. А. Легчилин, В. Т. Новиков

Хотя влияние ценностных установок на деятельность человека в обществе и, на этом основании, возможность адекватного познания ее результатов было отмечено Дж. Вико и И. Г. Гердером еще в XVIII веке, в философско-методологическую культуру проблема влияния ценностей на результаты социально-гуманитарного познания была введена неокантианцами и М. Вебером, исходившими из того, что постижение социальных действий возможно лишь в соотношении с ценностями, задающими нормы поведения и цели деятельности человека. В отечественной традиции *ценность* чаще всего трактуется как проявляющаяся в социальной деятельности, общении, межличностных и общественных отношениях значимость для человека и социума объективных свойств предметов, явлений и событий действительности.

Характер влияния ценностей на социально-гуманитарное познание и его результат – знание, различается в зависимости от типа познавательной деятельности. Особую роль социально-культурные ценности играют во вненаучном познании, которое, в отличие от научного, иногда характеризуют как духовно-практическое познание, подчеркивая, тем самым, его служебную роль по отношению к сферам практической жизни общества. Среди основных форм вненаучного знания – мифологическое и религиозное, художественное и моральное, правовое и экономико-практическое и др. Этот тип знания соотносится с соответствующими формами общественного сознания и определяется потребностями решения задач в конкретных сферах общественной жизни. В экономической или политической практике при всей значимости научно-теоретических разработок все-таки предпочитают опираться на функциональное экономическое и политическое знание, учитывающее принятую в данном обществе систему ценностей, традиции, наконец, политическую конъюнктуру.

В методологии социально-гуманитарного познания по вопросу взаимоотношения истины и ценности можно выделить две основные точки зрения. Первая предполагает, что наука должна быть ценностно-нейтральной, а объективная истина является ее главной ценностью. Вторая связана с признанием того, что учет ценностей составляет необходимое условие научного познания, результаты которого подвержены влиянию социально-культурных факторов. В этом случае перед методологами возникают вопросы о том, возможна одна или несколько истин в социально-гуманитарном познании, и достижима ли в нем истина вообще?

В литературе существует несколько ответов на поставленные вопросы. Первый из них является традиционным для отечественной философско-методологической традиции, которая, опираясь на гносеологический оптимизм, говорит о принципиальной достижимости истины в социально-гуманитарном познании. Полученный результат – это единственно истинное знание, обязанное в отличие от заблуждения удовлетворять критериям объективности, диалектики абсолютности и относительности, наконец, конкретности отражения в нем познаваемой действительности.

Второй ответ связывается с мнением, что современное обществознание должно избавиться от наивной веры в объективность научных методов, поскольку познание социума имеет релятивный характер – полученное знание всегда неполно, неточно, имеет относительно истинный характер. Такой позиции придерживался, в частности, К. Поппер, обвиняя социально-гуманитарное знание в «грехах» историцизма и профетизма, и отрицая существование объективной истины как таковой.

Авторы третьего ответа, утверждая плюрализм истин, настаивают на возможности достижения в нем объективной истины. При этом подчеркивается, что такая ситуация характерна для современной – постнеклассической науки, для которой истина выступает и как соответствие знания объекту, и как характеристика способа деятельности. Существование многих истин объясняется ими наличием «предпосылочного» знания и характерным для современного демократического общества принципиальным равноправием разных стратегий познания. Эту позицию обосновывают С. А. Лебедев, В. Г. Федотова, некоторые другие российские

философы.

Наконец сторонники четвертого ответа рассматривают истину как характеристику знания, оппозиционную его практической значимости. Согласно данному подходу, существуют два основных типа знания, каждый из которых имеет свои prerogatives – предметное и технологическое знание. Характеристикой предметного знания выступает истинность, а технологического – реализуемость. В частности, подобная точка зрения свойственна известному российскому методологу Г. П. Щедровицкому, считавшему, что основные продукты методологической работы – конструкции, проекты, нормы, методические предписания и т. п. проверяются не на истинность, а на практическую реализуемость.

Тем не менее, для научного познания основной ценностной ориентацией является достижение истины, а его результаты обладают самодостаточностью, и могут быть востребованы практикой позже. Как вненаучное социально-гуманитарное познание, так и донаучное (обыденное) непосредственно ориентированы на решение практических задач и, имея в этом смысле служебную роль, прямо соотносятся с ценностями общественного бытия и социальными идеалами. Поэтому квалификация достоверного знания как истины, характерная для научного познания в донаучном и вненаучном познании дополняется, а то и вытесняется его квалификацией как правды.

Хотя существуют различные концепции истины, наиболее популярной и фундированной является корреспондентская концепция, согласно которой, истинное знание – то, которое соответствует действительности. На этом понимании истины «стоит» вся официальная философия науки, но при этом возникает серьезная проблема для социальной эпистемологии – проблема корреляции в социально-гуманитарном познании истины и правды.

Можно согласиться с существующим мнением, что истина есть prerogative научного познания, а правда – относится к сфере вненаучного познания (правда жизни, художественная или историческая правда), и что истина – это гносеологический феномен, а правда – его мировоззренческий аналог, но данные констатации все равно оставляют чувство неудовлетворенности, «отлучая» истину от правды. Суть проблемы, вытекающей из уравнивания статуса истины в социально-гуманитарном познании с ее естественнонаучным коррелятом, заключается в игнорировании экзистенциальных проблем социального бытия человека и, как следствие, пренебрежении пониманием общества как мира человеческой деятельности – как объективно-субъективной реальности.

Особую актуальность проблема диалектики истины, социокультурных ценностей и правды приобрела в философской мысли России XIX – начала XX веков – в обществе, в котором роль традиционных коллективистских ценностей и социальных идеалов была чрезвычайно велика. Пафос обсуждения проблемы истины в русской социально-философской мысли данного периода в следующем: жизнь диктует свои правила, которые закреплены в общественных ценностях и социальных идеалах и именно с ними, а не с формально безличными установлениями рассудка, должны соотноситься наши представления о том, как должна быть устроена эта жизнь.

Сентенция, согласно которой «жить надо по правде», выглядит весьма

тривиальной. Но эта тривиальность исчезает, если принять во внимание неоднозначность самого понимания правды. Как было принято считать в русской социально-философской и литературно-публицистической литературе этого времени, существуют два вида правды – «правда-истина» и «правда-справедливость». Первая рассудочна и навязывается нам как необходимость, подобно нормам формального права, которые человек вынужден выполнять независимо от своего отношения к ним; отсюда – в качестве синонима – «правда-необходимость». Вторая составляет основу жизни и служит критерием оценки событий. «Правда-справедливость» является главным нормативным регулятором жизни общества и верховной ценностью познания – таков лейтмотив осмысления данной темы, характерный для работ П. Л. Лаврова, Н. К. Михайловского, Б. А. Кистяковского, Н. А. Бердяева и ряда других мыслителей.

В восточнославянской философской традиции даже существовало течение *кордоцентризма* – «философии сердца», приверженцами которого являлись Г. С. Сковорода, П. Д. Юркевич, В. В. Розанов. Слова последнего из названных мыслителей выражают сущность этого течения: «Мы не по думанью любим, а по любви думаем. Даже и в мысли — сердце *первое*» [1, Т. 2, с. 368]. В русле традиции кордоцентризма – гуманистические идеи Ф. Скорины, а в начале XX века – наполненное тревогой за историческую судьбу белорусского народа и его будущее эссе «Адвечным шляхам. Дасьледзіны беларускага сьветапогляду» И. Абдираловича-Канчевского, «Сим победиши!...», развивавшего философию «исторического оптимизма» В. Самойло-Сулимы и ряда других белорусских мыслителей.

Следует признать, что современное научное социально-гуманитарное познание постепенно избавляется от академизма, осознавая тесную связь с социальными идеалами и интересами, и отыскивая точки соприкосновения с донаучным и вненаучным познанием общественных явлений. Это естественное явление, являющееся иллюстрацией как соответствия современного белорусского и российского общественнонаучного познания постнеклассическому типу научной рациональности, так и характерному для социальной эпистемологии рассмотрению науки как особой формы интеллектуальной культуры.

Литература и источники

1. Розанов, В. В. Сочинения / В. В. Розанов. – М.: Советская Россия, 1990. – 589 с.

КОЛЛЕКТИВНАЯ ПАМЯТЬ БЕЛОРУСОВ – НЕИСПОЛЬЗОВАННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

О. А. Матусевич

Проблема восприятия и переосмысления прошлого в бывших советских республиках обсуждалась широкой общественностью. Предпосылкой острых исторических полемик был крах советской действительности, для существования которой и обоснования советских проектов будущего создавался универсальный фундамент – общесоюзная история, один вариант событий прошлого на все

пятнадцать республик, призванный формировать советскую/союзную идентичность и чувство патриотизма по отношению к социалистической Родине.

Появление суверенных государств, национальных политических элит, предлагавших свое видение настоящего и будущего народов, потребовало создания новых культурных и исторических оснований национальной государственности, чтобы создать линию преемственности, которая должна была стать залогом стабильности новой политической системы и новой социальной реальности. При этом преемственность не всегда подразумевала связь с прошедшей эпохой. Требования демократизации общества в СССР вылилось в «демократизацию» истории, т.е. создание национальных историй в границах союзных республик, для которых, можно сказать словами П. Нора, «отвоевание собственного прошлого являлось необходимой составляющей утверждения собственной идентичности» [1]. На смену стремлению общества построить консенсусное представление о своей истории пришли «конкуренции памятей», а иногда и «войны памятей», возобладали настроения разоблачения истории.

В связи с этим весьма актуальной стала, не нашедшая достаточного освещения в научной литературе, проблема влияния научного исторического знания на массовые представления о прошлом. На постсоветском пространстве достаточно четко проявилась неготовность обыденного исторического сознания принять достижения исторической мысли, что можно было наблюдать в Беларуси в 90-е годы. И дело тут не столько в косности массовых представлений, сколько в отсутствии в Беларуси как таковой целостной альтернативной версии белорусской истории, а фрагментарные исследования никак не могут выполнять интегративную функцию в обществе, которая свойственна социальной памяти. И как отмечал М. Хальбвакс, «общество лишь тогда оставит свои старые верования, когда будет уверено, что нашло себе другие» [2, с. 342].

На данный момент можно констатировать, что ни интеллектуальная, ни политическая элиты Беларуси не смогли предложить взамен существующим массовым представлениям о прошлом того, что могло бы уместиться в уже существующие социальные рамки памяти, тем более не смогли изменить эти рамки. Призывы, звучавшие на постсоветском пространстве, отбросить советский исторический канон или провести радикальную ревизию истории и содержания образования идут вразрез с возможностями модернизации социальной памяти. «Общество не конструирует официальные версии прошлого, уничтожив предварительно устаревшую традицию. Оно заменяет одну версию другой, параллельно существующей» [2, с. 342].

Решающую роль в изменении памяти играет не переписывание истории, а положение в обществе группы, которая является носителем той или иной социальной памяти. А уничтожение какой-либо версии прошлого предполагает уничтожение носителей социальной памяти, что неоднократно предпринималось в периоды революций, например, Октябрьской или Великой французской. Посему даже в тех бывших советских республиках, где официальная версия прошлого перечеркнула советское видение исторических событий, едва ли можно говорить об исчезновении социальной памяти, сформированной в советский период. К тому же сторонники радикальных мер должны учитывать, что если новая трактовка событий будет сильно

диссонировать с массовыми представлениями, то адресаты «политики памяти» либо не поверят в новую версию, либо отнесутся агрессивно к попыткам пересмотра истории. Конструируемая социальная память должна соответствовать ожиданиям потенциального потребителя.

Наиболее важными и очевидными функциями социальной памяти являются интегративная и идентификационная. Те, кто разделяют представления коллективной памяти, свидетельствуют тем самым о своей принадлежности к группе [3, с. 41]. Если исходить из того, что белорусская социальная память не претерпела радикальных изменений за последние двадцать лет, то с какой группой идентифицируют себя белорусы?

Образ прошлого, для того чтобы социальная память выполняла идентификационную функцию, должен подчеркивать различия с внешними для общества группами, а «фигуры памяти» должны отбираться и выстраиваться так, чтобы иллюстрировать сходство и преемственность внутри общества. В противном случае социальная память не сможет быть основой сплочения общества. Дает ли белорусам образ прошлого почувствовать себя отличными от своих соседей, формирует ли он чувство преемственности с предшествующими поколениями? И речь тут даже не столько о связи с поколением еще живущем, воевавшем в Великую отечественную, а о поколениях населявших территорию современной Беларуси в XVII, XV веках или и того раньше. И, вероятно, как раз не плохие знания истории, а отсутствие этого чувства преемственности и стало причиной неприятия белорусами, предложенных в начале 1990-х годов, национальных символов, созданных в государстве, с которым не было эмоциональной связи, в отличие от БССР.

Если обратиться к идеям Д. Тоша [4, с. 25], то, пожалуй, можно рискнуть и без социологических исследований предположить, что социальную память старшего поколения белорусов определяет чувство ностальгии по советскому прошлому. Однако охарактеризовать социальную память молодежи без специальных исследований проблематично. Чувство ностальгии для молодых не характерно, вера в прогресс представляется в современных условиях сомнительной, а утверждение о приверженности к традициям вызовет многочисленные возражения у современных белорусских гуманитариев, преподавателей и учителей. Данные опросов [5] подтверждают определенный разрыв в памяти поколений, а также преобладание в социальной памяти именно коммуникативного модуса и слабую репрезентацию культурной памяти. Это может свидетельствовать об отсутствии чувства исторической преемственности, чему способствует «политика памяти», которая делает наибольший акцент на событиях недавнего прошлого, что вписывается в определенные Я. Ассманом для «кооммуникативной памяти» 80 лет. Тем самым формируется слабая связь с более отдаленным прошлым.

Такая ситуация не дает необходимого исторического материала для обыденного массового сознания, чтобы ответить на вопросы: кто мы такие и что нас объединяет и отличает от наших соседей? Зачастую ответы на эти вопросы ищут в исторических перипетиях XX века. Отсутствие развитой институционализированной культурной памяти является во многом причиной невыразительной, размытой национальной идентичности белорусов, не дает возможности почувствовать свою уникальность, отличность от сопредельных народов.

Как в аристократических родах хранили память о великих предках, их победах и славе, что было основой претензий на определенные властные полномочия, так в национальной памяти хранятся значимые военные, научные и культурные события, которые являются залогом величия нации и основой претензий на активную роль в мировом сообществе (хотя бы на основе «вклада в мировую культуру»). И как в средневековье от длинной родословной зависело социальное положение дворян, так от древности национальной истории и ее событийной насыщенности зависит чувство патриотизма и национальной гордости, «историчности» народа в глазах соседних стран. Поэтому неиспользованность потенциала культурной истории, о чем свидетельствуют социологические исследования [5], способствует непрочности социально-мемориального каркаса коллективной памяти белорусов и затрудняет их историческую и национальную идентификацию.

Литература и источники

1. Нора, П. Всемирное торжество памяти / П. Нора // Неприкосновенный запас [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html>. – Дата доступа: 01.09.2014.
2. Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс; пер. с фр. и вступ. статья С.Н. Зенкина. – М.: Новое издательство, 2007. – 348 с.
3. Ассман, Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.
4. Тош, Дж. Стремление к истине: Как овладеть мастерством историка: пер. с англ. / Дж. Тош. – М.: Весь мир, 2000. – 294 с.
5. Ластовский, А. Специфика исторической памяти в Беларуси : между советским прошлым и национальной перспективой / А. Ластовский // Полит.Ру [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://polit.ru/article/2010/07/19/belorus>. – Дата доступа: 10.09.2014.

БЕЛАРУСЬ КАК ЛИМИТРОФНАЯ ТЕРРИТОРИЯ: ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

А. В. Майсюк

Лимитрофными издавна считаются государства или территории, расположенные в географической близости от крупных и мощных государств-соседей. Так, после краха СССР лимитрофами стали называть новые независимые государства из числа бывших советских республик, имеющих прямые границы с Российской Федерацией и Евросоюзом.

Во все времена человеческой истории существовало несколько могущественных империй, весьма ревностно следивших друг за другом и ведших кровавые войны за утверждение своего превосходства. В этих условиях небольшим государствам, зажатым между государствами-исполинами, приходилось делать нелегкий выбор лояльности в пользу одного из них и тем самым получать хоть какие-то шансы на выживание.

В подобной напряженной геополитической ситуации вопрос о свободе и

независимости небольших государств и народов от экономических и военных гигантов не должен возникать по определению. «Несвобода – это судьба народов, зажатых между могущественными цивилизациями. Выбор, предоставляемый им историей, невелик, они могут позволить себе лишь предпочесть одну «несвободу» другой», – пишет известнейший российский специалист по проблемам геополитики В. Пастухов [1].

Именно в условиях несвободы и происходило историческое становление белорусской ментальности и государственности.

После распада Советского Союза проблема выбора ориентации на Запад или Восток обострилась, приняв форму мировоззренческого противостояния между «западниками» и «славянофилами». Евросоюз делает все возможное для включения белорусов в семью европейских народов и отрыва их от России; в свою очередь, Россия не желает и не хочет потери генетически родственного народа и союзного государства.

При этом уроки истории (и особенно истории новейшего времени) вынуждают взвешивать на весах как плюсы, так и минусы того или иного выбора.

Белорусы помнят о страданиях и унижениях, причиненных их предкам Польшей и Германией в прошлом. Они знают и о современных санкциях со стороны Запада в отношении их Отечества. Кроме того, им известна цена «свободы по-европейски» на примерах бывших «братьев по социализму».

Одновременно белорусам всегда претила и претит вековая западная русофобия, стремление к ослаблению, унижению, расчленению России, сведению ее границ к границам Московского княжества. Белорусы помнят советские времена, когда их материальное благополучие было выше благополучия «российских колонизаторов». Им известно, что в то время как Запад строил свою демократию за счет жесточайшей эксплуатации колониальных народов, Россия реально занималась обустройством своих окраинных территорий, готовила национальные кадры, сохраняла их язык и территорию от внешних притязаний.

Беларусь как лимитрофное государство научилась добиваться своих целей в плане удовлетворения национальных интересов и потребностей в условиях несвободы. Каким образом? Прежде всего, благодаря тому, что через ее территорию проходят экономически выгодные транзитные пути поставок товаров из Европы в Россию и из России в Европу. И это позволяет нашему государству проводить собственную транзитную политику, основанную на принципе взаимовыгоды. Далее, Беларусь обеспечивает на своей территории военное присутствие России, что, опять-таки, отвечает коренным интересам обеих государств. Наконец, Беларусь смогла обеспечить на собственной территории такое межнациональное и межконфессиональное согласие, которое невозможно не уважать и с которым нельзя не считаться геополитическим гигантам.

Можно констатировать, что в наше время идет борьба не против лимитрофов, а за них. Лимитрофы во всем мире должны всегда иметь перед глазами опыт Финляндии, Швейцарии и некоторых других государств, которые успешно реализовывают свои цели, сохраняют свою независимость и достоинство.

В свое время хорошо известный А. Зиновьев мировое сообщество назвал «всемирным человеиком». В этом человеике, как и в муравейнике, каждая особь

выполняет строго определенные функции. Ведущая роль принадлежит «матке», с гибелью которой муравейник как сообщество прекращает свое существование.

Ныне такой «маткой» объявляют себя США и Евросоюз, уничтожившие критерии истинности, добра и зла в культуре, в политике, в экономике и даже в гуманитарной науке, в частности, в философии. К слову, инволюция в философии проделала огромный путь от классики до постклассики, получившей название «философия постмодерна». Именно этот, постмодернистский, тип философствования есть самое зеркальное, самое адекватное отражение современного состояния европейского социума и его интеллектуальной культуры.

Завоевав какие-то временные позиции в философии, постмодернизм обнаружил свою гносеологическую несостоятельность, поскольку философы этого направления искусственно формулировали псевдопроблемы, не имеющие выхода в реальную практику и не связанные с действительными реалиями науки.

При этом конкретно-эмпирический и интеллектуальный опыт предыдущих поколений философов игнорируется или сознательно отвергается. Отсюда и лавина новых терминов, в которых смысловое содержание или совершенно не просматривается или выявляется и интерпретируется каждым потребителем постмодернистской продукции самостоятельно.

В суровых реалиях XXI века белорусская философия обязана «вернуться лицом» к проблемам, которые стали явью Республики Беларусь как лимитрофной территории. Здесь в сфере культурного жизнеустройства ситуация кардинально меняется к худшему.

Во-первых, культурное пространство оказалось открытым для криминала, уголовщины. Это нашло свое проявление в романтизации уголовщины как феномена культурной жизни, в переориентации кинематографа, телевидения, литературы и пр. на освещение (и тем самым, на пропаганду) ценностей преступного мира, его символики.

Во-вторых, литературный язык оказался беззащитным перед ненормативной лексикой. Многие видные деятели киноискусства, театра (например, Михалков, Бондарчук, Виктюк) открыто признали мат органическим атрибутом культуры и успешно реализуют эту идею в своих картинах и театральных постановках.

В-третьих, культурная среда «обогатилась» не только свободой языковой раскрепощенности, но и раскрепощенности сексуальной. Тот факт, что каждый пятый ребенок в Беларуси рождается вне брака, свидетельствует о кризисе такой ценности, как семья и брак. Кроме этого, привычными становятся идеи мужеложства и лесбиянства, на очереди – идеи скотоложства.

В-четвертых, интеллигенция, веками работавшая на укрепление морали, на укрепление межчеловеческих связей, на смягчение нравов и искоренение пороков человеческой природы, сама деградировала с эстетики прекрасного к эстетике безобразного. Благодаря ее стараниям, была реанимирована весьма порочная и опасная идея деления людей на «элиту» и «плебе».

В-пятых, многие творцы культуры, когда-то возвращенные советской системой, обласканные ею званиями и наградами, а также и новые «ваятели человеческих душ», но уже вскормленные интернетом и либеральной пропагандой, оказались в липкой паутине антисоветизма. Плюнуть в «советское прошлое» стало признаком,

сущностной чертой практически всей либеральной богемы с прозападной ориентацией.

В-шестых, современная культура в ее гуманитарном измерении утрачивает глубинные связи с ценностями христианства. В Европе уже давно произошла дехристианизация культуры, но этот процесс запущен и на постсоветском пространстве. Попытки в некоторых государствах вернуть религиозный компонент культуры в сферу образования не приносят должного положительного эффекта.

Вышеизложенное подводит к выводу о том, что любое государство во имя самосохранения не может быть безучастным к тем процессам, которые происходят в сфере культуры. Философия как «квинтэссенция эпохи» не вправе игнорировать ее «болевые точки».

Литература и источники

1. Пастухов, В. Лимитрофы / В. Пастухов // Аргументы недели. – 2007. – 1 марта. – С. 3.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА БЕЛАРУСИ КАК ФАКТОР СПРАВЕДЛИВОСТИ: НАУКА И ЭТИКА «РАННЕГО», «НОВОГО» И «НОВЕЙШЕГО» ПЕРИОДОВ

Н. И. Мушинский

Интеллектуальная культура Беларуси прошла длительный путь развития, продолжает живо реагировать на изменения современной эпохи. Особенно важное значение приобретает *этико-философское* осмысление понятия «справедливости», в контексте которого можно более эффективно раскрыть особенности становления и развития интеллектуальной культуры в целом, выявить связь духовного фактора с общими тенденциями социокультурной реальности того или иного исторического периода. Кроме того, умение в рамках этики как науки методологически формулировать критерии справедливости, чтобы затем реализовать их в общественной жизни, является необходимым условием успешного функционирования социальной системы, в том числе и в наши дни.

Опираясь на основные вехи периодизации научного осмысления категории «справедливости» («ранний» период до 1917 г., «новый» – советская эпоха, «новейший» – с обретением независимости), – *этика* как философская наука помогает выявить ряд исторических закономерностей.

Своими истоками белорусская наука уходит в дохристианский период, когда первобытные племена кривичей, радимичей и дреговичей населяли эту территорию, занимаясь охотой и собирательством. Создание и использование даже примитивных палеолитических орудий труда (древнейшие «мустьерские» стоянки: на реке Днепр – Абидовичи, Быховский р-н, Могилевская область; на реке Сож – Подлужье, Чечерский р-н, Гомельская область; на реке Припять – Юровичи, Калинковичский р-н, Гомельская область) требует хотя бы самых общих знаний по минералогии, биологии, географии и другим наукам. В рамках первобытного синкретизма эти знания органично включены в мировоззрение субъекта в контексте тенденций

шаманизма и первобытной магии. Это отражается и в мироощущении *справедливости* (как нравственно-этической категории), которая соотносится с родо-племенной социальной структурой и предполагает равное воздаяние и коллективную ответственность всех сородичей друг за друга, принцип талиона (без поддержки рода индивид не способен существовать в силу низкой производительности «присваивающих» отраслей хозяйства – охоты и собирательства).

При переходе к земледелию меняется общественная структура и, вслед за ней, представления о справедливости. Земледелие более продуктивно, позволяет существовать индивидуальному собственнику в рамках «соседской общины» и «натурального хозяйства». При этом общество переходит к оседлости (земледелец связан со своим полем) и переживает демографический подъем (снята угроза голода). Более высокая производительность труда позволяет земледельческим сообществам содержать воинов, которые их защищают (Полоцкие, Турово-Пинские и другие князья со своими дружинами), и представителей духовного сословия, исполняющих религиозные обряды (сначала языческие волхвы, потом – христианские священнослужители); сам земледелец не может отвлечься для выполнения этих функций, поскольку его труд носит ярко выраженный сезонный характер. Белорусские просветители XI–XIII вв. (Кирилл Туровский и др.) призывают князей объединяться под эгидой православия, защищать мирных земледельцев от нашествий кочевников степной полосы (печенегов, половцев и др.). Подобная социальная структура раннего средневековья представляется современникам вполне *справедливой*, причем князей лучше приглашать «со стороны», чтобы они не оказывали предпочтения своим сородичам (так на восточнославянских землях появляются Рюриковичи, а позднее, после татаро-монгольского нашествия – Гедиминовичи). С последними связано прозвище «литвины», как белорусы себя позиционировали вплоть до времен К. Калиновского включительно (XIII в.); речь идет о государственной принадлежности к Великому княжеству Литовскому (аналогично византийцы – греки по рождению и языку, называли себя «ромеями», т. е. – римлянами, гражданами Восточной Римской империи).

В дальнейшем наука на Беларуси (и этика как теория *справедливости*) продолжает развиваться в контексте общих тенденций социокультурной динамики. Необходимо особо отметить философско-теологические дискуссии XVI–XVII вв. (Ф. Скорина, С. Будный – протестантизм; Л. Сапега, И. Кунцевич – католицизм и униатство; Симеон Полоцкий – православие); механистический материализм XVIII в. – К. Нарбут, Б. Добшевич, А. Довгирд и др.; позитивистско-сциентистскую линию после отмены крепостного права (конец XIX века) – Рытов, Стебут, Людоговский, основатели нынешней Горецкой сельхозакадемии. Все они внесли значительный вклад с развитие интеллектуальной культуры Беларуси, научное осмысление понятия «справедливости».

«Новый» (советский) период связан с мировыми войнами, социальными революциями, «холодной войной» и ракетно-ядерным противостоянием на протяжении XX века. Технический прогресс (особенно в сфере транспорта и связи – средств коммуникации) объединил человечество, но морально оно к этому еще не готово, вступает в борьбу за сферы влияния, каждая сторона трактует справедливость в свою пользу. Наука, и вообще интеллектуальный потенциал, ставятся на службу

военным технологиям; после распада по итогам Первой мировой войны ведущих мировых империй (Российской, Османской, Австро-Венгрии) к власти приходят авторитарные режимы (фашизм в Италии, нацизм в Германии, сталинизм в СССР), которые начинают подготовку к новой войне, концентрируют научные ресурсы под контролем государства и направляют их на военные нужды. Аналогичные процессы происходят в странах демократического блока: Вторая мировая война привела к окончательному распаду Британской империи, краху французского колониализма, а США стали ведущей мировой державой, изобрели и впервые применили атомное оружие. В интеллектуальной культуре Беларуси этого периода можно отметить две разнонаправленные тенденции, обе они апеллируют к понятию «справедливости»: 1) после распада Российской империи на бывших ее окраинах резко активизировалась культура национального возрождения, особенно ярко это проявилось на территории Западной Беларуси в составе вновь образованной Польши (В. Ластовский, А. Цвикевич, А. Станкевич, В. Самойло (Сулима), И. Кончевский (Абдиралович), А. Шутович и др.); 2) в БССР преобладала коммунистическая (марксистская) идеология на принципах «пролетарского» интернационализма, всеобщей централизации, плановой экономики. За годы «холодной войны» (вторая половина 20 в.) в науку вкладывались значительные средства, была создана система отраслевых НИИ, укреплены образовательные и академические структуры.

«Новейший» период (эпоха независимости) характеризуется поиском самостоятельных путей развития на постсоветском пространстве, инновационных критериев справедливости. Перед белорусской наукой, при резком сокращении госфинансирования, встают принципиально новые задачи:

1) интеграция в мировое сообщество, разработка перспективных направлений (нанотехнологии, информационные системы и т. п.) на национальной почве;

2) обеспечение энергетической безопасности (энергоберегающие технологии, использование местных ресурсов, импортозамещение, многовекторная модель); экологическая безопасность (преодоление долгосрочных последствий аварии на Чернобыльской АС, недопустимость аналогичных техногенных катастроф в будущем);

3) события 2014 года в соседней Украине показывают, что в мире еще сильны рудименты «блокового» мышления, пережитки «холодной войны», политика «двойных стандартов». В связи с этим необходимо укреплять обороноспособность страны, комплексно модернизировать оставшиеся советские вооружения, разрабатывать новые отечественные перспективные образцы (беспилотные летательные аппараты; боевая робототехника, применимая также при ликвидации очагов заражения техногенных катастроф и т. п.).

Гуманитарные науки должны по-новому осмыслить понятие «справедливости» на основе национальной самоидентичности, миротворческих усилий, взаимовыгодного экономического сотрудничества в разных областях.

ТИПЫ ОБЪЯСНЕНИЯ ИСТОРИИ ПО Х. УАЙТУ В ПРИМЕНЕНИИ К БЕЛОРУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В. В. Цацарин

Философия истории – философский раздел, который хорошо развит в западной традиции, но практически отсутствует у нас. Поэтому изучение западной философии истории представляется актуальным как для постижения накопленного опыта, так и для выработки своего подхода к проблеме.

Американский исследователь Хейден Уайт выделил пять уровней концептуализации в исторических работах: хроника, рассказанная история (story); тип построения сюжета; тип доказательства; тип идеологического подтекста. Саму свою типологию способов толкования через формальные доказательства Уайт позаимствовал у Стивена Пеппера. Он выделил такие типы формальных доказательств, как формизм, органицизм, механицизм и контекстуализм [1, с. 33].

Формистский тип объяснения идентифицирует уникальные характеристики объектов исторического поля. Считается, что, если идентифицирован определенный набор объектов, определены их класс, общие и специфические признаки, дано специфическое наименование, то объяснение произошло. Для приверженцев данного подхода задача историка – отражение разнообразия, красочности и живости исторического поля с акцентом на описание уникальности действующих лиц и сил. К недостаткам формизма Уайт отнес очень широкий охват, неточность и тусклость обобщений, что скрывается за живостью и красочностью повествования [1, с. 33–34].

Для органицизма характерны попытки показать детали исторического поля как компоненты синтетического процесса, приверженность парадигмы «микрокосм – макрокосм». Индивидуальные сущности видятся в роли компонентов процесса, который создает нечто целое, что качественно отличается от суммы своих частей.

Механицистские гипотезы интегративны по цели, но редуктивны, а не синтетичны. Поступки действующих лиц исторического поля рассматриваются как проявления некоей сверхисторической силы. Сторонники этого направления ищут причинные законы, определяющие последствия процессов, известных в историческом поле. Объекты исторического поля конструируются как существующие в модальности отношений «часть – часть», их взаимоотношения определяются законами, которые управляют их взаимодействием.

Для контекстуализма характерен тезис, согласно которому события могут быть объяснены в рамках контекста, в котором произошли, через определение их специфических отношений с другими событиями, состоявшимися в окружающем их пространстве. Цель объяснения – определить «нити», соединяющие изучаемых индивидов или институтов с их специфической социокультурной современностью. Контекстуализм выделяет в качестве объекта изучения любой объект исторического поля, подбирает «нити», которые связывают изучаемое событие с различными областями контекста. «Нити» определяются и прослеживаются в окружающую природу и социальное пространство, в рамках которой событие произошло, а также ретроспективно, чтобы определить его «истоки», и перспективно, чтобы определить его «воздействие» и «влияние» на последующие события. Все это прекращается в

точке, где «нити» исчезают в контексте другого события или «сходятся», чтобы обусловить появление новой события.

Нами было проведено исследование на предмет выявления типа формального доказательства, к которому прибегают современные белорусские историки. Исследовались работы Н. И. Ермоловича.

Ермолович придерживался контекстуалистского типа формального доказательства, но в определенных ситуациях переходит на позиции механицистской аргументации с ее установкой на применение неких общих исторических законов. В последнем можно видеть влияние традиционного для историков советской школы марксистского видения истории. Но, с другой стороны, сам Уайт утверждал, что при написании крупных исторических трудов данные типы соединимы [1, с. 37–38].

Рассматривая историю Беларуси в целом, те или иные исторические события в частности, Ермолович старается строить свое формальное доказательство на рассмотрении их в том контексте, в котором они произошли, анализировать в качестве их предпосылок те события, которые им предшествовали, проследить то влияние, которое они оказали на дальнейший ход истории. При этом он иногда даже выходит за хронологические рамки своего исследования и «пунктиром» обозначает те ситуации, которые испытали на себе воздействие того или иного события. Это видно на примере рассмотрения Ермоловичем политических решений тех или иных князей, различных войн с тем или иным противником, заключенных уний и пр. Даже деление истории Беларуси на периоды, предложенное Ермоловичем, подчинено этой его тенденции. Первоначальный Полоцкий период связан с тем, что наиболее независимым, проводящим самостоятельную политику государством на территории Беларуси являлось Полоцкое княжество. Второй период, по Ермоловичу, – Новгородский связан со своеобразным переходом политического центра Беларуси в Новогрудок как центр нового белорусского государственного образования: Великого княжества Литовского. Третий период – Виленский – связан с перенесением столицы Великого княжества Литовского в Вильно, что Ермолович считает следствием возобновления в новом государстве основ прежней полоцкой политики [2, с. 163]. Четвертый период истории Беларуси Ермолович называет Кревским. Он связан с заключением Кревской унии и его последствиями. И последний период, который рассматривает Ермолович, – период нахождения белорусских земель в составе Речи Посполитой – является следствием заключенной Люблинской унии.

Что касается механицистских «вкраплений» в формальное доказательство у Ермоловича, то они связаны, прежде всего, с его отношением к так называемым общим историческим законам. Как историк советской школы, как историк-марксист, Ермолович не мог и не хотел игнорировать эти законы. Занимаясь исследованием политической истории, он многие политические явления и события объяснял, исходя из первичности экономических интересов и отношений. Также Ермолович постоянно пишет о необходимости, неизбежности и прогрессивности такого явления средневекового развития, как феодальная раздробленность. «У цэлым усе даследчыкі як на прыкмету аслаблення Полацкай зямлі ўказваюць на яе раздрабленне пасля смерці Усяслава, пры якім яна захоўвала адзінства. Тут яўнае неразуменне гістарычнага працэсу. З аднаго боку, сцвярджаецца прагрэсіўнасць развіцця феадалізму ў Старажытнай Русі, а з другога боку – адмоўна характарызуецца

палітычная дэцэнтралізацыя, якая з'яўляецца заканамерным вынікам папярэдне ўказанага працэсу. Менавіта наступ феадалізму, што абуджаў мясцовыя эканамічныя інтарэсы, і быў той спружынай, якая прыводзіла ў рух дэцэнтралісцкія імкненні, узмоцненыя ранейшай гісторыяй і фактарамі геаграфічнага становішча» [3, с. 149–150].

Относительно возникновения Великого княжества Литовского Ермолович приводит следующие доводы: ослабление древнерусских княжеств в результате татаро-монгольского нашествия, опасность агрессии крестоносцев и общие экономические интересы белорусских земель. Именно последний фактор у Ермоловича является решающим [3, с. 172; 4, с. 60] и др. Также говоря об истории Великого княжества Литовского, Ермолович еще раз обращается к историческому закону, согласно которому народность, объединенная в единое государство, получает толчок в своем развитии по сравнению с теми народностями, объединение которых в едином государстве не состоялось: «Паколькі Беларусь не ведала татарскага нашэсця і яе эканамічныя і культурныя цэнтры не былі разбураны, адзначаны працэс эканамічнае, палітычнае і культурна-этнічнае збліжэнне земляў тэрыторыі Беларусі тут адбываўся хутчэй, чым у рускіх і ўкраінскіх землях, дзе ен быў перерваны татарскай навалай... Такое становішча беларускіх земляў, у прыватнасці іх больш ранняе злучэнне ў параўнанні з іншым усходне-славянскім абшарам, дало ім значныя перавагі» [5, с. 13–14].

Как видно, механицистский тип формального доказательства используется Ермоловичем не так уж часто. Кроме приведенных цитат можно привести их еще лишь несколько. Поэтому становится понятным, что из всего объема ермоловичских текстов эти цитаты представляют собой пусть и немаловажную, но все же меньшую часть. Все остальное повествование и анализ у Ермоловича строится по типу контекстуалистского формального доказательства. Поэтому мы и определили тип формального доказательства, который использует Ермолович как контекстуализм совместимый с механицизмом по классификации Уайта. При этом, на наш взгляд, доминирует у Ермоловича все же контекстуализм.

Літаратура і крыніцы

1. Уайт, Х. Метаісторыя: Історычнае воображэнне в Еўропе ХІХ стагоддзя / Х. Уайт. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. – 528 с.
2. Ермаловіч, М. Беларуская дзяржава Вялікае княства Літоўскае / М. Ермаловіч. – Мінск: Беллітфонд, 2003. – 448 с.
3. Ермаловіч, М. Старажытная Беларусь: Полацкі і Навагародскі перыяды / М. Ермаловіч. – Мінск: Мастацкая літаратура, 1990. – 366 с.
4. Ермаловіч, М. І. Па слядах аднаго міфа / М. І. Ермаловіч. – Мінск: Навука і тэхніка, 1991. – 842 с.
5. Ермаловіч, М. Старажытная Беларусь: Віленскі перыяд / М. Ермаловіч. – Мінск: Бацькаўшчына; Бясядзь, 1994. – 91 с.

ШЭРАГ АСПЕКТАЎ ФАРМІРАВАННЯ БЕЛАРУСКАЙ ІНТЭЛІГЕНЦЫІ Ў XIX ст.

С. Л. Лугаўцова

Працэс фарміравання інтэлігенцыі на тэрыторыі беларускіх губерні меў шэраг істотных асаблівасцяў. Нізкі ўзровень эканамічнага развіцця беларускіх губерняў, надзвычай высокая ўдзельная вага дваранскага саслоўя ў складзе мясцовага грамадства (каля 8%) абумовілі выключна высокую ролю дваранства, як крыніцы для папаўнення радоў інтэлігенцыі. У цэлым, культурны ўзровень дваранства Беларусі быў нізкім, што тлумачыцца прычынамі матэрыяльнага характару. Каля 95% прадстаўнікоў вышэйшага саслоўя вымушаныя былі зарабляць на жыццё ўласнай працай, прычым каля 80% займаліся апрацоўкай зямлі [3, с. 32].

Незалежна ад таго, ўжываем мы паняцце «інтэлігенцыя» для ха-рактеристики «асобаў інтэлігентных прафесій» або для характарыстыкі інтэлектуалаў, якія знаходзіліся ў апазіцыі рэжыму, выключную ролю ў гэтым працэсе адыграла дзейнасць Віленскага універсітэта. Пасля афармлення ў 1817 г. сярод студэнтаў універсітэта грамадства філаматаў пачалася новая старонка ў дзейнасці тайных арганізацый на тэрыторыі Беларусі. Філаматы аказалі ўплыў на стварэнне і дзейнасць больш за дзесяць студэнцкіх і вучнёўскіх гурткоў і таварыстваў [5, с. 213]. З 135 чал., прыцягнутых да следства ў 1823 г. у сувязі з выяўленнем таварыства філарэтаў, 113 чал. з'яўляліся выхадцамі Беларусі. Сенатар М. Навасільцаў, які кіраваў следствам, зазначыў у рапарце вялікаму князю Канстанціну, што допыты філаматаў і філарэтаў «ясно обнаружили, что под словами о приверженности к своему краю разумелась не приверженность к Российской империи вообще, но только к губерниям, составляющим Виленский учебный округ» [4, с. 20]. «Літоўскі», а фактычна беларускі патрыятызм філаматаў і філарэтаў – галоўная асаблівасць іх творчасці, якая дазваляе гаварыць пра іх як пра першую хвалю пачынальнікаў беларускага нацыянальнага адраджэння.

Нягледзячы на выразную патрыятычную накіраванасць дзейнасці гурткоў філаматаў і філарэтаў, пытанне аб нацыянальнай самаідэнтыфікацыі не было вырашана нават для іх членаў. Заснавальнікі таварыства філаматаў А. Міцкевіч і Я. Чачот з Гродзенскай губерні, Т. Зан і А. Петрашкевіч з Мінскай губерні, называлі сябе «ліцвінамі». Такой з'яўлялася ў першай палове XIX ст. саманазва насельніцтва Гродзенскай, Віленскай, Мінскай губерняў. Жыхароў жа Магілёўскай, Віцебскай і ўсходняй частцы Мінскай губерні ў той жа час называлі беларусамі. Ліцвін Томаш Зан, пасяліўшыся з жонкай у Аршанскім павеце на «Белай Русі» называў сябе «вечным выгнаннікам і пілігрымам» [4, с. 203].

Развіццё нацыянальнай самасвядомасці ў еўрапейскіх краінах было непарыўна звязана са станаўленнем нацыянальных дзяржаў. Х. Сэтан-Ватсан вылучыў у гэтым працэсе тры мадэлі [7, р. 15–87].

– так званыя «старыя нацыі», якія развіваліся паступова і бесперапынна;

– нацыі, фарміраванне якіх з'явілася следствам не толькі натуральнага развіцця, але і свядомай працы інтэлектуалаў і палітыкаў. Такія нацыі мелі элементы нацыянальна-дзяржаўнага ладу, але былі падзеленыя паміж некалькімі палітычнымі

арганізмамі і паступова прыйшлі да палітычнага аб'яднання (Германія, Польшча);

– так званыя «новыя нацыі». Яны не маглі выкарыстоўваць ні нацыянальна-палітычныя структуры, ні мову, якія яшчэ не сфармаваліся. Лідэрам «новых нацый» даводзілася абапірацца на этнічныя асаблівасці народа і яго гутарковую мову. Іх першапачатковая задача уласна і складалася ў распрацоўцы адзінай літаратурнай мовы і ў перакананні людзей у тым, што яны належаць да адной нацыі. Роля інтэлігенцыі ў станаўленні такіх нацый надзвычай вялікая.

Усё вышэйсказанае з нагоды трэцяй мадэлі адносіцца да фармавання беларускай нацыі. На тэрыторыі Беларусі гэты працэс меў запаволены характар нават у параўнанні з Украінай, якая лічыцца ў заходняй гістарыяграфіі аксіяматычным прыкладам нацыі «новай». У XIX ст. беларускае грамадства, як і ўкраінскае, у асноўным было сялянскім і пакутавала ад тых жа самых структурных недахопаў. Памешчыцкія землі былі ў руках спаланізаванай шляхты, дробны гандаль – у руках яўрэяў, бюракратычны апарат – рускіх чыноўнікаў. У сувязі з чым, паняцці «беларус» і «сялянін» практычна супадалі. Тым не менш, бурныя рэвалюцыйныя падзеі пачатку XX ст. даказалі больш высокую палітычную сталасць і сілу ўкраінскага нацыянальнага руху. На нашу думку, беларускі нацыянальны рух апынулася аўтсайдарам у параўнанні со сваімі украінскімі суседзямі па шэрагу фактараў.

1. У эпоху «найноўшага часу» ўкраінцы ўступілі не зусім «бездзяржаўнай» нацыяй, мелі палітычныя традыцыі самакіравання і ўласную кіруючую эліту. Невыпадкова, адзін з найбольш вядомых гісторыкаў ўкраінскага замежжа І. Лісяк-Рудніцкі, прыйшоў да высновы, што ўкраінскі варыянт стварэння нацыі займае прамежкавае месца ў дыхатаміі паміж «гістарычнымі» і «негістарычнымі» нацыямі, знаходзячыся бліжэй да чэшскага, чым беларускага варыянта [3, с. 34]. Канцэпцыя гістарычнага развіцця ўкраінскага народа была сфармулявана яшчэ ў XVIII ст. Па вобразным выказванні Н. Якавенка «у водблісках развіццельнага феерверка Мазепы» казацкая эліта (Г. Грабянка, Ф. Орлік, С. Вялічка) здолела асэнсаваць пройдзены шлях праз прызму вечных пытанняў: «Хто мы? Куды ідзем? Чаго дамагаемся?» [6, с. 429].

2. У XIX ст. на тэрыторыі Украіны дзейнічалі тры ўніверсітэты: Харкаўскі, Кіеўскі (пад уладай Расійскай імперыі) і Львоўскі (пад уладай Аўстрыйскай імперыі). Менавіта іх выпускнікі ў XIX – пачатку XX ст. выпрацавалі стратэгію і тактыку нацыянальнага руху.

3. На тэрыторыі Беларусі земская рэформа пачала ажыццяўляцца толькі ў 1911 г. У той час як на тэрыторыі Левабярэжнай Украіны, на думку сучасных украінскіх даследчыкаў, менавіта тысячы сельскіх фельчараў, аграномаў, земскіх статыстыкаў вялі штодзённую непрыкметную «мурашыную» працу па развіцці нацыянальнай самасвядомасці сялянства [2].

4. Украінскі нацыянальны рух у поўнай меры здолеў выкарыстаць магчымасці падзелу ўкраінскага народа паміж двума імперыямі. У сярэдзіне 80-х гг. XIX ст. гурткі беларусаў-народнікаў былі ліквідаваны паліцыяй. Па меркаванні аўтараў, на наш погляд, найбольш поўнага і якаснага падручніка па гісторыі Беларусі: «Пасля разгрому гурткоў, звязаных з “Гоманам”, беларускіх нацыянальна-палітычных арганізацый да пачатку XX ст. не існавала» [1, с. 275]. Адначасова пасля выдання ў 1876 г. Эмскага ўказа, які забараняў любыя выданні на ўкраінскай мове, асноўны цэнтр ўкраінскага нацыянальнага руху быў перанесены на заходнеўкраінскія зямлі.

5. Развіццё нацыянальных рухаў немагчыма без стварэння ўласнага нацыянальнага міфа, нейкай агульнапрызнанай схемы айчыннай гісторыі. На рубяжы XIX–XX ст. ёй стала 10-томная «Гісторыяй Украіны-Русі» М.С. Грушэўскага. На тэрыторыі Беларусі раўнаважасная праца не з’явілася.

6. Любы нацыянальны рух мае патрэбу ў матэрыяльным забеспячэнні. На тэрыторыі Беларусі і Украіны апалячаная шляхта ў асноўным не падтрымлівала культуры «хлопаў». У заходнееўрапейскіх краінах мецэнатам нацыяналізму была мясцовая буржуазія. У гэтым сэнсе беларускі і ўкраінскі нацыянальныя рухі былі ў цяжкім становішчы. Практычна не існавала буржуазіі, якая б размаўляла на ўкраінскай ці беларускай мове і падтрымлівала мясцовую культуру. Тым не менш, узровень прамысловага развіцця Украіны ў другой палове XIX – пачатку XX ст. быў вышэй, чым у Беларусі. Хоць колькасць багатых мецэнатаў, якія падобна Чыкаленкам і Сімірэнкам, фінансавалі ўкраінскія выданні, аказвалі матэрыяльную дапамогу культурным і навуковым арганізацыям, была вельмі нязначнай, беларускі нацыянальны рух не меў і такой падтрымкі.

Такім чынам, інтэлігенцыя беларускіх губерняў Расійскай імперыі стала ідэнтыфікаваць сябе як «беларускую» толькі ў канцы XIX ст. У цэлым працэс фарміравання беларускай нацыі застаўся незавершаным да 1917 г. Неразвітасць нацыянальнай самасвядомасці беларускага народа ў цэлым, і пазнейшае завяршэнне самаідэнтыфікацыі інтэлігенцыі, у прыватнасці, вызначылі асноўныя рысы складанага працэсу стварэння самастойнай беларускай дзяржавы ў XX ст.

Літаратура і крыніцы

1. Гісторыя Беларусі: у 6 т. 2000–2005. – Мінск: УП «Экаперспектыва», 2005. – Т. 4. Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII – пачатак XIX ст.) / М. Біч, В. Яноўская, С. Рудовіч і інш. – 519 с.
2. Грицак, Я. Нарис історії України: формування модерної української нації XIX–XX ст. / Я. Грицак. – К.: Генеза, 2000. – 360 с.
3. Луговцова, С. Л. Политика российского самодержавия по отношению к дворянству Беларуси в конце XVIII – первой половине XIX в.: дис... канд. ист. наук / С. Л. Луговцова. – Минск, 1999. – 134 с.
4. Філаматы і філареты: Зборнік / Уклад., пераклад польскамоўных твораў, прадмова, біягр. даведкі пра аўтараў і камент. К. Цвіркі. – Мінск: «Беларускі кнігазбор», 1998. – 400 с.
5. Швед, В. В. Паміж Польшай і Расіяй: грамадска-палітычнае жыццё на землях Беларусі (1772–1863 гг.) / В. В. Швед. – Гродна: ГрДУ, 2001. – 416 с.
6. Яковенко, Н. Нарис історії середньовічної та ранньомодерної України / Н. Яковенко. – К.: Критика, 2005. – 584 с.
7. Seton-Watson, H. Nations and States / H. Seton-Watson // The Formation of National States in Western Europe / Ed. by Charles Tilly. – Princeton, 1975. – P. 15–87.

САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ БЕЛОРУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ XIX – Н. XX в. В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

И. А. Горбовая

Интеллигенция как социальное явление призвана выполнять сознательную и инициативную роль в формулировании, сохранении, передаче национальных ценностей и традиций. Однако смена поколений интеллигенции в контексте социокультурных трансформаций порождает новые научные дискуссии вокруг этой проблемы. На определение основных черт интеллигенции влияют исторические, культурные, национальные и др. факторы, обуславливая вариативность смыслового наполнения понятия «интеллигенция», определение ее места в структуре общества, социальной роли и функций.

Начиная с распространения понятия «интеллигенция» еще в немецкой философии к. XVIII – н. XIX в., несмотря на множество его коннотаций, сохранялась смысловая основа, не позволяющая отождествлять интеллигенцию с интеллектуалами, элитой и т. п. Каждая историческая, культурная эпоха влияет как на определение тех, кто принадлежит к интеллигенции, так и на саму дефиницию понятия. Однако данное понятие, использованное в социальном и морально-этическом аспектах, имеет и неизменные, постоянные характеристики – основу его содержания.

Значительную популярность в научной и общественно-политической литературе термин «интеллигенция» приобретает во второй половине XIX в., особенно в Российской Империи. Примерно в этот период начинаются длительные дискуссии относительно идентификации и социального назначения интеллигенции. Писатель П. Д. Боборыкин в своих произведениях через художественные образы охарактеризовал реальные типы интеллигенции того времени: «салонную интеллигенцию», работающую в «высшем свете» за «материальные подачки и еду», а также интеллигенцию, противопоставляющую собственные интересы правящей идеологии [1, с. 36]. Писатель рисует образы интеллигентов, готовых пожертвовать материальными благами, променять собственные меркантильные интересы на высокие благородные идеи.

Публицист Д. Н. Овсяннико-Куликовский интеллигенцией именовал все образованное и мыслящее общество, которое вырабатывает умственные блага – «духовные ценности» (наука, философия, искусство, мораль и т. д.). Они не имеют объективного бытия вне человеческой психики, а являются деятельностью отдельных лиц и групп, их субъективным отношением к той или иной умственной деятельности [2, с. 177–180].

Философ Н. А. Бердяев интеллигенцией называет своеобразное идеологическое явление со своей особой, нетерпимой, моралью, мирозерцанием, особыми нравами и обычаями [3, с. 17]. Интеллигенцию, по мнению Николая Бердяева, объединяют, прежде всего, идеи социального характера, а не интеллектуальный труд и творчество. Интеллигенция, таким образом, – разночинная, ее образуют представители разных социальных классов.

Таким образом, интеллигенция – пример образованности, профессионализма,

интеллектуальной деятельности. Она наделена активной гражданской позицией, социальной компетентностью, способна творить, распространять и сохранять национальные культурные ценности и традиции. Русский историк и публицист П. Н. Милюков в своей работе «Интеллигенция и историческая традиция» подчеркивал важность не только привычек, психических навыков, вынесенных из прошлого, но и определенных идей. «Сознательное национальное чувство» может «отразиться в культурном мессианизме». Однако установить связь с прошлым можно только через его живую память, которая передается из поколения в поколение. Важно, чтобы существовала непрерывность сознания, поддерживаемого единством цели. Для сохранения этого необходимо создать тот мыслящий и чувственный аппарат нации, именуемый ее интеллигенцией. Только при участии этого аппарата подсознательный процесс национальной жизни может окончательно превратиться в сознательный. С этого момента могут зародиться элементы живой национальной традиции, которая передается из поколения в поколение сознательным гражданским воспитанием [4, с. 349–359].

Смена традиционного, устоявшегося функционирования жизнедеятельности общества приводит к трансформации мировосприятия, а значит, и сознания. Историческая, культурная эпоха способствует социальному перерождению, перестановке ценностей. Так, на сознание и мировосприятие белорусского общества, в частности его интеллигенции, повлияли социально-политические события XIX – н. XX в., правительственные репрессии против активистов национально-освободительного движения и участников восстаний XIX в. [5, с. 54], тем самым разрушительно влияя на исторически сформированную национальную и культурную память между поколениями белорусского общества. Более того, ситуация усугублялась культурным разладом среди многонационального населения Беларуси.

Рефлекс сохранения целостности национальной культуры срабатывает при возникновении угрозы ее гармоничному существованию. Во избежание деформации собственной культуры, белорусы руководствовались стремлением к самосознанию. Однако вследствие сформированного «комплекса неполноценности» и ощущения «порабощенной нации» усложнился процесс становления национального сознания и самоопределения белорусов. Полонизация, русификация, создание общей культуры народов способствовало нивелированию духовных потребностей белорусского общества, ассимилятивному влиянию культурного большинства на меньшинство.

Во времена кризиса обществу необходим «проводник», который бы осознавал, формулировал, улучшал действительность, прогнозировал ее дальнейшее развитие. Хотя сознание и ценностные ориентации каждого гражданина государства как объективны, так и субъективны по характеру, существует все же историческая и культурная традиция, что наследуется из поколения в поколение. Передовую роль, роль «посредника» в этом процессе играет интеллигенция. Несмотря на возрождение белорусской национальной интеллигенции во второй половине XIX – н. XX в., все же не удалось, в силу сложившихся социально-политических условий, реализовать идею национального, культурного, духовного единства нации. Ведь даже среди участников белорусского национально-освободительного, культурного движения, как оказалось, этой сплоченности не было. Идея национального единства не нашла поистине настоящего отклика и действенной поддержки среди населения Беларуси. Миссия по

сохранению и передаче исторически сложенных национальных культурных традиций, высокоморальных, духовных ценностей не осуществилась в полной мере.

Литература и источники

1. Добрускін, М. Про генезу терміна та філософського поняття “інтелігенція” // Філософська думка. – 2005. – № 5. – С. 28–36.
2. Овсяннико-Куликовский, Д. Н. Психология русской интеллигенции // Анти-Вехи / Вступ. статья, сост. и примеч. В. В. Сапова. – М., 2007. – С. 177–200.
3. Бердяев, Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. Репринтное воспроизведение издания YMCA-PRESS, 1955 г. – М., 1990.
4. Миллюков, П. Н. Интеллигенция и историческая традиция // Вехи; Интеллигенция в России / Сост., коммент. Н. Казаковой. – М., 1991. – С. 294–381.
5. Кохановский, А. Г. Самоопределение белорусской интеллигенции и эволюция ее национально-государственных идеалов: история, традиции и задачи историографии / А. Г. Кохановский, О. А. Яновский // Интеллигенция и Мир. – 2008. – № 2. – С. 46–67.

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ XVIII в.

Н. В. Старикова

Реформы Петра I и дворцовые перевороты окончательно утвердили дворянское сословие в качестве главной опоры государственного порядка. Оно стало обладать не только исключительным политическим значением, но и особой бытовой и духовной культурой. Этому немало способствовали тенденции общеевропейского Просвещения. Российское дворянство втягивалось в новые культурные процессы и как бы исподволь, накапливало в себе свойства, характерные для «просвещенного» новоевропейского человека [1, с. 117]. Постепенно в обществе утвердилась мысль о необходимых дворянину качествах и навыках. Поощрялись не только «хорошие» манеры, но и широта и энциклопедичность образования, способность разбираться во всем, иметь представление о самых разных сторонах жизни от способов ведения хозяйства до знания шедевров мировой культуры и новых научных открытий. Считалось, что научное знание сопутствует не только развитию государства, но его превосходству и даже величию. М. М. Щербатов в посвящении к своей «Истории» писал, что «История разума человеческого нас уверяет, что везде науки последовали успехам благополучия и силе государств» [2, с. 104]. В общем корпусе научных знаний, развивавшихся в данное время, исторические знания играли существенную роль. Росту популярности истории способствовал сам характер данной науки. Богатый фактический материал при определенной «литературной» обработке не только был интересен, но и легко усваивался, позволяя проводить аналогии, сравнения, активировать политический и социальный опыт. Еще А. Л. Шлецер писал в свое время, что даже «полуобразованный русский с необыкновенною охотою берется за всякое чтение; особенно любит он отечественную историю» [3, с. 214].

О популярности исторической информации как наиболее развлекательного и

вместе с тем «полезного» чтения свидетельствует наличие существенного количества заметок исторического характера в научно-популярных и литературных периодических изданиях XVIII века. Строго говоря, журналы XVIII в. отличались сложным составом, помещая в себе разнохарактерный материал, и, зачастую, не имея четкого отраслевого деления. Вследствие этой особенности периодическая печать, а именно журналы как наиболее распространенная в это время форма периодики, были подходящим, наиболее удобным средством трансляции и популяризации текстов исторической науки

Показательным является не только наличие публикаций текстов исторического характера, но и издания, в которых они помещались. «Ежемесячные сочинения» – журнал, издававшийся Академией наук. Однако он носил научно-популярный характер и ориентировался не только на ученых, но и на «просвещенных» читателей-дворян. О популярности данного журнала свидетельствует то, что издавался он длительный промежуток времени (около 10 лет), впоследствии было предпринято переиздание отдельных номеров, материалы журнала перепубликовывались в Месяцесловах. В сочинениях некоторых авторов встречаются ссылки на статьи «Ежемесячных сочинений» (например, в «Истории» М. М. Щербатова). Таким образом, «формат» журнала нельзя считать строго научным. Он как нельзя лучше соответствовал основной идее «просвещенного человека»: обладать широкими, но не слишком глубокими познаниями. Появление исторических публикаций в ненаучных, тем более частных изданиях, свидетельствует о том, что такие тексты являлись, своего рода «интеллектуальным развлечением», увлекательным чтением для любознательной публики, что соответствовало тенденциям культуры эпохи Просвещения.

Исторические знания включались в систему образования молодого дворянина. Наибольшей популярностью в дворянской среде на протяжении всего XVIII столетия пользовалось домашнее образование. Для мальчиков-дворян составлялись индивидуальные образовательные программы. Выдающиеся российские мыслители – представители дворянского сословия писали труды об образовании и воспитании молодого поколения. В некоторых из них говорилось о роли и значении исторической науки, а также о способах обучения истории.

В трактате «О способах преподавания различные науки» князь М. М. Щербатов дает наставления частным педагогам о том, как нужно обучать своих подопечных, как правильно «выстроить» материал, какие пособия использовать. Среди прочих мыслитель пишет «О науке географии», «О науке истории» и «О науке баснословной истории» [4]. Обучение истории Щербатов делит на две части. Сначала ученик должен выучить основные факты и даты. И только после этого можно переходить к комплексному обучению. Это позволит легче воспринимать материал, не терять логику изложения [4, с. 516].

Усвоенные политические идеалы часто находили выражение в литературном творчестве. М. В. Ломоносов в своих торжественных одах часто обращается к деятельности Петра Великого и к событиям его времени. В творчестве А. П. Сумарокова также значительное место занимали исторические сюжеты. В 1747 г. им была написана трагедия «Хорев», в 1750 г. – «Синав и Трувор», в 1771 г. – «Дмитрий Самозванец». Исторические сюжеты присутствовали и в творчестве

другого известного литератора данного времени – М. М. Хераскова. В 1779 г. из типографии Московского университета вышла поэма «Россияда». В «Историческом приключении...» Н. И. Новикова на фоне древнерусской истории новгородских князей высмеивались пороки современного общества [5]. Обращение литераторов к историческим сюжетам показывает, что исторические знания стали весьма важным элементом общественного сознания русской интеллектуальной элиты. В частности, правящие круги, опираясь на исторический опыт, выраженный в художественной литературе (в доступной для всех форме) утверждали легитимность существующей власти. Литература и история становились формами самоосмысления и самовыражения общества.

Литература и источники

1. Кулакова, И. П. Российское «просвещенное дворянство» в контексте идей нового времени: специфика форм интеллектуальной деятельности (XVIII – первая треть XIX вв.) / И. П. Кулакова // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 36. – М.: URSS, 2011.

2. Щербатов, М. М. История Российская от древнейших времен / М. М. Щербатов. – СПб, 1770. – Т. 1.

3. Штранге, М. М. Идеи просвещения в русской историографии 50-70-х годов XVIII в. / М. М. Штранге // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе: сборник статей, посвященных Льву Владимировичу Черепнину / [редкол.: В.Т. Пашуто (отв. ред.) и др.]. – М.: Наука, 1972. – С. 177–187.

4. Щербатов, М. М. О способах преподавания различныя науки // Сочинения князя Щербатова / М. М. Щербатов. – СПб., 1898. – Т.2. Статьи историко-политические и философские.

5. Новиков, Н. И. Историческое приключение // Пустомеля. – 1770.

СПЕЦИФИКА ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИИ РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ КАК ФЕНОМЕНА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Е. В. Корень

Проблеме русской интеллигенции посвящено множество исследований. Однако ряд вопросов, касающихся определения понятия интеллигенции, ее истоков и сущности, ее роли как социально-культурного феномена открыты.

Сложность исследования истории интеллигенции обусловлена рядом причин содержательного и теоретико-методологического характера. Прежде всего, важно прояснить сущность и определение самого понятия «интеллигенция». История возникновения и применения этого понятия весьма запутанна [16, с. 24]. «Интеллигенция» – это термин иностранного происхождения (от лат. *intelligens* – мыслящий, понимающий, духовный), которым названо специфически российское явление, практически не имевшее аналогов на Западе в плане общественной роли [2, с. 10–11].

Понятие «интеллигенция», распространившееся в России во второй половине XIX в., претерпело в своей истории различные толкования [13, с. 92; 9, т. 2, с. 110; 6,

т. 1, с. 20; 1, т. 3, с. 124–128; 12, с. 226, 330; 15, с. 155, 164]. Существенное влияние на изучение интеллигенции оказал исследовательский субъективизм. История и психология интеллигенции разрабатывается людьми, к ней причастными, и потому не совсем беспристрастными. И сейчас нет единого определения «интеллигенции». В большинстве энциклопедических словарей этот термин сводится к определению группы (слоя) общественно активных людей, профессионально занимающихся интеллектуальным трудом и художественным творчеством, составляющих культурную среду общества [11, т. 2, с. 359–361; 4, т. 2, с. 46; 17, с. 216; 10, с. 216; 2, с. 10–11; 7, с. 65].

На наш взгляд, подобные определения не совсем полные и точные, так как не учитывают важного нравственного аспекта, связываемого обычно с понятием «интеллигентность», и особенностей самого исторического феномена интеллигенции, которая в России была не только носителем интеллектуальной культуры, но являлась, прежде всего, выразителем определенных идей. Более верно и исторично будет рассматривать *интеллигенцию* как социокультурную группу, принадлежность к которой определяется склонностью к умственному творчеству, интеллектуальной деятельностью, высокими нравственными запросами и качествами личности, общественной активностью, приверженностью к идее «общественного блага», предпочтением духовных ценностей и общенациональных интересов классовым, сословным, корпоративным ценностям и интересам.

Специфику исследования интеллигенции во многом определяет социологический аспект проблемы. Попытки идентифицировать интеллигенцию с каким-либо общественным слоем, классом или обозначать ее как «прослойку советского общества» чаще все не отражают реальную социально-историческую картину. Сложностью социальной идентификации обусловлен тот факт, что часто для уточнения характеристик интеллигенции используются словосочетания «дворянская интеллигенция», «буржуазная интеллигенция», «рабоче-крестьянская интеллигенция» и т. п.

На самом деле понятие «интеллигенция» нельзя путать с понятием «интеллектуальная элита» (или «интеллектуалы»). «Интеллектуальная элита» – это наиболее просвещенная, духовно развитая часть определенного общества, которая культивирует высшие ценности национальной или сословной культуры на основе общечеловеческих культурных достижений. Чаще всего культурная элита и становится основой для формирования интеллигенции [11, т. 1, с. 682; 9, т. 1, с. 82–85].

Так, российская интеллигенция в силу особых исторических условий имела дворянские социальные корни. Она сформировалась на основе дворянской интеллектуальной элиты, являвшейся наиболее просвещенной и духовно развитой частью дворянства – служилого сословия России, окончательно сформировавшегося и завоевавшего привилегированное положение в XVIII в. [11, т. 1, с. 682–685; 4, т. 1, с. 424] На характер дворянской интеллигенции, ее социальную активность существенное влияние оказала укорененная в дворянском сознании идея «служения отечеству». На судьбы интеллектуальной культуры России наложило отпечаток и то обстоятельство, что многие видные ее деятели были выходцами из аристократического круга, т. е. из титулованного, родовитого дворянства, игравшего

активную роль в общественной и политической жизни общества, привыкшего влиять на ход политической и общественной жизни [4, т. 2, с. 22; 10, с. 27].

В послепетровскую эпоху постепенное нарастание в сознании дворянских интеллектуалов противоречий между гуманистическими идеалами Просвещения и христианства, с одной стороны, и феодально-крепостническими устоями действительной жизни, владением «крещенной собственностью» с другой стороны, привели к кризису феодальной системы ценностей и к дифференциации дворянства по ценностным и идеологическим установкам. Выделился постепенно растущий слой передовых дворян, для которых были характерны все названные выше черты интеллигенции. Российская интеллигенция со времени возникновения до 1860-х гг. была преимущественно дворянской по социальному происхождению и составу, во многом сохраняла дворянский менталитет, при этом исповедуя идею «общественного блага» с религиозным рвением [5, с. 46].

Таким образом, интеллигенция – особое специфически российское социокультурное явление, обусловленное особенностями социального, политического, культурного развития России.

Специфика исследования истории интеллигенции в том, что, помимо фактического материала, численных данных, мы имеем дело с мышлением, идеями, настроениями, с духовным миром людей в гораздо большей мере, чем при исследовании других общественных групп. При изучении истории интеллигенции возможно применение достаточно широкого спектра методов и приемов, как общенаучных, так и специально-исторических. Историко-генетический метод позволяет рассмотреть интеллигенцию в ее развитии, дать анализ динамики этого развития в совокупности причинно-следственных связей и закономерностей. Историко-системный метод позволяет сделать углубленный структурно-функциональный анализ интеллигенции, раскрыть причины и условия ее появления, особенности развития. Применение историко-сравнительного метода важно при раскрытии сущности и особенностей интеллигентского менталитета на разных этапах. В данном случае применим и историко-типологический метод или метод конструкции идеальных типов. Использование ретроспективного анализа позволяет глубже понять исторический феномен интеллигенции с помощью рефлексии к его истокам [8, с. 213–226; 3, с. 57].

Большое внимание при изучении истории интеллигенции, на наш взгляд, должно быть уделено историко-психологическим методам. Чтобы правильно уяснить истоки, сущность и историческую роль интеллигенции, важно обратиться к категориям «менталитет» и «ментальность». «Менталитет» – это емкое понятие, включающее в себя особенности склада ума, умонастроения, способы организации сознания и психики, способы мировосприятия и мировоззрения, ценностные установки. «Ментальность» – это способность человеческой психики хранить в себе те или иные данные, т.е. это своеобразная личностная или социальная память, определяющая духовно-психические особенности индивида или социума. В основе менталитета интеллигенции той или иной эпохи лежит определенная система ценностных установок, которая определяет судьбу носителя менталитета. Ментальность обусловлена тем или иным набором духовных приоритетов или ценностей [1, т. 3, с. 190; 3, с. 57; 14, с. 158–165].

Исследование менталитета интеллигенции требует тщательного анализа источника, применения таких методов, как понимание, вживание, герменевтический анализ, историческое анкетирование. Последнее предполагает анализ письменных источников личностного характера – мемуаров, дневников, писем, художественных, философских, публицистических сочинений по специально подготовленным анкетам [3, с. 57]. Ответы могут быть прямые и косвенные. Их надо интерпретировать самому историку. Несмотря на опасность субъективизма, этот метод достаточно удобен, так как позволяет получать существенную информацию.

Например, при исследовании эволюции менталитета российской дворянской интеллигенции со второй половины XVIII в. до конца XIX в. актуально поставить следующие вопросы:

- самоидентификация сословной принадлежности, оценка своего сословного и личностного статуса и роли в обществе;
- наличие чувства социальной ответственности;
- оценка средств социального и политического действия;
- понимание ценностей: истины, правды, блага, чести, долга и т. п.

С помощью этих и других вопросов можно прозондировать исторический источник и осветить важные аспекты менталитета интеллигенции.

Литература и источники

1. Ахиезер, А. С. Россия: критика исторического опыта: в 3 т. / А. С. Ахиезер. – М.: Философское общество, 1991.–Т. 3. – 471 с.
2. Гаспаров, Л. М. Интеллектуалы, интеллигенты, интеллигентность. // Русская интеллигенция. История и судьба / Л. М. Гаспаров. – М.: Наука, 1999. – С. 5–14.
3. Гуревич, А. Я. Историческая наука и историческая антропология // Вопросы философии / Я. А. Гуревич. – 1988. – №1. – С. 56–70.
4. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В.И. Даль. – М.: Русский язык, 1981. – Т. 2. – 779 с.
5. Иванов, В. В. Интеллигенция как проводник в ноосферу // Русская интеллигенция. История и судьба. – М.: Наука, 1999.– С. 44–63.
6. Иванов-Разумник, Р. В. История русской общественной мысли: в 2 т. / Р. В. Иванов-Разумник. – Пг.: Революционная мысль, 1918. – Т. 2. – 214 с.
7. Кондаков, И. В. К феноменологии русской интеллигенции // Русская интеллигенция. История и судьба / И. В. Кондаков. – М.: Наука, 1999. – С. 63–90.
8. Методологические проблемы истории: учеб. пособ. Для студентов, магистрантов и аспирантов ист. и филос. специальностей учреждений, обеспечивающих получение высш. образования / В. Н. Сидорцов [и др.]; под общ. ред. В. Н. Сидорцова. – Минск: Тетра-Системс, 2006. – 352 с.
9. Миронов, Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII–начало XX в.) / Б. Н. Миронов. – СПб.: Дмитрий Буланин, РГНФ, 1999. – Т. 1. – 548 с; Т.2. – 567 с.
10. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. – М.: Русский язык, 1984. – 797 с.
11. Отечественная история: энциклопедия: в 5 т. – М.: БРЭ, 1996. – Т.2. – 656 с.: ил.
12. Пайпс, Р. Россия при старом режиме / Р. Пайпс. – М.: Независимая газета, 1993. – 422 с.
13. Петров, В. М. Социокультурная динамика и функции интеллигенции // Русская интеллигенция. История и судьба / В. М. Петров. – М.: Наука, 1999. – С. 90–108.

14. Пушкарев, Л. Н. Что такое менталитет? Историографические заметки / Л. Н. Пушкарев // Отечественная история. – 1995. – № 3. – С. 158–166.
15. Соколов, К. Б. Мифы об интеллигенции и историческая реальность / К. Б. Соловьев // Русская интеллигенция. История и судьба. – М.: Наука, 1999. – С. 149–208.
16. Степанов, Ю. С. «Жрец» нарекись, и знаменуйся «жертва» (К понятию интеллигенции в истории российского менталитета) / Ю. С. Степанов // Русская интеллигенция. История и судьба. – М.: Наука, 1999. – С. 14–44.
17. Философский энциклопедический словарь. – М.: СЭ, 1989. – 815 с.

ЛИБЕРАЛЬНАЯ ИДЕЯ В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ БЕЛАРУСИ

О. В. Новикова

В интеллектуальной культуре Беларуси особое место принадлежит философско-политическим доктринам, которые значимы не только как формы социально-теоретического знания, но и как идеологические основания практической деятельности политических институтов. В их числе философия и идеология либерализма.

Истоки политического либерализма связаны с социальными процессами XVII–XVIII вв.: раннебуржуазными революциями, секуляризацией политико-правовой сферы, формированием экономической системы «свободного рынка» и конституционалистских политических систем. Классический либерализм в качестве политической идеологии и практики тесно связан с капитализмом XIX в. – первой фазой эволюции индустриального общества. Он стал концентрированным выражением духовно-ценностных ориентаций данного типа общества.

Идейной основой «философского» либерализма является комплекс представлений об автономности и самодостаточности личности, понятие которой связано с идеей свободы как высшей ценности личностного бытия. Эти утверждения, носящие вполне априорный характер, восходят к новоевропейскому гуманизму и становятся основой теоретических интерпретаций. Для политического либерализма значение имеет не сама по себе презумпция свободы личности, а создание системы политико-правовых институтов, обеспечивающих оптимальный характер ее самореализации. Благодаря этому сам политический либерализм подвержен трансформации.

Общий контур либерального политического мышления определяют принципы индивидуализма как примата морального достоинства индивида, консенсуса в определении целей функционирования государства, эгалитаризма и демократии. Причем для либерализма характерно следующее отношение к демократии, четко обозначенное у Ф. Хайека: «демократия по сути своей – средство, утилитарно приспособленное для защиты социального мира и свободы личности» [1, с. 151].

Применительно к Беларуси правомерно говорить о существовании исторических предпосылок для становления либеральных ценностей. Эти предпосылки восходят к временам, когда территория современной Беларуси входила в состав Великого княжества Литовского, политическая культура которого являла собой аналог политической культуры, формировавшейся в это время в государствах

Западной Европы.

Великое княжество Литовское представляло собой федерацию (унию) литовских, белорусских (русских) и жемайтских земель, обладавших определенной автономией по отношению к центральной великокняжеской власти. Это государство вошло в мировую историю как одно из первых европейских государств, создавшее образец общественно-политического устройства, правовой демократии, мирного сосуществования разных народов и религиозных конфессий. Общий принцип, зафиксированный в сложной государственной конструкции ВКЛ, может быть обозначен как «консервативный», ибо он заключался в признании «старины» – древнего, устоявшегося образа жизни каждой отдельной части государства и сохранения ею своей системы права и государственного устройства. Однако с течением времени в него были внесены явные либеральные элементы.

В XIII веке в практику вошла традиция парламентаризма, представленная органами местного самоуправления – вече (с середины XVI века – соймами). Регулирование общественного порядка осуществлялось на договорной основе; бояре и воеводы, возглавлявшие местные соймы, подчинялись великому князю, однако обладали исключительным правом занимать все должности местного самоуправления. Уже в конце XIV в. Вильно и Брест (а к XVI–XVII вв. почти все крупные города и местечки) получили магдебургское право, согласно которому горожане выходили из-под юрисдикции землевладельцев, освобождались от ряда феодальных повинностей, сами выбирали городские органы власти.

Ярчайшим памятником политической культуры Великого княжества Литовского стал Статут 1588 г. (действовал до 1840 г.), в который вошли нормы государственного (конституционного) права, чего на то время не было в законодательной практике других европейских государств. Статут обобщил государственно-правовые идеи XV–XVI вв., многие из которых опередили свое время. В этом документе нашла отражение теория разделения властей на законодательную власть (Сойм), исполнительную (великий князь, административный аппарат), судебную (Трибунал ВКЛ и пр.).

В результате образования Великим княжеством Литовским и Польским королевством единого федеративного государства Речи Посполитой, в политическую традицию Великого княжества были внесены элементы польского права (в частности, «золотые шляхетские вольности» и «Генриховы артикулы»). Таким образом, за сотню лет до оформления европейского либерализма как идейно-политического течения, зачатки его обнаруживаются в Великом княжестве Литовском.

Однако к концу XVII в. политическая ситуация в Речи Посполитой радикально изменилась. Законодательный авторитет Сойма, как и вышестоящих властей, подрывался местными поветовыми соймиками, которые стали самостоятельными органами с широкой законодательной, административной и судебной компетенцией. Краеугольным камнем «золотых шляхетских вольностей» стало право *liberum veto* (свобода запрета), согласно которому каждый шляхтич-посол имел право односторонне заблокировать принятие любого постановления сойма или вообще сорвать его работу, что в XVII–XVIII вв. стало практикой. В 1652 г. был создан прецедент срыва работы сойма одним послом [2, с. 66]. Подобные действия

ослабляли государство, что вкупе с постоянными войнами, привело в конце XVIII в. к распаду Речи Посполитой и присоединению территории Великого княжества Литовского к самодержавной Российской империи. В итоге либеральные ценности на территории Беларуси были отвергнуты.

Представляется, что неудача идей либерализма в Беларуси состояла в том, что он появился здесь слишком рано, когда самосознание народа еще не было до такой степени развито, чтобы трезво оценивать границы индивидуальных свобод, прав и ответственности. Политическая культура Великого княжества Литовского в XIV–XVI вв. представляла собой весьма благоприятную почву для возникновения и расцвета либерализма, однако ситуация в XVII–XVIII вв. напоминает, скорее, круговую поруку и анархию.

Что касается развития политической культуры Беларуси в последующие века, то, по понятным причинам, сложно говорить о ее суверенности, поскольку часть белорусских земель принадлежала России, часть – Польше, и формирование политико-правовой культуры Беларуси осуществлялось в рамках культур этих государств.

В современной Беларуси либеральная традиция представлена в основном Объединенной гражданской партией, партией Свободы и прогресса и Либерально-демократической партией, однако их активность и влияние на умы людей и общественную жизнь невысоки. Белорусские либералы обеспокоены индифферентностью общества по отношению к целям его собственного развития, ссылаясь на то, что любые популистские модели могут быть востребованы и приняты вопреки стратегическим интересам самого общества. При этом ими артикулируется, что во второй статье Конституции Республики Беларусь выражено имеющее либерально-демократический смысл представление о взаимоотношениях человека и государства: «Человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью общества и государства».

Следовательно, перспективы для развития либерализма в Беларуси существуют: представления либерализма о ценности личности, важности человеческой свободы, презумпция разделения (но функциональной дополнительности) гражданского общества и государства находят отклик в обществе. При этом, однако, уместным будет вспомнить слова известного белорусского мыслителя начала XX века И. Канчевского о том, что «не должно быть белорусского мессианизма» [3, с. 17], несколько переиначив их: «не должно быть либерального мессианизма». Ведь только добровольное и осмысленное принятие идей той или иной политической ассоциации в качестве мировоззренческого ориентира может обеспечить ее успех в обществе. Если это произойдет, то нынешний период можно будет назвать временем возрождения ценностей либерализма в Беларуси. Динамизм, открытость и предрасположенность либерализма к новациям создают хорошие перспективы для его последующего развития в условиях формирующегося информационного общества.

Литература и источники

1. Хайек, Ф. А. Дорога к рабству / Ф. А. Хайек // Вопросы философии. – 1990. – № 10. – С. 113–151.

2. Доўнар-Запольскі, М. В. Гісторыя Беларусі / М. В. Доўнар-Запольскі. – Мінск: «Беларуская Энцыклапедыя» імя Петруся Броўкі, 1994. – 510 с.

3. Абдзіраловіч, І. Адвечным шляхам: Даследзіны беларускага сьветагляду / І. Абдзіраловіч. – Мінск: Навука і тэхніка, 1993. – 44 с.

ИСТОРИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В ПРЕПОДАВАНИИ КУРСА «МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИИ» В УНИВЕРСИТЕТАХ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

М. И. Матюшевская

В современной отечественной науке находят широкий положительный отклик идеи белорусско-русского философа, академика В.С. Стёпина. В своих трудах он активно использует понятие тип рациональности, рассматривая его как систему идеалов и норм исследования в науке определенного периода. Эти идеалы имеют философские основания: онтологические (категории «вещь», «свойство», «отношение», «процесс», «состояние», «причинность», «необходимость», «случайность», «пространство», «время» и т. д.) и эпистемологические (относящиеся к теории познания, т. е. понимание истины, метода, доказательства, теории, факта и пр.). Философские основания науки обеспечивают состыковку науки и культуры. На этом стыке складывается научная картина мира, а также идеалы и нормативные структуры науки.

По мнению В.С. Стёпина, за время своего существования наука прошла три основных этапа развития:

1. Классический тип рациональности (XVII–XVIII века – додисциплинарная наука; XIX век – дисциплинарно организованная наука).

2. Неклассический тип рациональности (возник на рубеже XIX–XX веков).

3. Постнеклассическая наука (начала формироваться в последнюю треть XX века и господствует до наших дней).

Каждый тип рациональности предлагал свое видение субъекта, объекта, методов и результатов исследований, рисовал свою научную картину мира [1].

Отечественные философы продолжают традицию исследования научных типов рациональности XVII–XXI веков. В частности, в 2003 г. под редакцией профессора Я. С. Яскевич вышло в свет учебно-методическое пособие для аспирантов и слушателей системы повышения квалификации «Современная наука: ценностные ориентиры» [2]. В нем особое внимание уделено сравнительно-историческому анализу системы ценностей неклассической и постнеклассической науки. В 2006 г. было опубликовано учебное пособие В. К. Лукашевича «Философия и методология науки» [3]. В нем изучению эволюции типов рациональности в науке XVII–XXI веков посвящен специальный раздел: «Идеалы научности в системной динамике знания».

Подобная проблематика исследований актуальна для исторической науки Беларуси. В частности, профессор А. Н. Нечухрин в 2003 г. опубликовал монографию «Теоретико-методологические основы российской позитивистской историографии

(80-е гг. XIX в. – 1917 г.)» [4]. Она посвящена научной революции рубежа XIX–XX веков и российской методологии истории этого периода.

А. Н. Нечухрин является продолжателем на белорусской земле традиций известной российской томской историографической школы. Ее основателем считается академик А. И. Данилов, ученик выдающегося медиевиста А. И. Неусыхина. Научная деятельность А. Н. Нечухрина и его коллег (профессора Д. В. Карева, прошедшего школу Московского государственного историко-архивного института, и др.) способствовала формированию в Гродненском государственном университете авторитетного центра исследований в области историографии и методологии истории [5, с. 76–84].

Еще одним значительным научным центром, разрабатывающим вопросы, связанные с методологией истории, является исторический факультет Белорусского государственного университета. Здесь сложился творческий коллектив под руководством профессора В. Н. Сидорцова.

В 1996 г. под его общей редакцией вышло в свет учебное пособие для студентов высших учебных заведений «Методология истории». Оно состоит из глав, посвященных предмету исторической науки, субъект-объектным отношениям, специфике и принципам исторического познания, социальным функциям исторической науки, структуре исторического исследования и его методам – общенаучным, традиционным, количественным, исторической информатике [6].

В 2002 г. под редакцией В. Н. Сидорцова вышло в свет учебное пособие для вузов «Постижение истории: онтологические и гносеологические подходы» [7], в 2006 г. – учебное пособие для студентов, магистрантов и аспирантов исторических и философских специальностей учреждений, обеспечивающих получение высшего образования, «Методологические проблемы истории» [8]. В этих учебных пособиях авторы освещают многообразие проблем, стоящих перед современной исторической наукой в областях историософии, эпистемологии и теории истории. Они констатируют, что современная историческая наука вступила в постнеклассический этап своего развития, который характеризуется междисциплинарностью исследований. Авторы делают акцент на сотрудничество с философами-постмодернистами, описывают современные направления в историографии – история повседневности, микроистория, гендерная история, интеллектуальная история.

Данные учебные пособия явились результатом сотрудничества научных центров – исторических факультетов БГУ и ГрГУ, а также белорусских философов науки. Итогом международного сотрудничества белорусских ученых стал сборник научных статей «Развитие методологических исследований и подготовка кадров историков в Республике Беларусь, Российской Федерации и Республике Польша». Он вышел в свет в Гродно под научной редакцией А. Н. Нечухрина в 2011 г. [5]

Самостоятельным направлением методологических исследований в БГУ является историческая информатика. В 1984 г. БГУ стал одним из первых в СССР центров компьютеризации преподавания гуманитарных и социально-политических дисциплин. Основным направлением его деятельности в тот период являлась разработка электронных учебников для последующего их применения в контроле знаний студентов. Затем была подготовлена серия обучающих и учебных программ.

Эти направления научной деятельности остаются актуальными и сегодня. К созданию электронных образовательных проектов активно привлекаются студенты исторического факультета БГУ [9].

Таким образом, имеющиеся в нашей республике достижения в разработке теоретических вопросов методологии истории показывают: акцент в университетском преподавании курса «Методология истории» и создании учебных пособий для студентов сделан на анализе современного состояния исторической науки. Проблема изучения научных революций, смены типов рациональности в исторической науке, диалога методологических традиций историков разных культурных эпох и народов остаются вне поля зрения данной дисциплины.

Вопросы, связанные с историей исторической науки, отданы историографии и производным от нее лекционным курсам. В них рассматриваются научные концепции крупнейших отечественных и зарубежных историков прошлого и современности, деятельность научных исторических школ, изучаются основные этапы становления отечественной и зарубежной науки. При этом объем учебных часов по данным дисциплинам, предусмотренный программой университетского образования, не позволяет сегодня на достаточно высоком уровне рассмотреть историю методологических воззрений ученых, вписать их в широкий общенаучный и культурный контекст эпохи, к которой они принадлежали.

Восполнить этот пробел способен курс «Методология истории». При новой постановке задач его преподавания он будет посвящен изучению интеллектуальной культуры историков. Лекционный курс позволит проанализировать историю методологических идей, которые транслируются историками из поколения в поколение, рассмотреть, как менялось их смысловое наполнение в зависимости от интеллектуальной парадигмы, к которой принадлежали ученые.

Студенты смогут увидеть, как рождаются в исторической науке методологические новации, как ведутся споры методологических оппонентов, какие пласты научного исторического знания не вписались в последующие парадигмы, а какие из методологических принципов остались востребованными вплоть до наших дней и переживают сегодня процесс трансформации под влиянием междисциплинарных исследований.

Студентам будет дана возможность познакомиться с ремеслом историка на конкретных примерах исторической науки, а затем применить полученные знания в ходе написания своих дипломных работ.

Литература и источники

1. Стёпин, В. С. Научное познание и ценности техногенной цивилизации / В. С. Стёпин // Вопросы философии. – 1989. – № 10. – С. 3–19.
2. Современная наука: ценностные ориентиры: уч.-методич. пос. / под общ. ред. Я. С. Яскевич. – Минск: РИВШ БГУ 2003. – 288 с.
3. Лукашевич, В. К. Философия и методология науки: уч. пос. / В. К. Лукашевич. – Минск: Современная школа, 2006. – 320 с.
4. Нечухрин, А. Н. Теоретико-методологические основы российской позитивистской историографии (80-е гг. XIX в.–1917 г.) / А. Н. Нечухрин. – Гродно: ГрГУ, 2003. – 348 с.
5. Развитие методологических исследований и подготовка кадров историков в Республике Беларусь, Российской Федерации и Республике Польша: сборник научных статей / Под науч.

ред. А. Н. Нечухрина; редкол.: А. Н. Нечухрин, Е. И. Мелешко, Н. В. Козловская, В. Н. Бутько. – Гродно: ГрГУ, 2012. – 335 с.

6. Сидорцов, В. Н. Методология истории: Количественные методы и информационные технологии: учеб.-метод. пособие для студ. вузов / В. Н. Сидорцов. – Минск: БГУ, 2003. – 142 с.

7. Постигание истории : онтологические и гносеологические подходы: учеб. пособие для студ. магистратуры, аспирантов, слушателей системы повышения квалификации вузов / Я. С. Яскевич, В. Н. Сидорцов, А. Н. Нечухрин, и др.; под ред. В. Н. Сидорцова и др. – Минск: БГУ, 2002. – 291 с.

8. Методологические проблемы истории: учеб. пособие для студентов, магистрантов и аспирантов истор. и философ. спец. вузов / авт. кол.: В. Н. Сидорцов, А. Н. Нечухрин, Я. С. Яскевич; под общ. ред. В.Н. Сидорцова. – Минск: ТетраСистемс, 2006. – 352 с.

9. Историческая информатика в Белорусском государственном университете: состояние, проблемы и перспективы / С. Н. Ходин, Е. Н. Балыкина, О. Л. Липницкая, Е. Э. Попова, Д. Н. Бузун // Вестник Перм. ун-та. – Сер. История. – 2011. – № 2–16. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskaya-informatika-v-belorusском-gosudarstvennom-universitete-sostoyanie-problemy-i-perspektivy>. – Дата доступа: 13.10.2014.

3.2 Интеллектуальная культура как фактор национальной идентификации в глобальном мире

АЛЬТЕРНАТИВЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

О. В. Нечипоренко

В начале третьего тысячелетия меняются казавшиеся устойчивыми традиционные национальные и государственные идентичности, возникают вызовы со стороны различных региональных идентичностей. Конструирование национальной идентичности в современных реалиях выступает в качестве индикатора, позволяющего судить о характере и направленности процессов интеграции политической структуры общества и о векторе развития политического процесса. Правильно понятая и формируемая национальная идея обладает огромной политической силой, благодаря которой гражданское общество становится вровень с государством, обретая права на суверенитет и власть. Базовым элементом понятия национальной идея является концепт нации. Как известно, распространены три основных подхода к пониманию нации – политико-правовой, социокультурный и биологический.

При политико-правовом подходе под нацией понимается согражданство, т. е. сообщество граждан того или иного государства. В Конвенции о гражданстве, разработанной в рамках Совета Европы, понятие «гражданство» определяется как «правовые отношения лица с государством без указания этнического происхождения этого лица». В международном праве, когда говорят о нациях, имеют в виду именно

гражданские, или политические, нации.

Будучи как правило многоэтничными образованиями, для которых характерна разная степень гражданской консолидации и лояльности к государству, политические нации выступают на международной арене как национальные государства – со своими национальными интересами, национальными границами, национальным флагом и прочими национальными характеристиками. Членами Организации Объединенных Наций являются именно политические нации, выступающие как национальные государства.

При социокультурном подходе упор делается на общности языка, культуры, религии, традиций, обычаев большой группы людей, образующих нацию. Это позволяет рассматривать нацию как общность людей, для которых характерны общность духовной культуры, исторического развития, поведенческих стереотипов, бытового образа жизни. В таком случае говорят о культурной нации, или этнонации.

В XX в. четко обозначилась (особенно в рамках западной социологии) политическая трактовка нации, идущая от Гегеля и связывающая нацию с наличием и развитием государства [4].

Так, М. Вебер рассматривает нацию как по сути своей политическую категорию. Она, по его мнению, может быть определена только по отношению к государству, хотя и не тождественна ему. По М. Веберу, существование нации означает, что определенная группа людей выражает специфическое чувство солидарности перед лицом других групп, и эта солидарность находит свое выражение в автономных политических институтах – а сообщество людей считается нацией тогда, когда оно объединено или желает объединиться в собственном государстве.

Примерно той же логики придерживается создатель функциональной теории нации К. Дойч, согласно которому народ становится нацией только тогда, когда в процессе социальной и политической мобилизации получает контроль над политическими институтами общества, создает себе государство и управляет им.

Несколько обособлена позиция известного английского ученого Э. Геллнера, который к интегрирующей основе нации относит как политические (наличие государственности), так и психологические, и культурные (наличие собственной системы способов поведения и общения, сопричастности и солидарности, общего наследия и добровольной идентификации) факторы. Он утверждает, что «нации действительно могут определяться на основании как доброй воли, так и культуры и на основании их совпадения с политическими единицами» [2, с. 126].

Современная общепринятая трактовка понятия определяет нацию как неразрывное единство государственной (или иной легитимной) формы объединения и гражданского общества, подчеркивая, что основой этого единства выступают, прежде всего, политические факторы. Нация с этой точки зрения представляет собой образование, «по возможности предполагающее опыт государственно-правового строительства» [1, с. 19]. Кроме того, бытие нации предполагает наличие структур гражданского общества, представляющего собой совокупность социальных групп, не совпадающих с государственными институтами и одновременно достаточно близких к индивидам (политические партии, профессиональные союзы, неформальные организации и т. п.), вовлекающих индивидов как в сферу своего действия, так и в

общий поток всей социальной жизни.

Третий подход к пониманию нации, биологический, как раз и основан на признании кровной общности главной доминантой нации. Он характерен для таких стран, как Япония и Германия. Согласно конституциям обоих государств, нацию составляют лишь те люди, в жилах которых течет соответственно японская или германская кровь. В силу этого подхода ФРГ давало гражданство тем лицам, которые могли доказать германское происхождение своей крови. Израильская нация также формируется по признаку крови. Другим обязательным ее признаком является соответствующая вера (иудаизм).

Большинство стран мира, причем таких разных, как США, Англия, Франция, Испания, Италия, страны Латинской Америки и Скандинавии, распавшийся ныне Советский Союз и другие, понимание нации основывают на первых двух подходах. При всем их различии у них есть общее – отрицание кровного родства как определяющего нациообразующего принципа.

Социокультурная динамика сопровождается эволюцией исторических форм этнической идентичности, содержание которой не сводится к линейному движению от родовой формы идентичности к национальной, но представляет собой процесс интеграции идентификационных оснований. Современная национальная идентичность представляет собой напластование основных исторических форм этнической идентичности [3, с. 35]. Однако именно на основе этнического самосознания в процессе нациогенеза возникает национальное самосознание, вобравшее в себя в трансформированном виде основные элементы этнического самосознания, влияющие как на его внутреннюю эволюцию, так и на степень, характер его воздействия на жизнь обществ и сознание людей.

Наличие в национальном самосознании этнической компоненты обуславливает его сложный, противоречивый характер. Несмотря на взаимосвязи национального самосознания с этническим, первое качественно не сводимо ко второму. Как отмечают исследователи, национальное самосознание есть определенным образом надстроенный над этническим, более активизированный, по-другому ориентированный во времени вид общественного сознания. Если основу этнического самосознания составляет, главным образом, общность прошлого, то деятельность национального самосознания направлена не только к воспроизведению образцов прошлого – оно во многом ориентировано в будущее, на реализацию в нем важнейших задач, интересов, целей национального развития. Более активизированный в сравнении с этническим характер национального самосознания обусловлен его важнейшей функцией в осуществлении процесса самоидентификации – поиска места нации в мире, раскрытия ее роли в общемировом развитии, определения путей ее движения в будущее. Этому способствует деятельность тех социальных групп, которые профессионально занимаются рефлексией национального бытия (в первую очередь научно-гуманитарной и художественной интеллигенции). Благодаря такой деятельности национальное самосознание качественно отличимо от этнического возрастанием удельного веса и значимости сознательно вырабатываемых духовно-интеллектуальных компонентов.

То многообразие культур, которое является уникальным, сегодня возможно сохранить только при условии проведения продуманной, эффективной политики,

направленной на достижение согласия в сложном многосоставном, полиэтничном обществе. Именно эта цель должна стать приоритетной целью государственной политики всех постсоветских государств. Реализация и воплощение в жизнь этих требований и составит, как представляется, основное содержание исторического процесса в XXI в., повлечет за собой очередную актуализацию этничности и различных национальных традиций, стремление к обретению своей отличительности и уникальности, развитию потребности в «корнях», в самовыражении, что, несомненно, породит массу принципиально новых конфликтов и противоречий в глобальном социуме. Глобализация не только расширяет возможности для осуществления политики диалога, но и создает новые условия, которые этому препятствуют. Как показывает мировой опыт, всплески напряженности на этнической почве одинаково присущи как слаборазвитым, так и достаточно стабильным в экономическом отношении государствам. Для полиэтничных постсоветских государств эта проблема в значительной части детерминирована переходным периодом и национально-государственным строительством. Однако универсальной, единой для всех модели национальной политики не существует. Каждая страна сама определяет собственную модель межэтнического и межкультурного взаимодействия и вырабатывает идеологию национального развития.

Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 13-23-02001).

Литература и источники

1. Бородай, Ю. М. Этнос, нация, государство / Ю. М. Бородай // Полис. – 1992. – № 5–6.
2. Геллнер, Э. Нации и национализм / Э. Геллнер. – М., 1991.
3. Путилов, С. В. Национальная идея как форма национального самосознания / С. В. Путилов. – Улан-Удэ, 2004.
4. Чешко, С. Архетипы сознания и реальности бытия / С. Чешко // Общественные науки и современность. – 1992. – № 6.

ЕВРОПЕЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В КОНФЕССИОНАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ: К ИСТОРИИ ПРОБЛЕМЫ

Т. П. Короткая

Проблема роли и значения христианства в становлении и развитии культуры народов Европы ставилась и обсуждалась с различной степенью остроты в те или иные исторические периоды, в различных историко-культурных регионах. В первой половине XX века в социокультурном пространстве Западной Беларуси, Литвы и Польши заметен интерес к вопросу о духовных основаниях европейской культуры. Выходит ряд работ, в которых анализируется качественная специфика православия и католицизма, исследуется их влияние на формирование специфических особенностей белорусской, русской и польской культур, особенностей национального характера. Особый интерес для современного белорусского исследователя представляет Виленский культурный регион. Здесь выходят работы, посвященные современной

политической ситуации в России, анализу русской, польской, белорусской культур, обсуждается роль и значение христианских конфессий в формировании базовых культурных ценностей. Важным составляющим интеллектуальных разработок этого периода была проблема базовых оснований белорусской культуры, роли религии в их формировании. В работах А. Станкевича, И. Абдираловича, В. Самойлы подчеркивается тот неоспоримый факт, что Беларусь является своеобразным культурным, геополитическим и конфессиональным мостом между Востоком и Западом. Так, например, роли христианства в истории Беларуси посвятил ряд работ известный западнобелорусский религиозный деятель этого периода, ксендз А. Станкевич. А. Станкевич видел основу национальной идентичности в религии. В ряде своих работ, и, прежде всего, в работе «Хрысьціянства і беларускі народ» (Вільня, 1940) он исследует роль и значение христианской традиции в истории белорусского народа. Эта работа написана к 950-летию крещения Беларуси. В этой работе он рассматривает христианство как духовную основу европейской цивилизации в целом и как духовную основу белорусской культуры. Христианство, по Станкевичу, сформировало белорусскую культуру, белорусскую народную душу. По его мнению, в Беларуси должен сформироваться новый тип культуры, который бы ассимилировал элементы восточные и западные, православие и католицизм. Поэтому для Беларуси является важным не противопоставление православной и католической культурных традиций, а их синтез, ориентация на общехристианские ценности, которые объединяют православных и католиков. Задача белорусской культуры – поиск целостности, религиозного, национального и культурного единства, основой которой являются общехристианские ценности. Таким образом, А. Станкевич исповедует идеи христианского универсализма, которые доминируют в современном христианском религиозном сознании.

В этот период в Виленском культурном регионе выходят ряд работ польских авторов, которые посвящены анализу специфики русской культуры, роли православия в ее формировании. Здесь доминирует установка на противопоставление России и Европы, православия и католицизма. Несомненный интерес в этой связи представляет работа профессора Виленского университета Богумила Ясиновского «Восточное христианство и Россия» (Bogumil Jasinowski «Wschodnie chrzescijanstwo a Rosja»), изданная в Вильне в 1933 году. Б. Ясиновский выстраивает определенную теоретическую схему русской культуры. По его мнению, православие – духовная матрица, которая формирует русскую культуру и определенный психотип русского человека. Основное отличие православия от католицизма усматривается в разном понимании отношения к реальности, ином понимании добра и зла, иной концепции личности и ее отношения к космосу и обществу. В православии, у восточных отцов церкви, Ясиновский находит более сильное, нежели на Западе, влияние неоплатонизма, оригенизма и особенно гностицизма. По его мнению, здесь преобладает пессимизм по отношению к земной жизни, аскетика, подавление плоти, отрицательное отношение к плотскому, телесному, и, как следствие, к культуре и земному миру в целом. Если на Западе церковь занимается деятельностью культурной, то на Востоке преобладает идеал монашеский, аскетический, насквозь аполитичный. Эти черты, выделенные автором при исследовании теоретического уровня религиозного сознания, оказали определяющее влияние, по его мнению, на

формирование духовного склада русского человека, для которого характерно чувство несоизмеримости между реальностью и идеалом и своего рода любование этой внутренней дисгармонией. Тенденция к переходу от одной крайности к другой и даже к их совмещению связана с элементом гностико-манихейским в русской культуре. Гностицизм является органической частью духовной жизни России. В русской литературе, русской философии и психологии русского человека он усматривает понимание мира как злого и греховного, следствием чего является отстранение от реальных практических задач, культурной созидательной деятельности, социальный квиетизм.

Исследование Б. Ясиновского имеет прежде всего несомненное достоинство в том, что поставило ряд проблем, которые широко обсуждаются в современном гуманитарном знании. Это прежде всего проблема национальной и культурной идентичности, которая вновь обрела свою остроту в связи с современными процессами глобализации. Разумеется, Ясиновский работал в том категориальном и проблемном поле, которое было характерно для европейской науки его времени. Во многом этот подход устарел. Ведь те базовые принципы, на которых строится современный научный подход, опираются на достижения культурной антропологии, психологии бессознательного, лингвистики и других гуманитарных дисциплин, которые получили свое развитие в наше время. В современных исследованиях вопрос о связи религии, генотипа и национального менталитета не вызывает сомнений. Однако существуют разные мнения по поводу характера этой связи. Ясиновский полагал основообразующим влияние религиозного фактора. Однако, он не учитывал тот неоспоримый факт, что отношение русского человека к действительности сформировано во многом недостаточным развитием гражданского общества, связано с политической историей этой страны, а не только с религиозным фактором. Сущность позиции Ясиновского состоит в том что православие и культура российская есть своего рода сектантское образование внутри христианства (неподлинное христианство), которое выросло на основе религиозно-философских идей неоплатонизма, гностицизма и других течений эпохи раннего христианства. Православие и Россия, русская культура трактуются как нечто совершенно противоположное Европе, нечто иное по отношению к европейской культуре. Однако данная схема слишком односторонне представляет как суть православия, так и специфику русской культуры.

ИЗУЧЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО ТРАНСФЕРА КАК МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ ОБЛАСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

А. Ю. Дудчик

Программа изучения процессов и феноменов культурного трансфера является относительно молодой (возникает в 1980-е гг. XX в.) и достаточно активно развивающейся областью исследования, обладающей междисциплинарным статусом. Само понятие культурного трансфера связано с работами французских историков культуры М. Вернера и М. Эспаня (интересно отметить, что оба исследователя –

немецкого происхождения, поэтому культурный трансфер не только исследуется ими теоретически, но и, в определенном смысле, практикуется, являясь частью их «жизненного мира»). Первоначально понятие применялось преимущественно для исследований в области истории культуры (прежде всего – литературы), но в дальнейшем стало применяться по отношению к более широким проблемным полям и на сегодняшний день вполне может рассматриваться как самостоятельная область исследований, принципиальной характеристикой которой можно назвать ее междисциплинарность, что позволяет обращаться к проблемам и методам самых разных дисциплин – культурологии, социологии, антропологии, лингвистики, истории искусства и т. д.

Само понятие культурного трансфера является принципиально полисемантическим и активно используется в разных областях человеческой деятельности (от экономики до психоанализа), обозначая целый ряд процессов, связанных с феноменом перехода, переноса и перевода (в широком значении последнего). В оригинале используются термины «Transferts Culturels» (фр.) и «Kulturtransfer» (нем.) соответственно, в русском языке уже существует традиция перевода термина как «культурный трансфер» (хотя, видимо, возможны и другие варианты, например, «трансфер культуры»). Понятие активно используется в конкретных исследовательских проектах, охватывающих большое количество самых разных областей (культурный трансфер в различные исторические периоды, между национальными культурами, между цивилизациями и т. д.).

Сама исследовательская программа изучения культурного трансфера основывается, во-первых, на широком понимании культуры (включая в это понятие не только сферу высокой интеллектуальной культуры, но и культуру материальную, повседневную жизнь, маргинальные сферы культуры и т. д.); во-вторых, на представлении о культуре как о принципиально динамическом явлении процессуального характера; и, в-третьих, на идее множественности источников развития культуры. В наиболее общем виде подобный подход может быть сравним с достаточно распространенным сегодня социальным конструктивизмом, и, напротив, может быть противопоставлен эссенциалистскому пониманию культуры как чего-то самодостаточного и неизменного.

Культурный трансфер обычно понимается как совокупность разнообразных процессов различной природы и различной направленности, включающий в себя перемещение идей, понятий, образов, культурных артефактов, индивидов, областей знания и т. д. При этом культурный трансфер связан с определенными семантическими сдвигами и изменениями, когда, например, какое-то понятие, перемещаясь в другую культуру, может приобретать достаточно отличающийся от первоначального смысл (вплоть до противоположного).

Весьма существенную роль в процессах культурного трансфера играют пограничные зоны, в которых трансфер обычно и происходит наиболее активно. При этом речь может идти не только о территориальных границах, но и, например, о границах дисциплинарных или языковых. Особое внимание уделяется фигуре посредника (в качестве посредника могут выступать как отдельные индивиды или социальные группы, так и различные явления культуры, например, мода или литературные жанры) как связующего звена между различными культурными

традициями, чья деятельность во многом и способствует активному культурному обмену. При этом большое внимание уделяется социальным и техническим предпосылкам культурного трансфера, например, развитию различных форм и средств коммуникации, феноменам моды и т. д.

Еще одно интересное и перспективное направление в области изучения культурного трансфера – изучение не только культурного производства (идей, смыслов, артефактов и т. д.), но и культурного потребления. При этом последнее рассматривается как преимущественно пассивный процесс, но, напротив, как достаточно активная практика, часто связанная с избирательностью, интерпретацией и т. д. Важными в этом случае будут и социальные факторы, например, престижность того или иного вида культурного досуга (скажем, чтения определенной литературы и т. д.).

При этом важно отметить, что процессы культурного трансфера могут играть как положительную, так и отрицательную роль (например, способствуя навязыванию одной культуры или препятствуя развитию другой культуры), причем часто эти аспекты могут быть достаточно тесно взаимосвязаны друг с другом. В этом отношении программа изучения культурного трансфера затрагивает целый ряд актуальных проблем: политической и национальной идентичности, культурной иерархии, глобализации в области культуры, феноменов культурной креолизации и гибридизации и т. д.

Таким образом, в данном тексте были затронуты лишь некоторые аспекты современных исследований в области культурного трансфера, которые, тем не менее, могут помочь составить общее впечатление об этой области исследований. Одним из ее достижений, вероятно, следует назвать привлечения внимания к самим процессам в области культурного трансфера во всем их многообразии и неоднозначности. При этом, на наш взгляд, данная исследовательская программа обладает достаточно большим эвристическим потенциалом, как в области исследования культуры в целом, так и применительно к изучению проблематики истории философии (в области изучения трансфера идей, понятий, дисциплинарностей и т. д.). Наряду с другими современными подходами (история идей, интеллектуальная история, социология знания и т. д.) изучение процессов культурного трансфера может стать хорошим дополнением к классическим методам и проблемам историко-философских исследований.

Литература и источники

1. Espagne, M. Der theoretische Stand der Kulturtransferforschung / M. Espagne // Kulturtransfer. Kulturelle Praxis im 16. Jahrhundert. – Wien, 2003. – P. 63–75.
2. Espagne, M. Die Rolle der Mittler im Kulturtransfer / M. Espagne // Kulturtransfer im Epochenbruch Frankreich-Deutschland 1770 bis 1815. – Leipzig, 1997. – P. 309–329.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ БЕЛОРУСОВ КАК ФАКТОР ИХ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ

Н. Ф. Гребень

В настоящее время проблеме интеллектуальной культуры придается все более пристальное внимание. Ученые не только переосмысливают интеллектуальное наследие предыдущих поколений, но и, исходя из реалий сегодняшнего дня, прогнозируют дальнейшие перспективы развития общества.

Вместе с тем интеллектуальная культура как явление не столь однозначна. Ее качественные и содержательные характеристики будут изменяться в зависимости от того, кто является ее носителем. Это может быть отдельно взятая личность, конкретное сообщество людей, к примеру, профессиональная группа, нация, и в целом человечество. В связи с этим, под интеллектуальной культурой целесообразнее понимать определенный уровень развития личности или общества, характеризующийся мерой освоения знаний и духовного богатства, стремление учиться, пополнять знания и умение их применять на практике.

Чтобы дать оценку интеллектуальной культуры того или иного народа необходимо выработать определенные критерии, которые позволили выразить ее количественно, а также осуществить сравнительный анализ с другими национальными общностями. Но поскольку данные критерии еще не разработаны, то мы можем лишь размышлять над этим вопросом.

Говоря об интеллектуальной культуре белорусов, на наш взгляд, сегодня она в целом снижается, несмотря на то, что уровень образованности нации в плане соотношения людей с высшим образованием к средне специальному и среднему растет. Исследования ценностных ориентаций среди белорусского населения показывают, что ценности потребления, материального достатка играют куда более значимую роль, нежели ценности развития и познания. И как следствие, это отражается на актуальном интеллектуальном развитии подрастающего поколения, от которого зависит последующее развитие нации.

Вместе с тем белорусы являются обладателями достаточно богатого интеллектуального наследия, которое может выступать достойным основанием для определения идеалов и ценностей современного белорусского общества. Кроме того, национально-психологической особенностью белорусов является преобладание рационального начала над эмоциональным. Это значит, что мы наделены способностями к логическому познанию мира, что должно быть взаимосвязано и с интеллектуальным развитием. И в данном контексте нам представляется важным рассмотреть, какую роль играет интеллектуальный капитал белорусов как фактор их национальной идентификации.

Национальная идентификация представляет собой процесс эмоционально-когнитивного осознания своей принадлежности к определенной нации, обособления от других наций. Смысл идентификации – обнаружить себя в обществе в самом широком понимании, в разных его структурах. Обнаруживая себя в обществе, человек оттачивает себя в нем, принимая одни предъявляемые ему требования, отрицая другие, но исходя из своей внутренне осмысливаемой или неосмысливаемой позиции [1, с. 183].

Идентификация всегда сопряжена с процессом социализации индивида и предполагает освоения индивидом культуры, традиций и обычаев своего народа. Прежде всего, истоки интеллектуальной культуры заложены в языке народа, точнее в произведениях устного народного творчества, которые отражают его представления об устройстве мира, способах приспособления к нему.

К сожалению, этот интеллектуальный капитал сегодня не только не востребован, но и утрачивается. С каждым годом количество людей, говорящих на белорусском языке, снижается, и сегодня этот показатель соответствует примерно 20% населения. Титульный язык нации постепенно переходит в разряд иностранных языков, о чем свидетельствует и школьная программа обучения и появившиеся на рынке услуги по обучению белорусскому языку.

По результатам наших исследований относительно свободно пользоваться письменной белорусской речью сегодня могут не более 40% белорусских юношей и девушек. Более как 80% молодых людей затрудняются назвать какую-нибудь белорусскую поговорку, пословицу, присказку, которые непосредственно отражают результат обобщения жизненного опыта народа и, поэтому являются воплощением народной мудрости, философии, этики, самобытности и характера. Заметим, что ни у одного учащего вуза не возникло трудностей, когда ему надо было привести пример поговорки или пословицы на русском языке.

О том, что в условиях Беларуси родной язык в силу известных условий исторического развития не только не доминирует, но практически вообще мало влияет на современные идентификационные процессы, неоднократно писали в своих работах Л. Г. Титаренко [3] и Л. И. Науменко [2].

Студенческая молодежь считает, что выдающимися личностями, которыми по праву может гордиться белорусская нация, являются Ф. Скорина, К. Калиновский и Е. Полоцкая. Несколько реже упоминаются Я. Купала, Я. Колас и В. Короткевич. В тоже время, большинство молодых людей затрудняются назвать годы жизни вышеупомянутых персоналий, продукты их интеллектуального творчества, содержание их просветительской деятельности.

Еще большие затруднения у юношей и девушек вызывает вопрос, согласно которому необходимо назвать известных белорусских ученых, либо ученых с белорусскими корнями, которые внесли свой вклад в развитие мировой науки. В данном случае чаще всего ответа нет, иногда упоминается все тот же Ф. Скорина.

Несколько лучше обстоят дела у молодых людей со знанием белорусских традиций и обрядов. Наиболее популярными ответами оказались: Купалье, Пасха, Коляды, Масленица. Но и в данном случае юноши и девушки больше информированы относительно формальной стороны вопроса, а не его смыслового наполнения.

Среди социальных институтов, оказавших влияние на формирование национальной идентичности, по мнению студенческой молодежи, наиболее значимыми являются семья и школа. При этом семья выступает в роли транслятора преимущественно духовного наследия народа (традиции, вера, язык, поговорки и пр.), а школа в большей степени знакомит с собственно интеллектуальным наследием народа (литература, ученые, просветители и пр.). Несмотря на то, что в нашем исследовании были задействованы студенты вузов 3–5 курсов, вуз как значимый

социальный институт для национальной идентификации упоминался крайне редко. Не решает данную задачу и тот факт, что опрошенные нами студенты, уже прослушали курс «Идеология белорусского государства», где вопросы интеллектуального наследия страны по логике вещей не должны были остаться без внимания.

Таким образом, приведенные аргументы позволяют нам прийти к выводу, что в настоящее время интеллектуальное наследие белорусов как фактор нашей национальной идентификации слабо активизирован и его идентификационная роль весьма незначительна. Вместе с тем устойчивое гражданское общество не может быть сформировано на основе индивидуального опыта человека, его персонального интеллектуального развития. Его источником должно выступать духовное родство индивида с многовековым национальным опытом народа. Преемственность между поколениями, уважение к истории семьи и народа – это те необходимые условия и возможности сохранения нации. Поэтому сегодня как никогда необходимо уделить пристальное внимание вопросу сохранения и популяризации интеллектуального наследия страны среди белорусского общества.

Литература и источники

1. Головин, С. Ю. Словарь практического психолога / С.Ю. Головин. – Минск: Харвест, 2001. – 800 с.
2. Науменко, Л. И. Белорусская идентичность. Содержание. Динамика. Социально-демографическая и региональная специфика / Л. И. Науменко. – Минск: Беларуская навука, 2012. – 205 с.
3. Титаренко, Л. Г. Национальные особенности и гендерная специфика формирования идентичности белорусов в условиях постсоветской трансформации / Л. Г. Титаренко // Ноумен: сб. науч. работ по философии и социальным наукам. Вып. 6. / Ред. совет: А. И. Зеленков и др. – Минск: Изд. центр БГУ, 2006. – С. 30–44.

КРИЗИС ИДЕНТИЧНОСТИ И САМООРГАНИЗАЦИЯ НАСИЛИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

И. Н. Сидоренко

Происходящий сегодня процесс глобализации проблематизирует существование ценностей и приводит к кризису личностной идентичности. В традиционном обществе идентификация личности через механизмы социализации и воспитания была связана с отождествлением себя с определенной социальной группой, такой как семья, община и т. п., другими словами, личность имела изначальное предназначение, ее идентичность была предопределена, а значит, самой проблемы идентичности вообще не существовало. В эпоху модерна формируется другой тип процесса идентификации, предполагающий различение реального социального статуса индивида и представления о нем. Современное общество постмодерна и процесс глобализации связан с формированием нового типа – виртуальной идентификации, т. е. личность идентифицирует себя уже не столько с общиной или обществом в целом, сколько с постоянно сменяющимися друг друга

группами индивидов, чья идентичность не обозначена и проблематизируема как реальность.

Характерной особенностью современной эпохи является глобализация всех сфер общественной жизни, представляющая собой такие социальные изменения в развитии современных обществ, которые заключаются в формировании единого всемирного рынка, всемирной информационной открытости, появлении новых информационных технологий и в увеличении глобальной культурной связи между народами. Поэтому закономерно, что процесс глобализации приводит к трансформации ценностей тех или иных социальных групп, а значит, порождает противоречия и конфликты, среди которых особую значимость приобретает кризис идентичности. Под кризисом идентичности будем понимать несоответствие критериев самоидентификации и самоидентификации новому порядку вещей, неспособность дать ответ на вопрос: «кто я такой?».

Итак, глобализация предполагает трансформацию ценностей. В философии XX в. можно выделить две модели полагания, или определения, ценности: объективная М. Шелера и субъективная М. Хайдеггера. Шелер определяет ценности как объективные качественные феномены, предписывающие человеку нормы должностования и оценки и образующие особое царство трансцендентных надэмпирических сущностей, находящихся вне пространственно-временной реальности. Носителями ценностей выступают блага, вещи, люди. Ценности существуют лишь постольку, поскольку они могут чувствоваться. Отсюда полнота мира ценностей человека зависит от развитости его чувствования. Полагание ценности, с точки зрения Хайдеггера, представляет собой переоценку, под которой им подразумевается изменение самих способов оценивания. Отсюда ценность – это точка зрения, т. е. через проекцию точки зрения, направления смотрения человек формирует новые ценности. Таким образом, как бы ни определялись ценности – объективно или субъективно, мир человека расширяется, но и в том и в другом случае человек предстает как необходимый субъект полагания ценности. Индивид современного общества постмодерна утрачивает способность как самостоятельно оценивать собственное ощущение ценности, так и самостоятельно полагать ее выбором своего направления смотрения. Позицию «свободы выбора» человек заменяет на позицию «я вынужден».

Кризис идентичности проблематизирует самопонимание личности. В условиях глобализации человек находится в неведении как относительно ценностей, так и целей. З. Бауман метко определяет современного человека как «бродягу», для которого проблема состоит в том, какую идентичность выбрать и как суметь вовремя от нее отказаться. Неопределенность приобретает фундаментальный характер, т. к. в современных условиях ни образование, ни профессия, ни собственность не делают человека защищенным от перемен в судьбе, более того, значимые, но недостижимые вещи человек заменяет менее значимыми, которыми можно управлять. Так идентичность предстает как суррогат сообщества. Основой дифференциации людей становятся потребляемые ими знаки: через употребление конкретных знаков человек уподобляется группе тех, кто эти знаки потребляет, и отличается от тех, кто данные знаки не потребляет. Более того, именно код контролирует, что потреблять и как поступать.

Воздействие средств массовой информации и коммуникации на образ жизни современного человека приводит к тому, что основным источником производительности и власти становятся переработка и передача информации. Наблюдаемый сегодня сдвиг к информационным технологиям изменяет пространственно-временные характеристики общества и, как результат этого, изменяет содержание понятий суверенности и самостоятельности, которые давали идеологическую основу для идентичности. Современное общество предстает в виде фрагментарной реальности, в которой взаимодействие индивидов, групп, общностей осуществляется как бесконечное путешествие в информационной сети. В информационном обществе становится абсолютно неважно, куда и зачем человек двигается по информационному потоку, важно, чтобы в данный момент он себя обозначил каким-нибудь именем, содержание которого вообще не должно раскрывать его сути, ценностных ориентаций и даже половых признаков. Важен сам обмен информацией, а не ее содержание и нравственный контекст. В таком обществе, по З. Бауману, для человека существует только одна значимая задача – это разрешить проблему собственной идентичности в условиях небезопасности любого выбора. «Размывается» и нормативность в сфере морали, которая становится амбивалентной и противоречивой. Это не означает исчезновения морали, а предполагает возрастание значимости потребности «быть для другого». С другой стороны, ментальность современного общества не нацелена на поиск абсолютных, окончательных истин. Новым стандартом истины становится ее относительность.

Обращаясь к анализу ментальности модерна и постмодерна З. Баумана, отметим, что под «законодателями» он имеет в виду интеллектуалов с модернистским мышлением, для которых характерны авторитарные суждения, стремление выбирать между разными мнениями, претензия на право выносить заключения о значимости идей, их моральной ценности. Такая позиция «законодателей» объясняется тем, что мир модерна имеет четкую структуру, заданность параметров и измерений, а значит, можно дать оценку, соответствует ли он моральным параметрам или нет. Что же касается «интерпретаторов», то это интеллектуалы с постмодернистским мышлением, характерным для современного общества. Соответственно, новая картина мира уже не имеет четких параметров и границ, нет линейки, с помощью которой можно было бы измерить его основные величины, не говоря уже об оценке моральности современных идей и событий. Раз современный мир утратил свои рамки, то «интерпретаторы» уже не могут претендовать на возможность выбора и на право давать всему свои оценки. Для «интерпретаторов» современного мира характерно другое: они делают доступными идеи одного сообщества для восприятия другим сообществом, т. е. ориентируются не на выбор «лучших» идей, а на возможность коммуникации между сообществами. Возможно поэтому насилие становится одним из новых средств как передачи информации, так и ее интерпретации. В частности, современные террористические группировки заинтересованы не только в том, чтобы реализовать различные акты насилия, но и в том, чтобы сопроводить их определенным информационным содержанием, с одной стороны, насаждая тем самым свою собственную интерпретацию события, с другой стороны, запуская механизм бесконечных интерпретаций.

Современное информационное общество можно определить и как общество тотального обезболивания, в котором наиболее продуктивные машины идентификации – боль и радость уже не работают, т. к. в мире Интернет-технологий им нет места. Человек действительно начинает проживать свою жизнь символически, ощущая потребность в сильных эмоциях и предельно насыщенных переживаниях. Поэтому можно предположить, что рациональный проект Запада в своей экспансии стерильных зон ненасилия побуждает к поиску соприкосновений с реальностью через боль, шок, насилие. Таким образом, жизнь, перенасыщенная регламентом, порядком и дозированными удовольствиями, прорывается в точках боли. Именно этим можно объяснить стремление принять участие в деятельности «Исламского государства» второго и третьего поколения эмигрантов уже как представителей Запада.

Таким образом, в ситуации «прогресса» цивилизации культура отвечает зонами самоорганизации насилия, а человек через подлинность переживания, жертву и насилие стремится обрести свою идентичность перед лицом как безразличия, так и тотальности «показа».

МОДЕЛИРОВАНИЕ ПРОЦЕССОВ ДИНАМИКИ БЕЛОРУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОМ ЗНАНИИ

О. И. Давыдик

В период перестройки и распада СССР наиболее активно проявились различного рода интеллектуальные инициативы, которые ставили себе задачей понять тот топос, в котором они действуют и создают мыслительную традицию. Эта необходимость вызвана утратой понимания того, чем же стала Беларусь после потери государственности, истории, культуры, национальной памяти. Собственно, самоопределение становится во главу угла всех интеллектуальных усилий. Конец 1980-х связывают с формированием того, что мы называем белорусской философией, которая напрямую связана с определением белорусской национальной идентичности.

Со времен провала Белорусской Народной Республики и до 1990-х гг. в культурном и политическом дискурсах Беларуси были популярны такие идеи, как национальные проекты кривицкого и великолитовского национализма, несоветской белорусской нации и пр. Однако не было создано некоего общего концептуального представления о белорусском проекте национального государства. Существуют сепарированные концепции, которые лишь затрагивают определенные уровни идеологии. Образовался ряд творческих союзов, которые двигались параллельно и совместно с академической наукой Беларуси, чьи идеи и тексты сыграли значительную роль в формировании интеллектуального пространства и представления о том, чем является белорусский проект современности.

Интеллектуальные проекты Беларуси являли собой достаточно разные методологические парадигмы: от этноцентризма до социального конструктивизма. Современные подходы в области исследования национального самосознания

позволили сместить оптику аналитики с проблем практики национальной идентичности (языка, культуры, истории) в область метафизики (концепты транскультурной нормальности и мутации, этика пограничья, метафизика отсутствия и пр.). Таким образом, они представили тот образ аналитики белорусского проекта, который значительно расширил горизонт проблемного поля, дал возможность понимания социальной практики с меньшей степенью акцентуации этноцентрических принципов формирования нации.

Понимание белорусской нации в качестве проекта модерна, согласно которому белорусский этнос слишком поздно встал на путь национальной консолидации, приводит к переживаемым сегодня кризисам и утратам идентичности. Причины лежат в недостаточном уровне модернизации сфер экономики и производства, урбанизации этнического населения и образования. Таким образом, оформление современной нации началось с опозданием и в неблагоприятных условиях при слаборазвитых факторах урбанизации, грамотности населения, языковой и конфессиональной инаковости, национальной памяти, отсутствии университетских центров и пр. Также исследователями отмечается, что затруднения, связанные с белорусским национальным самосознанием проявились на фоне существования четырех различных проектов национализма в интеллектуальном пространстве страны, а именно: российского, украинского, польского и собственно белорусского проекта, который оформился значительно позже остальных. К тому же, российская наука активно занималась конструированием исторического образа Беларуси, что также воздействовало негативно на национальную память и идентичность.

Однако существование на границе четырех различных проектов приводит к констелляции и кристаллизации тех понятий белорусского национализма, которые являются основообразующими для нации. Именно в процессе реставрации своего образа перед лицом чужого, в условиях активного взаимодействия различных культур и столкновения политических усилий оказалось возможным сохранение ядра нации. Этот опыт можно назвать уникальным, особенно учитывая то, что в Беларуси отсутствует понятие конвенционального мифа, национальной идеи, национального манифеста. В ситуации существования множества проектов Беларуси и разных стратегий и принципов оформления национального мифа, должен произойти некий синтез накопленных в интеллектуальном пространстве опыта аналитики, и создание на этой базе иного представления о том, чем является белорусская современность и каковы перспективы белорусской нации в глобальном мире.

В белорусском интеллектуальном пространстве циркулирует несколько проектов белорусской реальности, многие из которых не учитывают современное положение дел. В попытках создать некий универсальный тип национальной идеи исключаются понимание принципов гражданского общества и равенства всех социальных групп, чьи интересы должны быть учтены при принятии стратегических политических и экономических решений. Опора исключительно на традиционные ценности, которые остаются базовыми во многих проектах белорусского национализма, обнаруживает свою беспомощность и неэффективность перед лицом глобального мира и рыночной экономики, способствуют самоконсервации и изоляции общества от других потенциально возможных сценариев развития. Интеллектуальная элита, способная к производству и адаптации национальной идеи,

являет собой пример раздробленности и неспособности к завоеванию авторитета среди широких социальных групп, являющихся потенциальными реципиентами. Однако при этом существуют сильные теоретические позиции, которые могли бы найти свое воплощение в некоем синтетическом варианте белорусского национализма.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ КРОСС-КУЛЬТУРНОЙ КОГНИТИВНОСТИ

Н. А. Никонович

Нерефлективные, мифо-архетипические компоненты сознания являются сложным и трудноэксципируемым феноменом, к изучению которого не всегда применимы рационалистические стратегии исследования. В связи с этим возникает корпус вопросов, связанных с пониманием неевропейской ментальности.

Понимание менталитета, смысловосферы и логики значительно отдаленных по времени культур представляет определенные методологические трудности. Одна из проблем заключается в значительной хронологической отдаленности во времени культуры, которая исследуется, от культуры, к которой принадлежит исследователь. Другой немаловажный аспект – методологические принципы и теоретические установки исследования темпорально отдаленных культур. Этот вопрос немаловажен, поскольку от исходных методологических посылок зависит конечный результат культурологических исследований.

Сложность понимания особенностей функционирования мифологического сознания заключается также в возможности (или, точнее, невозможности) воссоздания его ментальных матриц. Так, например, теоретики истории ментальностей подметили определенные трудности, которые возникают в связи с интерпретацией какого-либо ментального типа: «Чувства, эмоции, ценностные системы тоже имеют свою историю» [2, с. 81]. В «Зарубежных исследованиях в обзорах и рефератах» приводится немаловажное замечание чешского медиевиста Ф. Грауса, который концентрирует внимание на вариативности ментальных миров исследователя и реконструируемых им культурных форм. По Граусу, «историк находится в плену своего собственного менталитета, преломляющего незаметным для него образом его взгляд на материал источника» [2, с. 81].

Здесь может оказаться продуктивным постулируемый этнопсихологией еміс-подход, фундирующий идею аутентичного исследования культурного материала путем применения тех же когнитивных процедур, которые используются в исследуемой культуре. Еміс-подход представляет собой «взгляд изнутри» на культуру-объект, что позволяет осуществить мониторинг культурных смыслов изнутри, что может приблизить к пониманию неевропейских культур, принципиально полисемантических. Вопрос о том, какими методами можно преодолеть ментальные и интеллектуальные преграды, требует своего изучения.

В науке принято считать доминантными чертами мифа синкретичность, алогичность. Очерчивая контуры мифологической картины мира, можно говорить о

том, что она ингибирует мифологическое созерцание, мифологическую эпистему (способ мифологического познания) и социальное действие, базирующееся на мифологическом познании. Эта схема может быть условной, и исходные элементы в ней могут меняться в зависимости от специфики той среды, где она ретранслируется. Под мифологической эпистемой подразумевается корпус мифологических знаний. В связи с вычленением структуры мифа следует отметить трудности, возникающие из-за значительных отличий картины мира исследователя и мифологической картины мира как объекта исследования. Это тот случай в философской науке, когда предельная удаленность во времени рассматриваемой культуры не позволяет реципиенту выстраивать ее адекватный образ. Герменевтический подход способен в некоторой степени уменьшить дистанцию между исследуемым и исследующим. Таким образом, высказывается идея о том, что методологические проблемы постижимости соизмеримости культур могут быть преодолены также методом эмпатической причастности к культурным кодам верифицируемой культуры.

Другой пласт проблем связан с вопросом оперирования исторической памятью и историей в традиционных обществах. Как следует из исследований многих авторов, историцизм как самосознание культуры в ее конечности присущ не всем обществам. К обществам, чьей особенностью является незатронутость историчностью, относятся первобытное общество, а также некоторые общества Древнего мира. Они строили свои схемы жизнедеятельности вне истории как доминирующего фактора самосознания, что дало основания ряду исследователей обозначить этот специфический тип мироощущения как «неисторический». Можно заметить (и это подтверждают исследования румынского религиоведа М. Элиаде), что одни общества отличаются развитым чувством времени и истории, другие – нет.

Парадигмы историцизма являются предшествующими по отношению к антиисторическим подходам, т. е. антиисторизм в философии характерен для современной социальной философии. Во многом это связано с развитием идей К. Поппера и Р. Арона. Однако своеобразное отношение к истории присутствует в мифологических культурах. До возникновения философски обоснованной и структурированной парадигмы антиисторизма в западной науке она в спонтанной нерелексивной форме существовала в доисторических культурах. В этой первичной «антиисторической» парадигме существовали свои собственные представления об истории, ее смысле, цикличности, «вечном возвращении». В этих автохтонных культурах история имела негативные коннотации, которые вытеснялись аксиологически более ценными – в соответствии с иерархией ценностей данного типа культуры. Это мифологическая картина мира, которая отвергает идею историчности в силу замены ее идеями круговорота, цикла, доминантными образцами мифологем, архетипических символов и ритуального «вечного возвращения».

Осмыслению историчности человека способствует понимание того, что в многообразных традиционных культурах человеческое сознание противилось таким категориям, как время и история. Как известно, культуры древности (в частности, древнекитайская, древнеиндийская и др.) не имели развитого исторического сознания. Одна из причин заключается в том, что субъекту трудно признать свою конечность (которая в данном смысле синоним историчности), чем объясняются

попытки преодоления конечности путем инкорпорированности сознания в миф, который существует по своим законам и имеет своей целью достижение недуалистического, непреходящего бытия. Другая причина связана с синкретичностью менталитета, поскольку история как таковая была частью духовной матрицы этих культур. Развертывание истории – это, прежде всего, развертывание глубинных структур внутреннего космоса (в китайской философии – Дао, в индийской – Пуруша). Эти начала представляли собой всеобъемлющий синтез всего сущего, в котором отсутствовало разделение на историческое и неисторическое сознание.

Как отмечает А. В. Гурьянова в своем автореферате, «Историческое познание по определению направлено на прошлое и в этом смысле всегда является познанием "другого". "Иной", "другой" – основополагающие мыслительные категории, имплицитно используемые историками» [1, с. 28]. Очевидно, что в традиционной культуре отсутствовала рецепция «Другого» в силу парадигмального синкретизма, что является еще одним объясняющим фактором неэксплицированности исторического сознания в подобных обществах.

В чем причина неисторичности мифо-религиозных культур? Этот вопрос может быть объяснен различным восприятием истории у разных народов – глубинным мироощущением, затрагивающим весь корпус представлений человека. Теоретическую доминанту формирует социум: в мифологической модели не остается места для историцизма как типа мировоззрения, поскольку аксиологически мифологическая модель представляет большую ценность для данного типа ментальности. Причина заключается в субстанциально-онтологической ориентации данных культур, нацеленных на поиск неизменных оснований. Такими основаниями и являются миф, «праистория», ритуал, которые обладают в мифологическом сознании, как показали исследования М. Элиаде, перманентной природой. Дихотомия «историческое-мифологическое» решается в пользу второй составляющей. Это важно для понимания проблемы целостности человеческого бытия и личности. Исходя из этого можно сделать вывод, что историчность и погруженность в нее субъекта разрушает целостность экзистенции и приводит к фрустрации. Механизм преодоления фрустрации в традиционных обществах – базирование сознания на составляющих мифологии. В исследуемых культурах существует приоритет мифологической картины мира перед исторической в силу того, что она способна нивелировать негативные последствия «ужаса истории». Таков подход к пониманию истории в традиционных культурах.

Публикация подготовлена при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований, проект № Г14-068.

Литература

1. Гурьянова, А. В. Философско-методологические основания синтеза ключевых парадигм современной эпистемологии истории: автореф. дис... д-ра филос. наук: 09.00.01 / А.В. Гурьянова; Чуваш. гос. ун-т. – Чебоксары, 2009.
2. Левинсон, К. А. Ментальности в Средневековье: концепции и практика исследований / К. А. Левинсон // История ментальностей, историческая антропология: зарубежные исследования в обзорах и рефератах / сост. Е. М. Михина; Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории, Рос. гос. гуманитар. ун-т; редкол.: Е.В. Горюнов [и др.]. – М., 1996. – С. 79–96.

СВОИ – ЧУЖИЕ В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОМ КОНСТРУКТЕ СОВРЕМЕННЫХ БЕЛОРУССКИХ ЯЗЫЧНИКОВ «СОДРУЖЕСТВА РОДОВИЧЕЙ БЕЛОЙ РУСИ» (ОПЫТ АНКЕТНОГО ОПРОСА)

Р. В. Шиженский, Р. А. Саберов

С момента появления в СССР первых адептов «возрождаемой» автохтонной славянской религиозности (вторая половина 1970-х гг.) и по настоящее время актуальными остаются вопросы о месте рядового прозелита в конструируемой «традиции», мировоззренческом базисе обычного участника празднично-обрядового «коло». Касаясь современных методик, применяемых при анализе феномена язычества XX–XXI вв., отметим перспективность, рациональность реализации двух исследовательских концептов.

Первый из них предполагает рассмотрение современного славянского язычества с позиции персонализма. Он предполагает всесторонний анализ личностей руководителей конкретной социально-экономической и религиозно-политической ячейки (общины, союза) ревнителей доавраамической религиозности. Следование в русле заданного дискурса позволит определить основные направления феномена, формируемые конкретными языческими дидасками с упором на авторские идеологические установки последних [1]. Второй концепт нацелен на раскрытие славянских вариаций нативизма XXI века изнутри, определение символа веры в представлении паствы. В связи со спецификой рассматриваемой проблематики основным методом исследования становится включенное наблюдение, основным источником – полевые материалы авторов в форме анкетирования и свободного интервьюирования членов языческих объединений.

Анкета проведенного нами исследования включала двадцать вопросов, соответственно разбитых на четыре смысловые группы. Первые пять вопросов касались личных данных респондентов. Вопросы с шестого по девятый были направлены на определение источниковой базы современных язычников. Третий блок (вопросы с 10 по 13 включительно) посвящался непосредственно языческой вере: пантеону, празднично-обрядовой практике общинников. Заключительный – особенностям мировоззрения «рядовых» адептов данного религиозного течения. Материал, представленный в данном материале, относится к первому и заключительному блокам. В его основе ответы нативистов на вопросы раскрывающие личностные характеристики респондентов и два ключевых вопроса непосредственно формирующих мировоззренческую позицию диаспоры: «Назовите союзников славянского языческого движения» и «Назовите противников славянской родноверческой традиции».

Опрос язычников «Содружества Родовичей Белой Руси» проходил 5 мая 2013 г. в городе Минске во время одной из тематических встреч «родноверов». На встрече присутствовало двадцать два человека, из них анкетные листы заполнило девятнадцать минчан. Фамилию, имя, отчество в анкете указали 17 человек (89%). Языческое имя согласились раскрыть только четыре человека из девятнадцати (религиозные антропонимы «Содружества»: Веземар, Светодарья, Миролада, Лада). Причиной массового игнорирования ответа могло послужить нежелание

интервьюируемых раскрывать свои сакральные имена, однако, в качестве основания отказа некоторые неофиты ссылаются на «техническое табу» – непройденный обряд имянаречения [2]. При 100% указании своего возраста анкетированными верхняя возрастная граница составила 54 года, нижняя 23 года. К категории молодежи относится более пятидесяти процентов опрошенных, при этом значительный процент общинников (люди в возрасте от 30 до 35 лет включительно) в недавнем прошлом перешел данную возрастную границу. На вопрос, связанный с полученным образованием, отказались отвечать два респондента. Ответы остальных членов «Содружества», распределились следующим образом: среднее образование получили 2 человека, начальное профессиональное – 4, среднее профессиональное – 6 (29%), высшее профессиональное – 7 (32%). Место работы указали четырнадцать человек (74%). Набор представленных специальностей крайне неоднороден. Вместе с тем, профессиональный выбор белорусских язычников затрагивает практически весь спектр труда и интеллектуального и физического. Приводим некоторые ответы «родноверов»: электромонтажник, предприниматель, учитель, работник сферы здравоохранения, охранник, руководитель приюта для животных, переводчик, директор строительной фирмы и т. д.

На вопрос: «Назовите союзников славянского языческого движения?» не ответили десять респондентов. Трое ограничились односложными высказываниями: один сослался на незнание, второй считает, что союзников у движения нет, третий – «пока не разобрался в полной мере, кто есть кто». Из шести человек, давших «развернутый» ответ, наиболее подробный принадлежит лидеру «Содружества». Веземар относит к союзническому блоку славянских язычников «европейские общины Асатру, власть и государство в некоторых странах, схожие с язычеством движения и направления – анастасиевцев, эзотериков, кришнаитов и буддистов» [3]. Два представителя белорусского нативизма дали одинаковый ответ, считая союзником язычества движения, ставящие целью здоровый образ жизни. С определенными оговорками к данному блоку можно отнести и вариант одного из «родноверов», выделившего направления, «культивирующие спорт». В число единичных, но весьма близких по смысловому наполнению версий вошли патриоты, славяне, стремящиеся к своим корням, националисты. Замыкают круг предполагаемых единомышленников «реконструкторы» и «неравнодушные люди».

Вопрос-антитеза, направленный на выявление противников славянской «родноверческой» традиции, вызвал затруднения с ответом у 10 общинников. При этом представленные вариации, в отличие от анкетных данных предыдущего вопроса, более однородны, избирательны и конкретны. Возглавляют «черный список» противники по вере. Противником язычники «Содружества Родовичей Белой Руси» считают церковь (2 человека) без какой либо конкретизации в пределах объекта. В числе ответов встречались также РПЦ, ортодоксальное христианство и Ватикан, традиционалисты-шовинисты, сатанисты. Вторая группа неугодных современным белорусским язычникам включает «провокаторов» (3 человека) и «ряженных волхвов» (2 человека). Последняя группа представляет собой разнородное собрание сформированное из «некоторых националистов», евреев, невежественных людей, государства, миллионеров, правительства, движений, исповедующих глобализм.

Несмотря на непродолжительную историю существования организации и определенную «вынужденную» изоляцию «Содружества Родовичей Белой Руси», для представленной «контурной карты мнений» свойственен набор признаков, позволяющий, пусть пока и на единичном примере, посмотреть на данный религиозный феномен Беларуси через дискурс рядового язычника. Во-первых, следует обратить внимание на «молодость» участников объединения. Содружество в настоящее время находится в стадии «инкубационного периода» – становления и формирования. Во-вторых, данные, полученные по личным «родноверческим» именам, кроме проблем, связанных с аутентичностью названных антропонимов, подтверждает скромный языческий стаж как содружества, так и ее членов. Кроме того, прослеживается определенная закрытость движения, недоверие к внешнему миру, миру «не своих». В-третьих, значительная группа «родноверов» имеет высокий образовательный уровень. При этом спектр языческих специальностей рядовых членов «Содружества» весьма широк. В-четвертых, пассивность респондентов при ответе на вопрос о союзниках языческого движения может свидетельствовать о слабом (недостаточном) погружении рядовых членов в интеллектуальную составляющую отстаиваемого мировоззрения.

Литература и источники

1. Шиженский, Р. В. Философия доброй силы: жизнь и творчество Доброслава (А. А. Добровольского) / Р. В. Шиженский; 2-е изд., испр. и доп. – М., 2013.
2. Шиженский, Р. В. Христианское таинство и неязыческая обрядовая практика (к вопросу об обряде «раскрещивания» и «имянаречения» в русских родноверческих организациях) / Р. В. Шиженский // Тысячелетие развития общественно-политической и исторической мысли России: материалы Всероссийской научной конференции. – Нижний Новгород, 2008. – С. 317–321.
3. Самоуправление содружества // Наследие. Вестник Содружества Родовичей Белой Руси (2 выпуск).

3.3 Страницы истории философии и духовных традиций Беларуси

З ГІСТОРЫІ КАНЦЭПТАЎ ТРАДЫЦЫЙНАЙ КАСМАЛОГІІ: *блр.* ВОЛЬНЫ СВЕТ: *снскр.* URÚṆ LOKÁṆ ‘ШЫРОКІ СВЕТ’

С. І. Санько

Формульны выраз *вольны свет* добра вядомы мовам усходніх і заходніх славян (*блр.* *вольны свет*, *рус.* *вольный свет*, *укр.* *вольний світ*, *польск.* *wolny swiat*, *чэш.* *volný svět*, *славац.* *volný svet*), але слаба засведчаны ў паўднёваславянскіх мовах (*хіба* *балг.* *волен свят*). Усё ж ёсць пэўныя падставы для ўзнаўлення ўжо праславянскага (прынамсі, дыялектнага) **vol'nъ(jь) & *svěť*.

Як паказвае аналіз (найперш) усходнеславянскіх фальклорных тэкстаў, гэты

выраз адыграваў важную ролю ў канцэптуалізацыі традыцыйных уяўленняў пра будову свету і пра яго паходжанне.

Даўней канцэпт-формула *вольны свет* магла ўваходзіць у склад формульнага выразу *белы вольны свет*, самыя раннія (сярэдня XVIII ст.) фіксацыі якога знаходзяцца у запісах Кіршы Данілава ў касмаганічным раздзеле «Галубінай кнігі»: «От чего у нас начался *белый вольный свет*? ... У нас *белый вольный свет* зачался от суда Божия» [1, с. 300, 301, 324]. Менавіта гэты выраз быў скарыстаны М. Багдановічам у паэме «Страцім-лебедзь», напісанай паводле беларускіх духоўных вершаў: «Лінуць з неба залівы бязмерныя / І абмыюць ад бруду смуроднага / Ўсю зямлю яны, *белы-вольны свет*.» У запісах XIX ст. знаходзім у гэтай пазіцыі толькі формулу *белы свет* [1, с. 269, 270, 274, 275, 279, 283, 287, 293, 330; 2, с. 291, 296, 299, 302]. Па-за тэмай «Галубінай кнігі» выраз *вольны свет* у беларускіх духоўных вершах захоўваўся даўжэй [3, с. 582, 584, 587].

Формульны выраз *вольны свет* аднойчы сустрэўся ў беларускім замоўным тэксе: «... выкаціўся б у него вольны свет із глаз» = *каб ён свету белага (божага) не бачыў* («Салдацкая», г. Сураж Віцебскай губ. [2, с. 52, №194]).

Формула *вольны свет* часта сустракаецца ў творах беларускіх паэтаў і праявікаў: «Песня рвецца і ліецца / На раздольны, *вольны свет*» (М. Багдановіч, «Па над белым пухам вішняў...»), «Здалее хваляў хор на *вольны свет* прабіцца» (М. Багдановіч, «Санет»), «А дзе ж дзелася Жывая Вада? Яна была пад зямлёю, яна паціханьку размывала зямлю, прабівала сабе дарогу на *вольны свет*» (Я. Колас, «Жывая вада»), «А дзе ты сунешся, нябога? / Табе ж завязан *вольны свет*» (Я. Колас, «Рыбакова хата»), «Вам цяжка дыхаць, / вы ў адчай просіце / Зямлю, каб адпусціла вас назад / На *вольны свет*» (А. Куляшоў, «Сябры, каго вайна скасіла кулямі...»), «На паляне стаіць, нібы дуб, паляшук, / Першы раз *вольны свет* аглядае» (З. Бядуля, «Палескія байкі»).

У чарадзейных казках формула *вольны свет* эквівалентная формулам *белы свет* і *божы свет* і характарызуе структурную частку свету як цэлага, пэўным чынам супрацьпастаўленую той частцы свету, якая ўяўляе бяспечную, абжытую прастору. Менавіта ў прасторы *вольнага* (белага) свету эпічныя героі здзяйсняюць свае подзвігі, навязваючы яму сваю *волю* і ўсталёўваючы свой парадак. *Воля* – цэнтральная катэгорыя, якая характарызуе паводзіны героя ў вонкавым свеце: «Пакрэпчы нас нікога няма, – гаворыць. – Каго мы будзем баяцца? Пойдзем мы, – гаворыць, – у свет. *Свет* цяпер *вольны*, цяперашнім урэмам! ... Ніколі мы свае службы не супоўнім! Але возьмем, – гаворыць, – *сваю волю* і пойдзем, – гаворыць, – у свет» (казка «Іван Падвей» [4, с. 189]).

Аднак адмежаваная ад вольнага свету пэўная замкнёная прастора дваіста суадносіцца з ім. Па-першае, гэта сфера прымусу або *абавязку*: будучыя спадарожнікі Івана Падвея знаходзяцца на службе, ад якой ён і заклікае іх *вызваліцца* і пайсці з ім ў *вольны свет*. Пазбаўленне волі можа быць не толькі прымусовым, але і дабрахвотным: мужык ратуе воўка ад паляўнічых, схаваўшы яго ў мяшок, а, калі тыя пайшлі, «мужык развязаў мешок і выпусціў яго на *вольны свет*» [5, с. 39]; тое самае і ў славацкай казцы: «*Sedliak rozviazal vrese a vypustil ho* [воўка. – С. С.] на *vol'ny svet*». Менавіта гэтыя сэнсавыя канатацыі ляжаць у падмурку выкарыстання формулы *вольны свет* у сучасным ліберальным палітычным дыскурсе, дзе яно найчасцей

азначае хаўрус ЗША і Еўропы ў процівагу былым камуністычным або цяперашнім таталітарным ці аўтарытарным (з гэтага гледзішча) рэжымам.

Але, па-другое, *вольны свет* аказваецца супрацьпастаўлены сферы свабоды як умовы і выніку самаістага існавання. Праўда, такая апазіцыя *волі і свабоды* рэалізуецца адно ў тых мовах, дзе абодва канцэпты не абагуліліся ў адным з тэрмінаў: *воля* – у заходнеславянскіх мовах, *свабода* – у паўднёvasлавянскіх. Для культур, дзе такая канцэптуальная апазіцыя можа быць выражана лексічнымі сродкамі, справядлівыя назіранні У. М. Тапарова, зробленыя на падставе аналізу рускай пары канцэптаў МИР – ВОЛЯ: «Але воля, – у прыватнасці, як яна апісваецца і «адчуваецца» светам (*мирам*), – заўсёды экстэнсіўная, дзікая, нараўлівая. Воля – хвіліннае выйсце, парыв, збег ад бяды і няшчасця, але яна не выходзіць, не гадуе чалавека, не павялічвае духоўнасці. Больш за тое, воля звычайна азначае разрыв са светам (*миром*) як канструктыўна-сэнсавым прынцыпам быцця, творчым пачаткам культуры і з Богам ... Волі ... існуе толькі адна альтэрнатыва – свабода. Яна ў адрозненне ад волі канструктыўны пачатак, які карэніцца ў свеце, але не ірвецца з яго «на волю», а, наадварот, заглыбляецца ўнутр і цягне за сабою ў гэты рух свет, які пачынае ствараць новую духоўнасць. Гэтая свабода ёсць зварот да самога сябе (параўн. «зваротнае» sv-у слове *свабода*), «быццё-ў-сябе-самога» (bei-sich-selbst-Sein, па словах Гегеля)» [6, с. 51]. І У. М. Тапароў паспрабаваў выявіць «сляды міфалагічнага "падслою", на якім у рэшце рэшт і сфарміраваўся той тэкст, якім свет (*мир*) апісваў сам сябе і тое, што знаходзілася па-за светам (*миром*), – волю» [6, с. 50-51].

Аднак аналіз тэкставых уваходжанняў фомульнага выразу *вольны свет* дазваляе выявіць сляды і іншага міфалагічнага «падслою», які дагэтуль высклізваў зпад увагі даследнікаў. Перадусім адзначу, што характарыстыкі вольнага свету ў тэкстах часта раскрываюцца праз такія азнакі, як

– *шырокі*: «... тужно поглядаючи на *широкий вольний світ*» (І. Франко, «Мій злочин»), «... а сам зараз то пайшоў з кошкаю і мышкаю мандраваць па *шырокаму свету*, шукаючы лепшых людзей» (казка «Аб Оху і залатой табакерцы»), «Беглі сцежачкі / *Ў свет шырокенькі...*» (Я. Колас, «Новая зямля»), «Tam vonku za bránou je *široký volný svět...*» (Ludo Zúbek, «Doktor Jesenius»), «*Široký volný svet* pobadal len škárou vo dverách...» (František Švantner, «Nevesta Hôľ») і інш. Таксама блр. *Шырокае поле: ідзі, куды воля* (Насовіч);

– *прасторны*: «Дзе гэта сіла, дзе моц тая, / Што перашкод сабе не мае / І ставіць зразу ўсіх на ногі, / Вядзе на *вольныя дарогі* / І *свет прасторны* адчыняе?» (Я. Колас, «Новая зямля»);

– *безгранічны*: «Блукалі дзесь у божым полі; / Іх захапляў *свет безгранічны* / І ўласны лёс іх таямнічны ...» (Я. Колас, «Новая зямля»);

– «*незавязаны*»: чэш. «Do města vtáhl daleký exotický svět, *nevázaný, volný, svět* odvážných a podnikavých lidí...» (Ladislav Ballek, «Akáty: koník z Orlanda»); рус. «мужик *развязал* мешок и выпустил его на *вольный свет*»; славац. «*Sedliak rozviazal* vtесе a vypustil ho na *volný svet*».

У беларускіх тэкстах супрацьлегласць апошняй характарыстыцы вольнага свету выражаецца таксама формульна: «Што гэты *свет* табе *завязан* / І шлях *прасторны* твой заказан» (Я. Колас, «Новая зямля»); «– Вядома, так, – і Ганна кажа, – / Жыццё і *свет* табе *завяжа*» (Я. Колас, «Новая зямля»); «Ніхто туды не зазірае, /

Ніхто там *свету не завяжа*» (Я. Колас, «Новая зямля»); «А дзе ты сунешся, нябога? / Табе ж *завязан вольны свет*» (Я. Колас, «Рыбакова хата»). *Вузіня* «завязанага» свету падкрэсліваецца і такім вобразам: «І для каго ўвесь гэты свет / Ёсць аднае цялежкі след» (Я. Колас, «Новая зямля»). *Свет завязаць* – «зрабіць чыёсьці жыццё нярадасным, нешчаслівым, пакутным» [7, с. 482] – добра вядомы беларускі фразеалагізм. Тая ж ідэя вузіні выражаецца і фразеалагізмамі: блр. *свет на клін сышоў*, рус. *свет клином сошелся* і да г. п.

У «Новай зямлі» Я. Колас наогул вельмі чуйны да семантычнай валентнасці беларускага слова *свет*. Апроч ужо прыведзеных прыкладаў цікавыя наступныя ўрыўкі: «Нябёсаў багны патайныя. / Ё чародах *светаў незлічоных*, / Нерасчытаных, неадмкнёных... »; «У звязку гэтых *светаў божых*, / Таемных, страшных і прыгожых... »; «Калі стваралісь Богам *светы*... ». Заўважу, з усіх славянскіх моваў толькі беларуская характарызуе суцэльны Універсум як *Су-свет*, г. зн. спарадкаваную сулучнасць светаў, падобна да таго, як *сузор'е* азначае бачную на небе спарадкаваную сулучнасць зорак. Міфалагічны (касмаганічны) «падслой» праглядаецца і ў коласавым выразе «Каб новы *свет жыцця саткаць*... » («Новая зямля»), які перагукаецца з блр. *у панядзелак свет снаваўся* і ўяўленнямі пра стварэнне свету як пра тканне па заснаванай аснове («Касмаганічнае стварэнне, гэтак жа як і сам космас, сімвалізуюцца дзеяннем ткацтва») [8, с. 175].

Але найбольшую цікавасць выклікае тое, што стан свету, кадаваны элементам **vel-/*vol-*, з аднаго боку, рэгулярна азначаецца як *шырокі*, а з другога боку, рэгулярна супрацьпастаўляецца стану, кадаванаму элементам **vez-/*qz-* (параўн. *нявольнік* : блр. *вязень*, рус. *узник*).

Аналагічную сітуацыю маем у ведыйскай касмалогіі, два ключавыя канцэпты якой – *urúh lokáh* (літар. «шырокі свет») і *ámhaḥ* («страх, жах; прыгнёт», літар. «вузіня») – прыцягнулі пільную ўвагу даследнікаў рэлігіі ведыйскіх арыяў і стражытных індыйцаў [9-11; 12; 13, р. 73-88; 14, р. lxxiv-lxxvii].

У першым выпадку – *urúh lokáh* – мы маем справу з такім жа формульным выразам, як і слав. **vol'nъ(jь) & *svěť*. Відаць, зусім не выпадкова другія кампаненты ведыйскай і славянскай формул з'яўляюцца амаль поўнымі эквівалентамі. Для ведыйскага слова *lokáh* «вольная прастора, пляцоўка, свет» пастулюецца генетычная сувязь з лац. *lūcus* «свяшчэнны гай, лес», ст.-в.-ням. *lōh* «зарослая лясная прагаліна», літ. *laiūkas* «поле» і інш. < **louko-s* «лясная прагаліна, асветленае месца» [9, р. 7 ff.; 15, р. 113], звязанае чаргаваннем з **leuko-s* «святло, белы» < **leuk-* «свяціць, выпраменьваць святло». У сваю чаргу, славянскае слова *svěť* суадносіцца з ст.-інд. *śvit-* «быць яркім, быць белым», літ. *šviēsti* «свяціць, ззяць» < **k̕uoit-/*k̕ueit-* [15, р. 404-406].

Глыбіннае сэнсавое адозненне стараіндыйскага і славянскага слоў для азначэння канцэпту СВЕТ палягае ў тым, што ў першым акцэнтуюцца ідэя растування, якая дае магчымасць таму, што апынаецца ўнутры, быць асветленым і, такім чынам, бачным, тады як у другім – ідэя «не толькі ўзрастання (набухання) фізічнай масы, матэрыі, але і нейкай унутранай пладаноснай сілы, духоўнай энергіі і звязанай з ёю і аб ёй апавяшчальнай знешняй формы яе – светлавой і колеравай» [16, с. 29]. З гэтай ідэяй добра карэлюецца касмаганічная ўласцівасць зародку будучага свету (насення зямлі, здабытага з глыбіняў «бязэднага акіяну», гэтак бы мовіць, *вызваленага* з

заціснутай тоўшчамі пракаветных вод «вузіні») самаразрастацца, пашырацца: «Гасподзь зямельку пасеяў, зямелька стала росць» [17, с. 40]. Матэў самаўзрастання зямлі, пэўна, вельмі старажытны, пра што можа сведчыць наступны пасаж з «Шатапатха-Брахманы» (ŚB XIV.1.2.11, цытуецца паводле [18, р. 451]): ...ha vā iyamāgre / prthivyāsa prādeśamātī tāmemeṣa itī varāha ūjjaghāna sò'syāḥ pátīḥ prajāpati... – «... сапраўды, на пачатку гэтая зямля была *толькі намерам у пядзь*. Вяпрук Эмуша падняў яе, і гэта быў яе валадар Праджапаці...».

Першы кампанент фомулы *urúḥ lokáḥ*, нягледзячы на добра вызначаную семантыку (ст.-інд. *urúḥ* «шырокі, прасторны»), выклікаў пэўныя этымалагічныя кантраверзы. Традыцыйна *urúḥ* разглядаецца ў адным шэрагу з авест. *vo^uruš*, ст.-гр. *εὐρύς*, тах. *A wārts*, тах. *B aurtse* (< **euer-*) з тым жа колам значэнняў [19, р. 110]. Але яшчэ ў 1922 г. Ё. Зубаты прапанаваў звязваць *urúḥ* з такімі дэрыватамі **vel-*, як лац. *velle* «жадаць, хацець», праслав. **vol'a*, **voliti*, ст.-інд. *vṛñíté*, авест. *vərənte* «ён выбірае» [20, с. 18-22]. У сувязі з гэтым можна згадаць заўвагу Я. Гонды: «Паколькі *loka-* прадугледжвае такія ідэі, як "вольная або адкрытая мясцовасць, свабодны рух, прастора, змясцілішча або свет, у якім існуюць", то мы, імаверна, маем рацыю, мяркуючы, што гэтыя і падобныя тэксты выражаюць *жаданне* [курсіў мой. – С. С.] "жыццёвай пасторы" (*Lebensraum*)» [10, р. 69]. Апроч таго, Ё. Зубаты прапанаваў лічыць значэнне «вольны, свабодны» першасным і ў ст.-інд. *urúḥ*, прывёўшы ў якасці прыкладу словазлучэнняў, аналагічных ведыйскім, слав. *вольны свет* [20, с. 19]. Аднак апошняе ён не разглядаў як формульны адпаведнік ст.-інд. *urúḥ lokáḥ*.

У шматлікіх тэкстах Самхіты *urúḥ lokáḥ* рэгулярна супрацьпастаўляецца не менш касмалагічнаму канцэпту *ámhaḥ*. У гэтых тэкстах слова *ámhaḥ* часта азначае «патрэбу, нястачу; цяжкія абставіны; вузкасць». На думку Я. Гонды: «Галоўная ідэя, якую выражае гэты карань [**anḡh-*. – С. С.], здаецца, найперш хутчэй было пачуццё фізічнай або псіхічнай прыгнечанасці, якую перажываюць тыя, што апынуліся ў абмежаванай прасторы, чым ідэя прасторавай вузкасці ў агульным сэнсе слова» [11, р. 84].

Аднак цікавыя найперш касмаганічныя і касмалагічныя канатацыі гэтага слова. Так, Індра, пасля перамогі над дэманам Урытрам, які сімвалізаваў супраціў і інэртнасць, і аддзялення неба ад зямлі, спрычыняецца да стварэння сонца, світанку, агня і наогул свету для жыцця людзей [9, р. 20–21]. І гэты свет характарызуецца як *u loka-* «змясцілішча», слова, якое часта заступае месца *urúḥ lokáḥ*. І, відаць, нездарма Індра мае эпітэт *amhotmic-* «той, што вызваляе ад *ámhaḥ*» [11, р. 72], дзе апошняе не проста азначае «бедствы», але і адсылае яшчэ і да касмаганічных подзвігаў гэтага бога. Гэтая ж ідэя вызвалення ад заціснутасці ў вузкай прасторы выражана таксама ў «Шатапатха-брахмане» (ŚB. 1, 4, 1, 22 f.): «напачатку гэтыя "прасторы" былі надта блізкія адна да адной; багі пажадалі, каб было больш прасторы для іх (*katham na idam variya iva syāt*); таму яны зрабілі так, каб гэтыя прасторы сталі далёка адсунутымі (*vidūram*) адна ад адной» [9, р. 22].

Варта зацеміць, што касмаганічная ідэя, якая палягае ў пераходзе ад пачатковага стану нястачы, недахопу (таксама кадаванага праз *ámhaḥ*) да стану дастатку, поўніцы (асацыяванага з семантыкай *uru-*), мае адпаведнік у філасофскай міфалогіі Платона (і Плагіна), дзе дынаміка светаўладкавання ў рэшце рэшт абумоўленая саюзам Пеніі (Πενίη – увасабленне беднасці, нястачы) і Пораса (Πόρος –

увасабленне дастатку, багацця) і нараджэннем ад гэтага саюзу Эрата [21]. Паказальна ў гэтым стасунку, што славянская формула **vol'нь(jь) & *svěť* абодвума кампанентамі адсылае да тэмы багацця, дастатку, поўніцы. Параўн. блр. *даволі* «дастаткова многа», рус. *довольно* «достаточно», *вволю* «сполна, достаточно» і інш. (гл. таксама [20, s. 18–22]). У сваю чаргу, праслав. **svěť* актуалізуе свае этымалагічныя сувязі з тэмай узрастання, павелічэння, памнажэння ў беларускім фразеалагізме «Народу (грыбоў, ягад) – свет!», што значыць «дужа многа».

Апазіцыя «шырыні» і «вузіні» светаў цікава выражана ў «Айтарэя-брахмане» (1, 25, 6): *paro varīyāṁso vā ime lokā arvāg aṁhīyāṁsaḥ* – «гэтыя светы больш шырокія зверху і больш вузкія знізу» [11, р. 60]. Гэта вельмі нагадвае ўяўленні пра структуру светаў у беларускіх казках, дзе месца сыходжання двух светаў («гэтага» і «таго») акурат характарызуецца вузінёй: «Ідзе, так ідзе, аж глядзіць – стаіць двор *на граніцы другога свету*. А ў том дварэ жыла слуга змяёў, старая ведзьма, і без яе пазвалення не можна было перайсці на той свет. ... Так да тае ведзьмы зайшоў кралевіч, бо не было іншай радчкі: краз той двор *анно адна дарога ішла на той свет*» [4, с. 30]. Вобраз дарогі тут не выпадковы, бо ў «завязаным» свеце і дарога вузкая: «І для каго ўвесь гэты *свет / Ёсць аднае цялежкі след*» (Я. Колас, «Новая зямля»); «Што гэты *свет табе завязан / І шлях прасторны твой заказан*» (Я. Колас, «Новая зямля»). Адпаведна, *uríḥ lokáḥ* характарызуецца «шырокімі дарогамі/шляхамі»: *mitró aṁhós cid ād urí kṣáyāya gātúm vanate* – «Мітра здабыў выйсце з *прыгнёту, вольную дарогу* да месца жыхарства» (RV 5, 65 ,4) [10, р. 70]. Блізкі да стараіндыйскага вобраз матывуе і сэнс такіх прымавак, як блр. «Свет на клін сышоў», рус. «Свет кліном сошелся».

Такім чынам, маем два шэрагі адпаведнасцяў:

1) пакампанентная адпаведнасць формульных выразаў вед. *uríḥ lokáḥ* і слав. **vol'нь(jь) & *svěť* з (імавернай) этымалагічнай тоеснасцю першых кампанентаў і семантычнай эквівалентнасцю другіх;

2) аднолькавую супрацьпастаўленасць адпаведных гэтым формулам канцэптаў канцэпту, кадаванаму дэрыватамі і.-е. **angh-*.

Як зацяміў К. Уоткінс: «Параўнанне характарыстычных фомул у розных індаеўрапейскіх мовах і гамадствах дае магчымасць іх рэканстукцыі, часам аж да пачатковых станаў агульнай мовы і грамадства. Формулы імкнуцца рабіць адсылкі да культурна значных асаблівасцей – "чагосьці, што мае значэнне" – і гэта акурат тое, пра што дае знаць іх паўтор і доўгатэрміновае захаванне» [22, р. 9]. Гэты ж аўтар вызначыў формулы як лексіка-граматычны сродак кадавання і перадачы зададзенай тэмы або сулучнасці тэм [22, р. 17].

У разгледжаным тут выпадку супадзенне як тэм, так і лексіка-граматычных сродкаў іх кадавання робіць вельмі імаверным іх спадкаванне з пэўнай агульнай крыніцы. Не поўная тоеснасць выкарыстаных лексіка-граматычных сродкаў сведчыць хутчэй за самастойнае развіццё рэгіянальнай міфа-паэтычнай традыцыі, чым пра запазычанне адной (славянскай) традыцыяй у другой (ведыйскай) у «заходняй правінцыі вялікага інда-іранскага культурнага кола» [6, с. 43], тым больш што ў іранскім арэале сляды гэтай формулы не прасочваюцца.

Літаратура і крыніцы

1. Калеки перехожие. Сборник стихов и исследование П. Безсонова / П. А. Бессонов. – Москва: Тип. А. Семена, 1861. – Вып. 2. – С. 269–524.
2. Романов, Е. Р. Белорусский сборник / Е. Р. Романов. – Витебск: Типо-Литография Г. А. Малкина, 1891. – Вып. 5. Заговоры, апокрифы и духовные стихи. – х, 448 с.
3. Шейн, П. В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края / П. В. Шейн. – Санкт-Петербург: Тип. Императорской академии наук, 1893. – Т. II. Сказки, анекдоты, легенды, предания, ... заговоры, духовные стихи и проч. – ххii, 715 с.
4. Чарадзеіныя казкі / Рэд. В. К. Бандарчык. – Мінск: Навука і тэхніка, 1973. – 648 с.
5. Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: в 3 т. / А. Н. Афанасьев; изд. подгот. Л. Г. Бараг, Н. В. Новиков. – М.: Наука, 1984. – Т. I. – 511 с.
6. Топоров, В. Н. Об иранском элементе в русской духовной культуре / В. Н. Топоров // Славянский и балканский фольклор: Реконструкция древней славянской духовной культуры: источники и методы / Отв. ред. Н. И. Толстой. – Москва: Наука, 1989. – С. 23–60.
7. Аксамітаў, А. С. Фразеалагічны слоўнік мовы твораў Я. Коласа: звыш 6000 слоўнікавых артыкулаў / А. С. Аксамітаў. – Мінск: Навука і тэхніка, 1993. – 654 с.
8. Eliade, M. Mephistopheles and the Androgyne / Mircea Eliade; transl. by J. M. Cohen. – New-York: Sheed and Ward, 1965. – 223 p.
9. Gonda, J. Loka: World and Heaven in the Veda / Jan Gonda. – Noord-Hollandsche Uitgevers Maatschappij, 1966. – 172 p.
10. Gonda, J. Aspects of Early Viṣṇuism / Jan Gonda. – Delhi; Varanasi; Patna: Motilal Banarsidass, 1966. – х, 270 p.
11. Gonda, J. The Vedic concept of *amhas* // Gonda, J. Selected Studies / J. Gonda. – Leiden: E. J. Brill, 1975. – Vol. II. Sanskrit Word Studies. – P. 58–85.
12. Misra, V. N. Loka / V. N. Misra, P. L. Sharma // Kalātattvakośa: A Lexicon of Fundamental Concepts of the Indian Arts / Bettina Bäumer (ed.). – Delhi: Motilal Banarsidass; Indira Gandhi National Centre for the Arts, 1992. – Vol. II. – Concepts of Space and Time (Deśa-Kāla). – P. 119–156.
13. Parmeshwaranand, S. Encyclopaedic Dictionary of Vedic Terms / Swami Parmeshwaranand. – New Delhi : Sarup & Sons, 2000. – Vol. 1. (A – L). – vi, 352 p. (Amhas – P. 73–88)
14. The Sacred Books of the East / F. Max Müller. – Oxford: The Clarendon Press, 1891. – Vol. XXXII. Vedic Hymns / Transl. by F. Max Müller. – Pt. I. Hymns to the Marutas, Rudra, Vāyu, and Vāta. – cxxviii, 556 p.
15. Mayrhofer, M. Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen = A Concise Etymological Sanskrit Dictionary / M. Mayrhofer. – Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1976. – Band III: Y – H. Nachträge und Berichtigungen. – xxiv, 808 s.
16. Топоров, В. Н. Язык и культура: об одном слове-символе (к 1000-летию христианства на Руси и 600-летию его в Литве) / В. Н. Топоров // Балто-славянские исследования. 1986. – Москва: Наука, 1988. – С. 3–44.
17. Легенды і паданні / Склад. М. Я. Грынблат і А. І. Гурскі; рэд. тома А. С. Фядосік. – Мінск: Навука і тэхніка, 1983. – 544 с.
18. The Śatapatha-Brāhmaṇa according to the text of the Madhyandina School / Translated by Julius Eggeling. – Oxford: The Clarendon Press, 1900. – li, 596 p.
19. Mayrhofer, M. Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen = A Concise Etymological Sanskrit Dictionary / M. Mayrhofer. – Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1956. – Band I: A – TH. – xxxvi, 570 s.

20. Zubatý, J. Výklady etymologické a lexikální / Josef Zubatý // Sborník filologický. – 1922. – Sv. VII. – S. 3–22.

21. Топоров, В. Н. Понятие предела и *Ἔρως* в платоновской перспективе (этимологический аспект) / В.Н. Топоров // Античная балканистика / Отв. ред. Л.А. Гиндин. – Москва: Наука, 1987. – С. 107–118.

22. Watkins, C. How to kill a Dragon: Aspects of Indo-European Poetics / Calvert Watkins. – New York; Oxford: Oxford University Press, 1995. – xvi, 613 p.

РОЛЬ БЕЛОРУССКИХ ПРОСВЕТИТЕЛЕЙ В РАЗВИТИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ БЕЛАРУСИ

А. С. Баранова

На современном этапе развития общества в условиях расширения международных контактов и взаимовлияний культур, повышения культурной компетенции специалистов правомерно и своевременно обращение к историко-культурному наследию белорусского народа. Белорусские просветители определили дальнейшее развитие педагогической науки в Беларуси, способствовали развитию интеллектуальной культуры Беларуси.

Труды белорусских просветителей имеют большое значение для развития просвещения и школы в Беларуси, для развития интеллектуального потенциала личности. В трудах заложены фундаментальные положения, которые необходимо сохранять и развивать на современном этапе. В работах Ф. Скорины (1490–1541) убедительно раскрыто назначение обучения – исправление и совершенствование человечества, развитие его духовного потенциала. В предисловии к первой печатной книге «Псалтырь» Ф. Скорина отмечал, что «некоторые притчами премудрых всякое писание... полезно к учению и к обличению, исправлению и утверждению правды. Да совершен будет человек... и на всякое дело доброе уготован... И сего ради... письма составлены к нашему учению, исправлению, духовному и телесному, различными обычаями единым законом, ветхим и новым... учителей» [1, с. 47]. Чтение, обучение рассматривалось Ф. Скориной как «лекарство душевное, утешение всем опечаленным, наиболее же тем, которые оказываются в бедах и в болезнях, надежда истинная восстания из мертвых и вечной жизни» [1, с. 48]. Чтение «Псалтыря» содействует моральному усовершенствованию человека. Ф. Скорина придавал большое значение псалмам, которые «якобы сокровище всех драгих скарбов, всяки немощи, духовныи и телесныи, узравляють, душу и смыслы освещают. Гнев и ярость усмиряють, мир и покой чинять, смуток и печаль отгоняют, чювствие в молитвах дают, людей в приязнь зводят, ласку и милость укрепляють, бесы изгоняють, ангелы на помощь призывають» [2, с. 77].

Николай Гусовский (1470–1533) подчеркивал большое значение духовной культуры для процветания государства: «Государство опирается больше на доблесть духа, чем на силу тела, о чем свидетельствуют как греки, так и римляне. Наиболее могущественны они были тогда, когда расцветали науки. А как только начали исчезать таланты, силы упали, а с падением последних обрушилась их держава и восторжествовало рабство» [1, с. 48].

Демократизм взглядов белорусских просветителей проявлялся в их борьбе за просвещение всего народа. Ф. Скорина, С. Будный (1530–1593) и их последователи стремились использовать Библию как средство просвещения населения. Просветители стремились к написанию книг понятным, простым языком, чтобы их содержание было доступно всем слоям населения: «Написаны теж и зовнутрь, понеже не толико докторове, а люди вченые в них разумеють, но всякий человек простой и посполитый, чтучи их или слушаючи, может поразумети, что ест потребно к душному спасению его...» [3, с. 157].

Симон Будный (1530–1593), Василий Тяпинский (1540–1604) призывали к обучению на родном языке. В книге «Катехизис для детей» просветитель придает большое значение книге, слову, родному языку, дает наставление любить книгу, слово, славянский язык: «А Вашим княжеским милостям... две книги написаны и поданы, а именно тем, которые сейчас сердцем молоды для пробуждения у них любви к слову... А также для того, чтобы ваши княжеские милости не толь ко иностранный язык почитали, но также... и тот издавна славный славянский язык изволили полюбить и им тешились бы. Справедлива ибо мысль есть, чтобы ваши княжеские милости изволили любить язык того народа, в котором [наши] давние предки и... отцы ваших княжеских милостей, славно ответственные должности исполняют...» [1, с. 70]. В предисловии Василия Тяпинского к Евангелию отмечается значимость издания книги на родном языке: «Рад показать веру мою, которую имею, главным образом народу своему русскому [т. е. белорусскому – А. Б.]. Те ее тем давним веком славною предков своих искусством... как надеюсь, подтвердят, если в чем ошибочна, то они исправят... которая из славянского, чтобы им также и их собственным языком русским из печати вышла» [1, с. 74]. Василий Тяпинский отмечал как негативный факт незнание родного языка, его «запущенность и просто презрение» [4]. Просветитель отмечал: «Что может быть жалостнейшим, что безобразно уродливым, что и те, которые между нами называются духовными учителями, смело скажу, еще меньше им не владеют, еще меньше его понимания не знают и в нем учатся, но даже и школы для его изучения не имеют, ради чего в польские либо в другие письмена за такой неволей не только себя и детей, не без стыда своего, чтобы только услышали, немало приучают?» [1, с. 75].

Белорусский просветитель, педагог Ян Лициний Намысловский (1566–1633) был примером образцового учителя, который использовал передовые методы обучения и воспитания, способствующие развитию интеллектуальной культуры личности. Будучи ивьевским учителем, Намысловский написал учебник по логике. Используя индивидуальный подход к учащимся, он оценивал каждого из учеников по отдельности: в честь послушания одного из учеников он издал учебник, в честь другого осуществил перевод стихов на немецкий язык. Подающим надежду юношам с целью побуждения к учебе, укрепления убеждений учитель издал книгу, в которой приводились афоризмы для того, чтобы юноши учились размышлять, опираясь на высказывания ученых. В «Избранных сентенциях» Я. Л. Намысловского отражаются различные стороны духовного развития личности, в краткой и выразительной форме раскрывается сущность мудрости, терпения, чванства, скромности.

Лаврентий Зизаний (г. рожд. не изв. – после 1633) работал учителем в братских школах во Львове, Бресте, Вильно. Он составил «Лексис» – своеобразную первую

славянскую энциклопедию, где давались краткие, но ценные сведения из истории, астрономии, географии, биологии, медицины, философии, юриспруденции и других наук, способствовавших расширению научного кругозора личности, толковались некоторые педагогические и психологические термины, много внимания уделялось вопросам воспитания и обучения. В «Послании старательным ученикам и всем любителям славянского языка, благозвучного и распространенного...» он отмечает «первую среди семи наук – грамматику любезнейшего нам славянского языка, хорошо изучив которую каждый может уверенно читать и без сомнений понимать книги на славянском языке и правильно писать...» [1, с. 108].

Педагог-просветитель и общественный деятель в Беларуси Казимир Нарбут (1738–1807) в своих работах представил ценные советы по воспитанию детей, развитию их интеллектуальной культуры. В работе «Логика, или Наука о размышлении и рассуждении, благодаря которой всякий сможет во всем достигать истины и остерегаться заблуждений» просветитель советовал прилагать постепенно усилия к тому, чтобы «постоянно приучать себя к умственному труду (к работе разума), и, если даже чувствуешь отвращение, не прекращай этим заниматься» [1, с. 146]. Родителям он советовал не пренебрегать необходимыми усилиями для приобретения хороших знаний или воспитания детей, не пользоваться воспитанием не так как надо, особенно излишними побряжками или неуместной суровостью. К. Нарбут рекомендовал родителям понять врожденные способности ребенка и в соответствии с ними поступать в процессе обучения. Просветитель призывал каждым своим действием, словом, даже малейшим движением (жестом) со всей необходимостью стараться прививать детям умственное совершенство, честность, добросовестность, справедливость и все то, что делает человека добрым и добродетельным, ибо дети, как воск, в котором легко можно выразить все. К. Нарбут считал, что молодежь можно направить на путь добродетели и всякого блага «не пространными словами и предостережениями или высокими и красивыми фразами... а хорошим примером; в этом больше может сделать чувственность и воображения, чем разум» [1, с. 147].

Белорусские просветители боролись за всестороннее развитие человека, за процветание нации, за развитие ее культуры, языка, за выявление и воспитание талантов, за развитие интеллектуальной культуры личности.

Литература и источники

1. Антология педагогической мысли Белорусской ССР / Сост. Э. К. Дорошевич, М. С. Мятельский, П. С. Солнцев. – М.: Педагогика, 1986. – 468 с.
2. Асвета і педагогічная думка ў Беларусі: Са старажытных часоў да 1917 г. / М. А. Ткачоў, У. С. Пасэ, Г. Р. Сянькевіч і інш. – Мінск: Народная асвета, 1985. – 464 с.
3. Старажытная беларуская лitarатура / уклад. Л. С. Курбека. – Мінск: Юнацтва, 1990. – 350 с.
4. История образования и педагогической мысли Беларуси / авт.-сост.: В. В. Пашкевич, А. С. Баранова, И. И. Колбаско и др. – Мозырь: Содействие, 2008. – 56 с.

НЕКОТОРЫЕ ФИЛОСОФСКИЕ ИДЕИ СИМЕОНА ПОЛОЦКОГО

Р. Н. Дождикова

Белорусский поэт, драматург, педагог, общественный и церковный деятель, один из зачинателей силлабического стихосложения в драматургии Самуил Емельянович Петровский – Ситнианович, который известен нам под именем Симеон Полоцкий (1629–1680), был выдающимся философом своего времени. В философии он развивал идеи знаменитого философа и ученого Альберта Великого (1193–1280). Философию подразделял на «разумительную» (логика), «естественную» (физика), «нравную» (этика). Философия – это мудрость, а философ – это мудрец, знающий и умеющий жить в мире. *Значение философии в том, что она исправляет души от зла, учит человека «благо жити», уподобляет человека ангелу.* В стихотворном цикле «Философия» Симеон Полоцкий пишет: «Естество дает токмо еже жити. Философия учит благо жити. Ово со скоты обще нам бывает. Сие аггелам нас уподобляет». *Человек – это мост между материей и духом, центр мироздания.* Человек – это существо «содружное», т. е. общественное, деятельное.

Мир согласно Симеону Полоцкому состоит из трех частей: 1) первообразный мир (Бог), 2) макрокосм (природа), 3) микрокосм (человек). Бог является активным и творящим духовным началом, которое из ничего творит все. В результате творения возникли две части мира – вещественная (земля, огонь, вода, воздух) и духовная. Из стихий образовался мир отдельных вещей, т. е. макрокосм. А на основе духовной части возникли ангелы (бестелесные существа) и душа человека. Сочетание материальной и духовной частей образует микрокосм, т. е. человека. Первообразный мир (Бог) непознаваем, в него надо только верить, а две другие части – природа и человек – познаваемы. Природа – это книга, которую доступно прочитать и изучить каждому, а человек – это город с пятью воротами (зрением, обонянием, вкусом, осязанием, слухом), через которые он и приобретает первичные знания.

Центр разума – в человеческом сердце, его задача хранить добрые мысли, избегать ошибок. Симеон Полоцкий называет семь ошибок разума (грехов): 1) *невежество*, причины его кроются в нежелании учиться, отсутствии условий для учебы и настойчивости в преодолении трудностей; 2) *нерассудие* (необдуманность, некритическое заимствование знаний); 3) *скоросудие* (поспешные выводы); 4) *непостоянство ума*; 5) *упрямство* (нежелание признать свои взгляды ошибочными); 6) *мудрствование плоти* (направленность на удовлетворение телесных наслаждений); 7) *желание узнать то, что меньше всего человеку дает пользу.*

Истину Симеон Полоцкий рассматривал с трех сторон: гносеологической, семантической, праксеологической. С гносеологической стороны истина понималась как мысленное отображение, адекватное отражаемому, с семантической – как наиболее точное воспроизведение самим предметом или явлением значения слова, с праксеологической – как совпадение дел человеческих с моральными законами. Нравственную чистоту человека охраняют шесть стражей: 1) *умеренность в еде и питье*, учтивость в шутках и скромность в общении; 2) *стеречься от безделья*, ибо безделье – мать привыкания ко злу; 3) *попроще тело наряжать*; 4) *следить за*

чувствами, чтобы не блуждали; 5) старательно *избегать болтливости*, ибо дурные беседы нам лучшие обычаи портят; 6) *случайностей остерегаться всяких*.

Актуально для современного человека и политики в целом звучит предупреждение Симеона Полоцкого о том, что всякое злое дело *«старайся пресечь вначале»*, «в корне упреждай»: «болезнь сразу легко вылечивается, трудно ее лечить, когда уже распространится... Гаси огонь с первой искры, ибо, когда разгорится, трудно будет угасить его водой». В своем стихотворении «Семь свободных наук» Симеон Полоцкий называет диалектику (философию) матерью всех наук, говорит о ее назначении: «Диалектика достойного Платона матерью наук справедливо наречена. *Смысл, мудрость она находит, разум просвещает, узлы развязывает»*, а в «Песенке о смерти» он фактически повторяет тезис стоиков «Memento mori» («помни о смерти»), говорит об ответственности каждого человека за свои дела перед лицом смерти: «Всякий человек, как бы ты не жил, помни, что умрешь – ешь ты или пьешь», «а посему прояви себя», не откладывая на завтра то, что можешь сделать сегодня, «живи с Богом теперь, пока час не пробьет», «богач роскошный», сколько бы не имел сокровищ «умрешь и все после себя оставишь» и «должен будешь однако отчитаться за все, хорошо ли ты употреблял это богатство, а если недостойно, тогда с богатством непременно быть тебе в огне вечном».

«Старец Симеон» руководил обучением двенадцати детей царя Алексея Михайловича, в одном лице был и «министром культуры», и «министром образования», подготовил к изданию два больших сборника стихов – «Вертоград многоцветный» (1678) и «Рыфмологион, или Стихослов» (1679), которые составляют основу его литературного наследия. Еще при жизни 1-й сборник был оценен как энциклопедия по христианской символике, истории, античной мифологии, теологии. Излагая мифы, Симеон Полоцкий отмечал, что делает это *«ведения ради, а не верения»*, выступал против язычества. Будучи последователем теории «просвещенной монархии» идеализировал царя как защитника Родины, мудрого и справедливого правителя. Первоочередной задачей государства и «просвещенного правителя» является установление всеобщей гармонии путем развития просвещения, торговли и культуры.

Симеону Полоцкому принадлежат первые трактаты по проблемам развития культуры и искусства («Прошение к царю об улучшении иконного писания», «Окружная царская грамота об иконном писании», «Слово к люботщателям иконного писания» и др.), в которых призывал к новаторским поискам, использованию передовых традиций и принципов.

КАНВЕРГЕНЦЫЯ РАЗУМЕННЯ ПАНЯЦЦЯ СВАБОДЫ Ў ПРАВАСЛАЎНЫМ І ПРАТЭСТАНЦКІМ МЫСЛЕННІ БЕЛАРУСІ КАНЦА XVI – ПАЧАТКУ XVII СТАГОДДЗЯЎ

Д. А. Смялякоў

У Беларусі канца XVI стагоддзя праваслаўная і пратэстанцкая думкі моцна зблізіліся. Ад татальнага разрознення да гарманізацыі пазіцый па-за тэалогіяй

прайшло не шмат часу. У выніку гэтай гарманізацыі праваслаўнае мысленне засвоіла шэраг пратэстанцкіх ідэй. Апроч звычайнай антыкаталіцкай пазіцыі, якая заключаецца ў непрыманні манархіі ў царкве, найбольшую цікавасць уяўляе выпрацоўка паняцця свабоды.

Андрэй Волан (1530–1610), знакаміты пратэстанцкі філосаф і прававед, палеміст, які атрымаў цудоўную адукацыю ў Франкфурце і Кёнігсбергу напрыканцы XVI стагоддзя яскрава ўводзіць паняцце свабоды ў інтэлектуальны кантэкст тагачаснай Беларусі. Андрэй Волан у пратэстанцкім ключы ўзводзіць свабоду ў абсалют, робіць яе асноўнай аксіялагічнай дамінантай чалавека і грамадзяніна. «Але, найбольшай каштоўнасцю, бадай ёсць свабода. Хоць чалавек і атрымаў ад маці прыроды добрыя разумовыя і фізічныя задаткі, якія, здаецца, і складаюць сапраўднае шчасце, аднак ва ўмовах адсутнасці свабоды гэтыя задаткі не могуць належным чынам выканаць сваё прызначэнне» [1, с. 12].

Дэфініцыя свабоды давалася праз дачыненне да права. Менавіта права і заканадаўства разумелася Андрэем Воланам неадрыўна ад паняцця свабоды. Але, каб грамадзяне мелі свабоду права таксама павінна было мець пэўную наменклатуру асаблівасцяў, а таму не толькі свабода з неабходнасцю вымагае права, але і права павінна быць адмысловым чынам складзена, каб грамадзяне мелі магчымасць рэалізаваць сваё права на свабоду.

Пры наяўнасці адмысловага права, свабода можа быць зрэалізавана толькі пры ўмове ўлады, якая не стварае права, але з'яўляецца яго гарантам. Іншымі словамі, кароль, як уладная дамінанта ёсць, перад усім, не праваднік уласнай волі, але абаронца і ахоўнік заканадаўства. Менавіта ўлада павінна браць на сябе абавязацельствы па захаванню і выкананню права. Дзякуючы правільным законам, іх вяршэнству і ўладзе, якая ахоўвае іх, толькі магчыма рэалізацыя свабоды сярод грамадзян дзяржавы.

Як апазіцыю да свабоды Андрэй Волан разумее рабства. Рабства, па яго думцы, з'яўляецца найгоршым злом у грамадстве. Прыводзячы цытаты з класікаў аўтар сцвярджае думку аб неабходнасці пазбаўлення ад рабства для гарманічнага развіцця грамадства і дзяржавы. Андрэй Волан піша: «Вучоныя мужы адзначаюць, што рабства падрывае ўсё добрае ў чалавечым грамадстве» [1, с. 12]

На пачатку XVII стагоддзя знаходзім глыбокае пранікненне вышэйпералічаных думак у праваслаўнае мысленне. Іоў Барэцкі (1560–1631), праваслаўны метрапаліт Кіеўскі, Экзарх Канстанцінопальскага трона, палеміст у лісце да караля з нагоды прысвячэння новай праваслаўнай іерархіі выкладае акурат падобных пратэстантызму тэзы. Улічваючы, што Кіеўскі метрапаліт пісаў у неадрыўнай сувязі з іншымі праваслаўнымі метрапалітамі Беларусі і Украіны, яго тэзісы з'яўляюцца натуральна прынятымі ў тагачасным праваслаўі Беларусі палажэннямі.

Іоў Барэцкі як і Андрэй Волан заўважае, што менавіта свабода з'яўляецца аксіялагічнай дамінантай чалавечага жыцця. Свабода з'яўляецца даражэйшым за жыццё і багацце, яна ёсць сэнс існавання чалавека як грамадзяніна.

У якасці свабоды Іоў Барэцкі разумее свядома прынятыя законы, а не тыя, што былі прымусява навязаны грамадству без яго адабрэння. Менавіта гэтая акалічнасць адрознівае грамадзяніна ад раба. Калі раб вымушаны падпарадкоўвацца ўсяму, што яму кажуць, то грамадзяне самі прымаюць законы, а потым з неабходнасцю іх

выконваюць. «Што для нас ёсць вольнасць, калі не ўлада свабодна прынятая? То ёсць жыць не ў прысмыканні запатрабаваным, але паводле праў дабравольна прынятых» [2, с. 514]. Пры гэтым, такая свабода ёсць «нам удзячнейшая за багацце, мілейшая за здароўе, важнейшая за жыццё» [2, с. 514].

Пры такім разуменні свабоды ўзрастае роля караля, бо менавіта каралеўская ўлада ёсць гарантам выканання законаў. Кароль павінен апеквацца свабодай людзей у тым сэнсе, што кароль сам знаходзіцца пад кіраваннем законаў і з'яўляецца гарантам выканання законаў усімі грамадзянамі краіны.

З гэткага разумення ўлады караля выцякае негатыўнае стаўленне да паняцце прымусу. Прымус ёсць прыгнётам свабоды, негатыўная характарыстыка, якая вядзе не да прагрэсу, а да заняпаду грамадства. Менавіта праз прымус адбываецца раскладанне царкоўнай структуры, дзяржавы і ўлады, іншымі словамі прымус слабага, робіць яшчэ больш слабым.

Дзякуючы такой пазіцыі яскрава вымалёўваецца паняцце палітычнай свабоды, як яе разумелі праваслаўныя. Для іх палітычная свабода, ёсць абавязкі, якія былі прыняты не з прымусу, а па добрай волі. Прымус ёсць таталітарная небяспека, якая не выцякае з законаў, а ёсць парушэннем гэтых законаў. У «Justificatia newinności» Іоў Барэцкі піша: «а з прымусу прасцей пасці слабаму; паколькі народ наш Рускі пад паслушэнствам патрыяршым быўшы, без духоўных сваіх уласных ні якім чынам абысціся не мог» [2, с. 530].

На пачатку XVII стагоддзя праваслаўная і пратэстанцкая думкі моцна гарманізаваліся. Відавочны пратэстанцкі ўплыў на праваслаўнае мысленне запачаткаваў дамінацыю паняцця свабоды і разуменні яе ў неадрыўнай еднасці з правам. Дадзеная акалічнасць сталася адной з асаблівасцяў інтэлектуальнага кантэксту палемічнага мыслення Беларусі канца XVI – пачатку XVII стагоддзяў.

Літаратура і крыніцы

1. Волан, А. Аб грамадзянскай, або палітычнай свабодзе / А. Волан; пер. з лац. У. Шатона. – Мінск: Зміцер Колас, 2009. – 142 с.
2. Justificacia newinności // Архив Юго-Западной России: в 2 ч. – Киев, 1887. – Ч. 1. – Т. 7. – С. 525–547.

ПРОБЛЕМА РАЗВИТИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ XVII в. БЕЛАРУСИ В ОТРАЖЕНИИ «ЛАБИРИНТА» ФОМЫ ИЕВЛЕВИЧА

В. В. Старостенко

Важнейшим фактором развития национально-культурного сознания белорусов первой половины XVII века являлось созревшее убеждение в необходимости духовного обновления общества. Белорусско-украинской мыслью в первой трети столетия разрабатывается новая стратегия – социально-религиозного компромисса, основанная на переносе центра тяжести на легальную церковно-политическую и культурно-просветительскую деятельность. Деятельность эта связана с выходом на историческую арену нового поколения православных церковных и культурных

функционеров, сторонников идеи конструктивного синтеза восточных и западных духовных ценностей. К этому поколению принадлежали дидаскалы и учащиеся белорусских и украинских братских школ, профессора и студенты Киево-Могилянской академии. Идеологами и выразителями данной тенденции являлись Лаврентий Зизаний, Фома Иевлевич, Сильвестр Косов, Петр Могила [2, с. 80–90].

Попытка осмысления отечественного бытия в новых условиях была предпринята видным деятелем братского движения, уроженцем Могилева Фомой Иевлевичем (конец XVI – не позже 60-х гг. XVII в.). Первоначальное образование он получил в могилевской Спасской братской школе, около 1625 г. закончил философский факультет Краковского университета. Преподавал в киевской Богоявленской школе, в 1628–1632 гг. занимал должность ее ректора. Взгляды Иевлевича получили отражение в философско-публицистической поэме «Лабиринт, или запутанная Дорога, где Прекрасная Мудрость по долгу своему господам Могилевчанам и тем, кто им подобен в действиях своих, кратчайший и наилучший путь указывает» (Краков, 1625 г.) [3].

Повествование в «Лабиринте» ведется от лица «Прекрасной Мудрости», устами которой автор излагает свои мысли и суждения. Идея Мудрости, или Софии как основы мирового порядка, восходит к античности, для которой характерно двойственное понимание мирового разума: и как интеллекта, и как мудрости. Идея эта проникла в культуру Древней Руси («Слова» Илариона, К. Туровского, Изборник 1073, Киевская, Полоцкая и Новгородская София и др.), утвердилась в философии Киево-Могилянской академии. Она отражала тенденцию сближения веры и философии.

В представлении Фомы «Могущественная и прекрасная госпожа Мудрость» – движущая сила мироздания и человеческого духа. Она «мир пестует». «Нет ничего тайного», что могло бы укрыться от ее «всевидящего ока». Она способна постигнуть творение «из ничего», проникнуть в «сущность каждой вещи». Фома убеждает читателя, что не существует «большого сокровища», чем «Прекрасная Мудрость», и призывает своих соотечественников посвятить жизнь ее постижению [5, с. 258–264]. «Лабиринт» адресован младшему могилевскому братству, но, в сущности, предназначается всему мещанскому сословию, всему «именитому народу Славянскому» [1, с. 65]. Поэт стремится предохранить Отечество «от несчастья и непогоды», побудить свой «уязвленный до самых костей» народ к духовному возрождению [5, с. 258, 260].

Фома крайне обеспокоен состоянием общества, родины. Нынешнему «железному веку» он противопоставляет минувший, «золотой век», когда царили «згода», веротерпимость, гражданский мир и согласие, интересы общего блага. На смену «золотому веку» пришли «смутные» времена. «Нет среди людей, – с горечью констатирует "Мудрость", – подлинного представления о добродетели или истинной мере справедливости». «Остались лишь их тень, подобие» [5, с. 260, 270, 272, 276, 278, 282]. Духовную опору возрождения автор видит в «старине», в великом историческом прошлом «стародавних шляхетных Славян» [5, с. 272, 260]. Надежду на спасение Отечества Иевлевич связывает также с деятельностью виленского и львовского православных братств, возглавлявших борьбу за национально-культурное возрождение белорусских и украинских земель. Они являются примером для всех

«милых мещан»: «... к товариществу и единению... склоняются панове Львовяне, этим давно уже гордятся панове Вильняне» [5, с. 272, 280, 282].

Иевлевич был движим заботой о развитии отечественной духовной культуры, ее сохранении перед угрозой денационализации и полонизации. Он восхищается античной наукой и литературой, прославляет Аристотеля, который «в науках верховодил» и пользовался покровительством самой «Прекрасной Мудрости». Вслед за Скориной благожелательно высказывается о мудром государственном правлении покровителя наук «великого Соломона», рекомендует для чтения греческий роман «Александрия». На примере Александра Македонского показывает, что государственные деятели становились великими благодаря мудрым воспитателям. В общем и целом Иевлевич трактует «Мудрость» как единство Знания, Культуры и Веры. Мыслитель с сожалением констатирует, что занимающие духовные должности «люди простые» и получающие приходы по наследству «науками добрыми» не интересуются, церковное дело «запустили» и «себя оградили делами частными». Поэтому «лежат на столах нетронутые мемориалы, а в заплесневевших требниках бегают моль». «Как же они о Боге учат, – возмущается поэт, – если сами не понимают?.. Не свет, а темноту насаждают» [5, с. 274, 276]. Особое значение Иевлевич придает образованию молодежи. Он высмеивает ретроградство тех «милых мещан», которые беспокоятся «больше о торговле, чем о школе»; своих детей торопят «в дело запрячь» [5, с. 266, 268]. С горечью констатирует, что пренебрежение школьным делом уже принесло свои пагубные плоды: катастрофически не хватает образованной молодежи. Те же, кто смог, преодолевая лишения и непонимание, выучиться, нередко вынуждены покидать родину и отправляться за границу, где можно «служению Музам день и ночь посвящать». Ученые же чужестранцы служат, подобно хищным птицам, лишь из корыстных побуждений: «вьются над домом, пока голодны, а когда насытятся – по домам своим летят» [5, с. 266, 268, 272].

Для Иевлевича характерно осознание того, что развитие просвещения является общенациональным делом, невнимание к образованию, науке ведет к деградации общества, народа. «Взглянуть не хотите на великое убожество прекрасных наук: с ними край ваш тает, как снег». Возрождение наук, развитие школьного дела равнозначно заботе «об отечестве и вере». Иевлевич призывает зажиточных мещан, всех «благородных Славян» возродить традиции меценатства, содействовать школьному и церковному делу, проявив себя в «достойном попечительстве» [5, с. 268–284]. Ратуя за приобщение к европейской науке и образованию, Иевлевич в то же время пытается предостеречь белорусскую молодежь, стремящуюся для получения знаний в «чужие сады» (западноевропейские университеты), от опасности «неизлечимого струпа» и «блудной слепоты» – влияния реформационной и католической идеологии. Защищая православие, Фома расценивает конфессиональную переориентацию как отступничество. В то же время он выступает за создание отечественной высшей школы, где был бы осуществлен синтез европейской образованности и национально-религиозных духовных ценностей, предвосхищая тем самым направленность деятельности Петра Могилы. Попытку реализации этой идеи Иевлевич осуществил в 1628 г., возглавив киевскую Богоявленскую братскую школу.

Творчество Иевлевича – свидетельство преемственности гуманистических традиций Ф. Скорины, В. Тяпинского, С. Будного, Л. Зизания, М. Смотрицкого и других философов и просветителей XVI – начала XVII вв., формировавших идеал духовной и национально-культурной жизни белорусов. В то же время Иевлевич расширяет и конкретизирует спектр задач национального духовно-культурного развития. Идеиные установки Фомы Иевлевича получили продолжение в последующей белорусско-украинской мысли, стали лейтмотивом деятельности мыслителей и просветителей, церковных подвижников круга Петра Могилы и Сильвестра Косова, профессоров Киево-Могилянской коллегии [4].

Литература и источники

1. Голенченко, Г. Я. Идеиные и культурные связи восточнославянских народов в XVI – середине XVII в. / Г. Я. Голенченко. – Минск: Наука и техника, 1989. – 285 с.
2. Падокшын, С. А. Унія. Дзяржаўнасць. Культура: Філасофска-гістарычны аналіз / С. А. Падокшын. – Мінск: Беларускае навук, 1998. – 111 с.
3. Старостенко, В. В. «Лабиринт» Фомы Иевлевича / В. В. Старостенко. – Могилев: [б.и.], 1998. – 60 с.
4. Старостенко, В. В. Становление Киево-Могилянского православия и формирование стратегии социально-религиозного компромисса во второй трети XVII в. // Довгирдовские чтения II: философская классика и современные проблемы социокультурного развития: материалы международной научной конференции, г. Минск, 11 ноября 2011 г. – Минск, 2012. – С. 81–87.
5. Українська література XVI–XVIII ст. та інші слов'янські літератури. – Київ,: Наукова думка, 1984.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ПУРИТАН НОВОЙ АНГЛИИ И ФИЛОСОФСКАЯ МЫСЛЬ БЕЛАРУСИ XVII–XVIII вв. В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА

А. Л. Церковский

*«Дайте выработаться и развиться
внутреннему человеку! Дайте ему время и
средства подчинить себе наружного, и у вас
будут и негоцианты, и солдаты, и моряки, и
юристы; а главное, у вас будут люди и
граждане»*

Н. И. Пирогов

Анализ философской мысли конкретной культуры предполагает комплексное изучение ее истории, философии, литературы. Данная работа посвящена типологическому сопоставлению ранней американской и белорусской философской мысли XVII–XVIII вв. в контексте истории литературного процесса двух стран.

Американская цивилизация с самого начала своего существования испытывала к Европе т. н. «эдипов синдром» – как первые колонисты, которые были носителями идей христианской теократии, так и их ближайшие последователи ощущали

генетическое родство с культурой европейского континента.

Касаясь вопроса зарождения американской нации, ее самобытной государственности и культуры, многие исследователи приходят к выводу, что культурно–цивилизационное пространство современных США во многом базируется на религиозно–нравственной модели пуританского видения мира.

Так называемый «пуританский миф» сегодня рассматривается как наиболее вероятная историческая матрица американского общества, что подтверждают Т. Г. Голенпольский и В. П. Шестаков: «Присущий отцам–пилигримам религиозный оптимизм... служил той идейной основой, на которой формировалось духовное лицо Америки» [1, с. 62]. Следует отметить, что среди историков, философов и литературоведов до сих пор ведутся дискуссии по этому вопросу. Некоторые исследователи, признавая значимость пуритан в историческом развитии США, советуют не переоценивать влияния этой религиозной группы на будущее великой страны.

Дж. Уинтроп, видный политический деятель Новой Англии, выразил интересные мысли по поводу смысла и ценности идеального общественного устройства на основе христианских идей: «Мы должны находить радость друг в друге, делать жизнь других своей жизнью, радоваться вместе и печалиться вместе, трудиться и страдать вместе, всегда держа перед глазами наше доверие друг к другу и нашу коммуну в труде, членов нашей коммуны как частей одного целого» [2, с. 102]. В сущности своей эти мысли ориентированы на деятельностно-гуманистический принцип миропознания, отражающий ту модель идеального типа общества, которую видели перед собой пуритане.

Пуританско–философское (Баранова) мировоззрение, базирующееся на учении Кальвина, стало движущей силой для переселенцев в осмыслении окружающей их действительности. Философская мысль Новой Англии развивалась в русле консервативных теоцентрических идей, привезенных пуританами из Англии. Но с течением времени адептам пуританизма пришлось вступать в полемические беседы с прогрессивной философией Европы. История сохранила имена многих мыслителей XVII–XVIII вв. в Новой Англии, среди которых можно отметить Уильяма Брэдфорда и Коттона Мэзера. Но одна из самых ярких попыток создания философской концепции на базе пуританской картины мира принадлежит Джонатану Эдвардсу, в творчестве которого, по мнению М. М. Кореневой, «...достигла своей наивысшей вершины пуританская мысль и пуританская традиция религиозно-философской прозы Новой Англии» [3, с. 350].

Интересно, что Дж. Эдвардса философы называют философом, богословы – богословом, а литературоведы – писателем, философом и богословом. В своих работах («Sinners in the Hands of an Angry God», «The Nature of True Virtue» и др.) Дж. Эдвардс много рассуждает о философии рационализма, постоянно ссылаясь на работы Декарта, Дж. Локка, Т. Гоббса, Б. Спинозу. Его труды содержат в себе рассуждения об эпистемологии, метафизике, этике. Все это позволяет утверждать, что Дж. Эдвардс является одним из самых ярких представителей ранней американской философии и литературы.

На культуру Беларуси XVII–XVIII вв. оказали существенное влияние: Реформация и Контрреформация, церковная и политическая уния, обострение

социально–политических, национальных и сословных противоречий (см. об этом: [4]).

Белорусские земли находились в конфедеративном составе в Речи Посполитой, однако польская корона стремилась сделать из этого государственного образования национальное польское государство, что, разумеется, негативным образом влияло на культуру Беларуси.

Популярность приобретают философские идеи европейских просветителей: Д. Дидро, Ж. Ж. Руссо, Ф. Вольтера и др. Яркий след в белорусской интеллектуальной сокровищнице оставили М. Карпович, Б. Дабшевич, К. Нарбут и др (см. об этом: [4]).

С конца XVI в. в европейской литературе и искусстве расцветает стиль барокко. Для эстетики барокко в литературе характерна апелляция к чувствам, противоречивость (синтез иллюзии и реальности), метафоричность, напряженность действия, динамика образов, символизм. Этими художественными характеристиками обладают многие произведения пуритан Новой Англии. (Например, «Великие Деяния Христа в Америке» К. Мэзера).

На белорусских землях, ввиду культурных особенностей региона, сформировалось два основных течения барокко: западноевропейское (католическое: М. К. Сарбевский) и восточнославянское (православное: Л. Карпович, М. Смотрицкий, А. Филиппович). Также имело место униатская разновидность барокко (И. Патей, И. В. Рутский), основная характеристика которого заключалась в синтезе западноевропейского и восточнославянского барокко.

Белорусская литература описываемого периода характеризуется многожанровостью и полилингвизмом текстов (начиная с пер. пол. XVI в. можно встретить литературу новолатинскую, старославянскую, польскую и собственно белорусскую). Ввиду искусственной изоляции белорусского языка, национальная литература все больше приобретала статус маргинальной. В условиях барочной эстетики, полилингвизма и языкового изоляционизма белорусская литература была не в состоянии развивать свой богатый лексико-синтаксический потенциал.

Виднейшим представителем белорусской философской мысли является С. Полоцкий – поэт, философ, теолог, книгоиздатель, просветитель и общественный деятель. Его работы основаны на христианской эстетике, изобилуют гуманистическим пафосом. Наиболее значительными достижениями его художественно-проповеднического труда стали сборники поэтических произведений «Абед душэўны» і «Вячэра душэўная», которые характеризуются сочетанием приемов красноречия с поэтическим синтаксисом, дидактизмом, утверждением христианских ценностей.

Летописный жанр в уступает место историко–мемуарной литературе (что особенно было популярно в Новой Англии. Например, работы У. Брэдфорда, К. Мэзера), поэзии, публицистике. Под влиянием идей Реформации и Контрреформации пишут свои работы С. Будный и В. Тяпинский, М. Смотрицкий и Л. Карпович и др. Отличительными образцами мемуарной литературы становятся светские дневники. Примером может служить «Дыярыуш» А. Филипповича, в котором ярко описываются значимые события истории отечества. Этот жанр активно развивается и в Новой Англии: хорошо известны дневники С. Сьюолла, К. Мэзера и

др.

В этот период наблюдается расцвет историко–мемуарной литературы. Во множестве произведений, написанных в этом жанре, авторы, описывая исторические события, уделяют большое внимание описанию собственных переживаний и впечатлений. Это связано с влиянием идей Ренессанса, секуляризацией общества и гуманистическими тенденциями в культуре. Все это впоследствии способствовало развитию индивидуализма, социальной значимости и творческой активности человека.

В области литературы особенно интересно идейно-художественное сопоставление дневников, мемуаров, историко-мемуарной и документальной прозы. В литературе этих культур ярко отражены искания людей, их философские, религиозные и гражданские взгляды.

Таким образом, через анализ интеллектуальной культуры пуритан Новой Англии и философской мысли Беларуси XVII–XVIII вв. в контексте истории литературного процесса можно сделать вывод о том, что в этот период как новоанглийская культура, так и белорусская развивались в русле теоцентрической парадигмы социального знания. Для философской мысли Беларуси были характерны интегративные и дезинтегративные конфессиональные процессы, сохранение своей самобытности и поиск новых путей для развития общества. Для ранней американской философской мысли, также насыщенной религиозными модусами, был характерен поиск самости зарождающейся нации, определение тех критериев, которые описывали бы автономию гражданских и религиозных общин.

Литература и источники

1. Голенпольский, Т. Г., Шестаков В. П. «Американская мечта» и американская действительность / Т. Г. Голенпольский. – М., 1981. – 208 с.
2. Bremer, F. John Winthrop: America's Forgotten Founder. Oxford: Oxford University Press, 2003. – 299 p.
3. Коренева, М. М. Джонатан Эдвардс / М. М. Коренева // История литературы США: в 7 т. – М., 1997. – Т.1. – С. 350–385.
4. Козел, А. А. Философская мысль Беларуси: учеб. пособие / А. А. Козел. – Минск, 2004. – 352 с.

РОЛЬ НОВОЕВРОПЕЙСКОЙ ТРАДИЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ БЕЛОРУССКОЙ НАУКИ

Л. Е. Лойко

Понятие «Новое время» употребляется в двух смыслах. В узком смысле оно применимо к европейской философии XVII в., когда обозначились ее особенности: рационализм, гносеологизм, методологизм. В широком – распространяется на несколько столетий – от Возрождения до второй половины XIX в., – в течение которых зародилась, теоретически оформилась и получила практическую реализацию новоевропейская картина мира, основанная на индустриально-городских, техногенных ценностях. Именно в этом контексте мы и будем

рассматривать развитие науки в Беларуси.

В Новое время сформировалась философия природы и науки.

Природа занимает особое место в менталитете белорусского народа, о чем свидетельствуют развитые природные культы и славянская мифология дохристианского периода. Статус природы был очевиден уже в ранней – средневековой философии. В Новое время этот раздел получил дальнейшее развитие, чему в значительной мере способствовала методология системного моделирования стратегий природопользования, предложенная Н. Гусовским. Он подробно рассмотрел ценностный, социально-правовой, эстетический аспекты взаимоотношений человека с природой, а также выделил и показал возможные последствия различных моделей отношения к природе. В частности, он сравнил перспективы деятельности, основанной на товарном земледелии и лесном хозяйстве.

Интерес философии к проблемам природы способствовал развитию естественных наук, практических знаний, техники. Сложились местные школы эмпиризма и рационализма.

Представители рационализма опирались на европейскую рационалистическую парадигму. Особой популярностью пользовались философские системы Р. Декарта, И. Канта. Актуальной была идея соединения естественнонаучного рационализма с практикой, прикладными исследованиями в области инженерной, технической, технологической мысли. В XVIII в. Г. Конисский утверждал, что в основе единства природного мира лежит праматерия, а ее главные свойства – устойчивость в процессе изменений, движение, пространство, время. Он призывал руководствоваться разумом в познании природных явлений, анализировал возможности методов индукции и дедукции, изучал формы логического мышления и их роль в познании.

Представителем эмпиризма был К. Семенович, обосновавший принцип соединения свободных теоретических и механических наук. Результатом его стала книга «Большое искусство артиллерии», изданная в XVII в. в Голландии. Симеон Полоцкий подробно проанализировал возможности человека в познании природы. Природу он сравнивает с книгой, которую человек может прочитать и изучить. Первой и необходимой ступенью в познании являются чувства, но они должны дополняться рациональным познанием. Разум же может допускать ошибки, которые С. Полоцкий называет «грехами ума». Это – невежество, нерассудие, скоросудие, непостоянство ума, упрямство, мудрствование плоти, желание узнать то, что меньше всего дает человеку пользу. Распространением естественнонаучных знаний и идей Просвещения в XVIII в. занимался И. Копиевич, который подготовил теоретическую программу практических преобразований, предпринял попытку адаптировать прагматичные установки английского просвещения к конкретным условиям России. Работа эта велась по поручению и просьбе Петра I.

Естественнонаучный материализм и эмпиризм характеризовали творческую жизнь Виленского университета в XVIII–XIX вв. Здесь сложились астрономическая, историко-этнографическая, логическая научные школы; культивировались идеи свободы научного поиска, любви к знаниям (филоматы) и морально-этических регулятивов познавательной деятельности (филареты). В университете работали астрономы М. Почобут и Я. Снядецкий, географ Т. Зан, этнограф Я. Чечёт, биолог Я. Домейко. В это время сложилась особенность в изучении природы – стремление к

практической реализации научных знаний.

В рамках политико-правовой проблематики разрабатывались идеи межгосударственной интеграции и федерализма. Социально-правовая мысль опиралась на глубокий анализ категорий: «закон», «ответственность», «свобода». Ф. Скорина утверждал, что закон является основой гармоничного развития общества, а беззаконие – грехом. Н. Гусовский выступал за централизованную власть, основанную на определенной идеологии, чтобы справляться со шляхетским забавами. В международных отношениях он был сторонником федерализма и межгосударственной интеграции. Мир, справедливость и власть закона связывал с деятельностью великих личностей, которые должны появиться на родине. М. Литвин в трактате «О нравах татар, литовцев и москвитян» подчеркивал, что в создании правовых актов нужно опираться на науку, а также учитывать нравы, обычаи, традиции народов, населяющих страну. С. Будный акцентировал проблему свободы как право выбора, основанного на знании объективной реальности (необходимости). А. Волан изложил свои политико-правовые взгляды в сочинениях: «О политической или гражданской свободе», «О государе и его личных добродетелях», «О счастливой жизни, или наивысшем человеческом благе». Концепция А. Волана основана на понятии свободы, которую он одним из первых в Европе рассматривает с юридической точки зрения. Главным содержанием свободы у А. Волана являются:

- гарантированная законом защита человека от несправедливости и посягательств на его жизнь;
- правовая охрана личных и имущественных прав человека;
- правовое ограничение феодального единовластия и произвола;
- подчинение всех без исключения государственных служащих, в том числе и монарха, закону;
- разрешение конфликтных ситуаций между гражданами только в судебном порядке;
- создание подлинно справедливых и независимых судов;
- воспитание высококвалифицированных и высоконравственных юристов.

Л. Сапега рассматривал роль закона и права в политической жизни как внутри государства, так и на международном уровне. М. Смотрицкий утверждал, что свобода дана человеку от рождения, но она предполагает соблюдение законности. С. Полоцкий отстаивал идеал сильной и просвещенной монархии, в которой почитается закон. Он обосновывал необходимость единения восточнославянских народов.

В целом – на основе идеи об определяющей роли права в государственной жизни, разрабатывался прикладной аспект философии права. Сложилась методология системного подхода в разработке правовых актов, практическим результатом которой стали Статуты Великого княжества Литовского. Белорусские мыслители внесли существенный вклад в развитие теории правового государства и общеевропейских представлений о правах человека. Социально-правовая трактовка свободы была дана в аспекте сосуществования различных культурно-исторических традиций.

КОНЕЧНЫЙ И БЕСКОНЕЧНЫЙ РАССУДОК В ФИЛОСОФИИ С. МАЙМОНА

А. И. Бархатков

Философия С. Маймона, одного из тех уроженцев белорусской земли, чье творчество имело не только локальное, но и всемирно-историческое философское значение, долгое время рассматривалась лишь как один из переходных этапов в истории послекантовского немецкого идеализма. Однако в современной историко-философской науке все более распространяется подход к маймоновским работам как к составляющим самостоятельную и оригинальную философскую систему, значительно повлиявшую на ряд важнейших философских школ и направлений XIX–XX веков и обладающую рядом черт, становящихся актуальными в контексте современного философского дискурса. Стержневым понятием философии С. Маймона, рассматриваемой как единое систематическое целое, является его понятие бесконечного рассудка.

Своеобразным отправным пунктом учения С. Маймона о бесконечном рассудке служит кантовское понятие созерцающего рассудка. И. Кант вводит понятие созерцающего рассудка лишь для того, чтобы показать, что наш рассудок, обладающий дискурсивной природой и потому нуждающийся в данных извне созерцаниях, таковым не является. С. Маймон берет это лишь проблематичное кантовское понятие и наделяет его объективной значимостью: по С. Маймону, идея бесконечного рассудка совершенно необходима для объяснения специфики человеческого познания. Рассудок, не ограниченный чувственностью и потому обладающий абсолютным познанием своих объектов, мыслитель обозначает понятием бесконечного рассудка.

В «Опыте о трансцендентальной философии» он дает этой постулируемой им сущности следующее определение: «Мы допускаем (по крайней мере, как идею) бесконечный рассудок, у которого формы суть в то же время сами объекты мышления; или который производит из себя самого все возможные способы отношений и связей вещей (идей). Наш рассудок точно такой же, только некоторым ограниченным образом» [1, s. 37]. Таким образом, в качестве ключевой отличительной особенности бесконечного рассудка в маймоновской философии выступает тождественность в нем форм и объектов мышления. Это тождество формы и объекта мышления осуществляется в его философии посредством редукции второго к первой, так что объект мышления рассматривается лишь как продукт его собственной формы. Иными словами, если рассматривать формальный аспект познания как познание отношений между объектами, а материальный его аспект – как познание сущности объектов, находящихся в данных формально определенных отношениях, то материальный аспект целиком и полностью сводим к формальному: в сущности объекта нет ничего, что не было бы определено его внешними отношениями. Эта очевидно опирающаяся на пример математики как наиболее точного и достоверного познания модель мышления, тем самым, устраняет из понятия мышления всякую чувственность, делает его мышлением как таковым, свободным от примеси чего бы то ни было, мышлением не являющегося.

Так как бесконечный рассудок, с одной стороны, мыслит свои объекты как определенные их взаимными отношениями, а, с другой, усматривает эти отношения во всей их тотальности, то познание любого объекта означает для него и познание всех находящихся с ним в каких бы то ни было отношениях других объектов. Тем самым бесконечный рассудок, познавая любой объект, познает его в контексте всего универсума его отношений, и, таким образом, познает всю полноту действительности в каждой части этой действительности. Как отмечает С. Маймон в работе «О прогрессе философии»: «Бесконечный рассудок развивает из понятия малейшего создания понятие всего возможного; из представления малейшего единичного обстоятельства – историю всех времен; короче, он находит все во всем!» [2, s. 42]

Согласно С. Маймону, человеческое познание, поскольку оно рассматривается независимо от присущей человеку чувственности, т.е. как исключительно рациональное познание, сущностно не отличается от бесконечного познания. В маймоновской философии различие конечного и бесконечного рассудка поэтому характеризуется как исключительно количественное различие, так что мы можем составить себе представление о природе бесконечного рассудка, просто абстрагировавшись от присущей нашему мышлению ограниченности.

Но различие между конечным и бесконечным рассудком, по С. Маймону, не только носит лишь количественный характер, но и само это количественное различие постулируется им как постепенно сокращающееся, соответственно прогрессу человеческого познания, проникающего все глубже в сущность вещей. И хотя бесконечное познание выступает в таком случае как недостижимый идеал, к которому конечный, обремененный чувственностью, рассудок может лишь бесконечно стремиться, никогда его не достигая, сама способность человека все более приближаться к этому идеалу подлинно рационального знания, составляет, согласно С. Маймону, высочайшее предназначение человека как разумного существа. В «Критических исследованиях о человеческом духе» мыслитель пишет: «Далее, человек рассматривает себя как объект природы, следовательно, как ограниченное существо, и, однако, так как его познавательная способность простирается на все возможные объекты, он находит себя в состоянии продвигаться вплоть до Бесконечного, и, не переставая, приближаться к бесконечной познавательной способности (Божеству). Можно ли помыслить за каким-либо существом, после Бога, большее достоинство?» [3, s. 244–245].

Однако, рассматривая различие между конечным и бесконечным рассудком как лишь количественное, и, притом, изменяющееся в сторону все меньшего различия, мыслитель тем самым устанавливает соответствующее отношение и между познанным и непознанным в человеческом сознании. Так как конечный рассудок конечен лишь в той мере, в какой его познания о мире неполны, т.е. представлены в форме созерцания, то приближение его к бесконечному рассудку есть сокращение сферы данности и расширение сферы самого познания. Тем самым перед человеческим мышлением ставится бесконечная задача сведения всех фактических данностей к их логическим основаниям, т.е. замена эмпирических положений априорными суждениями.

Учение С. Маймона о бесконечном рассудке не только помогло ему привести свои философские идеи в форму последовательно монистической системы

трансцендентальнаго ідэалізма, но і ў значыльнай ступені прэадэфініравала вектар далейшага развіцця нямецкага ідэалізма ў напраўленні аб'ектыўна-ідэалістычных філосафскіх канцэпцый Ф. В. Й. Шеллінга і Г. В. Ф. Гегеля.

Літаратура і крыніцы

1. Maimon, S. Versuch über die Transscendentalphilosophie mit einem Anhang über die symbolische Erkenntniß und Anmerkungen / Salomon Maimon; Herausg. von A. Berger. – Tübingen: Andreas Berger, 2003. – 214 s.

2. Maimon, S. Ueber die Progressen der Philosophie / Salomon Maimon // Maimon S. Streifereien im Gebiete der Philosophie [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pbi.edu.pl/book_reader.php?p=41088. – Дата доступа: 12.02.2013.

3. Maimon, S. Kritische Untersuchungen über den menschlichen Geist / Salomon Maimon. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://books.google.by/books?id=9sUAAAAAcAAJ&dq=Kritische+Untersuchungen+%C3%BCber+den+menschlichen+Geist&source=gbs_navlinks_s. – Дата доступа: 23.03.2013.

ПАМЕЖЖА ЭПОХ, СКЛАДКА КУЛЬТУР, СКРЫЖАВАННЕ ЦЫВІЛІЗАЦЫЙ: ІНТЭЛЕКТУАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА БЕЛАРУСІ І ЛІТВЫ ПЕРШАЙ ПАЛОВЫ XIX СТАГОДДЗЯ

І. М. Бабкоў

Першая палова XIX стагоддзя займае на мапе эпох асаблівае месца.

Як гістарычны перыяд яна мае бяспрэчную цэльнасць. І цэльнасць гэтая звязаная не толькі з гістарычнай унікальнасцю, а прычынай канфігурацыяй гістарычных падзеяў, але і з сістэмнымі зменамі ў палітычным, сацыяльным і культурным полі тагачаснага грамадства.

«Падзейная» гісторыя надзвычай насычаная: эпоха пачынаецца і сканчаецца двума паўстаннямі, трэцяе ўтварае яе цэнтр і кульмінацыю. У прамежку – прыход і сыход Напалеона. Паўстаўанне, узлёт і закрыццё Віленскага (імператарскага) універсітэта, пакаленне філаматаў, якое звязвае эпоху ў адно, праз асабістыя біяграфіі.

Калі мы спрабуем убачыць гэты перыяд са стратэгічнай перспектывы, перспектывы доўгага трывання, ён выступае як эпоха пераходу.

Эпоха, што размяжоўвае (але і ў той жа час злучае, сутыкае) розныя гістарычныя тыпы грамадства: шматмоўнае поліэтнічнае грамадства Вялікага Княства (Рэчы Паспалітай) і новыя «нацыянальныя» грамадствы, выбудаваныя ўжо ў мадэрным рэжыме, на іншых прынцыпах і падставах.

Адбываецца паступовы сыход традыцыйнага шляхецкага грамадства сармацкай цывілізацыі – надзвычай апырычнага сацыяльна-палітычнага і культурна-цывілізацыйнага ладу. І далей уваходжанне ў зону мадэрнасці, якая радыкальна трансфармуе гэты лад, утвараючы адмысловую канфігурацыю паралельных, а часам і канкурэнтных, нацыянальных праектаў.

Але гэтая эпоха не толькі развітваецца з мінулым. Яна спрабуе перахаваць, захаваць мінулае, – на іншым ўзроўні. Мы маглі б сказаць, што ў гэтую эпоху

ўпершыню паўстаюць механізмы культурнай памяці, для якіх сармацкая цывілізацыя і яе спадчына выступае не проста як аб'ект *крытычнага разрыву*, але і як *аб'ект жадання*, настальгічнай рэканструкцыі.

Сармацкая цывілізацыя пачынае выступаць у гэтыя часы як агульнае мінулае для розных культурных праектаў і ідэнтычнасцяў, ужо нацыянальных альбо протанацыянальных.

Потым, надалей, новыя нацыянальныя праекты будуць звяртацца ў той альбо іншай ступені да агульнага мінулага, упісваць гэтае мінулае ў свае міфы паходжання, канфліктаваць міжсобку з-за тых альбо іншых постацяў, гістарычных падзей. Спадчына старой гістарычнай Літвы (і шырэй – Рэчы Паспалітай) будзе ўплываць на новыя ідэнтычнасці, пераўтварыцца ў культурны міф і прарасце ў новыя нацыянальныя культуры.

Такім чынам сістэмнасць эпохі дынамічная, і яна значна лепш бачная не ў сінхроністычных зрэзах сітуацыі, а ў генеалогіі, у дыяхраніі: у разрывах, канфліктах і пераходах.

Змены адбываюцца ва ўсіх сферах. Перадусім у сацыяльна-палітычнай прасторы, але таксама і ў культурна-ідэалагічнай, і нават эпістэمالагічнай.

Перш за ўсё радыкальна змяняецца дзяўражна-палітычны кантэкст. Пачатак XIX стагоддзя насельніцтва Беларусі і Літвы сустрэла ўжо ў Расійскай імперыі. І хаця першыя захады новай улады тычыліся фармальнай лаяльнасці насельніцтва «нованабытых земляў» і былі скіраваныя на падтрыманне стабільнасці ў грамадстве, у сацыяльна-палітычнай прасторы пачалі адбывацца істотныя змены.

З палітычнага, эканамічнага і культурнага жыцця цалкам знікае магнатэрыя, а шляхта ў цэлым перастае быць «палітычным народам». Грамадства заходніх тэрыторыяў сталася пазбаўленым палітычных і культурных элітаў.

За гэтае вакантнае места пачынаецца канкурэнцыя розных палітычных і культурных сіл. Пры гэтым новыя патэнцыйныя эліты імкнуцца заручыцца падтрымкай імператарскага двара ў большай ступені, чым скарыстоўваюць традыцыйныя метады легітымацыі (падтрымка шляхецтва).

У гэтай сітуацыі самай істотнай падзеяй у сацыяльнай і культурнай прасторы можа быць названы выхад на гістарычнае поле дробнай шляхты, якая пераўтвараецца ў трэцюю сілу.

Усё XVIII стагоддзе дробная шляхта мусіла далучацца да магнацкіх альбо каралеўскіх групавак. Гэтая канфігурацыя знікае з палітычнага поля напачатку XIX стагоддзя. У першай палове дзевятнацатага стагоддзя дробная шляхта не проста самастойна выходзіць на гістарычную арэну, яна вымушана браць на сябе функцыі рэпрэзентацыі іншых выключаных слаёў насельніцтва.

Пазбаўлення такой істотнай крыніцы даходаў, як збор падаткаў, новыя эліты вымушаныя абапірацца выключна на «маёнткі», на даходы ад сельскай гаспадаркі.

У гэты перыяд пачынае нарастаць адрознасць між уласна польскімі тэрыторыямі былой Рэчы паспалітай, якія існавалі ў дадзены перыяд у некалькіх дзяржаўных праектах і тэрыторыямі былога ВКЛ, якія ўтварылі Заходнія губерні Імперыі.

Пачынае радыкальна трансфармавацца культурная ідэнтычнасць, нараджаецца мадэрны тып асобы і мадэрная суб'ектыўнасць.

Адбываюцца змены ў сістэме рацыянальнасці, дзе мы назіраем не проста канфлікт між старым і новым, але палярызацыю і антаганізацыю эпістэмалагічных *апрыёры* мыслення і культуры, канфлікт як са знешнімі практыкамі, так і ўнутры сістэмы.

Акрамя таго, што гэта эпоха пераходу, гэта яшчэ і эпоха разлому. У гэтыя часы выяўляецца культурная гетэрагеннасць таго, што доўгія стагоддзі выступала як Літва і Русь і складала важную частку ідэнтычнасці Рэчы Паспалітай. Канцэптуальным і ідэалагічным здарэннем, што дазволіла выявіць гэтую гетэрагеннасць, стаў пераход ад ідэі палітычнай нацыі да ідэі «этнічнага» народу. Гэты зрух стаў тым ідэалагічным і культурным разрывам, які прывёў да шматлікіх наступстваў. Як мінімум, гэтая падзея прывяла да разлому самой ліцвінскае саматоеснасці – выявілася, што пад покрывам «гістарычнай Літвы» хаваецца насамрэч гетэракультурны ландшафт, які ў перспектыве вядзе да фарміравання двух праектаў нацыягенэзу: літоўскага і беларускага.

Такім чынам, мы можам сцвердзіць, што першая палова XIX стагоддзя з'яўляецца момантам нараджэння сучаснай ідэйна-ідэалагічнай канфігурацыі ў нашым рэгіёне. З аднаго боку, гэта час канчатковага распаду «еўрапейскай Сарматыі» і крышталізацыі самога рэгіёна, з іншага – час, калі выклікі заходняй мадэрнасці дасягаюць Усходняй Еўропы, правакуючы самыя разнастайныя палітычныя і інтэлектуальныя адказы.

Сярод гэтых адказаў і ідэалагічная крытыка Імперыі, якая фарміруецца ў контексте «ліцвінскага» праекту (Міцкевіч і інш.), і ідэалогія «западнарусизма» (Каяловіч), і кансерватыўны праект (Генрык Жавускі і інш.) і новыя нацыянальныя праекты, якія фарміруюць свае «наратывы» на руінах «рэчпаспалітаўскай» ідэалогіі (беларускі, літоўскі, украінскі, габрэйскі), і першыя знакі народніцкай ідэалогіі, пазітывізм (у польскай версіі), раскол між заходнікамі і славянафіламі ў расійскім інтэлектуальным полі і інш.

Даследаванне мяркуе зварот да саміх тэкстаў, аналіз і выяўленне ідэйных канфігурацый і ідэалагічных накладак, своеасаблівую «археалогію ідэяў» у рэгіёне: азначэнне таго моманту крышталізацыі ідэалагічных пазіцый, практык, саміх ідэалогій, пасля якога мы можам казаць аб паўсталай традыцыі, аб уласна ідэалагічным ландшафце.

Лабараторыя мадэрнасці: выклікі, канфігурацыі, праекты

Мы маглі б назваць гэты перыяд лабараторыяй мадэрнасці.

Эпохай, у якую з традыцыйных кампанентаў пачынаюць выбудоўвацца новыя сацыяльныя канфігурацыі, палітычныя праекты і культурныя маскі.

Пры гэтым мадэрнасць разумеецца не проста як адзін з гістарычных перыядаў (Новы час), а як пэўная цывілізацыйная падзея, якая вытварыла гештальт сучаснага свету.

Тэма мадэрнасці як праекта і як макрападзеі ў гісторыі еўрапейскай цывілізацыі (і ў гісторыі чалавецтва) з непазбежнасцю паўстае і калі мы звяртаемся да інтэлектуальнай гісторыі рэгіёна.

Сама тэма нарадзіла вялікую колькасць трактовак і інтэрпрэтацый, ад ўласна філасофскіх (*Філасофскі дыскурс мадэрнасці* Юргена Габермаса) да гісторыка-сацыялагічных.

У самым агульным плане у аснове філасофскага дыскурсу мадэрнасці ляжыць ідэя эмансіпацыі чалавека. Вызваленне яго ад абмежаванняў часу і прасторы. Але падчас рэалізацыі гэтага праекту паўстае тое, што мы можам назваць два праекты мадэрнасці: праект сацыяльнага вызвалення і праект нацыі.

Гэтым праектам спадарожнічае станаўленне «капіталістычнага свету-эканомікі», калі карыстацца тэрмінам Эмануэля Валерштайна, якія з аднаго боку звязвае народы і цывілізацыі ў глабальную сетку, з іншага боку – падзяляе іх на цэнтар і перыферыю

Тры фазы мадэрнасці: першая абдымае сабой эпохі асветніцтва і рамантызма, другая распачынаецца з канца 19 стагоддзя і цягнецца да другой паловы дваццатага, і, нарэшце, трэцяя распачынаецца напрыканцы дваццатага і скачаецца (альбо працягваецца да сёння).

Пералом да мадэрнасці па-рознаму выяўляўся ў розных месцах Еўропы (і свету).

Асаблівасцю Усходняй Еўропы лічыцца запозненасць і рэактыўнасць: усходнееўрапейскія грамадствы хутчэй рэагавалі на выклікі мадэрнасці, чым іх стваралі.

Схема «прыхода мадэрнасці» разглядае Усходнюю Еўропу як адну з еўрапейскіх перыферыяў, для якой выклік мадэрнасці стаўся эканамічным, культурным, а ў некаторых частках і палітычным шокам.

Гэта прыводзіць да двух рэчаў:

Стварэнне каталога адсутнасці: усе артэфакты эпохі рэтраспектыўна залічваюцца альбо да прагрэсіўных, альбо да рэгрэсіўных

Сама схема з'яўляецца вынікам пэўных структур культурнага каланіялізма, інтэлектуальнай залежнасці.

Яшчэ адным важным аспектам сутыкнення з мадэрнасцю выступаюць працэсы арыенталізацыі Усходняй Еўропы. пэўнае геакультурнае перамяшчэнне. У першай палове 19 стагоддзя гэтыя тэрыторыі – у геакультурным ўяўленні Захада – выпадаюць з агульнаеўрапейскага топасу прагрэсу, што прыходзіць на змену «хрысціянскай цывілізацыі» і становяцца часткай Усходняй Еўропы. Гэты працэс распачынаецца ў 18 стагоддзі і ў 19 прыводзіць да розных наступстваў.

Першае, найбольш відавочнае – гэта пераўтварэнне усходу Еўропы ў эканамічную, культурную і інтэлектуальную перыферыю Захада. Што да эканамічнага складніка (гэтаму прысвечаны работы Імануэля Валерштайна), дык перыферызацыя усходу асноўваецца на прасоўванні структур неэквівалентнага абмену і пэўнай прыдаткавай спецыялізацыі мясцовых эканомік.

Пераадоленні: Плюралізм траекторыяў мадэрнасці, альбо шляхоў праз мадэрнасць. І, па-другое, амбівалентнасць самой з'явы, пра розныя праекты, альбо пра розныя абяцанні мадэрнасці.

Адказы Усходняй Еўропы былі надзвычай разнастайныя, і залежылі ад часу і месца, а таксама ад «праграмы мадэрнізацыі».

Некаторыя рэчы прымаюцца амаль аўтаматычна: напрыклад тэза пра ідэю «этнічнага» народу як пра адмысловы усходнееўрапейскі ўнёсак у скарбонку мадэрнасці альбо пра камуністычны праект, які выступае адначасова і як бунт супроць мадэрнасці і як альтэрнатыўная мадэрнізацыя.

У той жа час гэтыя «парадыгматычныя», усім зразумелыя адрозненні часам выступаюць як міфалагізацыі адзінкавых сінгулярных здарэнняў і задача ўласна гісторыі ідэяў палягае на вяртанні да адзінкавага, на археалогіі (калі скарыстаць тэрмін Мішэля Фуко) ідэяў, на дбайнай рэстаўрацыі кантэкста іх паўставання.

Спецыфіка ўсходнееўрапейскага памежжа палягала на наступным:

- Культурная і сацыяльная гетэрагеннасць.
- Наяўнасць канкурэнтных стратэгіяў каланізацыі.
- Плюралізм і ўзаемная накладка праектаў.

У рэальнасці ўсходнееўрапейскага памежжа гэта выяўлялася ў наступным: распад традыцыйнага грамадства, пераход на новага, рэканфігурацыя ідэнтычнасцяў і новая геакультурная лакалізацыя рэгіёна,

Усе гэта з'яўлялася часткай аднаго працэсу, адной макрападзеі, якая радыкальна ўсё змяняе.

Усяму гэтаму спадарожнічала паўставанне новага тыпу культуры – нацыянальнай, а таксама пэўная канфігурацыя ідэй.

Інтэлектуальная культура: ідэі, дыскурсы, эпістэмы

Інтэлектуальная культура гэтага часу нясе на сабе ўвесь «цяжар» пераходнасці.

Перш за ўсё мы назіраем пэўныя сімптомы разрыва з мінулым:

- Прыспешанае адчуванне часу, распад тканіны сацыяльнага.
- Праблематызацыя асобы, разрыў з сацыяльнымі і культурнымі маскамі.
- Адкрыццё унутранага жыцця.
- Імкненне знешняе замяніць унутраным.

Распад інтэлектуальнай і культурнай прасторы на тры асобныя зоны: прастора веды (эпістэмалогія), прастора мастацтва (эстэтычнае), прастора практыкі (этыка-палітычнае).

Пачынаюць фарміравацца новыя апазіцыі, новая карціна свету: мадэрнае/традыцыйнае (адсталае), цэнтар/перыферыя, суб'ектыўнае/знешняе. Усё разам гэта фармуе адмысловы тып інтэлектуальнай культуры, якую мы можам назваць мадэрнай.

Асноўныя рэчы фармуюцца на мяжы XVIII – першай паловы XIX стагоддзя. У двух эпохах, двух інтэлектуальных рэжымах: Асветніцтва і Рамантызм.

Калі мы звяртаемся да кантэксту і глядзім на топіку і структурацыю «культурнага поля», першая палова XIX стагоддзя складаецца з двух, альбо нават трох частак. Перыяду позняга Асветніцтва, які бярэ старт напрыканцы 18 – пачатку 19 стагоддзяў і які праблематызуе і ставіць пад пытанне асноўныя катэгорыі мыслення і ідэалагемы Асветніцтва класічнага. Эпохі рамантызму, якая пачынаецца з 20-х гадоў 19 стагоддзя і сканчаецца на мяжы 40-х і 50-х. І нарэшце інтэлектуальнага і культурнага раздарожжа 50-х, якое прыводзіць да канчатковага ідэалагічнага і культурнага разлому ранейшай прасторы «шляхецкай цывілізацыі». Разлому на ўласна польскую сітуацыю з пазітывізмам як ідэалогіяй, культурнай палітыкай і формай нацыянальнага праекта. На беларускую і украінскую з народніцтвам, якое вагаецца між сацыяльным і нацыянальным, і якое выступае ідэалагічным падмуркам як рэвалюцыйна-вызваленчага так і нацыянальна-вызваленчага праектаў. І нарэшце літоўскую, якая пайшла ў кірунку каталіцкага традыцыяналізму, з апірышчам на праслойку літоўскамоўных ксяндзоў і заможных вясковых гаспадароў.

У гэтым сэнсе з традыцыйнай перспектывы мы сутыкаемся з класічнай сітуацыяй памежжа эпохаў, альбо нават канцэптуальнай накладкі, калі позняе асветніцтва, рамантызм і пачатак чагосці новага, чаму яшчэ няма азначэння утвараюць гетэрагенную і ўнутрана канфіліктную канфігурацыю, якая да таго ж мае некалькі выйсцяў, што і былі рэалізаваныя на розных тэрыторыях.

У той жа час канфігурацыя больш складаная: культурны і ідэалагічны разлом нараджае канфігурацыю, якую мы маглі б назваць як два асветніцтва, тры рамантызма.

Гісторыя думкі

Гісторыя думкі традыцыйна займаецца асобамі і творамі, размяшчаючы іх ў больш шырокім кантэксце філасофскіх накірункаў, альбо тыпаў філасофскай культуры. Філасофія пры гэтым бачыцца як вышэйшая, прывілеяваная форма рэалізацыі думкі, а прысутнасць у культуры рэфлексійных тэкстаў разглядаецца як важны індикатар спеласці і мадэрнасці грамадства. Хаця і існуюць больш шырокія кантэксты, накіраваныя «філасофія Новага часу», «філасофія Антычнасці», гэтыя кантэксты заўсёды з'яўляюцца фонам, на якім размяшчаецца ўласна філасофія.

З гэтай традыцыйнай перспектывы першая палова XIX стагоддзя даследавана дастаткова добра і рызыка адкрыцця новых імёнаў і твораў мінімальна, хаця і верагодная. Асноўныя з гэтых імёнаў – Снядэцкі, Доўгін і Галухоўскі, творцы, якія рэпрэзентуюць філасофію ў яе акадэмічна-інстытуцыйным увасабленні. Сама філасофская сітуацыя выступае ў гэтыя часы як сітуацыя з аднаго боку філасофскага плюралізму: Снядэцкі, Доўгін і Галухоўскі прадстаўляюць тры альтэрнатыўныя кірункі, тры розныя праграмы выхаду з крызісу: пазітывысцкую, трансцэдэнтальную і антрапалагічную. З іншага боку, гэтыя пачаткі так і не прыводзяць да паўстання акадэмічных школ філасофіі і пасля закрыцця Віленскага ўніверсітэта акадэмічная, прафесійная філасофія знікае з культурнага поля аж да дваццатых гадоў 20 стагоддзя.

У падзейным плане мы маем серыю здарэнняў, якія выступаюць як пункты крышталізацыі думкі.

Што тычыцца першай фазы, выклікам, пунктам уваходу выступіў Кант і крызіс філасофіі. Адказам жа – фарміраванне трох новых эпістэмалагічных перспектываў мыслення.

Другая: студзенскае паўстанне, адказ – рамантычны месіянізм як герменэўтыка гісторыі. Рэакцыя на паразу.

І трэцяя: Выклік – знешняе, новае, мадэрныя формы жыцця, якія выступаюць як «будучыня» рэгіёну. Вынік – разлом сітуацыі на два праекты: кансэрватыўны і праект прыспешанай мадэрнізацыі (рэвалюцыйны) Трэцяе, нечаканае наступства – рамантычны спірытуалізм як вяртанне дадому.

ДУХОЎНА-ІНТЭЛЕКТУАЛЬНАЯ СПАДЧЫНА ІГНАТА АБДЗІРАЛОВІЧА Ў СВЕЦЕ СУЧАСНЫХ КАШТОЎНАСЦЕЙ

Н. М. Жогаль

Сваю філасофію свабоды па-беларуску Ігнат Абдзіраловіч (Канчэўскі) (1896–1923) сфармуляваў у сваім творы «Адвечным шляхам: Дасьледзіны беларускага сьветагляду» [1], якому наканавана стаць змястоўнай крыніцай адказаў на пошукі шляхоў развіцця нацыянальнай тоеснасці, беларушчыны. У якасці галоўнай рысы свайго часу, якая падштурхнула яго да напісання гэтага філасофскага эсэ, ён адзначае «агульную заблутанасьць», звязаную з нядоўгім часам паміж паўстаннем быццам праменных ідэалаў і іх знікненнем, што пакідае пасля сябе «роспач і безнадзейнасць» [1, с. 7].

Спасылаючыся на жыццё і творчасць першага, на яго думку, беларускага інтэлігента Францішка Скарыны, Абдзіраловіч лічыць, што ён ярка ўвасабляе сабой уласціваю беларускай культуры адметнасць – вагацца паміж дзвюма напрамкамі еўрапейскай культуры – заходнім і ўсходнім. Прычыну абумоўленай гэтым фактам неакрэсленасці беларускай культуры ён бачыць не ў духоўнай беднасці народа, а ў вялікай гістарычнай трагедыі народнага духу, звязанай з тым, што ён шчыра не прыняў ні адзін, ні другі накірунак.

У гэтым сэнсе важна занатаваць зыходны пункт гледжання ў пошуках аўтара – думку «доктара лекарскіх навук» Скарыны, які «хацеў лячыць беларускі народ праменьнямі духовай асветы», што сэнс гэтага вагання – знайсці беларускае аздабленне агульначалавечага духу, вольнага і незалежнага. Будаваць новы агульначалавечы ідэал можна, лічыць аўтар, толькі праз развіццё асабістага і народнага духу. «Уплывы Захаду і Ўсходу ў перакручаных, спецыфічна славянскіх, часам карыкатурных выразях круцілі і гвалцілі душу беларуса, толькі прымушаючы яго ўбачыць, што ў чужой скуру заўсёды дрэнна, што трэба вытварыць нешта сваё, роднае, блізкае, арганічнае» [1, с. 11].

На думку аўтара, для духоўнага стану ўсходняга славяніна характэрна імкненне да такой формы, якая можа абхапіць усё жыццё і адлюстроўваць быццам яго адзіную праўдзівую сутнасць, якую трэба адкрыць і прысвяціць ёй усё сваё жыццё. «Калі ён не задаволены існуючым, дык яго ахоплівае зуда перавярнуць усё дагары нагамі... Абхапіць усё жыццё разам, змяніць і вялікае і малое, пранікнуць далейшыя куткі жыцця адню прызнанай формай, адмятаючы без ніякага жалю ўсё непадобнае...» [1, с. 12–13]. Барацьба з іншародным вядзецца да апошняй драбніцы, каб усе мелі аднолькавы выгляд, адзіны погляд на жыццё, што прысутнічае, на думку Абдзіраловіча, і ў мэтах камуністаў – змяніць жыццё «на адзін капыл».

Заходняя культура, лічыць аўтар, вырасла на барацьбе з такімі накірункамі, якія хацелі абхапіць усё жыццё. Яе вытокамі з’яўляецца імкненне да кампрамісу, да цягнутага да ўсяго інакшага. Шчырасць і выразнасць Усходу прываблівае, але невыразнасць з’яўляецца грунтоўнай асаблівасцю жыцця, што добра зразумеў Запад. Імкненне Усходу да акрэсленасці даходзіць часам да абсурду. Абдзіраловіч лічыць непрымальным той факт, што Усход, не прызнаючы нас як беларусаў, здзяйсняў «гвалт і ўціск нашай індывідуальнасці, з гэтага – гвалтоўнае жаданне адняць наш

твар. Яны не ўцямілі, што разам з беларушчынай мы трацім і лепшую частку чалавечнасьці» [1, с. 15–16].

Чакаць ратунку з Захаду аказалася безнадзейным, нягледзячы на яго найлепшыя гуманістычныя, ліберальныя, дэмакратычныя ідэі, якія тым не менш не змаглі забяспечыць адсутнасць у адносінах да нас гвалту эканамічнага і духоўнага, эксплуатацыі, уціску, непавагі. «Пекныя словы і благія дзеі неяк дзіўна і незразумела для нас ужываліся ў заходнім жыцці» [1, с. 16]. Адсюль Абдзіраловіч робіць выснову, што ні заходняя, ні ўсходняя культура не ўтрымлівалі ў сабе памкнення садзейнічаць вольнаму развіццю нашага духу, а наадварот, знаходзілі сваё ўвасабленне ў тых ці іншых формах гвалтоўнага месіянізму.

Таму галоўнае, да чаго заклікае аўтар, – гэта стварэнне сваіх, беларускіх форм, якія б маглі гарантаваць вольную творчасць нашага народа ва ўсіх рознабаковых праявах жыцця, але вельмі важна ў гэтым руху духоўнага адраджэння пазбегнуць асабістага месіянізму, які можа ператварыць вынайдзеныя формы новага беларускага жыцця ў кайданы. Трэба таксама мець на ўвазе і другія асаблівасці існавання формы: замест таго, каб служыць чалавеку, яна можа валодаць ім, дзейсніць супраціў яго духоўным памкненням, адсюль усе няшчасці і чалавека, і грамадства; неапраўданае існаванне формы можа быць абумоўлена карыслівымі, эгаістычнымі мэтамі пэўных сацыяльных сіл.

Абдзіраловіч адзначае нешта накшталт заканамернасці ў суадносінах формы і духоўнага стану: чым менш развіта духоўнасць, тым большую сілу набывае форма. Стан грамадства, які не лічыцца з вечнай цякучасцю жыцця, ён называе духоўным мяшчанствам. Неабходнай умовай жыцця з'яўляецца адзінства формы і сутнасці, сэнс яго і характэрна ў тым, каб «даць яму магчымасць зіхацець нялічаным багаццем фарбаў» [1, с. 25]. Ідэал індывідуальны і сацыяльны магчымы менавіта ў выпадку адпаведнасці формы зменлівасці жыцця.

Дагэтуль было так, лічыць аўтар, што выхоўваць чалавека азначала даць яму гатовыя стандарты, як сябе паводзіць. Цяпер павінна быць інакш, трэба сфарміраваць імкненне да несупыннай творчасці ў паўсядзённым грамадскім жыцці, з адсутнасцю самазадавальнення кожны раз адкрываць яго новую глыбіню. «Разумней паляпшаць паступова, кожны дзень, слухаючы голасу сумлення, чым у гаротныя часы рэвалюцыяў ня быць ў сілах стрымліваць голасу помсты і крыўды» [1, с. 27].

Калі асоба можа знайсці паратунак для сваёй душы ў мастацкай або навуковай творчасці, то выхаваць і рэалізаваць імкненне да агульнай, сацыяльнай творчасці не так лёгка, тут павінны быць больш спрыяльныя ўмовы. Так гістарычна склалася, што масы прыбліжаюцца да сацыяльнай творчасці праз перавароты і рэвалюцыі, таму трэба перамагчы інерцыю зацікаўленых класаў, іх жаданне карыстацца існуючымі сацыяльнымі формамі, штучна затрымліваць іх развіццё. На думку Абдзіраловіча, няма спадзявання на партыі, якія абараняюць карысць таго ці іншага класа, у складанай справе сацыяльнай творчасці, для якой патрэбна маса творчых асоб, якія, у сваю чаргу, могуць з'явіцца ў залежнасці ад гэтай самай сацыяльнай творчасці. Такім чынам, паўстае пытанне, як разарваць зачараванае кола.

Па-першае, заўважае аўтар, для грамадзянскай творчасці неабходна адсутнасць «чужынскага прымусу», неабходна палітычная незалежнасць, як найпершая ўмова для таго, каб народ быў самім сабой. Але рух у бок незалежнасці праз класава-

палітычныя сродкі для захаплення ўлады, лічыць Абдзіраловіч, мала што можа даць для «забесьпячэння грамадскае самадзейнасці і можа выклікаць новую распач і нездаваленьне» [1, с. 35]. «Бо калі сілай знішчыць існуючы парадак, дык нятворчасць сучаснай чалавечай масы створыць сабе назаўтра яшчэ горшыя кайданы, турмы і мукі» [1, с. 42].

Адзіным праўдзівым кірункам, на думку аўтара, з'яўляецца кааперацыя, гэта такая грамадская з'ява, якая непрымусова аб'ядноўвае сяброў, не дэкларуючы прымусу для іншых, з яе дапамогай чалавечая душа пойдзе ўласным шляхам да Боскай творчасці. Галоўнае жаданне чалавека – быць вольным і самастойна тварыць сваё жыццё, але стаць адразу такім не атрымаецца, таму што на працягу стагоддзяў прымус старанна выконваў сваю справу дэмаралізацыі. Каб знайшлі свой выраз як творчасць асобы, так і грамадства, неабходна адсутнасць прымусу ва ўсіх сферах сацыяльнага жыцця. Але масава творчая адзінка з'явіцца не адразу, усе формы прымусовага існавання паступова зруйнуюцца чалавечай творчасцю. Прабужданыя да творчасці народныя масы, кіруючыся прысутнасцю ў сваёй душы творчай Міравой душы, на шляху кааперацыі змогуць своєчасова руйнаваць аджыўшыя формы жыцця і ўсталёўваць новыя, адпаведныя такому стану рэчаў, за якім будучыня.

Літаратура і крыніцы

1. Абдзіраловіч, І. Адвечным шляхам. Даследзіны беларускага сьветагляду / Ігнат Абдзіраловіч. – Мінск: Навука і тэхніка, 1993. – 44 с.

АБ ВЫТОКАХ ДУХОЎНАСЦІ І ГАРМОНІЎ ГРАМАДСТВЕ. ПРЫСВЯЧЭННЕ МІКАЛАЮ ІГНАТАВІЧУ КРУКОЎСКАМУ (1923–2013)

Васіль Якавенка

Думка напісаць гэты артыкул узнікла ў мяне падчас навуковай канферэнцыі «Доўгірдаўскія чытанні – IV», праведзенай у маі 2013 года Інстытутам філасофіі НАН Беларусі, дзе я выступаў са спецыяльным дакладам пра жыццё і навуковую дзейнасць М. І. Крукоўскага. І вось цяпер сачыняю, адштурхоўваючыся ад навуковых прац М. Крукоўскага, Л. Яўменава, В. Пазнякова, А. Рагулі, К. Хюбнера, К. Ясперса, Э. Сміта, В. Гумбальта, К. Лявонцьева, а таксама сваіх ранейшых артыкулаў і разважанняў.

У маім жыцці было два філосафы, якіх я без асаблівага напружання мог зразумець, якім я аддаваў перавагу і асабліва цаніў, – гэта немец Вільгельм Гумбальдт і беларус Мікола Крукоўскі, гуманісты розных эпох, далекія адзін ад аднаго і, тым не менш, блізкія мне, бо адказвалі на мае запыты да навукі. У першым вучоным захапляла глыбокае веданне лінгвістыкі, разгляд яе ў дынаміцы, у сацыяльным, культуралагічным і філасофскім плане, даступнасць мовы. Гумбальдт разумеў мову народа не як нешта аднойчы злепленае і застылае, а як бесперапынны працэс духоўнай творчасці, «фарміруючы орган думкі», без якога ў народа няма ўласна свайго светаўспрымання, якое вызначае і ўсе астатнія духоўныя адносіны чалавека да

рэчаіснасці. Вышэйшы духоўны ідэал вучоны бачыць у абуджэнні цэласнага душэўнага свету ў адзінстве яго творчых здольнасцей. Гармонія ж – у паўнаце раскрыцця фізічных і духоўных сіл кожнага.

Як можна меркаваць хоць бы па гэтым, Гумбальдт усутык падыходзіць да закона *развіцця* ўсяго жывога і існага, у тым ліку сацыяльных структур, – да універсальнага, зазначым, закона, адкрытага Канстанцінам Лявонцьевым: развіцце ідзе ад простага да складанага, ад аднастайнасці да шматтаблічча, ад шэрага да квяцістага, а вось гармонія развіцця — у *адзінстве разнастайнасці*, да прыкладу, моў і культур. Без разнастайнасці свет блякне, у ім набывае свае прыарытэты шэрасць, спакваля ідзе распад і гібель таго, што ў суквецці радавала.

Да Міколы Крукоўскага гэтыя ісціны дайдуць як бы самі сабой. З кніжных крыніц ён, дарэчы, таксама пачэргне нямала. Адно няможна з пэўнасцю сказаць: што больш: кнігі ці жыццё чалавечае – зрабілі яго філосафам, такім менавіта, якім склаўся.

Мікалай Ігнатавіч Крукоўскі, перш чым стаць філосафам, багата чаго зведаў у жыцці. Яшчэ будучы маладым чырвонаармейцам, патрапіў у нямецкі палон, збег адтуль і, прыхапіўшы томік Гегеля ў заплечнік, рушыў у партызанскі атрад, які дзейнічаў пад Оршай. Быў паранены. Томік Гегеля, папаўшы пад руку, няйначай, быў падараваны яму самім лесам, пра што нішто тады не гаварыла, аднак ён, той томік, аказаўся знакавым, бо ў сталыя гады Мікола Ігнатавіч акурат і вернецца да Гегеля, да філасофіі, будзе даследаваць і развіваць шчыра, кампетэнтна і пленна далей гегелеўскую эстэтыку.

Уражвае разнастайнасць інтарэсаў, заняткаў, захапленняў, з якімі Мікола Ігнатавіч ішоў па жыцці. Яшчэ будучы юнаком марыў стаць музыкай і па-заліхвацку іграў на мандаліне, а стаўшы пасляваенным студэнтам БГУ, спяваў у хоры Вялікага тэатра оперы і балета (разам з жонкай), любіў праводзіць летні адпачынак у вандроўках на яхце па рэках і азерах роднай Беларусі (выпраўляўся ў вандроўкі зазвычай разам з жонкай і дзецьмі), з ахвотай хадзіў на лыжах і займаўся плаваннем. Апроч яхты займеў свой тэлескоп і нярэдка ўзіраўся ў зорнае неба. Упрыгожваў сцены сваей кватэры уласнымі малюнкамі, пачынаў з нацюрмортаў. Ужо ў рангу прафесара выкладаў ва ўніверсітэце філасофію на роднай беларускай мове, хоць у тых палітычных варунках жыцця гэта не ўхвалялася і пагражала яму звальненнем з працы.

Вось у такой іпастасі патрыёта сваей зямлі і Айчыны, чалавека, які жыў паўнацэнным і цікавым жыццём, дыхаў грудзьмі напоўніцу, меў лагодны і адначасова ўпарцісты характар, рашуча адстойваў сваю лінію, пазіцыю ў любых умовах, у такой іпастасі ён і паўстае перад намі як даследчык прадмета філасофіі, пранікнены, глыбокі аналітык. Карціць зазначыць, што не выпадкова яму было наканавана стаць гаспадаром у пакінутым Гегелем хораме эстэтыкі і заняцца там вывучэннем і ўладкаваннем сістэм, метадалогіяй – логікай эстэтычнага, да прыкладу, вызначэннем эстэтычных катэгорый, і паняццяў. Ягоная першая буйная манаграфія «Логіка прыгажосці», напоўненая глыбокім, яскравым, шматпланавым зместам, напісаная добраю моваю, даступнаю для простага чытача, адразу ж паставіла аўтара ў лік вядомых у навуковым свеце філосафаў. Далейшыя манаграфічныя працы «Эстэтычныя катэгорыі», «Кібернетыка і законы прыгажосці», «Чалавек прыгожы»,

«Філасофія культуры», «Бляск і трагедыя ідэала» толькі пацвердзілі і ўмацавалі думку пра Мікалая Ігнатавіча як пра неардынарнага і таленавітага беларускага мысляра, маючага самастойную і неацэнную для навукі парадыгму мыслення.

На самай справе, абапіраючыся на сусветную спадчыну і перш за ўсе на вяршыню нямецкай класічнай філасофіі – працы Гегеля і некаторых яго паслядоўнікаў, Крукоўскі спалучыў гегелеўскі паняццевы апарат з тэорыяй сістэм і сістэмнай генетыкай, кібернетыкай семіотыкай і іншымі галінамі. Атрыманая ў выніку такога спалучэння і асэнсавання сістэм канцэпцыя аўтара не мае падабенства ў свеце. Гэтым самым яшчэ раз даказаны як прадуктыўнасць дыялектыкі і эстэтыкі Гегеля, так і навуковы чынны досціп нашага філосафа. Па меркаванні ягоных калег, нельга не адзначыць арыгінальную методыку аўтара і асабліва, як ён ёю паймаў карыстаецца пры аналізе дынамікі развіцця грамадства і яго культуры. Мікалай Крукоўскі урэшце выйшаў на канцэпцыю адзінства ідэальнага і матэрыяльнага — халізм і на гэтай аснове паказаў паўнату і цэласнасць свету, чаго край не хапае чалавеку ў сучасную эпоху з яго захапленнем матэрыяльнымі дабротамі і фізічным прагным спалучэннем з асобамі, падобнымі да сябе і непадобнымі, як жывелы. Згадваецца, з якім задавальненнем і асабістай годнасцю Мікалай Ігнатавіч падпісаў «Ліст у Еўропу», складзены намі з выпадку дэградацыі еўрапейскай супольнасці (ён, гэты ліст не страціў і зараз сваёй актуальнасці).

Пра значэнне і веліч постаці вучонага Крукоўскага неўзабаве засведчылі і некаторыя расійскія філосафы, першы раз было, калі ен у Маскве трыумфальна абараняў доктарскую дысертацыю, у другі раз – калі мы звярнуліся да расійскіх мысляроў з прапановай падрыхтаваць і выдаць творы Мікалая Ігнатавіча ў 5 тамах, – яны з задавальненнем увайшлі ў міжнацыянальны рэдакцыйны савет па падрыхтоўцы да друку спадчыны М. І. Крукоўскага. Такое выданне запланавана ў Расіі на 2015 год, працу (праект) выконвае грамадзянская ініцыятыва «Інстытут нацыянальнай памяці». Дадам, што з беларускага боку ў рэдакцыйны савет увайшлі філосафы Леанід Яўменаў, Эдуард Сарока, Аляксандр Лапцёнак, Аляксей Рагуля, пісьменнік Анатоль Астапенка і інш. Практычна мы выпускаем поўны збор твораў шаноўнага мысляра.

3.4 Феномен научной школы в развитии интеллектуальной культуры Беларуси и России

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ОСНОВА БЕЛОРУССКОЙ НАУКИ В ВИДЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ШКОЛ

А. И. Лойко

Функционирование науки связано с деятельностью исследовательских школ. Обоснованным является подход к рассмотрению школы как исторически обусловленной формы организации научной деятельности группы исследователей,

так как эта деятельность предполагает не только генерирование научных идей, но и расширенное воспроизводство ученых.

Школы в науке являются постоянно действующим фактором ее становления. В Беларуси традиции функционирования научных школ сформировались в эпоху Возрождения. Воспроизводство интеллектуальных ресурсов естественнонаучной и социально-правовой школ шло на базе европейских университетов. Сотни уроженцев Беларуси учились в университетах Великого Княжества Литовского, Королевства Польского, Священной Римского Союза. Постоянное присутствие в европейском образовательном пространстве позволяло молодежи культивировать светский образ жизни, получать доступ к публикациям Ф. Бэкона, Р. Декарта, Г. Лейбница, И. Ньютона.

Научной школой считается: сложившийся коллектив исследователей различных возрастных групп и научной квалификации, связанных проведением исследований по общему научному направлению, признанный научной общественностью и возглавляемый руководителем. Образование научной школы – исследовательского коллектива – определяется моментом формирования группы ученых, реализующих исследовательскую программу.

Определяющими факторами функционирования научной школы являются общность деятельности, объекта и предмета исследования, целевых установок, критериев оценки деятельности и ее результатов. Научные школы, как исследовательские команды, характеризуются единством времени и места.

В школах научного течения, имеют место связи преимущественно опосредованные статьями, монографиями. Объединяющим началом для научной школы, как исследовательской команды, является наличие лидера. Руководящую и управляющую функцию для научной школы как течения выполняет научно-исследовательская программа. Она вырабатывается в контексте исследовательской деятельности. Функционирование и смена научно-исследовательских программ изучена И. Лакатосом, Т. Куном, В. С. Стёпиным.

В Беларуси первые научные школы формировались в русле научных течений, для которых принципиально важную роль играла исследовательская программа. Поэтому в отличие от большинства европейских стран в нашей стране институциональную роль играла исследовательская программа. Такая модель научной школы создавала мобильную структуру, открытую для диалога с представителями других научных школ. Ученые имели возможность перемещаться в интеллектуальном пространстве.

Тип научной идеи, лежащей в основе исследовательской программы, наделяет ее экспериментальными и теоретическими признаками, фундаментальными и прикладными особенностями. Научная школа, как правило, получает институциональное оформление, когда новая идея и научное направление на ее основе, официально признается большинством ученых данного профиля, является актуальной для развития теории или практики.

Подготовка ученых и включение их в исследовательскую деятельность происходит по-разному. Необходимым является знание о содержании исследований в пространстве конкретной школы. Качественно меняются условия функционирования научных школ, когда они локализуются на институциональной основе отдельного

университета, академических структур. Формами организации общения и взаимодействия в новых условиях являются семинары и коллоквиумы, которые часто носят неформальный характер.

Жорес Алфёров один из создателей первых отечественных транзисторов, мощных германиевых выпрямителей, фотодиодов. Серия его фундаментальных работ стимулировала развитие физики полупроводниковых гетероструктур, нового направления, которое обнаружило прикладные возможности для информационных технологий и полупроводниковой электроники. Ученый открыл явление сверхинжекции в гетероструктурах и показал, что в полупроводниковых гетероструктурах можно принципиально по-новому управлять электронными и световыми потоками. Создал так называемые «идеальные» полупроводниковые гетероструктуры. Его основные научные работы посвящены физике полупроводников, полупроводниковой и квантовой электронике, различным разделам новейшей технической физики, в том числе развитию нанотехнологий. В развитии полупроводниковых преобразователей солнечной энергии Ж. Алфёров видит один из основных путей решения проблем энергетики.

Формирование квантовой оптики привело к развитию лазерной техники. Она стала использоваться в промышленности, образовании, в медицине. В промышленном производстве лазеры осуществляют сварку и резку металлов. Квантовый генератор является информационным средством, в первую очередь представленным полупроводниковыми лазерами. Широкое признание получила научная школа БНТУ в области физики лазерных материалов, возглавляемая доктором физико-математических наук Н. В. Кулешовым. Основные научные исследования школы направлены на разработку новых материалов для твердотельных лазеров с диодной накачкой на основе кристаллов с примесными центрами.

Созданная в советский период академическая и вузовская инфраструктура науки позволила на основе научных отделов и секторов, кафедр формироваться научным школам с собственными ресурсами воспроизводства научных кадров. Важную роль играет магистратура, аспирантура, докторантура, Советы по защите диссертаций, которые часто базируются на наличии определенных исследовательских программ. При таком уровне функционирования научных школ важную роль играет поддержка государства в области подготовки научных кадров, сложившиеся традиции социального статуса научных школ. При этом сохраняется мобильность ученых в интеллектуальном пространстве, что наглядно видно на примере Минской методологической школы, основоположником которой является В. С. Стёпин. Ее представители и сам лидер активно работают в научных центрах Беларуси и России. Создана уникальная атмосфера совместной работы ученых на междисциплинарной основе. В этой совместной работе трудятся вместе философы, физики, инженеры-исследователи. Практика функционирования научных школ требует совершенствования на стадии формирования молодых лидеров и стремящихся к ним исследователей, акцентированным на командном стиле работы. Пока эту миссию выполняют авторитетные лидеры науки, обладающие многолетним опытом исследовательской деятельности. В числе таких философских титанов по праву находится Д. И. Широканов, который реализовал методологию научной

ризомы. Подготовленные им доктора наук, возглавили кафедры вузов, стали ведущими профессорами. Это уникальный опыт крупного ученого, сумевшего адаптировать диалектико-материалистическую методологию к актуальным исследованиям в естествознании, математике, логике. Белорусское государство стремится определить базовые принципы эффективного использования потенциала научных школ, исходя из стратегии инновационного развития экономики. Еще одной важной задачей является технологическая модернизация производств. В связи с этим возрастает роль научных и конструкторских школ в структуре действующих промышленных компаний. Таким путем достигается максимальная сопряженность интеллектуального и практического пространств деятельности. Потенциальных лидеров промышленной науки генерируют студенческие аудитории. В связи с этим возрастает роль креативной индустрии и связанных с ней творческих лабораторий, методологических семинаров, на основе которых природные задатки студентов трансформируются в форму систематичной научной самостоятельной работы. Начальный рейтинг этой работы формируют научные конференции, олимпиады.

Таким образом научные школы придали белорусской науке институциональный статус организованных структур академической, вузовской, промышленной направленности.

М. А. ЕЛЫШЕВИЧ – ШКОЛА НАУЧНОГО ПОИСКА, КУЛЬТУРЫ И ЖИЗНИ

Н. Г. Кембровская, Л. М. Томильчик

«Nil actum reputans si quid resset agendum»

Lucain

Начало современного этапа развития физики в Белоруссии тесно связано с северной столицей России. В 1952 году руководством республики и Академии наук было принято решение о необходимости развития исследований по физико-математическим и техническим наукам. В качестве одного из важнейших условий явилось приглашение на постоянную работу в республику из Ленинграда, который в то время был Меккой физической науки в СССР, талантливых ученых и организаторов науки. В их числе был и М. А. Ельяшевич (1908–1996).

К Михаилу Александровичу Ельяшевичу признание со стороны научного сообщества пришло достаточно рано: статьей [1] двадцатидвухлетнего студента Ельяшевича (научный руководитель А. Н. Теренин отказался от соавторства, объяснив это тем, что он только консультировал) открывался первый номер «Журнала экспериментальной и теоретической физики». В числе наставников Михаила Александровича были выдающиеся советские ученые Д. С. Рождественский, А. Н. Теренин, В. А. Фок, Я. И. Френкель [2, с. 94–97].

В 1937 году защищена кандидатская диссертация, которая опубликована в виде монографии «Вращательно-колебательная энергия многоатомных молекул» [3]. Затем следует успешная защита докторской диссертации и публикация ряда монографий, одна из которых «Колебания молекул» [4] в 1950 удостоена Государственной

(Сталинской) премии СССР.

В годы войны, находясь Йошкар-Оле, Михаил Александрович выполнял очень важные для обороны страны работы, вел по местной радиосети передачу «На фронтах Отечественной войны» и в 1945 году был награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

В период с 1946 года по 1949 год, в рамках советского ядерного проекта, М. А. Ельяшевич отвечал за подготовку и реализацию программы оптических методов наблюдения атомного взрыва и определения его мощности по световому излучению. В дальнейшем М. А. Ельяшевич – научный руководитель оптической лаборатории на Семипалатинском полигоне и участник испытаний водородной бомбы мегатонной мощности. По результатам этих работ он награжден орденом Ленина и ему присуждена Государственная (Сталинская) премия СССР.

Одно из поразительных качеств Михаила Александровича – умение оперативно переключаться на новые виды деятельности. Не прекращая активной исследовательской работы, в течение ряда лет Михаил Александрович – замечательный педагог, профессор Ленинградского Государственного педагогического института, заведующий кафедрой теоретической физики Ленинградского института точной механики и оптики.

Ему исполнилось только сорок семь лет, когда в 1956 году он был избран академиком Академии наук БССР. С этого времени с именем Михаила Александровича Ельяшевича неразрывно связано развитие физической науки в Беларуси. Сорок лет, прожитые им в Минске, стали счастливейшими годами его жизни, новым периодом его плодотворной научной и педагогической деятельности.

С созданием в 1955 году в системе Академии наук первого в истории нашей республики специализированного научно-исследовательского института физико-математического профиля, традиции большой оптической науки были успешно перенесены на благодатную белорусскую почву. М. А. Ельяшевич возглавил одну из лабораторий и начал исследования в новом для Беларуси научном направлении – физике низкотемпературной плазмы, которое нашло свое применение к анализу процессов, сопровождающих вход космических аппаратов в плотные слои атмосферы. Под руководством М. А. Ельяшевича в результате комплексного рассмотрения газодинамической, химической и оптико-спектроскопической задач было получено единое, цельное решение важнейшей научно-технической проблемы и разработана специальная оптико-электронная аппаратура. Для непосредственной проверки результатов лабораторных исследований потребовалась установка этой аппаратуры непосредственно на борту космического корабля. Именно эта пионерская работа потребовала установление связи с космической базой академика С. П. Королева и дала значительный импульс развитию оптико-механической промышленности в Беларуси. В 1966 году М. А. Ельяшевичу присуждена Ленинская премия за работы по физике плазмы.

С 1968 года М. А. Ельяшевич – заведующий лабораторией неравновесных процессов И Ф А Н БССР, где начаты исследования по воздействию лазерного излучения большой мощности на различные материалы. Цикл работ по физике процессов при лазерно-плазменном воздействии на металлы и композиционные материалы в 1992 году был отмечен Государственной премией Республики Беларусь.

М. А. Ельяшевич – в числе лауреатов.

Монографии М. А. Ельяшевича становились библиографической редкостью сразу после издания. Особенно это относится к книге «Атомная и молекулярная спектроскопия» [5] (ее первое издание датировано 1962 годом), которая стала настольной для целых поколений спектроскопистов.

Педагогическая деятельность в Белорусском государственном университете, суммировавшая уникальный опыт и знания М. А. Ельяшевича: сначала он – заведующий кафедрой атомной и молекулярной физики (1968–1977), а затем – профессор-консультант на кафедре ядерной физики (1977–1983). За заслуги в научно-педагогической деятельности М. А. Ельяшевич награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Высокой активностью отмечена и редакционно-издательская деятельность Михаила Александровича. Он – инициатор создания и заместитель главного редактора «Журнала прикладная спектроскопия», член редколлегии журнала «Оптика и спектроскопия», научный консультант «Физического энциклопедического словаря», «Белорусской Советской Энциклопедии».

Михаил Александрович вел большую научно-организационную и общественную работу: он член бюро научных советов АН БССР по спектроскопии, физике плазмы, активный участник Международного союза чистой и прикладной химии, депутат Верховного Совета БССР, член Правления Белорусского физического общества.

Особое место в научном наследии М. А. Ельяшевича занимают историко-методологические исследования. Общее число публикаций по этой тематике превышает три десятка, причем это были статьи, опубликованные в таких журналах, как «Успехи физических наук», «Вопросы философии», «Вопросы естествознания и техники». Объектом исследования были этапы истории науки, связанные с именами М. В. Ломоносова [6], Д. И. Менделеева [7], Дж. Максвелла [8], А. Эйнштейна, Н. Бора, Й. Ридберга, В. Ритца.

Совершенно особое место в историко-научных исследованиях Михаила Александровича занимает проблематика, связанная с историей возникновения, формирования и становления квантовых представлений в физике. Здесь следует выделить анализ вклада А. Эйнштейна [9; 10; 11] в развитие квантовой теории и цикл исследований той линии истории и предыстории (Й. Ридберг, В. Ритц) развития квантовых представлений, которая связана с именем Н. Бора [12; 13; 14; 15; 16], имеющая не только специально-научного, но и общекультурную ценность.

Фантастическая работоспособность и феноменальная память были отличительными чертами Михаила Александровича. Поразительна также свойственная ему глубина и современность общеметодологического подхода, тщательность в проработке оригинальных научных текстов: наличие той или иной работы в списке литературы к статьям, автором которых являлся М. А. Ельяшевич, означало, что эта работа прочитана была им в оригинале. Этому способствовало то, что он свободно владел тремя основными европейскими языками – английским, французским, немецким, а также достаточно хорошо – итальянским.

Для Михаила Александровича было характерно стремление к предельной ясности и завершенности во всем. «Если осталось что-то доделать, считай, что

ничего не сделано» [17, с. 927]. Это – изречение из поэмы «Форсалия» римского поэта Лукана (I в. н. э.), которое выявляет, по мнению автора, главную черту в характере Ю. Цезаря. Этой же фразой можно охарактеризовать научное и жизненное кредо М. А. Ельяшевича.

Михаил Александрович Ельяшевич, жизненный и творческий путь которого в высшей степени неординарен, оставил исключительно глубокий и яркий след в жизни как выдающийся ученый, и как человек с удивительным обаянием, доброжелательностью, скромностью и широчайшей эрудицией.

Литература и источники

1. Ельяшевич, М. А. Оптическое возбуждение паров ртути в далекой ультрафиолетовой области спектра / М. А. Ельяшевич // Журнал экспериментальной и теоретической физики. – 1931. – Т. 1. – С. 1–8.
2. Ельяшевич, М. А. Воспоминания о Я. И. Френкеле / М. А. Ельяшевич // Воспоминания о Я. И. Френкеле. – Л., 1976.
3. Ельяшевич, М. А. Вращательно-колебательная энергия многоатомных молекул / М. А. Ельяшевич // Труды ГОИ. – 1938. – Т. 12. – Вып. 106. – С. 1–136.
4. Ельяшевич, М. А. Колебания молекул / М. А. Ельяшевич. – М.; Л., 1949.
5. Ельяшевич, М. А. Атомная и молекулярная спектроскопия / М. А. Ельяшевич. – М.; Л., 1962.
6. Ельяшевич, М. А. Михаил Васильевич Ломоносов как оптик: к 275-летию со дня рождения / М. А. Ельяшевич // Журнал прикладной спектроскопии. – 1986. – Т. 45. – № 6. – С. 887–894.
7. Ельяшевич, М. А. Периодический закон Д. И. Менделеева, спектры и строение атома (к истории физической интерпретации периодической системы элементов) / М. А. Ельяшевич // УФН. – 1970. – Т. 100. – Вып. 1. – С. 5–43.
8. Ельяшевич, М. А. Вклад Максвелла в развитие молекулярной физики и статистических методов / Т. С. Протьюко // УФН. – 1981. – Т. 135. – Вып. 3. – С. 381–423.
9. Ельяшевич, М. А. От возникновения квантовых представлений до становления квантовой механики / М. А. Ельяшевич // УФН. – 1977. – Т. 122. – Вып. 4. – С. 673–717.
10. Ельяшевич, М. А. Вклад Эйнштейна в развитие квантовых представлений / М. А. Ельяшевич // УФН. – 1979. – Т. 128. – Вып. 3. – С. 503–536.
11. Ельяшевич, М. А. К истокам работ Эйнштейна по квантовой теории излучения / М. А. Ельяшевич // Вопросы истории естествознания и техники. – 1980. – Вып. 3–4. – С. 39–46.
12. Ельяшевич, М. А. Важнейший этап развития квантовой теории / М. А. Ельяшевич // УФН. – 1971. – Т. 103. – Вып. 2. – С. 381–386.
13. Ельяшевич, М. А. Непрерывный поиск новых путей развития физической теории / М. А. Ельяшевич // УФН. – 1972. – Т. 108. – Вып. 9. – С. 197–200.
14. Ельяшевич, М. А. Развитие Нильсом Бором квантовой теории атома и принципа соответствия / М. А. Ельяшевич // УФН. – 1985. – Т. 147. – Вып. 10. – С. 253–301.
15. Ельяшевич, М. А. Ридберг и развитие атомной спектроскопии / Н. Г. Кембровская, Л. М. Томильчик // УФН. – 1990. – Т. 160. – Вып. 12. – С. 141–163.
16. Ельяшевич, М. А. Вальтер Ритц как физик-теоретик и его исследования по теории атомных спектров / Н. Г. Кембровская, Л. М. Томильчик // УФН. – 1995. – Т. 165. – № 4. – С. 459–479.
17. Бабкин, А. М. Словарь иноязычных выражений и слов, употребляющихся в русском языке без перевода / А. М. Бабкин, В. В. Шенденцов. – М.: Наука, 1966. – Т. 2. – С. 713–1344.

НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА АКАДЕМИКА И. Ф. ХАРЛАМОВА: СОЦИАЛЬНЫЕ И КОГНИТИВНЫЕ ФЕНОМЕНЫ

Г. Н. Карона

Научно-педагогическая школа – это динамично развивающаяся многомерная социальная система, структура которой формируется взаимодействием звеньев различной степени жесткости. Изучение научных школ требует анализа их эволюции, выявления внутренних и внешних связей, установления соотношения традиций и инноваций в процессе их становления и развития [1].

В изучении социальных и когнитивных феноменов научно-педагогических школ целесообразно руководствоваться теорией гибких и жестких звеньев Н. П. Бехтеревой, которая утверждает, что функционирование любой системы, даже такой очень сложной («живой») системы, как научно-педагогическая школа, обеспечивается распределенной в пространстве и изменчивой во времени структурой, состоящей из звеньев различной степени жесткости. Согласно Бехтеревой, в структуре всякой системы имеют место жесткие и гибкие звенья. Жесткие звенья определяют как бы скелет данной системы, а гибкие – обеспечивают возможность ее функционирования, перестройки и развития в непрерывно меняющихся условиях внешней среды.

В любой эффективно работающей системе обеспечивается рациональное соотношение жестких и гибких звеньев. Жесткие и гибкие звенья невозможны друг без друга. По Бехтеревой, если в общественной системе преобладают жесткие звенья, то устанавливается диктатура, если гибкие – наступает анархия (хаос). Динамичное сочетание жестких и гибких звеньев дает хорошие результаты [2].

В структуре всякой научной школы в качестве жестких звеньев выступают традиции, представляющие собой некоторую универсальную форму фиксации, закрепления и избирательного сохранения тех или иных элементов социокультурного опыта. Кроме того, традиции – это механизм передачи опыта, обеспечивающий устойчивую историко-генетическую преемственность и эволюционное развитие в социо-культурных процессах.

Гибкие звенья представлены инновациями – новыми идеями, принципами и прочими новшествами, обеспечивающими рост и совершенствование научного знания. Научная школа – это одновременно форма закрепления научных традиций и порождения инноваций.

Изучение динамики живых систем позволяет сделать вывод о том, что в структуре всякой «живой» системы, помимо жестких и гибких звеньев, присутствуют также нейтральные (скрытые, латентные) звенья, находящиеся в неактивизированном (спящем) состоянии, но способные при нарушении внутреннего динамического равновесия или же резком изменении условий внешней среды активизироваться и перевести систему в качественно новое состояние, обеспечив ее новый эволюционный сдвиг. Эти «спящие» звенья в живых системах подвергаются естественному отбору (селекции), эволюционно наследуются и передаются из поколения в поколение.

Теория Н. П. Бехтеревой о звеньях различной жесткости может быть

дополнена положением о скрытых (нейтральных) звеньях. Данная идея уже развивается в современной философии и естествознании, хотя ранее четко и не формулировалась. В теории хаоса понятию «эффект бабочки» соответствует ни что иное, как активизация нейтральных (скрытых) звеньев [3]. В теории Нобелевского лауреата Д. Канемана, посвященной принятию управленческих решений в условиях неопределенности, скрытым звеньям соответствует термин «непроисшествие» [4]. Открытие нейрофизиологами «резерва молчащих» нейронов, из которого формируются новые нейронные конstellации [5], подтверждает наличие в сложной системе множества «незадействованных» звеньев и факторов. Скрытый потенциал развития живой системы определяют преимущественно нейтральные звенья. Очевидно, научно-педагогическая деятельность осуществляется при условии использования очень физиологических, морфологических, когнитивных и психолого-педагогических ресурсов системы, в том числе и резерва нейтральных звеньев.

Научная школа Ивана Федоровича Харламова (1920–2003 гг.) – доктора педагогических наук, профессора, академика НАН Беларуси, лауреата Государственной премии Беларуси (за работу «Учебник «Педагогика», 2000 г.) – берет свое начало в 1972 г., то есть с того времени, когда кандидат педагогических наук, доцент И. Ф. Харламов издал монографию «Теория нравственного воспитания: историческая и современная проблематика и основные педагогические идеи» (г. Минск) и вскоре на основе этой работы защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора педагогических наук (г. Москва) [6]. Именно эти события определили основное направление научных исследований И. Ф. Харламова, его учеников и последователей – изучение теоретико-методических основ нравственного воспитания школьников. Только по данному направлению подготовлено более 20 кандидатов педагогических наук.

Специфическими особенностями школы И. Ф. Харламова являются:

- широкий спектр проблем исследования (теория нравственного воспитания, общая дидактика, школоведение, история педагогики и др.);
- строгое определение и корректное использование важнейших педагогических понятий и категорий;
- жесткое следование традициям, установленным лидером научной школы.

Важная особенность школы И. Ф. Харламова – связь теории с практикой, направленность на решение реальных педагогических задач. В этой связи уместно упомянуть, что, начиная с середины 1970-х гг. и до конца 1990-х гг., минское издательство «Народная асвета» осуществляло выпуск методических пособий для учителей и классных руководителей под серийным названием «Этические беседы с учащимися». И. Ф. Харламов являлся соавтором всех этих материалов и главным редактором изданных пособий.

Одновременно с этой работой И. Ф. Харламов трудился над пособием для классных руководителей «Нравственное воспитание школьников», которое было издано в 1983 г. московским издательством «Просвещение» в серии «Библиотека классного руководителя».

В поле зрения И. Ф. Харламова всегда находились вопросы повышения эффективности вузовского обучения, совершенствования педагогического мастерства преподавателей, подготовки кадров высшей категории (докторов и кандидатов наук).

На протяжении более 10 лет в Гомельском государственном университете имени Франциска Скорины (на кафедре педагогики и психологии) под руководством И. Ф. Харламова работал научно-методический семинар для молодых преподавателей, ставший площадкой для «консолидации» его научной школы.

С начала 1990-х гг. И. Ф. Харламов и его коллеги изучали проблемы совершенствования практической подготовки студентов и повышения эффективности педагогической практики (совместно с В. П. Горленко и др.). Исследовательским коллективом было опубликовано более 50 работ по вопросам совершенствования педагогической практики студентов, проведено несколько республиканских и областных конференций и семинаров. Данное направление и сегодня является центральным звеном в деятельности научной школы И. Ф. Харламова, продолжающей функционирование в стенах факультета педагогики и психологии Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины.

Социальный феномен научной школы И. Ф. Харламова, оказавшей колоссальное воздействие на состояние педагогической мысли в Беларуси и других странах бывшего социалистического лагеря (Россия, Китай, Украина, Чехия, Молдова, Куба и др.), во многом связан с опубликованием фундаментальных курсов и учебников по педагогике, отражающих историю, современное состояние и перспективы мировой педагогической мысли.

Подобно всякой «живой системе», педагогические системы состоят из звеньев различной степени жесткости (жестких, гибких, латентных), динамическое соотношение между которыми обеспечивает их функционирование и прогрессивное развитие. К числу жестких звеньев в педагогической системе И. Ф. Харламова относятся: принцип единства нравственного сознания и нравственного поведения, идея о ведущей роли нравственности в системе воспитания школьников, акцентирование внимания на основополагающем значении функции памяти в интеллектуальном развитии школьника и др.

Скрытые звенья педагогической системы обнаруживаются в связи с ростом научного знания, возникновением новых теорий обучения и воспитания, качественном изменении условий окружающей среды. Феноменальные успехи современных когнитивных наук очерчивают обширную сферу возможного сосредоточения скрытых (нейтральных) звеньев, потенциально способных в перспективе преобразовать современную педагогическую теорию и практику. К одному из чрезвычайно перспективных положений системы И. Ф. Харламова относится идея о том, что на уроке учителю в различных формах нужно дважды объяснять новый материал, чтобы ученики осуществляли его первичное и последующее (повторное) более обстоятельное осмысление [7].

Данное утверждение абсолютно соответствует принципам теории нейродарвинизма Нобелевского лауреата Дж. Эдельмана, в которой повторный вход возбуждения рассматривается в качестве решающего фактора становления и развития человеческого сознания [5]. Сопоставительный анализ дидактической теории И. Ф. Харламова и теории нейродарвинизма Дж. Эдельмана может привести к обнаружению множества когнитивных феноменов, которые способны существенно трансформировать теорию и практику современного обучения, воспитания и развития личности [8].

Литература и источники

1. Андарало, А. И. Традиции и инновации в становлении и развитии ведущих научно-педагогических школ Республики Беларусь / А. А. Андарало, Г. Н. Каропа, К. Ю. Таранович // *Вышэйшая школа*. – 2014. – № 1 (99). – С. 20–25.
2. Бехтерева, Н. П. Магия мозга и лабиринты жизни / Н. П. Бехтерева. – М.: АСТ; Спб.: Сова, 2007. – 400 с.
3. Каропа, Г. Н. Математическая теория хаоса и проблемы географического и экологического образования / Г. Н. Каропа // *Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя 3. Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія*. – 2013. – № 1. – С. 129–138.
4. Канеман, Д. Принятие решений в неопределенности: Правила и предубеждения / Д. Канеман, П. Словик, А. Тверски; пер. с англ. – Харьков: Издательство Институт прикладной психологии Гуманитарный Центр, 2005. – 632 с.
5. Эдельмен, Дж. Разумный мозг. Кортикальная организация и селекция групп в теории высших функций головного мозга / Дж. Эдельмен, В. Маунткасл. – М.: Мир, 1981. – 135 с.
6. Харламов, И. Ф. Теория нравственного воспитания: историческая и современная проблематика и основные педагогические идеи / И. Ф. Харламов. – Минск: Изд-во БГУ, 1972. – 363 с.
7. Харламов, И. Ф. Педагогика: Учеб. для студентов пед. специальностей вузов / И. Ф. Харламов. – Минск: Універсітэцкае, 1998. – 559 с.
8. Каропа, Г. Н. Парадигмальные сдвиги и новые тенденции в экологическом образовании школьников / Г. Н. Каропа // *Адукацыя і выхаванне*. – 2009. – №9. – С. 15–21.

ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ И ТЕОЛОГИЯ В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ БЕЛАРУСИ

Прот. Александр Шимбалёв

Развитие научных знаний на землях современной Беларуси шло в связи с общеевропейской историей. Получив первоначальный импульс от византийской образованности, развивая его и сберегая, народ приобщался к западноевропейской университетской традиции. Уроженцы Великого княжества Литовского ездили учиться в европейские университеты. Ярким примером этого явления может служить Франциск Скорина, обучавшийся в Падуанском и Краковском университете.

Идеи Просвещения, захватившие Европу, нашли активных сторонников и в Великом Княжестве Литовском. Поддержанные прогрессивным духовенством и шляхтой, они пронизали все стороны жизни народа, в том числе и образование.

Успехам местного Возрождения способствовало влияние Западной Европы, активные отношения Великого княжества Литовского с Италией, Священной римской империей и др. странами. В это время наблюдается рост городов (от 40-ка в XIV в. до 757-ми в конце XVI в.) и развитие торговли и ремесла. К концу XVI в. около 40 городов имели Магдебургское право.

Долгое время единственным университетом в Речи Посполитой оставался Краковский университет. Основанный в 1364 году, он за короткое время завоевал огромный авторитет во всей Европе. С XV века деятельность университета играет большую роль в развитии общеевропейской науки [4, с. 100].

Интеллектуальная жизнь страны активно развивалась и за стенами университета, при дворах королей Сигизмунда Старого и Сигизмунда Августа, в магнатских резиденциях, в городах и местечках. В более позднее время важную роль в развитии образования сыграли короли Стефан Баторий, основавший Виленскую иезуитскую академию (преобразованную потом в Виленский университет), Владислав IV Ваза, Ян III Собеский и Станислав Август Понятовский (основавший Рыцарскую школу в Варшаве).

На белорусских землях известны имена Иоахима Хрептовича, канцлера ВКЛ, основавшего в Варшаве «Товарищество друзей наук» и собравшего в своем имении в Щорсах под Новогрудком огромную библиотеку, переданную позднее в Киевский университет, Януша Радзивилла, основавшего Слуцкую гимназию, Николая Христофора Радзивилла, передавшего Виленской академии типографию, Казимира Льва Сапеги, подарившего Виленской академии огромную библиотеку своего отца – канцлера Льва Сапеги и многих других.

Одним из крупных центров образования был Полоцкий иезуитский коллегиум, собравший ценнейшую библиотеку и кунсткамеру, содержащую научные инструменты и диковинные предметы, переданные после его ликвидации в Кунсткамеру Санкт-Петербурга.

В реформировании системы образования Речи Посполитой и переходе к активному развитию новоевропейской науки сыграли выдающуюся роль два ученых-священника, о которых особо хотелось бы упомянуть в этой работе. Это Гуго Коллонтай и Мартин Почобут-Одьяницкий.

Гуго Коллонтай родился в 1750 г. в шляхетской семье, предки которой относили себя к смоленской шляхте, утратившей свои земли в результате переселения в конце XV века с территорий, занятых войсками Московского княжества. Философию и теологию он изучал в Кракове, право и естественные науки в Вене, Неаполе и Риме. В 1775 году ученый принял духовный сан и стал краковским каноником. Активно работая в Эдукационной комиссии в области народного просвещения, Коллонтай стал членом Общества элементарных учебников. По заданию Эдукационной комиссии он занялся реформой Краковской академии и в 1782–1786 гг. был ее ректором [2, с. 5].

В это время естественные науки в университетах и духовных коллегиумах преподавались в рамках схоластической философии. Особую роль при изучении играли комментарии к Аристотелю «со всяческими арабскими добавлениями и комментариями святого Фомы... а о Декарте, Гассенди, Лейбнице и Ньюtone в Краковском университете не говорилось, их философские системы просто отбрасывались» [1, с. 456].

При реформировании Краковского университета, Гуго Коллонтай изначально выступил как ученый, не только опирающийся на передовые исследования в науке, но и постоянно работающий над собственными приемами и методами научного исследования. Ягеллонский университет должен был стать важным звеном структуры всей высшей школы, местом обучения преподавателей для всей страны и центром научно-исследовательской работы. На смену схоластической философии пришло преподавание естественных наук и математики, вводилось обучение на польском языке.

Такие же процессы проходили и в Виленской иезуитской академии, перешедшей в 1773 г. под опеку Эдукационной комиссии. Ректором академии в 1780 г. был назначен Мартин Почобут-Одлянчик.

Будущий ученый родился в 1728 г. в шляхецкой семье гродненского кравчего. В 1740 году он вступил в орден иезуитов. Учился первоначально в иезуитском коллегиуме в Гродно, а затем продолжил образование в Праге, где изучал физику, будучи стипендиатом князя Михаила Чарторыйского. Вернувшись на родину, изучал теологию в Вильне, стал священником, и вновь уехал за границу, чтобы дополнить образование по астрономии. С 1761 года учился в известных иезуитских академиях в Италии и Франции, проходил практику на Марсельской, Авиньонской и Неапольской обсерваториях.

В 1764 году Мартин стал профессором Виленской иезуитской академии, преподавал здесь астрономию, математику, географию и картографию. В 1773 году стал директором астрономической обсерватории, построенной в 1753 году на деньги Мстиславской кастелянши княгини Елизаветы Пузыны (урожд. Огинской). Она пожертвовала на пользу обсерватории деревню с крестьянами, дающую доход в 6 тысяч дукатов.

Это была первая университетская обсерватория в Речи Посполитой. Стараниями Почобута-Одлянчик она стала одной из самых оснащенных в Европе. Он построил две башни, в которых разместил астрономические инструменты, привезенные из Англии.

Почобут старался усилить естественные и врачебные науки, а также математику. По преобразованию академии в 1781 году было организовано четыре отделения: богословское, физическое, врачебное и юридическое.

Анализируя интеллектуальный и духовный мир времени реформ и преобразований, можно сделать вывод, что особенностью взаимоотношений теологии и естествознания на землях Великого Княжества Литовского в период реформы высшего образования XVIII века явилось то, что реформаторы вышли из религиозной среды, из старой схоластической школы образования, будучи иезуитами по воспитанию, и сумели, не разрывая духовную традицию, сохранив основу своей веры, дополнить систему образования тем новым, что характеризовало науку Нового времени. Это было не внешнее противостояние, а внутреннее обновление и перерождение.

Поэт Адам Мицкевич в своей поэме «Пан Тадеуш» отдает дань уважения Мартину Почобуту-Одлянчику и пишет строки, характеризующие дух эпохи:

«И я астрономию слушал в Вильне два года
Где княгиня Пузына пани славного рода
Отдала доход с деревни в двести холопов
На покупку разных стекол и телескопов.
Ксендз Почобут, обсерватории директор
Был Академии одновременно ректор.
Но наконец кафедру и телескоп оставил
И в монастырь свои стопы направил» [3, с. 157].

Литература и источники

1. Коллонтай, Г. Несколько писем анонима к Станиславу Малаховскому / Г. Коллонтай // Избранные произведения прогрессивных польских мыслителей. – М.: Госполитиздат, 1956. – Т. 1. – 784 с.
2. Хинц, Х. Ф. Гуго Коллонтай / Х. Ф. Хинц. – М.: Мысль, 1978. – 215 с.
3. Шимбалев, А. А. Хрестоматия по астрономии / А. А. Шимбалев, И. В. Галузо, В. А. Голубев. – Минск: Аверсэв, 2005. – 272 с.
4. Historia nauki polskiej. – Wrocław: Zał. Nar. Im. Ossolińskich, 1970. – Т. 1. Sredniowiecze, Odrodzenie. – 448 s.

ПЕРВЫЕ АСТРОНОМИЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ И ИЗМЕРЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ

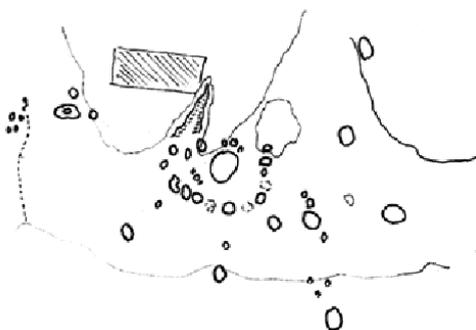
А. А. Онищенко, О. К. Хозянин

У людей, населяющих территорию Беларуси, интерес к небу проявился на самых ранних ступенях общественного развития. Об этом свидетельствуют дошедшие до нас легенды, мифы, загадки, песни, предания, прикладное искусство, летописи, результаты археологических раскопок. В языческий период у славян существовали праздники, связанные с главными моментами в положении Солнца на небе. Летнему солнцестоянию соответствовал праздник «Купалы», зимнему повороту солнца «Коляда». Люди научились практически использовать закономерности луны и солнца для календарного счета. В Древней Руси существовал свой агрономический, народный календарь. Он был неполным, и поэтому требовалось ежегодно, путем астрономических наблюдений определять один из основных дней солнечного цикла – равноденствие и солнцестояние.

Стоянки каменного века – наиболее древние памятники истории человечества, представляющие собой места временных поселений людей в эпохи мезолита и неолита (9–2 тыс. лет до н. э.). На территории Оршанщины стоянки известны в шести местах вдоль берегов Днепра и расположены на береговых террасах. Рельефно стоянки не выделяются среди окружающей местности, факт их существования определяется только наличием культурного слоя (его толщина редко превышает 0,2 м), имеют площадь до 1000 кв. м [1]. Среди известных и описанных стоянок в энциклопедии «Археологія і нумізматика Беларусі» одна из стоянок значится просто под номером 2. Стоянка 2 верхнеднепровской культуры. Рядом с окраиной города, на первой надпойменной террасе левого берега Днепра, не выше 89 метров над уровнем воды. Площадка размером 30 x 70 м. Открыл и исследовал 168 кв. м площади В. П. Ксендзов. Культурный пласт 0,2–0,5 м. Найдены черенковый наконечник стрелы, проколки, скребки, скобли, угловые резцы, вкладыши, обработанные с двух сторон топоры, отбойник, фрагменты лепной посуды, окаймленные орнаментом палочки. Датируется 3 тысячелетием до н. э. Рядом с этим местом, буквально в нескольких метрах, расположен ряд странных камней. Доминирующим в этой композиции является наибольший валун (красновато-серый гранит, диаметром около 2 м), вокруг которого размещено около полутора десятка камней размером от 0,6 до

0,9 м, образующих окружность, диаметр которой около 5 м. Концентрично ей расположена вторая окружность, сложенная из валунов размером около 1 м, диаметром около 10 м. Конечно, местные жители не называли эту местность «Стоянка 2». В настоящее время даже внешне это место выделяется среди окружающего пейзажа. Издалека привлекает внимание округлый склон мысового выступа, который почему-то не зарастает кустарником и покрыт густой шелковистой травой. Криница – так чаще всего называют это урочище, но изредка можно услышать от старожилов и другое его название – Купа или Купавина. Нельзя не отметить, что корень в двух последних названиях такой же, как и в слове «Купалье», обозначающем древнейший языческий праздник плодородия, любви, единения природы и человека; перекликается название урочища и со словом «купель».

Первый дошедший до нас план урочища был составлен исследователем оршанщины А. Шинкевичем. Правда, чертеж не дает каких-либо данных об ориентировке камней и предельно условен. Тем не менее и на нем можно увидеть, что камни наверняка подверглись вмешательству человека, а не ледника или иных стихийных сил природы.

Концентрические окружности из валунов заставляют обратить более пристальное внимание на это место, тем более сразу возникает отдаленная аналогия с британской каменной обсерваторией Стоунхенджем, хотя здесь мы наблюдаем скорее его в миниатюре. Но такое безапелляционное заявление, не подкрепленное фактами по всем правилам современной науки, будет (и было) встречено справедливой критикой.

Один из дошедших до нас народных календарей является глиняный кувшин 5 века, найденный в 1899 г. в селе Ромашки Киевской области. Орнамент, нанесенный на этом кувшине, представляет собой календарь, который позволяет рассчитать все фазы развития, все необходимые для урожая природные явления и отмечал точные дни языческих праздников. При раскопке курганного могильника, расположенного возле деревни Ходосивичи, недалеко от г. Рогачёва, обнаружен комплекс сооружений, который представлял собой культово-астрономическую площадку. Эта площадка состояла из двух кругов, ограниченных кольцевыми канавками; снаружи большого круга имелось три или четыре небольших рва, сориентированных по странам света, снаружи малого круга два рва с северной и южной сторон. В центре кругов отмечены ямы, определенные как места установки идолов. Особенность святилища – обилие ямок от многочисленных столбов; некоторые из них исследователи отнесли к системам, задающим определенные направления, – таковы столбы внутри малого круга и по концам восточного рва. Сориентированы были и центральные объекты

двух кругов. Направление, взятое по центрам ям, имеет азимут приблизительно 65° , что соответствует визированию точки расхода солнца в день летнего солнцестояния.

В древнерусских летописях имеются записи о солнечных затмениях, появлениях комет, вспышках звезд и других небесных явлений, которые рассматривались как грозные предзнаменования, предшествующие беду, и увязывались в летописях, как правило, с известными политическими событиями, войнами и т. д. Первое солнечное затмение, отмеченное в Лаврентьевской летописи, относится к 1064 г. В различных летописях отмечены появления кометы Галлей в 1066, 1145, 1222, 1301, 1382, 1531 годах.

Дошедшие до нас сведения о первых широких астрономических измерениях, проводившихся на территории Беларуси, связаны с известной радзивилловской картой Великого княжества Литовского. Эта карта была подготовлена несвижским картографом и гравером Томашем Маковским, впервые издана, по-видимому, в Несвиже в 1603 г., а затем в Амстердаме в 1613 г. По уровню достоверности отражения географического положения показанных территорий эта карта находилась в числе лучших карт Западной Европы и оставалась непревзойденной в течение более 150 лет

Работами по созданию карты руководил Н. Х. Радзивилл (1549–1661 гг.), вернувшийся около 1585 г. из путешествия в Сирию, Палестину и Египет, а помогал ему королевский секретарь Матвей Струбич. Вполне вероятно также участие английского математика Якуба Босгрейва, который в 1574–1580 гг. возглавлял кафедру математики сначала в Виленской коллегии, а затем академии. Высокая точность определения широты Полоцка, Несвижа, Минска, Слуцка, в которых были иезуитские коллегии, дает основание предположить, что работавшие там ученые были вовлечены в проведение необходимых астрономических измерений [1].

Литература и источники

.1. Петриков, Т. Т. Очерки истории наук и культуры Беларуси IX – начала XX вв. / Т. Т. Петриков, Д. В. Карев, А. А. Гусак. – Минск: Навука і тэхніка, 1996. – 527 с.

РАЗВИТИЕ И ПРЕПОДАВАНИЕ АСТРОНОМИИ В ШКОЛАХ И КОЛЛЕГИЯХ В XVI–XVII вв.

А. А. Онищенко

Экономическое и социальное развитие Беларуси в XVI–XVII вв. (рост ремесел, развитие торговли, усиление классовой борьбы в городе и деревне, укрепление международных экономических связей) способствовало распространению идей Просвещения и гуманизма. Начинают создаваться, особенно после Люблинской (1569 г.) и Брестской (1596 г.) уний, условия для проникновения в Беларусь католицизма и полонизации. «В этой обстановке и возникают братства и братские школы – форпост белорусской народности, ее культуры, просвещения и православной веры в борьбе с католической реакцией» [1]. Появляется плеяда

видных гуманистов и реформаторов. Это Франциск Скорина, Стефан и Лаврентий Зизаний, Мелетий Смотрицкий, Симон Будный, Фауст Социн, Василий Тяпинский, Петр Метиславец, Спиридон Соболев, Гринь Иванович, Мартин Чехович и многие другие.

Отдельные учителя братских школ знакомят своих учеников с гелиоцентрической системой мира, теорией Коперника. Так, Е. Славинецкий, Л. Зизаний, Ф. Прокопович были первыми популяризаторами гелиоцентрического мировоззрения на землях Беларуси, Литвы и Украины. В уставах братских школ говорится об изучении «лунного течения», т. е. астрономии. Преподавателям астрономии была известна птоломеевская система мироздания, которая была в то время наиболее приемлемой. В учебных и богословских книгах, рекомендованных своим воспитанникам учителями братских школ, например, «Катехизисе», «Азбуковниках» Л. Зизания (1596 г.), наряду с фантастическим описанием создания мира богом имеются довольно объективные сведения описания формы Земли, сущности метеоритов, грома, молнии. В 1627 г. московское духовенство выдвигает обвинение против «Катехизиса» Л. Зизания. Одно из этих обвинений касается его астрономических взглядов. Л. Зизанию поставили в вину то, что он в своем «Катехизисе» пишет о «крузах небесных, и о планетах, и о зодиях, и о затмении Солнца, и о громах и молнии, о тресновении, и о шибении, и о перуне, и о кометах и прочих звездах». Зизаний утверждает, что вселенная бесконечна, а земля лишь одна из бесчисленных миров. Откуда следует, что Л. Зизаний имел глубокие познания в астрономии, был знаком с гелиоцентрической системой Коперника [1].

Отрадно отметить, что «Катехизис» Л. Зизания претерпел несколько переизданий: в 1783 г. в Гродно, в 1787 и в 1788 годах в королевской типографии Гродно. Известно, что «Катехизис» Л. Зизания знали и читали. Он был найден в частных библиотеках жителей Беларуси, например, доподлинно известно, что была книга в библиотеке Игнатия Иванова Бугрова, на форзаце которой сохранилась запись «Сия книга Катехизис Осиновки жителя Игнатия Иванова Бугрова его собственная 1832 года».

Важно отметить, что в своей книге Лаврентий Зизаний совсем не помещает астрологической информации, а именно «не писал кола, ни счастья, ни рожденья человеческого ни по звездам правления житию нашему» [1].

Известно, что астрономические вопросы рассматривались в школах и других религиозных орденов. Так, например, переписчик инвентарных книг Жировичского униатского монастыря обращает внимание на наличие в сборниках астрономической информации, посвященной наблюдениям Солнца, Месяца, планет и звезд. В разделе «Слово про возникновение (сотворение) всего света от начала и до конца», наряду с пасхальными таблицами находятся таблицы, содержащие знаки Зодиака и знаки известных к тому времени планет. Здесь же объясняется возникновение грома и молнии, а именно: гром и молния возникают одновременно, но так как скорость распространения звука меньше скорости света, то мы сначала видим молнию, а потом слышим гром. В одном из сборников содержатся следующие статьи: «О земном устройении», «О широте и долготе земли», «О облаках», «О небесах», «Вопросы – ответы о вере, приметы о погоде, разделении года на времена, о четырех стихиях». На листах 186–187 рассмотренной рукописи Жировичского монастыря

помещен список переводов и слов Епифания Славинецкого, который являлся приверженцем и пропагандистом гелиоцентрического учения.

Астрономические вопросы в XVI–XVII веках рассматривались также и в иезуитских коллегиях, возведенных на степень коллегии с высшим курсом философии и богословия. Астрономия преподавалась в них в незначительном объеме, рассматривались самые общие вопросы о мире, о Вселенной с точки зрения учений, берущих свое начало еще в античном мире. В этот период в коллегиях Украины и Беларуси весьма популярной была книга К. Ставровецкого «О величии неба и красоте его», где автор пишет «Небо синь небесная, величественной красоты, широта и высота, простерто, как покров общественный, всем видимый. Небо украшено солнцем, изменяющейся луною, различными неисчислимыми звездами. Луна с планетами показывает времена и годы. Солнце приходом своим творит перемены стужи и тепла, определяет четыре времени года, зиму, весну, лето, осень. Небо своим движением и оборотом переносит солнце со звездами от востока на запад и творит день вверху земли и ночь под землей...» [2, вып. 8, 9].

В книге К. Ставровецкого излагаются наивные представления о Вселенной. Эта книга, или ей подобные, выполняли роль учебника по астрономии, которые охотно рекомендовали иезуиты своим ученикам. Все также рекомендовались книга Козьмы Индикоплова «Шестоднев», религиозно-космографическое сочинение Иоанна Экзарха Болгарского, книга Иоанна Дамаскина. Среди учителей иезуитских коллегий сколько-нибудь известных имен в области астрономии установить не удалось. Ответы на астрономические вопросы иезуиты рекомендовали искать в литературе религиозного толка [3].

А. Н. Боголюбов в статье «Точные науки как предмет преподавания в университетах» указывает, что в иезуитских школах и коллегиях в XVII веке самой популярной была книга Штурма «Юношеская математика (1699 г.)», в которой содержались следующие главы: алгебра, тригонометрия, геометрия, военная и гражданская архитектура, оптика, катоприка, диоптрика, хронология, календарнография, география и гномоника, а также астрономия. Знакомство с этим разделом лишней раз показывает, что преподавалась астрономия в иезуитских коллегиях слабо [3].

Разгром в середине XVII в. реформационного движения и победа феодально-католической реакции, создали крайне неблагоприятные условия для научной и философской деятельности. Прогрессивных общественных деятелей и ученых подвергали жестоким преследованиям. Покинули Беларусь просветители и гуманисты Ян (Андрей) Белобочкий, трагически оборвалась жизнь Казимира Лыщинского. Покинул Беларусь и Симеон Полоцкий, переехав в Москву.

Известна книга Симеона Полоцкого «Венец Венеры» (1670 г.), в которой автор излагает космологические воззрения. Известно, что в свое время эта книга получила распространение в обществе. Симеон Полоцкий считает, что в центре Вселенной находится шарообразная неподвижная Земля, вокруг которой звезды и планеты совершают свои обращения, звезды связаны с кристалльным небом, обладающим наиболее быстрым движением; ниже помещаются круги планет: Крона (Сатурна), Дея (Юпитера), Ара (Марса). Солнца Афродиты (Венеры), Ермия (Меркурия) и Луны. В центре мира ад, в котором терзаются заключенные души. Симеон Полоцкий

в своей книге стремится дать количественную оценку размеров представляемой им Вселенной [4, вып. 7].

Симеон Полоцкий был астрологом при дворе Алексея Михайловича и составил по звездам гороскоп новорожденного Петра, за что был щедро одарен с крестинского стола сладостями (с. 188, Рукопись Жировичского монастыря).

Не нашел на родине условий для своей деятельности и Илья Копиевич, уроженец Минской губернии, получивший образование в Слуцкой гимназии. Петр I специальным указом присвоил ему звание «дел книжных мастер» и выдал патент на издание различных книг на русском языке. И. Копиевич в Амстердаме в 1699 году издал первую русскую карту звездного неба. В 1699 г. издал книгу «Уготовление и толкование ясное поверстания кругов небесных». С 1699 по 1706 гг. напечатал около 20 различных книг [5, т. 1, с. 389].

Литература и источники

1. Мещеряков, В. П. Братские школы Белоруссии (XVI – первая половина XVII в.) / В. П. Мещеряков. – Минск: Издательство БГУ им. В.И.Ленина, 1977. – 56 с.

2. Святский, Д. О. Очерки истории астрономии в Древней Руси. Часть II / Д.О. Святский // Историко-астрономические исследования. – М.: Наука, 1962. – Вып. VIII. – С. 9–82.

3. Грузинский, В. В. Астрономические представления и наблюдения в Белоруссии в XVI–XIX веках / В. В. Грузинский, А. А. Онищенко, Т. А. Перковский. – Минск, 1988. – 42 с.

4. Святский, Д. О. Очерки истории астрономии в Древней Руси. Часть I / Д. О. Святский. – М.: Наука, 1961. – С. 71–130.

5. Шелгунов, Н. В. Сочинения / Н. В. Шелгунов. – М.: Изд-во Ф. Павленкова, 1891. – 790 с.

РУССКАЯ ДВОРЯНКА XVIII ВЕКА И ФОРМИРОВАНИЕ НОВОЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ВЫСШЕГО ОБЩЕСТВА

К. В. Игаева, Н. В. Старикова

XVIII век в России характеризуется коренными преобразованиями во всех сферах общественной жизни, в ходе которых происходит взаимодействие русского общества с западноевропейской культурой.

Первые преобразования в общественной жизни были произведены первым русским императором «сверху». В их ходе изменяется мировоззрение дворянского сословия, а также существенным изменениям подвергается жизнь женской половины высшего сословия в России.

К середине XVIII столетия формируется «новый тип» русской женщины дворянки. Она становится фигурой публичной, ее жизнь больше не ограничивается сферой семейной жизни, а подчас жизнь общественная довлеет над личной, семейной.

Петр заимствовал из Западной Европы готовые формы дворянского существования. Распоряжением петербургского обер-полицейского Девигера повелел в 1718 году устраивать регулярно ассамблеи, вольные собрания, открывавшиеся по вечерам в знатных домах по установленному порядку, в которых участвовали люди

высших сословий. К середине XVIII века данные формы общественного церемониала приводят к появлению «высшего света» в России, как культурно-исторического феномена [1, с. 153].

Значение женщины в русском светском обществе во второй половине XVIII века, как сообщают иностранные наблюдатели, было велико. Они задавали тон светской жизни, вмешивались в дела мужей, направляя их деятельность [2, с. 99].

Первые формы такого социального общежития носили скорее поверхностный характер. Изменился внешний облик женщины, семья также подвергалась поверхностной европеизации. Женщина стала считать нужным и модным иметь любовника, без этого она как бы «отставала от времени» [3].

Русская дворянка не могла выполнять сугубо мужских ролей, связанных со службой и государственной деятельностью, но тем не менее стала занимать важное место в сфере организации культурного досуга и светской жизни.

Семья, хозяйство, воспитание детей отходили на задний план. Кокетство, балы, танцы, пение становятся привычными женскими занятиями. Особенно повышается роль театра, который стал источником привычного развлечения, скорее социальной, чем духовной потребностью.

Один иноземный наблюдатель русского светского общества времени Екатерины вскрывает нам его театральные вкусы. «Они особенно складывались в дамах. Русские дамы такие умные и любезные, имеют много вкуса к художествам. Они весело смеются, смотря хорошую комедию, тонко понимая каждую фальшивую черту... и аплодируют блестящему стиху, но черты чувства в драме для них совсем пропадают: трагедия не извлечет слезы из их глаз, на «Антигону» или «Заиру» – трагедии, заставлявшие плакать западноевропейских зрительниц, русские мамы и дочки в Петербурге смотрят совершенно сухим глазом» [2, с. 98].

Как отмечает Ключевский: «В тяжелой пустоте такого общежития было много трагикомичного, но понемногу, эта пустота наполняется благодаря усилению охоты к чтению» [2, с. 99].

Вхождение женщины в мир ранее считавшийся «мужским» началось с литературы. Два основных ее типа разделяла в ту пору черта, по одну сторону которой оказывалась высокоавторитетная, государственная печать, руководимая правительством, по другую литература художественная, воспринимаемая как «безвредная забава». К концу XVIII века появляется совершенно новое понятие «женская библиотека». Домашние библиотеки женщин конца XVIII – начала XIX века сформировали облик «новых людей».

Французский посол Сегюр, наблюдавший это общество в конце царствования Екатерины II, встретил здесь много нарядных дам и девиц, которые говорили на четырех, пяти языках, играли на разных инструментах и в совершенстве знакомы были с произведениями известных романистов Англии, Франции и Италии [2, с. 100].

Большую популярность в России получили литературные салоны и кружки, которые устраивались в частных домах. Русская салонная культура продолжила развитие европейских традиций и вместе с тем несла в себе отражение своих национальных особенностей.

С начала своего развития эта культура носила скорее подражательный характер, перенимая многие черты западных салонов, но впоследствии появились

свои особенности. Реализация данной культурной потребности способствовала социализации женщины-дворянки, формировала особую интеллектуальную среду высшего женского сообщества.

Во времена Елизаветы Петровны начинает складываться другой образ женщины, ее интересы были связаны уже не с общепринятыми женскими увлечениями и забавами, а с интеллектуальной и познавательной деятельностью.

Одной из первых женщин, определявших интеллектуальный облик женского общества, была Екатерина Александровна Княжина – первая выступившая в печати поэтесса XVIII века. Хераскова Елизавета Васильевна молодой девушкой попробовала свои силы на писательском поприще, сотрудничала с журналом М. М. Хераскова, за которого вышла замуж в 1760 году. Их дом в Москве сделался центром, где охотно собирались молодые авторы, начинавшие свою деятельность под руководством Хераскова.

Одним из первых салонов екатерининского времени был салон Прасковьи Яковлевны Мятливой, после смерти мужа она постоянно проживала в Петербурге. В доме П. Я. Мятливой собиралось все образованное общество 70-х годов XVIII века.

Таким образом, российское светское общество, начавшее свое зарождение, среди масштабных петровских преобразований пережило длительную эволюцию от простого заимствования западноевропейских форм светской жизни до возникновения интеллектуально развитого светского общества, в формировании которого не малую роль сыграла женщина привилегированного сословия.

Литература и источники

1. Земляной, С. Н. Онтология и этика светкости (О жизни света и светской жизни в Европе и России) / С. Н. Земляной // *Этическая мысль*. Вып. 4. – М.: ИФ РАН, 2003.
2. Ключевский, В. О. Неопубликованные произведения / В. О. Ключевский. – М.: Изд-во Наука, 1983. – 416 с.
3. Лотман, Ю. Беседа о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX в.) / Ю. Лотман [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Lotman/index.php. – Дата доступа: 21.03.2014.
4. Мордовцев, Д. Л. Русские женщины Нового времени. Биографические очерки из русской истории. Женщины второй половины XVIII века / Д. Л. Мордовцев. – СПб.: Тип. О.И. Бакста, 1874.
5. Успенская, В. И. Женские салоны в Европе XVII–XVIII веков / В. И. Успенская // *Женщины. История. Общество: сборник научных статей*. – 2002.

ФОРМИРОВАНИЕ ЛОГИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII – НАЧАЛЕ XVIII ВЕКА

В. Ю. Ивлев, Н. А. Зыкова

Выдвижение логики как самостоятельной дисциплины, происходившее в России с начала XV века, может быть достаточно корректно воспринято как тенденция эпохи Возрождения и Нового времени с их ориентацией на достоинство и мощь человеческого, а не божественного разума, и, как следствие, необходимости

изучения закономерностей его бытия. Одна из важнейших проблем Нового времени – это проблема «человеческого разумения», поэтому не случайно обилие работ с таким или сходным названием в западноевропейской философии. Достаточно вспомнить «О значении и успехе знания, божественного и человеческого» Ф. Бэкона, «Правила для руководства ума» Р. Декарта, «Опыт о человеческом разумении» Дж. Локка, «Трактат о принципах человеческого знания» Дж. Беркли. Сложилось так, что эта же проблема становится актуальной и для чрезвычайно интересного и малоизученного явления, которое стало именоваться «русской схоластикой» (или «*slavia scholastica*»).

Хронологически данное явление охватывает собой период с конца XVI по начало XVIII века. В эту эпоху на смену монастырской образованности и учености приходит школьная ученость. Монастырская ученость основана на личной практике общения между наставником и учениками и направлена на «формирование духовного образа» ученика. В рамках школьной учености транслируется некая совокупность знаний, теологически ориентированных, но не зависящих непосредственно от личности учителя (понятно, что в последнем случае учеников может быть значительно больше, нежели в первом). «Формирование образа» сменяется «образованностью» в современном стандартном значении этого слова.

Творческое наследие представителей так называемой «русской схоластики», сформировавшейся в период становления профессионального гуманитарного образования в России (это, прежде всего, связано с деятельностью Киево-Могилянской академии и Славяно-Греко-Латинской академии, позже преобразованной в Московскую Духовную академию) – огромно. Корпус работ, насчитывающий более тысячи печатных листов современной издательской практики, фактически до сих пор не введен в научный оборот. Тексты, написанные преимущественно на латинском языке – основном языке науки в XVII – начале XVIII столетий, во многих случаях не стали еще объектами полноценного исследования.

Хотелось бы особенно подчеркнуть, что именно новый тип рациональности, формирующийся в период становления и расцвета «русской схоластики», явился фундаментом для построения русской метафизики XVIII–XX веков. Археологическая работа по прояснению этого типа рациональности еще только начинается.

Динамическое движение от аристотелевского истолкования разума к картезианскому (и, шире – от антично-средневекового – к нововременному), осуществляющееся в рамках *slavia scholastica*, на наш взгляд, наилучшим образом зафиксировано в трудах выдающегося русского мыслителя рубежа XVII–XVIII веков Феофилакта (Федора) Лопатинского, долгое время остававшегося в тени своего гораздо более знаменитого современника, соученика и оппонента – Феофана Прокоповича. Творческое наследие Феофилакта до последних лет оставалось практически неизвестным русскому читателю. Только перевод его философских сочинений (логического трактата «Диалектика» и «Введения в философию») сделал возможным реконструкцию его логического учения, которое может рассматриваться как своеобразный итог средневекового русского философствования – и, вместе с тем, как некоторая новая страница в истории русской логики.

Еще одна из центральных проблем философии Нового времени – это проблема метода. В период Нового времени появляется и наиболее корректное определение

метода как «набора обязательных процедур, для которых имеются канонические определения» (Декарт). Таким образом, в совокупность методических приемов изначально вводится некая аксиоматика, которая позволяет в процессе познания достигать общезначимых результатов. История развития науки от античности через средневековье привело в период эпохи Возрождения к смене прежней картины мира. Если в античности мир мыслится как одушевленное и осмысленное тело, Космос, «единое живое существо, заключающее в себе все остальные живые существа», природа Нового времени есть бесконечная сфера, центр которой везде, а окружность нигде (общее место от Кузанского до Паскаля), населенная механизмами различной степени сложности. Именно с изменением картины мира связано возникновение противопоставления естественных и гуманитарных наук, т. е. знания о природе и знания о самом себе. В античности такого рода противопоставление было невозможно.

Лопатинскому, как представителю рационалистического направления в философии, эмпиризм Бэкона был в достаточной степени чужд, однако общей для всего Нового времени проблемы: что есть человеческий разум и что есть методология для постижения мира, – не избежал и он. Структура человеческого разума может быть подвергнута рационализации, считает Феофилакт. Formой такой рационализации и, шире, методологией всего гуманитарного знания является логика.

На рубеже XVII–XVIII веков в России происходят фундаментальные трансформации ментальности. На смену аристотелевскому типу рациональности, когда структура разума имманентна миру, или средневековому ее типу, когда она ему трансцендентна и для исследования открыта только финитная, тварная ее часть, приходит новый тип рациональности, когда разум становится как бы «третьим объектом» (а, точнее, субъектом) наряду с Богом и природой. Как представляется, эти интенции в определенной мере находят свое отражение и в логической системе Лопатинского. Средневековое учение о трех операциях разума является фундаментом для картезианского построения о превращении знания, выступающего не только как инструментарий для ведения диалога, но и как цель. Лопатинский продолжает использовать форму силлогизма для обоснования приращения знания, тогда как его младший современник Декарт отказывается от нее. И влияние схоластической логики на построения Феофилакта несомненно. Однако само направление развития учения о понятии и о суждении, во многом перекликающемся с картезианской логикой Пор-Рояля, и, наконец, о силлогизме как форме роста знания и способе правильного рассуждения, – все это позволяет оценить логическую систему Лопатинского как своеобразный момент перехода от средневекового типа рациональности к рационализму Нового времени.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований («Логический инструментарий и философские основания современной науки»), проект № 14-23-01005.

Литература и источники

1. Лопатинский, Ф. Введение в философию / Ф. Лопатинский // Историко-философский ежегодник 1992. – М.: Наука, 1992. – С. 211–222.
2. Лопатинский, Ф. Диалектика / Ф. Лопатинский // Избранные философские произведения. – М.: ИФРАН, 1997. – С. 21–192.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ВОЕННО-ОБОРОНИТЕЛЬНОЙ РЕФОРМЫ ГУГО КОЛЛОНТАЯ

Анджеи Мариан Цвер

Взгляды одного из ведущих представителей польского Просвещения Гуго Коллонтая в области педагогических аспектов военно-оборонительной концепции Речи Посполитой XVIII века до сих пор мало изучены как в зарубежной, так и в польской гуманитарной науке. Поэтому комплексный историко-философский и общетеоретический анализ этих воззрений, оказавших большое влияние на становление просвещенческих идей о военной педагогике, гражданской армии и общественном прогрессе представляется крайне актуальным.

Первое известное высказывание Коллонтая на тему армейских вопросов вообще и проблем военной педагогики в частности содержится в его обширном меморандуме, датированном 1784 годом, под названием «Об обновлении Рыцарской школы и возрождении воеводской Милиции». Этот важный документ является самым ранним идентифицированным источником, зафиксировавшим основы военно-политической мысли Коллонтая, который еще до выхода в свет в 1788 году своих «Писем анонима» (с изложением комплексной программы развития и модернизации армии при поддержке гражданского ополчения, или милиции) был известен, главным образом, как реформатор сферы образования. При написании своего меморандума Коллонтай находился под сильным влиянием текущих внутринациональных и международных событий. Предложенная им «военная программа» занимала особое место среди проектов, выдвинутых сторонниками восстановления Речи Посполитой к рассмотрению на приближающемся Четырехлетнем Сейме (Великом Сейме) 1788–1792 гг. Она внесла существенный вклад в обсуждение перспектив внутреннего восстановления и укрепления государственных структур и вооруженных сил страны.

По мнению Коллонтая, немощь современной ему польской армии неизбежно ослабляет государство и не позволяет военным в полной мере осуществлять свои базовые функции по его обороне. Для эффективной защиты страны регулярная армия, с его точки зрения, должна быть обязательно укреплена гражданским ополчением, или «милицией», состоящей из представителей дворянского, мещанского и крестьянского сословий, то есть практически из всего народа, в который, по его утверждению, следует вдохнуть солдатский дух предков, сделав «хорошо вооруженным и опасным противником для врагов» [1, с. 245].

Отправной точкой проекта по возрождению армии была реформа первой польской военной академии – Рыцарской школы (1765–1794 гг.), которую Коллонтай намеревался, во-первых, переподчинить гражданским властям – Эдукационной комиссии (Комиссии национальной эдукации, *польск.* Komisja Edukacji Narodowej (1773–1794 гг.) – и, во-вторых, децентрализовать, размещая группы кадетов в провинциальных (воеводских) средних школах. В заключительной части своего меморандума Коллонтай сделал заключение о том, что в случае успешной реализации его план умножил бы число кадетов с нынешних 60 человек до нескольких тысяч и дал бы реальные результаты в лице образованных выпускников-военных в течение ближайших 3–4 лет.

Целью предлагаемой реформы была, однако, не только профессиональная подготовка будущего кадрового состава национальной армии, но и воспитание воинов-граждан. Военное образование в средней школе, считал Коллонтай, должно стать подготовкой офицеров для будущих отделов воеводской (губернской) «милиции». Крестьяне и мещане-горожане будут приобретать в государственных школах основные военные навыки, которые далее необходимо совершенствовать во время различных военных мероприятий (учений, парадов и др.). Таким образом обученные крестьяне и горожане могли бы составить пехоту, единообразно вооруженную и обмундированную за счет средств из государственного бюджета.

План Коллонтая явился результатом синтеза его знаний о ведущих системах образования в Европе того времени. В современных ему западных странах с развитыми военными структурами новобранец приобретал элементарную военную подготовку еще в школе. Такая подготовка была основана на физических упражнениях и опиралась на разработанную систему гражданско-патриотического воспитания. Военные уроки были неотъемлемой частью школьной программы на уровне большинства начальных и средних школ. Именно в этом направлении с середины восемнадцатого века мыслили и ведущие польские сторонники системных и социальных реформ, в том числе Гуго Коллонтай.

Военное образование в школах и регулярное участие в учениях, по мнению Коллонтая, должно не только способствовать укреплению обороны страны, но также являться важным общественно-образовательным фактором, поскольку сможет обеспечить продуктивную занятость молодых дворян и горожан, повысить степень уважения и подчинения закону, активизировать деятельность воеводских (губернских) властей. Активное участие в учениях может стать способом получения хороших должностей и наград, а также источником постоянного дохода для обедневшей части шляхты и мещан.

Таким образом, Гуго Коллонтаем был представлен проект, в котором четко просматривалась идея создания гражданского (народного) ополчения. Сегодня сложно определить степень практического влияния меморандума Коллонтая на современные ему реалии, однако знаменательно, что во время заседания Сейма в 1784 году вопрос об организации «народной милиции» занял значительное место в парламентских дебатах. Польское правительство от лица монарха – в так называемых «предложениях со стороны трона» – рекомендовало учреждение «Окружных Милиций». Проект был одобрен и рядом сенаторов, особенно сильно в его пользу высказывался воевода русский Станислав Щенсны Потоцкий (Stanisław Szczęsny Potocki).

Огромный общественный интерес в Речи Посполитой 18 века вызвал еще один смелый проект Коллонтая – о городском (мещанском) ополчении, способствующем, по его мнению, укреплению оборонного потенциала страны. «Мой совет, – писал он – заключается в необходимости увеличения национальных сил обороны через объединение с городом. Прибудут к нам сотни тысяч рук и горячих сердец для нашей Отчизны» [2, с. 227–228]. Коллонтай рекомендовал во всех городах сформировать ополчение, которое могло бы выполнять функции гарнизонной службы и фактически укреплять оборонный потенциал. Постулат о расширении постоянной воинской повинности на городское сословие он выводил из собственной политической

инициативы под названием «Влияние городского населения на общее управление», озвученной им во время заседаний Великого Сейма в 1788 году. Согласно изложенному в ней плану, такое влияние должно было проявиться в недалеком будущем через участие горожан в законотворчестве, воеводском самоуправлении и органах государственной власти.

В мае 1792 года, перед лицом грядущей войны с Россией и с учетом малочисленности польской армии, насчитывающей всего 57 000 солдат, была осознана настоятельная необходимость пополнения вооруженных сил за счет гражданского населения. Так, закон о «Военных экспедициях» от 14 мая 1792 года призывал граждан в армию на добровольных началах, а уже следующий закон «Усиление гражданской безопасности» от 29 мая того же года уполномочивал монарха призывать к оружию способных к защите родины граждан «всех воеводств, земель и поветов» [3, с. 79].

При этом Коллонтай выдвигал и отстаивал проект призывов по территориальному принципу (так называемых «кантоновых» призывов). Он утверждал, что это будет способствовать прекращению дезертирства и повышению дисциплины, а также позволит отпускать солдат домой на побывку на более продолжительное время. Рекрут, организационно и психологически связанный со своим «кантоном», имеющий возможность периодического пребывания дома и поддерживающий связи с семьей, исполняющий свою воинскую обязанность по выбору, а не принудительно, будет иметь совершенно иную мотивацию к военной службе.

Коллонтай решительно озвучивал и придавал особое внимание проблемам государственного суверенитета, сохранения национальной идентичности, самоотверженного труда на благо страны и общества. Это было обусловлено, прежде всего, особым географическим положением Польши. Из-за отсутствия естественных границ страна на протяжении веков граничила с государствами, не всегда дружелюбно настроенными, порой откровенно враждебными и экспансионистски ориентированными. Страх потери суверенитета был важным фактором, связывающим патриотические круги, просвещенную шляхту и буржуазное мещанство во имя общенациональной цели, какой являлась независимая и суверенная родина.

Значение деятельности Гуго Коллонтая во имя укрепления армии и обороны Польши в полной мере отражают слова одного из выпускников Рыцарской школы, публициста и историка Юлиана Урсына Немцевича (1757–1841), который писал: «О действительно заслуженных людях, внесших свой вклад в оборону и укрепление Отечества, никогда нельзя сказать достаточно много» [4, с. 2].

Литература и источники

1 Kołłątaj, H. Listy Anonima i prawo polityczne narodu polskiego. T. I // Biblioteka Narodowa, seria I, nr 136. – Warszawa, 1788–1789.

2 Kołłątaj, H. Listy Anonima i prawo polityczne narodu polskiego. T. II // Biblioteka Narodowa, seria I, nr 136. – Warszawa, 1788–1789.

3 Kołłątaj, H. O ustanowieniu i upadku Konstytucji 3 Maja 1781, cz. II // Biblioteka Ludowa. – Metz /właściwie Lipsk lub Kraków, 1793.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ИДЕИ БЕЛОРУССКИХ ПРОСВЕТИТЕЛЕЙ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

Е. А. Кухарик, А. М. Хомич

В конце XVIII века в результате трех разделов Речи Посполитой Беларусь с населением свыше трех миллионов человек была присоединена к Российской империи. Эти масштабные изменения отразились на всех областях жизни, в том числе и на развитии социально-педагогической мысли.

Наиболее яркими представителями общественной, социально-педагогической мысли Беларуси XIX – начала XX веков являлись Франциск Богушевич, Адам Богданович, Винцент Дунин-Марцинкевич, Элоиза Пашкевич (Тетка), Ефим Карский, Якуб Колас [1; 2].

Франциск Богушевич (1840–1900). В 1861 г. поступил на физико-математический факультет Петербургского университета, однако за участие в студенческих выступлениях был исключен. Вернулся в Беларусь, работал сельским учителем, изучал жизнь белорусского крестьянства. Выступал за образование народа. Намечая пути преобразования общества, большую роль отводил просвещению. Считал необходимым заботиться о воспитании и формировании характера ребенка. Важными составляющими воспитания считал воспитание у человека любви к Родине, уважения к труженнику, патриотизма.

Страстный патриот своей родины, Адам Богданович (1862–1940) считал воспитание любви к Родине неотъемлемым качеством гармонически развитой личности. Этой цели, отмечал педагог, должны служить родной язык, произведения народного творчества, художественная и историческая литература. Большое внимание уделял педагогическому мастерству учителя. Предъявляя к учителю высокие требования, он придерживался правила: «каков учитель, такова и школа». Он подчеркивал, что успехи учащихся зависят от преподавателей, требовал от учителя широкой эрудиции, знаний из разных областей науки, придавал большое значение авторитету и личному примеру учителя, считал, что учитель обязан творчески относиться к педагогической деятельности.

Огромный вклад в развитие педагогической мысли Беларуси внес Винцент Дунин-Марцинкевич (1807–1884) – основоположник новой белорусской литературы, национальной драматургии и оперы. Был уверен, что вопросы народного образования необходимо ставить и решать в государственном масштабе. Призывал «будаваць школы для сялянскіх дзяцей» и считал это нужным народу. В своем поместье Лютінка открыл школу для крестьянских детей [3].

Элоиза Пашкевич (Тетка; 1876–1916) – поэтесса, просветительница, проводившая огромную практическую работу среди народа, инициатор открытия белорусских школ. Считая первостепенной задачей получение образования народом, Тетка боролась за то, чтобы народные школы были бесплатными. Она понимала, что

это откроет белорусскому народу путь к образованию и культуре. Большое значение для достижения этой цели имели ее статьи в защиту народной школы («Как нам учиться», «Берегите родное слово», «К школьной молодежи»), а также издание молодежного журнала «Лучынка». По инициативе Тетки в первые годы мировой войны началась работа по открытию народных школ, где преподавание велось на родном, белорусском языке. Она искала учителей, собирала детей, сама руководила школьной работой, преподавала на учительских курсах.

Также следует отметить просветительские идеи Ефима Карского (1861–1931) – основателя белорусского языкознания и литературоведения, этнографа и фольклориста. На основе глубоких научных исследований культуры белорусского народа впервые обосновывает его самобытность. Первым разработал программу изучения белорусского языка.

Якуб Колас (Константин Михайлович Мицкевич – 1882–1956) – писатель, поэт, общественный деятель, ученый-педагог, талантливый учитель. Закончил Несвижскую учительскую семинарию. Педагогическую деятельность начал в качестве народного учителя на Полесье. В своей дореволюционной деятельности боролся за демократизацию школы, за расширение прав учителя. Написал ряд статей по вопросам педагогики («Белорусский язык в казенной школе», «О народном учителе», «Уважайте и любите свой родной язык»).

Важнейшим педагогическим трудом Я. Коласа является его учебник на белорусском языке «Второе чтение для детей белорусов». Создавая книгу, он использовал опыт и традиции К.Д. Ушинского в написании аналогичных книг, а также собственный учительский опыт. Он стремился сделать свой учебник доступным и занимательным. В 1926 г. вышла книга Я. Коласа «Методика родного языка» – первое методическое пособие в Беларуси.

В художественных произведениях, стихах, статьях, речах и письмах Якуба Коласа содержится много ценных мыслей и суждений по вопросам формирования научного мировоззрения, трудового, нравственного и эстетического воспитания детей. Он приветствовал учителей, которые в работе с детьми выходили за рамки школьной программы, учили детей критически мыслить, обдуманно относиться к своим поступкам. Большое значение придавал патриотическому воспитанию [4].

Литература и источники

1. Непрерывное географическое образование: новые технологии в системе высшей и средней школы: материалы II Международной научно-практ. конференции / редкол.: Г. Н. Каропа (науч. ред.) [и др.]. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2009. – 190 с.

2. Каропа, Г. Н. Культура, образование и наука / Г. Н. Каропа, М. В. Щербаков // Гомельская область: научно-популярное издание / Г. Н. Каропа [и др.]; под ред. Г. Н. Каропы. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2009. – С. 159–166.

3. Сергейко, С. А. История образования и педагогической мысли / С. А. Сергейко. – Гродно: ГрГУ, 2010. – 180 с.

4. Снапкоўская, С. В. Ля вытокаў нацыянальнай педагогікі: з гісторыі школы і педагогічнай думкі Беларусі канца XIX – пач. XX ст. / С. В. Снапкоўская. – Мінск: Народная асвета, 1995. – 129 с.

ТАИНСТВЕННОЕ ЭЛЕКТРИЧЕСТВО ЯКОВА НАРКЕВИЧА-ИОДКО И МАШИНЫ БУДУЩЕГО

А. В. Колесников

В двадцать первом веке мы настолько привыкли к электричеству, что уже воспринимаем его как нечто само собой разумеющееся. При упоминании электричества нами, прежде всего, вспоминаются бытовые приборы, утюги, электрочайники и розетки. При этом нам кажется, что об электричестве все уже давно и хорошо известно и предметом научного изучения оно уже не является. А, между тем, это, пожалуй, далеко не так. Например, многие электрические явления в атмосфере Земли и других планет Солнечной системы до сих пор изучены слабо и представляют собой научную загадку. Взять хотя бы феномен шаровых молний, не столь уж редких во время гроз и в нашей республике, до настоящего времени остается нерешенной научной загадкой. Электричество – это не только тягловая и даже не столько тягловая сила, но и информационный носитель. Более того, самая сложная и загадочная вещь во вселенной, а именно – человеческий разум представляет собой не что иное, как электрическое явление. Атмосфера земли, живые организмы, составляющие ее биосферу, буквально пропитаны электричеством, которое в значительной степени определяет их специфическую способность быть живыми. В какой-то степени можно даже сказать, что жизнь – это в значительной мере и есть электричество.

Неудивительно, что тайна электричества увлекла Наркевича-Иодко настолько, что даже потеснила в его жизни музыку, также величайшее и загадочнейшее из искусств. Во времена Наркевича-Иодко электричество не воспринималось еще столь обыденно, как в наше время, что заставляло размышлять о нем вне стереотипов школьных учебников и видеть его глубокую сложную и, во многом, загадочную сущность. Сегодня, пользуясь электричеством, мы редко задумываемся о его роли живой природе. Между тем, электрические явления лежат в основе живой природы и определяют собой специфические различия между живыми и неживыми объектами. Электричество окружает каждый атом вещества, и именно электрические свойства определяют правила взаимодействия между атомами при так называемых нормальных условиях, то есть в том интервале температурных и прочих физических параметров, которые мы имеем на земле и планетах земной группы. Именно электричество фактически определяет собой ту игру сил, которая выражается в самоорганизации углеродного вещества и возникновении на его основе сложнейших макроскопических молекулярных машин – живых организмов, которые конкурируя друг с другом за солнечный свет, сложную органику и возможность самовоспроизведения постоянно совершенствуются, обретая в итоге способность мыслить и осознавать себя «я». Таким образом, «я» – это такое же природное электрическое явление, как, например, молния, но только гораздо более сложное.

Спектр научных интересов Наркевича-Иодко охватывал весь этот круг электрических явлений. Он изучал атмосферное электричество, а также электричество в живых организмах. Он изобрел метод электрографии, который гораздо позднее был переоткрыт и известен сегодня как эффект Кирлиана (или

Кирлиан в честь семейной пары, повторившей соответствующие опыты уже в двадцатом веке). Белорусский ученый намного опередил свое время.

Пребывание в междивизиционном пограничье наложило отпечаток на развитие белорусской интеллектуальной культуры. Характерной чертой, унаследованной белорусской интеллектуальной культурой от глубинных корней восточнославянской ментальности, является космичность мировоззрения и стремление к поискам целостной модели мироздания. С другой стороны, на развитие белорусской интеллектуальной культуры в разные исторические периоды оказывала влияние западноевропейская наука с ее рациональностью и прагматизмом. В научной деятельности Наркевича-Иодко, по-видимому, тесно переплелись два этих мотива. С одной стороны в его интересах угадывается желание познать скрытые фундаментальные тайны природы, загадки жизни и смерти, а с другой, ему свойственна систематичность, технологичность и рациональность проведение исследований, а также интегрированность в поле европейского научного сообщества того времени.

Павел Флоренский в своей книге «У водоразделов мысли. Черты конкретной метафизики» писал: «С одной стороны, мы знаем, что нервные процессы всегда сопровождаются электрическими токами, воспринимаемыми и обычными чувствительными гальванометрами, и при этом токами, меняющимися по силе и напряжению в зависимости от процессов психических... А с другой стороны, электричество, объединяющее в себе все прочие виды энергии и ставшее уже универсальной физической причиной, лежащей не только глубже разделения отдельных видов энергий, но и глубже разделения материи и энергии, электричество, по эзотерическим воззрениям, издревле рассматривалось как частный случай первоматерии или, если угодно, перво-силы, которая есть носитель не только всех физических, но и оккультных явлений мира, будем ли мы называть эту все-причину одом, астралом или иными подобными терминами. Следовательно, с этой точки зрения "пластического посредника" понятна теснейшая связь между явлениями, связывающими психику, и электрическими». Данный фрагмент отражает взгляд философа-космиста, с одной стороны, фиксирующий глубокую взаимосвязь электрических явлений и психики, а с другой, окружающий электричество некоторым ореолом мистики. Наркевич-Иодко с одной стороны внимательно относится к свидетельствам одного из крестьян, утверждавшего, что видит светящийся ореол вокруг живых объектов, а с другой подходит к проблеме сугубо научно, разрабатывая экспериментальный «метод регистрации энергии, испускаемой живым организмом при воздействии на него электрического поля» [1]. Проводя активные исследования электрического свечения своим методом электрографии различных объектов, в том числе живых и мертвых тел, растений Наркевич-Иодко в письме к принцу А. Ольденбургскому отмечает: «Токи в человеческом организме тесно связаны с состоянием атмосферного электричества и солнечной активности. Человеческий организм, вырабатывая электричество в мышечных тканях, представляет своеобразную электрическую батарею, которая непрерывно обменивается зарядами с окружающим пространством...» [2].

Взаимосвязь электрической активности живого организма и его психических состояний не раскрыта наукой до настоящего времени. Биоэлектрический гул,

издаваемый живым существом, и, в частности, человеческим мозгом, каким-то образом коррелирует с его ментальными и психическими состояниями. Однако причинная сущность этих корреляций и их конкретная природа пока недоступны для понимания. Это дело науки будущего. Понимание спонтанных электрических процессов, лежащих в основе функционирования сознания, откроет путь к созданию машин, обладающих зачатками психических свойств и субъективных переживаний. По-видимому, лишь на этой основе возможно создание истинного «сильного» искусственного интеллекта.

Яков Наркевич-Иодко был в числе пионеров экспериментального исследования круга спонтанных электрических явлений, происходящих в живых системах. На современном этапе развития науки и техники вопросы, некогда им поставленные, становятся вновь актуальными. В настоящее время благодаря развитию синергетики и, в частности, теории хаоса появляются реальные перспективы понимания динамики и, самое главное, семантики спонтанной электрической активности в живых организмах. В перспективе это даст возможность создания на данной основе принципиально нового перспективного класса технических устройств, приближенных по своим свойствам к живым организмам.

Литература и источники

1. Флоренский, П. А. Органопроекция / П. А. Флоренский // Декоративное искусство СССР. – 1969. – № 12. – С. 39–42.

2. Киселев, В. Опередивший время / В. Киселев // Техника молодежи. – 1983. – № 11. – С. 46–52.

УРОЖЕНЦЫ БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЙ В НЕФОРМАЛЬНОМ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОМ СООБЩЕСТВЕ РОССИЙСКИХ АНГЛОВЕДОВ

И. Р. Чикалова

Изучение интеллектуальной культуры общества предполагает и изучение групп интеллектуалов и их сообществ. Можно выделить несколько типов таких сообществ. Во-первых, это сообщества, объединенные межпоколенческими сетями, цепочками учителей и их учеников: «интеллектуальные группы, цепочки «учитель – ученик» и линии соперничества между современниками вместе создают то структурное поле сил, в котором и происходит интеллектуальная деятельность. Причем существует путь от таких социальных структур к внутреннему опыту индивидуального разума» [2, с. 51]. Во-вторых, это переплетающиеся академические и университетские сообщества. В-третьих, это неформальные сообщества партнеров по обсуждениям, тесные кружки единомышленников.

В структуре последних выделяется организатор, который может, но не обязательно является интеллектуальным лидером. Все эти сообщества определяются как реальные, ибо их участники на протяжении жизни встречаются и коммуницируют друг с другом. С другой стороны, некоторые сообщества могут быть рассмотрены как воображаемые. В отличие от реальных, воображаемые сообщества,

если обратиться к Бенедикту Андерсону, отличаются тем, что они не могут быть основаны на регулярном общении его участников. Большинство членов таких сообществ могут не встречаться друг с другом, «в то время как в умах каждого из них живет образ их общности» [1, с. 31], их участники удерживают в сознании ментальный образ своего сходства. Хотя Б. Андерсон говорит о «воображаемом» в применении к нации, мне кажется, такой же подход может быть использован для построения рассказа и об интеллектуальном сообществе. Как отмечает Рэндалл Коллинз, «группа присутствует в сознании индивида, даже когда он один: для индивидов, являющихся творцами исторически значимых идей, именно это интеллектуальное сообщество является первостепенным, когда он(а) находится в одиночестве» [2, с. 52].

Внутри довольно большого дореволюционного российского сообщества англоведов [3] существовало сообщество ученых, публицистов, литераторов, связанных с Беларусью местом рождения, обучения в местных гимназиях, а затем учебы в столичных университетах (И.Н. Гранат, З. А. Венгерова, С. А. Венгер, Н. М. Виленкин (Николай Минский), С. И. Рапопорт, В. Д. Спасович, М. Я. Острогорский, П. И. Люблинский) [4]. Все его участники профессионально реализовывались за пределами Северо-Западного края. По национальности были евреями. За исключением С. И. Рапопорта, который не получил высшего образования, все они учились в Санкт-Петербургском или Московском университетах, З. А. Венгерова – на Высших женских (Бестужевских) курсах в Санкт-Петербурге. Для поступления им приходилось выходить из иудаизма и принимать православие. В этом сообществе особое место принадлежит уроженцу Могилева, профессору политической экономии Московского университета Игнатию Наумовичу Гранату. Его крупная работа «К вопросу об обезземеливании крестьянства в Англии», защищенная в 1908 г. в Московском университете как магистерская диссертация по политической экономии, сохранила познавательное значение до сегодняшнего дня и получила похвальную рецензию самого П. Г. Виноградова – крупнейшего специалиста в области аграрной истории Англии. Гранат, прекрасно владевший иностранными языками, сбор материалов проводил в Англии. Он был основателем (вместе со старшим братом Александром) знаменитого издательства «Гранат», главным детищем которого был 58-томный Энциклопедический словарь, включивший множество англоведческих статей.

Моисей Яковлевич Острогорский, Павел Исаевич Люблинский, Владимир Данилович Спасович и Николай Минский (Николай Максимович Виленкин) по образованию были юристами, выпускниками Петербургского университета. М. Я. Острогорский долго жил за границей, и можно только предполагать, что он был знаком с В. Д. Спасовичем, профессором кафедры уголовного права Петербургского университета, который был его значительно старше и ушел из жизни вскоре после возвращения М. Я. Острогорского в Россию. Острогорский был уроженцем Гродненской губернии, П. И. Люблинский – Гродно, и был почти на тридцать лет моложе. Знаток английского права П. И. Люблинский стал приват-доцентом Петербургского университета и профессором Высших Женских курсов. Он занимался английским уголовным правом, но, безусловно, следил за научным творчеством более опытного ученого: М. Я. Острогорский написал знаменитый труд

«Демократия и политические партии» (1903), которым на материале двух стран – Великобритании и США – заложил основы социологии политических партий. К этому главному труду примыкала серия статей о новейшей эволюции государственного строя Англии, составившая основу его книги «Конституционная эволюция Англии в течение последнего полувека». В то же время М. Я. Острогорский не мог не быть знакомым с Николаем Минским, поскольку они были ровесниками и учились в Петербургском университете в одно время, долгое время жили за границей, в частности, во Франции и Англии, хотя их профессиональные интересы лежали в разных плоскостях: Николай Минский был поэтом, дружил с деятелями искусства, сам много переводил с английского.

Внутри сообщества выделялась группа, объединенная родственными узами и давнишними знакомствами: Семен и Зинаида Венгерова были братом и сестрой, Зинаида Венгерова и Николай Минский после многолетнего знакомства и периодов совместного проживания, уже после Октябрьской революции в эмиграции, стали мужем и женой. В. Д. Спасович и Николай Минский закончили одну и ту же гимназию – мужскую минскую, затем оба поступили и закончили юридический факультет Петербургского университета. Их хорошим знакомым был уроженец Пружан Семен Исаакович Рапопорт. В конце апреля 1891 г. он оставил Петербург и переселился в Англию. Журналистика для него стала способом обеспечения себя, тема же жизни англичан стала центральной в его творчестве, быстро превратилась в постоянный объект изучения и информирования российского читателя. Жизнь в Англии дала ему богатейшие впечатления, которыми он, как профессиональный репортер, на протяжении двадцати лет делился с читателями в разных периодических изданиях России.

С. И. Рапопорт и С. А. Венгеров поддерживали тесные отношения, вели постоянную переписку. Свою книгу «Народ-богатырь» Рапопорт даже посвятил Венгерову, в личном фонде которого в ИРЛИ хранится коллекция адресованных ему писем Рапопорта. В свою очередь С. А. Венгеров включил биографическую статью, посвященную Рапопорту в свой «Критико-биографический словарь русских писателей и ученых». Рапопорт был автором множества англоведческих статей в «Политической энциклопедии» Л. З. Слонимского, который в свою очередь был женат на одной из сестер Афанасия и Зинаиды Венгеровых.

С. И. Рапопорт жил в Англии, но публиковал свои очерки в тех же журналах, что и сестра С. А. Венгерова Зинаида Венгерова, – «Северном вестнике», «Мире Божьем», «Образовании», «Русской мысли», «Вестнике Европы». В «Вестнике» Европы З. Венгерова вела отдел «Иностранной литературы». Ее собственные статьи были посвящены новым течениям в английском искусстве, английским писателям и поэтам Р. Браунингу, Р. Шеридану, Дж. Мередиту, У. Моррису, У. Блейку, Дж. Рескину. Зинаида помогала брату, выдающемуся литературоведу С. А. Венгерову в осуществлении его публикаторских проектов: она снабдила примечаниями выпущенные под редакцией С. А. Венгерова собрания сочинений У. Шекспира и Дж. Г. Байрона, написала предисловие к публикации пьесы Шекспира «Конец всему делу венец». Она являлась автором статей по иностранной литературе в Энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона и в «Истории западной литературы (1800–1910)», изданной под редакцией Ф. Д. Батюшкова.

Опубликованные в российской периодике статьи об английских писателях XIX века легли в основу первого его тома ее собрания сочинений, издание которого было прервано начавшейся войной.

Благодаря усилиям участников представленного сообщества в качестве переводчиков (З. А. Венгерова, Н. Минский, В. Д. Спасович), монографических трудов (И. Н. Гранат, М. Я. Острогорский), научных статей (З. А. Венгерова, С. А. Венгеров, Л. Ю. Шепелевич), публицистических (С. И. Рапопорт, З. А. Венгерова) работ, а также в качестве издателей (И. Н. Гранат) и редакторов (С. А. Венгеров, З. А. Венгерова) – политическая, общественная, хозяйственная жизнь, культура и литература «Туманного Альбиона» становились ближе и понятней русскоязычному читателю. Реконструировать жизнь и коммуникативные связи этого специфического сообщества англоведов, реального и воображаемого одновременно – самая трудная задача. К ней мы только пробуем подступиться.

Литература и источники

1. Андерсон, Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон. – М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2001. – 288 с.
2. Коллинз, Р. Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения / Р. Коллинз; пер. с англ. Н.С. Розова и Ю.Б. Вертгейм). – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. – 1280 с.
3. Чикалова, И. Р. Англоведение в императорской России в именах и публикациях (1801–1917) / И. Р. Чикалова. – СПб.: Алетейя, 2014. – 390 с.
4. Чикалова, И. Р. Реальное и воображаемое сообщество англоведов из Беларуси в императорской России // Смена парадигм в историографии XIX – начала XXI в.: сб. науч. ст. / ГрГУ им. Я. Купалы; ред. кол. Э. С. Ярмусик, Н. В. Козловская, Е. И. Мелешко. – Гродно, 2012. – С. 84–100.

РОССИЙСКОЕ ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННОЕ НАУЧНОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ КАК ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

Э. Д. Хафизов

Российская эмиграция первой послереволюционной волны, объединившая россиян-эмигрантов в десятках стран мира, представляла собой уникальное социокультурное явление. Специфика культуры российского зарубежья состояла в том, что она развивалась вне национальных границ. Россияне за рубежом по существу воссоздали духовное и культурное пространство, объединявшее всех иммигрантов.

Значительную часть вынужденных переселенцев составила интеллигенция. Многие российские ученые оказались в вынужденной или добровольной эмиграции. Интеграция российской интеллигенции в академическую западную культуру прошла в несколько этапов и в основном завершилась в преддверии II мировой войны. Особенность российского научного зарубежья состояла в том, что в подавляющем большинстве наши соотечественники знали иностранные языки и обладали профессиональными навыками, востребованными в различных сферах научной

деятельности. Российские ученые сформировались в условиях научного плюрализма, характерного для дореволюционной научной мысли. Их отличала широта кругозора, глубина и многогранность подходов в исследовательской практике. Важным преимуществом российской эмиграции было наличие духовной свободы. Кроме того, научная деятельность в зарубежных научных институтах, лабораториях и образовательных учреждениях не только позволяли успешно интегрироваться в мировое научное сообщество, но и сохранять свою культурную идентичность. Поэтому многие из них смогли достичь высоких результатов и сделать научную карьеру в масштабах мировой науки. По большому счету, историю российской научной эмиграции можно рассматривать как историю ее успеха.

В эмиграции россияне основали историческую, философскую, социологическую школы, определили тенденции развития биологии, зоологии и иных научных дисциплин. Наиболее востребованными оказались ученые, имевшие высокую репутацию и признанные мировым научным сообществом. В отличие от представителей естественных и технических наук специалистам в области социально-гуманитарных и правовых дисциплин было сложнее трудоустроиться. Признание и успех получили русские ученые-эмигранты, устроившиеся в иностранных университетах, институтах и научных центрах. В первое десятилетие эмиграции российские ученые, продолжая научные изыскания, разработали методологические основания, во многом определившие последующие их направления научного поиска.

С первых лет изгнания в зарубежье начался процесс институционализации научных организаций. Осуществлению морально-этической и научной консолидации научных кадров, решению финансовых и материальных проблем, организации ученых советов и защиты диссертаций были направлены деятельность академических групп.

Академические группы оказывали помощь русским ученым по установлению контактов друг с другом, поддержке отношений с зарубежными научными учреждениями, участию в международных конгрессах, изданию научных трудов, проведении семинаров и конференций и т. д. В отделениях академических групп действовали комиссии, которые были правомочны принимать у соискателей экзамены на аттестат зрелости и государственные экзамены, рассматривать магистерские и докторские диссертации. Большую устойчивость продемонстрировала российская научная диаспора в США, которая впоследствии постепенно стала занимать ведущие позиции. Особенность российского зарубежья в США состояла в том, что научная жизнь и преподавательская деятельность протекала в организационных рамках американских университетов. Так, в Гарварде работали М. М. Карпович, Л. И. Страховский, П. А. Сорокин, Н. С. Тимашев и др. В Беркли, Лос-Анжелесе, Сан-Франциско в разное время научной и преподавательской деятельностью были заняты П. Б. Струве, Г. К. Гинс, В. А. Разяновский и др.

В области правовой мысли гносеологические аспекты получили отражение в работах Н. А. Бердяева, И. А. Ильина, С. А. Левицкого, Н. О. Лосского, П. И. Новгородцева, С. Л. Франка и др. Доктринальное, социологическое и криминологическое изучение различных сторон проявления норм права были представлены в работах Л. Бразоля, Г. К. Гинса, Г. Д. Гурвича, Н. В. Краинского,

А. В. Маклецова, Л. И. Петражицкого, П. А. Сорокина, Н. С. Тимашева, М. П. Чубинского, Л. Шейниса и др. Достаточно интересными были исследования в области правовой науки, в которых оформились концепции «социабельного» права Г. Д. Гурвича, права как биопсихологической реальности и социально-культурного явления Н. С. Тимашева, солидаризма и «координационного» права Г. К. Гинса и др.

Россиянами-эмигрантами впервые были обоснованы необходимость выделения криминологии (А. В. Маклецов – Словения), уголовной политики (М. П. Чубинский – Сербия), криминальной психологии (Н. В. Краинский – Сербия), социологии права (Н. С. Тимашев – США, Г. Д. Гурвич – Франция) как отдельных междисциплинарных дисциплин. Благодаря усилиям М. П. Чубинского при Белградском университете с целью исследования преступности был создан криминалистический институт и открыт музей криминалистики. Совместно с известным русским уголовным процессуалистом Л. Я. Таубером и своим сыном (А. М. Чубинский) он составил комментарий к уголовному кодексу Королевства Югославии, получивший признание юристов-практиков.

Сохранению и приумножению дореволюционных научных традиций и школ способствовали созданные за рубежом научные, образовательные учреждения и общественные организации. Несмотря на сложные условия, пусть на короткое время, осуществлялось профессиональное образование российской молодежи. Деятельность высших образовательных учреждений в Праге, Париже, Харбине и других городах способствовала не только сохранению российской правовой и социально-гуманитарной мысли, но и развитию теоретических экономических, социологических, правовых и иных конструкций. Впоследствии ведущие научные и образовательные центры Европы и США стали привлекать к сотрудничеству российских ученых и деятелей культуры. Например, эмигрировав из Европы, экономист и правовед Б. С. Ижболдин, прославившийся впоследствии своими трудами в области истории и экономики, в частности – как автор так называемой теории «исторического синтеза», преподавал на экономическом отделении Сент-Луиского университета, а Д. Н. Вергун занял должность профессора университета в Хьюстоне. Вершину пирамиды американской советологии в 1940–50-ые гг. составили Г. К. Гинс, В. А. Рязановский, Б. И. Николаевский, Р. О. Якобсон, Д. Ю. Далин, Н. И. Ульянов и др.

Несмотря на проводимую большую подвижническую работу по образованию российской молодежи, не следует особо преувеличивать данное направление деятельности. В организации обучения молодого поколения присутствовал комплекс проблем. В качестве основной причины являлось нежелание правительств ряда западноевропейских стран повышать образовательный уровень россиян-эмигрантов. Потребность в специалистах, свободно владеющих языком страны пребывания, необходимость интеграции в иную социокультурную среду, снижение общей численности русскоязычной молодежи, финансовые трудности и т. д. способствовали постепенному «умиранию» высшей и средней школы российского послереволюционного зарубежья.

Несомненными позитивными сторонами организации просветительской, образовательной и научной деятельности в российском послереволюционном зарубежье являлись отход от излишнего администрирования и академизма,

отсутствие социальных, возрастных, национальных и религиозных ограничений, гуманизм и свобода преподавания, тесная связь с социальной практикой, введение авторских учебных программ и спецкурсов, ориентация на подготовку высокообразованного человека и патриота своей Отчизны.

В целом, в первое десятилетие вынужденной эмиграции в стенах русских научных учреждений, организаций, юридических факультетов, народных университетов, пусть на короткое время, российское послереволюционное зарубежье смогло воссоздать и развить отечественную научную мысль и копии высших образовательных учреждений дореволюционной России, способствовавшие сохранению и приумножению отечественных культурных, научных и педагогических традиций.

3.5 Интеллектуальная культура в зеркале истории мировой философии

ПЕТР АБЕЛЯР: ЭТОС СРЕДНЕВЕКОВОГО ИНТЕЛЛЕКТУАЛА

О. Э. Душин

В рамках традиций средневековой схоластики Петр Абеляр предстает в самых разных ипостасях и исторически значимых социальных ролях. Он рассматривается в качестве одного из родоначальников университетской науки, так как его школа на горе св. Женевьевы послужила основой для последующего формирования Парижского университета. Особое влияние приобрели его логико-диалектические штудии и утверждение теологии в статусе дисциплины диспутиаций и искусства доказательств. Широкое признание получила и его автобиографическая книга «История моих бедствий», вошедшая в уникальный жанр европейской исповедальной литературы. Он был также известен благодаря своей печальной судьбе и трагической любви. В этом смысле его диспозиция в образе интеллектуала-странника, порой неприкаянного, гонимого и не понимаемого в полной мере современниками, представляет явный интерес в перспективе исследований истоков европейской интеллектуальной культуры.

С одной стороны, с точки зрения его научной деятельности и жизни Абеляр выступает как уникальный персонаж средневековой учености, с другой стороны, в судьбе и духовном становлении мыслителя формируется и реализуется вполне определенный этос европейского интеллектуала, который представлен в его автобиографическом сочинении «История моих бедствий». Он происходил из небогатого рыцарского рода. Его отец, пусть и не продвинутый в грамоте, но все же благоволивший образованию, сделал все, чтобы Петр как первенец смог получить воспитание «в лоне Минервы». Примечательно, что юный школяр с легкостью отказался от наследства, что являлось серьезной проблемой для больших семей средневековых дворян. Доспехам рыцаря он предпочел интеллектуальное оружие диалектики. Начав традиционное странствование средневекового ученика, он

погрузился в дискуссии. Этот опыт стал истоком для развития его навыков диспутиаций. В школах он стремился не только усваивать материал, но и активно возражать своим наставникам, что вызывало непонимание и даже раздражение со стороны учителей и учеников, а Абельяр, в свою очередь, воспринимал это как проявление зависти по отношению к его талантам. Будучи полон амбициозных планов, он открывал собственные школы, лишая прежних преподавателей их места либо с помощью власти, либо привлекая их студентов на свою сторону. Однако он действительно обладал способностями к познанию, к ведению дискуссий, к диалектическим толкованиям сложных библейских текстов, что, как известно, являлось важнейшей стратегией средневековой формы науки, поэтому подчас те, кто прежде над ним смеялись, становились его преданными друзьями. При этом он отстаивал позицию подробного изучения и понимания авторитета, а не слепого следования и пустого повторения. Тем самым он привносил живые дискурсивные практики в процедуру теологической экзегезы.

Погружаясь в науки, он все больше отходил от обыденных требований тела. Подобное поведение являлось нормой для деятельности средневекового ученого, считалось, что семейная жизнь отвлекает от научных занятий. Однако судьба Абельяра сложилась таким образом, что он был вовлечен в любовную историю, чему он сам не только не препятствовал, но, пользуясь своей славой, задумал интригу, завершившуюся для любовников сначала незаконным рождением сына и тайным браком, а после скандального акта членовредительства Абельяра принятием монашества. В данном контексте биография средневекового мыслителя – это в подлинном смысле «история моих бедствий», страданий и невзгод, обусловленных его собственными действиями и недостатками, и он признает свою гордыню и чрезмерную заносчивость. Но такое понимание сложилось в его сознании лишь постфактум. Это акт раскаяния, но не умысла.

Последующие события в жизни Абельяра приобретают не менее негативный и катастрофический характер, он не находит понимания в аббатстве, куда пребывает, но обращая внимание на то, что монахи не соблюдают должных правил, и сам нарушает устав, продолжая свою преподавательскую деятельность. Его слава растет, тем не менее, это приводит к тому, что его осуждают за теологические интерпретации, не дав возможности высказаться и защитить свое понимание. Однако за этим последовали новые испытания. Приютившие его монахи были возмущены его открытием, что Дионисий Ареопагит, которого они почитали родоначальником своего аббатства, никоим образом не мог быть таковым, за что мыслителя хотели подвергнуть суду. Сокрушенный ученый вынужден был тайно бежать. В результате перипетий философ оказался в уединенном месте, в тихой провинции, где вскоре появляются студенты, и он находит силы, чтобы продолжить свои лекции. Он вновь посвящает себя служению наукам и обретает подлинное духовное утешение. Но это состояние было не долговременным. Опасаясь возможных нападков, он принимает приглашение стать аббатом. Однако в монастыре его вновь ожидает разочарование. Он не понимает своих подопечных, они, в свою очередь, не признают его. Взаимное напряжение в отношениях нарастает, а вместе с ним тоска и одиночество мыслителя. В итоге, дело доходит до того, что его чуть не убивают. И все же мыслитель сохранил верность своим принципам.

Значение Абельяра как мыслителя заключается в том, что он призывал искать смысл, а не просто слова. Его стратегии – это поиск и размышление, понимание и рассуждение, движение мысли, основанное на дискурсивных практиках, предполагающих ангажированные научные дискуссии. Его подвижничество как интеллектуала состоит в служении науке. Он – странник и бродяга, не понятный для большинства, живущий подлинным образом лишь в интеллектуальном контексте своих лекционных занятий и движимый интересом и захваченностью студенческой аудитории. Как человек он подвержен многочисленным внешним воздействиям, он причастен формирующейся средневековой западноевропейской городской культуре с ее динамично развивающимся коммуникативным пространством, которое центрируется вокруг храмов и рыночных площадей. Он не святой, ему присущи нравственные недостатки и упущения. Он способен на превратные действия и откровенно неприличные поступки. Но он способен и на глубокое духовное раскрытие. Таким образом, можно заключить, что его портрет не столь однозначен, но именно таков Петр Абельяр, схоласт и мыслитель, стоящий у истоков европейской интеллектуальной культуры и истории университетской науки.

МАКСИМ ИСПОВЕДНИК И СЛАВЯНСКИЙ МИР

И. В. Хмара

Всякий раз, когда мы говорим об интеллектуальной культуре Беларуси, мы не можем абстрагироваться от интеллектуальной, а также просто культуры, славянского мира в целом. Это становится особенно понятно, если учесть тот факт, что самосознание, философия таких трех стран, как Россия, Беларусь, а также Украина, начинает свое формирование в X веке. Именно в это время князь Киевской Руси Владимир совершает цивилизационный выбор – он принимает Православие в качестве веры древнерусского государства. Учитывая, что принятие христианства произошло при участии Византии, начиная с X века, Русь, а соответственно и Полоцкое княжество (территория нынешней Беларуси), входившее в состав Киевской Руси, испытывает постоянное влияние интеллектуальной культуры византийцев [1, с. 15]. Однако стоит учесть еще один момент, земли Беларуси испытывали достаточно долго еще и влияние западной культуры, которое осуществлялось через соприкосновение с католицизмом.

В этой уникальной культурной ситуации личность Максима Исповедника (580–662 гг.), известного, можно даже сказать, знакового византийского богослова-философа очень важна для рассмотрения проблем, связанных с культурой Беларуси. Будучи интеллектуально одаренным, воспитанным в восточно-христианской культуре, данный автор был достаточно открыт к диалогу с западно-христианской цивилизацией, более того, он ее достаточно хорошо знал [2, с. 31], что дает право некоторым исследователям говорить о нем как о посреднике между Востоком и Западом.

Однако через какие каналы осуществлялось влияние идей Максима Исповедника на славянскую культуру в целом, на Белорусскую культуру в частности?

Для начала стоит рассмотреть тему Византийского влияния на славянскую культуру. Достаточно обобщенно, можно установить два пути такого взаимодействия: через тексты византийских мыслителей, которые переводились, комментировались; через памятники культуры, в частности, иконописные, которые несут в себе достаточно серьезный философский посыл [1, с. 20–22].

Идеи Максима Исповедника распространялись через письменные памятники. Это были переводы его собственных произведений, а также можно отметить опосредованное влияние через тексты других авторов, об этом будет сказано ниже.

Касательно его творчества, достаточно интересно, что Максим Исповедник, как богослов, не был популярен в Киевской Руси, интерес к нему усиливается в этом плане только к XIV веку, когда на славянский язык был переведен корпус сочинений псевдо-Дионисия Ареопагита, только тогда его имя звучало, но только как имя комментатора [3].

Однако исследуемый богослов-философ, был достаточно популярен в качестве аскета, причем известность его аскетических произведений наблюдалась не только в славянском мире, а также на Западе. [4, с. 4]. Тут стоит учесть, что Максим Исповедник был еще и аскетом – мистиком. Об этом аспекте очень хорошо выразился С. Л. Епифанович, известный исследователь творчества Максима Исповедника: «Если он и упражняется в созерцаниях богословско-философского характера, то лишь по побуждениям аскетического свойства. Догматика у него собственно вкраплена в аскетику» [5]. Это хорошо видно потому, что самое распространенное на Руси его *аскетическое* произведение «Главы о любви» раскрывает нам антропологические, теологические воззрения автора. Более того, представляется очень интересной тема опосредованного влияния на славянскую культуру идей Максима Исповедника. Дело в том, что один из самых популярных авторов в славянском мире – Иоанн Дамаскин, произведения которого порой использовались как учебные пособия [1, с. 42], испытал огромное влияние со стороны Максима Исповедника [6].

Теперь рассмотрим, какие идеи Максима Исповедника становятся достаточно популярными на славянской почве. В первую очередь - это идеи о богопознании, а также идеи о человеке. Приведем цитату автора: «Любящий Бога предпочитает ведение Бога всему сотворенному Им и непрестанно в любовном томлении устремляется к этому ведению» [4, с. 14].

Это выражение очень точно показывает мистический характер всей концепции Максима. Учитывая, что человек не может познавать Бога рационально [5, с. 56], а Бог – Творец всего сущего, от которого зависит все, то человеку остается «созерцать в любовном томлении» этого Бога. Эти две идеи и привели к появлению особого мироощущения славянского человека. Такого мироощущения, которое в последствии будет критиковать П. Я. Чаадаев в своих «Философических письмах», говоря, правда, о всей византийской созерцательной традиции, нашедшей отражение в русской: «В этом безразличии к жизненным благам, которые иные из нас вменяют себе в заслугу, есть поистине нечто циничное. Одна из главных причин, замедляющих у нас прогресс, состоит в отсутствии всякого отражения изящного в нашей домашней жизни» [7, Письмо 2].

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что белорусская

интеллектуальная культура, а также культура славянского мира, испытывала значительное влияние Византийских интеллектуалов, одним из которых был Максим Исповедник. Данная статья была попыткой показать, что актуальность изучения его творчества заключается в том, что мы можем благодаря этому понимать различные интеллектуальные феномены современной, но не только, жизни целого ряда стран, таких как Россия, Беларусь, Украина.

Литература и источники

1. Ионайтис, О. Б. Византия и Русь: развитие философских традиций: учеб. пособие / О.Б. Ионайтис; [науч. ред. Б.В. Емельянов]. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2002. – 269, [2] с.
2. Ларше, Ж.-К. Преподобный Максим Исповедник – посредник между Востоком и Западом / Ж.-К. Ларше. – М.: Издательство Сретенского монастыря, 2004. – 272 с.
3. Беневиц, Г. И. Прп. Максим Исповедник на Руси и в России (1073–1973 гг.) / Г. И. Беневиц [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bogoslov.ru/text/3668042.html>. – Дата доступа: 18.10.2014.
4. Сидоров, А. «Главы о любви» преп. Максима Исповедника как шедевр древнецерковной святоотеческой письменности // Преп. Максим Исповедник. Главы о любви. – М.: Сибирская Благовонница, 2013.
5. Епифанович, Л.С. Преподобный Максим Исповедник и Византийское богословие / С.Л. Епифанович. – М.: Мартис, 1996. – 221 с.
6. Ионайтис, О.Б. Антропологические идеи Максима Исповедника / О.Б. Ионайтис // Вестник ОГУ. – 2013. – №3. – с. 13–20.
7. Чаадаев, П.Я. Философические письма / П.Я. Чаадаев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vehi.net/chaadaev/filpisma.html>. – Дата доступа: 18.10.2014.

ZOROASTRISM IN THE CONTEXT OF BIRUNI'S PHILOSOPHIC DOCTRINE

G. T. Mahmudova

The history of researching Zoroastrizm and Avesta is very long and contradictory. Zoroastrism as religious beliefs after the epoch of its flourishing and triumph slowly extinguished and gave way to other world religions and nowadays it exists as caste and religious tradition of the Parsee living in India, Pakistan, Ceylon, Iran, Great Britain, Australia, Canada, and the USA.

From the epoch of the Sasanides (224–651) different books, such as «Tansar's Letter» (VI), «ShahrikhanEran»(IX), and others which more or less state the events connected with Avesta, originated. Many authors, including Tabari, Narshahi, Firdausi, Biruni, suggested their ideas and considerations concerning zoroastrism, Avesta, and Zaratustra.

As many other scientists Biruni was also interested in searching the place and time of zoroastrism origination, comprehension of Avesta content on one hand, and on the other hand, the interpretation of Avesta and its perception as historical-philosophic and religious relic.

Biruni notified the philosophy of a person who gives a shirt for more to people taken his dress and turn the other cheek being hit as noble, philosophy of blessing the enemies and praying for everybody. However, people are not philosophers. And even when the emperor Constantine became a Christian, his government still used swords and lashes [1, c. 52; 2, c. 161]. Alongside with the Christians and Jews in the X century zoroastrism (madjus) was unreservedly recognized as favoured religion... they had their own leader who represented their interest at court and in government. The Zoroastrians were considered as the remainder of independent and brave adversary never defeated in their inaccessible bulwark [1, c. 39].

Avesta, being a Zoroastrian sacred book, presents clear ideas of ancient history, social and spiritual life of peoples in Central Asia, religious-philosophic culture, economic and political structure of society, geographical position, history of origin of statehood, etc. Undoubtedly, all these facts couldn't remain thinkers of medieval scientific thought indifferent.

And with it neither in Gatas nor in other parts of Avesta there is no information about when and where Zaratushra was born. There is a version, according to which, he lived 258 years before Alexander the Macedonian. This date was fixed in the time of Sasanids. This date was also advanced by Biruni. And if previously E. V. Rtveldze considered that the motherland of zoroastrism was Eastern Iran, then in connection with 2700 anniversary of Avesta he was more concrete saying that «zoroastrism is the religion of aboriginal population of Baktria which traces were fixed in archeological monuments» [3, c. 99].

Among the thinkers who credited the life and activity of Zoroastr with Baktria there is also Biruni who considered that the king of Balkh Gushtaps patronized Zaratushra.

Death is a peculiar phenomenon which destroys obvious and hidden, dream and reality, make think about human destiny in this and after worlds. That's why it was always treated with reverence and responsibility. During many centuries on the territory of Central Asia there were different traditions of burial corresponding to formation and development of various religious ritual ceremonies which comprised a pyramid system of religious consciousness.

The ceremony of burial plays a great role in formation and development of zoroastrism and its canonized period. By the efforts of Central Asian scientists it was proved that one of the disputable questions – burial of bones – is considered to be a ritual connected with zoroastrism. This point of view was supported by inscriptions on bones depositories found in Khorezm. Yu. A. Rapoport citing Biruni who in his work «India» wrote that Zoroastrian naus should have windows «through which wind blew round dead» once again proved the disputable question about Zoroastrian burial ritual.

Women's images on statuary bones depositories are very close to the images of fravashi, powerful spirits of dead saints occurred in Avesta. They are silently sitting female beings, stately «high-gridded», «wide-seated». As it was pointed in Avesta, fravashi during ten days before New Year visit native settlements claiming sacrificial offerings from descendants. Didn't Biruni mean exactly the same writing that during last five days of the twelve month of a year the Khorezmian brought into nasu food for spirits? [4, c. 258]

Even in XX–XXI centuries we can come across with such ethnographic materials which reflect primitive stage of humankind development. According to ethnographic data there are, for example, customs and rituals connected with commemoration and fellowship with dead souls. Biruni wrote about funeral days of «Mouverannahrian magicians» among

the Sogdians and Khorezmian. According to his information, at the end of the month called khshum the dwellers of Sogda mourned the dead, scratched their faces and put food and drinks into nauses as well as the dwellers of Fars during the days of ferverdadjan. The ritual which was described by Biruni apparently meant a lot for the peoples in Central Asia. Consequently, the positions of dead bodies in nauses nearby ossuaries and heaps of bones were met repeatedly, whereas findings of bones with elements of gnawing are singular. It let us suggest that the ceremony described by Biruni was much more widely spread than throwing dead bodies to wild animals in Central Asia. There might also have been some other ways of intensifying the process of separation flesh from bones connected with the use of fire [5, c. 112].

According to ethnographical data mourning over the dead following by scratching the faces remained among some of the modern Khorezmian and also in the village Humsan in Bostanlik district of Tashkent region.

Consequently, the representation about dying and reviving nature (the image of Siyavush) was connected with life and activity of human being who shouldn't interrupt connections with spirits of ancestors and constantly remember about sacrificial offerings in honor of Fravashi (spirits) in the name of fertile land, family prosperity, and human piety. Abovementioned Biruni's facts about «feeding the spirits of ancestors» by the Sogdians and Khorezmians indicate that this ritual existed in Central Asia long ago and represented a religious ceremony aimed at retention of indissoluble ties between spirits of ancestors and human beings.

All these processes couldn't destroy fundamental principles of faith and customs in consciousness of different ethnic groups. Some customs and traditions were changed by others, some cults and ceremonies were altered, widening by new sense and predestination in accordance with new religious-philosophic purposes and social conditions. That's why in consciousness and mode of life of the peoples in Central Asia the relicts of zoroastrism turned out to be very viable, right up to the XXI century.

S. P. Tolstov drew a similar analogy with some terra cottas found in Khorezm. There were the pictures of the dead in the appearance of Ardvisur Anahit, the great Zoroastrian goddess personifying fertility and life-giving water [6, c. 205]. Right up to the IX century in Muslim world pre-Islamic New Year, or as it was called the beginning of solar year, was celebrated [1, c. 332]. By ancient traditions persisted in Muslim world the Persian had a custom to sprinkle each other with water on New Year. In the Orient it was forbidden in 895 year. However, Biruni in about 1008 year indicates about revival of this custom [1, c. 332]. In Videvdat there was elaborated a whole program for purification of ancient human in all situations. For example, if Devil Nasu, inspired in dead dog or human, touched jugs, they could be purified by cleaning with gomez, soil or water, but «if they are made of soil, wood or clay, then they are evil unto ages of ages»; if Putrid Devil assaulted on tree or seeds, they could be purified only by water:

35. Let them do so in dependence on
Whether the seed damp or dry;
Sifted or not;
Grounded or not;
Fanned or unfanned; milled or not;
Let it be sprinkled with water

And it will be cleaned [7, с. 145]

On the assumption of abovementioned it can be stated about canonized form of some of the Zoroastrian ceremonies connected with purifying, like sprinkling each other with water.

The notion of purifying dead bodies underwent different stages and changes. As water was considered to be holy, initially purifying with water was forbidden. Non randomly the history of zoroastrism differs by usage of ossuariys which served as a means of protection from desecration of earth and water.

Consequently, with the changes of ideology, religious-philosophic and practical consciousness customs and ceremonies corresponding to the structure of society forming in the process of cultural-historic development consolidated.

Zoroastrism became the first methaethnicreligion, a kind of religious-philosophic ideology in which different sides of spiritual life of Central Asia and Middle East peoples were reflected. Cults, ceremonies, rituals fixed in consciousness of people of a definite region and different ethnic groups turned out to be so stable that in spite of the following changes in spiritual constitution of human being their consciousness still remembered its consolidating syncretic thinking, with that made essential corrections in that spiritual experience.

References

1. Мец, А. Мусульманский Ренессанс / Адам Мец. – М.: Наука, 1966. – 458 с.
2. Бируни Абу Рейхан. Индия / Абу Рейхан Бируни; пер. А.Б. Халидова, Ю.Н. Завадовского // Бируни Абу Рейхан. Избранные произведения. – Ташкент: Фан, 1963. – Т. II. – 727 с.
3. Ртвеладзе, Э. В. Зороастризм в Бактрии // «Авеста» и ее место в истории развития человечества. – Ташкент; Ургенч: Фан, 2001.
4. Бируни Абу Рейхан. Избранные произведения / Абу Рейхан Бируни. – Ташкент: Изд-во Академии наук УзССР, 1957. – 486 с.
5. Рапопорт, Ю. А. Из истории религии древнего Хорезма / Ю.А. Рапопорт. – М.: Наука, 1971. – 126 с.
6. Толстов, С. П. Древний хорезм: опыт историко-археологического исследования / С. П. Толстов. – М.: Изд. МГУ, 1948. – 433 с.
7. Авеста. Закон против дэвов (Видевдат) / Адаптированный перевод, исследование и комментарии Э. В. Ртвеладзе, А. Х. Саидова, К. В. Абдуллаева – СПб.: Изд-во Политехнического ун-та, 2008. – 300 с.

ПРОСВЕЩЕНИЕ КАК ЭПОХА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

И. И. Лещинская

Эпоха Просвещения ознаменовала собой коренной культурно-исторический переворот, осуществленный как в сфере общественного сознания, так и общественной практики. Это время великих политических революций и не менее грандиозного экономического сдвига, получившего название «промышленной

революции». Вместе с тем, их осуществление было обосновано и подготовлено интеллектуальной революцией, определяющим содержанием которой явилась просветительская деятельность во всевозможных ее формах, и послужившая основанием для именованной данной эпохи.

Принято считать, что интеллектуальная революция становится фактом истории не тогда, когда выработан новый способ мышления, а когда он воспринят и освоен широкой общественностью. «Естественный свет» разума, освобожденный от тьмы предрассудков, с необходимостью должен быть приведен в действие каждым индивидом и лишь тогда можно говорить, по словам И. Канта, о совершеннолетии человечества, обретшего «мужество пользоваться своим умом», и соответственно о качественной трансформации сознания социума. Новый способ мышления был обоснован философами XVII века, но публичным и всеобщим он становится благодаря неутомимой и разнообразной деятельности просветителей. Именно они поставили задачу максимально расширить «зону вещания» разума, трансформировать существующие и создать новые сферы культурного пространства для свободной циркуляции его идей. По существу речь шла о создании своего рода социальной инфраструктуры разума, которая была призвана обеспечить свободный доступ всех желающих к достижениям и воплощениям разума. Публичные библиотеки, публичные музеи, книжная индустрия, массовые научные издания, периодическая печать – все эти культурные инновации подготовили то, что впоследствии получило название «революция сознания» и явилось свидетельством демократизации культуры. Ю. Хабермас в работе «Структурная трансформация публичной сферы» отмечал, что образование публичной сферы, основными чертами которой явились эгалитаризм, общий интерес и аргументированность разумом, создало условия для открытого и общедоступного обсуждения общественных вопросов и имело грандиозное значение для формирования специфической культуры рационально-критического суждения [2].

Основным условием и одновременно фундаментальным принципом интеллектуальной революции явился принцип свободы и в силу этого Просвещение зачастую именуют «религией свободы». Принцип свободы в западноевропейском сознании первоначально получил свое обоснование в философии XVII века, в контексте гносеологических построений. Идея отягощенности, плененности разума многообразными предрассудками, заблуждениями, авторитетами с необходимостью предполагала идею необходимости напряженной деятельности по его освобождению. Предрассудки, по мнению мыслителей, – главные враги разума, без их искоренения невозможна свобода его действий. Конкретную реализацию эта идея получила в теории идиологов Ф. Бэкона, в принципе радикального сомнения Р. Декарта. В эпоху Просвещения борьба с «идолами» переносится в практическую плоскость и получает форму критики социальных «идолов» и отстаивания естественного права индивида на свободу. Но и для просветителей основополагающим условием гражданской свободы должна быть свободная мысль, поэтому Просвещение в первую очередь заявило себя как движение за интеллектуальное освобождение. Свое последовательное развитие и завершение эта критическая работа нашла в особой форме социальной практики – политической революции, когда «на смену оружию критики пришла критика оружием», т.е. за свершившейся интеллектуальной

революцией последовали радикальные изменения в политической сфере.

Еще одним фундаментальным принципом, без которого невозможно адекватно представить интеллектуальную революцию эпохи Просвещения, является принцип равенства. Идея равенства, и прежде всего равенства познавательных способностей, была обоснована также в контексте философских систем XVII века. Так, для Р. Декарта предпосылкой его учения о методе явилась идея о том, что способность к познанию «от природы у всех людей она одинакова». Не менее показательным доводом в этом отношении выступил знаменитый концепт *tabula rasa* Д. Локка. Это своего рода проекция в сферу познания новоевропейской идеи равенства, ее гносеологическая ипостась. Благодаря этой идее, суть проблемы достижения истинного знания усматривается не в исключительном характере познавательной способности избранных, а в правильном и, следовательно, продуктивном ее использовании всяким, вступившим на стезю познания. Данная идея в эпоху Просвещения получила не только дальнейшее и всестороннее развитие в теоретической форме, но и нашла свое воплощение в практике, и прежде всего в сфере образования. Можно утверждать, что философско-методологические принципы XVII века выступили в качестве теоретического обоснования педагогической революции XVIII века. Идея изначального (природного) равенства способностей с неизбежностью предполагала идею равного права на знание, а, следовательно, и на образование. Неслучайно, одной из основополагающих характеристик эпохи Просвещения является так называемый панэдукационизм, то есть идея универсализации образования, обоснование его в качестве первейшего и важнейшего условия разрешения всех социальных проблем и достижения царства разума и справедливости, что затем привело к закреплению необходимости образования не только как гражданской добродетели, но и гражданской обязанности. «Понятие *образования (Bildung)* в то время завладевшее умами, – отмечает Х.-Г. Гадамер, – было, вероятно, величайшей мыслью XVIII века, и именно оно обозначило стихию, в которой существовали гуманитарные науки XIX века, даже если они не знали еще ее гносеологического обоснования» [1, с. 50].

Эпоха Просвещения – это время становления образовательных технологий, без которых немислимо приобщения широких масс к достижениям разума. Но Просвещение придало не только массовый характер образованию, но и сделало его по преимуществу светским, институализированным и научно ориентированным по своему содержанию и по своей форме. Проблема научно ориентированной формы образования – это проблема поиска средств и способов получения гарантированного результата образовательной деятельности. Просветители с воодушевлением не только приняли тезис философии XVII века о необходимости научного метода в процессе производства знаний, но и обосновали его необходимость в процессе их освоения. Поэтому выработанные в европейском философском сознании методологические принципы используются в качестве теоретических оснований для методических поисков. Методичность в сфере образования обосновывается как важнейший принцип деятельности, направленной на преобразование человеческой природы посредством овладения индивидом определенной сферы практического или теоретического знания. Образование, по мнению просветителей, сочетает в себе обучение, ориентированное на развитие интеллектуальных способностей, и

воспитание, направленное на «возделывание», культивирование «природы человека». Эти два элемента образования неразрывно связаны друг с другом. «Теперь образование теснейшим образом связано с понятием культуры и обозначает в конечном итоге специфический человеческий способ преобразования природных задатков и возможностей» [1, с. 51].

Таким образом, распространение научных знаний и новых философских идей в эпоху Просвещения неумолимо вытесняло нерациональные формы сознания социума и привело к его структурно-содержательной перестройке, следствием которой явилась всевозрастающая его рационализация и имманентно связанная с ней секуляризация. Интеллектуальная революция означала процесс демократизации культуры и предполагала утверждение и реализацию свободного, равного и всеобщего права человека на распоряжение своими интеллектуальными способностями и результатами их приложения.

Литература и источники

1. Гадамер, Х-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики: пер. с нем. / Общ. ред. и вступ. ст. Б. Н.Бессонова. – М.: Прогресс, 1988. – 704 с.
2. Habermas, J. Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society / J. Habermas; transl. by T. Burger, F. Lawrence. – Cambridge, Mass.: MIT Press, 1989. – xix, 301 p.

ЦЕННОСТНЫЙ АСПЕКТ НЕКОТОРЫХ ПОЛОЖЕНИЙ О СУБЪЕКТЕ У ХАЙДЕГГЕРА И ПЛОТИНА

Д. В. Малахов

В современном мире человечество сталкивается с конфликтом, который имеет разнообразные формы, содержательные инварианты, степени раскрытия, однако назван он может быть просто: сохранение исторических форм жизни человечества основывается на необходимости технологического разрушения форм и порядка существования сферы сущего. Систем ценностей, исчерпывающе манифестированных в нормативах милосердия в отношении человека, фактически не существует в отношении сущего в целом. Непроясненным остается и вопрос о связи бытия и мышления человека с бытием сущего, его судьбой и самим высшим началом – будь это Бытие у М. Хайдеггера или Единое–Благо у Плотина. Обращение к Плотину (с которого начиналась идея полного, но непрямого присутствия Блага во множественном сущем) и М. Хайдеггеру (с которым эта идея фактически закончила свое существование) в контексте ценностного аспекта субъективности не является для нас случайным. Рассмотрим эти положения последовательно.

1. Истоком обращения к данной теме стали современные исследования плотиноведов, обсуждающих вопрос о свободе на всех уровнях действий вертикальной триады «Единое–Ум–Душа». У исследователей, отстаивающих свободный характер эманаций (или же действия, следствием которого является эманация), ясно прослеживается тенденция некой формы личностного рассмотрения

ипостасной триады Плотина. Хотелось бы особо выделить работы Дж. Риста [1], И. В. Берестова [2], Л. Вестры [3], Это – сложный и неоднозначный момент, если следовать традиционным (и, пожалуй, неверным) взглядам на вертикальную триаду, исторически сформировавшимся на границе уяснения и интерпретации неоплатонизма христианскими авторами.

2. В историко-философских исследованиях зачастую выдвигаются положения о том, что в античной философии нет разработанного понятия личности. Его появление связывается, скорее, с Августином Аврелием и христианством благодаря таким специфическим конфликтам, как утрата естественных оснований воли, разделение разума на человеческий и благодатный и т. д. Однако А. Ф. Лосев отмечает, что сфера эйдосов, содержащихся в Уме и тождественных Уму, выступает в качестве принципа индивидуализации сущего [4]. И, как бы сомнительно не звучало данное утверждение в контексте фундаментальной онтологии Хайдеггера (в этом случае «принцип индивидуализации» как раз и означал бы, что бытие мыслится исходя из сущего), это имеет смысл с той точки зрения, что понятие субъекта, которым оперирует Плотин, не только свидетельствует о разработанности темы субъективности, но и о ее богатстве по сравнению с современными концепциями, развивающимися в контексте индивидуализации и фактически игнорирующими проблему личности и ее свободного служения. Субъектом у Плотина («ὄλοκεῖμενον») выступает неопределенное подлежащее, как бы исходя из которого индивидуальная душа открывает путь созерцания Единого или Блага (более в ходу термин «восхождение» или «диалектика»). Таким образом, захватывающее индивидуальную душу стремление к Единому или Благу образует специфику всецелой человеческой включенности в познание на фоне своего рода истока, который, однако, не предшествует, но, скорее, сопутствует сущему, – «ὄλοκεῖμενον» (материя, не-сущее, всецелая лишенность).

3. Исходя из сказанного, отношения субъекта и объекта у Плотина строятся таким образом, что объект предшествует субъекту, задает онтологическую «планку» мышления (стремления, созерцания – эти моменты нераздельны), как бы «вырывает» его из неопределенного подлежащего, обосновывая его как состоявшееся. Это – принцип его триады: ипостасное бытие, чтобы со-причастствовать благу, т. е. быть благим (а иное ипостасное бытие Плотин вообще не рассматривает в качестве истинного), нуждается в вышестоящем начале – благом начале самом по себе (Единое) или превосходящим мерой блага собственное ипостасное существо. Говоря проще, чтобы быть собой и свободным, субъекту необходимо вышестоящее начало – объект, некий двоякий телос – истинная жизнь, которая, пребывая с одной стороны как бы вне субъективного содержания, с другой стороны есть глубина и подлинность самого субъекта [1, с. 55].

4. Именно об этом типе античного субъекта и говорит М. Хайдеггер, выстраивая концепцию «чистого именованья» как отступления перед сущим, которую мы с полным правом можем назвать «ценностной» в онтологическом смысле. Субъект «вы-ступает» в просвет бытия и именно характер этого «вы-ступания» является предметом анализа, а вовсе не субъект как деятельность, исходящая из собственного субстанциального подлежащего. Следует вспомнить, что и гуссерлевское трансцендетальное Ego словно висит в пустоте, не имея никакого

внутреннего самообоснования, никакого субстанциального подлежащего (есть только универсальное априори – интенциональность, «остающееся» в виде подлежащего естественной установки). При этом объективный мир *полагается* трансцендентальным Ego – «духом» или чистой субъективностью [5, с. 68–69], в то время как подлинным «объектом» Ego выступает жизнь чистого сознания – активный трансцендентальный синтез абсолютно ответственного мышления, двояко включившего в себя объективный мир (в естественной и феноменологической установках). М. Хайдеггер фокусирует способ существования среди сущего, которым человек хранит бытие в его собственной нужде в «сосредоточенном сущем» и в «человеке-хранителе» [6, с. 457]. Ответственность человека за бытие, бытие сущего и себя самого осуществляется в экзистенции, означающей «выступление в истину Бытия» и именующей «определяющее место человека в истории истины. Фраза «человек эк-зистировать» отвечает не на вопрос, существует ли человек в действительности, она отвечает на вопрос о «существовании» человека. ... В качестве экзистировующего человек несет на себе бытие-вот (Dasein), поскольку делает «вот» как просвет Бытия своей «заботой». А бытие-вот существует как «брошенное». Оно коренится в броске Бытия как посылающее-исторического [7, с. 199–200]». Таким образом, субъект у М. Хайдеггера можно назвать трансцендентальным весьма условно: он не полагает сущее, но *вместе с ним* как бы *исходит* в просвет, где бытие положено в своей истине.

5. Платиновское созерцание высшего начала низшим, в котором первое присутствует всецело, на наш взгляд вполне коррелируемо с «экзистенцией» М. Хайдеггера. Плотин прямо говорит в V.3.15, что Единое, содержа в себе все вещи, содержит не их совокупность, а их *бытие*, обуславливая и сохраняя единство каждой из них в Уме как истинно сущих и распространяя в Душе как сущих в многообразии [8, с. 89]. Созерцание единства в себе и Единого или Блага требует, как показывает Плотин в V.1.5. «собственной совершенной глубины» [9, с. 59]. Говоря об ипостасях триады как об особых действиях изначальной мощи [1], мы вправе поставить следующие вопросы: какое именно действие содержится в интимных глубинах сущего у Плотина? сходно ли оно с действием, которое совершает обосновывающее мышление у М. Хайдеггера? Считаем справедливым и обоснованным вывод И. В. Берестова о платиновской свободе как «свободе полагания своего подлежащего» [2, с. 221], совершаемого *для* ипостасей и сущего, а не ради себя, поскольку, как замечает также В.В. Болотов, Первоначало Плотина не нуждаясь ни в чем, «не имеет нужды даже в самом себе» [10, с. 23]. Что в данном случае может означать действие для другого?

6. И. В. Берестов интерпретирует такое действие как «распространение Блага, в соответствии с которым «Первоначало есть Благо как благое действие лишь по отношению к иному», сущностью которого (действия) оказывается противостояние «распространению зла» или «ограничению свободы», т. е. как «распространение свободы» [11, с. 311–312]. Действительно, *свобода от не-сущего*, рассматривается Платином в VI.5.1 в качестве присутствия Блага во всех вещах: «...как это, спрашивается, благо могло бы находиться где-то вне сущего, т.е. падать в область не-сущего? Так как благо не есть же что-либо не-сущее, то ясно, что оно может находиться лишь в области сущего. А если это так, если благо само есть сущее и

находится всегда в сущем, то это значит, что пребывая в самом себе, оно в то же время присуще и каждому из нас» [12, с. 172–173]. Таким образом, природа индивидуальной души, как и природа сущего в целом, подразумевает у Плотина *нужду* в освобождающем действии Единого или Блага, которое также нуждается в ином, чтобы быть Благом. Итак, Благо дарует свободу от не-сущего, обретаемую в созерцательном возвратном движении к Первоначалу. Фактически, это есть свобода служения, в котором не уничтожается, но постоянно преодолевается неопределенное подлежащее – ὑλοκεῖμενον. О том, что такое преодоление не имеет цели в себе, проясняется обращением к экстатике Dasein у М. Хайдеггера.

7. Экзистенция у М. Хайдеггера реализуется в акте чистого именованя. Ценностный аспект экзистенции и акта именованя заключается в том, что в сфере имен именуемый «входит ... лишь для того, чтобы самому *перед* сущим *отступить на задний план*. Тогда сущее есть чистый феномен. В высказывании, наоборот, высказывающий принимает участие тем, что включает себя, – и он включает себя как тот, кто наклоняется *над* сущим, чтобы вести наблюдение над ним и говорить *о* нем» [13, с. 124]. Возникающая вследствие отступления дистанция между бытием и сущим задеиствует сущее в возможности его собственного экстатического вступления в истину Бытия. Выступая мерой сущего, человек «*есть* это отношение соответствия, и он есть только это. «Только» – это не означает ограничения, но избыток» [14, с. 74]. По сути дела, в феноменологии мы сталкиваемся с ценностным императивом как телеологией человеческого существования. Отличительной же чертой хайдеггеровской философии становится то, что воля к господству замещается способом существования и мышления, в которых устанавливается сфера равенства бытия, человека и сущего, предполагающая не индифферентное тождество, а возможность *быть* в качестве истины бытия во взаимопринадлежности. Говоря языком Плотина – в виде единства по образу Блага.

Подводя итог сказанному, зададимся вопросом: каким образом мыслящий человек – личность – является средоточием восполнения нужды? Отвечать на данный вопрос формально, наподобие того, что человек является венцом творения, – бессмысленно, поскольку такой ответ никоим образом не объясняет долг милосердия в отношении сущего. Иначе говоря, провозглашение вверенности человеку судеб творения легко превращается в констатацию его субстанциального превосходства, подчиняющего наличный для него универсум в научной, практической и эстетической деятельности. Как показывает обращение к двум великим философам, онтологическая со-размерность человека и сущего устанавливается не на уровнях бессознательного и восприятия – инстинктов, привычек, чувств, эмоций, аффектов, где человек и сущее представляют родовую всеобщность психо-биологической формации, а на уровне сознания, понимать ли его как знание себя из созерцания высшего начала (объекта) у Плотина или полную экзистенциальную включенность (заботу) как ответ на *Зов Бытия* у М. Хайдеггера. Не проясняют ли телос личности слова Плотина, сказанные на смертном одре и донесенные до нас его учеником Порфирием: «Стремлюсь возвести божественное во мне к божественному во всем»?

Литература и источники

1. Рист, Дж. М. Плотин: путь к реальности / Дж. Рист. – СПб.: Изд-во «Олега Абышко», 2005. – 320 с.
2. Берестов, И. В. Свобода в философии Плотина / И. В. Берестов. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2007. – 382 с.
3. Westra, L. Plotinus and Freedom: A Meditations on Enneads 6.8 / L. Westra. – Lewiston, N.Y.: E. Mellen Press, 1990. – 238 p.
4. Лосев, А. Ф. История античной эстетики: Поздний эллинизм / А.Ф. Лосев. – М.: Искусство, 1980. – 766 с.
5. Савин, А.Э. Трансцендентализм и историчность в феноменологии Гуссерля / А. Э. Савин; Югорский гос. ун-т. – Ханты-Мансийск: РИЦ ЮГУ, 2008. – 210 с.
6. Хайдеггер, М. Гераклит: 1. Начало западного мышления. 2. Логика. Учение Гераклита о Логосе / М. Хайдеггер; пер. с нем., авт. послесл. А. П. Шурбелев. – СПб.: [б. и.], 2011. – 504 с.
7. Хайдеггер, М. Письмо о гуманизме // Время и бытие: статьи и выступления / М. Хайдеггер; пер. с нем. Бибахин В.В. – М.: Республика, 1993. – С. 192–220.
8. Плотин. О субстанциях интеллектуальных и о верховном начале (Энн. V.3) // Сочинения: Плотин в русских переводах / Плотин. – СПб.: Алетейя; М.: Греко-Латинский Кабинет Ю. А. Шичалина, 1995. – С. 96–113.
9. Плотин. О трех первых началах, или субстанциях (Энн. V.1) // Сочинения: Плотин в русских переводах / Плотин. – СПб.: Алетейя; М.: Греко-Латинский Кабинет Ю.А. Шичалина, 1995. – С. 52–67.
10. Болотов, В. В. Учение Оригена о Св. Троице // Собрание церковно-исторических трудов. – Т. 1: Учение Оригена о Св. Троице / Изд. подгот.: А. В. Храпов, С. В. Дубаренко; редкол.: А. И. Сидоров (пред.) и др.; вступ. ст. А. И. Сидорова. – М.: Мартис, 1999. – XL, 583 с.
11. Берестов, И. В. Необходима ли эманация? / И. В. Берестов // Рист, Дж. Плотин: путь к реальности. – СПб.: Абышко О., 2005. – С. 289–318.
12. Плотин. О том, что единое тождественное сущее везде во всем присутствует во всей своей целостности (исследование второе) (Энн. VI.5) // Сочинения: Плотин в русских переводах / Плотин. – СПб.: Алетейя; М.: Греко-Латинский Кабинет Ю.А. Шичалина, 1995. – С. 172–185.
13. Хайдеггер, М. Семинар в Ле-Торе, 1969 г. / М. Хайдеггер // Вопросы философии. – 1993. – № 10. – С. 123–151.
14. Хайдеггер, М. Закон тождества // Хайдеггер, М. Разговор на проселочной дороге: Избр. ст. позд. периода творчества / М. Хайдеггер. – М.: Высш. шк., 1991. – С. 69–79.

ПРЕДМЕТ ФИЛОСОФИИ В КОНТЕКСТЕ «КРИТИЧЕСКОГО ПОЗИТИВИЗМА» А. МАРБУРГА

Е. В. Адамейко

Позитивистская стратегия стало одним из самых влиятельных направлений в западноевропейской философии, в рамках которой происходило предметное самоопределение философии. Однако регион распространения позитивизма не ограничивался только Западной Европой. Оригинальная программа позитивизма

была представлена в контексте восточноевропейской философской мысли. Свое воплощение эта программа получила в двух основных версиях, в качестве которых выступили «варшавский позитивизм» и «критический позитивизм». Одним из наиболее ярких представителей «критического позитивизма» явился А. Марбург (1855–1913) – уроженец Беларуси, историк философии, автор многочисленных статей по философии, психологии, этике, логике, редактор ведущих научных журналов, издаваемых, преимущественно, на территории Польши, поэт. По оценке современников, именно этот философ стал «монополистом» в области развития позитивистской программы в восточно-европейском регионе [1; 2].

В своем творчестве А. Марбург критически переработал идеи представителей классического позитивизма, а также идеи И. Канта и его последователей. Основной задачей, которую философ ставил перед собой, являлась реабилитация философии в качестве автономной науки, имеющей свой специфический предмет и структуру.

А. Марбург высоко оценивал заслуги представителей классического позитивизма. Вместе с тем, он считал, что их идеи стали одной из причин кризисного состояния философии. Виной тому, по мнению философа, был крайний сциентизм представителей классического позитивизма, а также их тяга к системотворчеству и присутствие в их философии догматических элементов. Кроме того, мыслителя не устраивало обоснование основной задачи философии представителями классического позитивизма как синтеза результатов позитивных наук.

В оценке представителей «варшавского позитивизма» философ, с одной стороны, отметил большое значение их деятельности в области распространения позитивного знания. С другой стороны, А. Марбург подверг критике их учения за эклектизм, недостаточную обоснованность и некоторый популизм в изложении своих идей. Как отмечает А. Хохфелдова, одна из наиболее известных и авторитетных исследователей творчества А. Марбурга: «Как к варшавским позитивистам, так и к представителям классического позитивизма Марбург предъявляет одни и те же претензии, которые заключаются в том, что все они были недостаточно «критичными», даже более, что все одни не были позитивистами в достаточной степени или были плохими позитивистами» [3, с. 164]. Сам А. Марбург подчеркивал, что «позитивизм без критицизма является слепым и ненадежным» [4, с. 108].

Неудовлетворенность идеями как представителей классического позитивизма, так и варшавских позитивистов, побудила А. Марбурга к обоснованию собственной, критической, версии позитивизма. При этом в целях усиления позитивистской программы в качестве ядра «критического позитивизма» мыслитель использует критицизм И. Канта.

В качестве первоочередной цели своей программы А. Марбург обозначил задачу определения предмета философии. Решение этой задачи было связано с рассмотрением вопроса о структуре философии.

А. Марбург выделил две составные части в структуре философии: теорию познания и теорию науки. В качестве основной задачи теории познания мыслитель понимал «исследование условий, которые должно выполнять познание, чтобы прийти к абсолютно достоверному знанию и отличить истинное знание от вероятностного» [5, с. 32]. Таким образом, целью теории познания являлось исследование познавательных способностей субъекта и решение проблемы

критериев истинного знания. Такая трактовка теории познания А. Марбурга во многом перекликается с анализом познавательных способностей, осуществленных И. Кантом. Однако этой составляющей части философии философ посвятил очень незначительное место в своих трудах, что стало основанием для критики его учения со стороны оппонентов.

Наибольшее внимание мыслитель уделил анализу предмета и задач теории науки, которую философ в дальнейшем отождествил с философией как таковой. Мыслитель, определяя статус философии как теории науки, полагал, что она должна соответствовать следующим требованиям. Во-первых, она должна выступать в качестве реальной (не метафизической) дисциплины. Во-вторых, она должна стать наукой с особым статусом, обладающей специфической предметной областью. В-третьих, она должна выступить в качестве автономной науки. В-четвертых, А. Марбург рассматривал теорию науки в качестве нормативной дисциплины. В-пятых, по мнению мыслителя, теория науки является гуманитарной дисциплиной. Наконец, по мнению философа, теория науки должна стать универсальным критическим инструментом, призванным оградить науку от догматизма. «Наука легко поддается влиянию традиции и авторитетов, – считал А. Марбург, – а если и соблюдает последовательность суждений в собственной области, то в целом мало беспокоится об отношении этих суждений к общей системе знания... Философия является критическим органом науки, ее теоретической совестью. Ее обязанностью по отношению к науке является защита от метафизических иллюзий и догматических петрификаций, к которым склонна каждая научная дисциплина» [6, с. 240].

А. Марбург четко определил задачи теории науки, в качестве которых выступили: определение предмета науки и выявление ее специфики, экспликация материальных и формальных условий науки, ее теоретических инструментов, выявление критериев классификации наук. В соответствии с поставленными задачами мыслитель выделил следующие разделы теории науки: «логика и методология науки, теория опыта, критика понятий и начальных оснований науки, классификация и систематизация научного знания, философия частных наук» [5, с. 171]. Важно отметить, что в процессе построения классификации наук А. Марбург, наряду с естественнонаучными дисциплинами, в сферу научных дисциплин включил также гуманитарные науки, в качестве «венца» которых выступила психология.

Таким образом, в процессе создания концепции «критического позитивизма» А. Марбург основывался на идеях философии И. Канта и основных установках классического позитивизма. Ядром этой новой версии позитивистской программы выступило учение А. Марбурга о предмете философии. Философия, в трактовке А. Марбурга, прежде всего, предстает как автономная наука, критический органон науки, который призван уберечь ее от метафизических заблуждений и эксплицировать ее задачи и теоретические средства их достижения.

Литература и источники

1. Lewkowicz, J. O filozoficznych kwalifikacjach p. Adama Mahrburga / J. Lewkowicz // «Biblioteka naukowa». – 1905. – Pólr. 2. – S. 237–251.
2. Kucharski, St. Ad. Mahrburg jako krytyk i kierownik «Książki» / St. Kucharski // «Biblioteka naukowa». – 1905. – Pólr. 2. – S. 252–256.

3. Hochfeldowa, A. Adam Mahrburg / A. Hochfeldowa // Polska myśl filozoficzna i społeczna. – Warszawa, 1975. – Т.2. – S. 137–200.

4. Mahrburg, A. Pozytywizm w opalach reakcji / A. Mahrburg // «Ogniwo». – 1903. – Nr. 5. – S. 107–108.

5. Mahrburg, A. Podział i układ nauk / A. Mahrburg // Poradnik dla samouków. – Warszawa, 1901. – Cz. I. – S. XV–XLII.

6. Mahrburg, A. W sprawie naukowości metafizyki / A. Mahrburg // Pisma filozoficzne. – Warszawa, 1914. – Т.2. – S. 216–269.

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ГУССЕРЛЯ – КЛЮЧ К ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ «ЕВРОПЕЙСКОГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА»

И. Ф. Габрусь

Все своеобразие феноменологии в очень большой степени связано с принятием *cogito-cogitatum* в качестве исходной бытийной и гносеологической данности. Смысл данного постулата в его исходной антинатуралистической направленности. Изначальная установка феноменологии – антинатурализм, решительный протест и неприятие всех и любых форм «натурализации духа». С *cogito*, «обремененной смыслом мнящей интенцией» мы оказываемся в специфическом бытийном регионе, в определенной предметной области, которая, по Гуссерлю, и осваиваться должна соответствующими «имманентными познавательными средствами».

В феноменологии не ставится вопрос, как формировалось *cogito*, «обремененная смыслом мнящая интенция». А это значит, что за интенцией как преданностью сознания стоит уже сформировавшийся субъект во всеоружии хорошо освоенных им форм и способов взаимоотношения с миром, во всяком случае с той или иной его определенной предметной областью. Это позволяет нам определить феноменологию как гносеологию вторичного познания. Своей феноменологией Гуссерль совершает радикальный гносеологический сдвиг с познания первичного, в котором главная цель – получение нового знания, совершается открытие новой для субъекта и в целом для всей познавательной деятельности человечества предметности, на познание вторичное, которое развертывается на базе уже освоенного первичного знания и стало составной частью познавательного опыта субъекта. Несомненно, это самое массовидное гносеологическое явление, не представлявшее для традиционной гносеологии особого интереса. Феноменология же смогла увидеть здесь туго завязанный проблемный узел и показать всю его сложность и значимость. Принятие феноменологией *cogito-cogitatum* в качестве первичной реальности означает, что она исходит из всего накопленного культурой познавательного опыта как само собой разумеющейся предпосылки. Свои преимущества, и притом совсем не малые, имеются в таком принятии субъекта познания и действия в его уже полностью оснащенном всеми необходимыми познавательными и поведенческими способами взаимодействия с миром. В подавляющем большинстве жизненных ситуаций так дело и происходит. Работодателю подай готовый результат. Никому не интересно (да и некогда) копаться в прошлом. Тест на профпригодность прост и незамысловат: покажи в действии свои

познания, навыки, умения. «Здесь Родос, здесь и прыгай». А каким путем ты пришел к сегодняшнему результату (легко ли и играючи, потом ли или кровью) это к предстоящему делу не относится. М. Вебер строит свою понимающую социологию именно на основе такого принципа: смысл постулируется им в качестве неотъемлемой составляющей социального действия. Принятие *cogito* в качестве первичной реальности означает, что субъект познания, отношений и действий уже хорошо вжился в определенную предметную и проблемную область, довел до автоматизма требуемые здесь когнитивные, эмоциональные и волевые действия, которые отныне становятся для него индивидуальной парадигмой решения бесчисленного множества конкретных задач на молниеносное и мастерское применение своего накопленного опыта. Интенция в качестве первичной реальности – это субъективная, эмоционально окрашенная, а значит, глубоко личностная парадигма индивидуального опыта.

Интенциональное сознание – бытие феноменологии экстенсивно во времени и пространстве. Тем самым традиционное гносеологическое противопоставление субъекта объекту феноменологией снимается. В ноэзо-ноэматической корреляции объект оказывается лишь предметным полюсом единой интенциональной реальности, означаемым, находящимся в неразрывном, корреляционном отношении – единстве с означаемым.

Интенция-*cogito* – аристотелевская потенциальная реальность, чреватая всякий раз большим спектром вербализаций и предметных объективаций. Ее бытие – туго свернутый сгусток смысла, смысловой свиток ждущих своей реализации смысловых возможностей. Это по-настоящему живой, пульсирующий жизненной энергией компонент внутреннего мира личности. Смыслоконституирование в своей реализованной форме имеет два измерения: исток его, исходный уровень – «мнящая интенция», «немая сладостная мысль» (М. Унамуно: «И трудится как буйвол молчаливо во мне немая сладостная мысль»), бессловесная труженица, дающая жизнь практически неисчерпаемому спектру как вербализованных, так и выраженных в иных предметных формах объективаций. Второй уровень смыслоконституирования, уровень фиксации, объективации смысла в определенных предметных формах лишает его динамики, останавливает процесс смыслоразвертывания, превращает его в смысловую окаменелость. Мысль-*cogito*, мысль-интенция – подлинно живой элемент интенционального сознания-бытия. Мысль-*cogitatum*, мысль-ноэма – это застывший в своей определенности результат смыслоконституирования.

На уровне вторичного познания включается и действует, начинает продуктивно работать постмодернистская ризома. Специалист-профессионал, вжившийся в свою предметную область до автоматизмов схватывания и понимания возникающих по ходу деятельности проблемных ситуаций, легко и непринужденно вплетает в формирующуюся, конституирующуюся ткань своей мысли-интенции, своего *cogito*, своего «означающего» когнитивные элементы как из смежных, так даже и дальних проблемных сфер и областей. Такой опыт мысле-действия – широкое поле интуитивного усмотрения, расширения горизонтов видения, подъема на новые, более высокие уровни, этажи понимания.

Поиск и освоение новых форм рациональности в современной культуре вполне

укладывается в феноменологическую матрицу. *Cogito-cogitatum* в гуссерлевской феноменологии охватывает все модификации рацио и смысла, представляет рациональность по всей возможной шкале ее бытования, присутствия, наличности. Это как у М. Вебера в его типологии социальных действий: нарастающее движение от почти нулевого присутствия рацио к его максимально и полно выраженному наличию.

Феноменология предвосхищает и важнейший синтетический тренд современной науки, поскольку изначально демонстрирует синтетический подход к действительности. Это заложено уже в исходной «клеточке» феноменологического видения реальности: смыслоконституирование как наложение «мнящей интенции» (ноэзы) на гилетический материал (чувственные данные, ощущения) образует новую реальность – ноэму, в которой исходные элементы сплавлены в неделимую целостность. Ключевой принцип системного подхода, определяющего лицо современной науки – несводимость целого, системного качества к простой сумме образующих его элементов составляет существо и интенционального синтеза, который лежит в основе смыслоконституирования.

Феноменология явилась предвестницей теперешнего перереформирования реальности на основе информационных технологий. Реальность сегодня неудержимо разрастается виртуальными пузырями. Интенциональное сознание-бытие – это смысловое образование любой возможной природы, в том числе и всех модификаций сегодняшней виртуалистики. Природа виртуальных феноменов современного компьютеризированного мира если не один к одному, то уж точно по большинству параметров совпадает с природой интенционального бытия-сознания феноменологии. Феноменологический субъект смыслоконституирования, как и сегодняшний нетман, завсегдатай интернетсети, – неотъемлемый компонент, один из полюсов в одном случае интенционального сознания-бытия, в другом – бытия виртуального, реально функционирующего параллельно и синхронно с жизнью, функционированием *cogito*, мнящей интенции или же с вовлеченностью нашего нетмана в интернет-ситуацию. И там и там бытие субъективное, личностно окрашенное, эмоционально насыщенное, когнитивно напряженное, поведенчески захватывающее.

Ego-cogito-cogitatum – универсальная феноменологическая когнитивная система координат, в которой запросто может быть помещен и интерпретирован, осмыслен, концептуализирован любой фрагмент реальности в любых его измерениях. В этом заложена изначальная вселенская широта феноменологии и ее проблемная всеохватность.

Интеллектуальная культура – важный сегмент культуры, но далеко не вся культура. Феноменологическая же система координат сшита далеко на вырост. Ей по плечу, придется как раз впору весь универсум культуры. Размерность феноменологической системы координат сродни размерности ленинского определения материи, которое способно охватить собой, вобрать в себя все возможные новооткрытия естествознания о свойствах, составе и структуре материального мира. Феноменология, однако, еще более всеохватна. Поздний Гуссерль, Гуссерль «Картезианских размышлений» говорит о всех возможных мирах, охватываемых трансцендентализмом феноменологического опыта.

МОРАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ Н. О. ЛОССКОГО В НАЦИОНАЛЬНОМ И ГЛОБАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Н. Г. Севостьянова

Собирание интеллектуального наследия Беларуси, в котором философия Беларуси, в том числе русскоязычная философия, сохраняет свой системообразующий статус и концептуально переплетена как с русской, так и с российской философией, предполагает обращение к творчеству мыслителей-эмигрантов серебряного века русской культуры, чье личностное и профессиональное становление произошло на белорусской земле, а труды получили мировую известность в условиях зарубежья и последующее признание на Родине.

В ряду таких мыслителей – Николай Онуфриевич Лосский (1870–1965), философ и моралист, историк философии и методолог науки, логик и психолог, чья интеллектуальная эволюция от позитивизма к христианскому мировоззрению и учению типична для ученых революционной эпохи отечественной культуры. Н.О. Лосский родился в деревне Креславка Витебской губернии (ныне местечко Краслава в Латвии), учился в классической гимназии в городе Витебске, продолжил образование в Европе и в Санкт-Петербургском университете, где затем работал профессором вплоть до высылки из России в 1922 году. Оторванный от Родины, Н. О. Лосский никогда не порывал духовных связей с Отечеством. Его работы, в том числе систематическое исследование «История русской философии» и фундаментальный труд по моральной философии «Условия абсолютного добра: Основы этики» были изданы в Чехословакии, Словакии, Франции, США на английском, французском, немецком, русском языках.

Отец В. Н. Лосского (1903–1958) – крупнейший православный богослов, работы которого сыграли ключевую роль в деле богословского образования и церковного возрождения в России. Николай Онуфриевич характеризует собственное учение следующим образом: «В своих книгах и статьях по религиозным проблемам Лосский меньше занимался теологией, а больше занимался разработкой системы метафизики, необходимой для христианского истолкования мира» [1, с. 339]. Интуитивист в гносеологии и персоналист в метафизике и онтологии, Н. О. Лосский выстраивает оригинальную систему философии, в том числе моральной философии, основные концепты которой выступают предпосылкой и основанием современных духовных идеалов и ценностей.

Реконструкция моральной философии Н. О. Лосского выполнена здесь в контексте разработанного им метафизического, интуитионистского, иерархического персонализма. В этой связи этика, «наука о нравственном добре и зле», «может быть названа христианскою теонормною (заповеданною Богом) этикой любви» [2, с. 67], а «выработанное в ней в связи с метафизическим персонализмом учение о том, что все страдания суть следствия нарушения гармонии, вызываемого нравственным злом недостатка любви к Богу и тварям Его» [2, с. 235–236] является исходным. Так философ призывает к устранению двух причин зла (эгоизма и неспособности любить) и называет три условия моральности человека (аксиологию, свободу воли и взаимосвязь всех существ). Выдвигая тезис о нераздельности учения о бытии и

теории ценностей, мыслитель рассуждает в традициях апофатического богословия, согласно которому сверхсовершенство сверхличного Бога невыразимо в человеческих понятиях, различаются проявления действий (энергий) Бога в мире от самого Бога. При этом идею творения философ применяет не к миру в целом, а только к субстанциальным деятелям как центральному онтологическому элементу мира. В онтологической аксиологии добро, истина, красота не входят в систему мира, тот лишь стремится к ним, осознавая их непостижимость. Н. О. Лосский различает два слоя бытия – Царство Божие, которому принадлежат действительные субстанциальные деятели, т. е. избравшие жизнь в Боге, сверхпространственные и сверхвременные существа с духоносным телом; и психоматериальное царство, где обитают потенциальные субстанциальные деятели как личности, свободно и добровольно избравшие землю, эгоистически утверждающие самость. Каждый субстанциальный деятель то ли принадлежит совершенному бытию, то ли может и должен подниматься на все более высокие ступени жизни. «Закон обратного отношения между рангом ценности и силой ее имеет место только в нашем психоматериальном царстве бытия» [2, с. 135], члены которого несогласованны и враждебны.

Реконструкция моральной философии Н. О. Лосского показывает «три морали» онтологических ценностей: мораль абсолютных ценностей Царства Божия, мораль ценностей психоматериального царства, мораль ответственного пути к Царству Божию.

Мораль абсолютных ценностей имеет «характер добра с любой точки зрения, в любом отношении и для любого субъекта; не только сама по себе она всегда есть добро, но и следствия из нее никогда не содержат в себе зла», — отмечает философ [2, с. 56]. Бог (совершенная ценность) открывается в полноте бытия как Добро, Красота, Нравственное Добро (любовь), Истина, абсолютная жизнь, свобода. «Необходимо сочетанные друг с другом», эти самоценности выражаются друг через друга. В принципе, вся жизнь движется любовью к ценностям: о добром нравственном поведении можно говорить лишь в том случае, если имеется «бескорыстная любовь к объективным ценностям».

Ее разрушают основные злоупотребления свободой, формируя ценности *морали психоматериального царства*. «Эгоизм есть зло основное, порождающее различные виды производного зла. Оно состоит в себялюбии, тогда как правильное соотношение ценностей требует больше любви к Богу, чем к себе, и любви ко всем существам такой же, как к себе» [2, с. 61–62]. Основными положительными ценностями психоматериального царства выступают совесть, любовь и ответственность. «Согласно теонормативной этике, совесть есть первичное, изначальное свойство человека» [2, с. 70], но ее развитие вызывает глубокое чувство вины, при котором «муки раскаяния прожигают душу глубже, чем угрызения совести». Мыслитель называет страдания, переносимые людьми, наказанием за нравственное зло. Считает, что «понижение нашего благополучия» имеет двоякий смысл: это и справедливое воздаяние и средство исцеления от несовершенства.

Абсолютная ценность *любви* служит гарантом моральности в этике философа, «любовь есть онтологическая связь любимого бытия с любящим существом, сопутствуемая особыми эмоционально-волевыми переживаниями» [2, с. 180].

Поэтому и христианское смирение как средство преодоления гордости не является комплексом неполноценности, но есть выражение любви к Богу. Однако «в нашем психоматериальном царстве любовь никогда не бывает вполне совершенной».

Личностное преобразование обеспечивает *мораль ответственного пути к Царству Божию*. «Всякое лицо, будучи существом свободным, несет абсолютную нравственную ответственность за субъективную и объективную сторону поступков» [2, с. 125–126]. Из этого следует, что системы этики, отдающие приоритетное значение в оценке поступков именно мотивации поведения, односторонни, равно как и те школы, которые преувеличивают степень значимости поступков. «Как бы много ни было обстоятельств (незнание, глупость, болезнь и т. п.), уменьшающих ответственность деятеля за объективное несовершенство его поведения, все же эта ответственность никогда не может быть вполне снята с него» [2, с. 132].

Традиционно русский вопрос о допустимости борьбы со злом Н. О. Лосский рассматривает следующим образом. Совесть должна упрекать человека не за то, что он прибегнул к физическому пресечению зла, а за собственное несовершенство, которое пришлось преодолевать грубыми средствами. Зло, по логике православного мыслителя, вообще могло бы оставаться неосуществленной возможностью, если бы никто не злоупотреблял своей свободой. Тем не менее, конечная победа добра обеспечена строением мира, материальная сфера которого исчезает и исчезнет. Философ выражает уверенность в том, что этика может установить единство цели поведения всех существ и единую систему ценностей в мире, предназначенном к добру.

Моральная философия Н. О. Лосского имплицитно включает абсолютные ценности (добро, красоту, истину, свободу, любовь), ценности психоматериального царства (отрицательные явления нравственного зла эгоизма и недостатка любви; положительные ценности совести и свободы совершенствования), а также абсолютную ценность ответственности личности за субъективную и объективную стороны своей жизни. Так православная моральная традиция получает полное выражение в глобальном контексте современной христианской мысли и в интеллектуальной культуре Беларуси.

Литература и источники

1. Лосский, Н. О. История русской философии / Н. О. Лосский. – М.: Высшая школа, 1991. – 559 с.
2. Лосский, Н. О. Условия абсолютного добра: Основы этики / Н. О. Лосский. – М.: Политиздат, 1991. – 368 с.

4 ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЧЕЛОВЕКА И ОБЩЕСТВА В КОНТЕКСТЕ ИССЛЕДОВАНИЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

4.1 Актуальные тенденции социально-экономического развития общества

ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Д. И. Широканов

Современное общество представляет собой развивающуюся систему, в которой целостный и окончательный результат последствий всех происходящих ныне процессов и явлений пока неизвестен. Точки зрения на постижение будущего, конкретную направленность дальнейшего развития и на социально-экономическую организацию грядущего общества различны и порой больше относятся к области предсказаний, чем научного прогнозирования.

Исследования последних лет показали несостоятельность систем прогнозирования социального будущего, основанных на принципах линейного развития истории, так как чаще всего социальные процессы имеют поступательно-волнообразный характер и включают переходы от одной «волны» развития к другой, где преобладают иные, отличные от предыдущей тенденции. Часто они представляют собой вероятную возможность, которая может реализоваться только при определенных условиях.

В современной реальности, особенно с конца XX века, кардинально меняется жизнь не только общества в целом, но и каждого конкретного человека. Появляется необходимость научиться жить в постоянно меняющемся мире, при быстрой динамике ценностей, и предвидеть возможные негативные явления, чтобы их избежать или попытаться минимизировать.

Реконструкция истории цивилизации поможет выявить преемственность ее основных структур и направленность инновационного развития. Периодизация истории на три продолжительные по времени эпохи: доиндустриальное – индустриальное – постиндустриальное общество – основана на нескольких критериях, где современное общество (постиндустриальное, посткапиталистическое, постэкономическое, информационное) противопоставляется существовавшему ранее по трем основным признакам. Первый из них – это основной производственный ресурс. В доиндустриальном обществе им являются первичные условия производства, то есть сырье, в индустриальном обществе – энергия, а в постиндустриальном обществе им становится информация. Вторым критерием является тип производственной деятельности. В постиндустриальном обществе он

рассматривается как последовательная обработка в противоположность изготовлению и добыче на более ранних ступенях развития. Третий критерий – это характер базовых технологий. Так на смену трудоемким технологиям доиндустриального периода приходят капиталоемкие технологии индустриального периода, а в постиндустриальном обществе их заменяют наукоемкие.

Анализ прошлого и настоящего показывает, что цивилизационный переход осуществляется на основе социотехнологических революций (понимаемых не в узкотехническом, а в широком социокультурном значении), приводящих к созданию новых цивилизаций, в основе которых находятся технологии, преобладающие в обществе. Новые технологии не уничтожают ранее существующие, а трансформируют их, сохраняя в качестве ресурсов и условий дальнейшего существования. Результатом информационной революции и постиндустриальных трансформаций должно стать общество нового типа. В основании постиндустриальных трансформаций заложен инновационный ресурс, главная роль в котором принадлежит знанию и информации.

Вектор основных тенденций современного мирового развития раскрыт концепциями устойчивого развития и глобализации, становления нового международного и информационного порядка, тенденцией расширения информационного пространства.

Концепция устойчивого развития включает в себе: исторический подход, основанный на выявлении и изучении кризисов и катастроф, произошедших вследствие человеческой деятельности; футурологическую направленность, то есть своеобразное переплетение поисковых и нормативных прогнозов, способствующих созданию проектов и предсказанию возможных последствий их осуществления для мирового развития; эвристическую направленность, проявляющуюся на двух уровнях. На первом связь анализируемой теории с процессом познания природы и общества носит опосредованный характер, на втором происходит выдвижение новых теоретических положений и практических рекомендаций. Междисциплинарный характер концепции состоит в применении методологии системного анализа. Политологический аспект включает наряду с сугубо теоретическими вопросами практические вопросы гуманитарного сотрудничества.

Основной целью концепции устойчивого развития является решение проблемы выхода человечества из состояния «неустойчивости», переходного периода и создания нового социального порядка. Но поскольку новый социальный порядок – это ни что иное как новый тип общества, то концепция устойчивого развития является научным обоснованием дальнейшего прогресса современного общества на основе возможностей собственных внутренних ресурсов, а не на безграничной экспансии и количественном росте.

Интеграционные тенденции в мировом развитии (в последнее время их называют процессами глобализации) привели к установлению принципиально новых форм связей между различными странами. Развитие информационных технологий способствовало сближению самых отдаленных континентов и точек не только мирового, но и космического пространства, что не могло не повлиять на расширение политических, экономических, культурных, научных и других связей. Между людьми и странами возросли контакты и взаимопонимание на всех уровнях. Оперативная

информация о событиях, происходящих в мире, привела к тому, что каждый человек начинает осознавать себя включенным в мировое сообщество, и перед реально существующими глобальными угрозами осознавать свою общность с судьбой всего человечества. Интеграционные процессы проявляются и при формировании общечеловеческих ценностей, основанных на многовековом опыте всех времен и народов.

DETERMINANT INOVATOARE DE DINAMICA SOCIALĂ

Ion Rusandu

Etapa actuală a dezvoltării societății contemporane ale cărei piloni sunt nanotehnologiile și cele informaționale, se caracterizează printr-o profundă transformare a tuturor sferelor de activitate ale omenirii.

În pofida schimbărilor pozitive în dezvoltarea societății moldave, survenite în urma obținerii independenței și suveranității țării, impactul diferitelor crize economice, sociale și politice, continuă să producă consecințe grave securității naționale. Politica de securitate națională este cea mai importantă dintre politicile naționale. În acest context asigurarea unei securități naționale durabile devine o prioritate conceptuală și practică în managementul politic și social. Totodată în cadrul formării unei noi paradigme a securității naționale trebuie de luat în calcul și aspectele legate de situația geopolitică a Republicii Moldova, interpretările istoriei și perspectivele sale europene.

Un impact negativ asupra elaborării noii paradigme a securității naționale îl au instabilitatea și divizarea societății moldave în urma evenimentelor din 7 aprilie 2009. Securitatea națională se bazează nu atât și nu numai pe capacitatea de reacție și adaptare, ci, în primul rând, este vorba de capacitatea de anticipare și evaluare corectă a evenimentelor minore și majore.

În acest context strategia securității naționale ca cuprinde, în primul rând problematica legată de recunoașterea existenței factorilor interni și externi ce perturbază securitatea națională a țării și, în al doilea rând, formularea unor poziții și principii ale politicii interne și externe, având în vedere promovarea intereselor naționale ale Republicii Moldova.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

С. Г. Савина

Изучение культурного фона трансформационных процессов в Республике Беларусь заслуживает научного внимания, так как культурные предпосылки наряду с другими факторами социальной жизни определяют особенности состояния и динамики процесса общественной трансформации. Изменение ценностных приоритетов гражданами страны является важнейшим индикатором происходящих

социокультурных перемен и реформаторского потенциала трансформации общества в целом. Ценностные ориентации, принадлежащие глубинным внутренним структурам массового сознания, изменяются крайне медленно. Чаще процесс адаптации и усвоения социумом новых ценностных ориентаций происходит эффективно через соответствующие традиционные структуры общества и санкционированные ими нормы регламентации.

Неотъемлемой частью трансформационных процессов в Республике Беларусь выступает приложение усилий в конструировании новой социальной реальности, т. е. того, каким должно быть белорусское общество в перспективе. В этом направлении и в связи с быстрым распространением компьютерных и телекоммуникационных технологий возникают новые подходы, одним из которых выступает виртуализация общества. Информационные технологии сегодня все более широко применяются в выработке психолого-социального воздействия на массовое сознание. Данная практика не ограничивается только трансляцией позитивного опыта предшествующих поколений в контекст современной жизни и на их основе формировании ценностных ориентаций, но также ориентирована на достижение устойчивого и стабильного социального порядка. В то же время наблюдается и обратное воздействие. Иногда социальные концепты этой практики отягощены стереотипностью, монотонностью, неадекватностью вызовам времени. Это в свою очередь вызывает у части социума чувство апатии, отторжение от жизни общественных изменений, миграцию трудового населения.

Происходящие в белорусском обществе процессы, несомненно, сопровождаются сменой ценностей, правил и норм поведения членов социума. Особое место в субъективном отражении этого процесса принадлежит оценочным моментам. Сегодня содержание и динамика большинства структурных оснований, служащих проводниками изменений сознания белоруса, определяется не только внутренними аспектами, но также и теми далеко идущими глобализационными процессами, которые происходят в мире. Формирование соответствующего эпохе уровня интеллектуального развития человека напрямую связано с культурой. Соответственно интеллектуальное поле каждой эпохи дает возможность человеку сознательно осваивать духовные ценности своего времени. Интеллектуальная культура общества всегда выступает для отдельного представителя в персонифицированной форме. Интеллект человека не только присваивает часть исторического опыта, но и обогащает его. Отношение к государству, к земле, на которой живет человек, обществу и культуре выступает в качестве одного из наиболее значимых факторов социального согласия и общенациональной консолидации. В историческом измерении яркими чертами ментальности белоруса является трудолюбие, предрасположенность к примирению и согласию, практицизм и патриотизм. Сфера формирования патриотических ценностей – исторический опыт народа. Патриотизм – это отношение к государству и отечеству, фактор и средство организации и самоорганизации человеческой общности. Основания патриотизма содержатся, с одной стороны, в сознании человеком своей принадлежности к определенной цивилизационной и национально-государственной целостности, а с другой стороны, в его частной жизни в гражданском обществе. В этой связи К. Ясперс писал: «Мы стремимся понять историю как некое целое, чтобы тем самым

понять и себя. История является для нас воспоминанием, о котором мы не только знаем, но в котором корни нашей жизни. История – основа, однажды заложенная, связь с которой мы сохраняем, если хотим не бесследно исчезнуть, а внести свой вклад в бытие человека. Историческое воззрение создает ту сферу, в которой пробуждается наше понимание природы человека» [1, с. 528]. В этом плане патриотизм как специфическая черта духовности человека – это учет прошлых флуктуаций и фактический материал, на основании которого человек прогнозирует свой жизненный путь. Формирование глобальных проблем заставляет человечество все глубже осознавать свое единство и общность мировой истории. Культурно-эстетическая мысль белорусского народа закономерно обращается к взаимодействию национальной культуры, ее прошлого и настоящего с жизнью чужих народов как объектов художественного творчества. Эталоны творческого процесса вначале заявляют о себе как яркие новации, обнаруживающие отступление от затвердевших норм, правил и стилей (М. Шагал, К. Малевич). Однако, со временем, они послужат основой для создания новых норм, традиций и стилей. Социокультурный аспект глобализации является тем полем, на котором процессы трансформации исторического прошлого могут решаться как конструктивно, так и столкнуться с труднорешаемыми проблемами. Зачастую отдельные образцы массовой культуры, подвергаясь артикулированию людей, становятся, особенно в молодежной среде, общепринятыми и авторитарными ценностями. В этой связи важным для идеологии белорусской государственности является защита традиционных культурно-национальных ценностей от деструктивных влияний. В этих условиях актуализируется проблема возврата коллективной духовной памяти. Большое воспитательное значение для формирования ценностных ориентаций личности, как известно, имеют символы. Так, билбординги по улицам и магистралям города Минска символизируют любовь ко всему белорусскому: языку, земле, отечеству. В XXI веке в рамках философской антропологии взгляд на патриотизм как на важнейшую ценность, интегрирующий не только социальный, но и духовно-нравственный компонент личности приобретает все большую значимость. Однако нельзя не отметить, что рассматриваемое направление, несмотря на историческую традицию, остается еще слабо разработанным в теоретическом отношении. Явно недостаточное внимание уделяется проблеме реального проявления патриотизма в системе взглядов, позиций, ценностных ориентаций и деятельной реализации личности (пример – современная Украина).

Как известно, национальная культура произрастает из этнической и многое перенимает от нее. Однако возникнув на основе этнической, национальная культура преобразует ее содержание, развиваясь посредством новаций, которые преобразуют стереотипы базовой этнической культуры. Национальная культура Республики Беларусь сохраняет и приумножает духовное историческое наследие. Культурно-эстетическая мысль белорусского народа закономерно обращается к взаимодействию лучших образцов своей культуры с культурами других народов.

Особый интерес представляет та часть белорусской культуры, которая входит в мировую культуру, обогащая ее лучшими образцами полинационального творчества. Творческие достижения Ф. Скорины, С. Полоцкого, поэзия Я. Коласа, Я. Купалы, А. Мицкевича, живопись М. Шагала, К. Малевича пополнили мировую культуру

образцами межнационального творчества. Эти же образцы обогащают и укрепляют психическое, интеллектуальное, духовное единство белорусского народа, объединяют людей между собой с помощью ценностных норм, ключевых убеждений, идей и концептов.

Сегодня содержание и динамика большинства структурных оснований, имплицитных изменений в белорусском обществе, определяются не только внутренними аспектами, но также далеко идущими глобализационными процессами, которые происходят в мире. Зачастую они приводят к неравномерному доступу социума к каналам социальной мобильности, достижениям современной техногенной цивилизации. Так, социокультурный аспект глобализации является тем полем, на котором процессы трансформации могут решаться как конструктивно, так и столкнуться с труднорешаемыми проблемами. В этом плане белорусское государство должно стать проводником защитных мер, направленных на сохранение и совершенствование исторического потенциала белорусской культуры. Не теряют актуальности и научно-культурологические формы критического переосмысления белорусской этно-национальной культуры.

Литература и источники

1. Ясперс, К. Истоки истории и ее цель / К. Ясперс. – М., 1999.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПОДХОДНЫЕ ОСНОВАНИЯ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА

С. А. Мацкевич, А. А. Каминская

Традиционное представление о социальном капитале изначально формировалось в 60-е годы XX века в рамках экономических теорий. К началу XXI века терминология социального капитала значительно усложнилась и рассматривается уже не только с точки зрения экономики, но и других гуманитарных наук, тесно пересекается в употреблении с другими сходными понятиями как человеческий ресурс, человеческий капитал, человеческий потенциал и др.

Необходимость в употреблении такого рода понятий, с одной стороны, может рассматриваться как некоторая мода, с другой стороны, как результат своеобразной «гуманизации и гуманитаризации» сфер политики, экономики, культуры и образования. Путаница, возникающая в их употреблении, скорее говорит о том, что определенного рода рациональность так и не достигнута. Поэтому приходится обращаться к первоисточникам их формирования, к различению подходности и прагматики.

Категория «капитал» со времен А. Смита, Д. Рикардо и К. Маркса существенно не претерпела изменений и рассматривается как ограниченный ресурс, который имеет способность накапливаться и пополняться, ресурс, который может быть включен в какой-либо деятельностный процесс и приносить разного рода «прибыль». При формулировке категории «человеческий капитал» под ресурсом понимается некоторая «собственность», которая принадлежит непосредственно

специалисту в виде совокупности навыков, знаний, умений, расходов, которые могут приносить со временем ощутимую выгоду и самому работнику, и его работодателю [4]. Человеческий капитал является специфическим признаком отдельного индивида и обладает способностью накапливаться и приносить прибыль. Для него могут быть применимы экономические модели продуктивности, издержек и прибыли. Существующие теории человеческого капитала не обостряют проблематику до постановки вопроса «Кто, как, на каких основаниях и по какому праву может «использовать», «употреблять» человеческий ресурс и переводить его в капитал?». То есть не ставится под сомнение логика установившихся политических, экономических (рыночных, плановых, командно-административных) и социальных отношений, в системе которых собственно и может произойти перевод человеческого ресурса в человеческий капитал.

На этот вопрос не отвечает и концепция устойчивого развития, получившая свое начало в 1970-х г. Выдвигаемое представление о человеке как производительной силе и существе, способном к саморазвитию, человеке как субъекте, а не объекте развития, сформировало новую версию понятия «человеческий потенциал», но не продвинуло в решении вопроса «об употреблении» [5].

В отличие от так называемых «человеческих» теорий, социальные теории пытаются рассмотреть этот вопрос в контексте социальных систем. В рамках концепции «социального капитала», предложенной в 1980 г. П. Бурдьё и затем Дж. Коулманом, Р. Патнема, Ф. Фукуяма и др. были интегрированы категории «человеческий капитал» и «человеческий потенциал». Социальный капитал рассматривается не как собственность отдельного индивида, а как система отношений, в которую включен человек.

Можно вычленить несколько теоретических подходов в анализе социального капитала:

1. Социологический подход. Он предполагает определение и анализ социального капитала через призму ключевых социологических понятий. Имеется в виду рассмотрение социального капитала как нормы, сети и организации, при помощи которых индивид извлекает выгоду.

2. Экономический подход. Данный подход предполагает, что люди при взаимодействии друг с другом стремятся к максимизации своей полезности, используя ресурсы социального капитала при осуществлении различных типов деятельности.

3. Социокультурный подход. Социальный капитал – нормы и ценности, сложившиеся внутри сообщества и разделяемые всеми его членами, результатом которых становится взаимное доверие.

4. Политологический подход. Социальный капитал определяется как способность к самоорганизации, сплочению в группы и вовлеченности граждан в социальную и политическую жизнь общества [1].

5. Деятельностный подход. В основе данного направления лежит понимание социального капитала как процесса, подчиненного сознательной цели и субъектности (С. Л. Рубинштейн, А. Р. Лурия, А. Н. Леонтьев, Г. П. Щедровицкий). Деятельность рассматривается как предельная категория, как сущность, в контексте которой объясняется возникновение «употребление» и

присвоение социального капитала. Социальный капитал выступает как качественное использование человеческой деятельности с максимальным учетом человеческих возможностей в целях интенсификации всех форм социального воспроизводства [2, с. 75].

Деятельностный подход не противоречит, а значительно расширяет концепцию «социального действия», фиксирующую взаимосвязь социальных форм и индивидуальных смыслов, обеспечивающей системность отношений между людьми в обществе (Т. Парсонс). Данный подход успешно дополняется положениями ресурсной теории, разрабатываемой американским исследователем Н. Лином и представителями экономической социологии (Х. Флэп, Н. де Граф). Согласно данной теории социальный капитал – это «инвестиции индивидов в социальные отношения, посредством которых они получают доступ к укорененным в них ресурсам для повышения ожидаемых доходов от инструментальных и экспрессивных действий» [3, с. 9].

Проблематизация «социального капитала» становится необходимой в современной ситуации, когда тенденция иерархического и властного подчинения, нерелексивного употребления человеческого ресурса вступает в противоречие с тенденцией активизации человеческого ресурса, социального самоопределения и индивидуализации. Социальный капитал в контексте изменяющихся политических отношений начинает рассматриваться как тот ресурс, который может организационно и релексивно «схватываться» и использоваться в социальной, политической игре в борьбе не за власть, не за получение прибыли, а за установление иного глобального порядка жизни, ориентированного на человека, на индивидуальность.

Литература и источники

1. Беккер, Ю.С. Интерпретация понятия «социальный капитал» в современной экономической теории и социологии / Ю.С. Беккер // Известия Дальневосточного федерального университета [Электронный ресурс]. – 2012. – №2. – Режим доступа: <http://elibrary.ru/item.asp?id=17790152>. – Дата доступа: 05.03.2013.
2. Кемеров, В.Е. Общество, социальность, полисубъектность / В.Е. Кемеров. – М.: Академический проект Фонд «Мир», 2012. – 252 с.
3. Коньков, А.Т. Феномен социального капитала: сущность, источники, структура и функции / А.Т. Коньков // Отечественный журнал социальной работы. – 2012. – №2. – С. 6–16.
4. Пуляева, Е.И. Социальный капитал: сходства и различия с другими формами капитала / Е.И. Пуляева, Е.Д. Цыренова // Вестник ВСГУТУ [Электронный ресурс]. – 2013. – №2 (41). – Режим доступа: <http://elibrary.ru/item.asp?id=18970522>. – Дата доступа: 23.02.2014.
5. Шингаров, Г.Х. Человеческий капитал, человеческий потенциал и социальный капитал / Г.Х. Шингаров // Вестник Московской государственной академии делового администрирования [Электронный ресурс]. – 2012. – №4(16). – Режим доступа: <http://elibrary.ru/item.asp?id=18363509>. – Дата доступа: 26.02.2014.

МОДЕРНИЗАЦИОННЫЕ РИСКИ КАК ПРЕДМЕТ СОЦИОГУМАНИТАРНОЙ РЕФЛЕКСИИ

В. А. Белокрылова

Тема стратегий модернизации является сегодня остро актуальной на всем постсоветском пространстве. Модернизационные проекты маркируют ключевые вехи отечественной истории. Постсоветский регион, а вместе с ним и Республика Беларусь претерпевают процесс перманентной модернизации. Ее результаты следует тщательно осмыслять, подвергая современной интерпретации уроки прошлого: как недавнего, так и отдаленного от нас значительной исторической дистанцией. Нелегкими, но востребованными задачами представляется выход за пределы многочисленных идеологем и мифологизаций, сопутствующих понятию «модернизация», анализ конкретных модернизационных «сюжетов», их философско-методологическая категоризация, призванная зафиксировать в особенном – типичное, в исторически-преходящем – универсальное.

Научно-обоснованное проектирование конкретных сценариев модернизации не возможно без четкого представления об ее источниках, движущих силах и субъектах. Кроме того, остро стоит потребность в раннем выявлении модернизационных рисков, прогнозировании побочных последствий модернизации, находящихся в стороне от ее магистральных целей. Все это нуждается в теоретической рефлексии философского уровня. Следует согласиться с профессором И. С. Минко что «обсуждение вопросов модернизации имеет смысл, если она конкретна, то есть имеет четко выраженные цели и круг охватываемых ею отношений и объектов» [1].

В отечественной литературе, несмотря на обилие описаний исторического опыта модернизации, до сих пор отсутствует целостное системное осмысление факторов, определяющих успешную реализацию модернизационных новшеств, в числе которых особенно следует выделить влияние социальной и культурной среды, восприимчивой к инновациям либо, напротив, оказывающей им сопротивление.

Проблема модернизационных рисков напрямую выводит нас к необходимости философско-рефлексивного обоснования социально-проектной деятельности и социальной инженерии, которые имеют дело с научно обоснованной оценкой, прогнозированием, проектированием, коррекцией и управлением социальными процессами, институтами и взаимодействиями.

Социально-инженерная аналитика различных типов модернизационных проектов позволит зафиксировать необходимые и достаточные условия системного продуцирования рисков. Анализ и типология рисков может сыграть свою роль в экспликации угроз, связанных с тем или иным модернизационным сценарием, что будет способствовать предупреждению роковых ошибок в будущем.

Начиная с рождения первого в мире социалистического государства, декларировавшего цель построения справедливого социально-экономического порядка, был взят курс на создание и апробирование альтернативной капитализму экономической системы, которая потребовала фундаментальных модернизационных мер, трансформации всего социального уклада (НЭП, индустриализация, коллективизация, урбанизация). Несмотря на широко известные трагические

явления, сталинская модернизация достигла видимых успехов, которые не оспаривают даже ее радикальные противники. В исторических обстоятельствах тоталитаризма приоритетное внимание отводилось минимизации внутривнутриполитических и геополитических рисков, в то время как социальные риски самого широкого спектра расценивались скорее как средства, которые сполна оправдывает великая цель построения светлого и справедливого будущего.

Генерализируя, обозначим данный модернизационный риск как «поглощение средств целью». Очевидно, что всякая модернизация направленная на слом старого («традиционного») порядка, объективно является болезненной для определенных социальных групп, может негативно сказаться на преемственности культуры и т. п. Вместе с тем, число побочных продуктов модернизационных преобразований должно быть тщательно сбалансировано с этических, а не только прагматических позиций достижения цели. Средства и, главное, цена, достижения искомого состояния должны быть оценены и приняты не только стратегами-проектировщиками, но и самими субъектами модернизации. Наиболее вероятный источник модернизационного риска «поглощения средств целью» – безальтернативная и поэтому чрезвычайно влиятельная идеологическая подоплека цели. Непререкаемый характер авторитетов, формулирующих идеи и ставящих цели, обуславливает отсутствие критичности по отношению как к средствам модернизации, так и к ее побочным последствиям. Следует отметить, что вероятность подобных рисков велика в тоталитарных и авторитарных системах, где ослаблена или вовсе отсутствует «защита от дурака», т. е. не работают средства внутреннего общественно-политического критицизма, реализующие механизмы самосохранения системы.

Следующая влиятельная стратегия модернизации – модернизация послевоенной эпохи, которая под влиянием военно-политического противостояния с Западом, сконцентрировалась на задачах «догнать и перегнать» своего потенциального противника, политического и экономического оппонента. Суть риска *«догоняющей модернизации»* здесь ярко иллюстрирует ставший своеобразным брендом эпохи Хрущева «кукурузный эксперимент» – перенос положительно зарекомендовавшего себя опыта на чужеродную, неприспособленную для этого почву.

Так называемый период застоя во многом обязан своему названию именно отсутствием ярких модернизационных инициатив, хотя, как это не парадоксально, именно на этот период приходится расцвет многих отраслей в промышленности, успехи в науке, культуре, социальной сфере.

Перестройка по праву может именоваться последним модернизационным экспериментом советской цивилизации. Итоги ее продолжают осмысляться и вызывают бурные дискуссии и по сей день. Масштабные политические, социальные и экономические сдвиги стали роковыми для системы, которую ее разработчики планировали совершенствовать в соответствии с неким умозрительным прототипом «истинного социализма», искажение которого вменялось в вину предшествующему периоду. В результате модернизации перестраиваемую советскую социалистическую систему предполагалось вернуть к ее «природе», «внутренней сущности». Подчеркнем, что по крайней мере декларативно-идеологически речь шла не о

принятии «внешнего образца», как в случае «догоняющих» проектов, не о реформировании фундаментальных основоположений, а о комплексе мер, с помощью которых планировалось высвобождении собственного внутреннего потенциала социалистической модели («больше демократии – больше социализма»).

Перестройка представляет собой один из самых ярких примеров сокрушительного воздействия модернизационных рисков, в результате которого попытка улучшения системы не только не достигла поставленных целей, но привела к ее деструкции и гибели. Ни в коей мере не претендуя на исчерпывающее объяснение / оценку ее итогов, мы лишь стремимся типизировать характер присущего ей модернизационного риска. Обозначим перестроечный риск как конфликт «в себе» и «для себя» содержания модернизационного проекта. Поясним данную формулу. В «перестроечной» модели в ответ на экономические / политические / социальные вызовы извне в качестве отправной точки предлагается некое представление о сущности социалистической системы, которой «в себе» присуща и демократия, и гласность, и экономическая заинтересованность в результатах труда. То есть в полном соответствии с содержанием гегелевской диалектики, модернизируемая система проходя через свое «иное» (например, элементы «открытого общества» и рыночных отношений) в итоге поступательного развития возвращается к себе на новом уровне, актуализирует свой ранее невостробованный потенциал.

Логика проекта перестройки, при ее схематизации в качестве разновидности модернизационных рисков, представляет собой попытку реформирования системы, испытывающей экономическую стагнацию и другие серьезные кризисные явления, путем обращения к доктринам, считавшимися ранее ее антиподами – демократизация. увеличение степени экономической свободы, политического плюрализм и т. п. Являются ли рыночные элементы на самом деле «своим иным» для социализма – этот вопрос был и остается открытым, особенно если принимать во внимание положительный опыт реформ в коммунистическом Китае. Можно только утверждать, что отход от социалистических отношений в направлении иного социально-экономического измерения фактически представлял собой превращенную форму, мистифицирующую и, одновременно, с очевидностью замещающую мистифицируемую реальность.

В 1990-х годах перестройку сменил очередной модернизационный проект – рыночная модернизация, которая была тесно связана с необходимостью выстраивания стратегии существования в условиях суверенитета. Современная повестка дня постсоветского региона – вновь модернизация, но уже в рамках новых интеграционных образований – Евразийского и Европейского союза.

Работа выполнена при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований, договор № Г14Р–034.

Литература и источники

1. Минко, И. С. Модернизация: цели и средства / И. С. Минко [Электронный ресурс]. – Режим доступа <http://www.ibl.ru/konf/021210/8.html>. – Дата доступа: 01.12.2014.

PROBLEMA ALEGERII VECTORULUI PRIORITATE A DEZVOLTĂRII SOCIALE

S. Ciumac

Conform Constituției Republicii, economia republicii este o economie de piață, orientată social, bazată pe proprietate privată și publică și concurență liberă. Astfel, de la începutul anilor '90 statul nou creat a fost nevoit să întreprindă o serie de măsuri radicale privind reformarea social-economică bazată pe o strategie de dezvoltare adecvată noilor condiții. Pe parcursul anilor au fost elaborate mai multe strategii în vederea actualizării și perfecționării tacticii și mecanismelor de reformare în scopul revigorării continuă a economiei și soluționării problemelor sociale. Odată cu elaborarea strategiilor economice o deosebită atenție a fost acordată soluționării problemelor sociale prin elaborarea concepțiilor de dezvoltare ale diferitor sectoare sociale, inclusiv, programul de eradicare a sărăciei, protecția socială a populației, ocrotirea sănătății, învățământul, protecția mediului înconjurător, etc.

În elaborarea și realizarea strategiilor de dezvoltare social-economică s-a ținut cont de conceptul de dezvoltare durabilă, devenit obiectiv strategic al Uniunii Europene, începând cu anul 1997, odată cu includerea în Tratatul de la Maastricht. Ulterior, Strategia de dezvoltare durabilă a Uniunii Europene a fost reînnoită, declarând ca scop îmbunătățirea continuă a calității vieții, atât pentru generațiile prezente, cât și pentru generațiile viitoare, în baza utilizării raționale și eficiente a resurselor, descoperirii potențialului ecologic al economiei, asigurării prosperității, protecției mediului și coeziunii sociale. Această Strategie este cerută de UE statelor care pretind de a adera la Uniunea Europeană și este ca o reflectare la nivel național a strategiei generale de dezvoltare durabilă a UE, la care poate participa fiecare stat.

La începutul anilor 2000 Republica Moldova s-a încadrat în așa-numita „Agenda 21”, lansând prima versiune a Strategiei Naționale pentru Dezvoltare Durabilă. Însă, dacă pentru majoritatea țărilor realizarea acestei Strategii este mai puțin dificilă, pentru Republica Moldova acest proces cere mari eforturi, o perioadă de lungă durată și investiții enorme.

În acest context, Republica Moldova trebuie să-și axeze obiectivele și prioritățile dezvoltării durabile în jurul conceptului – o economie mică deschisă lumii – cu implementarea modelului de dezvoltare „investițional-productiv”. Acest fapt este dictat atât de poziția geoeconomică și geopolitică, cât și de dimensiunile și de potențialul țării. Realizarea acestui concept ar presupune atingerea următoarelor priorități strategice: capacitatea economică a țării de a asigura procesul de reproducere largită; atingerea și menținerea nivelului și condițiilor de trai ale populației, care să determine stabilitatea social-economică; integrarea considerentelor ecologice în toate ramurile economiei naționale.

ИДЕЙНЫЕ ИСТОЧНИКИ И ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ МИР-СИСТЕМНОГО АНАЛИЗА

А. А. Сагута

Актуальность данной темы состоит в том, что с помощью концепции мир-системного анализа можно решить проблемы, которые возникли при формировании белорусской государственности и объяснить развитие и место нашей страны и других государств капиталистической мир-экономики.

Одним из родоначальников мир-системного подхода является Иммануил Валлерстайн, который в своем четырехтомном произведении «Современная мир-система» не только анализирует эволюцию буржуазного общества, но и рассматривает положение тех или иных государств в социально-политической структуре общества.

Основными источниками формирования концепции И. Валлерстайна являются:

1) теория Карла Маркса: выделение основных экономических факторов и их влияние на идеологические факторы в глобальной политике, противоречия между буржуазией и пролетариатом, представление мирового экономического развития через стадии, такие как феодализм и капитализм;

2) концепция Фернана Броделя, описывающая политическое и экономическое развитие Европы в 1400–1800 гг.;

3) теория зависимости Р. Пребиша, такие понятия как «ядро» и «периферия»;

4) участие в революции 1968 г. Во время студенческого восстания Валлерстайн состоял в комитете факультета по проведению дискуссии между студентами. Он отмечал в нескольких работах, что революция 1968 г. положила конец либерализму как главенствующей идеологии современной мир-системы;

5) концепция синергетики И. Пригожина, с помощью которой Валлерстайн приводит доказательства того, что капиталистическая мир-экономика имеет черты цикличности, которые приводят к изменениям в ядре капиталистической мир-экономики.

Теорию мир-системного анализа можно охарактеризовать в виде 6 тезисов, которые составляют ее сущность:

1. Определение и обоснование базового объекта исследования. Объектом исследования мир-системного анализа является понятие «историческая система», которая имеет определенные характеристики: относительная автономия, наличие временных границ, существование пространственных границ. Исторические системы бывают двух типов: мини-системы, и мир-системы. Мини-системы характеризовались небольшими размерами, малой продолжительностью существования и высокой культурно-политической гомогенностью. Экономически мини-системы базировались на элементарном, эквивалентном обмене.

Мир-системы в свою очередь подразделяются на мир-империи и мир-экономики. Мир-империи представляют собой разветвленные политические структуры и охватывают широкий круг народов с их культурными традициями и ценностями. Характеристикой такой системы является получение дани от локальных,

самоуправляющихся в других аспектах, производителей. Дань затем сосредотачивается в центре, после чего перераспределяется среди тонкой, но важной сети чиновников.

Мир-экономики представляют собой разветвленные системы интегрированных структур производства, оказывающиеся разъединенными в результате существования многочисленных политических структур. Основной характеристикой такой системы выступает неравное распределение прибавочного продукта в пользу тех, кто имеет возможность достигать временного монопольного статуса внутри рыночных сетей. Примером такой системы является капиталистическая мир-экономика, которая делится на ядро, полупериферию и периферию.

Ядро – зона, выигрывающая при неэквивалентном обмене с другими странами. Для него характерны экономический рост, политические свободы, развитие науки и сильное эффективно функционирующее государство, проводящее наступательную политику на международной арене. Ядро мир-системы состоит из нескольких государств, которые не являются равноправными. Историей ядра является борьба за гегемонию между несколькими претендентами, победы одного из них приводит к его господству над всей экономической мир-системой [2, с. 72–79].

Полупериферия подвижна, она выполняет амортизационные функции и нередко является источником различных инновационных изменений. Государства, находившиеся в статусе полупериферии, при некоторых обстоятельствах совершали переход либо в статус ядра, либо в статус периферии.

Периферия – это социально-экономический сектор, продукцией которого является низкокачественный товар, который входит в систему разделения труда, поскольку на этот товар имеется постоянный спрос. Периферия при неэквивалентном обмене теряет в той же мере, в которой центр приобретает. На периферии правилом является экономический и политический упадок, колониальная зависимость и отсутствие собственной государственности либо слабость последней [3, с. 250–252].

2. Осознание различия между циклами и трендами. Каждая мир-система имеет пространственные и временные границы. Валлерстайн подчеркивает необходимость учитывать идею Броделя о множественности типов социального времени: событие, конъюнктура (циклы 40–50 лет) и тренд (100 и более лет). Особое внимание Бродель уделяет циклическим ритмам и трендам, а особенно механизмам превращения циклических ритмов (результат решений краткосрочных проблем) в вековые тренды (среднесрочные последствия этих решений).

3. Определение и характеристика противоречий, имманентных особым структурам. Под противоречиями Валлерстайн понимает реализацию не просто конфликтов, а социальных ограничений, налагаемых структурами системы на ее агентов, создающие один комплекс действий в краткосрочной перспективе, а другой, часто противоположный, оптимальный для других уже агентов, но в среднесрочной перспективе. Выходит, что в той степени, в какой социальные агенты решают свои краткосрочные проблемы, они в то же время создают среднесрочные проблемы. Именно в этом и заключается суть механизма превращения циклических ритмов (результат решений краткосрочных проблем) в вековые тренды (среднесрочные последствия этих решений).

4. Тщательное различие между сдвигом в конъюнктуре и «историческим

переходом». По мнению Валлерстайна, термин «кризис» используется для описания как кратко- и среднесрочных изменений в рамках одной структурной системе, так и переходных периодов от одной системы к другой. Однако изменения бывают и долгосрочные, тогда наступает системный кризис, возникают неустойчивости и бифуркации. Другими словами, возникает структурный переход от существующей исторической системы к другой. Переход – явление довольно длительное, но необратимое, а его исход является неопределенным (стохастическим).

5. *Определение и обоснование хронософии, лежащей в основе теоретизирования*. Каждая историческая система имеет конец, который Валлерстайн определяет как «полосу времени», «переход», когда колебания любой формы изменения значительно более сильны и непредсказуемы, чем обычно и резко возрастает роль того, что философы называют «свободой воли». Если в рамках нормально функционирующей исторической системы практически отсутствует свобода воли, то, в периоды перехода, свобода воли начинает торжествовать над необходимостью. Именно в такой период и вступает современный мир, когда резко увеличиваются возможности сознательного выбора.

6. *Несостоятельность (ложность) идеи разделения социологии на экономику, политику и культуру*. Данную тройцу основных социальных дисциплин Валлерстайн считает «ужасным наследием XIX века», от которой необходимо отказаться. Валлерстайн в концепции мир-системного анализа предлагает рассматривать работу этих элементов в определенной мировой системе [1, с. 26–27].

Таким образом, применение концепции мир-системного анализа позволяет проанализировать исторический процесс развития мировой экономики и выявить статус данного государства капиталистической мир-экономики.

Литература и источники

1. Валлерстайн, И. М. Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация / И. М. Валлерстайн. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2008. – 176 с.
2. Кутуев, П. Методологические основы мир-системного анализа : парадигма Иммануила Валлерстайна и его школы / П. Кутуев // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2003. – №1. – С. 45–59.
3. Wallerstein, I. M. The Essential Wallerstein / I.M. Wallerstein. – New York: New Press; Distributed by W.W. Norton, 2000. – XXII, 471 p.

СОЦИОГУМАНИТАРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОБЩЕСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ: ОТ РЕФЛЕКСИИ ЦЕННОСТНЫХ ОСНОВАНИЙ К ПРАКТИКЕ

С. А. Мякчило

В последние десятилетия понятие «технология» стало одним из ключевых элементов методологической рефлексии процессов социального развития, управления и планирования. Все больше внимания уделяется социо- и человекоориентированным (социоантропомерным) технологиям. Сфера их

оборота в современном обществе, которое не зря называют техногенным, неуклонно расширяется. Как отмечает Б. Юдин, любая социальная инвенция представляет собой «не только определенный предмет, но и определенные... практики его применения... в реальности мы имеем дело не с самими по себе предметами и вещами, а с технологиями» [1, с. 137]. И. Касавин видит каждую такую технологию как сочетание двух компонентов: «жесткого» (вещная, инфраструктурная, функциональная сторона деятельности) и «мягкого» (определенное отношение, социальный навык по поводу оперирования технологией) [2, с. 8].

В отечественной литературе большая дискуссия развернулась вокруг соотношения социальных и гуманитарных технологий (см.: [1; 2; 3; 4]). Первые можно понимать как спроектированные алгоритмы деятельности (прежде всего управленческой), направленной на целенаправленное изменение социальных структур и процессов, либо как специально организованные взаимодействия социальных субъектов. Типичным примером являются политические, информационно-пропагандистские и маркетинговые технологии. Вторые можно определить как структуры деятельности, направленной на формирование (изменение) знаний, убеждений, ценностей людей. Это современные образовательные, воспитательные технологии, технологии формирования личностных компетенций и др. Оцениваются возможности и риски конвергенции гуманитарных и аппаратных информационных технологий, заключенные в феномене «Hi-Hume» (см.: [5]).

Вместе с тем, в отечественной гуманитаристике понятия «социальные» и «гуманитарные технологии» слабо дифференцированы. Порой они смешиваются между собой и отождествляются с понятиями «политические», «управленческие технологии», «социальная инженерия». Имеется разрыв между теоретической репрезентацией технологий в научной литературе и практикой их реализации в деятельности политических консультантов, PR-агентов, бизнес-тренеров и др. Ученые и практики буквально «говорят на разных языках» и недостаточно подготовлены к взаимодействию по развитию позитивной социоантропотехнологической деятельности.

Нужно учитывать как сходство между социальными и гуманитарными технологиями, так и очевидные различия. Социальные технологии предстают как технологии социально-коммуникативного действия (управление поведением, формирование целей, запросов и ожиданий для групп людей, воспринимаемых обобщенно). Гуманитарные – ориентированы в большей степени на сознание отдельного человека и апеллируют к комплексу атрибутов личности (интеллектуальные, когнитивные, эмоционально-волевые, нравственные качества и потенциал), они представляют собой действие с обратной связью (присутствует образовательно-воспитательная рефлексия). Социальные технологии традиционно реализуются в форме общественной кампании, акции, использующей средства массового информирования, их

эффективность оценивается социометрическими показателями. Гуманитарные технологии чаще имеют форму добровольно принимаемой или обязательной социальной услуги (такой как всеобщее образование), оцениваются по психолого-педагогическим и (или) эпистемологическим критериям.

По ряду оценок гуманитарные технологии предстают как своего рода альтернатива социальным, преодолевающая их директивность и механистичность, снижающая риски манипуляций поведением. Вместе с тем, они несут собственные угрозы, связанные с ростом неконтролируемой и потенциально деструктивной работы с сознанием. Сохраняется риск дегуманизации социального бытия, когда продвижение технологии «граничит с ее очеловечиванием, с заменой человека как социального и культурного субъекта техническим устройством в тех измерениях, которые в принципе не подлежат этому» [2, с. 6–7]. Общей претензией к обоим видам технологий является то, что они делают упор на наглядно-образное освоение действительности в ущерб рационально-теоретическому, что приводит к снижению качества рациональной аргументации, уровня дискуссий по важнейшим общественным проблемам.

Данные обстоятельства делают изучение социо- и человекоориентированных технологий такой задачей, от решения которой напрямую зависит способность социально-гуманитарного знания прогнозировать инновационную динамику, управлять ею, уменьшать риски и максимально реализовывать потенциал информационного общества.

Мы полагаем, что ключевым предметом исследования и конструирования должны стать *социогуманитарные технологии* – технологии формирования самоподдерживаемой адаптивной среды взаимодействия социальных субъектов, обеспечивающей согласование их мотивов, потребностей, смыслов поведения, координацию целей и содержания деятельности в соответствии с заданной исходной целью.

Считаем важным разграничить понятие и явление «социогуманитарных технологий» с оправданно критикуемыми «социальными» и «гуманитарными» технологиями как в методологическом, так и в ценностном ключе. В отличие от социальных, социогуманитарные технологии создают условия, при которых человеческая общность не рассматривается как объект воздействия с предвидимым результатом. Взамен вводится ориентация на выработку общеприемлемого представления о результате и совместную работу по его достижению, так что заданная исходная цель становится фактором координации, а не жесткой доминантой (*принцип солидарности*). В отличие от гуманитарных, они нацелены на формирование организационных и ценностных условий взаимодействия всего сообщества участников технологического процесса – «взаимодействия с заданными параметрами» (*инфраструктурный принцип*). В отличие от традиционных практик управления они решают задачу самоподдержания и развития среды на разных

уровнях (*принцип самоорганизации*).

В известном смысле социогуманитарные технологии должны проектироваться как своего рода «антитехнологии», преодолевая или смягчая понимание человека (сообщества) как средства достижения техноцели. «Такие человеческие ценности... как свобода, взаимопонимание, любовь, забота, не являются технологиями. Именно эти ценности и есть то, для осуществления и поддержания чего технологии могут и должны употребляться... как с точки зрения человека, так и в интересах социального целого» [3, с. 40].

Требования к социогуманитарным технологиям можно условно разделить на три группы. Прежде всего, создание гибкой системы отношений: акцент на формирование условий для развития и самореализации личности и сообщества людей. Во-вторых, использование механизма форсированного развития коммуникативных и культурных компетенций людей. Наконец, социальная рефлексия технологии, реализующая учет механизмов накопления, передачи и изменения смыслового (символического) содержания социальной коммуникации; выявление и реконструирование явных и неявных смыслов, уточнение и развитие «правил игры» технологического процесса в соответствии с гуманистическими ценностями.

Важно отметить, что разработка тематики социогуманитарных технологий не означает, что исследования более «традиционных» социальных технологий утрачивают актуальность. Во многих контекстах, связанных с обеспечением общественной безопасности и приоритетов общественного развития, оправданны именно технологии детерминистского плана. В свою очередь, социогуманитарные технологии нацелены на большую гибкость общественного организма в условиях быстрых трансформаций социума. По меткому определению В. М. Розина, «социальное действие тогда эффективно, когда оно гуманитарно, – участникам предоставляется голос, инициируется их активность» [4, с. 7].

Несмотря на то, что на сегодняшний день социогуманитарные технологии в «чистом» виде – это скорее идеальный конструкт, чем воплощенная модель, их ценностная нагруженность способна сделать их своего рода аттрактором инновационного развития, его нравственным метрономом. Требование к вновь реализуемым социальным отношениям соответствовать критериям социогуманитарной технологии может улучшить работу по созданию инфраструктур инновационной деятельности, приблизить нас к идеалу общества, основанного на знаниях.

Работа выполнена при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований, договор № Г14Р–034.

Литература и источники

1. Юдин, Б. Г. От гуманитарного знания к гуманитарным технологиям / Б. Г. Юдин // Знание. Понимание. Умение. – 2005. – № 3. – С. 129–138.
2. Касавин, И. Т. Социальные технологии и научное знание / И. Т. Касавин // Эпистемология и философия науки. – 2010. – № 4. – С. 5–15.

3. Лекторский, В. А. Рациональность, социальные технологии и судьба человека / В. А. Лекторский // Эпистемология и философия науки. – 2011. – № 3. – С. 35–48.
4. Гуманитарное знание и социальные технологии (материалы «конференции-круглого стола») / А. Ю. Антоновский [и др.] // Вопросы философии. – 2013. – № 9. – С. 3–31.
5. Жукова, Е. А. Человек в плену Ни-Нуме / Е. А. Жукова // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2007. – № 11. – С. 29–35.

«ПЛАНШЕТНОЕ СОЗНАНИЕ» КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ РАЦИОНАЛЬНОГО НАСИЛИЯ В ОБЩЕСТВЕ ПОСТПАНОПТИКУМА

В. Н. Слюсар

Понятие «планшетное сознание» предлагается нами для описания и анализа одного из атрибутов «рационального» насилия современности, являющееся, в свою очередь, характерной чертой общества постпаноптикума (основывающегося на принципе всепросматриваемости), теоретически обоснованного французским мыслителем Мишелем Фуко («Надзирать и наказывать») и художественно изображенного Джорджем Оруэллом («1984»).

В своих предыдущих исследованиях мы уже определяли основные черты «рационального» насилия. Это форма насилия, в которой, в отличие от двух других – «мифической» и «божественной», где реализация основывается на агрессии и вере соответственно, основным инструментом выступает рациональное осознание индивидами необходимости и неотвратимости насилия. В глобализированном мире рациональность насилия приобретает качественно иные черты. Новая рациональность является атрибутом насилия в глобализированном мире и выражается в форме, во-первых, рациональной необходимости в целях экономии времени за счет сопоставления поведения индивида с «книгами-инструкциями» (принцип «макдональдизации») и, во-вторых, «иллюзорной компетентности» [1]. Принцип «макдональдизации» заключается в насильственном отрицании возможности существования всего лишнего, «неразумного», минимализируя затраты времени на выполняемые действия. С развитием массовых коммуникаций компетентное насилие приобретает тотальный характер, реализуется через СМИ в форме ток-шоу и аналитических программ путем выработки компетентного решения специалистов. Но сейчас формируется «иллюзорная компетенция», которая действует на основе создания ощущения всеобщей компетентности путем продуцирования в массовой культуре способов совместного принятия решений, что служит уже оправданию методов, а не целей.

За последние десятилетия динамика научно-технического прогресса сказалась не только в «технизации» насилия, т. е. применении достижений науки и техники для осуществления акта прямого насилия, но и через доминирование потребительского характера социальных взаимоотношений оснащением каждого индивида инструментами для осуществления непрямого насилия. М. Фуко описал дисциплинарную форму насилия, которая функционирует по принципу паноптизма,

согласно которому власть осуществляет надзор за гражданами средствами, эффект действия которых характеризуется постоянством и тотальностью, поскольку индивид не знает, ведется ли за ним наблюдение в конкретный момент времени. Важно, что функционирование паноптичной системы осуществляется деперсонализированно. Чем больше анонимных и меняющихся наблюдателей-надзирателей, тем больше у объектов наблюдения ощущение поднадзорности. Паноптический принцип дисциплинарного насилия усиливает любой аппарат власти, поскольку, с одной стороны обеспечивает экономию в оборудовании, персонале и времени, а с другой, проявляет свою эффективность через свой превентивный характер, непрерывность действия и автоматизм [2, с. 302]. Если в тоталитарных обществах существуют соответствующие институты, осуществляющие указанный принцип реализации дисциплинарного насилия, то в демократических они отсутствуют, поэтому указанные функции переходят ко всем членам общества. В традиционном обществе паноптизм действует на основе традиций и морали, а в информационном – на основе принципа потребительства. Именно технические достижения за последние десятилетия позволили построить сеть систем наблюдения за общественными местами (масштабы сети впечатляющие, близкие к описанным в антиутопии «1984» Дж. Оруэлла). Но высвобождение трудовых ресурсов в качестве надзирателей за порядком замещается увеличением работников, во-первых, занимающихся наблюдением за техническими средствами, которые присматривают за порядком, а во-вторых, неизменным осталось количество охранников, поскольку не претерпела существенных изменений сама функция охраны порядка. Таким образом, фактически изменился субъект упреждения нарушений порядка. Но качественно по-другому изменилась функция наблюдения с внедрением широкого потребления компактных мобильных способов наблюдения и одновременной передачи информации (прежде всего смартфонов и компьютерных планшетов). Следовательно, в обществе потребления формируется новый характер социальных отношений, в которых субъектами выступают индивиды-носители «планшетного сознания». Еще М. Маклюэн отмечал изменение характера восприятия индивидом мира в зависимости от внедрения технических изобретений в его повседневную жизнь. Если отправным пунктом такого изменения было изобретение печатного станка, то внедрение на современном этапе электронных технологий стирает грань между реальным и виртуальным. Еще полвека назад он подчеркивал, что «сейчас, когда мы живем в электрической среде и внутри закодированной информации не только визуально, но и в сенсорном режиме, вполне естественно, что у нас появилось новое восприятие, которое разрушает монополию и приоритет мира видимого, заставляет этот старинный мир выглядеть таким же причудливым, как средневековый герб на двери химической лаборатории» [3, с. 12].

Характерной чертой «планшетного сознания» является отношение к миру как к игре, к шоу с доминантным стремлением достижения атрактива путем непрерывного наблюдения за реальностью. Это достигается благодаря инструментальной способности устройства передавать информацию онлайн значительному количеству аудитории. Фактически политические события в Украине, происходящие на протяжении последнего года, обнаружили новый инструмент политической борьбы – стрим. С одной стороны стример с соответствующими необязательно

профессиональными техническими средствами, а с другой – наблюдатели, носители «планшетной сознания» составляют целостную систему паноптикума. Создается иллюзия получения объективной информации. Впрочем, по нашему мнению, происходит замещение стремления иметь непредвзятую информацию на наблюдение за шоу. В украинских СМИ такие наблюдатели получили название «диванная сотня». Здесь стоит акцентировать внимание на замену процесса получения информации (благодаря планшетному компьютеру индивид способен, по сути, беспрепятственно подключаться ко всемирной сети Интернет) на потребление информации. Последнее следует понимать в бодрияровском смысле как «потребление потребления». Реальные знания и компетентность, интеллектуальная культура индивида заменяются мифом о знании и псевдоинформованностью, понимание философских идей заменяется интернет-мемами.

Итак, инструментом реализации принципа рационального насилия в обществе всепросматриваемости является социально активный индивид как носитель «планшетного сознания», сформированного в результате массового распространения потребительского использования планшетного компьютера. Носитель «планшетного сознания» характеризуется готовностью в любой момент перевести в сферу публичности через онлайн-трансляцию любое событие (бытовое или политическое), а его интеллектуальная культура замещается псевдоинформованностью. Благодаря этим качествам создается целостная система всеобщей взаимопросматриваемости.

Литература и источники

1. Slusar, W. Nowa racjonalność jako atrybut przemocy w dobie globalizacji / W. Slusar // Українська полоністика. – 2012. – Вип. 9. – С. 70–75.
2. Фуко, М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / М. Фуко. – М.: Ad Marginem, 1999. – 480 с.
3. Маклюэн, М. Война и мир в глобальной деревне / М. Маклюэн. – М.: АСТ, Астрель, 2012. – 226 с.

SPECTACULARIZAREA POLITICII CA STRATAGEMĂ MEDIATICĂ

Victor Moraru

Unul din păcatele capitale ale sferei politico-mediatică este spectacularizarea politicii, susținerea vedetismului politic. Or, politica-spectacol, în realitate, nu poate spori anvergura efortului politic și eficiența acțiunii politice, ci contribuie doar la proliferarea crizei democrației. În aceste circumstanțe, media ignoră sau tratează simplist-reducționist ori superficial probleme importante ale actualității, ca: securitatea și stabilitatea națională și socială, integritatea statală, lupta pentru democratizarea societății, realitatea din zonele tensionate și de conflict etc.

Simplificarea problemelor, tratarea mediatică superficială a complexității reale a situațiilor și fenomenelor abordate are semnificația unei abstrageri din real, a unei neimplicări sau a unei implicări jucate, ce aduce deservicii procesului în sine, societății în ansamblu.

Avem exemplul unor evenimente, de unde media aduce doar imaginea brutală a

atentatelor, a conjurațiilor, a militarilor uciși în ambuscade, ca elemente de spectaculozitate, fără a se produce însă pătrunderea în rădăcina acestor evenimente și procese destul de controversate: conflictele etnice sau religioase, corupția endemică, traficul de droguri, nepotismul, sărăcia, interesele politice divergente, sistemul juridic nefuncțional.

Interpretările și dezbaterile desfășurate în mass-media cu aceste ocazii nu reușesc să depășească condiția superficialității, tratării lipsite de adâncime, propunând analize abstracte, tributare afilierii (deschise ori ascunse) politice.

În fond, tot mai des, în scrierile jurnalistice politica apare drept teatru. Comunicarea politică modernă manifestă o predispoziție evidentă pentru *spectacularizarea politicii*, exploatând, prin urmare, la maximum, resursele dramaturgice ale politicii, în vreme ce adevărurile fruste, din arealul noii configurații strategice a zonelor tensionate, inclusiv zona transnistreană, care se bucură de prea puțin interes din partea unei părți a politicului, sunt, pur și simplu, ignorate sau abordate de o manieră simplistă.

Analiza mass-media denotă o sporire a volumului informației politice, realizate în așa-zisa noua formă de *infotainment* (derivare de la *information* și *entertainment*), în care informația este prezentată cu o ușoară doză de ironie, relevând, în primul rând, aspectele de fapt divers ale evenimentului.

Nu de puține ori, media din Republica Moldova și din România prezintă un spectacol gratuit, care produce în public ilaritate. Redactorii de la unele televiziuni private, în special, etalează ca acțiuni incriminabile ale politicului elemente care s-ar situa, chipurile, în zona informațiilor clasificate, ce țin de securitate, de siguranța națională, dar, de fapt, sunt lucruri comune, lipsite de importanță. Necunoașterea domeniului se răzbună, astfel, pe media, afectându-i prestanța.

Este nevoie de mult profesionalism și dăruire în acest domeniu, iar când politica se intersectează cu zonele interesului național și social, al securității, abordarea cu superficialitate a comunicării și acțiunii politice poate fi sinonimă, pentru politicieni, cu sinuciderea politică, iar pentru jurnaliști, cu pierderea treptată a credibilității.

КРИЗИС ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

С. В. Сидоренко

Существует три направления исторического и политического развития, которые ведут к образованию гражданского общества: развитие политики, коллективистских и индивидуальных основ гражданственности. На универсальность и фундаментальность основ гражданского общества и правового государства влияют вечные понятия – порядочность, честность и человечность. В обществе свободно развивается ассоциативная жизнь, происходит децентрализация государственной власти благодаря передаче значительной ее части самоуправлению, бесконфликтное решение общественно-политических проблем. Целостный, правовой, политический, идеологический, культурный, этический механизм обеспечивает эффективное воздействие гражданского общества на структуры власти и социальную жизнь страны.

Гражданское общество – это организованная структура, стоящая за пределами

политических структур, но охватывающая и их, поскольку они также являются его частью. Такие элементы как демократическое законодательство, разделение властей, наличие легальной оппозиции, целого ряда политических партий не являются сами по себе непосредственной структурой гражданского общества, но они составляют определенные формы закрепления его влияния на политическую организацию общества. Их социальная роль заключается в реализации ценностей граждан, жизни, политических и социальных свобод людей. Гражданское общество существует при условии плюрализма любой, в частности социально-политической деятельности, ее материальных и идейных основ. Сфера частной жизни должна быть закрытой для любого политического, властного вмешательства. Это важнейший показатель существования гражданского общества. Среди составляющих организации и функционирования демократизма власти для гражданского общества особенно существенны следующие: легитимность, всеобщность, полнота демократизма, эффективность реализации полученного кредита доверия в интересах народа. Вместе с тем, большое значение приобретает обеспечение личной, социальной, экономической безопасности граждан, их доступа к здравоохранению, образованию, культуре, минимальным основам выбора деятельности по призванию; гарантированная компенсация трудовых выплат; запрет всевозможных форм принуждения.

В настоящее время в мире происходит кризис институтов гражданского общества, который проявляется в том, что государственное управление ограничивает гражданские инициативы, происходит дальнейшая бюрократизация, давление на средний класс, неэффективное управление, потребление большого части прибыли, рост бедности, инфляция, депривация и неравенство. Все больше увеличивается недовольство населения и государством, и глобальным капитализмом как ключевыми механизмами решения взаимосвязанных глобальных проблем: социальных, экономических, экологических; неразвитости высоких технологий периферии. Этим факторам способствовали и мнения ученых, в частности И. Валлерстайна, который отмечал, что государство в перспективе не просто «отомрет», но и будет заменено самостоятельными организациями, поддерживать которые люди будут из-за угроз экологического состояния Земли. Исследуя данную проблему, У. Бек указывает на то, что национальное государство перестало формировать общие принципы взаимоотношений, позволяющих все другие принципы взаимодействия. Актуальной остается проблема прав человека. По словам немецких исследователей Ш. Госепата и Г. Ломанна, сегодня проблема прав человека становится насущной после века господства преступных тоталитарных режимов, после банкротства концепции «государства всеобщего благосостояния» и после классических форм войны и насилия. Новая конфигурация государственного устройства, общества и «свободных зон» выстраивается параллельно и одновременно с разрушением старых конфигураций. Три измерения прав человека – либеральные свободы индивида, социальные права справедливого распределения, права политического участия граждан – в условиях нового глобального мира предстают неотъемлемыми и необходимыми ... Основная задача политики прав человека заключается именно в том, чтобы установить, восстановить уважение к человеческим лицам и демократическим правам там, где они ограничиваются или подавляются [4]. По мнению В. Воронковой, человечеству грозит обострение различных глобальных кризисов [2]. Одной из этих кризисов является кризис в общественно-правовой сфере и

правовом сознании стран постсоветского лагеря, преодоление которой будет способствовать формированию гражданского общества. Ведь гражданское общество базируется, прежде всего, на правовых началах. Что влияет на формирование гражданского общества?

1. Внедрение социальной рыночной экономики. Переход к рыночным условиям хозяйствования требует разработки эффективной системы социальной защиты населения, предусматривает индексацию доходов населения, установление минимальной заработной платы, систему компенсационных выплат, государственное регулирование цен на важнейшие товары потребительского назначения, активная работа службы занятости и организация социальной защиты безработных.

2. Рыночная экономика должна способствовать развитию честного, прозрачного, законного бизнеса. Внедрение кодексов честной конкуренции, ведь моральный бизнес приносит наибольшую прибыль.

3. Стимулирование развития в стране среднего класса, который является гарантом политической стабильности.

4. Становление и развитие страхования в стране. Накопленные страховыми компаниями активы являются одним из источников долговременного инвестирования – важного ресурса стабилизации экономики.

5. Необходимы функционально ориентированные властные структуры с более узкими спектрами полномочий для решения региональных проблем.

6. Формирование политической элиты, которая исповедует демократические ценности.

7. Достижение консенсуса между различными политическими силами. Преодоление противоречия между демократической формой и тоталитарной сущностью институтов власти. Наполнение политических институтов демократическим содержанием, продуцирования ими реальной демократической политики.

8. Сохранение честных, соревновательных и регулярных выборов.

9. Многопартийность, свобода слова, печати, защита прав меньшинства. Мнение большинства, выраженное демократическим путем на выборах, является необходимым, но недостаточным условием демократии. Только сочетание правительства большинства и защита прав меньшинства составляют демократию.

10. Активная жизненная позиция молодежи. Именно эта социальная группа закладывает основы будущего благосостояния любой страны. От того, насколько глубоко молодежь интегрирована во все сферы жизни, зависят направление и темп развития общества.

Литература и источники

1. Воронкова, В. Формування постнекласичної парадигми сучасного менеджменту в умовах глобалізації / В. Воронкова // Гуманітарний вісник Запорізької державної інженерної академії. – Запоріжжя, 2009. – Вип. 38. – С. 13–29.

2. Воронкова, В. Г. Філософія розвитку сучасного суспільства: теоретико-методологічний контекст / В. Г. Воронкова. – Запоріжжя: ЗДІА; 2012. – 262 с.

3. Сидоренко, С. Україна проиграла 11 мільйонів за день в Європейському суді по правах людини / С. Сидоренко // Коммерсант України. – 2013. – 17 янв.

4. Філософія прав людини / За ред. Ш. Госепата та Г. Ломанна; пер. з нім. О. Юдіна. – Київ: Ніка-Центр, 2008. – 320 с.

5. Хардт, М. Множество: война и демократия в эпоху империи: пер. с англ. / М. Хардт, А. Негри; Центр исследований постиндустриального общества, Журнал «Свободная мысль–XXI». – М.: Культурная революция, 2006. – 508 с.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ СОВЕТЫ В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОМ ПОЛЕ БЕЛАРУСИ И ЕВРОПЫ: ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

И. Б. Михеева

Общественные советы в Республике Беларусь, так же как и их организационные аналоги в странах Европы и СНГ, являются действенным механизмом консультирования государства с общественностью. Участие общества в государственном управлении выступает в современных социополитических условиях реальной потребностью любого правового государства. Согласно Орхусской конвенции, «облегчение доступа к информации и участие общественности в процессе принятия решений повышает качество принимаемых решений и процесс их реализации, способствует улучшению информированности общественности о... проблемах, позволяет общественности артикулировать свои интересы, а государственным органам обеспечивать должный учет таких интересов» [1].

Под общественными советами (далее – ОС) эксперты подразумевают такие образования с участием представителей общественности, которые имеют формализованную внутреннюю структуру, за которыми государственные органы закрепляют определенные полномочия и с которыми консультируются по поводу принятия и выполнения государственных решений [2]. ОС в той или иной форме существуют практически в каждом государстве. Они могут создаваться с разными целями, начиная от экспертных консультаций по экологическим или другим специальным вопросам и заканчивая участием в составлении государственного бюджета, мониторинга его реализации и исполнением советами отдельных функций, делегированных им государственным органом.

Для своей эффективной и неформальной работы, а также для продуктивного влияния на развитие гражданского общества и обеспечения активного взаимодействия граждан с властными структурами ОС должны функционировать в определенном политико-экономическом и социокультурном контексте, предполагающем ряд условий.

Во-первых, должна иметь место политическая воля представителей власти, осознающих необходимость не просто деклараций о сотрудничестве с общественностью, но действительного и качественного изменения управленческой системы государства. Подлинная заинтересованность государства в учете мнения общественности выражается в консультациях с ней по широкому кругу вопросов, предоставлении гражданам всей информации и ведении просветительской работы, необходимой для того, чтобы помочь им разобраться в вопросах государственной политики и узнавать для себя мнение разных слоев населения. При этом основным показателем эффективности консультаций, в том числе предоставляемых советами,

является использование государством рекомендаций, полученных в результате такого рода обсуждений.

Во-вторых, необходим встречный процесс – общественная поддержка, общественное понимание, поскольку чтобы такая двусторонняя система как ОС эффективно заработала, недостаточно просто изменить законы или только проявить политическую волю. Законодатель, как известно, создает лишь юридические рамки, в которых обе стороны – государственный орган и представители общественности – должны действовать. В случае недостаточно полного или некорректного понимания сущности реформ вся деятельность советов и регулирующая его деятельность законодательная база наполняются совершенно иным содержанием.

В-третьих, идеальный ОС должен представлять различные общественные интересы по рассматриваемому вопросу и включать в себя представителей с различными, в том числе конфликтующими интересами. При этом представители государственных органов должны участвовать в обсуждении и считаться с позициями разных сторон. Другими словами, ОС должны выступать как демократическое средство лоббирования определенных интересов. Однако, с другой стороны, активная деятельность членов совета не должна мешать принятию оптимального решения и верному управлению. Поэтому необходимо так организовывать работу советов, чтобы она давала положительные результаты и не тормозила необходимых решений.

В-четвертых, необходима разработанная законодательная база для работы ОС и их аналогов, включающая соответствующие статьи конституции, административные законы или кодексы, специальное законодательство об общественном участии (законы о референдумах, регламенты работы органов государственной власти, политике органов местного самоуправления и др.).

В странах ЕС давно и успешно функционируют общественные и общественно-консультативные советы, а также их аналоги. В своей организации и работе они имеют черты, как сходства, так и различия с белорусским опытом. Среди общих черт следует назвать следующие. Прежде всего, члены этих советов не избираются общественностью, а назначаются руководством страны. Это, «естественно, вызывает определенное недовольство тех организаций, которые в них не приглашены, однако у всех есть понимание того, что идеального механизма избрания представителей общественности в общественно-консультационные советы не существует» [3].

Одинаковым образом в европейских странах и Беларуси финансирование деятельности ОС осуществляется главным образом органом, который их создает, или органом, в помощь которому эти советы создаются. Кроме того, как правило, решения ОС имеют консультативный характер для государственных органов, при которых они созданы, т. е. они не имеют обязательного характера, но учитываются государственным органом ввиду того, что в них отражены результаты комплексного изучения потребностей различных слоев населения или профильных социальных групп. Одним из тех редких случаев, когда ОС могут влиять на решения государственных органов, являются боливийские наблюдательные комитеты, созданные согласно Закону Республики Боливия об общественном участии № 1551 от 24 апреля 1994 г., помещенному в сборнике материалов Международного центра неприбыльного права (США) «Сравнительные исследования и законы по вопросам социального партнерства» за 2001 г. Эти комитеты были учреждены для поддержания связи между так называемыми территориальными

организациями граждан (включающими в себя жителей сельских районов, представителей коренного населения и членов городских общин) и муниципальными органами власти, а также для контроля за использованием муниципальных ресурсов [1].

Еще одна общая черта европейских и белорусских ОС заключается в том, что состав совета напрямую зависит от целей, ради которых он был создан. Например, если совет создан с целью проведения экспертизы или осуществление контроля за специфической деятельностью, то логично, что большинство его членов будут специалистами по соответствующему вопросу.

Однако при всей схожести механизмов создания и функционирования общественных и общественно-консультационных советов в европейских государствах и нашей стране между ними имеются и существенные отличия. Отличительные особенности европейского опыта, на наш взгляд, целесообразно пристально изучать, а положительные стороны использовать в практике создания и работы белорусских советов. Во-первых, это деполитизированный характер европейских ОС, связанный с тем, что в их состав не входят представители политических партий. При этом с политическими партиями проводятся регулярные консультации в формате круглых столов (аналогичный механизм консультаций с политическими партиями, в том числе оппозиционными, существует в России). Такой подход позволяет деполитизировать деятельность ОС и сосредоточить его работу на актуальных вопросах социально-экономического развития страны.

Второе отличие – это активное и плодотворное сотрудничество европейских ОС с общественными организациями (НГО), которые плотно взаимодействуют с профильными министерствами и ведомствами (например, НГО, работающие в социальной сфере, взаимодействуют с Министерством труда и соцзащиты). Поэтому при министерствах ряда европейских стран созданы отделы как по работе с НГО, так и по работе с советами.

В-третьих, для успешной работы европейских ОС создан и отлажено функционирует механизм социального заказа, выступающий четкой финансовой процедурой взаимодействия государственных органов, НГО и ОС. Так, во Франции 50% средств выделяются под конкретные темы, определяемые министерствами, и 50% – под инновационные темы, предлагаемые НГО, если они совпадают с государственными приоритетами.

Значимость такой институции как общественные советы для современного общества представляется совершенно очевидной. Их регулярное и неформальное функционирование, безусловно, обеспечивает возможность различным субъектам гражданского общества наладить сетевое и межсекторное взаимодействие, поднимает уровень общественной осведомленности об актуальных проблемах, содействует более активному общественному участию и рефлексии, а также наращивает как позитивный активистский потенциал отдельных граждан и социальных групп, так и в целом – интеллектуальный потенциал страны.

Литература и источники

1. Конвенция о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам относительно окружающей среды, Орхус, Дания,

23–25 июня 1998 г. // United Nations Economic Commission for Europe (UNECE) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.unecce.org/>. – Дата доступа: 03.10.2014.

2. Боржелли, Н. Общественные советы как механизм консультаций государства с общественностью / Н. Боржелли, В. Брайт // Государство и гражданское общество: практика эффективного взаимодействия. Международный опыт. Сборник статей и документов. – Минск, 2009 // Научно-педагогическая библиотека Учреждения «Главный информационно-аналитический центр Министерства образования Республики Беларусь» (НПБ) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.biblio.unibel.by/?vpath=/ru/source/newreceipts/data/ic_newreceipts/1/. – Дата доступа: 03.10.2014.

3. Загуменнов, Ю. Л. Индекс гражданского общества: развитие партнерства государства, бизнеса и общественного сектора в Республике Беларусь / Ю.Л. Загуменнов // Беларусь и Россия в европейском контексте: проблемы государственного управления процессом модернизации: материалы международной научно-практической конференции, г. Минск, 2011 // Электронная библиотека «Uchebnikfree.com». – Режим доступа: <http://uchebnikfree.com/politicheskaya-filosofiya-nauka/indeks-grajdanskogo-obschestva-razvitie-25549.html>. – Дата доступа: 03.10.2014.

ТИПОЛОГИЗАЦИЯ НЕФОРМАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ В ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

В. В. Самсонов

Изменения в странах бывшего социалистического лагеря, начавшиеся с конца 1980-х гг., заставили ученых обратить внимание на разнообразие траекторий развития этих стран, которые, развиваясь по одному сценарию (путем трансферта западных институтов) демонстрировали различные результаты. Вариативность процессов постсоциалистической трансформации естественным образом выдвинула на первый план исследовательского внимания вопрос о причинах наблюдаемого разнообразия. Достаточно скоро в научном сообществе возобладал консенсус относительно важной роли неформальных институтов в процессах институциональной трансформации. Таким образом, в постсоциалистических исследованиях актуализировалась проблема изучения неформальных институтов. Если до 1990-х гг. сравнительные исследования в области социально-политического развития были сосредоточены, прежде всего, на формальных правилах, то в течение последнего десятилетия XX в. произошла переориентация на исследование неформальных правил как факторов институционального развития трансформирующихся обществ.

В концептуальном плане в рамках такого анализа представляются важными два различия. Во-первых, это различие между формальными и неформальными институтами. Во-вторых, различие между институтами и другими, неинституционализированными формами взаимодействий, то есть практиками.

В данной работе мы рассмотрим типологизацию неформальных институтов немецких ученых Г. Хелмке и С. Левицки, позволяющую, помимо прочего, пролить свет на закономерности формирования и развития новых социальных образований.

Г. Хелмке и С. Левицки для различения формальных и неформальных институтов предлагают определять формальные институты как правила, которые открыто кодифицируются, в том смысле, что они устанавливаются и сообщаются через каналы,

которые воспринимаются как официальные. В отличие них, неформальные институты являются «социально разделяемыми правилами, обычно неписанными, которые создаются, сообщаются и осуществляются за пределами официально санкционированных каналов» [2, р. 730]. Такое различие соответствует интуитивному пониманию противопоставления формальных институтов против неформальных и схоже с определениями многих других ведущих исследователей формальных и неформальных институтов.

В своей типологии неформальных институтов Г. Хелмке и С. Левицки берут за основу функциональный подход, т. е. определение того, какие функции неформальные институты выполняют по отношению к формальным. Выступая в качестве сущностных элементов «институционального дизайна», неформальные правила регулируют поведение социальных субъектов, а их главное назначение – восполнение пробелов формального регулирования социальных отношений. Функционирование и развитие неформальных практик может отличаться в зависимости от условий их существования (сильные или слабые формальные институты), а также в зависимости от их целей (соотносимые с формальными институтами или противоречащие им).

В основе предлагаемой типологии лежит, прежде всего, критерий эффективности соответствующих формальных институтов. Принимая во внимание, что некоторые неформальные институты работают в контексте эффективных формальных институтов, в которых правила обычно проводятся в жизнь и выполняются, другие неформальные образования существуют в контексте слабых или неэффективных формальных институтов, в которых несоблюдение правил обычно имеет неофициальный характер.

Второй критерий – степень совместимости между целями акторов (то есть, чего они стремятся достигнуть путем использования неформальных институтов), и их ожидания о вероятных результатах, произведенных формальными институтами. Принимая во внимание, что в одном контексте цели акторов подобны или совместимы с ожидаемыми целями и результатами формальной институциональной деятельности, в других контекстах акторы преследуют цели, которые противоречат этим результатам. Объединение этих двух измерений позволяет произвести четырехкратную типологию. Типы, расположенные в верхней левой (дополнительные) и нижней правой (конкурирующие) клетках, соответствуют «функциональным» и «дисфункциональным» типам, которые преобладают в большей части литературы, типология приводит к двум дополнительным типам («приспосабливающему» и «заменяющему» (accommodating, substitutive) что помогает обеспечить более полную картину вселенной неофициальных учреждений (табл. 1).

Таблица 1. Виды неформальных институтов по Г. Хелмке и С. Левицки

	При эффективных формальных институтах	При неэффективных формальных институтах
Цели формальных и неформальных институтов совместимы	Дополнительные	Замещающие
Цели формальных и неформальных институтов различны (противоположны)	Приспосабливающие	Конкурирующие

Левая сторона таблицы соответствует неформальным институтам, которые сосуществуют с эффективными формальными институтами, то есть такими, от которых акторы ожидают реализации писанных правил. В левом верхнем углу, который комбинирует эффективные формальные институты и совместимые цели, находятся «дополняющие» неформальные институты, которые в основном «заполняют промежутки», оставленные формальными институтами – имея дело с проблемами или непредвиденными обстоятельствами, с которыми формальные институты явно не имеют дела, и решение которых не требует нарушения всеобъемлющих формальных правил.

Левый нижний угол таблицы, комбинирующий эффективные формальные институты и противоречивые цели акторов, соответствует «приспосабливающимся» неформальным институтам. Они развиваются, если акторы предпочитают формальное институциональное решение, но не могут его достигнуть, следуя формальным правилам и неспособны изменить или открыто сломать эти правила. Они нарушают дух, но не букву, формальных правил, тем самым уменьшая или изменяя эффекты правил. Часто «приспосабливающиеся» институты помогают согласовать ключевые ведущие интересы акторов с существующими формальными институциональными правилами. Следовательно, хотя «приспосабливающиеся» неформальные институты могут быть неэффективными, они могут увеличивать стабильность и устойчивость формальных институтов, гася требования об изменении.

Правая сторона таблицы соответствует неформальным институтам, которые сосуществуют со слабыми или неэффективными формальными институтами. В правом нижнем углу, который комбинирует слабые формальные институты и антагонистические цели, находятся «конкурирующие» неформальные институты, которые структурируют побуждения акторов способами, которые несовместимы с формальными правилами: чтобы следовать одному правилу, акторы должны нарушить другое. Например, Р. Прайс, исследуя администрацию Ганы, выявил, что большинство государственных служащих полагали, что они понесли бы существенные социальные издержки (такие как потеря положения в сообществе), если бы они придерживались бюрократических правил, а не норм родства [3].

Наконец, правый верхний угол, который комбинирует слабые формальные институты и совместимые цели актора, соответствует «замещающим» неформальным институтам, которые создаются и используются акторами, стремящимися достигнуть результатов, которых они ожидают от формальных институтов, но не могут их добиться, следуя формальным правилам. В силу того, что формальные институты неэффективны или неважны, акторы создают собственные неформальные институты. Например, Т. Эйзенштадт показывает, что в Мексике формальные институты урегулирования избирательных споров (такие как избирательные суды) испытывали недостаток легитимности и обычно игнорировались. В течение 1990-х гг. чиновники национального правительства и Партии национального действия решали постэлекторальные споры через неофициальные *concertaciones*, или «джентльменские соглашения» [4].

Сравнение этих четырех типов позволяет сделать несколько наблюдений. Во-

первых, тогда как исследования неформальных институтов в развитых странах имеют тенденцию сосредотачиваться на дополнительных и приспособляющихся институтах, исследования неформальных институтов в развивающихся и посткоммунистических странах имеют тенденцию сосредотачиваться на замещающих и конкурирующих. Этому есть прямое объяснение: дополнительные и приспособляющиеся неформальные институты существуют в стабильных институциональных условиях, которые могут быть найдены в основном в продвинутых индустриализованных странах, а заменяющие и конкурирующие неформальные институты существуют в контексте формальной институциональной слабости и нестабильности, которую более вероятно найти в развивающихся и посткоммунистических странах.

Второе наблюдение заключается в том, что неформальные институты сопротивляются классификации в виде простой дихотомии (функциональные против дисфункциональных), поскольку часто производят неоднозначные и даже парадоксальные эффекты. В том числе они могут помочь достигнуть таких результатов (например, разрешении постэлекторальных конфликтов или инвестиционной безопасности), для достижения которых и были изначально разработаны формальные правила. И хотя приспособление неформальных институтов, таких как неформальное разделение власти, влечет нарушение буквы и духа формальных правил, – они могут привести к результатам (таким как демократическая стабильность), которые рассматриваются как выгодные.

Наконец типология не исключает возможность того, что конкретный неформальный институт может быть отнесен не только к одной категории. Например, местные законы могут находиться в противоречии с государственным законом или дополнять его. Также, согласно аналитической перспективе исследователя, может измениться тип неформального института. Например, хотя клиентализм часто характеризуется как конкурирующий неформальный институт, он может также быть рассмотрен как замещающий, в котором клиенталистские сети эффективно заменяют государственные в некоторых городских и сельских зонах бедности.

Также отметим, что неформальные институты не должны мыслиться как статичные. Взаимодействие между формальными и неформальными институтами часто имеет эффект взаимной трансформации, политические акторы могут активно переформировывать конкурирующие формальные и неформальные институты, делая их более совместимыми (то есть от замещающего к приспособляющему).

Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 13-23-02001.).

Литература и источники

1. Eisenstadt, T. Thinking outside the (ballot) box: Informal electoral institutions and Mexico's political opening / T. Eisenstadt // Latin American Politics and Society. – 2003. – No. 45(1). – P. 25–54.
2. Helmke, G. Informal Institutions and Comparative Politics: A Research Agenda / G. Helmke, S. Levitsky // Perspectives on Politics. – 2004. – Vol. 2. – No.4. – P. 725–740.
3. Price, R. M. Society and bureaucracy in contemporary Ghana / R.M. Price. – Berkeley: University of California Press, 1975. – XIV, 261 p.

ИНТЕГРАЦИЯ И КОНФЛИКТ КАК КРИТЕРИИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ СИСТЕМ

М. Р. Зазулина

Вопрос о векторах социальной динамики и причинах социальных изменений, являющийся одним из основных для любой социологической теории, приобретает особую актуальность в условиях трансформации современных обществ, когда имеют место не только изменения отдельных институтов, но трансформация социальной системы в целом. Ответ на этот вопрос располагается в рамках традиционной для социологической теории дихотомии структуры и действия (*dichotomy of structure and agency*), ограниченной, с одной стороны, преувеличением роли акторов, характерным для представителей теории конфликта, а с другой – подчеркиванием роли институтов, характерным для функционалистов.

В рамках данной работы, опираясь на теорию британского социолога Дэвида Локвуда, который в своей программной статье «Социальная интеграция и системная интеграция» (1964 г.) предпринял попытку совместить структурно-функционалистскую и конфликтологическую перспективы, я попытаюсь показать как интеграция и конфликт, возникающие на различных уровнях и в различных частях социальной системы, влияют на функционирование общества, в одних случаях придавая ему стабильность, а в других, обуславливая необратимые изменения.

В соответствии с тезисом Д. Локвуда структурно любая социальная система может быть представлена как сочетание двух принципиально различающихся дихотомических частей: первая часть формируется совокупностью социальных институтов системы, репрезентирующих искусственный порядок, основанный на рациональном регулировании «сверху». Вторая часть любой социальной системы представляет собой совокупность непосредственных взаимодействий акторов на низовом уровне, репрезентирующих спонтанный порядок самоорганизации.

Опираясь на парсоновское описание интегративной функции социальной системы и применяя ее к своей концептуальной схеме, Д. Локвуд приходит к выводу, что на каждом уровне социальной системы, и на уровне структуры и на уровне взаимодействий акторов имеет место свой процесс интеграции. «Проблема социальной интеграции сосредотачивает внимание на упорядоченных или конфликтных отношениях между *актерами*, проблема системной интеграции сосредотачивается на упорядоченных или конфликтных отношениях между *частями* социальной системы» [1, p. 245].

Такой подход не только позволяет воспринимать одни и те же социальные явления с двух разных точек зрения. Взгляд на социальное целое с точки зрения акторов и их отношений приводит к исследованию проблемы социального порядка / беспорядка с точки зрения социальной кооперации или конфликта, которые выступают как результат действия акторов, осмысления ими социальных условий, формирования стратегий для защиты или продвижения того, что они рассматривают как свои интересы. Проблемы социальной интеграции касаются сохранения и развития коллективности (солидарности), и сводятся к определенному соотношению

ориентации на себя / ориентации на коллектив и их соотношением. При этом речь идет о солидарности группы внутри сообщества и о солидарности всего сообщества как такового. Значение социальной интеграции, особо возрастает в кризисных ситуациях, когда, например, разрушаются некоторые социальные институты, общества не распадаются потому, что основная «нагрузка» в регуляции общественных отношений переносится на мир непосредственных отношений между людьми, которые могут и не структурироваться соответствующими социальными институтами.

Взгляд на социальное целое с противоположной позиции, описывает систему с точки зрения упорядоченности и согласованности институтов, образующих ядро системы (например, сплоченность социальных подсистем, экономических, правовых и т. д.). Как отмечает Н. Мозелис, описывая теорию Д. Локвуда, «на уровне системной интеграции внимание переносится от социального действия на системную перспективу. Это больше не акторы, которые занимают центральное положение, но "системные части", которые всегда рассматриваются как институционализированные комплексы с разной степенью прочности/пластичности» [2, р. 112]. Несовместимости и взаимозависимости между институциональными структурами могут или быть внутренними и необходимыми, сигнализирующими о тенденциях на системном уровне, или внешними и случайными. Поэтому понятие системной интеграции указывает на переменные состояния системы в различные точки времени. Высокий уровень системной интеграции говорит о господстве взаимозависимостей, а низкая интеграция – о системе, характеризуемой серьезными несовместимостями [3].

Последовательное развитие локвудовского тезиса о двух уровнях интеграции и сопоставление анализа каждого из них открывает более широкую перспективу на особенности функционирования всей системы. Сочетание социальной и системной упорядоченности / конфликта, будучи по-разному объединены, создают четыре возможных типа состояния системы (табл. 1).

Таблица 1. Возможные состояния социальных систем с точки зрения системной / социальной интеграции

Состояние	Системная интеграция	Системный конфликт
Социальная интеграция	Тип 1: Общество упорядоченное и сплоченное	Тип 2: Части системы находятся в противоречии; нет конфликта в обществе
Социальный конфликт	Тип 3: Противоречия в обществе; части системы продолжают работать согласованно	Тип 4: Общество в состоянии фундаментального беспорядка

Стабильно функционирующее общество характеризуется определенными формами порядка (интеграции) как на системном, так и на социальном уровне (Тип 1). Система, которая находится в процессе институциональных изменений или институциональной трансформации характеризуется скорее системной дезинтеграцией. (Тип 2). В случае учреждения институциональных правил «сверху» общество может быть не готово к нему; в зависимости от соответствия новых институтов внешним условиям система может перейти либо к типу 1, либо к

состоянию полной дезинтеграции (Тип 4).

Важно понять, в какой момент система утрачивает возможность вернуться к исходному состоянию, т.е. системообразующие факторы перевешивают системоизменяющие. Впрочем, системный конфликт может быть вызван и прочими обстоятельствами: «... в любой выделенный момент времени общество может иметь высокую степень социальной интеграции (например, относительное отсутствие «классового конфликта») и все же имеет низкую степень системной интеграции» [4, р. 402].

Показанное представление о взаимосвязи системной и социальной интеграции, – облегчает понимание механизма институциональной трансформации, исходя одновременно из изучения социального эффекта институтов и конфликтов на социальном уровне. Внесение в структурно-функциональное видение систем тезиса о конфликте (противоречии) как факторе трансформации позволяет связать эти, казалось бы, разнородные аспекты и осуществить анализ в указанном ключе – как на макро, так и на мезо- и микроуровнях социальной реальности.

Очевидно, что трансформация системы имеет место в случае наличия конфликта, на любом из уровней, либо противоречия между системным и социальным уровнями, когда действия агентов социальных отношений приводят к изменению институционального порядка. Наличие групп интересов, формирующихся в процессе социальной интеграции и формирование альтернативных норм (ценностей), противоречащих существующему институциональному порядку – является предпосылкой трансформации, поскольку возникает потенциальный конфликт («потенциальные возможности», «латентные социальные связи» системы). Противоречие социальных отношений и системообразующих институтов ведет к распаду или реорганизации системы «ядра институционального порядка». «Если возможность потенциального конфликта интересов между теми, кто осуществляет власть и теми, над кем осуществляется власть, являются а-нормальной особенностью социальной организации, то де-институционализация власти, а также ее использование для создания и поддержки институтов – являются реализованными возможностями» [4, р. 403].

Логику трансформации, происходящей вследствие системно-социального противоречия (конфликта, возникающего на уровне конкуренции групповых ценностей, интересов и переходящего на системный уровень), можно представить следующим образом:

Этап 1: Общество упорядоченное и сплоченное;

Этап 2: Противоречия в обществе; части системы продолжают работать согласованно;

Этап 3: Социальный конфликт переходит на уровень институционального порядка;

Этап 4: Группы, заинтересованные в поддержании существующего институционального порядка или частично изменяют институциональные параметры (производят реформы), или предпринимают успешные меры по установлению порядка на социальном уровне. Возвращение к этапу 1, или фиксация системной напряженности (в этом случае переход к этапу 5);

Этап 5: беспорядок на институциональном и социальном уровнях. Переход к

типу 2 (в случае системной трансформации возвращение к этапу 1).

Таким образом, последовательное раскрытие тезиса Д. Локвуда позволяет оценить взаимоотношения между системным и социальным уровнями общества как эффективные или неэффективные для функционирования всего общества в целом, а также выявить противоречия, выступающие источником трансформации. Очевидно, что выделение системного и социального уровней интеграции является, прежде всего, аналитической процедурой, направленной на выявление условий и тенденций трансформации различных сфер социальной системы. В различные точки времени состояние системы будет характеризоваться различной степенью интеграции (либо различной степенью конфликта) на каждом из уровней (институтов и акторов), а также между уровнями. Наличие конфликта всегда будет указывать на локализацию факторов трансформации в рамках того или иного уровня. Конфликты (противоречия), являющиеся источником трансформации, могут иметь внутренний характер, или быть внешними и случайными. Механизм трансформации может быть связан с системным конфликтом (особенно в случаях реформ институтов, осуществляемых сверху), либо системно-социальным (возникающим из несовместимостей между системой институтов и их социальной средой («материальной субструктурой»). Трансформация социальных систем является следствием дезинтеграции внутри каждого из уровней; или возникает как результат несоответствия институционального порядка общественным отношениям.

Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 13-23-02001).

Литература и источники

1. Lockwood, D. Social Integration and System Integration // Explorations in Social Change. – Boston, 1964. P. 244–257.
2. Mouzelis, N. Social and system integration: Lockwood, Habermas, Giddens // Sociology. 1997. Vol. 31. No.1. P. 111–119.
3. Archer, M. S. Realist social theory: the morphogenetic approach. – Cambridge University Press, 1995.
4. Lockwood, D. Solidarity and Schism: "The problem of Disorder" in Durkheimian and Marxist Sociology. – Oxford: Clarendon Press, 2000. – 433 p.

THE «FROZEN» CONFLICTS FROM POSTSOVIET SPACE: GENERAL AND PARTICULAR

Victor Juc

The disintegration of the Soviet Union resulted in the emergence not only with new, independent states, but also with conflicts, later called «frozen» because of the perpetuation and lack of sustainable solutions and commitments. These conflicts are different by nature and size, but that their origin is clearly a political one, but being based on different aspects – linguistic, ethnic, confessional, social and economic. The conflicts have been caused, fueled and supported by union center, and after disappearance of the Soviet Union received different dose of internationalization. Lack of viable solutions and assumed by all

participants in their regulation processes transformed the post-Soviet space in a region of insecurity and instability, with although adverse effects that they may cause.

The transnistrian conflict imposed to the Republic of Moldova from outside deeply and substantially its political history and restrict the possibilities of political and diplomatic maneuvering. In general, in the history of the state of Moldova is often attested the rule of foreign policy issues on domestic policy issues, given that prove to be very few problems whose rule was possible independent from the international circumstances: placing the foreign policy issues in the top of hierarchy priorities, especially regarding the placing of the country, the natural order of things upside down and caused a particularity of its historical evolution. Certainly, the Republic of Moldova can not become a state is truly viably as long as there exist the transnistrian conflict, the reintegration opportunities assuming the favorable international circumstances, but that be framed in a boarder context, accompanied and reinforced by the efforts and specific sections from national character.

But the efforts of the Moldovan authorities is aimed at identifying the effective and sustainable solutions for defusing the transnistrian conflict ended with no tangible results. Because the Tiraspol unconstitutional administration always put unacceptable conditions, anchored on the lack of progress in the evacuation of Russian military forces form the eastern region of the country, the political dialogue has found itself in trouble, let alone settlement projects, that one after another have failed because not met the coordinated support and not made until the end. The parties perceive absolutely different the conflict settlement, but the insistence of Tiraspol authorities on their independence is extreme and unacceptable under any circumstances. In solving this problem is requires the application of «shared responsibility», while in terms of foreign policy the conflict includes some several major issues:

- the withdrawal the Russian Federation troops, weapons, equipment and ammunition form the eastern regions in accordance with international commitments;

- the political settlement of conflict by developing the legal status of Transnistria within the Republic of Moldova in accordance with the interests of its citizens;

- the ensure implementation and sustainability of solutions to ensure the restoration of the sovereignty and jurisdiction throughout the territory and, therefore, reunification of the Republic of Moldova.

It should be noted that since it is essential that implementation decisions to be ensured and guaranteed by the external stabilizing factors, the processes of implementation of the last two blocks is closely related policy and confirm the international practice of the post conflict management. But the fulfilling the first block of tasks can not be conditional on anything, but on the contrary, the stationing of Russian troops, weapons and ammunition without the consent or monitoring of the Republic of Moldova and contrary to international commitments of the Russian Federation, is a serious impediment in finding arrangements that would allows «unfreezing» the conflict. In fact, the presence of Russian armed forces on the territory of the left bank and thus the secessionist authorities was a cause of joined the Republic of Moldova at the Community of Independent States, expressing the absolutely unfounded hopes that the «democratic and without proimperial aspirations Russia» withdraw its military forces and it is the only way, according to the position of the president M. Snegur, to ensure the «real independence». But only at the OSCE Ministerial Meeting in the Istanbul form November 1999, Russia has pledged to withdraw ordered and

completely the military forces, its weapons and ammunition by the end of 2002, but that after almost a decade after not taking is remained only good intentions. But already on 21 December 1999, the Russian Federation raised the need for synchronization discharge his arsenal of political settlement of the conflict, placing «the transnistrian conflict, according to the researcher Gh. Cojocaru, a vicious circle» [1, p. 165]. In turn OSCE largely proved to be unable to enforce its decisions: the transnistrian conflict does not appear in the final documents approved by this structure after 2002, because it aims to adopt the final annual declarations, which are accepted by consensus and statutory so, is open to intimidation or pressure from member states, particularly by the Russian Federation. But even if the OSCE decision from the Istanbul has not been canceled, this argument has lost its power of persuasion and ability to raise, being used by the authorities of the Republic of Moldova with incoherence and timidity, the fact and others, that is the need to respect the sovereignty or prosecution by the European Court of Human Rights of Russian Federation as the aggressor in the transnistrian conflict

At the same time can not be overlooked some actions of the Moldovan officials who have done only harm his credibility in the dialog partners, such as some attempts to replace the «5+2» other formulas, as is «2+1», thus consolidating the claim of the separatist authorities to be «equal part in the negotiations» and Russian allegations that emphasizes «the direct dialogue of equal parts» implicate to the conflict. The desperate efforts to approach to the Russian Federation and the lack of transparency in the negotiations could only strengthen the conviction that the Republic of Moldova remains anchored to this great power, but in return received little or nothing. Although, if the development of viable solutions is proves to be a very difficult, would be a mistake if insist exclusively on the total lack of progress: with the title of tangible achievements is the inauguration of the European Union Mission of assistance at the border at Ukraine and Republic of Moldova, launched on 30 November 2005 to improve control at check points jointly managed; the Law on basic provisions of the special status of the eastern districts of the Republic of Moldova (Trnasnistria) of 22 July 2005; the initiatives of confidence building between the two sides and security, launched in the autumn of 2007 to develop joint projects for social-economic and humanitarian, disarmament and demilitarization of the entire territory of the Republic of Moldova; the position papers on the inefficiency of the current peace keeping mechanism and advisability of transforming it into a multinational mission of civilian observers and others.

We believe that the unauthorized stationing of Russian military forces in the region from the left bank of Nistru river and the opportunity to withdraw them also conditioned the unilateral declaration of the initially status of demilitarized zone and later of permanent neutrality, states that are incompatibility with «the deployment of troops of other states on its territory» and is a component of national security. This constitutional provision is developed and realized in National security concept of the Republic of Moldova, but at first was conceived especially as institutions of public international law, meaning that the Russian Federation in automatic mode had to evacuate its military forces on sovereign territory of the Republic of Moldova. But the self-proclaimed permanent neutrality «remains a fiction»[2, p. 182–183], Moldova's security interests involving at least a «balancing» of the asymmetric relations with the Russian Federation by proximity to European structures [3, p. 200–201], the more the value of this “partnership” in various

aspects is proving to be very doubtful.

In our opinion, the unilaterally proclaimed permanent neutrality and maintained by his own will, not up to now contributed to exploit the strategic objective pursued, being challenged and impaired by the presence of foreign military forces on a part of its territory, even if temporarily under the control of separatist authorities. Although constantly violated the neutral status of the Republic of Moldova, Russian Federation encourages the maintained of this quality, but pursuing its objectives in terms of Ukraine's Euro-Atlantic rapprochement until early 2010 and Georgia. Therefore, to ensure the neutrality of the Republic of Moldova, it is necessary for Russia to honor its commitments and to evacuate troops, armaments, munitions and equipment without delay, orderly and complete. The expected benefits of achieving of the self-proclaimed status of permanent neutrality proved to be illusory, since the project itself was designed and developed as an ideal, self-sufficient and fetishized [4, p. 14–15], in particular by National Security Concept of the Republic of Moldova, on the grounds that as «do not reflect the reality, nor is an internationally established formula, has no concrete explanation» [5, p. 34]. The neutrality enshrined in the Constitution form 29 July, 1994 does not provide automatic Moldova's national security and the most important result proves to be participating in processes of military cooperation within the Community of Independent States.

We believe that Moldova's national security could be provided more efficiently if be the Euro-Atlantic integration. Without doubt the constitutional amendment that refers to the status of permanent neutrality, Articles 11(1) and 142(1), presents a complex, difficult and lengthy requiring political will and efforts of institutional character, changes at the conceptual level, maintaining dialogue with European partners, the realization of feasibility studies on the benefits and costs of integration. In order to emphasize only that the ideas outlined the development and implementation of a Euro-Atlantic integration of the Republic of Moldova is the object of concern over structures, so governmental and non-governmental, is essential to demonstrate and to publicize that the North-Atlantic Alliance proved to be the most viable organization for ensuring international security and is associated not only with political and military, but a significant percentage is increasing investment policies, the ecology and scientific research [4, p. 15]. In this context of idea is appropriate the public awareness and familiarity with the priority activities in the transformation of NATO, because is continues to be perceived largely in terms of logic Cold War because of insufficient or poor dissemination or truthful information. NATO membership involves understanding the benefits, costs and strategic stakes of this relationship based on the particular system of values, «that make our society much closer to the European community than is generally believed».

In the event of starting complex and lengthy process of Euro-Atlantic integration will be accompanied by a number of controversial position not only inside but also outside, but is important to not repeat the sad experience of Georgia by transforming aspirations security factors vulnerability. One of the main arguments against joining NATO, that otherwise is not meaning less, will anchor around ideas impossibility transnistrian conflict or loss of Transnistria, invoking in parallel the growth of Russian concerns and withdrawal forces postponement its military in the Republic of Moldova. These counter arguments, and others, real or imagined impact, must be seriously take into account and evaluated by special education, but the fact remains that the results obtained in solving the transnistrian problem

for about two decades prove to be quite modest. Neither sided format negotiations, not in the current formula «5+2», which meets in September 2005 with different hierarchical status almost all major players, have not resulted with effective solutions.

We believe that attempts to identify regulatory solutions to conflict, would be better for now transforming the format 5+2 in one heptagon, another option is 7+1, by raising the status of the two observers, USA and EU, and return Romania to the negotiation, unjustifiably eliminated in May of 1992, balancing the relative strength in this manner in the negotiations, although it is also true that the current formula has hardly started and therefore failed to produce expected results. Also propose applying the concept of cooperative security, which involves the exercise of soft policy, and cooperation between leader consensualitate world powers, using peaceful means to reduce conflict and active engagement in the negotiations for seeking mutually acceptable solutions, aiming to establish and maintaining dialogue between the parties, even if periodically interrupted, openness, transparency and predictability. Namely the concept of cooperative security is a formula for future international security, being able to respond effectively to contemporary challenges by promoting partnership and trust between leaders and denied to powers and violence. The heptagon format would be able to contribute to the initiation or expansion of political activity and built on increasing the presence of real interest, not imaginary European structures to the Republic of Moldova. In the last time was increased the interes of Germany on the transnistrian conflict and is important to occupy a significant place in the process of negotiations.

But the responsibility for managing the conflict «frozen» and very difficult to regulate has been delegated to the Organization foe Security and Cooperation in Europe, which, in fact, going through a profound existential crisis and face a fierce state of inefficiency. Several factors are fueling skepticism OSCE potential to contribute decisively to the reintegration of the Republic of Moldova: do not receive support form major powers, which undermines its ability to be effective in defusing major and outbreaks of conflict in Europe; is highly dependent the interests of member states, more so that the statuary each member state; may block the decision-making process has a right of veto (on behalf of the Republic of Moldova adopted the final declaration did not due this opportunity to promote their interests); does not have its own political capacity or mechanisms that would ensure implementation decisions – they work to resolve conflict in the Balkans were not sufficient and has become the involvement of other structures, by applying the principle of complementarity security institutions; practically was reduced to Balkan geopolitical spaces and ceseist. Undeniably, the role of OSCE in Transnistrian settlement process can not be neglected, but concerns not related to solving this structure, but rather to stabilize conflict by promoting democratic norms, election monitoring, development of measures aimed at strengthening confidence and facilitate dialogue between the parties, that is limited to assistance in implementing decisions in a boarder political framework.

Thus, the lack of progress in the transnistrian conflict settlement is determined by several factors, primordial and secondary, and the task at hand would be balancing asymmetry negotiation format and transforming it into heptagon, actively promoting the policies and administrative decentralization of decision making, implementation of joint projects, the resumption of dialogue and identify measures that will help ensure trust between the two banks of the river, including the recognition of property rights in the

eastern part of the Republic of Moldova. Undoubtedly, the left bank districts can neither be abandoned nor exchanged or transferred, assuming the country's reunification precedence in terms of value, but also this noble goal should not be a goal to settle at any cost and expense of national interests: maintaining the dialogue and seeking solutions to build confidence and sustainable regulatory conflict could stay longer «frozen» and the final clearance to be transferred to another generation of political leaders and political elites, as occurs in cases of Cyprus and Korea. The researcher Q.Wright identified four ways of regulation conflict – party succeeds in agreement, some solutions require other protagonist, a proposed third force or impose solutions, conflict loses its timeliness and resolve by itself [6, p. 82–83]. The recent international practice shows that unilateral recognition of separatist regimes in the ex-Soviet and ex-Yugoslavia by some or more major powers presents itself not an effective solution and nothing changes in their political and legal statutes, lasting settlement in our opinion, involves the first Q. Wright describes ways. It should specify that when conceptual theoretical foundations of conflict management «frozen» remains a political problem not only legal, but also to solve theoretical and methodological, as well as condominiums and traditional mechanisms to resolve partnership with the opponent, concert or sovereignty are no longer applicable at the present. Taking as basic the German model reunification of the country, we believe that ethical values can be solved more easily and more sustainable in terms of perception positive (attractive) of the Republic of Moldova to the newspaper by the inhabitants of Transnistria, especially in chapters standard of living and free movement within the European Union.

Territorial fragmentation and the presence of secessionist authorities is a serious impediment to Moldova's European integration as long as the European Union has not yet ruled on whether the Cypriot variant repetition. However it is essential to realize that reintegration, European integration and eventually, Euro-Atlantic integration is not opposed parallel processes, strategic objectives and strengthening the modernization of state and society of the Republic of Moldova.

References and sources

1. Cojocaru, Gheorghe E. *Politica externă a Republicii Moldova*. Studii / Gheorghe E. Cojocaru. – Chișinău: Civitas, 2001. – 205 p.
2. Osmochescu, Nicolae. *Neutralitatea permanentă a Republicii Moldova în contextul relațiilor internaționale contemporane* / Nicolae Osmochescu // *Academia de Administrare Publică – 15 ani de modernizare a serviciului public din Republica Moldova*. – Chișinău: AAP, 2008. – Vol. 2. *Materialele conf.intern.șt.-practice*. – P. 182–183.
3. Josanu, Yuri. *Securitatea națională a Republicii Moldova prin prisma securității europene* / Yuri Josanu // *Academia de Administrare Publică – 15 ani de modernizare a serviciului public din Republica Moldova*. – Chișinău: AAP, 2008. – Vol. 2. *Materialele conf.intern.șt.-practice*. – P. 199–201.
4. Juc, Victor. *Oportunități și alternative de consolidare a securității naționale a Republicii Moldova* / Victor Juc // *Revista de Filozofie, Sociologie și Științe Politice*. – 2010. – Nr.3. – P. 11–19.
5. *Opțiunile de securitate ale Republicii Moldova*. – Chișinău, 2009. – 92 p.
6. Козер, Л. *Завершение конфликта* / Л. Козер // *Социальный конфликт: современные исследования*. Реферативный сборник. – М.: ИНИОН, 1991. – С. 78–93.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ КАК ТЕОРИЯ, ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ИНЕРЦИЯ КАК ПРАКТИКА: ОПЫТ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО СИНТЕЗА

Е. А. Иванова

В общественных науках довольно прочно утвердился тезис о том, что любой институциональной среде присуща определенная степень инерции. Ею объясняются как стабильность тех или иных институтов, так и сбои в процессе их модернизации. В общем виде под институциональной инерцией понимается существование таких устойчивых механизмов воспроизводства институтов, которые обусловлены влиянием прошлого, проявляющемся «в повторяющемся и «длящемся» присутствии его эффектов» в настоящем [1, с. 20]. В онтологическом смысле, инерция предполагает, что даже радикальное преобразование институтов не ведет к полному нивелированию элементов прежней системы отношений в ее новых формах. Напротив, некоторые из этих элементов автоматически встраиваются в обновленные институты и даже в те из них, которые подверглись революционной трансформации, продолжая оказывать влияние на их развитие. Поэтому, к примеру, инерцию институтов исследователи усматривают в формировании государственных институтов власти в России при переходе от советской системы к постсоветской, которая характеризовалась сохранением номенклатурных черт и старых управленческих практик, вплоть до практик делопроизводства и документооборота. Даже революционный слом институтов царской власти не привел к достижению декларируемой цели по полному и окончательному очищению от «пережитков прошлого».

Как отмечает М. Ильченко, основной объяснительной матрицей для феномена институциональной инерции традиционно является теория зависимости от исторического пути развития, или *path dependence* [1, с. 20], которая показывает, что инерция обусловлена исторически. В этом ключе инерция как элемент развития институтов рассматривается, к примеру, в концепции «колеи» А. Аузана [2] или концепции «исторических циклов» А. Ахиезера [3] и др. Вместе с тем, хотя этот ответ на вопрос о причинах рассматриваемого феномена является довольно аргументированным и убедительным, он, тем не менее, не раскрывает конкретные механизмы воспроизводства и функционирования институциональной инерции. Что в действительности скрывается под означаемыми «история» или «исторический путь»? Почему зачастую отдельные элементы прежних институтов самопроизвольно восстанавливаются в их новых модификациях, и чем обусловлен этот автоматизм? Очевидно, что эти вопросы выходят за рамки чистой институциональной теории и заставляют обратиться к другим методологическим схемам, которые позволили бы под другим углом зрения посмотреть на феномен институциональной инерции и выявить ее скрытые свойства и механизмы. Одной из таких методологий является предложенная американским теоретиком Фредриком Джеймисоном критическая концепция «политического бессознательного», применение которой к анализу институциональной инерции может стать интересным и полезным опытом синергии разноплановых подходов.

Концепция «политического бессознательного» была сформулирована Джеймисоном в его известной работе «Политическое бессознательное: нарратив как социально-символический акт» [4], впервые опубликованной в 1981 году. Первоначально сам теоретик применил ее для анализа литературных практик и институтов. Позднее она была воспринята многими исследователями критического толка и апробирована в рамках уже других дисциплинарных полей. По аналогии с фрейдовским понятием индивидуального бессознательного, – которое было призвано описать скрытые, иррациональные слои психики, наряду с разумом управляющие человеком, – понятие политического бессознательного Джеймисон ввел для того, чтобы обозначить присутствие неких скрытых механизмов уже в социальном мире, лежащем за пределами индивидуального сознания. Ш. Хомер полагает, что политическим бессознательным американский теоретик в действительности называет коллективное бессознательное [5, с. 48]. Однако очевидно, что у Джеймисона оно не тождественно ни аналогичному понятию у Фрейда, ни юнгианской идее коллективных мифов. Скорее, политическое бессознательное в его трактовке это сама история, а этот концепт призван подчеркнуть ее особое значение и указать на специфическую логику тех форм, в которых она проявляется себя.

Согласно Джеймисону, история – так же как и бессознательное – в своей полноте и непосредственности недоступна для познания и проявляет себя лишь в своих эффектах. В этом он следует за Жаком Лаканом, который провел различие между порядком Реального и порядком Символического, где первый порядок понимается как недоступный и непостижимый, и лишь частично проявляющий себя через второй порядок. Это одновременно и онтологическая, и гносеологическая проблема истории, которая не позволяет увидеть подлинные причинно-следственные связи социальных процессов и всю систему отношений, образующих общество. Однако именно история определяет конкретные формы отношений, идеологий и институтов.

Как же Джеймисон понимает историю? Будучи марксистом, он рассматривает ее через призму теории способов производства. Именно способ производства – по Джеймисону, сейчас это капитализм в своей поздней форме – является концентрированным выражением конкретной эпохи. Согласно марксистской теории, каждая такая форма характеризуется складыванием специфической для нее системы общественных отношений, конфигурация которой детерминирована логикой данного способа производства. Джеймисон разделяет это положение, но предостерегает от его упрощенного понимания, которое часто ведет к тому, что история трактуется линейно, лишь как последовательная смена таких форм. Он предлагает более диалектично взглянуть на проблему развития истории. В свой дискурс о способах производства теоретик вводит категорию синхронии и показывает, что развитие способов производства не является синхроническим.

Джеймисон отмечает, что с позиции синхронии способ производства рассматривается исключительно как внутренне целостная тотальная система, которая подчиняет своей логике и абсорбирует все изменения, являющиеся, согласно этой точке зрения, простой инверсией самой системы [4, с. 91]. Все оппозиционные и критические практики здесь оказываются вписанными в логику системы, которая их всегда «предугадывает и помещает в заданные границы» [4, с. 91]. В этой парадигме

переход к новому способу производства неизбежно происходит в форме тотального разрыва с прежней системой и характерными для нее практиками и институтами. Однако, как утверждает Джеймисон, в действительности этого не происходит. Вслед за Никосом Пуланзасом, американский теоретик подчеркивает, что на практике любая социальная формация всегда «состояла в пересечении и структурном сосуществовании нескольких способов производства одновременно, включая пережитки и сохранившиеся элементы старых способов производства, вытесненные на структурно зависимые позиции в условиях нового способа, а равно как и зарождающиеся вновь тенденции, потенциально несовместимые с существующей системой, но еще не образовавшие свое собственное автономное пространство» [4, с. 95]. Иными словами, выражаясь в терминах, больше свойственных другой методологической традиции, можно сказать, что, согласно Джеймисону, историческое развитие неизбежно сопровождается инерцией институтов и практик, онтологической причиной которой является несинхроническое развитие самих способов производства. Он предлагает называть это свойство истории метасинхронией.

Дальнейшие рассуждения Джеймисона позволяют сделать еще один важный вывод. Говоря о «культурной революции», – «момента, когда сосуществование различных способов производства становится уже очевидно антагонистическим» [4, с. 95], – он фактически указывает на то, что инерция практик и институтов всегда является внутренне напряженной. Поскольку «открытая революция» [4, с. 97] является всего лишь самым острым моментом непрерывной борьбы сосуществующих способов производства и характерных для них практик и институтов.

Материал подготовлен при финансовой поддержке гранта Президента РФ (МК-7073.2013.6).

Литература и источники

1. Ильченко, М. С. Инерция в развитии российской политической системы: подходы к анализу / М. С. Ильченко // Социум и власть. – 2013. – № 3 (41). – С. 20–24.
2. Аузан, А. А. «Колея» российской модернизации / А. А. Аузан // Общественные науки и современность. – 2007. – № 6. – С. 54–60.
3. Ахиезер, А. С. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России) / А. С. Ахиезер. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. – 600 с.
4. Jameson, F. The Political Unconscious: Narrative as a Socially Symbolic Act / F. Jameson. – New York: Cornell University Press, 1981. – 305 p.
5. Homer, S. Fredric Jameson: Marxism, Hermeneutics, Postmodernism / S. Homer. – Cambridge: Polity Press, 1998. – 216 p.

OPTIMAL FINANCIAL POLICY IN RELATION TO THE INTERESTS OF NATIONAL ECONOMY

Florina Bran, Manea George, Carmen Valentina Radulescu, Ildiko Ioan

From the perspective of developing a competitive economy through financial policy

should be harmonized with the objective rigors of macroeconomic stability for sustainable growth. Financial policy should be addressed in terms of fiscal and budgetary policy.

In the next period, both the fiscal policy and the budgetary policy must be subordinated to the central objective of economic policy set by the Government Programme, for revival of economic growth to achieve the convergence criteria in order to continue and accelerate economic and financial development of Romania.

If the classical theory claimed that the budget balance (determined by equality between income and expenditure) is the golden rule of good financial management, this principle can be applied during this period in our country since the impact the real economy does not provide enough tax returns to cover annual public expenditure. In our country, the budget deficit requires a complex analysis, it must be judged in terms of fiscal and budgetary policy.

A feature of fiscal policy is relatively low share of gross domestic product income and systematic tendency to reduce general government revenues. This trend is common to most countries from Central and Eastern Europe. Amplitude falling of the budgetary incomes in Romania is however among the most pronounced. Of the budgetary incomes fall is mainly the result of delay measures to improve tax systems and tax administration in the difficult conditions of economic transformation.

Despite the downward evolution of revenues, general government deficit was kept under control especially by forcing compressing expenditures.

The persistence of budget deficits in 2009-2011, and in perspective of 2012 is a really bad development of the Romanian economy. Budget deficits absorb resources that would otherwise turn to future taxpayers, hit the public authority's ability to provide basic public services (health, education, national defense, public order and national security) and lead to the gradual removal for non-governmental sector credit market.

Another approach to control the size of its deficit budget and the need to refer to the dynamics of public debt and its service. In recent years, the pace of debt accumulation has accelerated significantly.

If the deficit is small enough to reduce the credit market pressures and inflation expectations do not reduce high interest rates affect the real economy reach and increase public debt service burden on the budget.

Size control of deficit budget

In Romania, fiscal policy was designed to achieve a correlation between a set of macroeconomic indicators and budget deficit. Systematic tracking of the level and evolution of macroeconomic indicators will allow diagnosis and default term, budgetary measures in accordance with state and evolution of the real economy.

The budgetary policy will also take account of employment size across the consolidated budget deficit correlation between investment and saving. One can predict that far exceeded the current recession and achieve sustainable economic growth, pressure on the general government will fall, thus reducing the possibilities of direct taxes can increase.

We estimate that the deficit target established by the general consolidated budget of around 3% for 2012 is an achievable goal that can be financed inflationary conditions and also prudent, as it is maintained at a level consistent with other macroeconomic objectives: economic growth, mastering inflation, maintain external solvency.

For the period 2011–2012 among the priority objectives of fiscal and budgetary

policy and control deficit budget is found. By achieving this objective will reduce the gap between national saving and investment, which will have beneficial effects on the macroeconomic situation: lower interest rates, on which will encourage investment.

Control deficit budget will be achieved by:

a) Fiscal policy.

Fiscal policy is instrumental in accelerating and deepening will follow consistently reform in this area, which will result in reducing the tax by abolishing both the contribution of some special funds and the relocation of tax burden and the ratio of direct and indirect taxes in order to stimulate work, saving, investment, small and medium enterprises and exports.

Reducing taxes will result in a higher tax collection and budget reduction economy. This, although it has a large share in the Romanian economy, will be controlled and reduced functioning market mechanisms, efficient and a real competition.

b) Budgetary policy.

In this area, in the next period is envisaged substantial increase efficiency and transparency of spending, both the as a result of public resource allocation based on projects and programs based on specific performance criteria and by establishing a coherent system of priorities.

These coordinated fiscal policy will result in the following actions:

- 1) subsidies and bonuses to stimulate agriculture;
- 2) supporting small and medium enterprises;
- 3) reduce public spending by establishing rules on staff costs, materials and facilities of public institutions;
- 4) domestic debt restructuring.

The main features of the budget expenditures will be rationality, justification and their size depending on certain income, feasible without resorting to inflationary finance.

The budgetary policy aims to:

1. conducted a thorough analysis of expenditures to determine spending priorities;
2. setting concrete tasks and responsibilities for both MPF and for the principal loan, as follows:

a) Ministry of Public Finance:

– sets spending limits for budget drafting of the principal officers, depending on the evolution of macroeconomic indicators and correlated with the sectorial priorities established by the Government Program;

- ensure the supply for the budget funds for specific activities of the principal officer;
- aimed at efficient use of fixed assets.

b) The principal credits:

– establish priorities regarding the objectives or activities to be financed from the budget (if entered in the priorities set by Government Program);

– consider the need, appropriateness and effectiveness of expenditure in the budget appropriation allocated to carry out;

– consider the desirability of maintaining or giving up some budgetary appropriations for which, based on legal provisions have been abolished or delayed tasks.

3. Improve budget management

a) Funding for based programs

This is a method that gives the government the opportunity to identify funds within the budget and budget form based on the results. The composition of based budget programs is a process that was introduced in the 60's when Robert Mc Namara, Secretary of Defense of President Kennedy brought this idea to the U.S. Department of Defense from Ford Motor Company. During of 60–70 years the concept of program was used at all levels of government in developed countries.

Each program includes three factors: goals, objectives and strategies and performance evaluation measures to be used to determine whether objective or purpose is fulfilled.

The ministries can use this way of building its own budget to clearly decide on their levels of performance and improvement plans.

Beginning with the 2012 state budget is expected to streamline the number of the principal loan which is based funding programs.

With this new funding method, which applies in our country is going to state budgeting annual tranche of budget appropriations in the program to choose and can run over several fiscal years (in each budget year will reflect the appropriate portion of the program to achieve the objectives set out for that year).

In the first phase, the programs will have the character of complementary tools to substantiate the traditional budget, followed according to generalize results based budget programs for the entire budget of the institution.

The fact that each officer shall establish objectives (depending on the specific activity) that can be measured by specific performance indicators will allow transparent use of public money and increasing responsibilities in terms of efficient use of public resources.

b) The introduction of multi-annual budget as a tool for improved operating.

The first phase is chosen only for an estimate of the aggregate budget parameters for a year following that for which the approved budget.

Depending on the results obtained in achieving macroeconomic indicators, in particular, in terms of growth, to achieve a certain level of economic stability will opt for broadening the horizon of time to develop budget estimates parameters (2 years, 3 years).

The estimates presented would be a means of information and control for Ministry of Public Finance on the need to finance the next period, however not be guaranteed resources for public institutions.

c) limitation, reduction and abolition of special funds will lead to restriction of use of the discretionary nature of their income.

As restructuring and stabilizing the economic and fiscal sectors, special funds will be included in the budget, which will allow better control of public money and will remove the excessive fragmentation of the state budget.

4. Specific aspects of the financing of national defense, public order and national security.

Sector financing of national defense, public order and national security is, for the most part, with funds from the state budget. In addition, financial resources can be provided from extrabudgetary funds (leverage of goods and services, etc..) and foreign loans.

Public institutions in this sector are:

- Ministry of Defence;
- Ministry of Internal;

- The Romanian Intelligence Service;
- External Intelligence Service;
- Protection and Guard Service;
- Special Telecommunications Service;
- Ministry of Justice;
- General Directorate of Penitentiaries;
- Independent Service for Protection and Anticorruption.

Law no. 72/1996 on public finances, it was an important place for the financing of this field, so in art.9 states that the determination of public expenditure will have regard to financial policy of the state in key industries, such as is stated expressly, providing requirements of National Defence, public order and national security. "

It requires that, under an austerity budget, the expenditures required to be determined after analysis of each category of expenditure, both the public institutions within each component and the whole sector, while ensuring responsible management of funds approved.

The title of expenditure, these tests can be performed taking into account the following:

- Personnel costs will be established under the resizing to a minimum number of staff in accordance with commitments domestically and internationally, and the volume of its tasks has made every public institution, which will allow sizing them as real;

- Materials and services costs will be determined taking into analysis and existing stocks for some products, materials or other goods, as well as the opportunity of developing procurement programs to optimize the effect of budgetary effort to meet the requirements strictly necessary;

- Capital expenditures will be established in close correlation with the priorities for the completion of investment objectives within commissioning by the end of the calendar and budget expenditures only hiring new objectives strictly necessary and with the shortest completion time.

Also the list independent facilities will be completed only after careful consideration of priorities that involve the performance of obligations firm commitments arising from internal or international.

It should therefore shift to funding from the state budget based on programs, judiciously based, including the deployment phase out time-bound targets and efficiency.

Gradually, since 2012, to finance the state budget, both by current methods, which is predominant or preliminary extrapolation of actual achievements of the previous year for each category of expenditure budget (funding based on historical budgets) and the funding programs is crucial step towards transforming the state budget from a simple accounting framework reforms in of them promoter.

The method of financing the state budget based on concrete projects and programs will determine the award of a more active role in the state budget reform strategy of the accomplishment from the Romanian society.

It is necessary that the draft state budget for 2012 is configured, largely under the new methodology, the following budgets for the years 2013–2014 as it is extended. State budget so developed will be based on multi priorities, which increases the level of forecast economic and business policies.

The state budget will have to reflect, through its indicators on the one hand, financial needs arising from the implementation of the state government program proposed for the near future, in the national defense, public order and national security on the other hand, the possibilities for coverage of these resources, the concrete conditions of our country's economy (in transition to market economy).

In this situation must be even more necessary, correct sizing as income level and the amount of state budget expenditures.

References

1. Boajă, mirică, radu, sorin, claudiu, control and financial audit, education publishing. – Bucharest, 2008.

2. Ghic, G., Grigorescu C. J. Economic and financial analysis. Multiple choice question. – Bucharest: University Publishing, 2008.

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НЕМАТЕРИАЛЬНЫХ АКТИВОВ С ПОМОЩЬЮ ТЕОРИИ НЕЧЕТКИХ МНОЖЕСТВ

Е. А. Анохина

Удельный вес нематериальных активов в структуре субъектов хозяйственной деятельности с каждым годом растет. Акценты расставлены таким образом, что нематериальные активы играют важную роль, а иногда являются основным преимуществом в получении дополнительного дохода, в особенности, когда речь идет про наукоемкие компании. Ситуация объясняется объективной необходимостью управления огромным потенциалом нематериальных составляющих этих компаний.

Ю. Даум в своей работе [1, с. 107] отмечает, что преобразования в экономике, которые наблюдаются с начала 1980-х годов, являются производными от трех уникальных сил. Указанные силы и составляют основу новой экономики:

1) продукты потребления, основанные на знаниях людей, характеризующие растущую отдачу;

2) усиление конкуренции среди бизнес-единиц, что является результатом глобализации торговли и дерегулирования ключевых секторов экономики (например, телекоммуникации, электроэнергетика, финансовые услуги и рынки капитала в целом);

3) развитие информационно-коммуникационных технологий, на примере Интернета, что поддерживает обеспечение выполнения эффектов двух других сил.

Схожего мнения придерживается и Б. Лев [2, с. 9]. Он отмечает, что три основные силы – экономическая, политическая и технологическая резко изменили структуру корпораций, продвинули значение и роль нематериальных активов, как основную движущую силу стоимости бизнеса в развитых странах.

В свою очередь нематериальные активы как объект учета возникли еще во второй половине XIX в. Ведущий теоретик экономики Лоуренс Р. Дикси в 1896 г. выступил с докладом о нематериальных активах. В последующие годы выходит его работа «Гудвилл и его отражение на счетах бухгалтерского учета» [3, с. 264–284].

Для настоящего исследования важным моментом является определения значения и роли нематериальных активов, а также эффективности их использования на отечественных и зарубежных предприятиях.

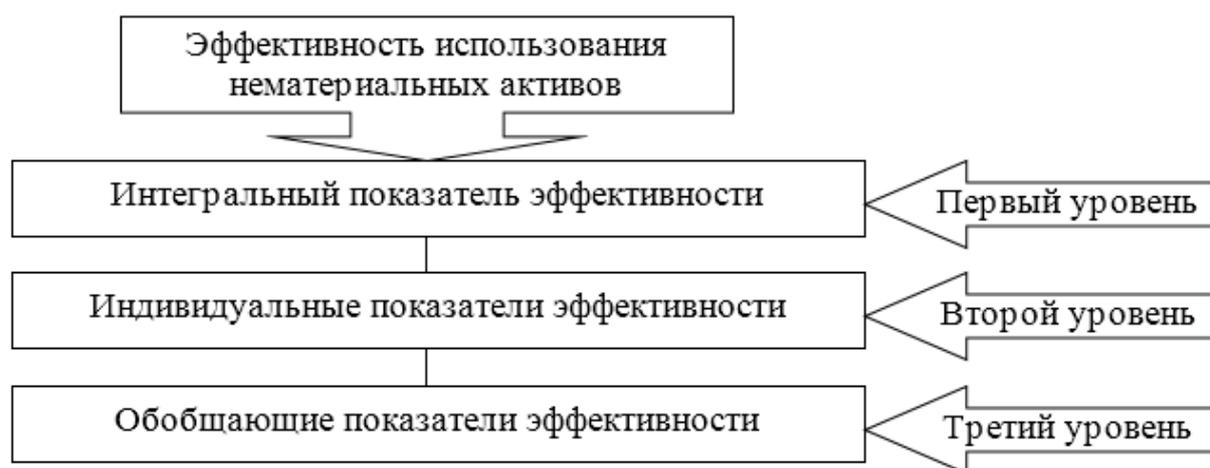
Экономическая эффективность – это соотношение между результатом деятельности и ресурсами, которые были задействованы для получения этого результата. Таким образом, общая формула эффективности имеет следующий вид:

$$E = \frac{\text{Результат (эффект)}}{\text{Затраты (ресурсы)}}$$

Использование предприятием привлеченных ресурсов в максимально возможной степени обуславливает производственную эффективность. Предприятия, которые не могут возместить свои расходы и, кроме этого, хуже используют свои ресурсы, в результате будут вынуждены покинуть свою рыночную нишу. И наоборот, получить дополнительный доход, увеличить объем выпуска, смогут те предприятия, которые лучше используют ресурсы, в частности, нематериальные активы. Возможность их привлечения, более сознательное и эффективное использование поможет укрепить конкурентные позиции отечественных предприятий.

Необходимость количественного измерения экономической эффективности требует использования системы показателей, с помощью которой определяются величины эффекта и затрат (ресурсов). Разработка инструментария определения эффективности использования нематериальных активов предполагает нахождение показателей трех уровней: обобщающих, индивидуальных, интегрального.

Рисунок 1. Иерархия показателей эффективности использования нематериальных активов

В исследовании используются прямые и обратные показатели эффективности. Прямые показатели представляют собой коэффициенты отдачи, которые показывают, какая условная единица результата получается из условной единицы затрат на его получение. Увеличение этих показателей свидетельствует о повышении экономической эффективности нематериальных активов. Обратные показатели эффективности представляют собой коэффициенты емкости, которые отражают, сколько условных единиц затрат необходимо для получения условной единицы результата. Снижение этих показателей, в свою очередь, указывает на повышение экономической эффективности нематериальных активов.

Основной эффект от использования нематериальных активов на предприятии выражается в увеличении прибыли, ускорении производственных процессов, сокращении затрат на производство продукции или предоставлении услуг, а также повышения конкурентоспособности предприятия и качества продукции.

Как можно заметить, результаты от внедрения и использования нематериальных активов, как и показатели эффективности, имеют разные размерности и единицы измерения. Это требует комплексного подхода к выбору модели оценки. Так, в условиях неопределенности, неполной и нечеткой информации необходимо использовать теорию нечетких множеств, так как экономические процессы слишком сложные для применения количественных подходов, а логические выводы, приближенные к человеческому мышлению лучше справляются с поставленной задачей.

В последнее время нечеткое моделирование является одним из наиболее активных и перспективных направлений прикладных исследований в области управления и принятия решений. Таким образом, в качестве инструментария для оценки эффективности использования нематериальных активов на отечественных предприятиях с учетом сложности экономической системы и влияния множества факторов, а также необходимости нормирования показателей и определение интегрального показателя эффективности было решено применение теории нечетких множеств. Особенность данного исследования – это интеграции точных финансовых оценок и результатов деятельности предприятия на основе качественных нечетких оценок. Результатом работы является получение количественного интегрального значения эффективности использования нематериальных активов. Для этого необходимо реализовать следующие этапы:

- определить обобщающие показатели эффективности использования нематериальных активов;
- на основе составляющих нематериальных активов различных классификационных групп определить индивидуальные показатели эффективности;
- оценить качество продукции;
- определить конкурентоспособность предприятия;
- разработка структуры системы нечеткой логики;
- представления элементов изучаемого явления в виде многоуровневой иерархической модели, путем проведения декомпозиции проблемы на сравнительно простые составляющие;
- определение и интерпретация входных переменных и их границ;
- определения функции принадлежности для каждой входной и выходной переменной;
- составление базы правил, которая будет отвечать за управляющие операции;
- переход от нечеткости к конкретным числовым значениям и их интерпретация;
- определения интегрального показателя эффективности использования нематериальных активов.

Литература и источники

1. Daum, J. H. Intangible Assets and Value Creation / Juergen H. Daum. – England: John Wiley & Sons Ltd, 2003. – 421 p.
2. Baruch, L. Intangibles: management, measurement, and reporting / Baruch Lev. – Washington, D.C., 2001. – 201 p.
3. Wu, A. The integration between balanced scorecard and intellectual capital / A. Wu // Journal of Intellectual Capital. – 2005. – Vol. 6. – №.2. – P. 264–284.

ПОЛИТИКА ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ В БЕЛАРУСИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ДИЛЕММА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРИОРИТЕТОВ

Е. А. Червинский

Необходимым элементом стратегии обеспечения сбалансированности экспортно-импортных потоков является не только организация новых импортозамещающих производств, но и повышение эффективности использования импортных ресурсов уже существующих предприятий. Макроэкономические проблемы, с которыми сталкивается Республика Беларусь на современном этапе, обусловлены высокой долей импорта во внешнеторговых операциях.

Отечественная экономика идет по пути развития рыночных принципов, отличительной чертой которых является эгоистичность *экономических субъектов*, стремящихся к максимизации собственной выгоды. Тезис о «невидимой руке рынка» предполагает, что каждый из его участников действуя в своих интересах, будет способствовать росту благосостояния государства в целом. Однако, как показывает практика, даже самые развитые рыночные системы нуждаются в государственном регулировании. Примером тому может служить недостаточная контролируемость мировой финансовой системы, приведшая к глобальному финансово-экономическому кризису, начавшемуся с локальных проблем с ипотечным кредитованием в США.

Вывод о том, что выгода отдельного экономического субъекта не обязательно ведет к росту общего благосостояния, представляется нам достаточно обоснованным, поэтому государство при проведении своей экономической политики, направленной на оптимизацию структуры импорта и повышению его эффективности, должно руководствоваться критериями, отличными от тех, которые используют рядовые субъекты экономики. В экономической науке необходимо уточнение понятия «эффективность», в отношении которого приводятся различные варианты количественной оценки. Эффективность часто трактуется как определенный показатель, например, как экономическая или технологическая эффективность, базирующаяся на соотношении двух факторов: получаемого эффекта и затрачиваемых ресурсов.

Следует иметь ввиду, что предприятия могут получать значительные выгоды от организации поставок импорта в Беларусь, одновременно нанося ущерб другим национальным компаниям. Например, при условии либеральной внешнеторговой политики в отношении продукции легкой промышленности, импорт определенного

вида товара является достаточно выгодным видом деятельности, однако рост поставок из-за рубежа снижает объем спроса на соответствующие товары отечественного производства, что следует рассматривать как негативный фактор для белорусских предприятий данного профиля. В тоже время, потребитель, имея возможность выбора, нередко предпочитает именно импортный товар, и его интересы состоят в том, чтобы его стоимость была как можно более низкой.

Также можно привести и обратный пример, когда предприятие, не получая значительных выгод, то есть имея низкий уровень прибыльности производит продукцию, используя импортное сырье. С позиции предприятия эффективность производства может быть недостаточно высокой, так как недостаточно высокой является прибыль. Однако для рабочего данного предприятия критерием эффективности будет размер получаемой заработной платы, который может быть достаточно высоким, более того, предприятие, выплачивая налоги, тем самым способствует наполнению регионального и республиканского бюджетов, что является несомненным положительным эффектом для национальной экономики в целом.

Анализ эффективности импорта для государства следует рассматривать в контексте обязанностей, закрепленных в нормативных документах. Государство, как субъект экономики, в силу комплексности решаемых задач: обеспечение экономического роста и национальной безопасности; улучшение условий жизнедеятельности граждан; оптимизация торгового баланса и т. д., в контексте эффективности импорта следует рассматривать не как потребителя или производителя, а как регулятора соответствующих экономических отношений, а эффект, в свою очередь, будет определяться степенью выполнения этой функции. Разумеется, успешность реализации государственной политики, направленной на регулирование импорта и базирующейся на соответствующем комплексе стимулирующих и ограничительных мер, будет зависеть от суммы действий осуществляемых на уровне отдельных компаний и домашних хозяйств, что требует учета интересов всех участников экономических отношений. В тоже время, основные экономические задачи государства относятся к макро уровню, и поэтому при их решении государство должно ориентироваться на создание условий, обеспечивающих наибольшее благоприятствование поступательному развитию национальной экономики с учетом обеспечения своей социальной функции, даже в случае, если их достижение может не отвечать условиям эффективности для отдельных участников экономики, в частности торговых предприятий-импортеров.

Можно сделать вывод, что выбор приоритетов при соблюдении интересов домашних хозяйств, предприятий и государства в ходе реализации экономической политики в отношении импорта, хотя и может быть различным, но в условиях стабильно отрицательного белорусского внешнеторгового сальдо, роста внешней задолженности и т. д. интересы белорусской экономики в целом должны быть приоритетными, что соответствует критериям эффективности с позиций регулятивной функции государства. В качестве основных ориентиров для обеспечения должной эффективности импорта должны выступать сбалансированности экспортных и импортных потоков, а также повышение отдачи от использования импорта промежуточных и инвестиционных товаров в национальной экономике Республики Беларусь.

**СИСТЕМА «БЕЗОПАСНОСТЬ – РАЗВИТИЕ» КАК ФАКТОР
УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ**

А. Д. Урсул, Т. А. Урсул

Решая текущие проблемы развития общества, большинство населения не принимает с должным вниманием те ценности и перспективы, которые окажутся важными уже в обозримом будущем, а тем более – для еще не появившихся поколений. Среди этих ценностей – не только человек и его здоровье, но и природа, ее ресурсы и условия, без которых не может продолжаться существование человека и человечества. А между тем, деградация окружающей природной среды ведет не только к ухудшению условий существования человека, но и грозит гибелью всего человечества не в какие-то отдаленные времена, а уже сейчас, в начале третьего тысячелетия.

Осознание имманентной взаимосвязи развития и безопасности и, в перспективе, – системы «безопасность-развитие» привело к формулировке положения о возможности обеспечения безопасности через развитие, а если говорить точнее – через устойчивое развитие.

И хотя существуют различные в философском плане типы развития (например, деградиционные и разрушительные процессы вполне укладываются в широкое философское понимание развития, отображая и его регрессивную ветвь), в этом случае речь идет не о них. Как правило, имеются в виду все те реальные и возможные типы развития, которые ведут к поступательному прогрессивному развитию того или иного объекта. Когда речь идет о развитии применительно к обществу, то чаще всего в него вкладывают именно это последнее значение.

Безопасными сегодня можно считать те общества и государства, которые придерживаются ценностей и практики демократического развития как на национальном, так и на международном уровнях. Опасными – те общества и государства, которые ориентируются на узко-прагматичные цели, провоцирующие нарушение устойчивости существующих систем, что ведет человечество к глобальной катастрофе.

Ни одно общество и государство не могут обеспечить свою долговременную стабильность и безопасность без перехода на путь устойчивого развития. Однако к стабильности и безопасности также необходимо стремиться и в рамках модели неустойчивого развития для того, чтобы начать переходить к обществу и государству с устойчивым развитием. Стабильность общества, государства, экономики и т. д., в полном смысле этого слова, как и их безопасность, могут быть «гарантированы» только реализацией модели и стратегии устойчивого развития. Проблема безопасности оказывается первичной и наиболее фундаментальной для смены типа

дальнейшего развития страны и цивилизации в целом. Однако степень и принципы ее обеспечения зависят от типа развития материальной системы (в данном случае от социально-экономического развития), на что будет обращено особое внимание.

К устойчивым достижениям в других областях относятся многие позитивные политические и социально-экономические преобразования и реформы: укрепление государственности, усиление институтов гражданского общества, переход национального законодательства на качественно новый уровень, особенно в сфере защиты конституционных прав человека, укрепление национальной обороны, а также общественной и государственной безопасности, устранение ряда угроз информационной безопасности, создание возможностей более быстрого развития высокотехнологичных отраслей экономики и появление реальных условий перехода на инновационные механизмы развития.

Вместе с тем особенно в условиях современного мирового финансово-экономического кризиса появились негативные тенденции, которые можно квалифицировать как опасности и угрозы на пути дальнейшего системного продвижения по пути устойчивого развития. Эти негативные тенденции проявляются прежде всего в социально-экономической сфере: растет безработица, идет снижение темпов экономического развития, в сложных условиях функционирует банковская система, все больше появляется очагов социальной напряженности, усиливается инфляция, и впервые за многие годы принимается дефицитный бюджет страны. Появляются новые стратегические риски и негативные тенденции в условиях глобального экономического кризиса, нарушающего стабильное поступательное развитие страны.

Смысл грядущего инновационно-стратегического поворота истории заключается в том, чтобы спасти человечество от предполагаемой гибели, от угрожающих в условиях глобализации разного рода кризисов и приближающихся планетарно-космических катастроф, вызванных не столько внешними причинами, сколько самим предыдущим и нынешним опасно-неустойчивым развитием цивилизации. Именно в самом этом все менее безопасном развитии скрывается «механизм», ведущий к быстрой деградации, а по сути, либо к скорому, либо медленному самоуничтожению человечества. Новая философия и политика в области безопасности акцентирует внимание на соединении обеспечения безопасности с поступательным развитием (без катаклизмов и катастроф), причем не через эконоцентрическое конкурентно-экстенсивное (модель неустойчивого развития), а инновационно-устойчивое сбалансированное развитие, минимизирующее количественные и максимизирующие качественные параметры, факторы и источники развития и использующее коэволюционно-консенсусные формы взаимодействия как с природой, так и внутри социума.

Традиционно ноосфера представляется как область будущего существования человеческого общества и его взаимодействия с природой, в которой разумная деятельность станет определяющим фактором социоприродного развития и которая сформируется в случае его выживания через переход к устойчивому развитию. В своей зрелой форме ноосфера видится как система коэволюции природы и общества, в котором наивысшего развития достигнет человеческий разум в своих различных формах и в целом, сформируется коллективный ноосферный интеллект.

Становление ноосферы требует создания новых информационно-управленческих структур и самое главное – формирования глобально-коллективного сознания человечества, ответственного за принятие опережающих и судьбоносных для всего человечества решений и их эффективную реализацию. В связи с этим обсуждается идея формирования ноосферного интеллекта как принципиально новой формы «общественного сознания» в формирующейся ноосфере, объединяющей интеллектуальные ресурсы человечества и средства информатики. Взаимодействие этих компонентов приведет к тому, что их совместный результат значительно превысит эффект каждого из составляющих в отдельности и впервые появится способность эффективного и опережающего управления и прогнозирования в глобальном масштабе.

Новый тип рациональности, соответствующий будущей эпохе ноосферы, будет характеризоваться следующими чертами.

1. Намечившиеся на постнеклассическом этапе науки тенденции сближения всех основных групп наук, превратятся в новое качественное состояние – единую науку, позволяющую решать проблему дальнейшего сохранения и поступательного движения ноосферы.

Единство науки опережающим образом соответствует модели устойчивого развития, объединяющей в одно системное целое экономические, социальные, политические и другие стороны и направления этого развития. Единство науки необходимо не только для получения системно-междисциплинарного знания, но и «ноосферной» экспертизы принимаемых решений и проектов.

2. Наука станет не просто доминирующим фактором становления ноосферной цивилизации, но и, как предполагал В. И. Вернадский, научная мысль окажется глобально-планетарным и даже космическим фактором (К. Э. Циолковский) дальнейшей эволюции. На базе науки появится глобальное управление и принятие рациональных решений (а не решений большинством, участвующих в голосовании), т. е. может появиться не просто электронная, а своего рода ноосферно-информационная демократия, или – ноократия, базирующаяся на будущей ноосферной науке.

3. Научная рациональность будет исходить не только из антропоцентрических интересов и ценностей, а более широких, связанных как с ценностями и интересами будущих поколений людей (пока еще не существующих), так и «интересов» природы, прежде всего биоты. Ценности и потребности современных поколений землян будут включены в социоприродную систему «человечество-природа» (человечество – Земля – Вселенная), в которой будет обеспечиваться непрерывное коэволюционное взаимодействие компонентов.

4. Новый тип рациональности будет исходить из равноправия как фактов прошлого и настоящего, так и виртуальных возможностей и бифуркаций «сюрпризов» будущего. К синергетическим факторам нелинейности и кооперативности добавится футурологический фактор детерминации будущим, кардинальным образом меняющий образ современной академической (фактологической) науки, по сути дела в основном ориентирующейся на прошлое и настоящее. Футуризация образа науки будет дополняться не только существенным развитием прогностической функции получения знания (и развитием опережающего

отражения во всех его формах), но и принятием набора опережающих решений (в которых знание и решения соединяются в одно целое, формируя будущую реальность). Наука будет изучать в одинаковой степени не только существующее, но и должное, поскольку с ее помощью разумное станет превращаться в действительное.

5. Поскольку на ноосферном этапе изменятся движущие силы, факторы и ресурсы развития, то приоритетным ресурсом окажется информация, заменяя и экономя вещественно-энергетические ресурсы. Движущим локомотивом устойчивого развития будет информация, а первой фазой ноосферогенеза станет информационное «устойчивое» общество в глобальном масштабе. Наука будет органически включена в социально-информационные и глобально-коммуникативные процессы получения информации (знания) и принятия решений.

В результате сформируется вначале гибридный социальный интеллект, а в дальнейшем так называемый ноосферный интеллект, ядром которого станет научная деятельность, включенная в глобально-космические средства новых информационных технологий. В дополнение к индивидуальному и общественному сознанию появится качественно новая форма интеллекта – ноосферный интеллект, как доминирующая форма рационализации информационно-духовной формы культуры. Наука в том смысле как она существует в модели неустойчивого развития завершит свое развитие и станет главным и неотъемлемым компонентом ноосферного интеллекта как социокультурной системы. Научный рационализм окажется составляющей и стороной «ноосферного рационализма» как формы и стиля информационно-интеллектуальной деятельности ноосферной цивилизации.

6. В виртуальной модели ноосферы научная рациональность не будет существовать сама по себе лишь (слабо либо сильно) соприкасаясь с социальным бытием, а выступит в качестве основного фактора созидания и развития ноосферы. Рациональность всегда выступала фактором выживания человечества на разных этапах его развития. Научная рациональность как высшая его форма также играла и играет в той или иной степени эту же роль. Но лишь на этапе ноосферы рациональность оказывается высшей ценностью, когда научная рациональность выступает стороной всех (или большинства) видов деятельности. Интересы и потребности станут рационализированными и в отличие от модели неустойчивого развития не будут вступать в непримиримые противоречия с разумными решениями и действиями единого глобализированного человечества.

7. Наконец, одной из важных особенностей ноосферной рациональности является новый образ науки – не только отображающий реальность, но и креативной, активно созидающей будущее социоприродное бытие. Во всех предыдущих моделях науки эта последняя опиралась на факты согласно принципу отражения: факт реально существовал и он отражается сознанием. В ноосферной науке эта ситуация сохраняется по отношению к отображению прошлого и настоящего, но в отношении будущего отображение невозможно, особенно когда будущее не зависит от предыдущих времен. Будущее виртуально конструируется сознанием и его модель в дальнейшем либо реализуется (полностью или частично) либо не воплощается в реальность.

Только для будущих концепций и теорий ноосферной науки в целом характерна новая функция – конструктивно-моделирующая (наряду с другими

функциями науки в модели неустойчивого развития). Благодаря этой функции можно будет не только предсказывать будущее, следующее из прошлого и настоящего, но и творчески формировать будущую – «нелинейную» социальную и социоприродную реальность. В этом одна из главных «культурно-технологических» особенностей ноосферной рациональности – вначале создается виртуальная модель будущего, а затем ее стремятся реализовать и, тем самым, превратить в практические действия и факты реальности.

При этом «конструктивная» часть будет играть наиболее существенную роль в ноосферной науке и определять отбор создаваемых вариантов будущего, зависящего от человека и человечества.

УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ КАК ЦИВИЛИЗАЦИИ НООСФЕРНОГО ТИПА

В. Г. Воронкова

В основе формирования интеллектуальной цивилизации лежат волны базисных инноваций, определяемых научными открытиями и большими изобретениями, которые способствуют становлению интеллектуальной цивилизации благодаря внедрению новых технологий и новых моделей поведения, которые создают предпосылки для социокультурных изменений. Изменение доминирующих поколений техники и технологий лежит в основе циклов, которые определяют изменение технологических или экономических укладов при переходе от одного цикла к другому, именуемыми Кондратьевскими [1]. Высокая волна эпохальных базисных инноваций демонстрирует собой переход к сверхдолгострочным цивилизационным циклам, определяемыми новым технологическим или энергоэкологическим способом производства, экономическим или социокультурным укладом, геополитическим мироустройством, который изменяет облик планеты.

Условиями формирования интеллектуальной цивилизации является инновационная среда, которая образуется в территориально замкнутых зонах, где создаются условия для интенсивного трансфера научных знаний, которые трансформируются в производство путем воплощения их в виде новых товаров или технологий. Сюда относятся наукограды, технополисы, научные и технологические парки, инкубаторы бизнеса, зоны сложных технологий, научно-технические центры. Информационное общество – самая развитая относительно технологического способа производства цивилизация, которая возникает вследствие информационно-компьютерной революции и базируется на интеллектуальных компьютерах, в которой главным ресурсом является интеллект и знания.

Интеллектуальная цивилизация – это цивилизация, детерминируемая технологической верой в прогресс человечества, который базируется на знании и интеллекте. Интеллектуальная цивилизация создается в процессе инновационного творческого процесса интеллектуальной элиты нации, которая создает приоритет своей нации среди других наций, а для этого элита должна быть патриотичной. Это процесс творческого созидания и творческой деятельности, в рамках которого

происходит не только духовно-интеллектуальное обогащение человека и человечества, но и созидание технико-технологическое, способное обеспечить нации прорыв в неизвестное, чтобы обеспечить ей достойное будущее. В интеллектуальной культуре как совокупности деятельностей, предметов, технологий, идей, всегда находится некоторое противоречие, которое движет миром и способом существования человека с целью его выживания. Здесь мы переходим от ценностей выживания отдельного индивида к ценностям выживания всего человечества, потому что каждая нация и все человечество должны побеспокоиться о своем выживании. Поэтому необходимо дать научное объяснение развития и формирования интеллектуальных систем в процессе протекания эволюции интеллектуальной системы в истории человечества (ноогенезис).

Объективные основы единства человечества базируются на следующем: 1) расширении и укреплении хозяйственно-экономических связей разных регионов планеты; 2) потребность совместных усилий в борьбе с экологическим кризисом; 3) потребность совместных усилий в преодолении военной угрозы; 4) инновационные прорывы нации и человечества. Парадигмальный характер кризиса современной цивилизации состоит в нарушении равновесия между инструментальным (технико-технологическим) и аналитическим (духовно-душевенным) отношением человека к самому себе и миру. Использование человечеством научной школы В. Вернадского открывает новые возможности становления ноосферного мышления как основы становления человечества как единого организма, в котором будет возрастать роль человека как преобразователя, который будет жить по законам коэволюции [2].

Формирование интеллектуальной цивилизации происходит в контексте «технико-экономической парадигмы», в которой этапы экономического развития, сопровождающиеся технологическими революциями. Волна инноваций (эпохальные, базисные, усовершенствующие) сопровождается сменой поколений техники, которые есть материально-технической основой экономических циклов. В зависимости от развития циклов, т. е. материально-технической основы развития той или иной страны, возрастает индекс интеллектуальности нации, который определяет уровень ее конкурентоспособности, условия для достойного существования и развития способностей индивидов. Как подтверждает практика, в периоды кризисов наблюдается резкое сокращение числа и масштабов инноваций, смещается акцент на инновационно-прорывной модели развития, в основе которой последовательная реализация инновационной стратегии как на национальном, так и на глобальном уровнях.

Формирование интеллектуальной цивилизации опирается на ноосферное управление, которое способствует преодолению деструктивных явлений, разумному отношению к природе, детерминируется ролью знаний, науки, информации. Философия ноосферного управления как синтез науки и искусства, знания и опыта, философии и этики, знаний и науки представляет собой широкое исследовательское поле для изучения современного социума с ориентацией на решение гуманистических задач цивилизации. Философия ноосферного управления базируется на культуре, которая определяет развитие самоуправленческих начал в формате аксиологических и гуманистических ценностей. В основе философии

ноосферного управления – гуманистические ценности, переход цивилизации на высший качественный уровень, в основе которого субъект-субъектное управление, базирующееся на когнитивно-рефлексивном управлении и качественном принятии управленческих решений. Когнитивно-рефлексивное управление включает: 1) рефлексивное управление; 2) управление знаниями; 3) управление сетевым обществом; 4) управление в рамках закона; 5) управление изменениями; 6) инфраструктурное управление (наука, образование, культура, молодежь, спорт); 7) управление информационными системами.

Ноосферная цивилизация ставит своей целью реализовать идею В. Вернадского о развитии гармонических отношений в социо-природных отношениях на основе знания, религии и философии. Она осмысливает представление об особенной роли человека как единственного носителя разума и направлена на формирование диалога между людьми различных цивилизаций, культурных традиций, национальностей, религиозных конфессий. Ноосферный взгляд на мир исходит из того, что «на вершине своего развития человек будет в состоянии творить мир параллельно с природой, не уничтожая мир, созданный им же самим» [3].

Ноосфера – это непрерывно расширяющаяся в пространстве и времени сфера разума и духа, сфера, на которой базируется жизнедеятельность современной цивилизации. В ноосферной цивилизации развивается ноосферная экономика, которая представляет собой «экономику общественного интеллекта», базирующаяся на образовательной экономике, в которой образование есть «базисом базиса», совокупностью материального и духовного воспроизводства человека. Ноосферу как глобальную социально-экономическую систему следует представить как комплекс четырех взаимосвязанных подсистем: 1) природной; 2) экономической; 3) социокультурной; 4) этносоциальной, определяющихся индексом социально-экономической гармонии и дисгармонии. Ноосферная цивилизация направлена на выявление имманентных духовных сил развития, которые способствуют воспроизводству таких составляющих компонентов общественного развития как экономика, политика, социальная и духовная сфера. Козволюция – это соразвитие взаимодействующих элементов системы, которая развивает и сохраняет свою целостность, представляя собой единый социальный организм. Поэтому уже сегодня следует развивать ноосферное мышление как синтез экономического и гуманитарного знания, базирующееся на разуме, морали, законе, справедливости, направленное на то, чтобы сохранить нашу цивилизацию.

Литература и источники

1. Вернадский, В. И. Биосфера и ноосфера / В. И. Вернадский. – М.: Айрис Пресс, 2007. – 576 с.
2. Вернадский, В. И. Биосфера и ноосфера / В. И. Вернадский // Мысли о ноосфере. – М.: Наука, 1989. – 261 с.
3. Воронкова, В. Г. Філософія розвитку сучасного суспільства: теоретико-методологічний контекст / В. Г. Воронкова. – Запоріжжя: РВВ ЗДІА, 2012. – 262 с.

СОЦИАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: ПОНЯТИЕ, СОДЕРЖАНИЕ, МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Т. Н. Миронова

Значительные изменения, происходящие в стране и мире в последнее время, требуют новых подходов к определению принципиальных основ и приоритетов деятельности в сфере обеспечения национальной безопасности. При этом особое значение приобретает социальные аспекты проблемы. Масштабность задач, решаемых в социальной сфере, постоянно возрастает. Уровень социального развития становится индикатором благополучия и конкурентоспособности общества, позволяет судить о перспективах его развития, в связи с чем, обеспечение безопасности в социальной сфере может быть определена как важнейшая составная часть национальной безопасности страны.

Во многом безопасность социальной сферы связана с обеспечением защиты экономических интересов каждого гражданина, гарантий общественной стабильности и опирается на принципы социальной справедливости и государственной ответственности за социальное воспроизводство человека, жизненно важных экономических и общественно-политических институтов.

Социальная сфера представляет собой специфическую область отношений между личностью, обществом и государством, складывающихся по поводу воспроизводства жизни человека в обществе как биологического, социального и духовного существа. В социальной сфере происходит реализация конституционных социальных прав личности: права на жизнь, на труд, на отдых, на охрану здоровья, на образование и др.

На основе такого подхода социальную безопасность может быть определена как состояние защищенности жизни, здоровья и экономического благополучия граждан, а также прав, свобод и духовно-нравственных ценностей общества от возможных угроз, способных нанести им ущерб, как на индивидуальном, так и на общем социальном уровне.

Благоприятная для безопасного общественного развития модель социальной сферы призвана обеспечить условия и средства, соответствующие общественным и индивидуальным представлениям о социальном благополучии каждого человека. Это предполагает увязку социальных притязаний с требованиями экономической эффективности. При этом следует отметить, что зависимость возможностей развития социальной сферы от состояния экономики очень велика, она влияет на масштабы социальной ответственности и на выбор приоритетов в социальной политике. Безопасность социальной сферы зависит от социальной политики государства. Социальная политика выступает инструментом обеспечения социальной безопасности как важнейшей стратегической цели государства.

Можно определить несколько основных направлений социальной политики, от которых зависит безопасность социальной сферы:

- 1) политика в сфере доходов населения;
- 2) политика в сфере труда и занятости;
- 3) политика в области социальной защиты и социальной поддержки населения;

- 4) демографическая политика;
- 5) миграционная политика;
- 6) политика развития отраслей социальной сферы (здравоохранение, образование, культура и др.).

Национальные интересы в социальной сфере могут быть сформулированы на основе анализа и оценки индикаторов, отражающих состояние каждого из отмеченных выше компонентов социальной сферы, в том числе:

- 1) интегральные индикаторы уровня и качества жизни;
- 2) индикаторы социальной защищенности и социальной стабильности;
- 3) индикаторы демографической безопасности.

Угрозы национальной безопасности Республики Беларусь в социальной сфере связаны с тенденциями и явлениями, которые способны негативно повлиять на уровень, качество и образ жизни населения, а также на устойчивое функционирование и развитие социальных институтов, и таким образом воспрепятствовать реализации национальных интересов в этой сфере. Источниками угроз в социальной сфере являются процессы и факторы, создающие реальные и потенциальные угрозы объектам безопасности.

В зависимости от источников выделяют внутренние и внешние угрозы.

Внутренние угрозы – это неспособность к самосохранению и саморазвитию, невозможность реализации национальных интересов в социальной сфере в полном объеме.

Внешние угрозы отражают объективные ограничения возможностей реализации национальных интересов в социальной сфере, обусловленные неблагоприятными тенденциями мирового и регионального развития.

В зависимости от характера угрозы могут быть традиционными и нетрадиционными (новые угрозы, зачастую носящие характер вызовов).

Традиционные (старые) угрозы связаны с наличием долгосрочных негативных тенденций в социальной сфере, фиксируемых как из внутренних, так и из внешних источников (например, депопуляция, миграция).

Нетрадиционные (новые) угрозы отражают возникновение новой негативной тенденции, преодоление которой невозможно в краткосрочном периоде. В связи с этим нетрадиционные угрозы зачастую носят характер вызова. Вызов – начальная степень обострения ситуации, критическое обострение традиционных угроз. Возникает при одновременном обострении более чем одной нетрадиционной угрозы, или при взаимоусилении традиционных и нетрадиционных угроз (например, незаконная миграция).

Методология исследования новых реалий в сфере социальной жизнедеятельности белорусского общества имплицитно подразумевает комплексность и полиаспектность проявлений факторов угрозы социальной безопасности и предполагает понятийную и концептуальную корреляцию основных нормативных показателей при теоретическом описании их динамики.

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ЦЕННОСТЬ

Н. А. Лазаревич

Для формирования и развития *интеллектуальной культуры* необходима определенная среда. Одним из понятий, характеризующих состояние такой среды, выступает *качество жизни*. С другой стороны, сам феномен интеллектуальной культуры выступает важнейшим индикатором качества жизни.

В настоящее время в Беларуси и за рубежом существует ряд концептуальных подходов к определению структуры качества жизни. Достаточно указать на три основных направления, в русле которых формируются понимание и методологическое значение понятия «качество жизни». В соответствии с первым из них качество жизни рассматривается как *объективная* характеристика, определяющая материальные условия и средства жизнеобеспечения человека (общества). В структуру качества жизни в этом случае включаются такие показатели, как качество питания, комфорт жилища, состояние окружающей среды, уровень здравоохранения, образования, сферы обслуживания населения и др. Но эти показатели могут дать только общую картину социального благополучия и поэтому нуждаются в качественной определенности. Неслучайно, термин «качество жизни» появился тогда, когда стало очевидно, что категория уровень жизни, употребляемый раньше для качественной оценки жизни, всесторонне не отражал благосостояние населения, прежде всего, на экзистенциальном уровне.

Поэтому второе направление делает акцент на *субъективных* составляющих качества жизни, представляющих собой оценочное отношение человека к жизненным условиям, различным материальным и культурным благам. Основными экзистенциальными характеристиками здесь выступают удовлетворенность жизнью, полнота реализации человеком своего внутреннего потенциала, переживания по поводу самого процесса и результата жизни и т. п. По сути, речь идет о так называемом «ощущаемом качестве жизни», что является не менее важным условием социальной жизни по сравнению с материальными условиями. Ощущаемое качество жизни – это внутренние убеждения человека по поводу его состоятельности и возможной самореализации. Это важный психологический стимул и регулятор жизни, который формируется на личностном уровне, и который должен обязательно присутствовать в системе существующих социальных отношений.

Очень часто объективная оценка уровня жизни и субъективное впечатление о степени удовлетворенности ею существенно различаются. Например, развиваемая в последнее время трактовка показателя «здоровье» человека, в которой физическое здоровье рассматривается как главная ценность, не отвечает концепции признания природы человека как биосоциального существа (или духовно-телесного – в религиозном понимании). Телесное (физическое) здоровье является лишь одной стороной целостного человеческого бытия. Реализация человеком в полной мере своих умственных, духовных, психических, творческих способностей может быть и в условиях пониженного или при отсутствии физического здоровья. Поэтому, индивидуальное здоровье – один из приоритетов, который рассматриваться не как отсутствие болезней, но как некоторое позитивное качество, зависящее от многих

факторов. Субъективная и объективная оценки близки между собой в одном отношении: за основу берется соответствие разных сторон жизни потребностям, интересам, ценностям и целям людей. Различия связаны с разной трактовкой сущности и успешности жизни; неоднозначным пониманием роли субъективных и объективных, экономических и внеэкономических факторов в формировании качества жизни.

Значение субъективных показателей определяется на основе Я-суждений человека о жизни. Эти суждения формируются на представлениях, возникающих в сфере психики человека в результате жизненного опыта. Проявляется качество жизни в субъективной удовлетворенности людей своей жизнью. Она включает ряд показателей, основными из которых являются: самооценка качества жизни как целостного феномена, (т. е., ответ человека на прямой вопрос об уровне качества его жизни; самооценка счастья; самооценка удовлетворенности жизнью; баланс положительных и отрицательных эмоций, удовлетворенность самим собой и своей жизнедеятельностью, ощущение гармонии жизни и т. д.). В качестве показателей субъективного качества жизни иногда используют психологические показатели: доминирующее настроение, тревожность, переживание стресса и др. Субъективные факторы качества жизни включают также систему экологических и демографических компонентов жизни [1, с. 34].

Наконец, к третьему направлению относятся те трактовки качества жизни и его структуры, в которые включены *как объективные, так и субъективные* характеристики, охватывающие все множество сторон, условий и отношений в системе «человек-жизнь». Это своего рода компромисс между стремлением к материальному достатку и внутренними нормами контроля поведения, основанного на духовных ценностях, самосознании и понимании смысла жизни, заботе о других. В этом понимании качество жизни рассматривается под более широким углом зрения, а именно, как составная часть социального идеала, который необходимо достигнуть, ориентируясь при этом на новые отношения между людьми и гармонию социальных и духовно-культурных ценностей. Категория «качество жизни» в этом случае расширяет возможности научного исследования благосостояния общества и становится теоретической базой для определения целей и задач его развития.

В таком понимании «качество жизни» – это комплексная интегральная характеристика направлений взаимодействия личности с ее социальным окружением, отражающая степень социальной свободы человека, возможности его всестороннего развития, совокупность материальных, культурных и духовных ценностей, представленных в его распоряжение.

Существуют различные научные подходы к построению интегрального показателя качества жизни. Как правило, в мировых сопоставлениях при изучении качества жизни используют показатель *индекса развития человеческого потенциала* (ИРЧП). Этот индекс рассчитывается как средняя арифметическая величина из индексов трех показателей: ожидаемая средняя продолжительность жизни, уровень образования населения и реальный среднедушевой валовой внутренний продукт, рассчитанный с учетом паритета покупательной способности национальной валюты.

В программах ООН, ЮНЕСКО, совместных программах Всемирного банка и Всемирного института ресурсов применяются различные оценки качества жизни.

Наиболее полная оценка качества жизни характерна для двух научно-практических направлений. Одно из них выступает за анализ дезинтегрированных индикаторов развития человека [2]. В русле этого направления идет отработка 15 базовых индикаторов, а также разработка и проверка методик сбора данных, позволяющих получить информацию для осуществления практических мероприятий. Подобный подход к пониманию качества жизни требует количественного анализа, ибо только в таком случае открываются возможности сравнительной оценки состояния жизни населения различных стран или отдельных групп общества в данной стране. Кроме того, возможность количественного анализа любой ситуации предопределяет перспективу целенаправленного управления ее развитием. Другое направление выступает за агрегированные, синтетические показатели и опирается на положения Г. Мюрдаля, основанные на междисциплинарных исследованиях уровня и качества жизни: «На деле существуют не экономические, социальные, экологические и прочие, а лишь взаимосвязанные и сложные проблемы» [3, с. 54].

Понятия «человек», «развитие» в рамках реализации концепции качества жизни как социальной ценности увязываются воедино. От способности государства адекватно выявлять потребности, ожидания и возможности адаптации различных социально-демографических групп населения и разрабатывать адресные стратегии социальной поддержки, защиты и помощи зависит эффективность реализуемой социальной политики и качество жизни населения. Достижение данной цели возможно только в результате осуществления эффективной социальной политики, модернизации экономики и развития культуры.

Литература и источники

1. Социально-психологическая концепция качества жизни: Словарь-справочник / сост. Е. А. Углова. – Ярославль: Ремдер, 2003. – 70 с.
2. Доклад о развитии человека. – Нью-Йорк; Оксфорд: «Оксфорд юниверсити пресс».
3. Myrdal, G. *Against the Stream. Critical essays in Economics* / G. Myrdal. – New York: Pantheon, 1973. – 336 p.

ФИЛОСОФИЯ И ФОРМИРОВАНИЕ КОНЦЕПТУАЛЬНО-КАТЕГОРИАЛЬНОГО АППАРАТА СОЦИАЛЬНОЙ ЭКОЛОГИИ

А. С. Червинский

Изменения природной среды обитания приводят к появлению принципиально нового уровня взаимодействия человека и природы, характеризующегося структурно-функциональной взаимоопределенностью природных и социальных факторов, и к возникновению искусственных экологических систем, в которых детерминация протекания природных процессов носит выраженный антропогенный и антропо-ориентированный характер. Все это требует нового подхода к формированию понятийного аппарата социальной экологии как молодой научной дисциплины. Эффективным вариантом решения проблемы является реализации методологического потенциала философии в контексте адаптации понятийной

структуры социальной экологии к нормам, традициям и регламентационным критериям философии.

Экологии не имеет пока достаточного понятийного базиса для адекватного описания сложных процессов реализации социоприродных противоречий, и традиционным недостатком таких исследований является оперирование условным, не имеющим должного концептуального завершения, понятийным рядом. В теории социального природопользования такой подход позволяет обогатить понятийную структуру социальной экологии путем конкретизации терминов «антропогенное влияние», «антропогенное воздействие», «антропогенное преобразование», а в практическом отношении значительно расширяет перспективы оценочной нормативности ее основных понятий.

В экологических исследованиях понятия «антропогенное влияние» и «антропогенное воздействие» часто смешиваются. Отсутствие единства мнений среди исследователей относительно того, какой смысл следует вкладывать в эти понятия, призванные отразить сущностные характеристики процесса взаимодействия человека и природы, осложняет решение конкретных теоретических и практических задач по дальнейшей рационализации природопользования.

Это обстоятельство актуализирует выявление общего и специфического как в понятиях, так и в отражаемых процессах. Отождествлять понятия «антропогенное воздействие» и «антропогенное влияние» неправомерно, так как они отражают разные уровни причинно-следственных связей между социальной деятельностью и возникновением энтропийных процессов в природной среде. Антропогенное воздействие предполагает практическую активность человека, осуществление деятельных актов по отношению к природной среде и выступает, таким образом, как процесс порождения факторов-причин. Антропогенное влияние, основываясь на практическом деятельном воздействии на природу, одновременно включает его последствия. В случае, когда порожденный социальной деятельностью фактор выступает как условие, антропогенная детерминация природных изменений носит косвенный, опосредованный характер и может быть выражена понятием «антропогенное влияние».

Качественный переход к «новому» предполагает формирование иной системы связей объекта с реальным миром, не имевшей аналога на предыдущих стадиях развития. Исходя из этого, историческая смена биомов в процессе сукцессии (как первичной, так и вторичной) не может быть определена как процесс качественных изменений биосферы, так как появляющиеся природные комплексы не являются принципиально новыми в биосфере. Очевидно, что качественными в полном смысле слова можно считать только те изменения, в результате которых происходит появление принципиально новых состояний природной среды, никогда ранее не имевшихся в биосфере.

Концептуальное оперирование философской категорией «взаимодействие» в социальной экологии имплицитно предполагает деятельный характер субъектно-объектных отношений, и специфика термина «социоприродное взаимодействие» не выводит понятийную ситуацию за рамки этого требования. На уровне системы «человек-природа» взаимодействие может реализоваться только деятельным образом, и понятие «социоприродное взаимодействие» призвано отражать процесс

функционального взаимодействия двух активных сторон.

Методологическое исследование содержания понятия «качество окружающей среды» имеет практическую значимость в контексте методологического обеспечения процессов оптимизации социоприродных взаимодействий, и в первую очередь той ее части, которая относится к проблеме формирования развитого понятийного аппарата и приобретения социальной экологией дисциплинарного характера. Концепт «качество среды» не может быть фиксированным в той же мере, как не могут быть статичными связи человека с окружающей его природной средой, поскольку понятие, отражающее функциональные социоприродные связи, в каждом конкретном случае наполняется определенным специфическим содержанием. Оптимальное, позитивное в одном отношении практически всегда ущербно, вредно в другом, а множественность связей в социоприродном взаимодействии выступает лишь аспектом многокачественности материальных объектов. Имея это обстоятельство в виду, можно сделать вывод о внутренне противоречивом характере самого термина «качество окружающей среды». При этом задаче устранения отмеченной особенности в естественнонаучной интерпретации термина служит его конкретизация через близкие по содержанию понятия «оптимальность», «полезность» и т. д.

Изложенный подход опирается на мощные традиции философского анализа понятийных структур, содержащие в концентрированном виде аккумулярованный опыт, достигнутый наукой на протяжении исторически длительного периода, и в этом плане выступает в роли средства, обеспечивающего эффективность естественнонаучного исследования.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНО-ГУМАНИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

Н. Е. Захарова

Экологическое образование и воспитание, непрерывное, всестороннее и обязательное, формирование на их основе экологической этики и культуры представляют условие и путь к интеллектуализации и гуманизации отношений общества и природы, отражают общественную необходимость и потребность в изучении и познании среды своего обитания, ее защиты и сохранения. Его цель - формирование системы знаний, взглядов и убеждений, направленных на воспитание моральной ответственности личности за состояние окружающей среды, осознание необходимости постоянной заботы о ней во всех видах деятельности.

Большинство педагогов Беларуси, Министерство образования, образовательные учреждения выдвигают экологическое образование в качестве приоритетного направления в своей деятельности. Основная работа в этом направлении осуществляется с молодым поколением в учреждениях общего среднего и начального профессионального образования, но явно недостаточно. В период экологического кризиса, когда в биосфере происходят необратимые изменения, ограничивающие жизненные возможности человека, экологическое образование

приобретает еще и особый социальный смысл. Это должно формироваться у человека с самых ранних лет – умение и жизненная потребность воспринимать природу и ее творения как великое и ничем не заменимое достояние и сущность нашей жизни. Они должны стать основой обучения и воспитания каждого человека, подрастающего поколения в особенности.

Необходимость смены культурных оснований индустриализма, переход человечества на новую ступень ответственности за устойчивость биосферы, опасность доминирования потребительских ценностей в обществе, чрезвычайно актуализируют значимость системы образования и ее научно-экологической составляющей.

Первые представления детей о природе закладываются в семье и детском саду. Дошкольники получают конкретные представления о растениях и животных, учатся их распознавать и классифицировать; ведут наблюдения за погодой, сезонными изменениями и т. д. Экологическое образование в школе как элемент общего образования связано с овладением учащимися научными основами взаимодействия природы и общества. В школе важнейшую роль в процессе экологического воспитания играет изучение природоведения. Однако поддержание общности задач учебно-воспитательной работы на уроках не только природоведения, но и изобразительного искусства, чтения и литературы, музыки позволяет развивать оптимальные взаимосвязи между этими предметами и использовать природоведческие знания на других уроках. Содержание экологического образования связано с утверждением идеала человека, для которого органично умение сохранять биологическое равновесие среды. Именно экологическое образование создает реальные возможности для осуществления этого подхода. Такой подход требует не только навыков эффективной производственной деятельности, но и воспитания чувства ответственности за ее последствия. Одной из задач экологического образования является формирование у учащихся умений оценивать состояние окружающей среды, ближайшего природного окружения [1, с. 38–39].

Одним из важнейших направлений экообразования в школе является разработка собственных экологических проектов: индивидуальных и групповых. Технология организации проектной деятельности школьников включает в себя совокупность исследовательских, поисковых и проблемных методов, творческих по своей сути, инструментально направленных на самостоятельную реализацию школьником задуманного результата. Темы детских проектных работ выбираются из содержания учебных предметов или из близких к ним областей. Такие проекты, коллективные и групповые, как «Чистый город», «Вода жизни», «Наши питомцы», «Птицы – наши друзья», «Собачья жизнь», «Мой природный мир», факультатив «Экология города», выпуски экологических газет и бюллетеней активно внедряются в белорусских школах [2, с. 98, 121–125].

Таким образом, экологическое образование и воспитание в начальной школе и затем в средней и старшей школе дает учащимся достаточно полное систематизированное представление об экологии и формирует необходимые предпосылки для более углубленного изучения экологии при приобретении специальности.

В вопросах о стратегии экологического образования существует проблема его

методической организации. Одни специалисты считают необходимым разработать отдельный предмет «Экология», который нужно вводить в содержание образования на различных уровнях, поскольку экологическое образование не эквивалентно биологическому, географическому и др., хотя и находится в тесной взаимосвязи. Другие утверждают, что более эффективной является «экологизация» всех учебных предметов, поскольку экологические проблемы носят глобальный, междисциплинарный характер.

Первый принцип нацелен на формирование экологических представлений через экологическое просвещение населения, через усвоение экологических знаний.

Второй - на формирование экологических отношений, что является уже прерогативой высшего образования. Главной непосредственной целью экологического образования в вузах можно считать формирование адаптивного, инновационно-интеллектуального потенциала специалиста ноосферного типа культуры [3, с. 235]. Такой специалист должен обладать не только философско-методологическим знанием о ноосфере, принципах экологизации производства, экономики, политики, организации социальной практики. Примером осуществления такого подхода к экологическому образованию может служить Международный государственный экологический университет им. Д. А. Сахарова. Его возникновение стало откликом общества на трагические события 1986 г. (авария на Чернобыльской АЭС), когда в стране практически не было специалистов, профессионально подготовленных для минимизации последствий радиационных аварий. Этого требовало и бурное развитие экологического образования во всем мире. Университет имени А. Д. Сахарова – единственное в Беларуси высшее учебное заведение по подготовке специалистов в области радиоэкологии, радиационной безопасности и мониторинга окружающей среды. В соответствии с Положением о радиационном контроле радиоактивного загрязнения от Чернобыльской катастрофы, МГЭУ им. А. Д. Сахарова, ГГУ им. Ф. Скорины и БГАТУ определены головными организациями по повышению квалификации работников республиканской сети радиационного контроля вне зависимости от ведомственной принадлежности [4, с. 50].

Сегодня необходимо включить рассмотрение экологических проблем во все учебные программы, так как эти проблемы становятся настолько серьезными и конкретными, что должны быть задействованы все каналы воздействия на личность. В осуществление поставленной задачи обязаны включиться педагоги независимо от специальности: экологи, биологи, географы должны принять участие в передаче экологических знаний, умений и навыков, а в формировании отношения к природе, целей взаимодействия с ней – все педагоги. Экологическое образование призвано формировать общественно-экологическое мировоззрение, правовые позиции, комплекс научных знаний, способность воплощать знания в практику, умение сотрудничать друг с другом; поднимать уровень культуры и интеллекта человека и общества в целом, совершенствовать моральные качества людей. Экологическое образование в условиях глобального экологического кризиса становится систематизирующим фактором образования в целом, определяющим его стратегические цели и ведущие направления, закладывая интеллектуальную основу школы будущего. Новая система экологических знаний должна помочь настоящим и

будущим специалистам организовать человеческую деятельность в условиях жесткого экологического императива [5, с. 260].

В экологическом образовании выделяется естественнонаучный подход, в рамках которого обучение проходит через знания по предметам: биология, химия, физика, астрономия, география и т. д. Этот подход отражает видение экологического кризиса как недостаток знаний об экосистемах разного уровня, о влиянии на них человека, о взаимосвязях. Наряду с ним существует ценностный подход, который рассматривает экологический кризис как результат превалирования материальных интересов над духовными. Человек должен прочувствовать свое родство с природой, умерить свои потребности и развивать духовную сферу.

Главной целью экологического образования является формирование у учащейся молодежи и общества в целом экологического мировоззрения на основе единства научных и практических знаний ответственного и положительного эмоционально-ценностного отношения к своему здоровью, окружающей среде, улучшению качества жизни, удовлетворению потребностей человека. Это формирование знаний, необходимых для понимания процессов, происходящих в системе «человек – общество – техника – природа», содействие решению локальных социально-экологических проблем; экологическое воспитание и выработка активной гражданской позиции, основанной на чувстве сопричастности к решению социально-экологических проблем и ответственности за состояние окружающей среды; умение анализировать экологические проблемы и прогнозировать последствия деятельности человека в природе, способностей самостоятельного и совместного принятия и реализации экологически значимых решений [6, с. 11–12].

Основными принципами экологического образования должны стать принцип экологизации, культурологичности, преемственности и сквозного обучения, интегративности или междисциплинарности, структурной взаимосвязанности глобального, регионального и локального уровней понимания экологических проблем, принцип единства познания, переживания и действия, практической направленности, и, наконец, творческого, критического, аналитического мышления. Очень важны интерактивные методы: через активное совместное обсуждение, участие в деловых играх, приобретение опыта и его анализ, группа приобретает не только знания по различным экологическим вопросам, но научается (а зачастую и сама вырабатывает) конкретным способам, методам, технологиям решения тех или иных экологических проблем. Кроме того, такое интерактивное обучение комплексно воздействует на человека, и он уже не просто знает и умеет, он еще и хочет заниматься экологической деятельностью [7, с. 5]. Методологию и методики изучения экологии должен отличать нравственный аспект, что потребует в определенной степени пересмотра современного состояния педагогической системы.

Литература и источники

1. Захлебный, А. Н. Экологическая компетенция школьника как цель обучения / А. Н. Захлебный, Е. Н. Дзятковская // Экология и жизнь. – 2009. – №10. – С. 36–41.
2. Экологическая педагогика: организация экологического воспитания и образования, формирование экологической культуры: сб. науч. статей / УО «Гродненский гос. ун-т им. Я. Купалы»; [редкол.: О. М. Дорошко (гл. ред.) и др.]. – Гродно: ГрГУ, 2011. – 207 с.

3. Бурак, П. М. Философско-методологические основания ноосферного образования / П. М. Бурак // Информационно-образовательные и воспитательные стратегии в современном обществе: национальный и глобальный контекст: материалы международной научной конференции, г. Минск, 12–13 ноября 2009 г. / Институт философии Национальной академии наук. – Минск, 2009. – С. 234–237.

4. Кундас, С. П. Изменить взгляд на мир / С. П. Кундас // Наука и инновации. – 2012. – №5. – С. 49–51.

5. Хворостов, А. Ю. Унификация современного профессионального экологического образования / А. Ю. Хворостов // Информационно-образовательные и воспитательные стратегии в современном обществе: национальный и глобальный контекст: материалы международной научной конференции, г. Минск, 12–13 ноября 2009 г. / Институт философии Национальной академии наук. – Минск. – С. 258–261.

6. Борисевич, А. Р. Экологическое образование в контексте концепции устойчивого развития / А. Р. Борисевич // Труды Белорусского государственного технологического университета. Серия V, История, философия, филология. – 2010. – Вып. 18. – С. 10–14.

7. Моисеев, Н. Н. Экологическое образование и экологизация образования / Н. Н. Моисеев // Экология и жизнь. – 2010. – № 8. – С. 4–6.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ БЕЛАРУСИ

А. В. Воскобович

Модернизация современного общества определяется его способностью к трансформациям с учетом внутренней специфики на основе сочетания локального и универсального, укрепления национальной самобытности и позитивных изменений во всех сферах жизнедеятельности человека с учетом технологических новаций.

Для Республики Беларусь сегодня справедлив вывод о том, что наиболее перспективной формой роста общественного богатства становится развитие человеческого капитала, а наиболее выгодными инвестициями – инвестиции в знания. Общественное богатство во все большей степени ассоциируется с обладанием информацией; особое значение приобретает интеллектуальный капитал, причем не просто воплощенный в предметах материального мира, а персонифицированный, связанный с конкретными субъектами.

В последнее время тема роста интеллектуального капитала связывается с его социоэкологической интерпретацией, которая подразумевает выделение комплекса проблемных блоков: от медико-биологических до социально-политических. Взаимная корреляция между ними затруднена отсутствием общих методологических оснований оценки состояния окружающей среды, что особенно тревожно в контексте усиления антропогенного пресса на биосферу. Как субъект общественно-исторической деятельности и культуры, осваивая природу и преобразуя себя, человек стал главным фактором часто неуправляемых изменений как в социальной сфере, так и в сфере социоприродных отношений.

Комплексная аналитическая интерпретация экологической ситуации, осуществленная на основе принципа взаимозависимости природных и социальных

факторов, позволяет представить оптимизацию социоприродной среды Беларуси как ее нормативную гармонизацию, выражающую степень взаимной адаптации и определяющую пределы антропогенной нагрузки на среду обитания. Такой подход способствует формированию нормативных параметров природообразующей деятельности, позволяющих сохранить системную целостность экокомплексов; обеспечить условия нормальной жизнедеятельности человека; сохранить оптимальность соотношения между деятельностью по охране природы и хозяйственным использованием природных ресурсов.

Актуальными становятся меры, обеспечивающие сохранение экологических спецификаций социально-экономического развития отдельных регионов страны, а также стабилизирующие тенденции в поддержании национальной и социокультурной идентичности белорусского общества. Эффективное использование культурно-нравственного потенциала отечественной традиции, обеспечение преемственности развития культуры наряду с поддержкой культурных инноваций и внедрением социоэкологических ориентиров жизни – необходимое условие разработки национальной стратегии устойчивого развития.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА В ТЕРМИНАХ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ И ЗДРАВСОЗИДАНИЯ

Л. Ю. Мазаник

В современном мире активно навязывается принцип силы, агрессии, во многих странах падает жизненный уровень, в общественных отношениях развиваются нездоровые тенденции. Поэтому обсуждение и развитие темы интеллектуальной культуры со стороны ее духовно-нравственных аспектов и, в частности, в терминах здорового образа жизни и здравосозидания видится крайне актуальным. Раскрытие концепции *здравосозидания* в качестве вектора пути развития интеграционных процессов и роста национального самосознания видится как тенденция и запрос общемирового цивилизационного процесса.

Многие пункты данной концепции были изложены автором данной статьи еще в 2002 году в публикации «К вопросу о национальной идее» [1, с. 11], где они касались больше развития союзнических отношений Беларуси и России, поиска пути развития самого белорусского государства, и статье «Здравосозидание как концепция развития интеграционных процессов» в 2014 году

Здравосозидание рассматривается нами как более высокий уровень понимания жизни и поведения, нежели здоровый образ жизни (ЗОЖ), где основной упор ложится на формирование улучшенных стандартов качества, стиля жизни, отказ от вредных привычек, развитие методов и средств помощи, взаимопомощи и др. Здравосозидание по сути может развиваться (и предполагает развитие) только в условиях роста экологической и эндоэкологической грамотности населения. Поэтому в концепцию здравосозидания (ЗОЖиЗ или ЗОЖиС созидания) обязательно закладывается осознание культуры основных базовых параметров жизнеобеспечения человека (или его эндо-экологического меню), без знания и понимания важности

взаимосвязей которых здравосозидание невозможно. К ним относятся десять параметров: воздух, сон (отдых), вода, питание, коммуникация (общение), движение, теплообмен, труд (деятельность, производство), воспроизводство, утилизация. А также шесть параметров уровня: пространство, время, цвет, свет, вибрации, связи [2; 3; 4].

Все параметры системны, работают на всех уровнях иерархии и связаны между собой. Так, если в концепцию здравосозидания одним из важнейших пунктов входит формирование долголетия, то необходимо ясно понимать, зачем человеку и человечеству долголетие необходимо.

Необходимо развивать технологии оздоровления, здорового образа жизни и здравосозидания во всех сферах жизни и, в первую очередь, в здоровье, семье, трудовых, правовых отношениях, обучении. Следует понимать, что здравосозидание – это не только здоровый образ жизни, но и уровень более развитых отношений в личном, социальном, гражданском, технологическом, экономическом, правовом, межгосударственном строительстве, психологии здоровья и духовного возрождения. Здравосозидание включает совершенствование культуры правовых, этических и нравственных норм и отношений. Необходимо внедрять технологии оздоровления мирового созидания основанные на научно-техническом прогрессе с «человеческим лицом», на экологически чистых, гармоничных подходах к Человеку и Природе.

Здравосозидание в союзе с межгосударственной интеграцией необходимо в первую очередь для бережного сохранения природных ресурсов, среди которых и сам человек как неотъемлемый участник всех процессов систем человек-машина-среда, человек-природа-техника-общество.

Следует способствовать возвращению человека к земле и созданию родовых поместий, мест экологического туризма по типу агрогородков, способных восстановить на новой основе традиционные человеческие ценности: семья, дети, здоровье, душевное спокойствие и благосостояние, трудолюбие, развитие ремесел, взаимопомощь (взаимо-со-действие), разнообразие трудовых отношений. Также необходимо способствовать организации и распространению коллективных действий в борьбе против «стихии зла» в разных ее проявлениях (в природе, военных и гражданских конфликтах, информационных технологиях, психологических воздействиях и т. д.), проведению мирных созидательных инициатив.

Важно развивать всеобщую социально-психологическую грамотность, технологии межличностного, социального общения, гражданских инициатив, разрешения конфликтных ситуаций и споров (в том числе геополитических) мирным путем (за счет совершенствования мирных и демократично-правовых методов осуществления переговоров, контактов, референдумов, совершенствования гражданских актов и конституционных начал). Стремиться к достижению высокой духовности через осознание и служение высоким идеалам. Пропагандировать эти идеалы во всех сферах жизни.

Мы не изобретаем новое, а расставляем акценты в известном. На вопрос: «В каком обществе Вы бы хотели жить: гражданского согласия, миротворческих инициатив, здравосозидания», – большинство отвечает: «Эти идеи не противоречат, а дополняют друг друга. Поэтому могут реально становиться основой отношений и вектором развития в любом формате».

Когда человек достигает понимания важности этих параметров – интеллектуальная культура будет развиваться в терминах ЗОЖ и ЗОЖиС как гармоничный продукт здорового человека, семьи, коллектива, общества, трудовых, межгосударственных отношений, в меру самостоятельных и интегрированных. Понятным становится притяжение к технологиям целостного человековиденья, развития методов и средств усиления гармоничных обратных связей на клеточном уровне в режиме саморегуляции и др. [3; 4].

Формирование интеллектуальной культуры в терминах ЗОЖ, ЗОЖиС, осознания экологичности и эндо-экологичности, окультуривание знаний в области биоэнергетики могут служить основой построения экономических, производственных, финансовых отношений. Безусловно, политика здравосозидания нуждается в осознании, опоре на личностно-заинтересованный и административный ресурс, время, волеизъявление коллективов и каждого человека.

Литература и источники

1. Мазаник, Л. Ю. К вопросу о национальной идее / Л. Ю. Мазаник // Экспресс Новости. – 2002. – 17 нояб. – №43 (271).

2. Мазаник, Л. Ю. Здравосозидательный подход к решению проблемы дефицита внимания и гиперактивности / Л. Ю. Мазаник // Здоровый образ жизни – основа профессионального и творческого: тез. докл. науч-практ конф., Минск, 29–30 января 2007 г. – Минск: Академия управления при Президенте РБ, 2007.

3. Мазаник, Л. Ю. Методы и средства обеспечения функциональной и экологической устойчивости человека и перспективы их использования в спортивной практике / Л. Ю. Мазаник // Сб. науч. ст к 60-летию кафедры физ. воспитания и спорта БГУ: Инновационные процессы в физическом воспитании студентов / редкол.: В.А. Коледа (отв. ред). – Минск: БГУ, 2009. – С. 132–135.

4. Мазаник, Л. Ю., Экологический ресурс повышения устойчивости надежности, работоспособности системы «человек-машина-среда // Материалы международной научно-технической конференции «Инновации в машиностроении» – 2012» ИОМаш НАН Беларуси, г. Минск, 17–19 октября 2012 г. – Минск, 2012.

РОЛЬ БИОЭТИКИ В КОНТЕКСТЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Н. А. Степаненко

Феномен интеллектуальной культуры обусловлен наличием субъектов интеллектуальной культуры, которые несут и транслируют знания в процессе интеллектуального взаимодействия.

Интеллектуальная культура, являясь главнейшим элементом общей культуры личности, определяет интенциональность и кругозор, действия и стратегии, позволяющие проникнуть в глубинный смысл получаемой информации. Можно сказать, что интеллект отдельного человека – это умственная культура этого человека, способность и любовь к творчеству, саморазвитию и мудрости.

Современная социокультурная ситуация относительно формирования интеллектуальной культуры личности характеризуется следующими важнейшими

фрагментами: во-первых, для того, чтобы эффективно решать жизненные проблемы и рационально планировать вектора и стратегии достижения целей, человеку необходимо умение выделять определенную задачу и осуществлять активную мыслительную обработку нужной информации, что определяет уровень оперативности его интеллектуальных умений.

Во-вторых, интеллектуальная культура предусматривает формирование таких навыков, которые связаны с развитием творческого мышления личности, самостоятельности, пылливости и глубины ума, способности познавать, обучаться, мыслить логически, систематизировать, анализировать, классифицировать информацию, определяя ее актуальность, нужность, применимость и, конечно, эвристичность.

В-третьих, интеллектуальная культура личности является отражением общей духовно-нравственной и профессиональной культуры человека.

Свидетельством интеллектуальной культуры человека является уровень культуры его мышления и речи, глубины понимания происходящих процессов, способности к прогнозированию.

И, в-четвертых, важно отметить, что основу интеллекта составляют знания, не только и не столько информация, а именно знания, полученные в результате осмысления определенного практического, теоретического и духовно-нравственного опыта человека. Поэтому, знания являются базовым компонентом интеллектуальной культуры. «Каждый акт освоения тех или иных знаний, – писал выдающийся психолог и философ С. Л. Рубинштейн, – предполагает в качестве своего внутреннего условия соответствующую продвинутость мышления, необходимую для освоения дальнейших знаний. В процессе освоения некоторой элементарной системы знаний, заключающей в себе определенную логику соответствующего предмета, у человека формируется логический строй мышления, служащий необходимой внутренней предпосылкой для освоения системы знаний более высокого порядка» [1, с. 71].

Для формирования культуры мышления и в целом организации процесса познания существует методологическая культура. Культура методологической деятельности, включающая в себя осознание, формулирование и творческое решение задач, методологическую рефлекссию, предполагает владение образцами этой деятельности, имеющимися в социальной памяти.

Среди многих важных философских проблем современного познания особое значение имеют вопросы существенного изменения методологии научного исследования, в частности, гуманитаризации различных областей естествознания. Для того чтобы результаты развития научного познания не противоречили нравственным нормам общественной и индивидуальной жизни, ценности научной и социальной сфер должны быть интегрированы в систему соответствующих моральных установок [2; 3].

На наш взгляд, современное развитие естественнонаучной и гуманитарной сфер познания представляет собой единый, взаимообусловленный, коэволюционный процесс, в котором роль универсального трансформатора может выполнять биоэтика. Биоэтическая проблематика не только чрезвычайно перспективная область научного исследования живой природы и человека, но и показательная с точки зрения выявления новых тенденций социокультурного развития. Социальные условия

содержат в себе основания и предпосылки гуманизации знания, которые выражаются в виде определенных норм и приоритетов. Биоэтика анализирует нравственный опыт различных культур с целью выявления, сохранения и распространения наилучших традиций сохранения жизни. Поэтому на биоэтику возлагаются задачи формирования адекватной программы гуманизации естественнонаучного и технического знания.

Цель биоэтики – создание новой аксиологической парадигмы, основными приоритетами которой являются сохранение естественной природной среды и принятие ответственных решений в сфере охраны здоровья человека.

Выступая продолжением этико-философской мысли XX столетия, биоэтика основывается на различных теоретических моделях, которые являются базисными для формирования биоэтических представлений. Речь идет об инвайроментальной теории, биофилософии, этике благоговения перед жизнью А. Швейцера, глубинной экологии, деонтологической этике, валеологии. Основателем биоэтики является американский биолог XX столетия Ван Ранселер Поттер.

В биоэтике нашли свое отражение особенности и тенденции глобальных изменений в современном мире и соответствующие им поиски новой системы нравственных ориентиров и смыслов производства и использования научного знания. При этом духовная реформация будущего связывается с возрождением этикоцентричных и биофильных традиций мировой культуры, с биоэтическим поиском оптимального варианта решения проблем сохранения жизни, на основе изменения мировоззренческих доминант современного человека. Очевидно, в общей форме содержание процессов биоэтических исследований заключается в поиске и анализе причин изучаемых явлений, их возможно более полном и точном объяснении, что создает теоретические предпосылки для будущей социокультурной практики.

Нынешнее состояние биоэтики, можно охарактеризовать как нравственно-интеллектуальный поиск аксиологического статуса всего онтологического разнообразия живой природы с учетом результатов наиболее перспективных и актуальных направлений научного исследования. Вместе с тем, проблема определения ценностного значения различных биологических объектов должна быть раскрыта на основе глубокого философско-методологического осмысления. В данном плане потенциальным объектом исследования биоэтики может быть любое живое существо или биологический вид, актуальным же предметом биоэтических исследований являются нравственные противоречия, связанные с различными традиционными представлениями об уникальности, сложности и хрупкости жизни.

Перспектива развития биоэтики ориентирована на изучение предмета биоэтики в контексте современных реалий с учетом трансформации различных (в том числе и отечественных) традиций сохранения жизни. При этом необходимо подчеркнуть, что биоэтические идеи в последние десятилетия оказывают существенное влияние на изменение подобных социокультурных традиций.

Биоэтика, являясь синтетической теорией, содержит комплексный разноплановый анализ не только данных биомедицинских и экологических наук, но и регулятивный опыт различных социокультурных традиций с целью интеграции этих знаний в систему аксиологических установок социальной деятельности.

Литература и источники

1. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – СПб., 2000. – 712 с.
2. Иванюшин, А. Я. Биоэтика: проблемы, трудности, перспективы. Материалы «круглого стола» / А. Я. Иванюшин // Вопросы философии. – 1992. – №10. – С. 14–16.
3. Вековщина, С. В., Кулиниченко В. Л. Биоэтика: начала и основания (Философско-методологический анализ) / С. В. Вековщина, В. Л. Кулиниченко. – Киев, 2002. – 152 с.

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ЭТИКА И РЕЛИГИОЗНОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ

О. Г. Шаврова

Актуализация экологической проблематики в контексте кризиса техногенной цивилизации вызвала особый интерес к мировоззренческим аспектам взаимодействия человека и общества с природой. В связи с осмыслением причин и последствий экологического кризиса, а также поиском возможных способов его разрешения сформировалась экологическая этика, стали активно обсуждаться вопросы экологического сознания и экологической культуры. Экологическая этика сместила акценты с технико-технологических, социально-экономических и политических аспектов глобальной цивилизационной динамики на морально-этические и духовно-нравственные вопросы.

В экологической этике подчеркивается глубокий разрыв между существующим экологическим и этическим развитием человечества, при этом перспектива и достижения «глобального равновесия» как основы устойчивого развития общества обосновывается необходимостью изменения этических ценностей и нравственных ориентаций в сфере социоприродного взаимодействия. Возможность преодоления экологического кризиса связывается с формированием нового отношения к окружающей среде, основой которого должна стать этика, утверждающая единство природных и человеческих ценностей и предполагающая высокий уровень ответственности за будущее планеты.

Экологическая этика развивается как совокупность норм и ценностей, выражающих многосторонние связи и отношения человека и общества с окружающей средой. Она формулирует нормативные и ценностные предпосылки нового способа жизнедеятельности человека, обеспечивающего коэволюцию общества и природы. Преодолевая сложившийся в процессе техногенного развития утилитарно-потребительский подход к природе, экологическая этика задает новые мировоззренческие ориентиры развития современного общества, направленные на гармонизацию социоприродных отношений.

Необходимость аксиологического изменения сложившегося в техногенной цивилизации отношения к природе обосновывается в философии русского космизма (В. С. Соловьев, П. А. Флоренский, Н. А. Умов, Н. Ф. Федоров, В. И. Вернадский, А. Л. Чижевский, Н. Г. Холодный, К. Э. Циолковский). Развивая идею о единстве человека и мира как микро- и макрокосмоса, представители русского космизма разрабатывают представление о разумных основаниях планетарных процессов,

нравственной ответственности науки, коэволюционном развитии общества и природы. Этические принципы взаимодействия человека и общества с природой обосновываются в учении о ноосфере П. Тейяра де Шардена и В. И. Вернадского, а также коэволюционной теории Н. Н. Моисеева.

Концептуальные положения экологической этики обнаруживаются в творчестве А. Швейцера и О. Леопольда. Они сформулировали и обосновали идеи, ставшие фундаментальными для экологической этики: утверждение необходимости нравственного отношения человека к природе и бесперспективности восприятия ее как «ресурсного» материала для поддержания собственного благополучия, расширение сферы этической ответственности и включение в этику вопроса о взаимодействии человека и общества с окружающей природной средой, преодоление антропоцентризма и др.

«Благоговение перед жизнью», согласно А. Швейцеру, должно стать исходным основанием универсальной этики и мировоззрения людей в целом. Суть данного этического принципа заключается в том, чтобы «высказывать равное благоговение перед жизнью как по отношению к моей воле к жизни, так и по отношению к любой другой... Добро – то, что служит сохранению и развитию жизни, зло есть то, что уничтожает жизнь и препятствует ей» [1, с. 218]. Мировоззрение благоговения перед жизнью, по А. Швейцеру, представляет собой первую ступень религиозного отношения к миру, дающую человеку твердую духовную опору – чувство единства со всей жизнью, наполняющей Вселенную, а деятельное служение ей одухотворяет и наполняет смыслом его собственную жизнь.

Обосновывая концепцию экологической этики как «этики Земли», О. Леопольд утверждает, что человек должен осознать свое положение на Земле как рядового обитателя и научиться уважать права других членов биотического сообщества. Распространение этики на взаимоотношения человека с его окружением он рассматривает как экологическую необходимость и эволюционную возможность человечества.

В настоящее время выделяются такие направления экологической этики как экоцентризм и биоцентризм, экофилософия, глубинная экология, экофеминизм и др. К числу наиболее известных версий экологической этики относятся: концепция экологических ценностей Б. Калликотта, этика экологической ответственности Р. Агтфилда, этика экологического долга Х. Ролстона III, экофилософия Ю. Харгроува, глубинная экология А. Нейса, трансперсональная экология У. Фокса.

Мировоззренческие аспекты взаимоотношений человека и общества с природой приобретают особое значение в экологической парадигме развития современного общества. В рамках данной парадигмы оформляются концепции, связывающие «образы будущего» с формированием новой экологической культуры, которая будет основана на глубоком понимании неразрывной связи человека с природой. Все чаще обсуждаются вопросы, касающиеся взаимосвязи и взаимодействия экологии и религии в решении глобальных социально-экологических проблем человечества.

Важнейшим условием преодоления глобальной социально-экологической нестабильности в христианстве считается религиозно-нравственное совершенствование личности и повсеместное распространение христианских

ценностей и идеалов. В социально-экологических концепциях христианства особое внимание уделяется религиозно-этическим аспектам мировой социодинамики. Признается тесная связь экологических проблем с проблемами предотвращения войны и обеспечения мира, научно-технического прогресса, социально-экономического неравенства, здравоохранения, образования и культуры, духовного развития личности, религиозной терпимости и др.

Рассуждая о «жизни в миру», Иоанн Павел II пишет: «Мы осваиваем природные ресурсы и пользуемся ими, не зная меры. В результате возникает прямая угроза природе как естественной среде обитания человека – нашему общему «дому». Во имя нынешних и будущих поколений непременно должна восторжествовать этика почитания человеческой жизни и достоинства» [2, с. 70]. Иоанн Павел II характеризует экологический кризис как нравственную проблему и обращает внимание на необходимость новой солидарности стран и регионов мира в решении глобальных проблем человечества.

Сохранение мира и гармонизация отношений с природой – важнейшие вопросы, к которым в настоящее время обращается экуменическое движение, выступающее за взаимопонимание и сотрудничество христианских конфессий и стремящееся к диалогу с различными религиями мира под лозунгом «через единство церквей к единству человечества». Защита окружающей среды становится актуальным призывом к экуменическому объединению с целью усиления межконфессионального взаимодействия в решении глобальных социальных и экологических проблем, затрагивающих основы существования человечества в целом и каждого отдельного человека.

Поиск новых мировоззренческих приоритетов и ценностных установок современного общества с целью гармонизации отношений в системе «человек – общество – природа» находит свое выражение во все большем признании актуальности концепции устойчивого развития. Особое значение в формировании нового экологического мировоззрения как основы устойчивого развития общества приобретают экофильные идеи, развитые в христианстве, буддизме, исламе и других религиях мира. Религиозные традиции играют важную роль в развитии экологического сознания, экологической этики и экологической культуры. Актуализация опыта мировых и локальных религий может способствовать минимизации последствий глобальной социально-экологической нестабильности и выработке стратегии устойчивого развития общества в условиях глобальных экологических изменений.

Литература и источники

1. Швейцер, А. Благоговение перед жизнью / А. Швейцер. – М., 1992.
2. Иоанн Павел II. Идите с миром: Дар бессмертной любви (избранные речи и молитвы) / Иоанн Павел II. – М., 2004.

РОЛЬ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В РАЗРЕШЕНИИ ПРОБЛЕМ СОЦИОПРИРОДНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Т. В. Зайковская

Современный мир стремительно обретает черты целостности в процессе глобализации, что проявляется в тесном взаимодействии цивилизаций и их культурных традиций. Сегодня важно понимать глобализацию как уникальное пересечение межкультурных влияний во всех сферах: политической, военной, экономической, миграционной и, обретающих особенное значение, – культурной и экологической. На сегодняшний день уже в мировом масштабе обозначилась тенденция смещения интересов властных структур в сферу контроля над социокультурными (в том числе экологическими) процессами.

Уже к концу XX века человечество в полной мере ощутило серьезность обострения глобальных экологических проблем, разрешение которых с настоятельностью требует максимальной сплоченности всех участников межкультурного диалога для принятия осознанных и согласованных решений. Тенденция к вступлению ведущих мировых держав в межкультурный диалог обусловлена как требованиями современности, так и самой логикой исторического развития. Республика Беларусь, будучи активным участником современных глобализационных процессов, также способна внести вклад в сокровищницу мирового культурного многообразия.

Ввиду очевидных тенденций завоевания Беларусью авторитета на международной арене, правительством предпринимаются определенные попытки достижения стойких позиций не только в сфере экономики и политики, но и в вопросах науки и культуры.

Можно согласиться, что «негативным последствием советской системы, долгое время господствовавшей на нашей территории, стал диссонанс между повышающимся материальным благосостоянием населения и отставанием уровня духовно-нравственного развития» [1, с. 36]. На нынешнем этапе формирования международного имиджа нашей страны необходимо определиться, какими путями и средствами она сможет добиться подобающего ей места в мировом сообществе. Несомненно, что для достижения данной цели наиболее перспективным и реальным направлением является развитие и модернизация сферы культуры, ее интеграция в формирующуюся систему международной культурной коммуникации.

Так сложилось исторически, что Беларусь – многонациональное государство, чьи духовные, культурные и экологические ценности сыграли заметную роль в формировании общей культуры Восточной Европы. И теперь нет необходимости отгораживаться от мира, ревниво охраняя своеобразие своей культуры, ибо, как отмечает Г. Померанц, именно в «диалоге цивилизаций каждая культура обретает вновь свою идентичность, возвращается к своим истокам. Значение коммуникации состоит в том, что в этом процессе актуализируются истинные ценности, а ложные рожденные тавтологией и парадоксом в самоописаниях культуры, теряют свое значение» [2, с. 73]. Диалог – всегда выражение собственной идентичности, а ее осознание – это ключевая предпосылка для ведения диалога.

В настоящее время феномен диалога рассматривается как надежное средство разрешения многочисленных проблем, возникающих в общечеловеческом доме, будь то национальные, религиозные или межкультурные конфликты. Диалог выступает такой формой межличностного контакта, которая делает возможным мирное урегулирование многих проблем и конфликтов, а вести диалог возможно практически в любой сфере человеческой деятельности. В генезисе культуры диалог также является совершенно органичной формой, например, когда между собой сталкиваются две совершенно разные культурные традиции. Их представители, не чурающиеся диалога, приходят к осознанию, что человечество во всех основных его измерениях уже преодолело былую разрозненность и стало интегральным целым, и теперь просто необходимо учиться коммуникации, менять систему отсчета, а не считать свою культуру эталоном для всех.

Диалог выступает неизменным атрибутом в любой сфере жизнедеятельности человека, так как он открывает доступ к новым идеям и помогает понять оппонента и его систему ценностей. В межкультурном контексте диалог содействует формированию взаимопонимания и взаимоуважения у представителей разных культур.

Опыт поиска новых, инновационных путей развития человечества, а также ревизионистский подход к пониманию универсальных мировоззренческих и аксиологических его оснований определяют диалог как наиболее перспективное направление духовной эволюции социума. В настоящее время отмечается смена мировоззренческой общекультурной парадигмы, что проявляется в выходе за пределы устоявшегося модернистского мышления и в утверждении принципа диалогизма. Таким образом, диалог в системе культуры – один из самых доступных и совершенных путей межкультурной коммуникации.

Современные глобализационные процессы способствуют новому, «планетарному» подходу к пониманию экологических проблем и направляют мировое сообщество к поиску более современных целостных конструктивных подходов формирования экологической культуры. Наиболее важный из них – это межкультурная коммуникация. Дело в том, что межкультурное общение содержит в себе мощный воспитательный потенциал. Межкультурный диалог дает возможность сравнить себя с другими и через это обрести новый опыт социоприродного взаимодействия. В то же время именно встреча с другими культурами дает возможность более глубоко осознать и оценить свои национальные духовно-нравственные ценности. Именно в условиях межкультурного диалога наша культура получает возможность рефлексивно использовать достижения других культур для собственного развития.

Литература и источники

1. Библер, В. С. Культура. Диалог культур (опыт определения) / В. С. Библер // Вопросы философии. – 1989. – № 6. – С. 31–42.
2. Померанц, Г. Диалог культурных миров / Г. Померанц // Общественные науки и современность. – 1994. – № 5. – С. 170–174.

ДУХОВНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

О. В. Шубаро

Интеллектуальная культура является важнейшим фактором, необходимым для нормального функционирования общества. Чем выше уровень интеллектуальной культуры, чем более заметное присутствие в обществе людей, которые обладают высокими интеллектуальными, аналитическими и творческими способностями, тем более устойчивым, гармоничным, жизнеспособным является общество в целом. И наоборот, снижение числа носителей интеллектуальной культуры, снижение авторитета интеллектуальной деятельности закономерно приводит к застою, деградации общества и всех составляющих его систем.

Как известно, понятие «культура» многозначно. Чаще всего культуру определяют как совокупность созданных человеком ценностей; как процесс духовного обогащения человека; как «систему исторически развивающихся надбиологических программ человеческой жизнедеятельности (деятельности, поведения, общения) обеспечивающих воспроизводство и изменение социальной жизни во всех основных ее проявлениях» [1, с. 341].

Соответственно, под интеллектуальной культурой подразумевают культуру умственного труда, творческие достижения в интеллектуальной сфере. Интеллектуальная культура предъявляет особые требования к ее носителям – высокий уровень образованности, наличие самостоятельности мышления, осознание приоритета общечеловеческих ценностей, выработку умения видеть явления в противоречии, осуществление должной их оценки, наличие активного стремления и умения учиться, постоянное пополнение знания, формирование творческого подхода к любому делу. В широком смысле интеллектуальная культура – это многообразие интеллектуальных достижений человечества, навыки мышления, способы концептуализации представлений о мире.

Одна из серьезных проблем в этом контексте – специфика духовного, проблема соотношения духовного и интеллектуального начал в культуре. Традиционно эта проблема обозначалась как соотношение веры и разума, практического и теоретического разума, идеологии и науки. В философии XIX и отчасти XX в. было популярным разделение культуры на материальную (многообразие производимых человеком предметов, а также природные вещи и явления, измененные воздействием человека) и духовную (совокупность продуктов духовной и интеллектуальной деятельности человека, не имеющей вещного характера – религиозные и мифологические идеи, философские концепции, научные теории, нравы и обычаи и т. д.).

Размытость понятия «духовная и интеллектуальная деятельность» в социо-

гуманитарном знании советского периода привело к формированию представления о духовном производстве. Парадокс заключался в том, что элементы духовной культуры (религия, философия, искусство, идеология) включались в состав производительных сил («наука – производительная сила»), рассматривались в качестве продуктов духовной сферы производства.

В современной философии, особенно в постмодернизме, противопоставление материальной и духовной культуры утратило свою роль, так как поставлено под сомнение традиционное разделение субъекта и объекта. Искусственно моделируемый (репродуцируемый) опыт освобожден от субъекта. В виртуальной реальности нет места для традиционно понимаемых субъекта и объекта, их место занимает симулякр, а, следовательно, исчезает основа для противопоставления материальной и духовной культуры.

Попытка преодолеть сложившуюся ситуацию приводит к трактовке духовности как «свойства души, состоящего в преобладании духовных, нравственных и интеллектуальных интересов над материальными» [2, с. 186]. Но такое понимание духовности означает, что духовное не выходит за рамки психического, душевного (сознание, мышление, воля). В итоге духовность оказывается тождественна простому приобщению к культуре, поскольку культура в целом рассматривается как совокупность интеллектуальных, нравственных, художественных и прочих (духовных) ценностей. Так понятая духовность может трактоваться как культура в высоком смысле этого слова.

Возможно, проблема в том, что исчезла связь понятия духовности с религиозным сознанием, христианским пониманием духовности. Правила построения философского дискурса сложились таким образом, что всякая отсылка к опыту веры считается нелегитимной. Однако в контексте иудеохристианской традиции Дух Божий – это творческое, созидательное начало: «В начале сотворил Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою» (Бт. 1:1–2). Дух исходит от Бога как дар, благословение.

В христианстве Святой Дух – одна из ипостасей Святой Троицы – понимается как полнота присутствия Бога в мире. Согласно Евангелию, «Дух дышит, где хочет» (Ин. 3:8). В силу своего всеприсутствия Дух Святой может пребывать в уверовавшем человеке, сообщая ему познание Бога и мира, приобщая к духовной жизни.

Апостол Павел, перечисляя сокровища Святого Духа, даруемые через его благодать, пишет: «Плод же Духа: любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание» (Гал. 5:22–23). Согласно Евангелию от Луки, Иисус заканчивает свою беседу о молитве прямым указанием на то, что «Отец Небесный даст Духа Святого просящим у Него» (Лк. 11:13). Это находится в полном согласии с указанием о цели жизни человека, заключающейся, с точки зрения христианства, в стяжании Духа Святого. В известной христианской молитве Дух Святой называется «Царь Небесный», «Утешитель», а также «Дух Истины». После перечисления свойств Святого Духа имеется просьба к нему – прийти к нам, вселиться в нас и очистить наши души «от всякия скверны», т.е. спасти нас. Святые отцы писали о различении в себе Духа Животворящего и духа мертвящего, убивающего душу человека.

Таким образом, в традиции библейского богословия духовность вовсе не является понятием, синонимичным понятиям образованность, интеллектуализм, культурность, душевное совершенство. Духовность – это прорыв к инобытию, присутствие Бога в душе человека, переживание трансцендентного, открытость, интерес к миру и ближнему. Согласно Антонию, митрополиту Сурожскому, «духовность – это воздействие Святого Духа на душу человека и отклик с его стороны» [3, с. 222].

Безусловно, духовность не исключает знаний, рациональности, интеллекта. В сознании человека духовное и интеллектуальное взаимно дополняют друг друга. Эта взаимосвязь является цивилизационной нормой – интеллектуально развитый человек, но не обладающий уровнем развития духовной культуры, опасен для общества и цивилизации в целом. Однако современная цивилизация ориентирована прежде всего на развитие интеллектуальной, инновационной составляющей, потому что наука и технологии как бесспорные носители интеллектуального начала дают более заметный и быстрый результат в виде технологического прогресса, экономического превосходства. В этой ситуации не стоит забывать, о подлинном воплощении духовности – морали, религии. В человеческом сознании и культуре должны присутствовать оба мира, поскольку в формировании окружающего мира участвуют и духовное и интеллектуальное начала культуры. Современное состояние культуры, исторически фундированной иудео-христианскими ценностями, в целом таково, что она продолжает использовать систему понятий и принципов отношения к миру, сформированных в религиозной системе, но парадоксальным образом отрицает духовные основания, на которых построена эта система. В результате эти понятия претерпевают инфляцию (пример, «духовность»). Но именно духовная составляющая культуры, генетически связанная и поддерживающая многообразие культурно-исторических типов, не позволяет исчезнуть современной цивилизации, окончательно раствориться в унифицированной системе глобального мира.

Стереотипы общественного мнения часто противопоставляют разум и веру, научные технологии и духовные нормы. В этом случае вера трактуется как бессилие, ограниченность, а Церковь как институт подавления свободомыслия. Но антиинтеллектуализм не свойствен религии, иначе как можно отказать человеку в наличии разума, если он, согласно, библейскому богословию, создан «по образу и подобию Бога». В этом случае можно говорить о гармонии веры и разума: «вера должна быть разумной, а разум – верным».

Возвращение к духовности в том, изначальном понимании этого слова, пожалуй, можно рассматривать в качестве одного из условий выживания современной европейской цивилизации. Именно мышление является ключевым понятием в современной трактовке термина интеллект. Соответственно, и интеллектуальную культуру чаще понимают как совокупность интеллектуальных знаний. Но только интеллект в сочетании с высоким уровнем духовности придает осмысленность существования и перспективу выживания для каждого человека независимо от конкретных условий, в которых он находится.

Литература и источники

1. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии РАН; предс. научно-ред. совета В.С. Стёпин. – М., 2000–2001. – Т.2.
2. Ожегов, С.И. Словарь русского языка: 70 000 слов / С. И. Ожегов; под ред. Н. Ю. Шведовой. – М., 1990.
3. Антоний (Блум), митр. Сурожский. Царственное священство мирян / Антоний (Блум), митр. Сурожский // Церковь. – Киев, 2005.

ПОНЯТИЕ ПРАВСТВЕННОСТИ В СВЕТЕ ДИАЛЕКТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

О. А. Павловская

В настоящее время ведется активный поиск эффективных методологических подходов к исследованию актуальных философских проблем, в том числе и проблем духовно-нравственного характера. По-разному оцениваются сегодня суть и значение диалектического подхода. Критическое отношение к нему, имевшее место в 90-е годы XX в., все более сменяется стремлением переосмыслить его, творчески использовать в ходе философского анализа происходящих трансформаций социальной и индивидуальной жизни. Заложенные в основе диалектического метода принципы, законы и категории, позволяющие устанавливать всеобщую взаимосвязь в природном, общественном и человеческом бытии, движение и развитие, их источники и движущие силы, механизмы преобразования могут служить исходной философско-теоретической базой для разработки оригинальных авторских научно-исследовательских концепций.

С позиций диалектического подхода представляется интересным и конструктивным в методологическом плане переосмыслить положения гегелевской философии по проблеме онтологических оснований нравственности. Как отмечает известный исследователь немецкой классической философии А. В. Гулыга, «гегелевская диалектика зарождается как средство решить этические проблемы» [1, с. 240].

Известно, что исходной позицией в философском творчестве Гегеля является позиция объективного идеализма, что предполагает признание «абсолютного духа» в качестве своего рода «прародителя» наличного (действительного) бытия, а также последовательное воплощение этого духа в различных формах материальной и духовной жизни, сопровождаемое одновременным процессом его самопознания. Однако эта исходная позиция не умаляет заслуги Гегеля в разработке важных в методологическом плане положений, позволяющих увидеть источники и механизмы духовного развития человека и общества в общем русле исторического процесса. В значительной мере это касается и проблемы нравственности. Следует отметить, что именно этот ракурс философского творчества Гегеля не получил еще достаточно глубокого изучения в отечественной философской науке.

Поднятая Кантом проблема морали как законодательствующей силы в жизни человека получила свое развитие в творчестве Гегеля. Он предложил развернутую систему движения духа через самоотчуждение и последующее от него освобождение

к тождеству субъекта и объекта. И, как следует из «Феноменологии духа», в этом движении важная роль отводится именно нравственности, которая непосредственно включена в этот всеобщий процесс и проявляет свою противоречивую сущность: с одной стороны, обеспечивая устойчивость и стабильность общественных связей, с другой – выступая источником активных познавательных устремлений и практических действий индивидов.

Диалектическое движение абсолютного разума проходит ряд сменяющих друг друга стадий (ступеней) своего развития, преобразования и восхождения в реальной жизни человека – сознание, самосознание, разум. Весь этот процесс начинается на стадии чувственного восприятия реальности (чувственной достоверности), которая представляет собой только «видимость *богатейшего* познания, больше того, видимость познания бесконечного богатства, ... видимость *самой подлинной* достоверности» [2, с. 51]. Следующие шаги в познании связаны с деятельностью рассудка, который в конце концов сталкивается со сверхчувственным миром, который представляется ему в виде «*покоящегося царства законов*». «Рассудок мнит при этом, будто он нашел всеобщий закон, выражающий всеобщую действительность *как таковую*; но на деле он нашел только *понятие самого закона*, однако так, что он в то же время этим говорит: *вся действительность в себе самой* закономерна» [2, с. 81–82].

На стадии самосознания значительно расширяются возможности познания, и прежде всего это связано с подключением к этому процессу нравственного компонента, который выступает в виде «царства нравственности», к которому устремляется человеческий разум и которое раскрывается для него через понятия. «Эта нравственная *субстанция*, взятая в *абстракции всеобщности*, есть лишь *мысленный* закон; но столь же непосредственно она есть действительное *самосознание*, или: она есть *нравы*» [2, с. 188]. Нравы для людей и для каждого из них в отдельности приобретают силу объективного закона, которому они всецело подчиняются и следование которому обеспечивает упорядоченность и спокойствие общественной жизни. «Разум наличествует как текучая всеобщая *субстанция*, как неизменная простая *вещность*, рассыпающаяся на множество совершенно самостоятельных сущностей, подобно свету в звездах, – бесчисленными для себя сверкающими точками. ... они сознают, что они суть эти единичные самостоятельные сущности благодаря тому, что они жертвуют своей единичностью, и эта всеобщая субстанция есть их душа и сущность, подобно тому как это всеобщее в свою очередь есть *действие* их как отдельных лиц или ими созданное *произведение*» [2, с. 188–189].

Нравы по своей субстанциональной сути непосредственно связаны с жизнью народа как естественного сообщества людей, где «индивид познает эту субстанцию не только как свою *всеобщую* предметную вещь, но в равной мере и себя в ней или в разъединенном виде в своей собственной индивидуальности и в каждом из своих сограждан» [2, с. 189]. Как отмечает Гегель, такая гармония отношений народа и индивида посредством действия нравов исторически была характерна на ранних этапах человеческой истории, представляла собой «наличествующий живой дух» и расценивалась как всеобщее «счастливое состояние» [2, с. 189–190].

Но диалектическое движение духа продолжается, и рано или поздно происходит нарушение данной идиллии, истоки которого заключены в природе

самосознания, которое как «единичное сознание видит себя теперь сущностью, но уже не всеобщим духом» [2, с. 190], и этот единичный дух все более отчетливо начинает ощущать стремление к обретению своего личного счастья. Налицо противоречие между всеобщим в виде народа, народных нравов и индивидуальным в виде отдельных индивидов и их желаний и устремлений. «Индивид противопоставлен законам и нравам; они – только мысль, лишенная абсолютной сущности, абстрактная теория, лишенная действительности; индивид же как «это я» видит себя живой истиной» [2, с. 190]. Индивид под воздействием своих вожделений, стремлений к получению удовольствий и наслаждений попадает в стихию чувств и действий. Сознание индивида «погружается в жизнь и осуществляет чистую индивидуальность, в которой оно выступает. Оно не создает себе своего счастья, а скорее непосредственно берет его и наслаждается им. Тени науки, законов и принципов, которые одни только стоят между ним и его собственной действительностью, исчезают как безжизненный туман, который оно не может воспринять с достоверностью своей реальности; оно берет себе жизнь, как срывают зрелый плод, который в такой же мере сам падает к нам в руки, как и мы берем его» [2, с. 193]. Находясь в этом состоянии, индивид может либо ощущать позитивные реакции в случае быстрой реализации его вожделений либо, напротив, иметь негативное значение для себя самого от их неисполнения. Но такая достаточно упрощенная форма проявления единичного духа по своей сути является его беднейшей формой.

Подняться в определенной мере над своим наличным существованием индивиду на уровне самосознания может помочь «закон сердца», как его называет Гегель. Этот закон представляет собой некоторую возможность для человека погрузиться в самом себе в сферу всеобщего нравственного закона, что достигается посредством «рефлексии сознания в себе». «Закон, который непосредственно есть собственный закон самосознания, или сердце, содержащее в себе однако закон, есть та *цель*, которую самосознание старается осуществить». Этот закон есть не что иное, как определенное проявление законодательствующей силы нравственности как субстанции на уровне индивидуального сознания, новая форма самосознания, «но она богаче определением, согласно которому она считает это *для-себя-бытие* необходимым или всеобщим» [2, с. 196]. «Закон сердца» сказывается на качественной определенности индивидуальности человека. «Она, следовательно, уже более не есть легкомыслие прежней формы, которая желала только единичное удовольствие, а есть серьезность некоторой высокой цели, ищущая своего удовольствия в проявлении своей собственной *превосходной* сущности и в созидании *блага человечества*» [2, с. 197].

Таким образом, на уровне самосознания нравственная субстанция («царство нравственности») проявляет себя в двух ипостасях: 1) в *нравах* как воплощении народного духа, в котором царствует всеобщность, а единичность подчиняется ей и даже растворяется в ней; 2) в «законе сердца» как выражении индивидуального стремления к счастью, что позволяет хотя бы мысленно вычленив единичное из всеобщего и начать весьма осторожно осознавать его позитивный потенциал для своего становления как части «царства нравственности», а затем, возможно, и переносить свое для-себя-бытие на жизнь народа.

Однако и этот размеренный ход бытия нравственной субстанции может нарушаться, что обусловлено рассогласованием между «законом сердца» и законом действительности. «Закон, который противостоит закону сердца, отделен от сердца и свободен для себя. Человечество, которое ему принадлежит, живет не в ошастливливающем единстве закона с сердцем, а или в жестоком разладе и страдании, или по меньшей мере лишенным наслаждения *самим собою* при *соблюдении* закона и в недостатке сознания собственного превосходства при *нарушении* его» [2, с. 197]. Это противоречие может постепенно вносить, а по мере его обострения заметно усиливать проявления напряженности, враждебности между отдельным индивидом и другими людьми. «Таким образом, индивид находит, что, как прежде только жесткий закон, так теперь сами сердца людей противятся его превосходным намерениям и отвращаются от них» [2, с. 199]. Поэтому действующий порядок вещей с позиции «закона сердца» принимается за «мертвую действительность». Но это только одна сторона наличного бытия. С другой стороны, самосознание в этих условиях открывает для себя значение всеобщего – нравов: «то, в чем оно не узнает себя, уже не есть мертвая необходимость, а есть необходимость, в которую всеобщая индивидуальность вдохнула жизнь» [2, с. 199]. Жизненный опыт подсказывает индивидуальному самосознанию, что общий ход вещей не так плох, как ему может казаться, и поэтому «отпадает средство создать доброе путем *пожертвования* индивидуальностью». Находясь в состоянии данного противоречия, самосознание и существует в стихийном потоке субстанционального. Результатом этого процесса является формирование индивидуальности, которая выступает «как первоначальная, определенная натура» [2, с. 211]. «Индивидуальность как раз в том и состоит, что она *в такой же мере* есть *всеобщее*, и потому спокойно и непосредственно сливается *с имеющимся налицо* всеобщим, с нравами, обычаями и т. д., а также с ними соотнобразуется, в *какой* она противопоставляет себя им и, напротив, преобразовывает их...» [2, с. 163].

Подытоживая диалектическое движение духа на уровне индивидуального самосознания, Гегель отмечает, что никакие искажения и отвлечения субъективно-чувственного характера не могут изменить в целом субстанциональный поток жизни, в котором нравственное является его неотъемлемой закономерной частью. «Нравственный образ мыслей в том именно и состоит, чтобы непоколебимо и твердо стоять на том, что правильно, и воздерживаться от всякого колебания, расшатывания и умаления его» [2, с. 232]. Самосознание индивида с позиции здравомыслия признает в качестве доминанты своего духовного развития субстанционально нравственное и подчиняется ему, растворяется в нем. «Я нахожусь в нравственной субстанции благодаря тому, что правильное для меня есть *в себе* и *для себя*, и таким образом эта субстанция есть *сущность* самосознания; а это последнее есть ее *действительность* и *наличное бытие*, ее *самость* и *воля*» [2, с. 232].

На следующем витке своего диалектического движения дух попадает в сферу общественных отношений, и здесь также отчетливо обнаруживает себя нравственность как онтологическая сущность. «Нравственная субстанция, стало быть, в этом определении есть *действительная* субстанция, абсолютный дух *реализован* в множественности наличного *сознания*; он есть *общественность*» [2, с. 237]. В общественной сфере отчетливо выявляются два противоположных модуса

существования нравственной субстанции: 1) мир реальных человеческих отношений в своей «предметной стихии» – «царство образованности», 2) мир веры в своей «стихии мысли» – «царство сущностей». То есть происходит разделение первоначально единой нравственной субстанции (нравственного мира=духовного мира) на две части – посюсторонний мир и потусторонний мир, где действуют соответственно человеческий закон и божественный закон.

Человеческий закон представляет собой реальную духовную силу, которая руководит людьми и которой они сами руководствуются в действительных отношениях. В форме всеобщности этот закон выступает в виде общеизвестного закона (права) и общественных нравов, в форме единичности этот закон проявляется в действиях (поступках) индивида и деятельности правительства как своеобразной формы индивидуальности в составе государства. В человеческом законе нравственная субстанция непосредственно проявляет себя через *нравы*, которые являются воплощением субстанции *народа* как естественной общности людей.

Божественный закон в реальных человеческих отношениях воспринимается как потусторонняя действительная всеобщность и как таковая «она есть насилие над индивидуальным для-себя-бытием» [2, с. 237]. В божественном законе отражена и нравственность в своей простой и непосредственной сущности: с одной стороны, как понятие, с другой – как момент самосознания. «Самосознание, выражающее нравственность в этой стихии *непосредственности* или *бытия*, или *непосредственное* сознание себя как сущности и как "этой" самости в "*ином*", т.е. *естественная нравственная общественность*, – есть *семья*» [2, с. 238]. Гегель считает, что здесь, на уровне семьи, нравственно-субстанциональное как выражение божественного закона проявляется именно в отношениях брата и сестры (а не в отношениях мужа и жены, родителей и детей).

Но, помимо этого непосредственного стихийного проявления нравственности как на уровне реализации человеческого закона, так и на уровне соблюдения божественного закона, в реальных человеческих отношениях начинает выделяться то, что открывается посредством познания и осознания нравственного мира в ходе общественной деятельности по образованию и просвещению масс («сознательная нравственная сущность»). Это противоречие таит в себе как источник опасности, который может привести к обострению отношений между людьми, а также и источник для их духовного роста. Гегель раскрывает внутренние механизмы функционирования человеческого и божественного закона в обществе, достаточно подробно расписывает возможные варианты обострения реальных отношений, обусловленные как раздвоением нравственной субстанции на два мира, так и различного рода противоречиями, возникающими между объективными и субъективными сторонами в составе каждого из них и во взаимоотношениях между собой.

Следующий виток диалектики абсолютного духа открывает область *моральности*. Здесь нравственность выступает в снятом виде, в виде морального мировоззрения, нравственно-субстанциональное преобразуется в новую сущность, обретает новые формы субъективно-объективного существования. Целесообразность разведения Гегелем понятий нравственности и моральности (морали), собственно, и была продиктована использованием диалектического метода. Гегель весьма

лаконично выражает суть перехода на уровень морали: «Но оба мира, постигнутые духом, который, утратив самого себя, уходит внутрь себя, постигнутые понятием, ввергаются в хаос и революционизируются *здравомыслием* и его распространением – *просвещением*; и царство, разросшееся и разделившееся на *посюстороннее* и *потустороннее*, возвращается в самосознание, которое теперь в *морали* постигает себя как сущность, а сущность – как действительную самость и уже не выносит из себя наружу своего *мира* и его *основы*, а предоставляет всему ислетъ внутри себя и в качестве *совести* (Gewissen) оказывается духом, обладающим *достоверностью* (der gewisse) *себя самого*» [2, с. 235]. Совесть как «свобода самости внутри себя самой», обладая мощнейшим внутренним потенциалом духовных сил, обретает способность понимать, что есть добро и зло, долг и справедливость, распознавать проявления зла в различных формах сознания и деятельности, уметь прощать и находить пути для примирения. Гегель заключает: «Итак, совесть в величии своего превосходства над определенным законом и всяким содержанием долга вкладывает любое содержание в свое знание и проявление воли; она есть моральная гениальность, знающая, что внутренний голос ее непосредственного знания есть голос божественный, и так как в этом знании она столь же непосредственно знает наличное бытие, она есть божественная творческая сила, в понятии которой заключается жизненность. Она есть точно так же богослужение внутри себя самой; ибо совершение ею поступков есть созерцание этой ее собственной божественности» [2, с. 351–352].

Таким образом, представленный Гегелем процесс духовного развития как диалектическое взаимодействие и снятие различных объективных и субъективных сторон убедительно демонстрирует ведущую роль нравственности как онтологической законодательной силы в ходе его осуществления. Нравственная субстанция изначально представлена как непосредственное воплощение духа, как своего рода «нравственное царство», которое «в своем *устойчивом существовании* есть непорочный, никаким разладом незапятнанный мир». «Нравственное царство» как внешне заданная сущность по отношению к индивиду посредством своего диалектического движения в индивидуальной и общественной жизни, «движения мира образованности и веры», преобразуется во внутреннем мире личности в новую форму, моральность – своего рода «нравственное царство внутри меня», тем самым достигается главный результат гегелевской диалектики – самосознание абсолютного духа.

Оценивая значение гегелевского диалектического метода (используемого в «Феноменологии духа») применительно к проблеме нравственности, следует отметить: во-первых, этот метод значительно повышает статус понятия нравственности в системе философских категорий; во-вторых, он позволяет рассматривать нравственную сферу в развитии через обнаружение противоречий и их последовательное снятие; в-третьих, с его помощью раскрывается возрастающая роль нравственности как в жизни отдельного человека, так и в восхождении человеческого сообщества по пути исторического прогресса.

Литература и источники

1. Гулыга, А. В. Немецкая классическая философия / А.В. Гулыга. – [2-е изд., испр. и доп.]. – М.: Айрис-Пресс, 2001. – 414 с.
2. Гегель, Г. В. Ф. Феноменология духа / Г.В.Ф. Гегель; пер. Г. Шпета. – М.: Соцэкгиз, 1959. – 440 с.

МОРАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Е. В. Беляева

В статьях и выступлениях последнего времени академик А. А. Гусейнов развивает мысли о том, что в классической философии этика играла центральную роль, была «сердцем» философии, определяющим смысл онтологических и гносеологических построений. В современном же философствовании этот пафос в значительной мере утерян, «философия фактически сняла с себя обязанность указывать путь этически достойного существования» [1, с. 21], из-за чего само философское мышление во многом утратило свою специфику и предназначение. Тенденция элиминирования моральных аспектов философствования прослеживается и при формировании проблемного поля, связанного с понятием интеллектуальной культуры.

Философия на протяжении веков оперировала понятием «разум», и рационализм выступал господствующим направлением в истории этической мысли, которое обосновывало неразрывную взаимосвязь интеллекта и морали. Со времен Сократа мудрец – это одновременно человек высокой интеллектуальной культуры и высокой нравственности. Разум неизменно понимался как нравственный, ценностно-ориентированный разум. Вводя различие рассудка и разума, немецкая трансцендентальная философия акцентировала внимание на духовных функциях последнего в отличие от механического функционирования рассудка. Многие последующие мыслители обосновывали убеждение, что разум без морали либо бесчеловечен, либо вообще не является разумом. Именно в моральном дискурсе разум наделяется статусом добра и подымается на вершину иерархии ценностей. Вне морали разум оказывается инструментом, средством, а не целью.

Несмотря на то, что в современных словарях понятия «разум» и «интеллект» трактуются как полные синонимы, употребление термина «интеллектуальная культура» задает специфический ракурс рассмотрения всей философской проблематики. Возникающие в этом поле понятийные инновации все более отдаляют понимание интеллекта от классических представлений о разуме. Термин «интеллектуальный потенциал» вводит рассуждение в дискурс физики, подчеркивает энергетическую заряженность разума как источника результатов мышления, которыми можно воспользоваться. Понятие «интеллектуального капитала» характеризует функционирование разума в экономическом пространстве, в котором он рассматривается как товар, средство производства денег. В результате статус разума не только принижается, но искажается.

Говоря о нравственном разуме, философия неизменно подчеркивала его

универсальность, объединяющую роль, общечеловеческое значение, возвышающее каждого, кто обладает разумом. Идеалы Просвещения провозглашали способность каждого человека приблизиться к сокровищам духа. Интеллектуальная же культура, скорее, отчуждает людей интеллектуальных от тех, кто не получил хорошего образования. Интеллектуальный капитал – это то, чем никто не станет делиться. Если культура Просвещения полагала, если два человека обмениваются идеями, то у каждого становится в два раза больше идей, то при продаже интеллектуального капитала его владелец получает деньги, но, кажется, лишается разума.

История разума не имеет национальной или другой «местечковой» специфики, в то время история интеллектуальной культуры явно регионализируется, в этом ключе история белорусской интеллектуальной культуры выступает предметом особой гордости и заботы. У белорусского общества действительно есть достойная интеллектуальная культура, сформированная на протяжении ряда поколений, однако сама постановка вопроса о национальной интеллектуальной культуре вызывает вопрос о ее месте в глобальном контексте. В то время как тот, кто пользуется разумом, сам по себе находится в центре созидания смысла, не нуждаясь в мировом признании и индексе Хирша.

Субъектами интеллектуальной культуры выступают интеллектуалы, в то время как культуру разума развивали представители интеллигенции. О различии между интеллигенцией и интеллектуалами написано немало, и все эти тексты фиксируют неутешительную ценностную разницу между ними.

Как показал В. Л. Иноземцев, постиндустриальная культура действительно эволюционировала в направлении становления класса интеллектуалов [2]. Однако среди социальных, властных, экономических характеристик этого класса напрочь отсутствуют нравственные добродетели и обоснование собственной этики как пути правильной жизни. Между тем, Р. Рорти считает, что современная интеллектуальная культура не стремится «отказаться от поисков универсального рецепта Праведной Человеческой Жизни (The Good Life for Man)», что эволюция западных интеллектуалов «от религии через философию к литературе» не является контр-Просвещением, отказом от идеалов. Он верит, что она продолжает традицию Просвещения иными, лучшими методами [3].

Будем предполагать, что, несмотря на то, что в программе конференции нет никакого указания на моральные аспекты интеллектуальной культуры, в процессе ее проведения таковые будут обнаружены, однако их наличие остается скорее вопросом, чем утверждением.

Литература и источники

1. Гусейнов, А. А. Философия как этический проект / А.А. Гусейнов // Вопросы философии. – 2014. – №5. – С. 16–26.
2. Иноземцев, В. Л. «Класс интеллектуалов» в постиндустриальном обществе / В. Л. Иноземцев // Социс. – 2000. – №6. – С. 67–77.
3. Рорти, Р. От религии через философию к литературе: путь западных интеллектуалов / Р. Рорти // ЕНУ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: moodle.ehu.lt. – Дата доступа: 27.09.2014.

ИНТЕЛЛЕКТ В ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЕ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

В. И. Огородник, И. С. Огородник

Понятие «интеллектуальная культура» образовано из содержания понятия «интеллект», и прежде чем анализировать интеллектуальную культуру, следует рассмотреть содержание понятия интеллект. В науке, в частности в психологии, интеллект (от лат. *intellectus* – понимание) рассматривается как качество психики, состоящее в способности адаптации к изменяющимся условиям существования, способности к обучению и применению своих знаний для управления окружающей средой, как природной, так и социальной.

Несложно заметить, что в основе содержания понятия интеллект лежит понятие «знания». В строгом смысле следует говорить о научных знаниях. Никто ведь не сомневается, что интеллектуальная культура современного европейского общества и, соответственно, члена этого общества, несоизмеримо выше, чем у племен австралийских бушменов или Папуа–Новая Гвинея. Хотя обыденные повседневные знания данных племен позволяют им жить в условиях, практически недоступных для современного европейца.

Таким образом, уровень развития интеллектуальной культуры общества определяется уровнем развития науки, технологий и образования. В образовании в первую очередь степенью освоения естествознания и точных наук. Следовательно, в содержательном смысле никакой особой национальной интеллектуальной культуры не существует. И не может существовать, это как если бы существовала сама по себе украинская математика или китайская физика. Законы природы и наук их изучающих – едины.

Иное дело формы, методы, алгоритмы организации науки как социального института, его место, роль и взаимодействие с другими социальными институтами данного общества. Это во многом определяется спецификой развития данного социального института в обществе, его историческими традициями, обычаями, отношением к данному социальному институту. Это же справедливо и применительно к науке как специфическому виду деятельности, реализующемуся посредством данного социального института. Включая и образование как процесс освоения человеком уровня интеллектуальной культуры данного общества, так и целенаправленную подготовку научных кадров для собственно научной деятельности.

Так, например, человек, работающий в высшем учебном заведении на Западе, занимает весьма высокое место в социальной иерархии общества и занимается весьма престижным видом общественной деятельности. У нас это, в лучшем случае, неудачник или не совсем неудачник. У нас наука, особенно фундаментальная, как и образование, традиционно финансируются из бюджета. На том же Западе наука уже давно посажена на научные гранты, а образование – проблема самого учащегося. Не будем дискутировать, что лучше, эффективней, целесообразней, мы обращаем внимание, что лишь в этом аспекте корректно применять термин «национальная наука».

Это же относится и к национальной системе образования. В данном случае

термин «национальная» более чем корректен. Образование – это исторически сложившаяся часть национальной духовной культуры общества, процесс освоения человеком интеллектуальной культуры, проще говоря, научных знаний человечества на данном этапе развития. А научные знания не могут быть национальными по своему содержанию. Следовательно, термин «национальная интеллектуальная культура» не корректен по определению.

Национальная система образования является ключевым, по нашему мнению, элементом формирования интеллектуальной культуры общества. Бездумное введение т.н. «Болонской системы» и уничтожение лучших традиций отечественной школы образования привело к слепому копированию западных форм и методов образования. В результате, как остроумно заметил один из преподавателей Донецкого национального технического университета, вместо того, чтобы учить будущих инженеров делать расчеты проектов, мы учим их делать презентации – картинки на компьютере. И это выдается за последнее «достижение» отечественной педагогической мысли. У нас уже давно сложилось убеждение, что навязывание «Болонской системы» – это не что иное, как сознательное уничтожение интеллектуальной культуры нашего общества.

Более того, если внимательно проанализировать систему образования того же Запада, в первую очередь систему среднего образования, так как именно она является фундаментом роста интеллектуальной культуры общества, обеспечивая ее массовое распространение, то поневоле создается впечатление, что правящая элита не заинтересована ни в росте качеств интеллектуальной культуры членов общества, ни в ее массовом распространении в обществе [1].

Интеллектуальная культура является важной составной духовной культуры общества. Именно она обеспечивает рост научно-технического прогресса общества, рост и качество материальных условий жизни общества и человека. Наука уже давно стала важнейшей, если не самой важной, производительной силой общества.

Однако перекос в сторону доминирования в общественном сознании, а соответственно, и в духовной культуре, интеллектуальной культуры, науки как панацеи от всех социальных проблем, порождает обеднение и деградацию иных составных духовной культуры. В первую очередь – морально-нравственной. Первым уловил и исследовал эту тенденцию О. Шпенглер, по сути его «Закат Европы» – это победа интеллекта в духовной культуре Европы [2]. Победа и построение предельно рационального общества.

В обществе, построенном на фундаменте частной собственности и прибыли как показателе его разумности (эффективности), интеллект сам вынужден подчиняться законам той рациональности, которую он же и создал. Отсюда все «научные» теории о разумности и эффективности частной собственности, ее «святости» и т. д., и т. п. Непонятно только как такое «эффективное» общество умудряется с завидной регулярностью срывать в экономически кризисы.

В современном западном обществе перед интеллектом поставлена задача «разумно» объяснить и все аморальное, что, казалось бы, противоречит самой природе человека: однополые браки, педофилию, инцест, ювенальную юстицию, узаконенную проституцию. И уже интеллектуальная элита Франции выступает против запрета проституции – это, якобы, нарушает священное право выбора

французских женщин и нарушает их права. А Совет по этике при правительстве Германии предлагает рассмотреть отмену правовой ответственности за инцест, ведь уважения и права на жизнь достойны все виды любви. И уже наука находит в геноме человека гены, которые делают его таким, каким он есть. И принимать его надо таким, ибо таким его создала сама Природа. И уважать надо все его аномалии и извращения. Мы уже не говорим о том, что это полностью уничтожает сам фундамент современной западной духовной культуры – христианство.

Доминирование интеллекта приводит упрощению и примитивизации чувственно-эмоциональной сферы бытия человека. Об этом уже давно с тревогой говорят психологи, особенно специалисты по детской и юношеской психологии. Интернет заменяет книгу и живое общение [3]. А для интернета сложные чувства и эмоции недопустимая роскошь. Чем проще – тем лучше, ибо разумно и рационально.

Прав был Ф. Аквинский, когда утверждал, что разум вере не противоречит, но разум должен четко и ясно осознавать свои границы и возможности. И если разум возомнит о себе, то неминуемо впадет в ересь. В ту ересь, в которую впал разум (интеллект) современного Запада.

Литература и источники

1. Шпенглер, О. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории / О. Шпенглер. – М.: Мысль, 1993. – Т. 1: Гельштальт и действительность. – 667 с.
2. Почему Запад обречен [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://oko-planet.su/politik/politikday/250940-pochemu-zapad-obrechen.html>. – Дата доступа: 16.10.2014.
3. Даренский, В. Ю. Может ли интернет заменить книгу? (заметки философа) / В. Ю. Даренский // Практична філософія: науковий журнал. – 2011. – №4. – С. 109–115.

МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ И МЕЖРЕЛИГИОЗНЫЙ ДИАЛОГ КАК УСЛОВИЕ ФОРМИРОВАНИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ БЕЛАРУСИ

А.И. Левко

Центральными вопросами при исследовании интеллектуальной культуры до сих пор выступают вопросы о естественных (природных) и искусственно культивируемых основах интеллекта, сознательных (теоретических) и бессознательных (иррациональных) формах его проявления, степени его связи с индивидуальным и коллективным сознанием или сознанием индивида исоциальной общности, онтологией (реальным бытием) и гносеологией (результатами познания). Вопрос о том, является ли интеллект феноменом индивидуального или коллективного сознания до сих пор является открытым, как и вопрос о естественных и искусственных его источниках. При ответе на него я склонен делать вывод о диалектическом единстве природных и культурных, онтологических и гносеологических, сознательных и бессознательных факторов в процессе формирования интеллектуальной культуры народов и отдельно взятых индивидов.

Однако такого мнения придерживаются далеко не все исследователи. Сегодня, как и раньше основное внимание при формировании интеллектуальной культуры чаще всего обращается на исследования в области нейрофизиологии и когнитивной

психологии, закономерностей и технологий развития индивидуального сознания и в то же время недостаточно учитывается сама социально-культурная природа этого процесса и в частности роль межкультурного и межрелигиозного диалога. Вне анализа в этой связи остаются и духовно-нравственный потенциал личности и национальная культура. Личностный смысл социально-культурной деятельности и его ценностно-нормативное содержание в данном случае заменяется моделированием некой динамической смыслопорождающей структурой, устанавливающей отношение с реальностью как совокупностью инвариантных темпоральных форм. В рационализированных теоретических конструкциях на основе догматических программ переустройства мира рационализм непосредственно смыкается с технократизмом, в основе которого лежит функциональный подход к обществу и человеческим личностям. Научность здесь предстает как постоянное преодоление отжившего времени. Парадигма прогрессивного, цивилизационного развития является основой международной, в том числе и социально-культурной интеграции. Другие же парадигмы общественного развития, в частности, парадигма циклического развития при этом, как правило, не анализируются.

Между тем новые тенденции в понимании природы, структуры и функций познания заключаются в подходе к знанию в единстве с порождающей его деятельностью субъекта. Жизнедеятельность человека разворачивается в трех основных формах: деятельности, поведения и общения. И каждая из этих форм жизнедеятельности, так или иначе, участвует в формировании и развитии интеллектуальной культуры народа, нации, страны. Познание, рассматриваемое в соответствии с современными концепциями о культуре как средстве развития личности, не может оставаться простым повторением в форме понятий и систем, накопленных человечеством завершенных знаний и готовых правил. Идеальный образ человека и его реальные условия жизнедеятельности как бы интегрированы в его самосознании, позволяющем с помощью рефлексии давать адекватные ответы на поставленные еще И. Кантом вопросы: «Кто Я, что Я могу и на что смею надеяться?». И происходит это в виде духовного самоопределения личности, в виде ее *отношения к миру* (ценностных ориентаций, смысловых установок, мотивах). Самоопределяться приходится в идеалах, в мировоззренческих вопросах, которые как показал еще И. Кант, являются основными вопросами типов познания, в собственном самосознании (общечеловеческом, гражданском, этническом, религиозном, историческом, нравственном, профессиональном и т. д.), в своих отношениях к миру, который еще на ментальном уровне оказывается как бы поделенным на две сферы – внутреннюю (автоидентификации) и внешнюю (субидентификации).

Обе сферы интеллектуальной культуры развиваются в результате различных форм социального взаимодействия, определяющая роль в котором принадлежит диалогу. Диалог – это определение самой сути и смысла знаний. На первый план здесь выступает коллективистский характер познавательной деятельности, представляющий собой диалогический процесс. Диалог возникает как общее пространство развития мыслей, как субъект-субъектная процедура, в которой на первое место выделяется процессуальность, спонтанных субъект-субъектных отношений. Всплеск живой диалогической речи провоцирует появление нового внутреннего содержания, которое, в свою очередь, сопровождается желанием

поделиться им с другими, выразить, оформить, материализовать его для передачи другим лицам. Главная задача диалога – самореализация. Соответственно этому меняется и смысл идеала нового времени. Человек образованный, впитавший в себя «последнее слово» современной науки, в котором «сняты» достижения предыдущих этапов развития, – этот идеал сменяется другим. Идея образования приобретает новый смысл. Целью становится «человек культуры», сопрягающий в своем мышлении и деятельности различные, не сводимые друг к другу, не «снимаемые» друг другом культуры, формы деятельности и нравственные смыслы.

Такое познание требует постоянных «открытий» незавершенной реальности, которая рождается только в результате взаимодействий самостоятельно развивающегося объекта и самостоятельно развивающегося субъекта» [1]. И интеллектуальная культура Беларуси не является исключением. По своему существу она предстает как своеобразный результат диалога региональных, поселенческих, религиозных, половозрастных и других культур. Представителей этих культур отличают друг от друга особенности символического мира и ценностных ориентаций, которых они придерживаются, специфика этнического сознания и самосознания, этнической идентичности, опирающиеся на понятийный аппарат и методы изучения социальных установок, социальных стереотипов, межкультурных отношений. Особенности социализации новых поколений, язык, происхождение, обычаи, материальная культура, идеология выступают определяющими признаками белорусского, как и любого другого этноса.

Белорусский этнос исторически сложился на основе общности многих славянских и балтских племен: дриговичей, кривичей, полян, ятвягов, пруссов и других, интеллектуальная культура которых до сих пор проявляет себя в особенностях культуры регионов Белорусского Поозерья, Поднепровья, Понемонья, Восточного и Западного Полесья и Центральной Беларуси. И особенности эти весьма существенны. Если в Восточном Полесье имеет место ориентация на общинные принципы и ценности, то в Понемонье – на индивидуально-личностные либеральные нормы и ценности. Существенно различаются между собой и интеллектуальная культура Восточного и Западного Полесья. Если в Восточном Полесье она предельно рационализирована, то в Западном Полесье – иррациональна. Дают о себе знать в этом плане и религиозные особенности жителей данных регионов Беларуси. В целом для белорусского этноса характерно христианство, три основные конфессии которого причудливым образом взаимодополняют друг друга не только в виде униятства, но и своеобразного исторического диалога православия и язычества, палонизированного и собственного католичества, люторанства, кальвинизма, бабтизма и других протестантских религиозных общин, ятвяжской, прусской и иных интеллектуальных культур. Особенности этих интеллектуальных культур дают знать о себе в виде коллективного бессознательного или регионального и поселенческого менталитета, определяющего направленность мировоззренческой позиции жителей различных белорусских поселений и территорий. Православие на Беларуси весьма уникально, о чем писал еще в начале XX столетия Никольский. На Полесье оно во многом интегрировано с язычеством, на западе – с католицизмом, хотя внешних региональных различий в этом плане не наблюдается. Различия эти, как свидетельствуют результаты наших социологических исследований, проведенных в

строгом соответствии с общереспубликанской квотной выборкой, проявляют себя на уровне самосознания и самой структуры интеллектуальной культуры жителей различных регионов Беларуси. Краевая специфика структуры личности населения Республики Беларусь проявляет себя в таких качествах личности как активность разума, быстрота мышления, предприимчивость, решительность, целенаправленность, предвидение, критичность, принципиальность, настойчивость, требовательность, умение самостоятельно и независимо принимать решения, умение преодолевать трудности, потребность в творчестве, потребность в общественной деятельности, потребность в труде, потребность в знаниях, потребность в проявлении инициативы, потребность в престижных вещах, потребность в контактах с людьми, потребность помогать другим, добросовестность, справедливость, умение ладить с людьми, выдержка и умение владеть собой, хозяйственность, дисциплинированность [2, с. 230–231].

Все эти качества личности в своей совокупности образуют три основные факторы, характеризующие интеллектуальную культуру старшеклассников общеобразовательных школ Республики Беларусь, которые условно можно назвать особенностями их мышления, структурой социальных потребностей и нравственно-психологическими качествами их интеллектуальной культуры в трудовой и нравственной деятельности. При этом, если сравнивать по этим показателям старшеклассников общеобразовательных школ Витебской, Гомельской и Гродненской областей, то региональные особенности их мышления не существенны. Некоторая специфика проявляется в самой практике реализации интеллектуальной культуры в трудовой и нравственной деятельности. Так потребность в знаниях наиболее актуальна для школьников Гомельской области, а потребность в труде для школьников Витебской области и т. д. Потребность в проявлении инициативы одинакова для школьников всех трех названных областей.

Межкультурный и межрелигиозный диалог белорусов проявляет себя и с соседними этносами: русскими, поляками и украинцами. Особенно отчетливо выражается это в языке и национальном самосознании. Определенное воздействие на интеллектуальную культуру Беларуси оказало историческое вхождение ее нынешней территории в состав целого ряда государственных образований. Вначале в Великое Княжество Литовское, затем в Речь Посполитую, позже в Российскую империю и СССР. Все это в сочетании с общецивилизационными процессами урбанизации и индустриализации наложило существенный отпечаток, прежде всего, на национальное и политическое самосознание белорусов. В своем национальном самосознании они остались во многом на уровне того исторического периода, когда основой идентификации являлась не национальная, а религиозная и родо-этническая принадлежность, то есть когда независимо от территории проживания и государственной принадлежности люди делились на христиан и не христиан, славянские, романские и другие народности. Это отразилось в отношении к своему языку, государственному устройству, политике, праву, морали и т. д.

Существенное влияние на интеллектуальную культуру белорусов оказало историческое взаимодействие с еврейскими, татарскими и другими национальными меньшинствами и их культурами.

Анализируя интеллектуальную культуру различных этносов вряд ли

правомерно рассматривать ее развитие как прогресс или регресс. Это развитие имеет циклический характер хотя бы уже потому, что развитие на уровне онтогенеза или отдельно взятой личности как бы повторяет все основные циклы филогенеза или исторического развития общества. Развитие интеллектуальной культуры личности становится возможным благодаря ее возвышению над самой собой и реальными условиями своего существования, благодаря приобщению к интеллектуальной культуре своих предшественников и диалогу культур своего и других народов через овладение навыками письма и чтения и систему целенаправленного образования.

С точки зрения циклической парадигмы возрастной кризис, кризис образования и всей общественной системы предстает как кризис, связанный с переоценкой ценностей. Смена этих ценностей и норм происходит через соответствующий цикл их переосмысления и идентификации, как в развитии бабочки от цикла гусеницы к циклу взрослого насекомого через кокон. Роль этого переходного периода или «кокона» и играет кризис. Основным жестпособом его разрешения межкультурный и межрелигиозный диалог между представителями различных поколений, народов, наций, религиозных и других общин. Одну возрастную категорию людей отличает от другой, не физиология и психология, как считает большинство представителей психолого-педагогической науки, а те ценности и нормы, которые для них характерны. Народ, как и отдельно взятый человек в своем развитии проходит несколько сменяющих друг друга стадий или циклов: детство, отрочество, юность, зрелость. Взрослый человек также проживает этапы среднего, пожилого и старческого возраста, имеющие различную свою продолжительность и содержание в различные исторические эпохи. Каждую из этих стадий или циклов можно представить как особый жизненный мир со своей системой ценностей и норм, уровнем своего мировоззрения и менталитета, свой стиль и образ жизни. И переход от одного цикла развития к другому никогда не происходит безболезненно сам по себе. Он всегда имеет конфликтный характер. Разрешению этого неизбежного конфликта и служит межкультурный и межрелигиозный диалог. Он же является и основным условием интеграции различных культур и формирования на этой основе интеллектуальной культуры Беларуси. В связи с этим интеллектуальная культура Беларуси является своеобразным результатом никогда не прекращающегося поликультурного взаимодействия.

Литература и источники

1. Гегель, Г. В. Ф. Феноменология духа / Г. В. Ф. Гегель; Ин-т философии, РАН. – М.: Наука, 2000. – 495 с.
2. Социокультурные факторы формирования личности ученика общеобразовательной школы / Отв. ред. А. И. Левко. – Минск: Национальный институт образования, 1999. – 265 с.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА И ДУХОВНЫЕ ЦЕННОСТИ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

А. Л. Айзенштадт

Интеллектуальная культура и духовные ценности русских, белорусов и украинцев имеют общеславянское происхождение и значительно отличаются от западной системы ценностей. Западный менталитет, как известно, базируется на протестантской этике, культивирующей индивидуализм, прагматизм, рационализм, предприимчивость. По мнению В. Соловьёва, в славянской душе соединились язычество с его мифологизмом, мудрость христианства, рационализм европейского мышления. Прежде всего, славянский менталитет впитал в себя христианские традиции: вера в идеал, духовность, стремление к святости, приоритет моральных ценностей, чувство долга, служение Отечеству, уважение к власти.

Эмпирические наблюдения, социологические опросы позволяют сделать вывод о сходстве системы ценностей, национального характера русских, белорусов и украинцев. Патриотизм, трудолюбие, стремление к свободе, гостеприимство, приверженность традициям, взаимное уважение в равной степени свойственны всем восточнославянским народам. Вместе с тем, существуют и определенные различия в интеллектуальной культуре и менталитете русских, белорусов и украинцев.

Система ценностей русского народа сложилась под влиянием целого ряда факторов:

– суровый климат, заставлявший крестьянина без меры работать летом и празднично проводить остальное время; переменчивость погоды, порождавшая знаменитое русское «авось»;

– бескрайние просторы, нашедшие отпечаток в широте русской души; природные богатства, толкавшие Россию на экстенсивный путь развития; открытые границы, приводившие к психологии «осажденной крепости»;

– авторитарный характер государства, подчинявший себе личность; при этом российская политическая система, по мнению П. Милюкова, знает лишь два состояния: либо диктатура, либо анархия;

– большая роль общины, коллектива; длительное существование крепостного права; противостояние элиты и массы;

– православие, проповедующее единение с государством, особое внимание к духовным ценностям.

Таким образом, значимыми духовными ценностями русского народа являются:

– патриотизм, особенно проявляющийся в годину суровых испытаний в подвигах во имя Родины, причем зачастую сначала создаются препятствия, а потом они героически преодолеваются;

– стремление к воле как безграничной, в чем-то анархичной свободе;

– ценность порядка (которого никогда не было), сильной власти; русский человек традиционно уважал власть, боялся ее и был отчужден от государства;

– терпение, которое в крайних случаях истощалось, и тогда начинался русский бунт, бессмысленный и беспощадный (по словам А. Пушкина);

– приоритет равенства и справедливости, понимаемых, как правило, в

уравнительном духе, доминирование интересов распределения над интересами производства; недоверие к рынку, торговле, деньгам;

– духовность; русский человек должен во что-то верить, нужна какая-то идея, за которую можно бороться;

– соборность, общинность, коллективизм;

– трудолюбие; по словам В. Ключевского русский человек способен к неимоверному напряжению сил в короткий промежуток времени, но не склонен к планомерной, методичной работе;

– оптимизм («что ни делается – все к лучшему»), вера в светлое будущее, мечтательность;

– радикализм, склонность делить всех на друзей и врагов, не признавая полутонов;

– мессианизм, «всемирная отзывчивость русского человека» (Ф. Достоевский);

– доброта, отзывчивость, широта и открытость души [1].

Белорусский менталитет формировался в схожих, но несколько отличных от русского, условиях. Беларусь всегда находилась между Востоком и Западом, Москвой и Варшавой, причем белорусам постоянно приходилось отстаивать свою идентичность. Поляки считали, что белорусы – это испорченные русскими поляки, а русские полагали, что белорусы – это испорченные поляками русские.

В действительности, Беларусь – регион социокультурного и религиозного синтеза. Здесь мирно уживались славяне, балты и евреи, православные, католики, униаты и протестанты. Не случайно, по мнению Я. Яскевич, духовные ценности белорусского народа впитали в себя русскую соборность и протестантское трудолюбие, героизм католицизма и униатскую склонность к компромиссам.

На формирование белорусского менталитета повлияли: географический фактор (леса и болота, где белорус, в отличие от русского, чувствовал себя как дома); частые войны и восстания; опыт пребывания в различных государственных системах; астенический и сензитивный характер белорусов.

Основными духовными ценностями белорусов являются:

– патриотизм, сильное чувство родной земли («Мой родны кут, як ты мне мілы...»), без мессианизма, присущего великим нациям и с изрядной долей самокритичности (подчас чрезмерной);

– доброжелательность, милосердие, эмпатийность, способность к искреннему сопереживанию, стремление разделить чужую боль;

– общинность (громада), взаимопомощь (талака), при наличии элементов индивидуализма, связанного с хуторским образом жизни многих белорусов

– толерантность, умение прислушаться к чужому мнению, склонность к компромиссам, терпимость, к сожалению иногда превращающаяся в конформизм, терпение, когда все происходящее принимается как должное и неизбежное;

– консерватизм, приверженность традициям, устоявшемуся укладу жизни, осторожность, негативное отношение к радикальным переменам;

– прагматизм, практичность, чувство меры, здравый смысл; белорусы, при всей простоте, себе на уме, с хитрецей, они твердо стоят на земле и не витают в облаках, среди белорусов никогда не было Маниловых и Обломовых;

– трудолюбие, вытекающее из крестьянского происхождения белорусов,

умение работать от зари и до зари, при недостаточной предприимчивости;

– свободолюбие, стремление «людзьмі звацца» (Я. Купала); несмотря на свою толерантность, белорусы неоднократно доказывали свою нетерпимость ко всякому гнету (Т. Костюшко, К. Калиновский, партизаны Великой Отечественной войны);

– жизнестойкость; белорусы выдержали многочисленные войны, социальные и техногенные катаклизмы (Чернобыль), полонизацию и русификацию, выстояли, сохранили свою идентичность, проявив силу воли и оптимизм [2].

В схожих с белорусами условиях формировалась и система духовных ценностей украинцев. К этим условиям можно отнести:

– живописную природу, плодородную почву, мягкий климат;

– длительное вхождение украинских земель в состав разного рода государственных образований (Литовского княжества, Речи Посполитой, Австро-Венгрии, Османской и Российской империй);

– многочисленные войны и оккупации: Украина вытаптывалась военной кавалерией в течение многих веков, и главной оставалась потребность выжить;

– религиозная ситуация: здесь никогда не было сильной государственной церкви, Украина всегда была многоконфессиональной с сохранением многочисленных языческих верований;

– чувственность, мечтательность, некоторая пассивность национального характера.

На формирование духовных ценностей украинцев оказали влияние два социо-исторических архетипа:

– с одной стороны, вольнолюбивый, авантюрно-казацкий («лицарский») стиль жизни;

– с другой стороны, т. н. «хуторянство», для которого характерны хозяйственность, осторожность, традиционализм.

Духовным ценностям украинского народа свойственны:

– идеальная адаптация к ландшафту (природа для украинцев это эстетически воспринимаемая среда проживания, их окружение, их мир, их Дом);

– любовь к Родине, национальной культуре, языку (выраженная ярче, чем у белорусов);

– верховенство эмоциональности над рациональностью, чувства над интеллектом, «сердца» над «головой»;

– бережное отношение к земле, доходящее у украинского крестьянина до ее обожествления;

– хозяйственность, домовитость, рачительность, иногда чрезмерная;

– индивидуализм, основанный на принципе «моя хата с краю», сочетающийся с общинностью;

– острое, даже болезненное чувство собственного достоинства, значимости, справедливости, ненависти к действительному или мнимому ущемлению, толкающее украинца к перманентному поиску правды;

– стремление к демократии, недоверие к власти и ее представителям, не исключаящее слепого подчинения государству;

– консерватизм, осторожность, уважение традиций, скептическое отношение ко всему новому, неизвестному;

– опора на здравый смысл, самостоятельность суждений (украинец, как и белорус, «себе на уме», он никому просто так не доверяет);

– амбициозность (не случайно борьба за власть приобретает в Украине непрекращающийся, острый, конфликтный, зачастую трагический характер) [3].

Таким образом, несмотря на различия, интеллектуальная культура и духовные ценности восточных славян имеют общее происхождение и отличаются сходством основных компонентов.

Литература и источники

1. Вьюнов, Ю. А. Русский культурный архетип. Страноведение России / Ю. А. Вьюнов. – М.: Флинта, 2011. – 585 с.

2. Екадумова, И. И. Основы идеологии белорусского государства / И. И. Екадумова, А. И. Кузнецова. – Минск: ТетраСистемс, 2012. – 128 с.

3. Стражний, А. С. Украинский менталитет. Иллюзии, мифы, реальность / А. С. Стражний. – Киев: Подолина, 2008. – 384 с.

ПРАВОСЛАВИЕ КАК КОНСТИТУИРУЮЩАЯ ОСНОВА СТРАТЕГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ БЕЛАРУСИ

Н. С. Щёкин

В условиях глобализации, несущей не только угрозу самобытности отдельных цивилизаций, но укрепляющее неравенство в мире, православие становится фундаментом фактором для формирования особой стратегии развития Беларуси в новом столетии, с учетом кросскультурного ее положения. Церковь выступает модератором социальной интеграции белорусского общества и сохранения национальной идентичности и традиционных ценностей, играет существенную роль в распространении ценностей патриотизма и служению государству, противодействии негативным тенденциям в жизни белорусского социума. В геополитическом плане православие может стать основой для развития интеграционных процессов на постсоветском пространстве, а так же в восточно-христианском мире. Уже очевидно, что будущее за религиозной и культурой идентичностью, что и будет в последствии определять стратегическое развитие цивилизаций и государств. Иными словами, словами С. Хантингтона, «каждая страна должна иметь ответ на вопрос, Кто мы?» [1]. Именно поэтому, Православной церкви принадлежит особая роль не только в духовно-нравственном возрождении страны, но, и прежде всего, в сохранении национальных ценностей и ориентиров стратегического развития.

Православие является основополагающим компонентом белорусского общества, поддерживая собою идентификационное единство социума и его стабильность. Православие несет в себе традиционные базисные ценности, составляющие фундамент белорусской культуры, нации, способствующие сохранению и воспроизводству белорусской идентичности. Православие исторически существовало в Беларуси как системообразующий социокультурный институт, цивилизационный феномен основа сопроизводства и трансляции

ментальной, духовной идентичности. Так на базе православия создавались и воспроизводились ценностно-нормативные характеристики белорусской культурной традиции.

Переосмысление религии как цивилизационного феномена и ее включение в социальные процессы – не только отечественная черта. Это происходит во всем мире.

Процесс демократизации государственной и общественной системы в Беларуси, начавшейся на рубеже 80–90-х гг. прошлого века, в полной мере захватил и сферу религиозной жизни, привел к возникновению принципиально новой религиозной ситуации.

На наш взгляд, сложившуюся религиозную ситуацию можно определить как совокупность изменяющихся структурных элементов религии; отношением к ней общества, групп и индивидуумов; уровнем их религиозного сознания силой и слабостью влияния религии на общество; характером межконфессиональных отношений; особенностями (моделями) государственно-конфессиональных отношений.

Хотя религиозная ситуация локализуется во времени и пространстве, она складывается под влиянием разнообразных причин и факторов, имеющих далеко не сиюминутное происхождение.

Характерной чертой последних десятилетий стала стремительная и беспрецедентная по своей динамике структурная трансформация конфессионального пространства Беларуси.

С одной стороны, Беларусь, как и прежде, остается светским государством, но с другой – роль религии, религиозности не столь однозначна.

Религиозная ситуация в Республике Беларусь, в том числе и в связи с модернизационными процессами, претерпела определенные изменения, в которых следует выделить по меньшей мере два различающихся аспекта; во-первых, процессы имманентного характера, происходящие внутри «собственно религиозной» сферы, и, во-вторых, процессы выходящие из ее предела и предполагающие влияние религии на социум. К первому аспекту относятся: количественный рост религиозных организаций, восстановление и развитие конфессиональных структур; расширение социально-демографического контингента верующих; освоение религиозными организациями новых форм социальной (внекультурной) деятельности. Ко второму аспекту религиозного возрождения относятся изменения в образе жизни и мысли людей, происходящие под влиянием религии.

Современные глобальные трансформации остро поставили проблему исторического самоопределения восточнославянских народов. Так же, мы являемся свидетелями протекания тяжелейших процессов взаимодействия двух цивилизаций: западноевропейской и восточнославянской. На наших глазах меняется постиндустриальная парадигма и стратегия инновационного развития современного глобально мира. Еще в большей степени мировая ситуация ввязывается в глобальный конфликт Востока и Запада. Обнажилась цивилизационная суть глобального конфликта. Такая цивилизационная парадигма монополизировала ценностные критерии развития любого общества. Наметился конфликт исторического и современного понимания необходимого, жизненно важного. Борьба современности с прошлым обретает форму борьбы цивилизаций, одна из которых олицетворяет

модерн, остальные – устойчивую и агрессивную архаику. [2, с 17]. В этой связи можно говорить об экзистенциальной опустошенности и обездоленности большинства новейших «модернизаторов» нынешнего глобального сдвига. Разорваны узы национальных элит и многочисленных слоев местного населения.

Национальные ценности в целом в христианском мире и в новоевропейской культуре, и в восточнославянской цивилизации вступили в полосу разрушительных мутирующих ценностных процессов целых национальных обществ. Произошел разрыв между современным индустриальным обществом и ценностями, регулирующими жизнедеятельность социума. Модернизация разрушила господство традиции и дух коллективности. Прозрачнее становится видение того, что ценности этнонациональных общностей эффективно регулируют социально-экономическую деятельность. Следовательно, и кросскультурный диалог Востока и Запада становится все более актуальным.

В условиях неизбежной цивилизационной трансформации, деструктивных изменений, как на Востоке, так и на Западе все больше обращают свой взор на такую социальную систему, которая бы обеспечивала ее устойчивость и сохранение. Без традиций, которые выступают в качестве стального легированного стержня национального самосознания, обеспечить целостность общества, в складывающихся в стихийно формируемых ценностно-мировоззренческих предпосылках жизнедеятельности, не представляется возможным.

Подводя итог, можно отметить следующее. Православная церковь предстает как один из институтов гражданского общества, деятельность которого направлена на возрождение духовно-нравственных ценностей, культурных и духовных традиций белорусского общества. Идея диалога государства и церкви как вечная истина. Диалог становится необходимым условием развития общества, его фокусом, подлежащим постоянному рассмотрению вовлечений в его сферу личности. Диалог государства и церкви не только предполагает оптимизацию морально-этических и нравственных факторов развития общества, с точки зрения сохранения незыблемых традиций, но и, прежде всего, на наш взгляд, это движущая сила развития общества, новые (инновационные) возможности социальной реальности Беларуси.

Литература и источники

1. Хантингтон, С. Кто мы?: вызовы американской национальной идентичности / С. Хантингтон; пер. с англ. А. Башкирова. – М.: АСТ, 2008. – 635 с.

2. Панарин, А. С. Православная цивилизация в глобальном мире / А. С. Панарин. – М.: Алгоритм, 2002. – 496 с.

ОБРАЗОВАНИЕ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ: ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЙ АСПЕКТ

С. В. Куртвич

Внимание и интерес к вопросам образования сегодня являются тенденцией общемирового цивилизационного процесса, который обусловлен, прежде всего,

беспрецедентным возрастанием роли информации и информационных технологий в общественном развитии и необходимостью ее своевременной обработки и анализа для последующего использования.

Значимость образовательной сферы для современного общества признается научным сообществом. Его представители убеждены, что образование является каналом социальной и территориальной мобильности, важнейшим механизмом социализации и социокультурной интеграции, условием преодоления опасности отставания отдельных стран от мейнстрима общественного развития. Образование становится также эффективным средством производства и накопления социального и человеческого капитала, который имеет особое значение для развития современного общества [1, с. 5].

Современная интеллектуальная культура формируется наиболее влиятельными тенденциями развития: интеграцией различных видов деятельности, информатизацией жизни людей и, конечно, социально-экономическими реалиями. Составными частями интеллектуальной культуры являются образование, научные исследования, творчество и другие виды деятельности, которые направлены на поиск нового знания и / или сознательного применения известных истин.

Интеллектуальную культуру определяют также как уровень развития личности в ее многообразии (образованность, понимание приоритетности общечеловеческих ценностей, видение жизненных явлений, умение их оценивать и принимать решения, стремление и умение учиться, творчество, отстаивание духовно-нравственных приоритетов и др.). Влияние интеллектуальной культуры постоянно возрастает, и за последние 100–200 лет она выросла в мощную производительную силу, что позволило людям создать многообразный мир идей и вещей.

Особое место в этом процессе принадлежит образованию. Начиная с Древней Греции образование остается мощным локомотивом интеллектуальной культуры. Современное образование характеризуется разнообразием моделей (либеральной, утилитарной, непрерывной и пр.), которые выполняют функции трансляции знаний, переосмысления педагогического опыта обучения, практического использования современных знаний.

Главной особенностью современности является бурное развитие информационного общества, которое характеризуется ускорением процессов генерирования нового знания и его усвоения, расширением сфер использования информации в жизни общества, экспоненциальным ростом объемов и скорости информационных потоков. Знания становятся стратегическим фактором производства, образование охватывает все общество.

Растущее разнообразие информационных технологий изменяет образ жизни людей и ведет к существенным изменениям социальной структуры общества. Развитие науки и техники происходит сегодня настолько быстро, что объем актуальных знаний удваивается каждые 5–7 лет. В контексте образования это значит, что для своевременного усвоения знаний необходимо все активнее применять методы непрерывного обучения, самосовершенствоваться и самообучаться.

Система образования в современном мире формирующегося общества знаний занимает одно из приоритетных мест. В качестве стратегической основы образования может быть взят целостный подход, в котором найдется место мировоззренческим

ориентирам, творческому исследованию, проектному мышлению с выходом на решение практических задач.

Современное общество нуждается в обеспечении социальной справедливости, нравственной реабилитации [2]. Повышение внимания к духовно-нравственным факторам становится мощным трендом. Профессиональная деятельность сегодня предполагает особую меру ответственности. Наряду с профессиональными качествами работников всякая деятельность должна иметь духовно-нравственное измерение. Личность современного профессионала должна включать духовно-нравственные аспекты его компетенций, которые должны быть составной частью (ключевым компонентом) его профессионализма, целью и результатом становления его личности [2, с. 83].

Следует иметь в виду, что потеря нравственных приоритетов сказывается на глубинных ценностных ориентациях профессионала, напрямую влияет на эффективность его деятельности.

Литература и источники

1. Горшков, М. К., Ключарев Г. А. Непрерывное образование в контексте модернизации. – М.: ИС РАН, ФГНУ ЦСИ, 2011. – 232 с.
2. Личность профессионала в современном мире / Отв. ред. Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлев. – М.: Изд-во Институт психологии РАН, 2014. – 942 с.

ИРОНИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ

Е. В. Беляева

Как истории присуща известная «ирония истории», так существует и «ирония воспитания»: оно никогда не достигает поставленных целей полностью. Более того, чем жестче представление воспитателя о своей задаче, чем определеннее система нравственных ценностей, на которую он ориентируется, тем более непредсказуемым оказывается результат. «Ирония воспитания» не является аргументом в пользу ненужности последнего, но неизбежность ситуации иронии заставляет задуматься о природе воспитательного процесса с целью выявления его собственных иронических аспектов, осознание которых позволит лучше достигать поставленных задач.

Паниронизм современной культуры очевиден не только с позиций постмодернизма, но и для всякого другого субъекта, вовлеченного в культурные события современности. Приобретение иронией статуса универсалии культуры побуждает поставить вопрос о возможности существования иронических аспектов морали. Не о том, какая ирония является нравственной, а какая нравственно недопустимой, как поступала вся классическая философская мысль, но о существовании иронических аспектов самой морали, иронического в структуре нравственной культуры.

Если трактовать иронию как «насмешку» (см. словари В. И. Даля и С. И. Ожегова) или «осмеяние» (Большой энциклопедический словарь), то ее шансы получить позитивное содержание в этическом контексте невелики. Но если

рассматривать иронию как общеприкладную философскую категорию, тогда ее применение в этике как «практической философии» станет уместным и функционирование в морали как «пути правильной жизни» – возможным.

Структуру иронического, которая может послужить основой для его этической интерпретации, можно выявить на базе имеющихся в научной литературе определений иронии. Она предполагает наличие: 1) слоев, 2) *противоречивых* слоев, 3) противоречивых слоев, *один из которых явный, а другой скрытый*, 4) противоречивых слоев *смысла*, один из которых явный, а другой скрытый, 5) противоречивых слоев *смысла*, при котором *понимание соотношения* явного и скрытого смысла вызывает *улыбку*.

Значимость иронического в современной нравственной культуре обусловлена ее плюрализмом, сосуществованием в одном культурном пространстве множества систем нравственности, нравственных образцов и кодексов, смыслы которых противоречат друг другу. При этом серьезность любой из этих этических деклараций всегда относительна, так как ей приходится предъявлять свои ценности в условиях если не конкуренции, то коммуникации с иными, не менее убедительными системами этических аргументов. Однако сама по себе множественность еще не создает иронического, для возникновения которого некое множество должно быть расположено слоями, а не мозаичными фрагментами, лежащими в одной плоскости, подобно паззлу. Такое расположение одного над другим, слоистость, задает глубину иронического бытия и иронического мышления. Не случайно Ж. Делез, характеризовал иронию как искусство глубины и высоты (в отличие от юмора как искусства поверхности), ирония не бывает «плоской».

Ироническое в этом плане выступает способом освоения релятивной действительности, способом преодолеть растерянность и дать субъекту нравственную ориентацию и способность к нравственному поступку. Множественность нормативно-ценностных представлений является иронической, если она является внутренне ориентированной и направленной на постижение сути морали, лежащей за пределами всех наличных этических кодексов. Такая жизнь в мире нормативно-ценностной относительности требует и соответствующей модели нравственного воспитания.

С одной стороны, эта модель требует воспитания толерантности, отношения к нравственному многообразию как естественному и позитивному обстоятельству, предпосылке творческого взаимодействия. При этом отношение к принципу толерантности должно быть столь же ироничным, как и к претензиям традиционных систем нравственности на абсолютную значимость. Ирония по отношению к метанаррациям стала хорошим тоном, способствующим развенчанию догм предшествующей культуры. Между тем постмодерное общество почему-то пренебрегает иронией по отношению к своим собственным идеалам, в частности, к идеям политкорректности и мультикультурализма, «единой Европы» и прав человека. Если общество постмодерна пытается привить традиционным культурам толерантное отношение к инаковым нравственным практикам, то и сами ориентации постмодерна должны быть подвержены ироническому переосмыслению.

С другой стороны, модель нравственного воспитания в ироническом аспекте предполагает, что приобщение к моральному многообразию всегда осуществляется

через посредство какой-то определенной системы нравственности. Ироническое видение мира состоит в том, что за явным смыслом наличествует скрытый, за фальшивым – подлинный. Фиксация «подлинной морали» в этом плане обязательна. Поэтому ошибочной представляется практика, когда под флагом «политкорректности» из детских сказок, из литературы и кино пытаются изъять сюжеты, где дается четкая однозначная оценка события и добрые герои побеждают злых. Толерантность к чужому предполагает и толерантность к своему, воспитание уважения к своей идентичности, которая не хуже всякой другой.

Поскольку постмодерн приводит к усилению локальностей разного рода, то в условиях неустойчивости, люди обращаются к своим примордиальным источникам идентичности: в частности этническим. В этом контексте в традиционных культурах обнаруживаются элементы, функционально родственные поздней современности, своеобразный автохтонный постмодерн.

Этим можно объяснить интерес к традиционной народной педагогике. В противовес абстрактной разумности народная мудрость в области воспитания – это воплощенные фронестические технологии, знание-умение. Определенная простота народной педагогики по сравнению с высокотехнологичным рациональным воспитанием также соответствует веяниям иронической постмодерной культуры, для которой действенность идеи важнее ее возвышенности и сложности. Наконец, манера подачи нравственного содержания в народном фольклоре не чужда иронии: «Сказка – ложь, да в ней намек, добрым молодцам урок», т. е. понимание соотношения явного и скрытого слоев смысла высекает искру понимания моральной справедливости. По отношению к ценностям ирония – это меньше всего безнравственная насмешка. Так народные пословицы и поговорки никогда не насмеваются над страданиями, немощью или болезнью другого человека, и содержат лишь самоиронию над собственной незадачливостью и несчастливой судьбой. Ирония в паремике всегда служит указанием на подлинные нравственные ценности.

С третьей стороны, нравственное воспитание в мире многообразия устремлено за пределы этого многообразия. Сознвая историческую, социальную, мировоззренческую относительность своей системы морали, рефлексивно соотнося ее с другими, иронический субъект нащупывает подлинность нравственного бытия.

Обзор современных этико-педагогических разработок показывает, что ирония выступает аспектом многих воспитательных методик. Дело не в насмешливой позиции воспитателя по отношению к своим воспитанникам или о несерьезном отношении к делу воспитания.

Речь идет, во-первых, об игровых методах воспитания и приобщения к этическим ценностям. У игры и иронии есть сходные структурные особенности и общие функции: обе они служат разрушению иллюзий и пониманию природы видимости. Игра становится тренажером, с помощью которого воспитуемый осваивает множественность вариантов морального выбора, учится рефлексивно соотносить один нравственный образец с другим, учится жить в мире современной виртуальной нравственности.

Во-вторых, в современной педагогике актуализировались давно известные диалоговые методики воспитания. Со времен диалогов Сократа, в ходе которых собеседники совместно продвигались от мнения о добре к знанию добра, этот метод

сохраняет свою продуктивность. Именно в структуре сократического диалога проявлялась и знаменитая сократовская ирония как способ познания подлинного добра за поверхностью обыденных суждений о морали, как катализатор морального мышления.

Таким образом, как общая модель современного нравственного воспитания, так и конкретные его методы, имеют иронические аспекты, адекватные характеристикам современной культуры и способствующие его эффективности.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ УЧАСТИЯ ХРИСТИАНСКИХ ЦЕННОСТЕЙ В ВОСПИТАНИИ ЛИЧНОСТИ УЧАЩЕГОСЯ РОССИИ И БЕЛАРУСИ НАЧАЛА XX ВЕКА

М. Ф. Пухальская

На рубеже XIX – начала XX веков в российском государстве, в состав которого входила и Беларусь, происходят модернизационные и реформационные процессы. Затрагивают они теорию и практику педагогики и образования. Беларусь, которая входила в состав Российской Империи, имела в своем развитии некоторые региональные особенности, между тем общие методологические, теоретические и концептуальные аспекты развития теории педагогики и образования, вопросы актуализации христианских ценностей в воспитании личности учащегося были общими.

Интенсивное развитие науки и производства повлияло на возникновение нового направления в теории и практике педагогики и образования в противовес традиционному обучению и воспитанию, получившего название реформаторской педагогики. Данные процессы возникли в Европе и Америке и отразились на идеях и взглядах ученых Российской Империи, белорусских педагогов и просветителей, что имело место не только в трудах выдающихся ученых того времени, но и в работах педагогов, психологов, методистов и просто просветителей в педагогической периодической печати.

Реформационные процессы касались в первую очередь методики обучения (М. М. Рубинштейн), между тем нашли свое отражение в историко-педагогических теориях (П. Ф. Каптерев), теории воспитания (П. Ф. Каптерев, К. Н. Вентцель) и даже теории религиозного воспитания (М. М. Рубинштейн), которая была в дореволюционный период прерогативой не только церкви [1; 2; 3; 5; 8].

Идеи П. Ф. Каптерева, К. Н. Вентцеля, русских религиозных философов, М. М. Рубинштейна поддерживались и получили широкое распространение в периодической педагогической печати в Беларуси в работах Е. Лозинского, Л. Седова, Л. Синицкого, Л. Соколовой, Э. Кудринского, М. Андреевской, Б. Степанца, Н. Смирнова, С. Ставровского и др. [6; 7; 9; 10; 11; 12; 13].

Педагоги и психологи, методисты и просто просветители выступали в педагогических журналах дореволюционной Беларуси, таких как «Вестник воспитания», «Народное образование в Виленском учебном округе» и др. Книги П. Ф. Каптерева и К. Н. Вентцеля распространялись и на территории Северо-

Западного края.

Взгляды русских ученых, русских и белорусских педагогов и просветителей базировались и опирались на мировые достижения теории в области педагогики, психологии и философии: взгляды Платона, Я. Каменского, И. Песталоцци, А. Дистервега, Дж. Локка, И. Канта, Ф. Фребеля, И. Г. Герберта, М. Монтеня, Б. Спинозы, И. Бенгама, П. Бергемана, Ф. Д. Бенеке, Э. Кей, Ф. Ферстер, У. Джемса, Л. Толстого, Ж.-Ж. Руссо, А. Фулье, К.Д. Ушинского, М. Метерлинка, Х. Геффдинга и др.[9; 10; 11].

Проведенный анализ историко-педагогических первоисточников позволил нам вычленить *два концептуальных подхода* участия христианских ценностей в воспитании личности учащегося Российской империи XX-го века, мы их называем догматизированным церковно-ориентированным и антропологическим христианско-этическим, системное обоснование которых представлено в таблице (см. таблицу).

Таблица 1. Концептуальные подходы к актуализации христианских ценностей в воспитании личности учащихся Российской Империи XX века

Структурные элементы	Наименование концептуального подхода	
	Догматизированный церковно-ориентированный	Антропологический христианско-этический
1. Цель	формирование воцерковленного церковно-попослушного христианина	формирование человека и гражданина на основе христианской религии для служения в обществе и преобразования его
2. Мировоззренческая основа	формирование религиозно-христианского мировоззрения	христианского мировоззрения общечеловеческого характера
3. Приоритеты	религиозное воспитание теоцентристские ценности	нравственное на основе христианско-религиозного мировоззрения, на первом месте нравственные христианские ценности, жизненные принципы– эмоционально-чувственное переживание, нравственно-религиозные переживания
4. Характер воспитания	религиозно-христианский на основе знания догм	нравственно-христианский на основе формирования эмоционально-чувственного переживания
5. Позиция Закона Божьего	Закон Божий – обязательный учебный предмет	Закон Божий– воспитательный предмет или этика на основе христианской религии

Данные концептуальные подходы выделены и разработаны на основании:

1. Положения христианской антропологии о духовно-нравственном развитии и

воспитании личности на основе христианской религии, о боговдохновенной природе человека, видении смысла педагогических усилий о приобщении человека к Богу (по П. А. Гагаеву) (И. А. Ильин, Н. О. Лосский, Г. В. Флоровский, В. В. Зеньковский и др.).

2. Идеи об отождествлении общечеловеческих и христианских ценностей (И. А. Ильин, П. Ф. Каптерев и др.), о христианских ценностях как основе общечеловеческих (С. И. Гессен).

3. Положения о религиозном чувстве как высшем нравственном чувстве, которое приводит в действие нравственные добродетели (междисциплинарная теория К. Н. Вентцеля о нравственном развитии личности) [1; 2].

4. Идеи П. Ф. Каптерева о христианской педагогике в странах, принявших христианство, начиная с эпохи Средневековья, об основном базисе педагогики в странах, принявших христианство, христианского мировоззрения. В основе теории педагогики лежат: христианское учение, учения классиков педагогики и жизненная практика (по П. Ф. Каптереву) [3].

5. Двух направлений в педагогике, выделенных П. Ф. Каптеревым: богословское (П. Ф. Каптерев) и научно-ориентированное на основе мирового опыта и христианского мировоззрения (по П. Ф. Каптереву «основанное на науке и мышлении общечеловеческого характера на основе христианской религии»). Два направления в педагогике, по мнению П. Ф. Каптерева, являлись основной теорией воспитания в начале XX-го века[5].

6. Идеи П. Ф. Каптерева о распространении христианских педагогических идей, которые под воздействием местной культуры, преломляясь в практике, искажались. Мы их обобщаем как: равноценность человеческой личности; ценность жизни ребенка; право ребенка на обеспечение и заботу взрослых; возвышение и бережное отношение к женщине; значимость отношений в семье; нежность, преданность и искренность человеческих отношений; признание достоинств женщины, в том числе и в воспитании ребенка; гуманное отношение к детям, их нуждам и страданиям и пр.[3].

7. Историко-педагогической теории П. Ф. Каптерева о трех больших периодах в развитии истории педагогики: церковной педагогики, государственной педагогики и общественной педагогики [4]. В зависимости от степени влияния и взаимодействия четырех социальных институтов: религии, государства, образования и общественной мысли (общества), причем к представителям общественности П. Ф. Каптерев относит и ученых. В начале XX-го века, по мнению педагога, педагогика имеет общественный характер [4].

8. Двух подходов к религиозному воспитанию в средних учреждениях образования, которые выдвигал и обосновывал в духе П. Ф. Каптерева М. М. Рубинштейн: исторический (включал общечеловеческий опыт на основе идей добра, любви и красоты христианской религии) (М. М. Рубинштейн) и догматический (включал изучение церковных обрядов и церковных догм). Мы их определяем как традиционный и подход воспитания религиозного чувства (К. Н. Вентцель, М. М. Рубинштейн, Е. Лозинский и др.) [1; 2; 7; 8].

Литература и источники

1. Вентцель, К. Н. Общий очерк учения о нравственности / К. Н. Вентцель // Вестник воспитания. – 1902. – № 8.
2. Вентцель, К. Н. Общий очерк учения о нравственности / К. Н. Вентцель // Вестник воспитания. – 1902. – № 9.
3. Каптерев, П. Ф. Значение христианства в постановке первоначального воспитания и христианские теории / П. Ф. Каптерев. – СПб.: Типолитогр. Б. М. Вольфа, 1905. – 34 с.
4. Каптерев, П. Ф. История русской педагогики / П. Ф. Каптерев. – Петроград: Земля, 1915. – XXII, 746 с.
5. Каптерев, П. Ф. Новая русская педагогика, ее главнейшие идеи, направления и деятели / П. Ф. Каптерев. – СПб.: Земля, 1914. – 212 с.
6. Кудринский, Т. Несколько слов о воспитательном влиянии школы / Т. Кудринский // Народное образование в Виленском учебном округе. Приложение к циркуляру по Виленскому учебному округу. – 1902. – № 3.
7. Лозинский, Е. Нравственное начало в жизни и воспитании ребенка / Е. Лозинский // Вестник воспитания. – 1910. – № 2. – С. 1–32.
8. Рубинштейн, М. М. Религиозное воспитание / М. М. Рубинштейн // Вестник воспитания. – 1913. – № 1. – С. 75–123
9. Седов, Л. Из истории развития нравственного сознания / Л. Седов // Вестник воспитания. – 1905. – № 5. – С. 57–94.
10. Сеницкий, Л. Из истории педагогических идей на Западе. Великие представители современной педагогики до Руссо / Л. Сеницкий // Вестник воспитания. – 1905. – № 2. – С. 67–100.
11. Сеницкий, Л. Из истории педагогических идей на Западе. Глава 6. Философско-теоретическое обоснование педагогики в 19 веке / Л. Сеницкий // Вестник воспитания. – 1905. – № 4.
12. Ставровский, С. О религиозном воспитании в школе / С. Ставровский // Вестник воспитания. – 1905. – № 8. – С. 81–88.
13. Степанец, Б. О воспитании и обучении / Б. Степанец // Народное образование в Виленском учебном округе. Приложение к циркуляру по Виленскому учебному округу. – 1911. – № 4. – С. 268–287.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА В БЕЛАРУСИ

А. В. Щукин

«Обеспечение прав и свобод граждан Республики Беларусь является высшей целью государства» – закреплено в п. 1 ст. 21 Конституции Республики Беларусь. В современный период принцип обеспечения защиты прав человека наполняется новым содержанием. Существенное влияние на этот процесс оказывают духовно-нравственные начала, основанные на традиционных представлениях и новых потребностях экономического и социального развития белорусского общества. Изучение данной взаимосвязи имеет важное теоретическое и практическое значение для совершенствования законодательства и практики его применения. При этом отмечается, что права человека и нравственность, мораль являются частями единого

целого. Более того, без учета морально-нравственных начал права человека и основные свободы могут сводиться к роли разменной монеты.

Рассматривая особенности развития прав человека в советский период, различные авторы отмечают ключевое влияние идей позитивизма, отождествлявших право с законами и иными писанными нормативными правовыми актами, как дарованными государством свыше. Человек, его потребности рассматривались как вторичные, подчиненные интересам общества и государства. Например, отмечалось, что в условиях развитого социализма стало возможным максимально расширить круг прав и свобод человека в Конституции СССР 1977 года [1, с. 278].

Заслугой социалистического строя можно назвать возникновение и широкое признание социально-экономических прав (право на труд, право на отдых, здоровье, образование и др.), которые невозможно реализовать без участия государства. При этом им уделялось первостепенное значение, а права гражданские и политические (свобода мысли, совести и др.) хоть и закреплялись в советских конституциях, зачастую имели декларативный характер. Марксизм рассматривал вопрос о правах человека в неразрывной связи с конкретными условиями жизни общества, которые определяются его социально-экономическим и политическим строем. Например, в докладе П. М. Машерова по итогам всенародного обсуждения Конституции БССР особый акцент был сделан на большую важность конституционного закрепления социально-экономических прав [2, с. 620].

В более поздний период советской истории ситуация стала меняться. А. Г. Спиркин отмечая, что с разделением общества на классы и образованием государства нравственное и правовое сознание дифференцировались, признавал, что правовая и нравственная формы общественного сознания продолжали развиваться параллельно, оказывая влияние друг на друга. «Воля государства – писал он – сама по себе еще не является конечным основанием права. Вопрос о конечных основаниях права относится к области философско-теоретических постулатов о назначении государства, о сущности человека...» [3, с. 495].

В постсоветский период большое влияние на становление идеи прав человека также оказывала естественноправовая теория. В соответствии с ней люди рождаются свободными и сохраняют это свое естественное состояние на протяжении всей жизни не по воле государства, а в силу природы, даровавшей им жизнь. «Государство может лишь разумно ограничивать эти свободы в той мере, в какой это необходимо для сохранения мира в стране и нормальных отношений внутри обществ [4, с. 179]» – отмечает белорусский исследователь М. Ф. Чудаков.

Данный подход, нашедший выражение в первых конституциях (Конституция США 1787 г., Франции 1791 г.), выражен в знаменитом принципе – «все, что не запрещено законом, то разрешено». На основании этого США до настоящего времени не ратифицировали Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г., ссылаясь на недопустимость чрезмерного вмешательства в сферу прав и свобод человека. США и другие страны запада подвергали резкой критике СССР и социалистические страны, ссылаясь на то, что там нет реальных прав и свобод. В свою очередь соцстраны указывали на то, что в буржуазных странах всеобщее равенство и свобода граждан провозглашены формально. В капиталистическом обществе полнотой прав обладает лишь тот, кто имеет капитал.

В настоящее время в Конституции США, как и в большинстве стран, сочетаются оба подхода. Принятые впоследствии десять поправок к Конституции США (Билль о правах), содержат конкретный перечень прав и свобод. Эта задержка обусловлена опасением разработчиков Конституции, будет ли достаточным закрепление некоторых основных прав и свобод и не поставит ли это под сомнение естественные права. В результате в Билль о правах была включена следующая оговорка: «Перечисление в Конституции определенных прав не должно толковаться как отрицание или умаление других прав, сохраняемых народом».

Подобная оговорка воспринята многими странами. В ч. 1 ст. 55 Конституции РФ оговорено: «Перечисление в Конституции Российской Федерации основных прав и свобод не должно толковаться как отрицание или умаление других общепризнанных прав и свобод человека». Как отмечает по этому поводу М.В. Баглай, «данную формулировку можно толковать только как признание неисчерпаемости свободы и как уважение многогранных прав и свобод» [5, с. 159].

Конституция Республики Беларусь, разработанная в начале 90-х, скорее сохранила советскую позитивистскую традицию и не содержит указание на естественные и неотчуждаемые права. Основное внимание уделяется конкретному перечню прав и свобод. Согласно ч. 2 ст. 21 Конституции, «Государство гарантирует права и свободы граждан Беларуси, закрепленные в Конституции, законах и предусмотренные международными обязательствами государства».

Позитивистский подход к анализу правовых явлений отличается, прежде всего, тем, что ему чужды представления об общечеловеческих ценностях, среди которых идея естественного права и неотъемлемых прав человека занимает центральное место. Юридический позитивизм выступает против идеи о внесударственном и внеюрисдикционном происхождении права и прав человека как феноменов мировой культуры и цивилизации. Для него истинность права всецело обусловлена самим позитивным правом (законами, подзаконными актами и т. д.). Это односторонняя, чисто юридическая трактовка прав человека. Она исходит из того, что права человека всецело обусловлены лишь одной из сфер общественной жизни – государственно-правовой.

Тем не менее, права человека в не меньшей степени связаны также с философией, религией, моралью, культурой. Игнорирование духовно-нравственных основ грозит серьезными социальными потрясениями, застоем в экономике, культуре. Как отмечала российский исследователь О. И. Цыбулевская, «вследствие того, что в ходе реформ были проигнорированы нравственно-духовные и исторические традиции, несет крупномасштабные потери: распад единого духовного пространства, утрата консолидирующей государственной идеи, попрание чувства национального достоинства, коммерциализация культуры, аморализм. И как результат – снижение уровня жизни народа, высокая смертность, рост преступности, коррупция... духовный кризис проявляется во всех сферах: и в праве, и в политике, и в экономике... весь процесс демократических преобразований общества немыслим без прочных нравственных основ» [6, с. 14].

Поиск оптимальных форм взаимодействия личности, общества, государства это объективный процесс, обусловленный усложнением социально-экономической структуры общества. Решение каких-либо государственных задач и, прежде всего,

совершенствование системы защиты прав человека требует определенной научной базы, философского, нравственно-духовного осмысления. Для нашей республики это особенно актуально в связи с полномасштабным процессом реформирования социальной и экономической сферы. На это, в частности, обращал внимание Г. А. Василевич: «Одним из условий обеспечения надлежащего правового порядка является стабильность правового регулирования, его предсказуемость, своевременное прогнозирование последствий принятия актов законодательства. Вместе с тем политическая, экономическая, социальная жизнь общества находится в динамике, диалектическом развитии... В этой связи возникает дилемма между стабильностью законодательства и его гибкостью, ведь право должно развиваться с меняющейся жизнью» [7, с. 2].

О необходимости формирования прочных нравственно-духовных устоев на пути формирования молодого государства говорил вновь избранный Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко в своем обращении к педагогам республики в связи с началом нового учебного года (01.09.1995 г.). Он призвал отказаться от установок, «не совместимыми с гуманистическими принципами познания действительности и духовно-нравственного самоопределения личности» [8, с. 94].

В целом, среди юристов, отвечающих за подготовку и принятие нормативных правовых актов в Республике Беларусь и их реализацию, остается распространенным позитивистский подход. Обусловлено это, прежде всего, недостаточной теоретической подготовкой, среди юристов-практиков больше ценится знание норм права, а не их духовно-нравственные или социально-экономические основы. В этом отношении можно признать конструктивным предложением И. И. Пляхимовича, отмечающим проблему научного обеспечения белорусского нормотворчества и предлагающим закреплять за конкретными темами научные организации, ответственные за их изучение и предоставление в оговоренные сроки результатов. Это явится организационно-правовым механизмом взаимодействия науки и нормотворчества на перспективу [9, с. 166].

Литература и источники

1. Краткий политический словарь. – М., 1978.
2. Об итогах всенародного обсуждения Конституции (Основного Закона) БССР. Доклад П. М. Машерова на внеочередной девятой сессии Верховного Совета БССР. 1978 г. // История Беларуси в документах и материалах / Авт.-сост. Н. Н. Кузнецов, В. Г. Мазец. – Минск, 2000.
3. Спиркин, А. Г. Основы философии: учеб. пособие для вузов. – М., 1988.
4. Чудаков, М. Ф. Конституционное (государственное) право зарубежных стран: учеб. пособие / М. Ф. Чудаков. – Минск, 2001.
5. Баглай, М.В. Конституционное право Российской Федерации: учебник для вузов. – 3-е изд. изм., и доп. – М., 2001.
6. Цыбулевская, О. И. Нравственные основания современного российского права: автореф. дисс... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / О. И. Цыбулевская; науч. конс. Н.И. Матузов. – Саратов, 2004.
7. Василевич, Г. А. Обеспечение в социальном правовом государстве приобретенных прав: конституционные гарантии, законодательство, практика. Закон: стабильность и динамика: материалы заседания Международной школы-практикума молодых ученых-

юристов, Москва 1–3 июня 2006 г. / Отв. ред. Т. Я. Хабриева. – М.: Юридическая фирма КОНТРАКТ, 2007.

8. Круталевич, В. А. О Конституционном суде, законности, референдуме. – Минск, 1996.

9. Пляхимович, И. И. Перспективное планирование нормотворчества в Беларуси: материалы заседания Международной школы-практикума молодых ученых-юристов, Москва 1–3 июня 2006 г. / Отв. ред. Т. Я. Хабриева. – М.: Юридическая фирма КОНТРАКТ, 2007.

4.4 Художественная практика в структуре интеллектуальной культуры

ИДЕОЛОГИЯ САРМАТИЗМА В ИСТОРИИ БЕЛОРУССКОГО ЗОДЧЕСТВА

Т. В. Габрусь

В истории архитектуры как наиболее социального детерминированного вида творческой деятельности человека обязательно присутствует интеллектуальный культурологический контекст, который определяет характер ее развития. Исторический миф о Сарматии, как общей прародине шляхетского сословья поляков и литвинов стали идеологическим обоснованием государственной унии Короны Польской и Великого княжества Литовского в 1569 г. и создания на этой основе многонациональной и многоконфессиональной Речи Посполитой. Изучение влияния идеологии сарматизма в художественной культуре Великого княжества Литовского в белорусском искусствоведении ранее сосредотачивалось лишь на феномене так называемого сарматского портрета с обязательным представлением изображаемой персоны в местном шляхетском костюме, с оружием, родовыми гербами и другими знаковыми сословными аксессуарами, а также панегерическими надписями. На аналогичные явления в национальном монументальном зодчестве концепция сарматизма не экстраполировалась. Однако, элементы сарматизма можно наблюдать уже в архитектуре костелов первой половины XVII в., основанных крупнейшими магнатами Великого княжества Литовского, что проявилось во введении в художественное оформление храмов знаковой сословной атрибутики, гербовых картушей, портретов и надгробий их основателей (фундаторов).

Носителями сарматского мировоззрения в сакральной архитектуре ВКЛ стали нищенствующие католические ордена, и в первую очередь, орден доминиканцев, проповедующий идеи томизма. Их миссионерская, преимущественно образовательная, деятельность была направлена на «вольные и возможные» слои общества – магнатов и шляхту, которые выступали основными фундаторами многочисленных костелов. Одной из наиболее ранних святынь ордена доминиканцев на белорусских землях стал костел Фомы Аквинского в Минске, куда они прибыли в 1600 г. из Вильни. История строительства костела начинается с 1605 г., когда минская шляхта в честь победы над московским войском собрала на него средства. Эта акция

получила название «копытковский сбор», по количеству фундаторов-всадников. Последний фундуш на строительство костела датируется 1640 г., что свидетельствует, что завершено оно было в основном в первой половине XVII в. Минский кляштор доминиканцев был закрыт после восстания 1830–1831 гг., а после восстания 1863–1864 гг. приспособлен под казармы. Ансамбль костеля и кляштора сильно пострадали во 2-ю мировую войну, а в 1950 г. полностью разрушены. При внешнем аскетизме храма, характерном для ордена доминиканцев, его интерьер отличался пышностью и богатством декоративного убранства, включал 13 стукковых и резных деревянных алтарей, органные хоры над входом. В нем также находилось восемь гербовых картушей инициаторов «копытковского сбора».

Расцвет идеологии сарматизма, основанной на теории, рассматривающей сарматов как общих предков привеллигерованных слоев населения ряда стран Центрально-Восточной Европы, подвластных ранее династии Ягеллонов, припадает на вторую половину XVII в. В XVII в., особенно после русско-шведско-польской войны 1654–1667 гг., идеология сарматизма переживала подъем, стала доминирующим шляхетским мировоззрением, культурой и образом жизни. Времена правления королей Михала Вишневецкого (1668–1674) и Яна III Собесского (1674–1696) отмечены подъемом общенационального государственного патриотизма. В это время Речь Посполитая в союзе с Австрией, Венецией и Россией вела войны с Турцией и Крымом в 1672–1676 и 1683–1699 гг. Король Ян Собеский возглавлял объединенное войско Священной Римской империи в битве под Веною 12 сентября 1683 г. Победа в этой битве остановила исламизацию Европы, опасность со стороны Турции за пределами Балкан была ликвидирована. Эти исторические события способствовали обострению чувства «сарматского» достоинства шляхетского сословия Речи Посполитой. В общественном менталитете акцентировались заслуги шляхты в борьбе с «неверными» (турками, татарами), «схизматиками» (московитами) и еретиками-протестантами (шведами). Идеал шляхтича-сармата требовал определенного образа жизни, в первую очередь, искреннего и жертвенного служения римско-католической вере.

Распространение во второй половине XVII в. в разных слоях населения Великого Княжества Литовского сарматского мировоззрения коренным образом изменило общие эстетические принципы сакрального зодчества. Концептуальное идейно-образное единство композиционных, конструктивных и декоративных характеристик ряда местных каменных костелов, пропитанных духом христианского рыцарства, определяется нами как «сарматское барокко». К этой группе памятников относятся аскетические по внешнему виду храмы с двумя массивными четвериковыми башнями на главном фасаде, такие как: костел Михаила Архангела ордена августинцев в Михалишках (ныне Островецкий район), Троицкий костел кармелитов обутых в Засвири (ныне Мядельский район), костел Благовещения Деве Марии ордена доминиканцев в Клецке, фарный костел Преображения Господнего в Новогрудке. Уточнение научной искусствоведческой атрибуции очерченного круга костелов показало, что большинство их возведено позже принятых ранее датировок, а именно, на рубеже XVII–XVIII вв. Таким образом, по времени возведения указанные святыни соответствуют периоду зрелого барокко в европейской архитектуре, однако, по своим художественным характеристикам они мало

соотносятся с другими артефактами этого стиля в его классическом италянизированном варианте. Их внешний облик отличается обобщенностью и аскетизмом архитектурных форм, напоминая местные крепостные сооружения. В то же время убранство интерьеров большинства этих храмов отличалось барочной пышностью, сочностью и живописностью пластического лепного декора в технике стукко (искусственного мрамора). Самобытная архитектурно-художественная специфика ряда католических храмов, сконцентрированных преимущественно на территории этнической Литвы, востребовала социально-идеологического обоснования этого историко-культурного феномена.

Призматические четвериковые башни костелов «сарматского барокко», накрытые невысокими шатрами-«колпаками» чрезвычайно архаичны и визуальнo декларируют свою оборонную функцию, имитируя крепостные башни. Почти средневековая суровость этих памятников иной раз заставляла историков искусства определять их как готические и опираться на самые ранние, часто мифические, даты их возведения. Однако, здесь образ крепостной башни в соответствии с эстетической концепцией мирового стиля Нового времени, становится сценическим декоративным атрибутом, придает сакральному сооружению театрализованный образ храма-воина. Очевидно, что в период господства идеологии сарматизма эта архитектурная форма приобрела новую семантическую историко-культурную интерпретацию. Главный фасад становится чем-то наподобие ширмы или театральной кулисы, закрывающей от зрителя реальную конструкцию и придает ему желаемую символическую знаковость. В суровых, похожих на крепостные, башнях просматриваются готические реминесценции, рыцарское духовное предстояние перед Богом, приверженность родной традиции, «своему небу и звичаю», и другие заложенные в них «сарматские» концепты. Таким образом, в тектонике храмов этого круга присутствует духовная наполненность материальных архитектурных форм национальной художественной традицией и интеллектуальным посылом идеологии сарматизма.

К ВОПРОСУ О КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССАХ В МУЗЫКЕ

Т. Г. Мдивани

«Она (музыка) стоит совершенно особняком от всех других. Мы не видим в ней подражания, воспроизведения какой-либо идеи существ нашего мира; и тем не менее она представляет собой великое и прекрасное искусство, так сильно влияет на душу человека и так полно и глубоко понимается им в качестве всеобщего языка, который своею внятностью превосходит даже язык наглядного мира, – что мы несомненно должны видеть в ней нечто большее, чем *exercitium arithmeticae occultum nescientis se numerare animi*»¹, – писал А. Шопенгауэр [8, с. 73].

Вопрос детерминированности музыкального целого универсальными законами бытия, находящимися за пределами музыки и ее организующих принципов, является

¹ «Музыка есть таинственная арифметика души; она вычисляет, сама того не сознавая» (Из письма Г. В. Лейбница Х. Гольдбаху) [2, с. 404].

одним из сложнейших вопросов современной гуманитаристики. В его основе лежит определение характера взаимосвязи и взаимозависимости между миром и человеком, мыслью и чувством, где преобразованное отображение мира и особым образом конструирование реальности осуществляется креативной личностью. И поскольку музыкальное произведение как целостность предполагает две взаимосвязанные и взаимодействующие составляющие – интуитивно-эмоциональное и интеллектуально-аналитическое, рационально осмысленное, логически организованное и «иррациональное», индетерминированное, то мир, воплощенный в музыке, и музыка как мир, есть ни что иное, как особым образом организованный музыкальный смысл и смысл музыкального текста¹. А. Ф. Лосев называет смысловую форму в музыке интенциональной, выделяя три ее стороны: напряжение (становление интонации в ее гармоническом, ритмическом, мелодическом и композиционном аспектах), личная актуальность (или ментальная когниция) и оформление. Таким образом, постижение содержания и структуры смыслов, механизмов конструирования и процедур смыслополагания составляет сущность музыкальной когниции.

Обращение к когнитологии – науке об общих принципах, управляющих мыслительными процессами, – вызвано ситуацией в музыкальном радикализме второй половины XX века, где воцарился культ аналитизма и картезианского *cogito*, обнимающих и чувственный опыт, и желание, и воображение и рацию, структурирование. В этих условиях неизбежно встает вопрос о смысловом наполнении музыки как «материала» мысли, интеллекта и энигме творчества, и о процедурах смыслообразования, где музыка организует смысл своими собственными средствами и по собственным законам, то есть имманентно.

Раскрытие статуса смысла (открытый, латентный), как и смысловой организации музыкального материала (линейной, нелинейной, детерминированной извне, индетерминированной, или самоорганизующейся и т. п.) обрело особую актуальность в радикальных невербализированных и открытых музыкальных текстах. Так, в открытых системах конструктивным ядром смыслообразования является структурная поливариантность, семантическим – казуальность, вероятность, или «нонсенс как открытая возможность смысла» [4, с. 326]. В таких ситуациях между двумя когнитивными элементами – организованной особым образом музыкальной мыслью (форма *et cetera*) и полисемией ее смысла, создающей широкое и неограниченное поле возможностей для трактовок и интерпретаций (алеаторическая композиция, графическая музыка) неизбежно формируется когнитивный диссонанс (термин Л. Фестингера, 1956), или несоответствие между мыслью-структурой и мыслью-смыслополаганием как динамическим процессом [7, с. 47]. В невербализированных музыкальных текстах ситуация иная: здесь процесс смыслообразования зиждется на когнито обоснованных ассоциативных принципах, в основе которых лежат многообразные связи музыки с литературой, поэзией, живописью, театром, танцевальным искусством и проч. Смысловая организация такого музыкального текста, его содержание и структура во многом определяется

¹ «Смысл – это становящееся содержание... Этот процесс становления назван процедурой смыслополагания» [5, с. 35].

личностью «чтеца», его культурным опытом и человеческим потенциалом. Как правило, в невербализированных музыкальных системах доминирует смысловая аппроксимативность, которая основана на презумпции отказа от жестко фиксированных границ смысловых значений и их коннотаций.

И в открытых и невербализированных музыкальных системах встречается своеобразная игра смыслов, особенно в тех случаях, когда текст строится 1) как мозаика из рядоположных музыкальных когний (коллаж, полистилистика), или 2) представляет собой организованную последовательность компонентов музыкальной целостности, состоящую из «рыхлых» элементов, основанных на нонсенсе и аппроксимации, и «твердых» элементов, имеющих в основе рациональный конструкт (А. Литвиновский, «Wir», «Ul», «Zbieg»). Примечательно, что игра смыслов содержит интенцию к интертекстуальности, где цитата не является внешней, чужеродной когницией, а является имманентным компонентом текста-палимпсеста (Л. Берио, Симфония; Д. Смольский, 15 симфония). Безусловно, для содержательной идентификации «цитат» читающий субъект должен быть «аристократическим читателем» (Р. Барт), а музыкант обладать «интертекстуальной компетенцией». Во всех случаях процедура смыслообразования предстает как движение или интенция всех музыкальных когний к некоторой точке притяжения, названной в синергетике аттрактором, который выступает либо этапом, либо точкой бифуркации, либо концептом в процессе раскрытия музыкального смысла произведения композитора [6]. Так структурируется творческая мысль, где смысл музыкального произведения оформляется не только содержанием, эмоциональной компонентой, но и формой.

Между тем, каждое музыкальное произведение является репрезентантом определенного стиля, где процесс стилиобразования есть реализованный в звуках процесс смыслополагания. Конструктивным элементом этой связи выступает смыслообразующая модель, или концепт – мыслительный элемент концептуальной системы, несущий духовный смысл. В музыке понятие концепта включает в себя такие компоненты концептосферы, как авторский язык (стиль), стилевые идиомы мира музыкальной культуры (восточной, западной), этноса, национальности и т.п. Композиторские решения в строении музыкального текста, обретшего идиоматический вид (например, последовательность серий или соотношение элементов сериальной композиции), апеллируют к разнообразию возможностей формирования моделей смыслообразования, что определяет индивидуальность, неповторимость композиторского стиля. Другими словами, понятие концепта «выражает взаимообусловленность смыслообразования и стилиобразования в языках искусства, объединяя в себе не только всю мыслимую человеком культурную информацию, но способы ее репрезентации» [1].

Многообразные когнитивные модели, музыкальные концепты и процедуры смыслополагания демонстрирует белорусское композиторское творчество. В нем нашли оригинальное преломление многие тенденции развития культуры XX века – классические, национально-романтические, радикальные, фольклорные, в которых всегда отчетливо заявляет о себе «концептуальный лексикон» (А. Амрахова) конкретной творческой индивидуальности. В своем произведении композитор выступает творцом нового музыкального мира, раскрывая через посредство звука и

музыкальный смысл и духовную сущность человека и жизнь Вселенной. Тем самым композитор предстает своего рода демиургом, властно соединяющим в своей музыке проявленные и непроявленные звучания, чувство и интеллект, надрациональное (сюр-рациональное) и рациональное. Когнитивно ориентированная методология дает возможность выявить имплицитное присутствие автора, его «Я» как в закономерностях смыслообразования, содержания музыкального произведения, которые проявляют себя в различных аспектах музыкальной композиции – интонационном словаре, внутреннем устройстве, материале в целом. Тем самым создается инструментарий для глубинного постижения сущности музыки и ее места как в локальном значении, так и в пространстве мировой художественной культуры.

Литература и источники

1. Амрахова, А. Когнитивные аспекты интерпретации современной музыки: На примере творчества азербайджанских композиторов / А. Амрахова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.referun.com/n/kognitivnye-aspekty-interpretatsii-sovremennoy-muzyki>. – Дата доступа: 01.10.2014.
2. Лейбниц, Г. В. Собр. соч. – М., 1982. – Т. 1.
3. Можейко, М. Интертекстуальность / М. Можейко // История философии. Энциклопедия. – Минск, 2002.
4. Можейко, М. Дискурс / М. Можейко // История философии. Энциклопедия. – Минск, 2002.
5. Смирнов, А. Логика смысла: Теория и ее приложение к анализу классической арабской философии и культуры / А. Смирнов. – М.: «Языки славянской культуры», 2001.
6. Сороко, Э. Онтология творчества как меры и нормы развития человека / Э. Сороко // Творчество как онтологическая проблема. – Пермь, 1992.
7. Фестингер, Л. Теория когнитивного диссонанса. / Л. Фестингер. – СПб., 1999. – С. 15–52.
8. Шопенгауэр, А. Мир как воля и представление / А. Шопенгауэр. Собр. соч. – М., 1992. – Т. 3.

ДАСЛЕДАВАННЕ МУЗЫЧНА-ЭСТЭТЫЧНАЙ ДУМКІ БЕЛАРУСІ Ў КАНТЭКСЦЕ ІНТЭЛЕКТУАЛЬНАЙ ГІСТОРЫІ

Л. І. Борсук

Даследаванне музычна-эстэтычнай думкі Беларусі ад самых вытокаў з’яўляецца першай спробай філасофскага асэнсавання музычнага мастацтва старадаўняй эпохі як цэласнай з’явы ў яго ўнутранай структуры, у яго суадносінах з іншымі сферамі чалавечага быцця, у кантэксце інтэлектуальнай гісторыі.

Магчымасць распрацоўкі гэтай тэмы абумоўлена тымі спрыяльнымі ўмовамі, якія склаліся ў апошнія дзесяцігоддзі на ніве вывучэння мастацкай культуры Беларусі і асабліва яе музычнай спадчыны.

Вялікім дасягненнем было адкрыццё і вяртанне ў кантэкст музычна-гістарычнага развіцця музычных помнікаў пісьмовай традыцыі, якія дапамаглі асэнсаваць лёс музычна-прафесійнай культуры Беларусі і яе месца ў еўрапейскім

культурна-гістарычным працэсе. Неабходнасць выйсці на ўзровень філасофскага абагульнення гэтага вопыту выклікана патрабаваннем часу і самім станам існавання сучаснай навуковай гуманістычнай думкі – яе кардынальных кірункаў у вынаходніцтве метадык комплекснага і сістэмнага падыходу да гісторыка-культурных праблем у іх аксіалагічнай значнасці для нацыі, дзяржавы і ўсяго чалавецтва.

Музыка ў яе іманентным існаванні і філасофскім асэнсаванні – гэта вельмі шырокае поле для эстэтычнага аналізу ў кантэксце адметнай для краіны культурна-гістарычнай прасторы з мэтай ўсведамлення нацыянальнай асаблівасці і ментальнай ідэнтыфікацыі.

Перажыванне пачуццёвай выразнасці было дамінуючым для нашых продкаў і праявіла сябе ў творах мастацтва сапраўды мастакоўскім адчуваннем прыгожага. Эстэтычны пачатак папярэднічаў асабіста сакральнаму і стала пераважаў на працягу ўсяго дахрысціянскага перыяду. З эстэтычнага светаадчування нараджаўся міф, але з цягам часу губляў сваю сакральную і светапоглядавую значнасць і становіўся мастацкім вобразам, агульным сімвалам, «культурным архетыпам» [1, с. 33]. Пазней з прагі духоўнасці, з жадання асэнсаваць Бога і сусвет і цераз яго – прыроду, красу, дабро, ласку – узнікала (на вяршыні аб'яднання душы і зямлі) песня селяніна і песня гусяра, песня-абрад і песня-малітва. Яе «генныя» вобразна-сюжэтныя, вобразна-эмацыянальныя і музычна-тэматычныя элементы склалі комплекс «этнічных пераваг» сучаснай беларускай кампазітарскай творчасці, яны сталі ўвасабленнем этнадыференцыйных яе характарыстык на свядомасным, эмацыянальным і мастацкім узроўнях – узроўнях нацыянальнага кантэксту. Аб гэтым сведчаць пісьмовыя помнікі той далёкай эпохі і сучасныя даследаванні ў галіне гісторыі, этнаграфіі, фальклора, філасофіі, эстэтыкі, мастацтвазнаўства і музыкалогіі айчынных вучоных. Іх аналіз паказвае, што любоў да музыкі, да музычнай творчасці спрыяла ўзнікненню асаблівай ментальнасці, а вызначальнымі рысамі яе сталі душэўная прасветленасць, прага духоўнага, працавітасць, сумленнасць і цярдлівасць, трапяткая незнішчальная адданасць сваёй зямлі. Гэтыя рысы спрыялі станаўленню этнасу, былі асновай яго жыццяздольнасці, а спосабы эстэтычнага ўдасканалення навакольнага асяроддзя і самога чалавека садзейнічалі стварэнню сістэмы духоўных каштоўнасцей – усяго таго, што спрыяла станаўленню пазней нацыянальнай адметнасці і непаўторнасці.

Развіццё музычна-эстэтычнай думкі разглядаецца намі ў межах сталага і позняга Сярэднявечча, а таксама эпохі Адраджэння і барока – перыяду XI–XVII стст., гэта значыць ад таго моманту, калі прыгожае яшчэ не з'яўлялася прадметам эстэтычнай рэфлексіі, а нараджалася з прагі цудоўнага, маляўнічага, меладычнага; пазней жа, калі стала хапаць культуры творчасці, яно праявілася ў сінкрэтычнай форме духоўнай культуры – музычным фальклоры, у яго непадзельным адзінстве з быццёвай філасофіяй, рэлігіяй і мастацтвам; у практыцы хрысціянскага богаслужэння – стварэннем кананічнай манадычнай спеўнай традыцыі, у якой музыкае, як феномен духоўнага, дасягала найвышэйшага стану, а з'яўленне шматгалосся адлюстравала палемічны стан існавання музычна-эстэтычнай думкі XVII ст. ва ўмовах поліканфесіянальнасці. Першыя рэфлексіі музычна-эстэтычнага ў творах беларускіх гуманістаў, прадстаўнікоў эпохі Адраджэння, былі звязаны з агульным напрамкам на ўдасканаленне чалавека. Адначасова яны сведчылі аб нарастанні працэсаў секулярызацыі прафесійнага музычнага мастацтва і узмацненні яго

самастойнай значнасці, але ў рэчышчы адметнага для ўсходняга арэалу хрысціянскага гуманізму.

Вельмі важна для усіх нас асэнсаваць адметны шлях айчыннай музычна-эстэтычнай думкі ў еўрапейскім культурна-гістарычным кантэксце, ацаніць гнасеалагічныя і аксіалагічныя якасці музыкі як феномена духоўнай творчасці, яе значнасць для станаўлення адметнай нацыянальнай ментальнасці. Паўстала пытанне, які шлях даследаванняў неабходна вызначыць. Удалося сканцэнтравацца ў наступным кірунку:

– разгледзець музычны фальклор у яго сацыяльнай значнасці і музычнай цэласнасці як творчасць вуснай традыцыі ў кантэксце агульнафіласофскай і эстэтычнай сістэмы;

– раскрыць змест і вызначыць асаблівасці станаўлення музычна-эстэтычнай думкі Сярэднявечча як адметнай музычнай тэалогіі ў структуры багаслоўя;

– вызначыць фактары ўздзеяння на фарміраванне музычна-эстэтычных поглядаў эпохі Адраджэння і раскрыць змест першых іх рэфлексій у творах беларускіх гуманістаў;

– выявіць кардынальныя кірункі развіцця палемічнай музычна-эстэтычнай думкі эпохі станаўлення барока, даследаваць яе разгортванне ў спецыфічных умовах сацыягістарычнага развіцця;

– паказаць шляхі фарміравання адметнай музычнай канцэптуальнасці і станаўленне нацыянальнай музычнай свядомасці ў суадносінах з еўрапейскім культурна-гістарычным рухам.

Асаблівасцю працы з’яўляецца наяўнасць гістарычнага кантэксту, што патрабуе выяўлення неабходнай для нас дынамікі культурна-гістарычнага працэсу той далёкай эпохі, асэнсаванне сувязей паміж агульна-эстэтычнымі і музычна-эстэтычнымі ідэямі, поглядамі, ідэаламі, што уваходзіць у акрэс інтэлектуальнай гісторыі, а таксама разуменне тых сацыя-гістарычных умоў, з якіх вынікалі новыя мастацкія рухі і ў кантэксце якіх музычнае мастацтва праяўляла бязмежную магчымасць увасабляць прыгожае, велічнае, гераічнае, трагічнае, камічнае і г. д., ствараць новыя мастацкія ментальнасці ў будучым з ярка вызначаным нацыянальным зместам.

Як паказалі даследаванні, існаванне музычнай творчасці, як вуснай, так і пісьмовай традыцыі, было дэтэрмінавана спецыфічнымі гістарычнымі і сацыяльнымі ўмовамі развіцця краіны, яе дзяржаўнасці, ідэалогіі і палітыкі. З памежнага становішча паміж Усходам і Захадам, на стыку заходнехрысціянскіх і ўсходнехрысціянскіх цывілізацыйных сістэм, вынікалі поліканфесійная шматвектарнасць, палемічны стан існавання самой дзяржаўнасці ва ўмовах поліэтнічнасці, а далей і дэфармацыя культурнага развіцця: суіснаванне архаічных элементаў як прыкмет этнічнай самабытнасці (сацыяльных нізоў) з новымі культурнымі з’явамі інаэтнічнай культуры (сацыяльных вярхоў).

У гэтым кантэксце *беларускі музычны фальклор* – адметная сацыяльная, нацыянальная і эстэтычная з’ява. У ігрышчах, карагодах, абрадах, магічных рытуалах, працы, гульнях, песнях праявіў сябе сацыякультурны вопыт этнасу, а народны напеў нараджаўся «па законах красы» – стыхійна, у працэсе непасрэднага выканання, як вынік натхнення. Ён меў ірацыянальную прыроду і таму непасрэдна

выяўляў этнапачуццёвы эмацыянальны ўсплеск, што праявілася «формульнасцю» (ў яго сімвалічнай значнасці), як канцэнтраваным, непадзельным «меладычным зліткам» усіх выразных сродкаў.

Рэлігійная эстэтыка Сярэднявечча развівалася ў кантэксте багаслоўя адзінай хрысціянскай агульнаславянскай цывілізацыйнай прасторы. Асветніцкая дзейнасць Ефрасінні Полацкай, Кірылы Тураўскага, Клімента Смаляціча, Аўраамія Смаленскага, а пазней Грыгорыя Цамблака садзейнічала станаўленню хрысціянскіх ідэй і ўзмацненню духоўнасці. Іх эстэтычныя погляды мелі агульнатэалагічны кантэкст, характэрны для айцоў царквы, але вызначаліся некаторымі адметнымі рысамі: пры наяўнасці традыцыйнай дагматыкі яны не выяўлялі крайняга радыкалізму. Кірыла Тураўскі прызвае да «высокага» – да розуму кніжнага, а спеў разглядае сімвалічна, як спеў нябесны [2, с. 423]. Гэты традыцыйны погляд адпавядаў аднаму з асноўных дагматаў Царквы, а музычная праблематыка выяўлялася як адметная *хрысціянская музычная антрапалогія* – глыбока містычнае вучэнне, дзе жыццё чалавека і ён сам разглядаліся як інструмент, ад правільнай настройкі якога залежыла чысціня і правільнасць мелодыі [3]. Ва ўмовах самастойнай дзяржавы Вялікага Княства Літоўскага сярэдневяковая музычная эстэтыка з’яўлялася музычнай тэалогіяй і развівалася ў талерантных адносінах на стыку двух сярэдневяковых апазіцыйных форм духоўнасці – «веры рускай – веры польскай».

Музычна-эстэтычныя погляды Адраджэння складваліся на ўзвышшы гарадской беларускай культуры і вынікалі з адметных для Беларусі ідэй *хрысціянскага гуманізму і рэфармацыйнага патрыятызму*, якія адпавядалі рэнесанснай культурнай парадыгме аб гарманічным сумяшчэнні зямнога і боскага, пачуццёвага і духоўнага, рэлігійнага і філасофскага. З плёну ідэй першай хвалі беларускага рэнесанснага асветніцтва і яго філасофскай апоры – хрысціянскага гуманізму – нараджалася рэнесансная музычна-эстэтычная думка і першыя рэфлексіі музычна-эстэтычнага ў творах Ф. Скарыны.

Рэфармацыйны рух на новай ренесансавай хвалі быў асвечаны высокім патрыятызмам і сацыяльным пратэстам, меў моцную рэлігійную сілу і рацыянальную арганізаванасць. Мастацкі мінімалізм амаль выпясніў эстэтычны элемент з усіх відаў творчасці. Спрошчанае мастацкіх патрэбнасцей – асноўны эстэтычны закон пратэстантаў усіх канфесій. Аднак пратэстанцкая рэформа азначала *перамену этычных асноў музыкі*. Музыка перастае быць дапаможным сродкам, яна становіцца каштоўнасцю сама па сабе.

Трэці этап беларускага Адраджэння праходзіў ў моцна палярызаваным канфесійным полі. Музычна-эстэтычныя працэсы разгортваліся пад уздзеяннем трох фактараў: поліканфесіянальнасці, як адметнай з’явы рэлігійнага, сацыяльнага і культурнага жыцця; адметнай універсальнай сінтэтычнасці; секулярызацыі і звязанага з ёю новага сацыяльнага і эстэтычнага стану музыкі. З другой паловы XVII ст. музычнае развіццё знаходзілася ў сітуацыі «абрыва-узнаўлення» і пошуку нацыянальных прыярытэтаў. *Музычна-эстэтычная думка позняга Адраджэння і барока* вынікала з агульнапалемічнага стану грамадства, канфрантацыі ідэалогій і палярызацыі светапоглядаў. Як вынікала з тэарэтычных трактатаў А. Мезенца, М. Дылецкага, С. Лаўксміна, музычна-эстэтычных поглядаў Ф. Скарыны, С. Полацкага, М. Сарбеўскага, літаратурных, прававых і філасофскіх твораў той

пары, палемічная музычна-эстэтычная думка адлюстравала супярэчлівыя працэсы станаўлення музычна-эстэтычнай свядомасці і фарміравання аб'ектыўна-суб'ектыўных адносін чалавека, а таксама вызначыла зрухі ў адносінах да музыкі, яе месца ў грамадстве і ў сістэме іншых мастацтваў, яе агульнаэстэтычныя і іманентныя якасці на стыку ўзаемадзеяння лінейнай, поліфанічнай і акордавай свядомасці [4].

Літаратура і крыніцы

1. Конан, Ул. Ля вытокаў самапазнання: станаўленне духоўных каштоўнасцяў у святле фальклору / Ул. Конан. – Мінск: Маст. літ., 1989. – 238 с.
2. Мельнікаў, А. А. Кірыл, епіскап Тураўскі. Жыццё, спадчына, светапогляд. – Мінск: Беларуская навука, 1997.
3. Борсук, Л. И. Богослужбное пение как триединство слова, распева и образа // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта (Серыя гуманітарных і грамадскіх навук). – Брэст: Выдавецтва БрДУ імя А.С. Пушкіна, 2003. – №3(35). – С. 89–97.
4. Борсук, Л. И. Музыкальная эстетика Беларуси XI–XVII стагоддзяў / Л.И. Борсук. – Брэст: Альтернатива, 2012. – 200 с.

МУЗЫКАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ЛИЧНОСТИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ

Е. А. Цымбалюк

*«Нет ничего сильнее идеи, время которой
пришло»
Виктор Гюго*

В лоне музыкального образования наблюдается весьма яркая палитра мнений по заявленной проблематике. Большинство исследователей трактуют музыкальную культуру личности с позиции становления духовности воспитанника. Новообразования в духовном мире последнего, которые развиваются благодаря преломлению в его сознании нравственно-эстетического содержания музыки, собственно и могут ярко демонстрировать уровень причастности личности к музыкальной культуре как части духовной культуры человечества [1].

Следующая тенденция рассматривает музыкальную культуру в качестве способности слышать музыку как содержательное искусство, несущее в себе чувства и мысли человека, его жизненные идеи. Слышание или восприятие музыки включает в себя осмысленную оценку произведения на основе обобщенных музыкальных знаний и собственно мысль о музыке, суждение о ней, ее художественной форме и образе. Объединение процесса восприятия музыки с процессом усвоения музыкальных знаний, умений и навыков активизирует интеллектуальные аспекты музыкальной культуры, дает возможность постигать искусство в его социальной функции [2].

Наряду с трактовкой музыкальной культуры личности как определенного уровня духовности человека и способности адекватно воспринимать музыку, возможно проследить еще одну тенденцию в исследовании проблемы. В данном

случае музыкальная культура рассматривается в качестве интегрированного свойства личности учащегося, которое реализует себя в музыкальной развитости и музыкальной образованности [3]. Музыкальная развитость понимается прежде всего как любовь к музыкальному искусству, эмоциональное к нему отношение, потребность в различных образцах художественной музыки, как музыкальная наблюдательность. Музыкальная образованность предполагает эмоционально-ценностное отношение к музыкальному искусству и жизни, владение способами музыкальной деятельности, искусствоведческими знаниями, открытость новой музыке, развитость музыкально-эстетических идеалов и художественного вкуса, критическое избирательное отношение к разнообразным музыкальным явлениям. Музыкальная культура в таком ее понимании является средством сохранения и передачи новым поколениям художественного опыта. Последний обеспечивает перевод с помощью искусства общепринятых ценностей на уровень их личностного приятия, приобщает личность к художественной практике конкретных выдающихся деятелей искусства, стимулирует способность воспитанников к эстетическому переживанию музыки. «Искусство – это единственный имеющийся в распоряжении человечества способ воплощения индивидуальных структур внутреннего мира личности человека – ребенка и взрослого. Благодаря возможности подобного воплощения индивидуального в его живой динамике, а также неразрушимой целостности как раз и заключается социальная необходимость и уникальное общественное предназначение искусства» [3, с. 12].

Различные акценты в трактовке сущности музыкальной культуры личности обнаруживают расхождения и в понимании критериев ее сформированности. В частности Э. Б. Абдуллин выделяются грани включения личности школьника в процесс овладения музыкальной культурой – эмоциональное отношение к воспринимаемой музыке, осознанное отношение к музыке, двигательнопрактическое отношение к музыке [4]. И. Кевишас доказывает целесообразность использования в роли основных критериев сформированности музыкальной культуры качество познания произведения и самовыражения посредством его, а также интерес юной личности к различным видам музыки и музыкальной деятельности [5]. В. А. Школяр и соавторы стремятся обосновать обобщенные компоненты музыкальной культуры, которые должны содержательно выражать ее сущность – музыкальный опыт, музыкальную грамотность, музыкальное творчество [1].

Соответственно разнятся выделяемые уровни сформированности музыкальной культуры. Р. А. Тельчарова выделяет уровень элементарного узнавания музыкальных объектов при повторном восприятии, уровень стихийного самосовершенствования и демонстрации определенного музыкального опыта, уровень владения приемами практической музыкальной деятельности, уровень использования приемов творческой реализации [6]. Развивая данные идеи в контексте музыкально-эстетической культуры школьников, С. А. Карташев обосновывает несколько иные уровни ее сформированности: включенность школьников в информационный вид музыкальной деятельности, эпизодическое участие в практических видах музицирования; включенность воспитанников в информационный, практический и частично творческий вид музыкальной деятельности; включенность учащихся во все

виды музыкальной деятельности с преобладанием эмоционально-творческого типа восприятия [7].

Экстраполируя сказанное в область педагогической практики, следует обратить внимание на необходимость овладения воспитанниками языком музыки – совокупностью материальных средств создания художественного музыкального образа, средств, имеющих интонационную природу, на развитость музыкального восприятия и музыкального мышления, а также на вопросы мотивации музыкально-познавательной деятельности учащихся, деятельности, реализуемой в характере эстетической оценки произведения и художественной вкусе. В этой связи разумно заключить следующее.

Первое. Музыкальная культура личности как часть духовной культуры является интегрированным человеческим свойством, выражающим себя в способности заниматься музыкальной деятельностью, которая включает: знание музыкальных произведений и умение их интерпретировать; широкий опыт исполнительской, творческой и слушательской деятельности; владение навыками музыкальной нотации; стремление приобщиться к культурной жизни своего края.

Второе. В основе музыкальной культуры личности лежит ощущение зародыша музыкальной речи – зерна интонации, обеспечивающего содержательное восприятие музыкального образа, осознание последнего как исторической и стилистической ценности, а также наличие у человека разнообразной палитры музыкальных эмоций, синтезирующихся в катарсической реакции на произведение.

Третье. Как известно, культура определяет содержание и характер школьного образования, которое, в свою очередь, транслирует культуру, что характерно и для культуры музыкальной. В силу этого процесс ее формирования предполагает решение ряда фундаментальных педагогических задач: развитие музыкального мышления – комплексной способности осознавать художественные реалии как единичного, так и более широкого порядка; обеспечение условий для последовательного усвоения воспитанниками системы музыкальных понятий, охватывающих общие принципы художественного воздействия музыкального искусства, его специфику и частные знания в области музыкальной семантики, грамматики и стилистики; стимулирование музыкально-познавательного интереса школьников – центрального звена мотивационного аспекта музыкально-познавательной деятельности.

Четвертое. Синтезирующим показателем развитости музыкальной культуры личности следует определить музыкальный вкус, отражающий, как подчеркивают многочисленные исследователи, способность получать эстетическое наслаждение от музыкальных произведений и давать последним развернутую художественную оценку. Известные уровни постижения воспитанником прекрасного в музыкальном искусстве могут реально демонстрировать характер индивидуальной музыкальной культуры.

Литература и источники

1. Музыкальное образование в школе: учеб пособие для студ. муз. фак. и отд. высш. и сред. пед. учеб. заведений / Л. В. Школяр, В. А. Школяр, Е. Д. Критская и др.; под ред. Л.В. Школяр. – М., 2001.

2. Абдуллин, Э. Б. Методологический анализ проблем музыкальной педагогики в системе высшего образования. – М., 1990.
3. Алиев, Ю. Б. Настольная книга школьного учителя-музыканта. – М., 2000.
4. Абдуллин, Э.Б. Теория и практика обучения в общеобразовательной школе. Пособие для учителя. – М., 1983.
5. Кевшас, И. Теоретические основы становления музыкальной культуры школьника: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. – Минск, 1998.
6. Тельчарова, Р. А. Музыка и культура. Личностный подход. – М., 1986.
7. Карташев, С. А. Динамика уровней сформированности музыкально-эстетической культуры младших школьников // Мир искусства и дети: проблемы художественной педагогики: материалы II Международ. науч.-прак. конф., 15–16 мая 2001 г. – Витебск, 2001.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ МУЗЫКАЛЬНОЙ МЕДИЕВИСТИКИ В КОНТЕКСТЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ БЕЛАРУСИ

Г. И. Сорока-Скиба

Музыкальные находки и научные исследования, персоналии и анонимные творения, осмысление всего того, что составляет смысл и содержание далеких эпох и реалий сегодняшнего дня, и, согласно утверждению доктора искусствоведения, профессора О. В. Дадиомовой, «уваходзіць у нашае мастацкае жыццё, навуку, педагогічную практыку...» [2, с. 4], – это важнейший аспект не только музыкальной культуры, истории Беларуси, но интеллектуальной культуры в целом. Понятие «интеллектуальная культура» намного шире понятия «музыкальная культура». Все ученые, посвятившие свою жизнь изучению различных аспектов музыкального искусства, не склонны преувеличивать ее значимость в сравнении с более обширной областью «интеллектуального». Во многих трудах, научных статьях, исследованиях отечественных этномузыкологов (Л. Ф. Костюковец, Т. С. Якименко, Л. Ф. Баранкевич и др.), историков и теоретиков белорусского и мирового музыкального искусства (О. В. Дадиомова, Э. А. Олейникова, Е. Н. Дулова, Р. И. Сергиенко, Т. А. Щербакова, Т. Г. Мдивани, Р. Н. Аладова и др.), исследователей исполнительства (И. Д. Назина, М. Г. Солопов, Л. Н. Иконникова и др.), музыкального образования и просвещения (В. Л. Яконюк, Е. В. Лисова, М. Е. Пороховниченко, Б. В. Ничков и др.) находим подтверждение этим суждениям. Так, в коротком обзоре источников «Музычная думка Беларусі XIX стагоддзя» О. В. Дадиомовой читаем об «інтэлектуальных традыцыях... мясцовай інтэлегенцыі» применительно к появлению многих работ исторической, теоретической, популяризаторской направленности [3, с. 43], другие труды содержат много специальной информации, но сквозь строки текста читаемы мысли о музыкальной культуре как феномене интеллектуальной культуры.

Наш исследовательский интерес сосредоточен на музыкальной медиэвистике, а конкретно – на изучении белорусского столпового распева отечественных певческих знаменных и нотоплинейных рукописей. Каким образом это явление может иметь отношение к области интеллектуальной культуры? Именно тем, что все, созданное

человеком, – сочиненное либо переписанное – есть проекция интеллекта, а значит и данной сферы. Анализ рукописных текстов многих певческих сборников, которые были нами изучены, подтверждают наличие творческих умов, потенциал мудрых душ, интеллект духовных личностей – создателей древних манускриптов. Не всегда, к сожалению, удается выявить их имена, чаще сталкиваемся с анонимными творениями, что служит дополнительным источником информации об этих людях. Скромность, рассудительность, сконцентрированность на изучаемом явлении, талант и другие качества белорусских дидаскалов, учителей пения, переписчиков рукописных текстов «приоткрывают» их с такой стороны, что понятны ценности, которыми они дорожили; мудрость, с которой они познавали истину; глубина знаний, проявлявшая себя через обилие талантов, сокрытых в одном лице: музыкант, художник, писец, составитель – редактор и т. д. «История – лучшая учительница». Как не согласиться с этим мудрым замечанием автора «Толкового типикона» Михаилом Скабаллоновичем [4, с. 678]. Она отсеивает ненужное, пустое, преходящее, оставляя потомкам крупницы знаний, мудрости, истины. Истинное знание заключено в рукописных источниках, что является самым лучшим стимулом к продолжению исследования, дальнейшему изучению. Для истории многие имена создателей – составителей не сохранились, но их труды сегодня помогают ликвидировать «лакуны», восстановить историю страны, наполняют чувством гордости за соотечественников и их вклад в интеллектуальную сокровищницу страны.

Наиболее масштабный во всех смыслах певческий сборник Ирмолой под шифром 11Рк922к из собрания рукописного отдела НББ, служит наглядным подтверждением вышесказанного. Этот превосходный образец является анонимным манускриптом конца XVII – начала XVIII вв., по маргинальным записям на листах нотопиной рукописи читаема информация о том, где хранился Ирмолой намного позже его написания: «Сия книга принадлежит к. ризнице Могилевской Архирейской домово́й ризнице 1858 года Генваря 30-го дня» (авторская запись приводится полностью по тексту). Авторы Могилевской хроники (купеческий староста Трофим Сурта и регент городской канцелярии Юрий Трубницкий), составляемой с конца XVII века, всесторонне отразили жизнь Могилева, дела и заботы горожан, тяжелейшее положение мещан. И, невзирая на реалии жизни, труд создателей рукописных певческих книг служил противостоянием трагическим событиям. Согласимся с мнением исследователя З. М. Гусейновой, что «проблема авторства в древнерусском певческом искусстве была и остается одной из самых важных...» [1, с. 143]. Это трудная тема, т. к. не всегда удается выявить имена и многие остаются безымянными героями – представителями интеллектуальной элиты.

Яркой страницей нашего Ирмолая является его художественное оформление. Изысканный декор играет не последнюю роль в организации основного текста. Орнаментальные заставки, инициалы, миниатюры, концовки, рамки, декоративная вязь заголовков и инициалов имеют большое значение во внутреннем построении сборника. Такое «убранство» не только формировало художественный и эстетический вкус церковных певчих и дьяков, учеников и учителей церковного пения, но и подтверждало высокий интеллектуальный уровень людей того времени. Рукопись оставила много вопросов, касающихся и того, сколько же было писцов?

Наличие разных почерков свидетельствует о нескольких: основной текст написан полуунциальным письмом с элементами курсивного. Это вызвано характером словесного текста, стремлением к ускорению процесса письма, характерным для XVII века. Беглость письма, его профессиональный характер указывают на мастерство переписчика, его высокую грамотность, хотя он (скорее всего) не был профессиональным переписчиком в прямом смысле этого слова. Возможно, составитель – молодой человек: ученик, певец или начинающий дьяк. Не будем исключать и другие версии о написании этого манускрипта.

Целью данной статьи является изучение национального наследия, привлечение внимания как можно более широкого круга лиц, равнодушных к судьбе отечественной культуры, заполнение пустот в историческом прошлом нашего края, пополнение содержания музыкального образования, популяризация и пропаганда достижений прошлого. Не случайно отраслевая научно – техническая программа «Захаванне і развіццё культуры Рэспублікі Беларусь на перыяд 2006–2010; 2011–2015 гг.» констатирует важнейшие положения, касающиеся музыкальной, художественной, а в широком плане – интеллектуальной культуры. Приведем выдержки из статьи доктора педагогических наук В. Л. Яконюка и кандидата искусствоведения Е. В. Лисовой «Фонд белорусской музыки XX века – фактор системного изучения и пропаганды художественной культуры Беларуси», опубликованной в 16-ом выпуске научного журнала «Весці БДАМ»: «Музыкальное искусство – неотъемлемая часть национальной культуры, стратегический ресурс страны в гуманитарной сфере, фундаментальная составляющая государственной идеологии, эффективное средство гармонизации общества, воспитания патриотизма и нравственности людей, форма проявления духовности народа» [5, с. 135], и, смеем дополнить глубокую мысль, изложенную здесь, – интеллектуальной культуры страны.

Литература и источники

1. Гусейнова, З. М. «Извещение» Александра Мезенца и теория музыки XVII века. – СПб., 2008.
2. Дадиомова, О. В. Нарысы гісторыі музычнай культуры Беларусі. – Мінск, 2001.
3. Дадиомова, О. В. Музыкальная думка Беларусі XIX стагоддзя: кароткі агляд крыніц // Весці БДАМ. – 2010. – №16.
4. Скабаллонович, М. Толковый типикон. – М., 2004.
5. Яконюк, В. Л., Лисова Е. В. Фонд белорусской музыки XX века – фактор системного изучения и пропаганды художественной культуры Беларуси // Весці БДАМ. – 2010. – №16.
6. Ирмолой нотолинейный певческий (рукопись, рукописный отдел НББ).

«КАБЗАР» Ё СУЧАСНАЙ ІНТЭЛЕКТУАЛЬНАЙ ІНТЭРПРЭТАЦЫІ (ДА 200-ГОДДЗЯ Т. ШАЎЧЭНКІ)

Ж. С. Шаладонава

Знамянальнай падзеяй у культурна-мастацкім жыцці Беларусі ў 2014 годзе з'явіўся выхад у свет кнігі Тарас Шаўчэнка. «І мёртвым, і жывым, і

ненароджаным...», у якой упершыню прадстаўлена ўся ўкраінскамоўная паэзія Тараса Шаўчэнкі ў класічных перакладах на беларускую мову. Аб'ёмнае, з густам аформленае выданне, што пабачыла свет па заказу і пры падтрымцы Міністэрства інфармацыі і дзякуючы руплівай працы ўкладальнікаў Т. Кабржыцкай і В. Рагойшы, стала годным падарункам беларускай мастацка-творчай грамадскасці да 200-гадовага юбілею Тараса Шаўчэнкі. У сённяшніх надзвычай складаных варунках сацыяльнага і палітычнага жыцця Украіны, напружаны для ўкраінскага народа час калектыву даследчыкаў-україністаў паспяхова ўдалося з сучасных светапоглядных пазіцый актуалізаваць агульначалавечую змястоўнасць, невычэрпны гуманістычны патэнцыял, палымяны патрыятычны пафас і грамадзянскую мужнасць паэзіі Кабзара. У новым выданні ўсё – змест, структура, афармленне – падпарадкаваны задуме перадаць спектр разумення і інтэрпрэтацыі творчасці Т. Шаўчэнкі ў кантэксце падзей і варункаў сённяшняга часу. Асаблівая ўвага аддадзена шаўчэнкаўскаму піэтэту стаўлення да слова, якое творца надзяліў магутнай энергетыкай нацыятварэння, велізарным патэнцыялам абуджэння народна-нацыянальнай свядомасці, духоўнага ачышчэння, крышталізацыі маральна-этычных арыенціраў чалавека:

Щоб слово пламенем взялось,
Щоб людям сердце розтопило,
И на Украине понеслось,
И на Украине свяtilось
Те слово, Божее кадило,
Кадило истины [2, с. 334]

Вартасць падобных зваротаў да мастацкай класікі менавіта ў тым, што яны вымушаюць задумацца над духоўна-філасофскімі, сацыяльнымі праблемамі сучаснасці, стымулюючы ў пошуку шляхоў іх вырашэння новыя даследчыя адкрыцці. Вядомыя кожнаму класічныя мастацкія творы ўспрымаюцца як дзейсны сродак фарміравання гуманістычных прыярытэтаў грамадства і ўплывовы фактар яго кансалідацыі, у сувязі з чым М. Гаспараў адзначае: «Чалавецтву зараз больш за ўсё патрэбна навука ўзаемаразумення, а з гісторыі мы ведаем, што адзінства густаў неаднаразова згуртоўвала грамадства не менш, чым, напрыклад, адзінства веры».

Патрэба ў падобным выданні выпявала даўно, нягледзячы на тое, што цікавасць да паэтычнай спадчыны ўкраінскага Кабзара ў Беларусі была заўсёды і беларускія паэты звяртаюцца да яе з зайдросным пастаянствам. 125-гадовы юбілей Тараса Шаўчэнкі ў 1939 г. азнаменаваны выданнем «Кабзара» на беларускай мове, які змяшчаў найбольш поўную на той час падборку перакладаў, зробленых Я. Купалам, Я. Коласам, К. Крапівой, П. Броўкам, А. Куляшовым, П. Глебкам, З. Бядулем, М. Клімковічам. Кніга была перавыдадзена ў 1952 г. Кнігай «Вершаў і паэм» Т. Шаўчэнкі ў 1989 г. распачата папулярная серыя «Скарбы сусветнай літаратуры» (укладальнік Э. Мартынава, аўтар прадмовы К. Хромчанка). Зборнік змяшчаў ўжо вядомыя пераклады і новыя перастварэнні, зробленыя Р. Барадуліным, Н. Гілевічам, В. Зуёнкам. У 1995 г. у серыі «Школьная бібліятэка» апублікаваны «Вершы, паэмы» Т. Шаўчэнкі (для старэйшага школьнага ўзросту, укладальнік і аўтар прадмовы В. Бехціна). У 2004 г. у Гомелі выйшла кніга «Кабзар. Выбранае», у якой аб'яднаны пераклады вершаў Т. Шаўчэнкі, зробленыя Т. Мельчанкай. Падрыхтаваны В. Стралко таксама да 200-гадовага юбілею Т. Шаўчэнкі зборнік перакладаў «Мастак», які

змяшчае прозу, паэзію, навуковыя артыкулы, упрыгожаны нізкай арыгінальных вершаваных перастварэнняў «З Кабзара».

У працэсе натуральнай літаратурна-мастацкай эвалюцыі з'яўляюцца новыя і новыя пераклады, але не страчваюць сваю актуальнасць класічныя варыянты. Адметны мастацкі густ Т. Кабржыцкай і прафесіяналізм тэарэтыка і даследчыка перакладазнаўства В. Рагойшы паспрыялі таму, што пад адной вокладкай сабраны самыя лепшыя, узорныя з вядомых на сённяшні час варыянтаў перакладаў літаральна ўсіх вершаў, паэм, балад Тараса Шаўчэнкі, у тым ліку тыя, што не друкаваліся раней («За што ми любимо Богдана?..», у перакладзе В. Рагойшы).

Арыгінальнай і прадуманай з'яўляецца канцэпцыя зборніка, якая ўвасоблена ў яго назве і адпавядае задуме ўкладальнікаў – падаць спадчыну Т. Шаўчэнкі як пасланне ў XXI стагоддзе. Падабраныя ў фаліянце матэрыялы арыентуюць чытачоў на пранікнёны дыялог з творчым геніем Кабзара. Каштоўнасны змест пасланьня «І мёртвым, і жывым, і ненароджаным...» у вяршынным моманце творчага азарэння ахоплівае шырокі спектр актуальных пытанняў і разважанняў аб мінулым, сучасным і будучыні. На думку аўтараў прадмовы, «у пасланні ў адзін філасофскі вузел знітаваны праблемы сацыяльна-палітычныя, маральна-этычныя і культурна-духоўныя і нацыянальныя» [1, с. 15]. У адпаведнасці з найноўшымі даследчыцкімі стратэгіямі вылучаны асноўныя ідэйна-тэматычныя кірункі паэзіі Т. Шаўчэнкі, дэталёва прааналізаваны такія праспектныя, канцэптuallyна вызначальныя яго творы, як «І мёртвым, і жывым, і ненароджаным...», «Сон», «Каўказ», «Ерэтык». Зварот да спадчыны Кабзара прадстаўлены даследчыкамі як увогуле жыццёва важная і надзённая справа, а не толькі ў сувязі з юбілейнай датай. Сёння як ніколі актуальна гучаць найгалоўнейшыя ў канцэпцыі Шаўчэнкі-мысляра «ідэі ўкраінскай нацыятворчасці, кансалідацыі ўсяго ўкраінскага народа ў рэчышчы еўрапейскай культуры, прагрэсу і дэмакратыі» [1, с. 21]. У прадмове звернута ўвага і на тое, што глыбокі роздум Кабзара над лёсам радзімы спалучаны з глабальным бачаннем ім перспектывы развіцця славянства. Так, у сённяшнім кантэксце асабліваю запатрабаванасць набывае агучаны ў паэме «Ерэтык» заклік да аб'яднання славян на шырокіх дэмакратычных падставах:

Слава тобі, Шафаріку,
Вовіки і вікі!
Що звів еси в одно море
Слав'янскіі рікі! [1, с. 32]

Такім чынам, кніга атрымлівае не толькі філалагічны, але і сацыяльна-грамадскі рэзананс. Прадмова таксама змяшчае факты жыццяпісу Т. Шаўчэнкі, дае разгорнутае і падрабязнае ўяўленне аб сувязях Кабзара з Беларуссю, асаблівасцях рэцэпцыі яго творчасці ў нашай краіне.

Лагічнымі і прадуманымі з'яўляюцца структура кнігі і прынцып падачы ў ёй мастацкага матэрыялу, згодна з якім у пачатак асобна вынесены праграмныя творы, што вызначаюць яе агульную танальнасць: эпістала «І мёртвым, і жывым, і ненароджаным...» і [Запавет], размежаваны лірыка і ліра-эпас. Відавочна, што ўкладальнікамі невыпадкова ў такім ўзбуйнена-вызначальным ракурсе прадстаўлена знакамітая эпістала, бо гэты твор з выключнай сілай канцэнтруе магістральную шаўчэнкаўскую ідэю духоўнай кансалідацыі ўкраінства, у эмацыянальным закліку-

малітве завостраную у заключных радках: «Абніміцеся ж, малю вас, Адной маткі дзеці!» [1, с. 44].

У структуру кнігі арганічна ўпісваецца дбайна сабраны ілюстрацыйны матэрыял, што дэманструе знакавыя моманты рэцэптыўнага поля сувязей Тараса Шаўчэнкі з Беларуссю. Гэта і аўтограф верша «У Вільні, городі преславнім», і выява Мінскай ратушы, міма якой праходзіў Шаўчэнка (1829), вокладкі асобных беларускіх выданняў твораў Т. Шаўчэнкі, момант рэдагавання Я. Коласам і Я. Купалам «Кабзара», выявы помнікаў Т. Шаўчэнку ў беларускіх гарадах і інш. Звяртаюць на сябе ўвагу абноўленыя каментары, вывераныя з самымі апошнімі крыніцамі – літаратурнай серыяй Поўнага збору твораў Т. Шаўчэнкі ў 12 тт. (1–6 тт., 2001–2003 гг., выдадзены Інстытутам літаратуры імя Т. Шаўчэнкі НАН Украіны ў Кіеве). Як адметная і вельмі зручная для карыстальнікаў рыса выдання вылучаецца дапаможны ўказальнік твораў Т. Шаўчэнкі, пададзены ў суадносным алфавітным парадку на ўкраінскай і беларускай мовах.

Укладальнікамі Т. Кабржыцкай і В. Рагойшам прадэманстравана паўнаватаснае самастойнае жыццё ідэй і вобразаў Тараса Шаўчэнкі ў беларускай духоўна-мастацкай прасторы, інтэлектуальна насычаны дыялог якога з нашчадкамі з ХХІ ст. пашыраецца да ўзроўню ўзаемазацікаўленага і плённага ўзаемадзеяння нацыянальна-культурных менталітэтаў і быццянага досведу беларусаў і ўкраінцаў.

Літаратура і крыніцы

1. Шаўчэнка, Т. І мёртвым, і жывым, і ненароджаным...: вершы, паэмы, балады: пер. з украінскай / Т. Шаўчэнка; прадмова, падр. тэкстаў, уклад., каментар Т. В. Кабржыцкай і В. П. Рагойшы. – Мінск, 2014. – 655 с.

2. Шевченко, Т. Кобзар / Т. Шевченко. – К., 1998. – 486 с.

ПАРАДЫГМЫ БЕЛАРУСКАЙ «ПРЫСУТНАСЦІ» Ў ПОЛЬСКІМ ЛІТАРАТУРНЫМ ПОЛІ

Н. Л. Бахановіч

Узаемадзеянне беларускага і польскага народаў у галіне інтэлектуальнай культуры бярэ пачатак у другой палове ХVІ ст. Яму дала штуршок Люблінская унія 1569 г. – утварэнне федэрацыі Рэчы Паспалітай, якая аб'яднала Карону Польскую і Вялікае Княства Літоўскае. На Берасцейскім саборы 1596 г. з мэтай умацавання новай дзяржавы была ўведзена агульная для абодвух народаў грэцка-каталіцкая канфесія – уніяцтва. У выніку парадыгма беларускай «прысутнасці» ў польскім мастацтве гэтага перыяду дэманструе дамінаванне адзінага цэлага – духоўнай культуры Рэчы Паспалітай.

Беларуская мова, якая ў Вялікім Княстве Літоўскім выконвала ролю дзяржаўнай, у галіне прыгожай славеснасці стала саступаць месца пануючай на польскіх землях лацінскай. З распаўсюджаннем сярод магнатаў і шляхты пратэстантызму звязваецца павелічэнне аўтарытэту польскай мовы, якая замацоўваецца і ў галіне мастацкай літаратуры. Адпаведна ў эпоху Адраджэння

айчынная «прысутнасць» у інтэлектуальнай культуры суседняга народа праходзіць этапы як лаціна- (Я. Гусоўскі, Ф. Градоўскі, Я. Радван і інш.), так і польскамоўнага (А. Рымша, Г. Пельгрымоўскі, Ц. Базілік і інш.) выяўлення. Многія аўтары, ураджэнцы беларускіх зямель, заявілі аб сабе як у традыцыйным рэчышчы – на класічнай лацінскай мове, так і ў параўнальна новым для іх – на зразумелай адукаванаму колу грамадства польскай (С. Будны і інш.).

У часы Барока нашыя землі па-ранейшаму ўваходзяць у склад Рэчы Паспалітай і беларуская «прысутнасць» у польскай літаратуры працягвае развівацца ў звыклых лаціна- і польскамоўным варыянтах. Айчынны дыкурс функцыянуе найперш у творах ураджэнцаў этнічных беларускіх тэрыторый і ўвасабляецца ў розных літаратурных родах і жанрах: паэзія (Я. Пратасовіч, Д. Рудніцкі і інш.), драматургія (К. Пянткоўскі, Ф. У. Радзівіл і інш.), мемуарыстыка (М. К. Радзівіл, А. С. Радзівіл і інш.), палеміка (І. Пацей, М. Сматрыцкі і інш.) і г. д.

З наступленнем эпохі Асветніцтва і спадарожным ёй абнаўленнем творчых метадаў падлягаюць трансфармацыі і спосабы бытавання айчыннай факталогіі ў польскім мастацтве слова. У так званых «высокіх» жанрах яна працягвае як лацінамоўную (М. Карыцкі і інш.), так і польскамоўную (Ю.-У. Нямцэвіч, Ф. Князьмін і інш.) традыцыі выяўлення. Затое ў «нізкіх» жанрах пашыраецца білінгвістычная (М. Цяцерскі, К. Марашэўскі і інш.) традыцыя. У выніку беларуская «прысутнасць» у польскай літаратуры другой паловы XVIII – пачатку XIX ст. звязваецца найперш з «высокімі» жанрамі, таму што ў межах «нізкага» на аснове народнага маўлення сталі ўсё часцей нараджацца, побач з білінгвістычнымі, ужо непасрэдна беларускамоўныя творы.

З наступленнем XIX ст. адкрываецца новая старонка ў гісторыі ўзаемадзеяння двух народаў і адначасова змяняецца парадыгма беларускай «прысутнасці» ў польскай літаратуры. Папярэдняе стагоддзе завяршылася гістарычным фіналам падзеленай паміж трыма дзяржавамі Рэчы Паспалітай, адначасова з чым актывізаваўся адраджэнскі рух народаў, якія ў яе ўваходзілі. Як і раней, айчынная факталогія выяўляецца ў аўтараў, так ці інакш звязаных з айчыннымі землямі, аднак крэсы пераходзяць у разрад былых польскіх тэрыторый. Паводле польскага даследчыка С. Уліаша, тое, што ў XVI і XVII стагоддзях адпавядала канкрэтнай рэчаіснасці, звязанай з геапалітычным палажэннем Рэчы Паспалітай абодвух народаў, у наступных стагоддзях пераходзіць да катэгорыі міфаў, але заўсёды ў глыбокім для нацыянальнай свядомасці значэнні [3, с. 15]. Гэтую міфічную прастору крэсаў складаюць Гродзеншчына, Віленшчына і Палессе, а Нёман выконвае ролю своеасаблівай мяжы, па адзін бок якой узнікаюць грамадска-культурныя з’явы еўрапейскага маштабу. У гэтай сувязі ілюстратыўным бачыцца знакамітае параўнанне Польшчы з абаранкам, у якім самае лепшае месціцца па краях. Не маючы радзімы ў выглядзе дзяржавы з дакладнымі палітычнымі межамі, таленавітыя выхадцы з гэтай тэрыторыі вымушаны ідэнтыфікаваць сябе адначасова з некалькімі народамі. Гэта дае ім, з аднаго боку, адчуванне ўласнай неакрэсленасці ў прасторы, з іншага – здольнасць да лёгкага засваення элементаў і свайго, і чужога.

Першай з гэтых з’яў стаў рамантызм 20–30-х гг., што ўзнік у Віленскім універсітэце ў асяроддзі філаматаў і філарэтаў, сярод якіх былі Я. Чачот, Т. Зан, Э. Адынец, Т. Лада-Заблоцкі, А. Міцкевіч і інш. Выяўленню імі беларускай

«прысутнасці» ў польскай літаратуры спрыяла сама прырода рамантычнага метаду, таму што, сярод іншага, прадугледжвала зварот да мінулага і фальклору. Найбольш блізкімі для віленскіх рамантыкаў сталі гісторыя Вялікага Княства Літоўскага і вусная народная творчасць на прасторах беларуска-літоўскіх крэсаў, ураджэнцамі якіх яны і былі. Асаблівая роля ў развіцці рамантызму ў літаратуры XIX і XX ст. належыць А. Міцкевічу, што «ў эпілогу "Пана Тадэвуша" акрэсліў выгнанчы дух, які ствараў першую "нарматыўную паэтыку" польскамоўнай літаратуры крэсаў» [3, с. 21]. Беларуская «прысутнасць» у польскай літаратуры першай паловы XIX ст. выявілася ў матыве раз'яднанасці з «малой радзімай» і духоўнай сувязі з ёй.

Другой грамадска-культурнай з'явай стаў пазітывізм 70–90-х гг., які прапагандаваў ідэю служэння – пашырэнне асветы сярод народа і працу на карысць айчыны. У літаратуры сцвярджаў сябе новы герой – чалавек нізкага сацыяльнага статусу (рамеснік, гандляр, акцёр, селянін і г. д.), часта пазіцыянаваны як захавальнік і транслятар маральнасці і духоўнасці. У рэчышчы польскага рэалізму беларуская «прысутнасць» паўстае ў творах М. Радзевіч, Ю. Вайсенгофа і інш., якія не праводзілі выразнай мяжы паміж народамі Рэчы Паспалітай. С. Пігонь падкрэсліваў асобную ролю Э. Ажэшкі, якая амаль усё жыццё правяла на Гродзеншчыне, у выяўленні і індывідуалізацыі новага тыпу героя: «Яе “Хам” выступае тут пазіцыяй гістарычнай. Пісьменніца не назвала апавяданне “Рыбак”, акрэсліла героя словам, якое стварала кантраст, афарбоўвалася горыччу прыніжэння» [2, с. 247].

Пераход ад першай да другой парадэгмы мае вялікую значнасць, таму што дэманструе этапы «духоўнай гісторыі» палякаў. На працягу XIX ст. рамантычная сакралізацыя «малой радзімы» і затым пазітывісцкае сцвярджэнне простага чалавека садзейнічае таму, што, напрыклад, польская даследчыца Е. Пачоская фармулюе наступным чынам: паняцце крэсаў, пачынаючы прыкладна з 80-х гг., пачынае ўбіраць непарушаныя этычныя і культурныя эталоны, якія вызначаюць сферу польскай самаідэнтыфікацыі [1, с. 10–11]. Па сутнасці, у польскай калектыўнай свядомасці статус важнага нацыянальнага духоўнага цэнтра замацоўваецца за беларускай аўтахтоннай тэрыторыяй.

Прынесенае XX ст. уз'яднанне краіны і атрымання незалежнасці ў 20-я гг. распачынае чарговую парадэгму беларускай «прысутнасці» ў польскай літаратуры. Аблічча гэтай парадэгмы вызначае ў тым ліку і факт палітычных уплываў іншых дзяржаў на Польшчу на працягу стагоддзя, што выклікала хвалі перасяленняў, рэпатрыяцый і інш. Калі ў польскай літаратуры XIX і нават пачатку XX ст. былыя крэсы суадносяцца з адноўленай у межах Рэчы Паспалітай Польшчай, то ў другой палове XX ст. яны ідэнтыфікуюцца з асобнай краінай, нагадваючы яе выхадцам аб панесенай духоўнай страце. У такім абліччы беларускую факталогію ў польскай літаратуры выяўляюць ужо не тыя аўтары, што жывуць на айчынных землях ці наведваюць іх, а тыя, што пасля пераезду захоўваюць аблічча мясцін дзяцінства, юнацтва ў памяці (М. Ваньковіч, С. Пясецкі, Ч. Мілаш, А. Юрэвіч і інш.). Намагаючыся дасягнуць псіхалагічнай стабільнасці ў зменлівых палітычных ўмовах, гэтыя літаратары, у адрозненне ад сваіх знакамітых папярэднікаў XVII–XVIII, а таксама XIX стст., прыходзяць да высновы аб немагчымасці вяртання апетага і ідэалізаванага ў мастацтве старадаўняга ладу жыцця продкаў.

Такім чынам, у гісторыі польскай літаратуры беларуская «прысутнасць»

аказваецца моцна злучанай з паняццем крэсаў і выступае ў трох сэнсавых парадыгмах. У першай з іх айчынная факталогія асвятляецца з пазіцыі існавання агульнай культуры грамадзян Рэчы Паспалітай (канец XVI–XVIII стст.). Згодна з другой парадыгмай, беларуская «прысутнасць» сведчыць сабой адметную духоўную прастору, дзе сканцэнтраваны станоўчыя традыцыі многіх пакаленняў (XIX – пачатак XX ст.). Трэцяя парадыгма дэманструе псіхалагічнае «блуканне» аўтараў ва ўласнай памяці, абумоўленае працэсамі міграцыі з нагоды палітычных падзей і іншых катаклізмаў (XX – пачатак XXI ст.). Няспынны рух часу паступова вядзе да трансфармацыі і гэтай парадыгмы, фарміруючы адпаведныя сучаснасці формы інтэлектуальна-культурнага ўзаемадзеяння беларускага і польскага народаў.

Літаратура і крыніцы

1. Paczoska, E. Odkrywanie prowincji – w kręgu doświadczeń literatury postyczniowej / E. Paczoska // Doświadczenie prowincji w literaturze polskiej w II połowie XIX i XX wieku / Filia Uniw. Warszaw. w Białymstoku; red.: E. Paczoska [i inne]. – Białystok: Patronat, 1993. – S. 5–16.
2. Pigoń, St. Na drogach kultury ludowej: rozprawy i studia / St. Pigoń; wyb. i opracow. T. Judełki-Burzeckiego. – Warszawa: Lud. Spółdz. wydaw., 1974. – 666 s.
3. Uliasz, S. Literatura kresów – kresy literatury: fenomen Kresów Wschodnich w literaturze polskiej dwudziestolecia międzywojennego / S. Uliasz. – Rzeszów: Wyższa Szkoła Ped., 1994. – 245 s.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ ТВОРЧЕСТВО В ЗЕРКАЛЕ КИНЕМАТОГРАФА: ЭВОЛЮЦИЯ ЖАНРА

Л. А. Цибизова

Художественное воплощение процесса научного поиска, людей, занимающихся интеллектуальной деятельностью, в советском кинематографе решалось традиционно с позиций реализма с добавлением романтического ореола вокруг сферы науки с большой буквы. Отсюда – обращение к таким жанрам как киноповесть, драма и, несколько реже, мелодрама, построенных на морально-нравственных коллизиях, историях о современниках, решающих вечные вопросы человечества о добре и зле.

Так, например, фильм «Все остается людям» (1963) Георгия Натансона, снятый по пьесе С. Алешина, представляет жанр киноповести о жизни и работе представителей советской науки, которые занимаются научным творчеством (создают суперсовременный двигатель), но остаются при этом людьми со всеми их достоинствами и недостатками, подвигами и предательствами. Именно этот «человеческий срез» прежде всего интересует автора картины.

Одними из самых интересных, не теряющих актуальность, эпизодов фильма являются беседы ученого и священника о религиозной и светской системе ценностей, о смысле жизни верующего человека и атеиста. Несмотря на то, что в духе времени смысловая победа должна достаться ученому, авторы фильма не стали упрощать проблему и оставили зрителям возможность самим определить позицию в этом

споре.

В экранизации пьесы Л. Леонова «Обыкновенный человек» (1956) мы также имеем дело с почти театральным драматическим жанром, перенесенным на киноленту. Процесс исследовательского поиска, азарта интеллектуальной деятельности убедительны в таких картинах 60-х–70-х годов прошлого века как «Девять дней одного года» (1962) Михаила Ромма и «Открытой книге» (1974) Владимира Фетина.

Позже сфера науки становится интересна не только как вариант творческой активности человека, но все больше на первый план выходят такие сопутствующие науке факторы как секретность, шпионаж, противостояние различных общественных систем. Теперь «романтика» человека науки затмевается деятельностью тех, кто стоит на службе защиты «государственных интересов». И на смену кинодраматическим произведениям приходят боевики и «шпионские истории». Одни из них решают эти вопросы вполне серьезно, другие – используют эту тематику только в качестве основы для постмодернистской иронии, как это было сделано в первых фильмах о Джеймсе Бонде. Соединение темы холодной войны с невероятными научными достижениями, и породило новые жанры.

На следующем этапе киножанры научном творчестве эволюционируют в различные формы фантастики.

Евгений Юфит, погружая своих героев в ирреальный мир секретных экспериментов, обращается к самым глубинным архаичным представлениям культуры: его интересует наскальная живопись, первобытность как тип мировоззрения. Мифы, притчи, народные сказки с их устоявшейся системой архетипов теперь вполне по-хозяйски располагаются в фильмах режиссера. Здесь и образ патриархального Деда Мороза, дедушки-вурдалака, перекусавшего всех своих родичей из «Папа, умер Дед Мороз» (1991), и реликтовые гоминиды из последующих работ. Скандал, вызов общественному мнению и художественным традициям, часто свойственный молодости, перешел в стадию размышлений, успокоившейся со временем созерцательности. Пограничное состояние сознания теперь не кричит о себе нарочитой бессмысленностью, подрапируется в покровы «научной секретности» каких-то остающихся за кадром идей, теорий. Эти проекты осуществляются в «ино» пространстве, не имеющем времени, а только «временность» (как у М. Хайдеггера), прорывающуюся в далекое прошлое человечества, современные опыты и намекающее на незавершенность научных работ и их возобновление в будущем.

В картине «Серебряные головы» (1998) отряд ученых, направляемый из какого-то центра, методично ищет и истребляет другой вид примитивных людей, детей природы, или, возможно, результат неудачного эксперимента, вышедший из-под контроля. Незаинтересованная камера только следует за этими людьми, воспроизводя их действия, шум шагов, леса, не привнося никакого авторского отношения. Тем не менее, эти, или «люди будущего», или представители седой древности все более вызывают эмпатию, в отличие от ученых, взявших на себя санитарную функцию зачистки территории. Сюжет фильма представляет художественную аллюзию на египетское общество, активно работавшее в 1920–1921 годах и основывающееся на идеологии того, что строительство нового

общества с необходимостью требует создания совершенных людей – более сильных, активных и красивых. Обратная сторона евгеники заключалась в отделении деторождения от любви, практики искусственного осеменения (о чем есть намек и в фильме), а также накоплению большого количества мутаций, получивших название генетического груза, и приводящего к ухудшению здоровья, различным психическим отклонениям и патологиям.

Секретные эксперименты по селекции идеального человека служат фоном для далекого прошлого, которое неожиданно просачивается в настоящее и влияет на психику, сознание и будущую судьбу героев фильма.

Фильм «Прямохождение» (2005) продолжает тему революционных и реформаторских проектов во главе с безумным ученым, служащем утопической идее. В картине наличествует некое полипространство, соединившее в себе псевдонауку, палеоантропологию, патопсихологию, философию и искусство, освобожденные от природной целесообразности и человеческой рациональности. Некоторые исследователи называют этот сплав «экранной сюрреальностью», что тоже имеет право на существование.

Игровая часть фильма обозначена сюжетной линией, посвященной художнику, выросшему в детском доме. Став взрослым, он пытается раскрыть тайну, связанную с отцом, который участвовал в секретных исследованиях по евгенике, а потом бесследно пропал. Герой покупает дом в пригороде, где работал когда-то его отец, разыскивает его архивные материалы, которые соединяются в его сознании с обрывочными детскими полувоспоминаниями-полуснами, и, наконец, по косвенным признакам обнаруживает, что работа над этими проектами продолжается и в настоящее время. Тема тайных экспериментов в «Прямохождении» показывает всю неприглядность евгенических поисков, предполагающих разделение общества на селекционеров и «стадо», а также дальнейшее манипулирование людьми.

Документальный срез фильма представлен музейными материалами по палеоантропологии, а также работами из документальных архивов Научно-популярных и документальных студий Москвы и Санкт-Петербурга. Наиболее адекватной формой выражения опытов, связанных с «улучшением» человека, можно назвать мифологическую. Это вечная мечта о здоровье и долголетию, творческой активности, в которых мы зависим от природы.

В новом тысячелетии этот подход в киноискусстве продолжают работы Сергея Лобана «Пыль» (2005) с рассказом о секретном эксперименте, который проводит некое подразделение ФСБ, создавая иллюзию физического совершенства любого человека «с улицы», а также Алексея Федорцова «Первые на Луне» (2005) о найденной в наши дни секретной хронике НКВД, показывающей попытки запуска человека на Луну в 30-е годы XX века.

Таким образом, мы видим, что отображение сферы научной деятельности, поисково-исследовательского процесса в киноискусстве все более переходит в жанры мифотворчества (как это делается в авторском кинематографе), либо занимает нишу развлекательных жанров, ориентированных на массового зрителя.

ЧЕЛОВЕК И ОБЩЕСТВО В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМ И ЗАДАЧ РАЗВИТИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

КРИТЕРИИ РАЗВИТИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНО-ТВОРЧЕСКОЙ ДИДАКТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ СОВРЕМЕННОГО УЧИТЕЛЯ- ХУДОЖНИКА

Е. А. Ротмирова

Относительно общекультурных трансформаций целостного мирового сообщества в XXI веке как в период культурного диалога глубокий смысл приобретает эффективная практика решения задач этнокультурной идентичности, развития национальной культуры (включая образовательную), культуры педагогического труда.

«Накопление и углубление знаний, рост образованности общества привели к появлению культурологической функции знания, связанного с представлениями о Вселенной, человеке, искусстве ... Две тенденции – прагматическая и культурологическая – определили направления в отборе содержания образования в различных культурах и цивилизациях» [4].

Культурологический подход отражает своеобразие культуры образования в целом и художественного (в частности); выражает специфическое качественное состояние, уровень развития и реализации деятельности по ее сохранению, воспроизводству и развитию в соответствии с определенной системой целей и ценностей [3], а значит – диктует актуальность развития ценностно-смысловой сферы всех субъектов культуротворческой художественной среды. В этом случае, очевидно, что художественно ориентированный дидактический процесс можно рассматривать как обеспечивающий порождение и реализацию культурно ориентированных дидактических смыслов.

В итоге, модель учителя-художника как проводника и человека культуры раскрывается через способности к «извлечению смыслов из жизненных проявлений другого человека и интерпретации жизненных проявлений» [1, с. 106]; интересу и вниманию, оправданию и поддержке эффективных действий, оценки воспринятого, объединению и интеграции наблюдений и продуктов деятельности. Современный учитель-художник как субъект интеллектуально-творческой культуры призван овладевать ее «ценностями и смыслами, создавать культурное пространство развития своей личности и вовлекать в это пространство своих учеников» [1], способствуя цельности и системности дидактической деятельности как культурного процесса.

Становится очевидным факт необходимости продуктивной культурно-ориентированной реализации современного процесса обучения художественному творчеству, реализуемого в условиях культурологической парадигмы образования, принятия новых дидактических ценностей, готовности к реконструкциям, модернизации, творческому преобразованию.

В рамках дидактической деятельности в целом выделяют две ведущие модели – символической обработки и ситуационного познания: 1) учитель передает

информационные блоки учащимся, переводит абстрактный образ в знания (конкретный образ) и презентует его ученику в символической обработке для того, чтобы ученик его воспринял, расшифровал и сохранил в памяти, а затем только сформировал свой образ для конструирования нового знания с опорой на имеющиеся знания и способности; 2) учащийся активно конструирует индивидуальную репрезентацию знания, взаимодействуя с учебным материалом [1]. Учитель-художник формирует дидактический процесс как процесс культуропорождения, обучения детей жизнотворчеству. Идеи единения специалиста и культуры; творческого потенциала художника, мастера; сотворчества педагога, художника и социума издавна обнаруживают пристальное научное внимание исследователей в области художественного образования.

Считаем, что в системе культурных видов и сфер дидактического пространства, формирующих культурную дидактическую практику, должна развиваться интеллектуально-творческая дидактическая культура учителя-художника. Она выступает как системное интегральное качество личности, включающее интеллектуально-ценностный, инновационно-технологический, личностно-творческий компоненты, призванные обеспечивать во внутреннем взаимодействии продуктивную дидактическую деятельность и интеллектуально-творческую самореализацию учителя. Тем самым свидетельствуя о наличии у него готовности к осознанному преобразованию дидактической деятельности, способности цельного видения процесса обучения, внутреннего понимания закономерностей его развития, проявления своих профессиональных качеств [5], выступая показателем дидактической успешности.

В результате, интеллектуально-творческая дидактическая культура учителя-художника как в тактическом, так и стратегическом плане может выступать как культурная практика, реализуемая в системе творческих культурно-деятельностных актов, реализуемых при помощи общеметодологического и дидактического инструментария, обеспечивающего развитие эффективного положительного опыта решения профессиональных задач.

Сказанное означает, что степень развития дидактической культуры определяется опытом успешного разрешения дидактических проблем. При этом, исследователи (М. Н. Скаткин, И. Я. Лернер, В. В. Краевский) считают [2], что педагогически адаптированный опыт изоморфен по структуре человеческой культуре, раскрываемой через содержание образования: опыт познавательной деятельности, опыт осуществления известных способов деятельности, опыт творческой деятельности, опыт осуществления эмоционально-ценностных отношений.

На основании отмеченного, мы выделили критерии развития интеллектуально-творческой дидактической культуры на уровневой основе, соответствующие преподаваемому содержанию художественно-творческой деятельности и профессиональной позиции самого учителя-художника: 1) культурно ориентированный дидактический опыт (1-й уровень: исполнения и повторения, который основывается на реализации требуемых дидактических заданий; предполагает создание дидактических продуктов по образцу-аналогу готовых); 2) опыт владения культурным способом деятельности (2-й уровень: преобразования и

творчества – характеризует процесс разработки поисковых и создания новых, авторских дидактических образцов); 3) опыт распространения культурных образцов дидактической деятельности (3-й уровень: определяет процесс предъявления, тиражирования и рекламы авторских дидактических образцов).

Таким образом, становится очевидным, что обозначенные критерии отражают дидактическую культуру учителя-художника, развиваемую в условиях системной практики проявления интеллекта в реализации культуротворчества, определяют меру привлечения творческого ресурса и развития иного взгляда на образовательную проблему и реализуемые смыслы.

Развитие интеллектуально-творческой дидактической культуры учителя-художника как социокультурный, актуальный в мировоззренческом и дидактическом плане процесс отражает один из возможных перспективных путей расширения дидактического пространства не только в его эстетическом, но и эргономическом, здоровьесберегающем аспекте отношения к существующей реальности.

Литература и источники

1. Живая педагогика: Открытость. Культура. Наука. Образование: материалы круглого стола «Отечественная педагогика сегодня – диалог концепций». – М., 2004.
2. Краевский, В. В. Общие основы педагогики: учеб. для студ. высш. учеб. заведений / В. В. Краевский. – М., 2003.
3. Радугина, О. А. Образовательная культура общества как целостный социальный феномен / О. А. Радугина // Философия и общество. – 2011. – № 1.
4. Слостенин, В. А. Педагогика: учебн. пособ. для студентов педагогич. учебн. заведений / В. А. Слостенин, И. Ф. Исаев, А. И. Мищенко, Е. Н. Шиянов. – М., 1997.
5. Фатьянова, Н. М. Формирование дидактической культуры учителя многопрофильной гимназии: автореф. дисс... к. п. н.: 13.00.08 / Белгород. гос. ун-т. – Белгород, 1999.

УСТНОЕ НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО КАК ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ И ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ БЕЛАРУСИ

Е. Э. Кривоносова

Разработка социокультурных основ системы образования и воспитания обусловила приоритет исследований, посвященных изучению роли истории, культуры, педагогического наследия народа в формировании духовного облика подрастающего поколения, в формировании национального самосознания народа. Научная оценка и интерпретация эмпирического опыта народа в области воспитания, несомненно, будет способствовать рациональному использованию на практике наиболее ценных, созвучных современным целям воспитания зерен народной мудрости.

Белорусское устное народное творчество, в котором сохранились национальный колорит, духовная мощь и красота народа, является прекрасным средством воспитания лучших человеческих качеств. Воспитательное воздействие фольклора определяется его содержанием, которое мы воспринимаем умом, и его эмоциональной художественной формой, которой открываем свое сердце. В устном народном творчестве белорусы хорошо справились с нелегкой задачей подать мораль так, чтобы она влияла на ребенка,

а не звучала назойливо. Устное народное творчество включает не только отражение окружающей действительности, эмоциональное отношение к ней, нравственно-эстетическую оценку явлений жизни, но и взгляд в будущее, выявление народного стремления к идеальному, которое должно реализоваться.

Изучая фольклорные произведения с педагогической точки зрения, трудно отдать предпочтение какому-нибудь одному их виду: слои народных нравственных взглядов органично вошли во все жанры фольклора; все они ценны и содержат много самобытных этических, философских мыслей. Не ошибемся, если скажем, что воспитательные способности нашего народа блестяще проявились в таком популярном, массовом и жизнеспособном жанре устного народного творчества, как *пословицы и поговорки*. С жизненным практицизмом народные афоризмы передают нам хозяйственный опыт предков, знания о природе, содержащие оценку социальных и бытовых явлений. «У прыказцы – праўда святая», «Прымаўкі ды прыказкі – мудрай мовы прывязкі» – так по-хорошему, бережно относятся белорусы к своему наследию. Именно в произведениях этого фольклорного жанра можно найти те редкие, отрывочные, но точные сведения о педагогической деятельности предков, про общие размышления белорусов, которые касаются условий воспитания, возраста, приемлемого для начала воспитательных воздействий, учета половых, индивидуальных и возрастных особенностей формирования детской личности. В этих сжатых, но завершенных по смыслу языковых единицах сохранены педагогические наблюдения, мнения народа, не соединенные, правда, в стройную, четко оформленную систему. При помощи метких изречений старшее поколение учило молодежь ориентироваться в этом противоречивом мире, вооружало практическими рекомендациями, знакомило с народной этикой, правилами поведения, формировало хорошие черты характера. «Дзетачка, спі, а дзельца помні», «Каб добра з людзьмі жыць, не трэба каменя за пазухаю насіць», «Шануй бацьку з маткаю: другіх не знойдзеш», «Умей праўду казаць, а любі праўду паслухаць», «Не той перамагае, хто ў бядзе са сваёй зямелькі ўцякае» – на синтезе подобных мудрых высказываний воспитывалось не одно поколение белорусов. Все: необыкновенно выразительные характеристики жизненных явлений и человеческих взаимоотношений, приспособленная для легкого запоминания красота поэтической художественной формы, – воздействовало через эмоциональную сферу на моральное сознание воспитанников. Народные постулаты моральной жизни, лишённые второстепенного, полные искренности, глубины мысли, положительной энергии, содействовали открытию в человеке красивых и благородных моральных качеств.

Пословицы можно считать народной программой воспитания, а *сказки* – яркими иллюстрациями реализации этой программы. Свод моральных поучений и жизненная правда, которые мы находим в поэзии пословиц, получает свое подтверждение и расшифровку в поступках героев сказок. Белорусская сказка открывает ребенку мир во всей его сложности, привлекательности, разнообразии проявлений. Поэтому сказочный эпос выступает как комплексный вид устного народного творчества, откуда можно добыть сведения о природе («Сонца і вецер», «Бык, парсюк, казёл, гусак і певень»), характере и условиях трудовой деятельности («Лёгкі хлеб», «Пшанічны каласок»), социальном положении, политических взглядах народа («Пану навука», «Асілак»), мечтах людей былых времен («Жораваў кашалек», «Шчасце і гора»), основных направлениях поисков идеального нашими предшественниками («Цудоўная дудка»).

Во многих белорусских сказках можно найти образцы других жанров устного народного творчества (средств воспитания): пословиц и поговорок, песенок, загадок; что указывает на синкретический характер этой фольклорной области. Эстетическое: четкая структура произведений, традиционные начало и окончание, принцип контраста, повторов, здоровая фантазия, сочетание вымысла с картинками реальности, образный язык и оптимистично-веселая форма повествования – помогает этическому найти опору в сознании доверчивого маленького человека. Увлекательная сказочная фабула исключает нейтральную позицию слушателя и через эстетическое удовольствие заставляет мыслить, выводить мораль, которая скрывается за поступками персонажей и звучит ненавязчиво и убедительно в скрытом психологическом содержании. Ребенок учится понимать человеческие радости и страдания, силу духа, доброту сердца, смелость мысли. Сказочный мир открывает человеку потенциальные запасы доброты, нравственной чистоты и внутренней красоты человека. Корни хорошего, светлого, вечного в облике главных героев сказок прорастали в каждом новом поколении лучшими чертами национального характера: трудолюбием, чуткостью, стремлением к компромиссам, терпимостью, рассудительностью, патриотизмом.

Действенным средством нравственного воспитания в белорусской народной педагогике была и остается *народная песня*. «Песня есть воплощение народного духа. Это зеркало народной жизни, в котором отражаются понятия и чувства народа при разных обстоятельствах его жизни; здесь он виден бывает во всех положениях. Из песен мы узнаем народную радость и горе во всей их глубине, желания и страсти в неприкрытом виде. Недостатки и добродетели во всей полноте» [1, с. 3]. Народные песни окружали ребенка с младенчества и входили в его жизнь, по наблюдениям исследователей, несколько однообразной, тоскливой, но милой мелодией; трогали душу, вызывая различные чувства. В белорусской крестьянской избе пели много. Шли жать – пели, пряли, вышивали, ткали – пели. У белорусов богатый не только календарно-обрядовый песенный цикл, посвященный основным трудовым заботам и праздникам, но и цикл исторических песен и баллад («Падыймалісь чорны хмары», «Ой, літаў-пылітаў ды сівы гарол», «Малойчык на вайне»). Осмысление детьми насыщенного драматическими событиями исторического пути отечества убеждало в том, что настоящий патриотизм проявляется в экстремальных ситуациях, в служении родине; закрепляло гордость за героическое прошлое родины, сочувствие к многострадальной судьбе соотечественников, уважение к своему народу, который выстоял в кровавых конфликтах, что разгорались на Беларуси не по вине белорусского народа. Вместе пели, вместе мечтали, думали, чувствовали. Преемственностью прочных песенных традиций и поддерживается национальная основа характера личности, пробуждаются высокие чувства, хранятся мудрость, задушевность, искренность мыслей и стремлений наших предков.

Развитию личности способствовал и такой жанр устного народного творчества, как *загадки*, который также, будучи средством народной педагогики, активно использовался воспитателями. Загадки передавали молодежи опыт старшего поколения, учили наблюдательности, развивали сообразительность, изобретательность. По нашему мнению, такие важные функции они выполняли через зашифрованность содержания, иносказательность, иногда через таинственность смысла непонятных слов, шуточность, рифмование задания. Загадки привлекали детей своим условным языком, кажущейся

нелепостью, которые заставляют работать фантазию и ум. На основе сопоставления этнографических и фольклористических исследований можно сделать вывод, что долгими зимними вечерами мальчики и девочки развлекались отгадыванием загадок, тематика которых была связана с окружающей природой, жизнью белоруса: «Ляцяць гускі, дубовыя наскі і гавораць : «То-то я, то-то я!»» (молотьба), «Цераз каня і быка свіння лён цягне» (сапожник шьет сапоги).

Таким образом, при помощи фольклорных жанров народ не только выражал свое понимание моральных качеств, но и формировал их в младшем поколении. Мы уверены, что рекультивация культурных источников, активное их использование в педагогическом процессе не представляет собой реанимацию утраченных ценностей, истин. Это средство воспитания лучших свойств национального характера белорусов, средство развития нравственной, национально сознательной личности.

Литература и источники

1. Булгаковский, Д. Г. Пинчуки: Этнографический сборник: Песни, загадки, пословицы, обряды, приметы, предрассудки, поверья, суеверия и местный словарь / Д. Г. Булгаковский; Записки императорского русского географического общества по отделению этнографии. – СПб.: Тип. В. Безобразова, 1890. – vi, 200 с.

Научное издание

**ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА БЕЛАРУСИ:
истоки, традиции, методология исследования
Материалы Первой международной научной конференции
г. Минск, 13–14 ноября 2014 года**

Редактор *В.Г. Гавриленко*

Подписано в печать 10.11.2014 Формат 60x84_{1/16} Бумага офсетная
Гарнитура Roman Печать цифровая Усл.печ.л. 34,5 Уч.изд.л. 40,5

Тираж 100 экз. Заказ № 2049

ИООО «Право и экономика» 220072 Минск Сурганова 1, корп. 2

Тел. 284 18 66, 8 029 684 18 66

E-mail: pravo-v@tut.by; pravo642@gmail.com Отпечатано на издательской системе

KONICA MINOLTA в ИООО «Право и экономика»

Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий, выданное

Министерством информации Республики Беларусь 17 февраля 2014 г.

в качестве издателя печатных изданий за № 1/185